Журнал отечественной словесности

«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории,
имеющей хороший вкус
и осведомленной о высоком предназначении печатного слова,
призванного быть словом правды, добра и любви

Редакция выражает признательность за меценатскую поддержку №№1-2 ВЛ
начальнику Грязовецкого ЛПУ,
депутату Законодательного собрания Вологодской области
Симакову Константину Павловичу

Электронная версия ВЛ: www.vollit.narod.ru. E-mail: vl_classik@mail.ru.
Гл. редактор Алексей Николаев
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». Вологда, Челюскинцев, 3
Тираж 999 экз. Заказ №689

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проза

Нина Ефремова 3 стр.
ДЕТИ ГРОЗЫ. Военная повесть

Николай Толстиков 51 стр.
ЛАЗАРЕВА СУББОТА. Повесть

Антон Янковский 86 стр.
АВСТРАЛИЙСКИЙ СВЯЗНОЙ. Автобиографический роман

Нина Веселова
ПОВЕНЧАНЫ НАВЕКИ. Белозерская трилогия. Письма из деревни 115 стр.

Любовь Филатова. ЧАША САНДУЛИИ. Рассказ 146 стр.

Людмила Прокопенко. БАБКА АГАФЬЯ; АРГОШКА. Рассказы 148 стр.

Наталья Усанова. КАМЕННЫЙ БОГ. Рассказ 151 стр.

Сатира

Александр Шестаков. ОЛУХ 156 стр.

Стихотворения

Татьяна Алешина. Перекресток, которого нет. 164 стр.
Людмила Прокопенко. Предсказание. **Ирина Карелина.** Когда я буду с тобой.
Любовь Филатова. Вот и кончился май. **Борис Гуляев.** Попутчики.
Борис Грабовский. Небо и земля. **Алексей Николаев.** Песнь песней

Сценаристика

Владимир Самохин 183 стр.
СОЛНЦЕСТОЯНИЕ. Киноповесть

Журналистика

Александр Черняткин 195 стр.
КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ. Очерки о вологжанах, погибших в горячих точках

История музыки

Александр Алексичев 295 стр.
НА РОДУ НАПИСАНО
Валерий Гаврилин в череде великих русских композиторов
Роман-эссе в 2-х частях. Часть I

Историческая мистификация

Павел Шабанов 360 стр.
ПОЛЕТ ОВОДА, или Вологодский след Романовых
Историческое расследование

Откуда авторы: Нина Ефремова - Вологда, Николай Толстиков - Вологда, Антон Янковский - Вологда, Нина Веселова - Костромская область, Любовь Филатова - Липин Бор, Людмила Прокопенко - Вологда, Наталья Усанова - Вологда, Александр Шестаков - Череповец, Татьяна Алешина - Вологда, Ирина Карелина - Череповец, Борис Гуляев- Вологда, Борис Грабовский - Вологда, Владимир Самохин - Вологда, Александр Черняткин - Вологда, Александр Алексичев - Вологда, Павел Шабанов - Вологда, Алексей Николаев - Вологда

Нина ЕФРЕМОВА

ДЕТИ ГРОЗЫ

Военная повесть
(журнальный вариант)

Глава 1. АКВАРЕЛИ ИЧКЕРИИ

Душа войны

Когда сгущаются сумерки и напоенный дыханием горного ветра туман, клубясь, поднимается из ущелий, на охоту выходят воины-тени. Они многолики - каждый владеет тысячей масок. Они неуловимы, потому что умеют, как птицы, кружиться над пропастью, ходить по отвесным скалам и по воде и превращаться в разных животных. Они непобедимы, потому что каждый из них, даже безоружный, может убить взглядом или одним криком своим. Они неуязвимы для кинжала и пули, они проходят сквозь стены, исчезают в клубах дыма и тают в воздухе на глазах у толпы. Они жестоки и неумолимы, не зная ни чести, ни роду, ни жалости, каждому встречному на своем пути несут лишь одно они - смерть. Кто они, воины-тени? В горах объясняют по-разному. Одни называют их посланцами имама Шамиля, чей дух возмутился творящимся на Кавказе бесчестьем. А другие уверены, что это продолжают свою войну неприкаянные, неотомщенные души погибших.

Я сижу на краю окопа, притиснув к плечу АКС, еще не остывший от боя. Кажется, это и все, что осталось живого во мне. Спасаясь от дикого озноба и пустоты, я все плотней и плотней жму к телу этот ставший как бы его частью кусок железа, втягивая через гимнастерку и тельник дрожащие капли тепла. А может, это сам он, родной АКС, вытягивает из моей разгоряченной кожи через тельник и гимнастерку волны страха и жара, породившие этот озноб. Кто-то молча, с трудом разжимая пальцы, отстискивает от приклада мою правую руку и, оглянувшись по сторонам, безуспешно пытается всунуть в нее жестянку со спиртом. Кто-то, суетясь, подносит зажженный, ходящий по кругу «косяк». Нет, не нужно сегодня, братки, ничего. Все пустое. Не помогут ничем даже эти убойные, самые крайние методы взводной психотерапии. Все напрасно. Лишь холод внутри. Пустота. Дурнота. Сырой ветер, пыхтя и отдуваясь от тяжести, сбрасывает над окопами передовой приволокшееся откуда-то издалека, с окраины Гудермеса, размытое темное облако. Передохнув, он осторожно тянет к земле неровный, пропитанный влагою край. Кого он хочет укрыть этим облаком от противника? Настороженный и обреченный на штурм город? Или же нас, федералов, несущих ему на своих бэтээрах и танках долгожданный конституционный порядок? А может, он, приняв на себя прежний обычай горянок, бросает этот платок-облако между враждующими для восстановления мира? Лгут легенды: не видел я этих горянок с платками. И какое дело ветру до нас, федералов, и дудаевских боевиков и затаившегося в ожидании близкой опасности города? Нет, все проще. Значительно проще: именно в это время и в этом месте должен быть дождь. Как всегда шел доныне, веками - до нашего боя.

Бой. А что есть бой? Противоборство сторон? Противоборство человека с человеком? Противоборство оружия и человека? Бой бывает разным, образцовым и бездарным по организации, успешным и провальным по результатам. Есть бой-наступление и бой-оборона. Бой может быть очень значимым по важности захваченной территории, трофеев или количеству понесенных противником потерь, и тогда бой называют победой. А может он быть и пустой перестрелкой, сводящейся к бессмысленному уничтожению боеприпасов, - нулевой вариант. И есть бой, несущий в себе нереализованную волю командования. Это бой-поражение. Есть скоротечные, шквально-шальные бои, а есть затяжные, не воспринимаемые в обычных границах пространства и времени. И любой бой заключает в себе и поражение, и победу. Победу - потому что уже

самим фактом вступления в бой человек преодолевает самое мощное из укреплений: инстинкт самосохранения, кричащий в каждой молекуле тела. И поражение - потому, что любой поединок насмерть является демонстрацией бессилия разума перед мощью оружия и обстоятельств. Совокупность боев, развернутых на одном участке территории в определенных рамках времени и объединенных одною общей задачей, называют сражением. Много-много боев и сражений - война.

Когда мы летели из Пскова во Владикавказ, чтобы двинуться дальше на танках под стены Грозного, убежденные в разрешении возникшей проблемы Ичкерии двумя полками за три часа, мы называли предстоящую боевую операцию по-детски - войнушкой. Наши надежды сгорели в ту новогоднюю ночь на улицах этого города вместе с полегшими ротами. Мы поняли: будет война настоящая - затяжная, жестокая, долгая. И мы ее приняли. Мы не «мальчики», которых «мерзавцы» отцы-командиры по воле министра Грачева ведут на кровавую бойню, как пишут одни газеты. И не былинные молодцы, этакие герои-освободители, как пишут другие. Мы простые солдаты крылатой пехоты, уцелевшие после шквального артобстрела и поднявшиеся, как и положено, в ростовую атаку. Теряя друзей и уничтожая врагов, мы учимся вести свои первые бои. Крылатые, но не ангелы и не ястребы, мы постигаем себя, постигая войну.

Война - это много боев и сражений, это раскиданные по горящей земле, изувеченные тела пацанов, разбитая бронетехника, крики боли в предсмертной агонии. Но все - там, далеко и вокруг - вне тебя. Изнутри реальная, подлинная война пронзает иначе. Она приходит, как бешеный зверь, и ложится на тело убитого друга. Ломая ногти, ты рвешь индпакет и, надеясь на чудо, перетягиваешь бинтами остывшие раны, но ладони сжимают лишь мертвые ткани - овеществленную душу войны. И она берет тебя, беззащитного и открытого, - и ломает, и крутит, выжимая по капельке алчными пальцами жизнь.

Походная молитва

Наш сегодняшний бой был коротким и яростным. Начатый с ближней дистанции автоматным огнем, он перешел в непосредственный физический контакт двух сторон - рукопашный. Закончив его, мы принесли к позициям роты на грубых носилках из наскоро сломанных веток ольхи погибшего Кострового.

В ходе подготовки к штурму Гудермеса ротный поставил разведгруппе задачу обследовать высоту 094. Ее нужно было проверить на безопасность и составить план местности для рекогносцировки батальонных позиций. Эта высота на северной окраине Гудермеса, в лесном и холмистом предгорье, была не пристрелянной - «грязной». Ни визуального, ни огневого присутствия противника она не обнаруживала. Да и не могло его, в принципе, там быть - в каких-то шестистах метрах от передовой, на идеально просматривающихся подходах с шоссе и при постоянном облете авиацией места сосредоточения бригады. Южный пологий склон высоты, покрытый «зеленкой», спускался к шоссе Гудермес - Грозный. С противоположной стороны она обрывалась глубоким оврагом-ущельем. С запада и востока на шоссе стояли посты: КПП бригады и дальше, у хаотично разбросанного пригорода Гудермеса, блок-пост ОМОНа. Вот и все, что мы знали о ней перед выходом.

Инструктаж ротного на непредвиденный случай был прост: при появлении противника своего присутствия не обнаруживать. В бой не вступать. Зафиксировать численность боевиков, их оружие - и отойти на позиции батальона. Сведения о противнике и его дислокации передать для корректировки огня на минометную батарею. Все было ясно и просто, но наш взводный, лейтенант Мельников, зачем-то лично отслеживал выдачу группе оружия. Осмотрев автоматы с подствольниками, он придвинул ящик с гранатами.

- Может, все пригодится, - заметил он, с сожалением оглядывая зачехленный, разобранный пулемет «Печенег». Ворча, суетясь и метаясь от ящика к ящику, он впихивал нам то одно, то другое. Больше Мельников нервничал из-за того, что ему самому приходилось остаться. Без него - пропадем мы, как малые детки в лесу.

- Не-е, не пойду без прикрытия, ни фига, - начал ерничать Пашка Зиновченко. - Пару «сушек» сюда, артиллерию, танковый полк! И пешком не пойду: тяжело. Где моя БМД?

Не реагируя на происки Пашки, взводный одобрительно кивнул Костровому, откатившему в сторону пачку «шмелей», огнеметов:

- Не помешают, повесьте.

Наконец, проверив ножи и вздохнув еще глубже, он сунул мне в руки аптечный набор:

- Идешь на день - бери на неделю запасы. Народная мудрость. Ну, с богом.

Руководить группой из девяти человек назначен был Костровой - замкомвзвода, сержант. Мой армейский дружок Алексей. Перемахнув через бруствер и пристроившись к быстрым шагам Кострового, я услышал, что он потихонечку напевает. Но песня, протяжная и мелодичная, была незнакома мне, как и лицо Кострового сейчас - какое-то отрешенное, светлое. С начала призыва он коллекционировал песни. И где только брал? Во Пскове мы до бесконечности орали нашу любимую нежную «Синеву», но война поменяла мотивы и ритмы. Под аккорды раздолбанной, мародерски утащенной в Черноречье гитары мы сейчас выдаем и не песни, а что-то другое - автоматную мерную дробь. Да вот это, к примеру:

Десантник-разведчик, убирайся прочь!
Ты ходил в окоп чечена в памятную ночь.
Все равно получишь пулю в свой железный лоб.
Все равно тебя дождется твой солдатский гроб.

Слушая эту песню-диалог, можно подумать, что ее слагали во время боя два человека-врага, столько в ней дикой ярости. Не песня, а перестрелка. На войне можно все: есть без хлеба и спать без постели, но нельзя одно: наши песни десантные петь без гитары. Многие из ребят взвода любят в свободное время «побацать», однако музыкальный трофей почему-то выбрал в хозяева именно Алексея. Но сейчас-то уж явно звучит не обычная песня. Тихая, неритмичная мелодия, начинаясь, как шелест травы, и постепенно усиливаясь, мощно, крепко взмывает на окончании фразы. Снова - шелест и взлет. Что за песня? Я протянул руку к плечу Кострового.

- Не мешай, отвали, - толкнув меня в сторону, прошипел непривычно затихший Валерыч. - Не мешай человеку, он молится.

Прервав на мгновение свою странную песню, Костровой обернулся ко мне:

- Это молитва Донской Богоматери, Виктор. О даровании победы над врагами.

- Что? Молитва? Но разве молитвы, как песни, поют?

- Да, Молитва - такая же песня. Послушай.

В теплоте нарождающегося рассвета под аккомпанемент гомона и грохота близкой передовой вновь прошелестела под легким ветром трава:

- Огради нас от нашествий вражиих, от глада, губительства, огня, меча и всякого иного злострадания...

Огради, Богоматерь Донская! Огради от губительства, от меча и огня. Огради, если можешь, наш взвод, нашу роту и полк, огради от несчастий Россию. Сегодня - 31 марта 1995 года. Уже четыре месяца от начала войнушки-войны. Может быть, мы управимся к дембелю? Может, завтра возьмем Гудермес?

Хризантемы

У шоссе, обрывающего коридор в сети минных полей, Костровой тормознул запыхавшийся взвод. Позади осталась привычная передовая с окопами в раскисшей земле, капониры с замаскированной техникой, передвижные зенитно-ракетные комплексы, наливники, кунги и серые пятна палаток. И все это дышащее, гомонящее, брящающее, стучащее и ревущее просыпается, суетливо ворочаясь в паутине ухабов и минных полей, торопясь оплести ею, смять и высосать затаившийся город. Город-жертву? Как знать. Что скорпион перед атакой, коварно вводящий врага в заблуждение состоянием мнимой смерти, он в любую секунду готов нанести нам смертельный удар. Как и Грозный.

Впрочем, так ли я вижу? Мой гражданский приятель, художник Савелий, всегда упрекал меня в недостаточности ассоциативного наблюдения. «Запрокинь голову. Что ты видишь?» - «Облако», - сердито бурчал я, пытаясь стащить Савелия с оживленного перекрестка на тротуар. «Вглядись лучше». - «Ладно. Облако-клякса?» - «Нет. Осенняя хри-зан-те-ма. Красавица! Ее нельзя не заметить, Витек. Нужно лишь вот сюда, в

сердцевинку, чуть-чуть бросить зелени, малую каплю».

Глупый Савушка! Хризантема совсем не цветок для меня. «Хризантема» - это мощнейшая противотанковая ракетная установка, способная обеспечить прямое попадание в танк и в мою бээмдэшку на дальности шесть километров. Со школы я дружил с ним, длинноруким и малохольным Савелием. И всегда защищал от насмешек. Если честно - порою напрасно. Помешанный на Толкиене, он уверял всех и каждого, что хоббиты совсем не такие, и их норы иначе устроены. Однажды он затащил меня на вернисаж пейзажистов. Растерявшись среди массы оттенков и композиций, я незатейливо попросил подсказать мне, какие картины хорошие. «Ты сам это можешь узнать и легко, - пожал плечами Савелий. - Ты же умеешь хороших людей отличать от плохих. И с картинами так же. Протяни ладонь - и почувствуешь, тепло или холодно». Я протянул правую руку, но в сторону Савушки...

«Знаешь, Виктор, - сказал он мне на выходе, - это хорошо, что тебе понравилась акварель. Понимаешь, один и тот же пейзаж можно написать и акварелью, и маслом. Будет все вроде бы то же самое - и разное. Я тоже люблю акварель, эту нежную, легкую игру красок и света. Но ею можно и в полную силу цвета писать, как и маслом. Нельзя лишь исправить то, что испортил. Акварель не выносит затертости, она должна быть прозрачной, а бумага - белейшей и чистой».

Я и не заметил, что в массе картин предпочтение явно отдал акварели. Акварель? Да, мне нравится акварель, черт возьми. Вот сюда бы тебя, Савелий, на чеченский пленэр и батальный сюжет к Гудермесу, полюбоваться на акварели Ичкерии. От хоббитов - в общество гоблинов-десантуры. А ничего бы и не произошло неожиданного. Как и Костровой, он смотрел бы сейчас через взрытое и заляпанное ошметками грязи шоссе на рождение нового дня над «зеленкой». Он восторженно любовался бы безмятежно плеснувшей синевой в легком кружеве облаков и разводьях тумана, ожидая тот миг, когда листья вдруг станут зелеными. А дальше? Лист белой зернистой бумаги, коробочка с красками и послушная легкая кисть - вот и все, что нужно художнику для рождения шедевра. Савелию было бы глубоко наплевать на сраженье и близкие взрывы снарядов, жужжание пуль. Лишь потом, ближе к вечеру, он тихонечко и виновато спросил бы: «А в горах вы не будете брать ничего?»

Странно, чем они так похожи: тихий лирик Савелий и армейский друган мой сержант Костровой?

Герои вчерашнего дня

Резкий бросок за шоссе - и переход из одного мира в другой. Там, в оставшемся за шоссе, краевые позиции роты смыкаются с мотострелками и танковым батальоном. А рядом морпехи, спецназ, полк ВВ. Все надежно. Здесь, за гранью зеленки из ивняка и терновника, ждет неизвестность. А зеленка сейчас - наш союзник и враг. Союзник - как лучшее природное средство для маскировки передвижения группы. И враг - как такой же подарок для чехов.

Мягкий, быстрый, сминающий шаг по траве. Цель - подножье высотки. Все тихо, лишь слышится шепот начавшегося ольховника, да где-то вдали, бросаясь пригоршнями с камня на камень, в низину бежит ручеек. Все здесь так, как во Пскове, в Кисловском лесу, у НЗ-арсеналов. Все так?

Шаг. Еще шаг. Остановка. Я сейчас замыкающий, так назначено Костровым. В скользящей цепочке я вижу перед собой лишь потную спину Валерыча и подаваемые рукой Кострового сигнальные жесты. Моя задача - обеспечивать безопасность движения с тыла. Шаг. Еще шаг. Разворот влево. Назад. Остановка. Движение. Вперед. Вправо. Назад. Все спокойно вокруг, даже запахи, но совсем этот лес не похож на Кисловский. Там сейчас в самой чаще лежит затаенный, нетронутый снег. Можно брать его горстью и долго сосать, до ломоты в зубах, как фруктовый ледок. Можно рвать медуниц на опушке, писать акварели. Или, сделав глубокий надрез на коре штыкножом, пить холодный и пряный березовый сок.

А на улицах города - лужи и солнце. Когда мы улетали из части, повсюду лежал уже снег: на газонах, на крышах казарм, ветках яблонь в Аллее героев. Он все сыпал и сыпал, и метался по сумрачным улицам Пскова, как брошенный пес, и кидался от взлетки под брюхо взмывающих «ИЛов». Может, знал он, что будет с дивизией скоро,

в январскую первую ночь, ранний снег октября 94-го? Он так же падал и в день нашей «стодневки». Мы отмечали ее на танках под стенами Грозного. Нашему призыву не продлевался срок службы до двух лет, и оставалось сто дней, всего лишь каких-то сто дней до приказа о дембеле. Наверное, во Пскове мы бы уже готовили дембельскую парадочку с аксельбантом из строп и по сложившейся дивизионной традиции в столовой передавали свои дополнительные пайки первогодкам «слонятам». Но, похоже, не скоро нас вышибут табуретами из казармы. А ушел бы сейчас, дембельнулся из гудермесского леса без всякой парадки и прибамбасов? Может быть, и ушел. Не один я так думаю иногда, после боя особенно. Но проходит горячка, оживают, отогреваются руки, - и я уже никуда не хочу уходить. Ни-ку-да.

Ад не здесь, не в Чечне, где по-черному бьют все стволы, где одинаково факельно горят под струей огнеметов дома, бээмдэшки и люди. Ад поджидает там, где нас еще нет: на гражданке. Умирать в рукопашном бою или от снайперской пули не хочется вовсе, но здесь все понятно: вот ты, а за этой высоткой, в недальних домах Гудермеса, твой враг. Здесь шанс умереть - равный, вопрос лишь, кому повезет. А кому мы нужны там, на дембеле? Встать в толпу безработных? Спиваться? Жить по волчьим понятиям зоны? Озлобиться на весь мир, особенно на его хозяев, на тех, кто делает бизнес на нашей крови, кто оставил Дудаеву горы оружия? Как и все, я готов хоть сейчас их стрелять: от бедра, от плеча, на плацу перед строем. Это было бы справедливо.

Кто мы для всех, десантура «с Чечни»? Мы сейчас вне страны, для нее мы дебилы и неудачники, контуженные придурки, которых лучше не брать на работу. Олигофрены в своих шутовских голубых беретах, способные лишь убивать да раскалывать кирпичи на потеху. Толпу восхищает не тот, кто исполняет под Гудермесом, Аргуном и Грозным свой воинский долг, а иной - пронырливый, ловкий, сумевший открутиться и откупиться от призыва. Национальные герои не мы, десантура. В современных учебниках нет места для упоминания о боевом пути гвардейской Торуньской дивизии ВДВ, а на глянцевых обложках красуются другие кумиры, не с именами - с блатными собачьими кличками.

Мы - герои вчерашнего дня, безнадежно отставшие от страны, как от скорого поезда на затерянной станции. Стране давно нет дела до танков, сгоревших на улицах Грозного, до застреленных под Шали пацанов. И никто не заплачет сейчас над могилою безотцовщины Кольки Задонного, лучшего снайпера роты, разорванного гранатами в Рошни-Чу. Страна стыдливо отворачивается от культей Николаева Тохи, сапера от бога, кидая ему медяки в переходах метро. Но я верю: страна будет жить по законам добра - как наш псковский десант.

Живые легенды

Я шел в армию, в псковский десант, чтобы «стать человеком». Наслушавшись россказней об ужасах дедовщины, сразу решил: нет, носки стирать дедам не буду - дам отпор, отсижу на «губе». Страхи оказались напрасными. Наши деды пришли в карантин к новобранцам с печеньем и дружбой: «Здорово, братки!» Они уважительно отнеслись к сделанным раньше прыжкам с парашютом, но больше оценили мое увлечение стрельбой. «Кто не прыгал? Таких здесь и нет. Всех до армии предки заставили сдать этот минимум для дураков, - авторитетно заявили деды. - А вот так бы стрелять, как наш ротный Христенко!»

Я многое узнал в эти дни. О том, что самая лучшая снайперская винтовка - ССГ-69, из нее с вероятностью до 80 процентов можно поразить грудную фигуру с шестисот метров, а ростовую мишень - с восьмисот. О том, что если мне повезет, я не только смогу увидеть драгуновскую СВД, финскую «Валмет» или двухприцелъный «Винторез», но и подержать в руках винтовочку категории «С», работающую с расстояния до километра и оснащенную наворочеными дневными и ночными оптическими прицелами. Классно! Но есть круче оружие, самое лучшее в мире. Это, конечно, «Калашников», и стрельба из него - всем наукам наука. Через три дня я мог объяснить, чем автомат «Абакан» лучше, скажем, чеченского «Борза», а через неделю уже был осведомлен обо всех особенностях ландшафта главной достопримечательности Пскова - дивизионного полигона.

А затем карантин посетила делегация, в составе которой я увидел настоящего ка-

питана. Странный он был, молодой еще, худощавый, тридцатилетний, не старше, но совершенно седой. И молчаливый. Ни о чем не расспрашивая, он оглядел меня с прищуром, словно в прицел, кивнул дедам, благоговейно ожидающим окончания процедуры, и тихо удалился, провожаемый поднятыми вверх большими пальцами. Вечером, вызванный в командирскую комнату, я был уведомлен, что легенда дивизии, сам командир разведроты Христенко смотрел меня и берет к себе во взвод автоматчиков. И в учебку просил он меня не отправлять, «так как ничего хорошего оттуда не возвращают, жлобы, все себе оставляют». Христенко? Вот так приходил сам Христенко? Но я слышал, что есть и другая живая легенда дивизии - батальонный Лескович. Он круче?

Костровой

Шаг. Еще шаг. Разворот влево - назад. Слегка запнувшись, я перевожу дыхание, осторожно выравниваясь. Нет, наваждение. Не идет в этот раз, как всегда, за мной Колька Задонный. Показалось на миг. На войне это дело обычное: позабудешься и зовешь или ищешь того, кого нет уже рядом. Но сейчас неспроста он припомнился, Колька Задонный. При движении в колонне я всегда остро чувствовал догоняющий запах его автомата, помесь пороха, стали и смазки. Запах пороха чувствовался и сейчас, настигая колонну. Откуда? Может, с наших позиций? С шоссе натащил его ветер?

- Ну, что не нравится? Что-то унюхал? - оглядев притаившийся по кустам барбариса отряд, Костровой протянул мне открытую фляжку. Давясь вперемешку глотками нагретой воды и словами, я объясняю, что мне тут не нравится многое. Все. Почему высота не пристреляна? Почему до сих пор нет растяжек и мин? И откуда несет запах пороха? Выслушав, не перебивая, мое ворчание, он с улыбкою бросил:

- Может, Виктор, ты прав. Наш объект, высота, - самый значимый здесь. Тут за каждым кустом быть должно по дудаевцу.

- Высотка дельная, - вмешался нервозно озирающийся Валерыч. - Не могли ее чехи забыть просто так.

- На подходе нет снайпера, троек в засаде, - синхронно метнулся Зиновчено. - Плохо.

- Значит, что-то иное придумают, - задумчиво протянул Логан. - Не дураки они, чехи.

- Ломанут из ущелья на нас, да, Евген? - кивнув влево, придвинулся Саша Чернев.

- Это хлопотно - вверх подниматься, - отметил Незванцев. - Не, навряд ли полезут оттуда.

- А не факт, что не смогут, - возразил вечный спорщик Макс Кольгинов. - Может, глянем туда? Для страховки.

- Пахнет порохом, Виктор, ты прав, - не реагируя на поступившее предложение, подвел итог Костровой. - И машину я слышал в квадрате два, справа. Это где-то на съезде с шоссе к Гудермесу. Может, наши готовятся? Что-то изобретают соседи? Не паникуйте. Значит, будем смотреть, набирать информацию, двигаться дальше. Виктор, я в головном остаюсь, ты - при тыле, как раньше. Логан, бди за ущельем внимательней. Павлыч - ближе к шоссе. Отсмотри.

Ущелье, шоссе, разворот влево-вправо. Подъем по суглинку, укрытому редким кустарником. Нормальный, рабочий грунт. Можно здесь хорошо окопаться, зарыться даже для такого положения, как стрельба верхом с лошади. Так сказал бы наш батальонный Лескович. Шаг, притирочный к почве. Хорошо, что дозорным идет впереди Костровой, ас разведки. Он любой азимут с завязанными глазами возьмет, по чутью, как бывалый турист, самый опытный в ротных походах. Костровой не фамилия Лехи - почетное прозвище. Он всегда нам разводит в бою и в походе костер, с одного лишь щелчка зажигалки. Под проливным дождем, шквальным ветром и в метель у него загорается все, что попадается под руку. Но попробуй-ка расспроси, как у него получается. Лишь рассмеется тихонечко, с удивлением: «Разве костры разжигают спичками?»

Он зажигал их душой, в чем я убедился еще в Красных Стругах. Летом мы ездили туда на учения и жили в палатках, в лесу, среди моря грибов и черники. Тогда мы не знали, что идет подготовка к войне, и думали, что пристреливать БМД на лесных полигонах и заниматься полдня рукопашным - обычное дело десанта. Но больше всего мне

запомнились наши костры.

- Смотри, Витек. Видишь, как просто? - учил меня Леха, колдуя над срубленными стволами, охапками веток и пучками бересты. - Вот этот костер - самый жаркий, охотничий. Три лесины, а сверху кладется растопка. Он горит очень долго, ночью нужно лишь сдвинуть остатки лесин. Если будешь зимой его жечь, лучше к ночи убрать все в сторонку и ложиться на теплом кострище на лапник. Тепло! Да такие костры наши воины жгли со времен хана Батыя. Представляешь, как было красиво? Степь, курганы и ночь, мириады огней от костров, словно звездное море.

Да, сейчас представляю, браток. Я их видел - живые костры в новогоднюю ночь на Минутке. Это горел каким-то чудом пробравшийся к центру Грозного танковый батальон, под чьим прикрытием должны были двигаться к президентскому дворцу наши части десанта. Но вот Леха не видел воочию эти костры, он был в отпуске. Вернувшись в полк, он в тот же день тайком пробрался в «ИЛ», улетавший в Чечню из дивизии. И первый свой бой принял в статусе дезертира.

А тогда был июль, разгар лета. Мирное, мягкое пламя в ночи осторожно лизало лехины руки, порхающие в рое искринок, падало легкими бликами на загорелые щеки и таяло, оседая на мшистый черничник.

- Костер может стать и оружием. Боевым, - продолжал Леха. - Если тебя окружили враги и нужно уйти незаметно, сделай себе дымовуху. Просто брось в огонь сырой мох или листья и горсть аконита-борца.

Ярко-желтая птица огня, метнувшись к июльскому небу, вновь осела в обугленных ветках костра. Высоко над макушками-иглами сосен гасли крупные звезды, и молочный туман бросил понизу первые горсти росы.

Степь, курганы, огни, мириады костров, словно звездное море... Ничего этого не было. Но в развалинах грозненских улиц именно хитрые лехины дымовухи спасали жизнь наших снайперов, мешая противнику засечь отражение от оптики солнечного луча. Выползая из подвалов домов, клубы серо-черного тумана по мистически точным расчетам двигались именно к тем оконным провалам, где и были нужнее всего, прикрывая нашу страховку - Олежку Сибирцева. Олежка погиб в январе, в Черноречье. Самый ярый противник ведения боя в местах массового скопления мирного населения, он кинулся сверху в огонь перестрелки, чтобы успеть вытащить с улицы вытолкнутую боевиками к позициям роты из одноэтажного дома напротив девчушку. Лишь под прикрытием ночи смогли мы вынести тела Олежки и русской трехлетней девчонки-приманки. И теперь колдовские костры прикрывают Зиновченко Пашку.

Порыв ветра, сжимая упругий кустарник, пронесся к вершине высотки. Разминаясь, прошелестел листвою ольховник. А вот и последний привал на развилке. Ухоженная, наторенная кем-то тропа дальше мелкими нитками дробится вверх самыми причудливыми направлениями и изломами. Все правильно, так и должно быть: по равнине и ходят дорогами, а в гору каждый поднимается по-своему, отыскивая на крутизне тот путь, что по силам ему и сноровке. Лишь издали все курганы, высотки и горы такие простые, доступные, словно бы прянички. Вот сейчас Костровой нас разделит, укажет в цепочке тропинок мою. И так же осторожно, огибая каждый рыхлый лоскут земли и оглядывая ветки кустарника, чтобы не напороться на растяжку, мы двинемся ввысь, обтекая вершину и смыкая за спинами плотную, отдающую болью в ушах тишину. Тишина - это самый тяжелый объект для прослушки, наш союзник и враг, как зеленка. Набросав пометки в кроки маршрута, Костровой затаился, глянув на грохочущие в сторону гудермесских предместий «МИ-8». Вертолеты вооруженной поддержки будущего наступления на сей раз шли, вероятно, для съемок позиций противника. Кажется, я понимаю, о чем думает Леха сейчас. Наверное, он тоже в недоумении от великих замыслов теоретиков глубокой наступательной операции, определивших высотку для размещения парашютно-десантных рот.

Нет, похоже, все сделано правильно. В предгорьях достаточно для размещения артиллерии удобных мест и высот. Но и наша хорошая. Особенно для противника. Поставить зенитки сюда - и накроется авиация в наступлении. Так кому и защищать ее, как не ротам десанта? Впрочем, приказы не обсуждаются в армии. Они выполняются ротным и взводным составом под хмурую присказку, что «штабные вредители хуже чеченов».

По сигналу «ложись!» я осторожно врастаю в присохшую, мелкую поросль тра-

вы, поправляя спиной автомат, и наблюдаю, как сильной, разлапистой ящеркой мечется Костровой вдоль колонны.

- Все нормально, Витек? А высотка хорошая, правда? Я бы точно на месте чеченов зенитки пристроил на ней, - запыленные лехины пальцы на миг прикипают к плечу. - Глянь левее в ложбинку, где камень. Цель к нему. Закрепись, осмотрись и замри. Прикрывай. Кто там знает, что есть на макушке? Поднимусь, огляжусь с головным. Ну, давай, старичок. Тыл наш должен быть очень надежным и крепким.

Вот и все, что сказал Костровой, рассыпая в усмешке синющие искры. Что дает ему силы? Обычный пацан, как и все. Вологодский, с какого-то Устья, где рыбу сейчас вот, весной, собирают на огородах мешками. Он так говорит. Может, место особое там, и все люди такие же сильные, теплые?

Змейки тропинок, все ближе и ближе сжимаясь, теснятся к вершине, под горстку ольховника. Вот он, камень. Последним броском я пластаюсь к шероховатому боку. Хозяйственно обустраиваясь, расстегиваю ножны. Кто знает, какой тут сюрприз приготовлен, на этой высотке? Может быть, в ростовые окопы вольемся? Навряд ли. А вот хитрое минное поле и тройка в засаде вполне могут ждать. То обычная тактика чехов. Как там парни? Устроились тоже. Вон по флангам подтягиваются к Лехе отправленные в головной дозор Каретников и Зиновченко. Ближе к центру готовы к броску с огнеметами Кольгинов, Логан и Чернев. За ними, страхуя, крадется Незванцев.

Вот к ольховнику в рост поднимается Костровой. Отбросив на грудь бинокль, он вдруг что-то кричит в эту чащу, на ходу доставая блокнот. И кого он увидел? Может, наших с саперного? Повезло им тогда с информацией, точно. В неразберихе больших наступлений случается и такое. Хорошо еще, что стрельбу не открыли друг в друга, бывает и так. Но теперь я все вижу и сам. Я вижу, как от низких стволов отделяются люди навстречу ему и чего-то кричат неразборчиво, подзывая руками поближе. Он идет, и... О, господи! Что же этим-то надобно, дурикам? Обалдели совсем со своими зачистками! Здесь - и ОМОН? И, похоже, настроены очень воинственно. Черные береты сдвинуты лихо к бровям, в руках автоматы, на поясе связки гранат и ножи. Желтеют нашивки, но чьи - непонятно, отсюда не видно. И зачем они к нам со своих блокпостов привалили? Мелькание перетекающих черных фигур отвлекает от самого важного, главного, что непременно бы вспомнить сейчас, непременно! Да, вот это, вот именно это: блок-посты, населенные пункты, дороги - не гуляет ОМОН по лесам!

- Отряд, к бою! - выдираясь из пелены накатившего ужаса, я жму на скобу автомата. Успеть бы, успеть! Я не слышу стрельбы. Как в замедленной киносъемке, навстречу мне кружится срезанный пулями дождь мелких веток и листьев, а за ним разворачиваются навстречу чьи-то смуглые, жутко знакомые лица, по ярости взгляда. Кто-то падает на колено, фиксируя ствол автомата в прицеле. Сколько там их, в ольховнике? Да чего уж считать. Мне успеть бы, успеть!

- Аллах акбар! - взрываются в криках навстречу деревья, земля под ногами и черные тени, охватывающие в кольцо Кострового.

- Каретников, Логан и Чернев, по центру - «шмелями»! Держите их там, за деревьями! Зиновченко Пашка - страховка ребят и по правому флангу работа! Незванцев и Кольгинов - быстро за мной на левый, дозор отсекаем! Одиночными бейте, прицельно! Готовьте ножи!

- Аллах акбар! Акбар Джохар!

Сейчас все получите. И «акбар», и «Джохар». Стук прикладов и хрипы, противное чавканье стали. И немота рукопашного боя под шквалы разноязычного мата. Белый огонь ярости с черным, звериным кипением крови, толчками выплескивающей вовне эту ярость. Рвать, резать и грызть эту падлу зубами за глотку, ножом и ногтями! Рвать и резать, рубить до последнего вздоха, до смертного хрипа!

Продираясь сквозь черные тени, я подхватываю медленно сползающего по стволу Кострового, из зажатой и мертвой ладони его достаю горсть примятой, испачканной кровью листвы. Где же рация? Ладно, потом. Все потом. А сейчас поднимаемся, перебежками от дерева к дереву. Нужно срезать «лягушками» из подствольников эту центральную кучу с макушки, пока не рассыпалась. Сколько там расстояние? А на склоне лежать бесполезно. Не зарытых в окопы, нас грохнут тут быстренько всех. И в лесу не комфортно, да есть хоть куда отступить.

Но что это? Помощь? Откуда? Кто бьет по «ОМОНу»? Тугие шлепки - и фонтаны

огня и земли накрывают ольховник. И новые черные тени, бегущие вниз. «Нурсы»! Точно, «нурсы», подмога. Приподняв голову, я вижу скользнувший над кромкой ольховника силуэт вертолета. «МИ-8». Та самая пара, от Гудермеса! Может, этих и выпасали? Похоже: очень точное, ювелирное упреждение выстрелов. Верно, асы. Тут еще бы немного сближения с чехами у ольховника - и конец, хоронить бы всех вместе в лесу.

- Командир, их осталось шестнадцать. Сбежали в ущелье, шакалы. Преследовать будем? Там должен быть схрон. Говори с батальоном, прикрою, - поднялся Валерыч.

- «Сокол», я «Огонек»! Бой закончен с «двухсотым». Их в ущелье отходит шестнадцать. Преследовать? Да, там, скорей всего, схрон.

- «Огонек», бой отставить! По ущелью работают «МИ». Отходите к шоссе. Командир, все понятно?

Командир? Вот он, мертвый лежит, командир. А я, самовольно присвоивший его функции, до сих пор никогда не командовал боем. Может, все не так делал, как надо, но передо мной стоит этот взвод-отделение, и Валерка Каретников ждет, развернув АКС на ущелье.

- Командир, вот возьми документы на курский ОМОН. Соловьи, блин, залетные, глянь. Пленных два человека. Оружие собрано, - выдохнул Пашка. - А пленные ранены. Сильно. Командир, для чего их к шоссе?

Пленных? Раненых? Этих? К шоссе? Только трупы.

- Командир, пленных мне на допрос. Ты пойми, нам важна информация. Для чего они тут прогулялись - ты знаешь? Я - нет, - отрезвляюще бросил Валерыч. - Нельзя их стрелять. Что приказано? Преследовать гадов?

- Нет, в ущелье работают «МИ». Я закончу план-схему, пусть Логан и Чернев страхуют. А Зиновченко - вниз с остальными к шоссе. Костровой говорил, что он слышал машину. Не пешком же они притащились сюда. И совсем не затем, чтобы нас разогнать. Шум им вовсе не нужен был здесь, втихаря перерезать хотели. Ты, Валерыч, болезных спроси, гуманист.

Ухмыльнувшись одними припухлыми, вывернутыми на пол-лица губами, Каретников с облегчением перебросил из рук на плечо автомат. Оглядев пробирающуюся через ольховое крошево группу и подобрав с земли трепанный, в бурых потеках блокнот, я старательно, очень старательно дорисовываю схему, а затем выбираю из сломанных веток две, более крепкие, и оплетаю их сучьями.

- Командир! - подбегает запыхавшийся Пашка Зиновченко. - Там груженый «КамАЗ»! В нем куча оружия.

- Не суетись. Отдышись, доложи поконкретней.

- Так. Минометы, гранатометы, снаряды. Да, еще огнеметы и... «Стингеры»! - сверкнув по-кошачьи округлившимися глазами, он зло сплюнул под ноги. - Прибарахлились, подонки!

- Ну, уж прямо и «Стингеры»? - недоверчиво переспросил я стоявшего рядом Незванцева.

- Не, не «Стингеры» это, я видел их раньше. Пиратские «Стрелы». Переносные зенитно-ракетные комплексы. Точно.

- А водитель? Ключи от машины? Охрана была?

- Никого. И ключи зажигания были в замке. Вот, смотри, - вскинул руку Зиновченко.

- От вертолетов слиняли в ущелье, наверное, - предположил Незванцев. - Там, на случай, бдят Генка и Макс.

- Ну, тогда возвращайтесь обратно к машине. Все оружие чехов сносите туда, заберите и пленных. Отгоните машину к КП. Сдайте все под расписку - и в роту. Удачи!

Обратно к позициям роты на грубых носилках из срезанных пулями веток ольхи мы принесли мертвого Кострового. Мы не «рэмбо» - простые солдаты. Про «рэмбо» мы слышали как-то от взводного. Он рассказывал, что в Москве есть в Сокольниках центр медицины, где их делают. Из любого могут сварганить таких, что не ведают страха и боли. Говорил, что эти солдаты способны выстоять один к четверым в рукопашном бою. Могут после марш-броска на восемьдесят километров запросто отстреляться, вогнав десять пуль в «яблочко» с трехсот метров. И даже уже мертвые «рэмбо» продолжают биться, исполняя приказ, точно зомби. Значит, правда, - не любит наш

Мельников врать. Может, есть эти зомби по «альфам» и «вымпелам» - пусть. А вот я не хочу быть таким. Лучше уж воевать со своей человеческой болью и страхом. И за наши ошибки, все промахи и оплаченные кровью потери, за притаенную фляжку со спиртом и горький глоток анаши - пусть рассудят нас бог с трибуналом, да еще командир нашей части полковник Сейко.

Пережигание нервов

Я сижу на краю окопа, притиснув к плечу АКС, и мне кажется, что его ствол, не остывший от боя, еще негодует, вибрирует, мечется, выпуская толчками последнюю ярость. А может, это просто сплетает нас вместе немыслимый, дикий озноб?

- Пошли, Виктор, - взводный Мельников приподнимает меня, разворачивая к палатке. - Полежи. Отдохни. Отдышись. Все пройдет.

Чьи-то руки заботливо стягивают мою гимнастерку и тельник, растирают и греют, толкут. Кто-то втискивает в губы жестянку с обжигающе крепким чаем.

- Все нормально, старик. Пройдет. Пережги нервы, - советует Мельников, - враз.

Пережги нервы? Хороший совет, неизвестный науке по имени психология. Из другой он науки - войны. От комроты Христенко. Однажды, на занятиях по рукопашному бою, при выполнении элементарного приема защиты от удара ножом сверху, я зевнул, недооценив резвость Кольки Задонного. Ударом основания правой ладони я успел выбить нож, но этот хмырь, этот друг, в тот же момент въехал мне в пах коленом. Это было уж явной подлянкой. Оглушенный болью, я кулем свалился на маты. Растерянный Колька суетливо охал и прыгал вокруг, причитая и мямля, что ударил нечаянно, по инерции. Подошел комроты Христенко. Одною рукой он одобрительно хлопнул по плечу окаянного Кольку: «Автоматика - важная вещь!» А второю вдруг резко рванул меня вверх, приподняв, как котенка, за воротник гимнастерки. «Прыгай! - приказал он мне без уговоров и жалости. - Да на пятках, на пятках. Сейчас боль уйдет». А и верно - ушла, как и злость на Задонного. После занятия, собрав нас в ленкомнате, ротный объяснил, что бездействие лишь усиливает и страх, и боль. Против боли надо глубоко подышать, покричать, упражнения сделать, попрыгать. Но как быть, если ранен и нельзя обнаруживать себя? Интересно, что скажет наш уставщик?

- Знаешь, Виктор, я делал когда-то вот как под Баграмом. Мы охраняли тогда дорогу жизни, автомагистраль Кабул - Хайратон. Бои за нее шли жестокие, бесконечные. Нашей роте поручено было отрыть ростовые траншеи. Под постоянным открытым огнем иначе не выдержать. И вот в пятидесятиградусную жару долбим мы глину и гальку, а в тылу вдруг, в Панджшерском ущелье, объявился Фарид. Отправили к ним разведгруппу, чтобы штаб уничтожить. Наши штаб уничтожили, но и себя обнаружили. Бой завязался. Мы стояли в цепочку и отбивали коридор, по которому разведка выносила своих раненых и убитых. Жарко было, с двух сторон стена огня, от Фарида и Шаха Масуда, а сверху еще и свои, вертолетчики, поливают. И меня зацепило тогда - пулевое сквозное ранение в грудь. Кое-как затампонировался, лежу. Боль страшенная, помочь некому: бой. Ну, так вот что я делал тогда: я упрашивал рану сильнее болеть, пережигал свои нервы. Грыз ремень автомата от крика еще. Помогало.

- А духи что делали, если их ранили? - спросил Колька.

- На Востоке заведено отгонять боль гневом. Есть время - они медитируют, воображая себя камнем, огнем или глыбой земли, отключают сознание. Терпят. Им Коран запрещает от боли кричать.

- С вами что было дальше?

- Дальше? Дальше был плен. Но об этом в другой раз.

На войне постоянно гнетут страх и боль. Объединяясь, они скручивают тебя где-нибудь на кромке пшеничного поля, на госпитальной койке или в глине размытого дождями окопа. Тогда ты бессилен и жалок и плачешь от осознания своей ничтожности пред миром и временем. Воевать - это занятие для сумасшедших. На трезвую голову и для нормальных людей оно категорически противопоказано. Но лишь во сне или после тяжелого боя ты можешь немного расслабиться. Здесь, в десанте, не нужен безбашенный танк.

В самом начале службы, во Пскове, мы, бывало, шалили, но комбат наш, Лескович, не пропускал случая побрить и помазать зеленкой хмельную повинную голову. Тем не

менее, мы не сердились на ярого алкоборца. Мы прощали ему садистские методы воспитания и бесконечные ночные кроссы к Кисловскому лесу, обожая афганца Лесковича, обладателя черного пояса, виртуоза по рукопашке и акробатике на прыжках с парашютом. Зануда Лескович, кумир наших юных сердец. Мы орали, как оглашенные, пытаясь подражать его львиному рыку, и, копируя его походку, ходили вразвалочку, выставив тощие животы и надвинув на брови береты.

Майор Лескович научил нас вести бой в одиночку против группы противника. Здесь важно держать дистанцию, вовремя сманеврировать, не увязнуть и не увлечься единоборством. Перемещаться следует экономно, чтобы не вымотаться. На дистанции поражения необходимо держать лишь одного, а для других быть в зоне недосягаемости. Этот маневр надо выполнять так, чтобы противники путались и мешали друг другу, быть при этом внимательным и хладнокровным. Наука Лесковича не раз спасала нам жизнь на войне. Особенно техника волка.

- Все нормально, Витек? Отошел? Вот возьми, мы подумали тут на досуге с ребятами. - Приблизившись, Мельников бережно, не касаясь струн, притиснул к моим коленям гитару и положил в ладонь зажигалку. Самодельщину, слаженную Лехой из гильзы. Произошло что-то важное, может быть, самое главное в жизни. Я стал - им, Костровым? Чуть помедлив, он протянул мне потертую книжечку в черной обложке. «Молитвослов», прочитал я название.

- Он священником стать собирался, Алешка.

Горячее, острое и душащее изнутри вдруг прорвалось на волю и хлынуло, обжигая ладони и щеки. «Молитва - такая же песня. Послушай!»

Ошибка дозора

Отбросив кусок брезента, закрывавшего вход, в палатку вошел Христенко.

- Товарищ гвардии капитан, задание по обследованию высоты 094 выполнено, рельеф местности полностью отработан. Вот кроки маршрута к шоссе в обе стороны, карта и донесение в штаб с описанием боя. И документы на найденную машину с оружием, - потянулся я к приготовленным для доклада бумагам.

- Дай-ка схему высотки мне, Виктор. И укажи поточнее места, где отходил этот «курский ОМОН», - попросил Христенко, внимательно рассматривая отложенную мной зажигалку.

- Здесь, от склона к ущелью. Там «восьмерка» их «нурсами» полила на прощанье. Заметное место, пропахано все. А шли они вот отсюда, из центра. Я сам еще думал, что наши идут, какая-нибудь милицейская перегруппировка. В махачкалинском ОМОНе все смуглые тоже, чернявые. Думал сначала - они.

- Значит, думал сначала, что это махачкалинский ОМОН? А потом лихо начал палить по нему? Объясни, не пойму я, в чем логика. Смысл?

Не слышу я в голосе ротного ни осуждения, ни хвалы. Наш Христенко обычно ни с тем, ни с другим не спешит, и от этого любой его выговор часто видится карой, вжимающей в землю, а уж редкая похвала вознесет до небес. Эмоции - не стихия Христенко. В любом событии жизни он ищет лишь логику, смысл и мотивы. Вот и сейчас ротный непроницаем, как сфинкс, будто выслушивает обычный рапорт дневалъного.

- Смысл? Товарищ комроты, я подумал, что смысл - блок-посты, населенные пункты, дороги. Там обычно работает всякий ОМОН. Да какая зачистка у наших десантных позиций? Зачем им наш полк?

- Непонятное дело: ОМОН, да еще перед боем. Оно бы вообще ни к чему, - наконец соглашается после раздумья Христенко. - А что скажет родной коллектив?

Коллектив? Значит, будет нам общая порка за что-то. При нормальном раскладе Христенко назвал бы нас - взвод.

- Виктор прав. Упреждение боя им сделано правильно. Мы здорово все растерялись, - краснея и заикаясь, протянул Женька Логан.

- По-любому бы правильно было, - завелся Валерыч. - Даже если б и настоящие они оказались. Пусть не шастают, где не просили.

- Постыдись, беспредельщик, - привстал Стас Незванцев. - Ох, и ловок ты, друг, после драки махать кулаками. Ну как там оказался бы псковский РУБОП? Ты забыл,

как они здесь пахали? Все, и Васька, твой брат.

- Да если б не настоящие омоновцы, сегодня бы точно одним разведвзводом стало меньше в нашем полку, - осуждающе глянув на Валерыча, поддержал приятеля Макс Кольгинов. - Эти ряженые расстреляли блок-пост гудермесский и прорвались к шоссе, но ребята успели связаться с бригадой по рации. Наши вызвали «МИ». Вертолеты искали «КамАЗ». Ну, и нас страховали, конечно.

- Да, все так, - отозвался доселе молчащий Христенко. - А итог? Никаких тут особых заслуг ваших нет. Бой начать? Так и то не смогли по уму.

- Товарищ гвардии капитан, разрешите спросить про одно обстоятельство, коечего уточнить, - проглотив обиду, вмешался Мельников, как всегда, при общении с ротным не выходящий за грани субординации. Взводный не завтрашний дембель Каретников, которому все уже явно по барабану. А Валерка определенно нарвется на грубость, «наловит шаров». Неужели Христенко простит ему наглость?

- Это чьи были люди вообще? От полка что хотели? Все, наверное, в штабе бригады известно?

- Ну, по штабу немного известий гуляет. Основные-то здесь. Вот сейчас мы их и уточним, - ротный поднял голову от документов. Переводя взгляд серых, глубоко присаженных глаз на Валерыча, он отложил в сторону бумаги и застыл, задумчиво постукивая кончиками пальцев о крышку щита, заменявшего стол. В легком ритме чередования стука мне послышался передаваемый азбукой Морзе сигнал. Слуховая опасность? Но зачем ему код от своих?

- Ну, и что там, Каретников, эти твои «друганы из ОМОНа» шепнули? Которые пленные.

Да, Валерка ведет себя слишком нахально. Значит, есть у него что сказать.

- Из Гудермеса пришли они, люди Басаева. К нам, на эту высотку и целились. Такая вот нестыковочка... между штабами. В ущелье сбежали шестнадцать. Вот сюда они двинули, к схрону. Там должны были спрятать «начинку» КамАЗа.

Подхватив листок донесения, Валерка беззастенчиво чертит на нем схему ущелья. А затем, тыча пальцем с обгрызенным ногтем в извилины склона и посверкивая шалыми зеленоватыми глазами, он прошептал в лицо ротному:

- Схрон придумали ловко, в отвесной стене. Подбираться с тропы - дохлый номер. Там дальше с растяжками. И бомбануть - бесполезно, в пещере зашхерились. До утра просидят, это верно. Вот сейчас если верхом, со склона спуститься бы, а? Реабилитироваться нам нужно, товарищ комроты.

- Что, сейчас в Гудермесе стоит сам Басаев? - не реагируя на происки Валерыча, что-то сопоставляя в уме, спросил Мельников ротного. - Слышно было: Шамиль отправляется в хадж.

- Да, ушел за кордон к лжепророку. Остался Радуев. Ну, а что они толковали еще интересного?

- Замирения ждут в Гудермесе. И еще: неспроста они шлялись у наших позиций. Ищут «Барса», «Павлина» и «Горца». Шамиль приказал. Выпасают для показательной казни. Верно, «альфовцев» или спецназ. Ничего я не понял, - скосившись на «морзящие» пальцы Христенко, торопливо добавил Валерыч. - Позывные не наши, таких нет в полку. Товарищ комроты, разрешите пойти до ущелья! И маршрут отработан. Вот сейчас если верхом до схрона бы, а? Или завтра рванем, с утречка?

- Предложение реабилитироваться дельное. Главное, своевременное, - резко бросил обычным присушенным тоном Христенко. - Утром с вашим взводом я лично занятие проведу. По огневой подготовке. Будем снова учиться уходу от выстрелов. Чтобы впредь не случилось, как с Костровым. Хотя на войне не такое бывает. Что тут задним умом толковать про ошибку дозора. Ее надо учесть в разработках.

Порыв ветра, метнув дверную завесу, на мгновенье пронес хлесткий ропот стенного дождя. Христенко помолчал, глядя мимо завесы в кипящие струи. Одобрительно глядя, не сумрачно. Впрочем, может, мне показалось с усталости?

- Товарищ комроты, - поднялся Мельников, - из ошибки мы сделаем выводы. Но, я полагаю, группа успешно выполнила задание. В рукопашном бою солдаты попытались спасти командира и сделали все, что могли. Они достойны награды, а не прощения или порки.

И чего это взводный завелся? Зачем? Лично я не почувствовал порки от ротного,

правильно все про учебу.

- Я согласен. Готовь представления в адрес комдива, - ответил Христенко.

Прощание

Все мы стали на войне суеверными, поголовно уверовав в бога. Насильно крещенные перед самым призывом «на случай», мы не только носили нательные крестики, но и рисовали повсюду кресты: на оружии, документах, изнанке одежды. Мы избавили командиров от напоминаний о незастегнутых пуговицах и обязательно ставили на ночь оружие на предохранитель, чтоб «раньше времени не началось». Мы, наверное, больше играли от страха, чем истинно верили, и только Леха все делал иначе: по-настоящему, искренне. Из одной его религиозной концепции вытекало, что души умерших три дня остаются у тела в смятении. Не понимая, что происходит, они пытаются общаться с живыми, подолгу в испуге стоят у закрытых дверей и думают: все это сон, один из привычных военных кошмаров. Поэтому нужно им правильно объяснить ситуацию. Раньше этот обряд проводился Алешкой, сейчас говорить нужно мне. Я попробую, если так нужно по правде. Ты слышишь?

При свете чадящей коптилки я сижу сейчас рядом с тобою, Алешка. У тех же носилок. Ты видишь? Твои легкие волосы чуть прилипли к вискам, от которых до щек уже разливается желтизна. Или это бросает прощальный отсвет самодельное тихое пламя? Ты лежишь на носилках из веток ольхи, прикрывая руками смертельную рану. Я кладу свои руки поверх. Ты их чувствуешь? Это не сон: ты же сам приучил нас так делать. «Лгут глаза и слова, - ты так говорил, - только руки правдивы, в них истина». Слышишь?

Я не успел на высотке сегодня, не смог. Я видел, как, отбросив блокнот, ты схватил РГД и швырнул ее в тех, кто успел развернуть на меня автоматы. Ты попал, их осталось лишь четверо, окруживших тебя. Но стреляли не эти. Выстрел снайперский был, из ольховника. Может быть, мы «шмелями» достали «кукушку»? Или «нурсы» замяли ее. Наверное, очередная биатлонистка. Как Милита Транкаутене, которую наши раненые офицеры выбросили на пути к Владику из вертолета. У нее на винтовке насчитали 18 насечек. В карманах фальшивые доллары. Я не буду давать клятву мести. Помнишь, ты говорил, месть есть зло? И добавил еще, что для жизни от каждого нужно одно: терпеливо нести данный крест. Знаешь, дальше мне быть Костровым. Этот крест мне по силам? Увидим. Завтра, Леха, тебя отвезут в Ханкалу, а оттуда в Ростов. Там ребята из части оденут в парадную новую форму, как дембеля, и положат в запаянный гроб. Уж потом привезут тебя в Устье, где белая церковь парит среди острова в гладях реки. Или озера? Ты останешься возле нее навсегда, и над тихим погостом прольются в салютах июльские грозы.

Вот и все, рассказал, как сумел. Ты услышал, Алеша? Твои песни останутся с нами, как теплый огонь и гитара. Что еще мне осталось сказать? Знаешь, ты был хорошим армейским разведчиком, Леха: тебя принимали стихии. Я все помню, чему ты учил. Повторить? Ладно, слушай.

Если ты на земле - стань землею, травой, камнем, кочкой. Рядом с деревом будь его кроной и сучьями, превратись в его тень, в ворох листьев, в зеленый разлапистый куст. На воде - слейся с ней, закружись над потоком бревном, клубком тины, подмытой корягой. Будет бой, и окажешься в море огня, - так используй разящую силу стихии и прячься в дыму и за отблеском пламени. Если ты в БМД или держишь в руках автомат или связку гранат, то почувствуй тепло и защиту металла. Я люблю это все, Алексей.

Предполуночный ветер, согнав к земле тучи, выжимал из них стены косого дождя. Возвращаясь назад почти с края позиций, из дальней палатки, я увидел средь белых кипящих потоков какую-то легкую тень. Невесомо скользнув меж палаток к закраине бруствера, эта странная тень устремилась к шоссе. Плывет нашим утренним следом. Кто? Так не может ходить человек...

Шамиль

Христенко верно сказал: Басаева уже не было в Гудермесе. Чернобородый, бритоголовый Шамиль перевалами пробирался через Центорой и Дарго в Дагестан. Там, в

Кадаре, его ожидали свои - ваххабиты. Далеко собирался Шамиль в зуль-хиджа, месяц хаджа. Защитник белого дома и неудачливый соперник Джохара на президентских выборах-1991 не оставил властолюбивых стремлений. Цель Шамиля - занять пост имама Чечни. Он начнет свой поход с Дагестана, Кадарская зона - плацдарм его новых побед. Арабские братья помогут ему на Кавказе. Не Джохар - он, Шамиль, принесет шариат в мусульманские страны. Да и кто, как не он, горец сильного тейпа Беной?

Из Кадара он двинется тайно через Афганистан до Судана. Официальная цель визита - хадж в Мекку. Другая цель - встреча с Учителем. У него есть дела в лагерях мусульманского братства. Он, Шамиль, приглашен - не Джохар. Джохар - разве он мусульманин, по истинному размышлению? Он не любит Коран и душой устремлен не к Востоку. Семь небес сотворил Аллах и поставил на них семь шатров - семь стоянок для приближения правоверных. Их пройдет ли Джохар?

Ни Джохар, ни Умар Автурханов, ни этот Хаджиев ему не соперники. Да и можно ли в мире исламском удержать власть, не основанную на силе Корана? Джохар тянется к солнцу, забывая, что сотворил Аллах семь небес рядами и сделал не солнце, а месяц их светом. Разве не так сказано в сурах Корана? Не Джохар, а он, Шамиль, станет тем, кому дозволено толковать Коран. Есть внешнее знание сур, доступное всем, и есть тайное, сокровенное, открытое лишь посвященным. Это знание и передаст ему Пророк, сняв шелуху верхних истин и обнажив для него сердцевину Корана.

Он, Шамиль, много видел, сейчас-то уж можно быть откровенным с собой. И всегда хотел власти и поклонения. В юности трижды неудачно штурмовал юрфак МГУ: перед законником распахнется любая закрытая дверь. Взрослея, он понял, что в мире есть более мощная сила, имя ей деньги. Бросив учебу в институте инженеров землеустройства, он ушел в бизнес. Работа в торгово-закупочном кооперативе не располагала к философии, но он успел уразуметь, что и деньги несут не свободу, а рабство. Чтобы их сохранить, нужна власть безграничная, основанная на парализующем страхе. Если страх не внушаешь - кто примет всерьез? Но ему повезло, он нашел, что искал. У расстрелянного, горящего белого дома он понял, что власть может все. И не сила закона, не деньги опора ее, а оружие. В тот же год, в октябре, он вернулся в Чечню. Уже дальше искал он свой путь, находясь при оружии. Воевал, создал свой батальон, брал Сухуми и Гагры. А когда назревало вторжение русских, Джохар его вызвал, приблизил к себе. Он участвовал в этой войне для поддержки Дудаева, но теперь будет все поиному: игру поведет он, Шамиль. Разве не сказано в 97-й суре Корана, что ночь могущества лучше тысячи месяцев? Это будет его ночь, Шамиля, со светом полумесяца, восходящего над Кавказом. С ним Аллах. С ним Учитель. Не Джохар - он, Шамиль, понесет в мир идеи и знамя ислама как верный член братства. Не другие, а он принят в тайное братство Востока, успешно прошел три ступени его.

Да, сначала он был помогающим воином - мусаидом. А когда доказал, что способен быть волевым и решительным командиром, готовым на акции устрашения, получил статус присоединившегося - ах-мунтасиба. В боях с федералами участвовала армия, которую организовал он, Шамиль, не Джохар, это все видели. А Джохар взял славу себе, его же оставил в тени. Была бы у Джохара такая сила без абхазского батальона и без его, Шамиля, советов и опыта? Джохар слеп, не ценит его, но Аллах всеведущ, и Учитель все знает. Не Джохар - он, Шамиль, стал действующим - ах-амиль, по третьей ступени братства. И сейчас он идет к Пророку, который проведет обряд посвящения его в высший ранг братства. Он станет ах-муджахидом, допущенным к высшим секретам и тайному знанию Корана. Мудр Учитель, не то что Джохар. Пророк и Джихад начал раньше, в афганской войне. Он потерял в боях глаз, но не зоркость свою. Его имя наводит страх на весь мир. Он богат, у него миллиарды долларов братства. И силен. Он собрал под знамена ислама тысячи преданных воинов. Они уже мчатся на помощь, и не тайными караванными тропами, а прорываясь отрядами через Пяндж, круша на пути заставы. Да, Пророк обещал ему тайные знания, деньги и воинов. Но не это советовал выпросить осторожный, как лис, Зелимхан: «Ты Ахмеда проси. Ахмед - это перстень с бесценной руки. Лучший специалист по минному делу». Зелимхан рассказал, что Ахмед тоже воевал в Афганистане. Там взрывом гранаты ему искалечило руку, но не потерял он сноровку и знания. Ахмед - посвященный в великие таинства братства. Он принесет боевые искусства в Ичкерию. Хорошо, что он выполнил скромную просьбу Пророка: его бойцы, переодетые в форму ОМОНа, уже вышли к позициям

десанта под Гудермесом, чтобы уничтожить Христенко, Сейко и Лесковича. Вероятно, афганские, старые счеты. Непонятно, почему не Рохлина? Но Рохлин - кровник его, Шамиля.

Люди все одинаковы. Все рождаются, сменяя друг друга, как листья, на дереве жизни, для питания светом корней его и ствола. По воле родителей или судьбы каждый выбирает себе бога, и под любым именем бог является средоточием справедливости, доброты и любви. Но отчего же тогда на земле без конца случаются войны? Думал ли об этом Шамиль, спешащий в дороге? Бог на небе, а он на земле, и в руках его - Поражающее.

«Поражающее! И что есть Поражающее? И кто даст тебе знать, что такое Поражающее? В тот день, когда люди будут разогнанные, как мотыльки, и будут горы, как расщипанная шерсть... И вот тот, у кого тяжелы весы, - он в жизни блаженной. А тот, у кого легки весы, мать его - пропасть. А что даст тебе знать, что такое она? Огонь пылающий!»

Нет, не думал об этом Шамиль. Приближаясь к Кадару, еще на шаг к огненной пропасти, не вспоминал он суру Корана о Поражающем. Да мог ли растолковать ее даже поэт Зелимхан Яндарбиев? Что оно есть - Поражающее? Оружие, знания, власть? Арабский язык не любит названий предметов и каждому предоставляет догадываться о значении их по описанию признаков. Он, Шамиль, достоверно об этом не знает пока, только подлинно ощущает в ладонях грозную, дикую силу.

«Горный хребет - узкий, а пропасть - широкая. Жизнь узка, как клинок, а смерть - широкая, дольная!» - свои ли, чужие слова говорит Зелимхан? Он не воин, поэт, и не создан для битвы. Он бежит из Чечни, Зелимхан. «Везде кровь, - говорит, - везде смерть, и некуда поставить колени, чтобы помолиться Аллаху». Он, Шамиль, не боится смерти и крови. Нож узкий - и жизнь узкая. Прав Зелимхан. Но он, Шамиль, будет молиться Аллаху как воин, в крови, возле трупов врагов совершив омовение. Да и много ли требует для намаза Аллах? Лишь чистые тело, одежду и место молитвы, да лицо, обращенное к Мекке.

Зелимхан не соперник ему в толковании Корана. Он поэт. Кто же верит поэтам? И познал ли он, Зелимхан, полной мерою разность между дозволенным и запретным? А пока он, Шамиль, остается в тени. Что есть тень? Глупый скажет всем - место без света. Мудрый знает, что там, где есть тень, непременно живет и источник ее - потаенный и трепетный свет. Глупый дерево видит - но только лишь ствол его, ветки и листья. Мудрый знает, что главное - это корни, сокрытые в почве. Ислам - свет, а шариат - корни его, могучие и питающие. Так великий сказал аль Ваххаб. Вот они-то поднимут и вынесут к месяцу дерево новой Ичкерии. А что Россия? Не вечна война. Россия поймет: есть один господин - он, Шамиль. Устрашенная взрывами, она загнанной в бурю отарой прибьется к ногам его. Он знает, что сделает дальше. В осенние темные ночи вольется он в сердце отары, заляжет там навсегда. Осенние волки мудры, терпеливы, жестоки. А главное, неуязвимы. Их можно сгубить лишь с отарой.

Проникновение в тайну

Разведка не ремесло, не профессия, не воинская специальность. Разведка - это искусство проникновения в тайну. Неслышного, незримого, неощущаемого и неосязаемого проникновения в людскую среду и природу. Сливаясь с природой в игре дня и ночи, незримо перетекая из света в тень и застывая в тени, не выдавать себя ни дыханьем, ни взглядом, ни запахом. А сливаясь с людьми, быть для них самым скучным, не привлекая внимание ни умом, ни лицом, ни одеждой, ни словом. Стать лишь тенью людской - ни приметы, ни имени, и раствориться в тысяче лиц и имен.

На окраине не взятого еще Гудермеса, в заросшем лесном ущелье горел костер, и дым его, смешиваясь с гарью прифронтовой полосы, медленно таял в предутреннем свете. У огня, сжавшись в темный комочек среди валунов, неподвижно застыл человек. Лишь изредка, при наплывах клубящихся в его сторону выбросов, он обращал к огню внимательный и пригашенный взгляд, словно торопя его. На примятой траве рядом с ним, высыхая от крови, змеилась веревка с кривым серповидным ножом - незаменимый снаряд для прохода в лесу и ущельях, а также для боя с превосходящим по силам противником. Для бесшумного боя. Подчиняясь молчаливому приказу, кос-

тер торопливо и жадно глотал свою пищу: черные брюки и куртки с нашивками «Курский ОМОН», пересыпанные горстью таких же черных беретов. Если бы кто-либо смог пригасить пламя и посчитать форменные комплекты, он бы остановился на цифре 16. Шестнадцать их было.

Слейся с камнем и дымом, стань камнем, приваленным к краю оврага, стань дымом, глотающим запах и взгляд, и растворись в неизвестности, множестве лиц и имен.

Глава 2. ГЯУР

Ади

Разбуженный легким, стремительным шорохом, Христенко приоткрыл запорошенные песчаным налетом глаза. С трудом фокусируя взгляд на чем-то мелькающем, серо-пятнистом, он приподнялся, опираясь на локти. Сгруппировавшись, обычно ленивая ящерка мгновенно скользнула с дневного угретого камня в распадок. Тревога? Недоуменно моргая и озираясь, он щурился, глядя на острые пики с призрачно-белыми, словно извивы чалмы, ледниками. Он был ранен на кромке пшеничного поля в бою под Баграмом. А это - Суруби? Мираж. Высоко в небе, над осыпью голубоватого снега и легкими перистыми облаками родилась вдруг черная точка. И это мираж? Не похоже: разрастаясь и плавно скользя над плато, она превратилась в ширококрылого, длинношеего грифа, в последнем броске устремившегося к неподвижно лежащему человеку. Рванувшись вверх, к блеклым клочьям травы, Христенко вздрогнул от резкой, проснувшейся боли. Взорвав левую половину груди, она резко, толчками пошла вниз по телу и дрожью метнулась в ногах от хлестнувшего выстрела. «Ли-энфилд, винтовка душманов, - зачем-то отметил Христенко, - и даже без пламегасителя». Под глухой стук пластавшейся в каменных склонах изломанной птицы он вновь провалился в темное, душное забытье, в глубь пространства и времени.

Очнулся он ночью, в завешенной нише. Ощупав руками подстеленную войлочную кошму и свою затянутую крест-накрест холстинами грудь, он потянул край завесы. И сейчас не мираж - он в ущелье, в задернутой нише стены. Сверху - каменный срез, а пониже и прямо - там выход к плато и долине, закрытый лежащими вперемежку ослами. А с другой стороны - тоже выход? Нет, лаз. Узкий лаз по ступенькам наверх, дальше в горы. Вот он главный душманский секрет - вековые колодцы - киризы, позволявшие им просочиться нутром гор в долину. Значит, люди внизу, у костра, что сидят при оружии, - духи? А то кто же еще? Намотавший чалмы царандой - пограничники? Он в плену. У кого? У Масуда? Фарида? Заслышав предостерегающее шипение, Христенко обернулся в глубь ниши. В свете неровного, колеблемого сквозняком пламени он увидел склонившегося над ним темнолицего старика в длинной серой хламиде. Откинув с лица пряди спутанных, мокрых волос, незнакомец на миг приложил к губам палец. Все совсем непонятно, но точно одно: он, гвардии рядовой псковской дивизии ВДВ, девятнадцатилетний срочник Христенко, после ранения под Баграмом в перекрестном бою с Фаридом и Ахмад Шахом, оказался в душманском плену. И какая, по сути, тут разница - как звать хозяев?

Он не помнил, как этот старик перевез его в селение, состоявшее из нескольких глинобитных лачуг, затерянных среди горных отрогов перевала Суруби. Добраться к нему можно было по верху или через систему туннелей - киризов, специально пробитых в горах для движения ледниковой воды. Казалось, цивилизация навсегда оставила эти места как безнадежные, а может, просто непроходимые для нее. Ади - так звали приставленного к нему сторожа (или как там по-ихнему - стража?) - оказался неразговорчивым и нелюбопытным. В ответ на расспросы Христенко о том, где он есть и какой командир захватил его в плен, Ади отвечал равнодушно:

- Нет сейчас никого. Там, в долине, они. Я - Ади.

Постепенно они начали изъясняться на смеси английского, русского, дари и пушту. Ади сноровисто, точно так, как доил своих коз, кормил кур и овец, перевязывал рану Христенко. Старик угощал пленника сыром, арбузами и хлебом, поил горьковатыми травяными настоями. Ади не был с ним злобен, но стоило лишь кому-либо из детей или одетых в такое же серое женщин приблизиться к глиняному дувалу, как он тут же кричал, наливаясь неистовым гневом - и все исчезали. Наслышанный о жестокости

духов, Христенко не обольщался на счет своей участи. Эти люди не брали десантников в плен и в заложники. Они отдавали их в кишлаки, где подростки, женщины и старики выкалывали ребятам ножами глаза, отрезали уши, разбивали мотыгами головы. Или еще живых бросали в укромных местах на растерзанье шакалам и грифам. Так было недавно с парнями из асадабадского батальона. А еще он слышал, что моджахеды, будучи борцами за веру, обязательно вынуждают всех пленных принять ислам. И выкуп за жизнь тут один: кровь своих. Нет, иное здесь кроется в обстановке: какая-то тайна. В этом странном кишлаке он ни разу не слышал с молитвою имя Аллаха. Однажды, в ответ на расспросы Христенко, Ади равнодушно сказал:

- Что? Аллах? Есть Аллах. И есть Он. Он - гонимый сейчас и несчастный.

Сердце пленного бешено дернулось к краю холстинной повязки: его, как и других разведчиков роты, неоднократно предупреждали об опасности встреч и контактов с язычниками. Он в плену - не душманском, но его не обменяют ни на кого даже из самых именитых бандитов, ибо те, в чьих руках он оказался, вообще не воюют ни с кем. Они находятся в вечной борьбе против всех, заботясь лишь о выживании своего клана, как средневековые ниндзя. И молятся они лишь в тщательно замаскированных, укромных местах, а если то невозможно - просто целуют ладонь вместо молитвы. Они почитают дьявола, и суеверны донельзя. Цвет синий, по их представленьям, приносит беду. Ближе к новому году они начинают свои религиозные игрища, творя жертвоприношение. Наверное, даже каннибализм. Все сходится. Значит, он, рядовой Христенко, и явится их новогодним подарком свирепому, кровожадному богу, чье имя не произносится вслух.

Есть один путь - бежать. Но не так это просто, даже здоровому, совершить побег в неизвестность, из-под надзора тщедушного с виду Ади. Однажды, в лунную ночь, он вот так же дремал у стены, просыпаясь от воя шакалов. Подавляя в душе желание слиться с их протяжными криками в дикой тоске, он вытирал о жесткий войлок бессильные слезы. Где ты, Псков? Кром, раздолье Великой? Где ты, древний Довмонт? Не твои ли пришли времена в эти горы?

Внезапно в блекло-матовом свете луны он увидел, как мягкой, скользящей походкой прокрался к дувалу Ади. Он был без сорочки, в одних шароварах. Днем показаться Ади так не мог. По афганским понятиям, обнажиться до пояса днем - это будет бесчестье. Качнув облитым лунным светом худым, но неожиданно мускулистым торсом, Ади остановился, подняв к небу руки и что-то шепча. Затем, ритуально поклонившись, он поднес ко рту правую ладонь. На предплечье руки в лунных бликах мелькнула татуировка - узкий серп полумесяца. Притаившись до бьющего шума в ушах, Христенко зажмурил глаза. Да и правильно, это не должен был видеть из смертных никто. Особую метку, знак полумесяца, носили лишь воины, владеющие боевой магией Востока. Ад - Суруби - Ади - преисподняя?

На рассвете над скалами и затерянным в горных хребтах кишлаком кружили десантные «МИ». Но Христенко они там не видели: сверху под белыми шапками ледников возвышались лишь мертвые острые скалы.

Лучше встретиться с тигром на открытой равнине, чем со змеей в высокой траве, гласит восточная пословица.

Кунарское ущелье велико и тянется от Джелалабада до самого Барикота. Между Джелалабадом и Кабулом по главному перевалу Суруби из Саудовской Аравии, Судана и Пакистана, через провинцию Нангархар идут караваны с оружием для оппозиции. Рядовой Христенко не видел, как парящие тяжелыми пятнистыми грифами «МИ», идеальные для зависания между отрогами, сбрасывали на горные плато группы десанта. И, конечно же, рядовой Христенко не знал, что один из взводов, упорно двигавшихся по гребням Суруби к основному караванному пути, ведет лейтенант Лескович, свято верящий в необходимость исполнения интернационального долга вчерашний выпускник рязанского ВДУ.

Под Джелалабадом, столицей провинции и ключом к пакистанской границе, шли упорные, затяжные бои. Десантным группам в горах приказано было пресечь доставку не только оружия, но и наемников, «иностранных гостей». Неиссякаемыми реками стекались к Джелалабаду по тайным тропам американские и английские ракетные комплексы, швейцарские, израильские и германские гранатометы, итальянские мины. Долинной дорогой, от Баграма к Джелалабаду, под непрерывными обстрелами из зе-

ленки, по рвущимся минам шел транспорт за транспортом, доставляя боевые грузы и топливо правительственным войскам. Останется ли Афганистан, страна земледельцев и скотоводов, в своем 13 веке? Удержится ли на штыках советских войск режим Кармаля? Кармаль уже не просил, а требовал от Союза все больше и больше оружия, денег, солдат. И не было конца этой страшной и бесконечной войне.

«Не приучай к своей сакле шакала, вспоенный кровью шакал не возьмет человеческий хлеб». Так говорил в свое время великий Хасан Тодж аль-Арифан, венец ученых.

Птица судьбы

Он проснулся от легких прикосновений к груди. Сухие, костистые руки осторожно и мягко сновали над ним. Сняв холстину бинтов с потревоженной раны Христенко, они цепко ощупали кожу вокруг и положили на саднящий зуд горсть отваренной мелкой травы. Мятный холод блаженно пролился на грудь, под сухие, снующие с новой повязкою руки. Тепло и влажно блеснули чужие глаза под набрякшими красными веками, и шершавые губы в седой бороде прошептали слова, чтоб неведомый Он сохранил его мачо дыхание.

Мачо? Сын? Резко вздрогнув, Христенко рванулся с кошмы, но дикая боль вновь безжалостно отшвырнула его в забытье. А сухие и длинные руки, взмахнув над его головою, медленно двинулись вдоль всего тела, пронося за собою то жар суховея, то треск одичалых крещенских морозов.

- Я сберегу тебя, мачо, я не отдам тебя воинам Ахмад Шаха на растерзание. Утаю и укрою. Скоро кончатся горькие ночи болезни, и я отпущу тебя, мачо, как вольную птицу. Тайными тропами на рассвете уйдешь ты в низинный туман навсегда. Будет так. Ты живи, молодой и красивый, а я буду помнить тебя.

Мачо? Сын? Значит, вовсе не враг ему старый язычник Ади? Почему? Но молчит полуночная тьма, и молчат перевалы Суруби. Все молчит. Да к чему все слова, если есть говорящие, теплые руки Ади, лунный свет, стрекотанье цикад за стеной, крик павлина на дальних и сытых лугах. Будет жизнь? Крик павлина - откуда? Золотая фигурка на шее Ади вырастает до живой яркой птицы во всей красоте оперенья. Протянув руку, Христенко почувствовал - что-то скользнуло вдоль пальцев и скрылось в ночи. Была? Не была? Может, наученная горьким опытом, эта умная птица узнала, что человеческая рука тянется в ее сторону обычно не с лаской и кормом, а для того, чтобы вырвать ее золотые и серебряные перья, разодрать переливчатый хвост, погасить красоту? К шее каждого человека привязана птица судьбы, говорят мудрецы. И Ади верит этому. Нагнувшись и замерев, он жадно прислушивается к шепоту юноши.

- Ты вернулся ко мне, золотой? Ты уже не боишься и даже подходишь к рукам? Он вернулся, павлин! Видишь, ата? Он здесь.

- Да, вернулся он. Вот твоя птица-судьба. Это бранная птица, мой сын. Птица доблести воина. Ее золотые и серебряные перья - твои доспехи, а переливчатый хвост - слава воина. Птица славы лежит на плече твоем, мачо. Зоркая, неручная, пугливая. Редких она выбирает людей. Это умная птица. Она прячет свой ум под оперением ярким и таит его в глуби души, словно искры, лежащие в кремне, до времени. Это мудрая, тихая птица. Ты - избранный, мачо. Сам Он посетил тебя в ночь. Это так.

Розы странствий

Ночной ветер, осторожно закравшись в провал глинобитной лачуги, с тяжелым сопением выволок облако горьковатого дыма от виноградного хвороста. Перекинув его за дувал, он вновь любопытно притиснулся ближе к провалу, тревожа огонь очага: что там делают странные люди в ночи? Но, заглянув в едва осветленную коптилкой лачугу, разочарованно выполз обратно: ничего. Люди просто сидели, в молчании глядя на тлеющий хворост. Багровые всплески поочередно освещали то застывшую, словно изваяние, фигуру темнолицего старика со скрещенными ногами, то такого же седовласого юношу в полотняной одежде, обхватившего колени руками и сидящего, привалившись к стене. Лишь изредка, реагируя на ночные шорохи, старик поднимал вверх припухшие веки, а серые, глубоко присаженные глаза юноши, застыв на худом и ску-

ластом лице, не отрываясь, следили за плясками желтого пламени. Далеко внизу, на заброшенных виноградниках, выли шакалы. Что решала за них эта ночь? И о чем они думали?

- Ата, я видел сегодня необъяснимое, - уважительно приподнял голову юноша. - Недавно ты посадил на клочке принесенной земли у дувала колючку. А сейчас этот куст набирает бутоны. Разве к осени розы цветут?

Не шелохнувшись, лишь бросив от век до седой бороды что-то очень печальное, не похожее на усмешку, помедлив, ответил старик:

- Ты многое в жизни не ведаешь, мачо. Я принес из долины тот розовый куст и посадил у дувала, ты видел. Он сейчас набирает бутоны, а потом зацветет, словно снег. Это белые, зимние розы. У них нет аромата, но они очень долго цветут и не вянут под инеем. А зачем это сделал? Знаешь, тело не может прожить без души, а душа быть без памяти. Стар я, мачо, уже очень стар. И уйду к Нему скоро, я знаю. А ты молодой и здоровый сейчас. Ты в долину уйдешь. Я дам тебе сыр и урюк, укажу потаенные тропы, колодцы-киризы. Ты вернешься к своим, унесешь мою душу с собой, но оставишь мне память - вот эти цветы. Лепестки сохранят мне твой взгляд, и касания к ним, и твое удивленье. А чем выше поднимется куст, тем сильней будет память.

Светало. За стеной утихали цикады, и огонек коптилки бросал на шероховатые стены последние легкие тени.

- Ты стар, ата, и в долине посохли твои виноградники. Тебе уже трудно гонять по киризам на пастбище коз и овец, но ты сходил в долину, принес землю и куст, посадил для меня эти розы. Не берег своих сил. Ты ходил по горам, собирая лечебные травы. И все ночи сидел у огня, укрывал меня в холод, смывал жар и пот. Мои рана закрыта твоими руками. Ты отдал мне всю душу свою - и так просто, как хлеб или воду. Ты один здесь, в недобром ауле, и ты зовешь меня мачо, отец.

- Тебе очень понравятся снежные розы, мой мачо.

Да, наверное, они прекрасны - все твердые, с блестками инея. Закрыв глаза, Христенко пытался представить их мысленно, но средь пышных бутонов он видел не белые, а ярко-пунцовые сгустки. Кровь Ади оросит лепестки - сразу, как он уйдет навсегда из лачуги в долину. Так будет.

- Мачо, стар я, и многое вижу. Ты честен и добр. Ты боишься оставить меня и терзаешься чувствами воина, долгом. Человеческое в тебе оказалось сильней, хотя ты отважен и храбр, воин Неба. Будет так, как решил за нас Он. Оставайся. Ты и нужен здесь воином - сильным, другим. Я помогу тебе, мачо. Я многое знаю, - Ади осторожно коснулся ладонью предплечья костистой руки. - Да, мне уже не просеять отвалы руды и не выплавить из души твоей золото мудрости. Но зачем? Редко золото, и никчемно, и мягко оно для войны. Ты воин, разящая сталь, не философ. Я покрою ту сталь позолотою тайного знания рода. Ты здесь нужен, вот в этом простом кишлаке. Скоро кончится месяц раджаб и начнется другой - шаабан, месяц дальних походов и странствий. Придет шаабан, и тяжелые реки из глины помчат крушить горы. Полетят высоко молчаливые птицы к теплу, и студеные ветры накинут на дальние пастбища черные ночи. Вот тогда, мачо, к пастбищу мимо холодных костров пробираются стаями волки. Голодные волки. Они забираются в самое сердце отары, ложатся в нее. Они рвут своими клыками отару. И они не уйдут никуда. Их не прогнать из отары собакам - нужны волкодавы. Ты все понял, мачо? Очень скоро осенние волки пойдут далеко через Пяндж.

Протянув руку к нише стены, Ади вытащил тонкий, в обломок железа кинжал. Поцеловав острие, он поднес его к разворошенному пламени:

- Я посвящу тебя в воины нашего рода, Андрей!

Разогнувшись, седоволосый юноша встал на колени и, закатав рукав полотняной рубахи, двинул навстречу предплечье:

- Пусть будет так, ата. Я понял, о чем ты сказал. Дай мне имя - другое, из нашего рода.

- Ты давно получил его, мачо. Имя птицы-судьбы, - прикоснувшись к морщинистой шее, Ади снял с нее золотую цепочку с фигуркой павлина. - Да хранит тебя мудрый и доблестный Он!

Поцеловав ладонь, старик бережно протянул кулон и цепочку в раскрытые руки Христенко. На пороге провала лачуги непрошенным гостем застыл предрассветный туман. Тяжело, но спокойно дыша, старый Ади приподнял из огня раскаленное лезвие.

На колючем и влажном кусте у дувала, как ранней весной, набухая, готовились к жизни дивящие снежные розы. Розы месяца шаабан.

Сон десантника

Этой ночью во сне я вернулся в свой Псков, на учебный аэродром за дивизией. Раннее солнце, поднявшись к закраине леса, осторожно гладило мартовский снег, и под его лучами, как под ладонями в мягонькой шерстке котенка, порхали и таяли разноцветные искры. Весна. На улицах и пологих склонах реки днем бежали ручьи, а вот здесь, позапрятав в глуши, сберегала зима для кого-то кусочек мороза. Надолго?

На старте царила необычная суматоха. Еще бы - соревнования сборной дивизии со знаменитой французской «Нормандией»! По узким брезентовым полотнищам-столам на снегу раскинуты непривычно цветастые купола: спортивные парашюты совсем не похожи на наши военные. «Дубовый» - простой, как амеба, с одним вырезом в центре, отверстием для стабилизации спуска. А эти - воздушные, в сетке ажурнейших вырезов, носятся в небе, как реактивные. Здорово! За столами - оранжевый полосатый «колдун», указатель направления ветра. Сейчас он завис на шесте - полный штиль. Идеально. Что надо.

Недалеко от столов расположен КП - переносная радиостанция для связи с самолетом по выброске, «Газель» с красным крестом, стереотруба с наблюдателем, командиры и судьи. Все, волнуясь, косятся на круг с желтым нуликом - там приземляться спортсменам на точность прыжка. Легкий, словно подросток, кудрявый и бородатый француз, жестикулируя и тараторя, красуется перед моложавым комдивом.

- Месье Фабьен спрашивает, будет ли сегодня прыгать командующий дивизией, господин Иван Бабичев? - бесстрастно-нахально талдычит переводчик и, явно по корпусу, телохранитель, хотя и одетый в шикарный спортивный костюм. Нашел кого испугать, друг Фабьен. Генерал-майор, отсмеявшись до слез, склонился к переводчику:

- Вы скажите месье - я согласен. Без форы. На любой из прыжков: групповой, затяжной, на ночной - хоть на крышу высотки. Жаль, река подо льдом, а то можно бы в воду. Вы ему передайте, пусть выберет сам, что захочет. А может, на грузовом, в бэтээре по небу скататься рискнет? Экспериментальные «Д-10» с «Талкой-4» попробует? Иль, чего мелочиться, скатаем на «сходовку»?

Темпераментный, юркий Фабьен, гордость Франции, не дослушав ответа, с восхищенными криками устремляется к построению. Около замершего стрекозою «Антона» цепочка людей в разноцветных костюмах и касках - парашютисты на взлет. Последняя проверка на старте - и вот они, развернувшись к пятнистому «АНу», скользят в проем люка. Кто там? Наши? Французы? Сейчас все узнаем. Разведчики - ушлый народ. Еще с вечера Колька Задонный, непостижимым образом улестив старшину, получил под строжайшую личную ответственность самое нужное - ротный прибор наблюдения. И в эти минуты, счастливый и гордый, припал к окуляру, уютно обжившись в квадрате брезента с запасками. Удобное место - никто не прогонит. Да будет ли кто прогонять? Прогонят - кто будет потом убирать и сушить купола и запаски? А главное - кто же поведает миру о самом удачном прыжке и составит легенды о парашютных кумирах?

- Во, на точку пришел и готовится к выброске. Все, затих самолет. Во-о-о, Лескович пошел, - замирающе ахает Колька. - Как снаряд из подствольника! На, гляди, - с сожалением двигает он трубу в мою сторону.

Протерев рукавом бушлата запотевшее от колькиного дыхания стекло, я припадаю к нему, забывая обо всем, что вокруг, кроме подрагивающего в пальцах секундомера. Лескович идет на «тридцатку» - раскрутку на время воздушного комплекса. За эти тридцать секунд нужно набрать скорость в падении, выровнять тело и «отмотать» фигуры воздушной акробатики. Высота 2200 метров. Приличная. Ох, красиво идет батальонный! Падение в группировке закончено. Вот он лег на воздушный поток, чуть равняясь ладонями. Комплекс пошел. И мое сердце отщелкивает толчками синхронно с секундомером: переднее, заднее сальто, спираль. Ну давай же, быстрей, батальонный! Есть - равнение на поток и ладонь к центру каски. Салютует Лескович, позируя судьям и, конечно же, парящему внизу оператору с кинокамерой. Доворачивая ладонями раскинутых рук и ступнями, он плавно скользит в нисходящем потоке, легко и

устойчиво. Его крупное, медвежеватое тело в воздухе преображается, становясь совершенно иным: невесомым и гибким. Тренировочка есть у Лесковича. Ох, сдается мне, батя, не в преферанс ты играешь с Христенко в свои выходные во Пскове.

- Сколько? Ну, не тяни, не тяни, - тормошит меня Колька Задонный. - Пришел к мировому? Семерка?

- Семь с копейками. Близко. Другие так резко не смогут. Фабьен не Лескович.

- Хорошо бы, но счет здесь на доли секунд. И еще неизвестно, как скачут французы. На точность выходит?

Группировка. Рывок красного вытяжного кольца с правой лямки - и цветная струя из чехла. Высота девятьсот. Только бы не попал в восходящий поток батальонный. Унесет до Кислова, как в том месяце Кольку Задонного, - в ветках ищи.

- Левой, левой бобышкой, на створ, - я шепчу под хихиканье Кольки, отставив трубу, все и так уже видно. Как и все, я бегу ближе к кругу. Быстрой тенью, сжав согнутые в коленях ноги, парашютист приближается, изготовившись к приземлению.

- Ближе, ближе к «нулю»! Ну же, батя, давай, осторожненько жми, не дави, пронесет. Все, пошел. Разворачивай к кругу!

И чего я волнуюсь? Майор не из тех, кого Пашка Зиновченко с Колькой Задонным таскают с прыжка в этот круг, тычут носом об «нулик», чтоб «знал свое место». Так со мною бывало, и с прочими тоже. Неповоротливый и тяжелый «Дуб» - не УТ, не для комплекса и рекордов на точность. Вот дадут мне УТ, и посмотрим еще, кто покруче. «Ходи в нуль, ходи в нуль!»

Я бегу. Под ногами хрустит, мнется, крошится выпирающий из наносов бурьян. С посвистом хлопает крыльями легкий капроновый купол. Я бегу, и скрипят, обжимая его тугие края, в крупных руках батальонного пластмассовые бобышки, натягивая в последнем усилии стропы. Неожиданно, повернув лицо в мою сторону, батальонный кричит своим мощным, рокочущим басом:

- Салют разведроте! Салют автоматчикам персонально!

Прощай, Гудермес!

Вот так всегда: просыпаешься или разбудят на самом интересном. Под дружный хохот любимого взвода я нехотя протираю глаза. Что, подъем? Может, мир и домой? За брезентом палатки незнакомым, явно не ротным голосом урчит БТР. А у импровизированного стола, сооруженного из неизвестно откуда притащенной дверной половинки с демаскирующей надписью «ВДВ ДМБ» сидит... сам Лескович.

- Вот что, други мои, - заговорил батальонный. - Обстановка меняется. Гудермес будут брать, но, похоже, без нас. Там двинулись мотострелки и ОМОН, для зачистки. Мы нужны для другого. Раз бандиты уходят, за ними и двинемся в горы. Да, такая вот будет охота, за ичкерийской волчицей. А конкретнее вот что, орлы. После завтрака привести себя в полную боевую готовность, и прибыть ко мне в штаб батальона. Со всеми вещами и техникой.

БТР батальонного застоявшимся, злым аргамаком помчался к окопам саперов. Неспроста: вот сейчас батя мирненько так, за чайком, охмурит непреклонного Тищенко. А затем, превратив его в растаявшую от лести и дружелюбия карамельку, выклянчит для нашего взвода лучших саперов, минеров со всеми их прибамбасами. Вон как жадно глядит на дорогу наш Мельников. Понятно, идея - его, исполнение - дипломата Лесковича. Гордец Тищенко почитает лишь равных по званию. А вот наш батальонный совсем не таков. Лескович относится к нашему взводному по-отцовски. Он как-то сказал нам во Пскове, что самое трудное - быть командиром десантного взвода. Может, все проще? Я думаю, наш батальонный видит в дотошном и преданном взводном себя - молодого Лесковича первых боев. И теплое отношение к Мельникову ничуть не мешает ему в ситуациях срыва покрыть «недоучку», «хмыря» и «тупицу» затейливой вязью казарменных матов.

Неправильно это, наверное, - майору дружить с лейтенантом? Это все равно что дружить генералу с майором. Но в десанте порядки свои. Как-то в июне я стоял в карауле у знамени части. Не в тот день, когда приезжал президент, где-то позже. Я видел, как командир нашей части Сейко и министр обороны Грачев в перерыве какого-то заседания вместе гуляли по коридору. Заложив руки за спину, долговязый Сейко

вольно брел по ковровой дорожке, а министр, суетясь, говорил ему что-то, да таким тоном, словно нашкодивший старшина перед ротным Христенко. Я услышал, когда они мимо меня проходили:

- Главком СНГ, да и я, как ты знаешь, еще с декабря 1991-го начали всех тормошить, - объяснялся министр. - Предупреждали мы Кремль о Чечне, как Минздрав о курении. Нам ответили, мол, думать надобно. Все там раздумчивы. А в Ичкерии - 30 подразделений и арсеналы 173-го Центра. В январе директива пришла от главкома о вывозе арсеналов, расформировании Центра. Сделали? Нет! Ребята с боями бы оттуда все вывезли. Было время-то, было. Но началась дипломатия, теплые письма Джохару, жалобы на каких-то мерзавцев, громящих военные городки. Ну, да был ты там, сам видел все.

- Видел, знаю, - глухо роняет Сейко. - В городок с арсеналами Центра пришла делегация: Гантамиров с Арсановым. С ультиматумом - быстро оставить все им и слинять из Ичкерии. Развернули мы их поначалу, а к вечеру - постановление. От парламента. Предписано было все части и технику ОВС СНГ передать под защиту республики. А потом Борис Громов еще приезжал. Он встречался с Дудаевым. Он-то что предложил вам в генштабе?

- Что, что... Громов, он сделал главкому хорошее предложение. Поделиться богатствами Центра с Дудаевым. Что еще оставалось?

- Громов?

- Да. Что Бориса винить? Время было упущено. Хоть бы взять половину всего. Ну, а там, в главкомате, решили, что лучше продать вооружение Дудаеву по дешевке, с учетом износа. Решение заготовили, а Шапошников не подписал его. Тот стоял на своем: не отдам. Письма шли туда и сюда, а тем временем арсеналы громили. То танковый полк, то мотострелковый, то Центр. Аэродром в Ханкале захватили. В мае, знаешь, что было. Получил я свое министерское кресло с чеченской бомбой под ним. И взлечу! Механизм уж запущен Дудаевым. Что осталось в Ичкерии мне? Все уж было растащено, до 80 процентов техники и оружия. Успели убрать лишь 11 тысяч стволов, и Дудаев сорвал нашу вывозку, вышвырнул всех из Ичкерии. А что делать-то было, Григорий? Ты как поступил бы, скажи?

Развернувшись, Сейко прямо встал перед взглядом министра. Прокатив по лицу желваки, он с размаху пришлепнул ладонь к кобуре неразлучного друга «Марголина». А потом мы поехали в Красные Струги.

Собирая нехитрые вещи в рюкзак, я легонько нажал клапан лехиной зажигалки. Трепыхнулся, искря, еле видимый днем огонек. Немного подумав, я положил на дно рюкзака обернутый запасным тельником «Молитвослов». Перед тем как упаковать в старый бушлат и отдать старшине на храненье гитару, я погладил ее облупившийся бок. Но во взглядах притихших ребят прочитал, что гитара должна прозвучать. Вот сейчас, в этот миг, на прощанье с ушедшим владельцем. Что сыграть им? Застынет комком «Синева» в моем горле, не выплеснуть. Вот, пожалуй, лишь это. «Не повторяй мне имя той, которой память - мука жизни, как на чужбине песнь отчизны изгнаннику земли родной». Гусарский романс чуть тревожно и мягко кружил в благодарных глазах пацанов, растекаясь по смятым окопам в туманную муть горизонта. Прощай, Гудермес! Что там дальше нас ждет по судьбе? Горы - это по жизни, бандиты - по службе, а дембель придет по приказу министра. Прощай, Гудермес, не поднявший оружия-жала паук-скорпион. Но надолго ли ты его спрятал?

Капли росы

Разбрызгивая светлячки искр и потрескивая, мечется в пламени черный клубок саксаула. Назойливый, завывающий ветер, ударяясь с разбегу о стены лачуги, на мгновенье откатывается к дувалу и вновь рвется внутрь, срывая холстинную завесу проема. По плоской крыше лачуги, монотонно и тупо стуча, день и ночь бродит дождь. Приткнувшись сбоку к огню, на покрытою козьею шкурой кошме дремлет старый Ади. Время от времени его корявые, как сучки саксаула, дрожащие руки тянутся к горлу, пытаясь удержать удушающий кашель. Тяжело, хрипло дышит Ади. По нестриженым волосам, заплетенным в косицы, к морщинистой шее бегут струйки пота. Афганская осень - обычное время болезней, никого не щадит гепатит в дни тяжелого

месяца шаабан.

- Мачо, дай мне отвар.

Седоволосый юноша, метнувшись к очагу, бережно льет из закопченного котелка в плошку темную жидкость, и густой травяной аромат, мешаясь с горчинками дыма, струится к проему. Дыхание Ади, перемежаемое спешным, прерывистым бульканьем, наконец, избавляется от сипенья и хрипов. Плеснув на холщовую тряпку остатки отвара, юноша осторожно растирает ею лоб и виски, а затем грудь старика с выпирающими ребрами и ключицами.

- Хорошо, мачо, - бормочет Ади, раскрывая темные, в желтой белковой обводке глаза. Отведя руку юноши в сторону, он слегка прогибает ее вниз, к краю кошмы.

- Сядь, мачо. И слушай. Я скоро уйду, с холодами. Слишком много скопилось во мне желтой и черной воды. Мачо, время уходит. Оно жило в крови, а кровь моя старая превращается в уксус и тлен. Не мешай, - он сжал ладонь встрепенувшейся, сильной руки, - мало времени. А сказать тебе многое нужно. Я уйду далеко, куда все мы уходим во время последнего каравана, - в долину Лалиш. Там, у горы Маклуб, лежит прах шейха Ади, потомка Омейядов. Его семье принадлежал трон дамасских халифов. Но турки загнали наш народ в горы Ирака, а потом он развеялся по Востоку. И в Союзе езиды живут, на Кавказе. Мы горный народ, и мой путь лежит в горы Ирака. Разве тени боятся границ? Моя тень полетит к мавзолею Ади. Там, в часовне, есть дверь с изображеньем павлинов и львов... и змеи. Помни, мачо, жало в отрубленной голове змеи причиняет смертельный укус. Ты понимаешь, о чем я? Запомни. У мазара часовни есть белый родник. Я омоюсь. И останется тень моя там, где могилы Ади и Хасана. Шейх Хасан - от него и пошел весь наш род. Он был сильным, Тодж-аль-Арифан.

- Почему его звали - венец всех ученых?

- Шейх Хасан был известным поэтом. Слушай, мачо, мы оба чужие в этой стране, два пришельца. Я изгнанник, а ты - приведенный сюда.

Сбивчивый голос, скрипящий, как заросли саксаула под ветром-афганцем, на миг умолкает, чтоб выпустить бьющийся кашель.

- Ты воин. И эта война для тебя не последняя. Скоро будет другая война: там, в России. Ваши русские шейхи схватили змею и сейчас ее держат за хвост, но змея доберется до рук и ужалит. Так будет.

- Ата, ты говоришь про Кавказ? С кем я буду?

- Помни, воин, ты будешь один, с кем бы ни был. Ты знаешь горы и полюбил наше оружие. И в той большой войне ты будешь защитой для слабых. Не ищи славы и почестей, помни, спасенье в молчании и тайне. Защищай свой очаг и храни свое сердце, лишь в нем ты найдешь утешенье и помощь. А все остальное на свете неважно.

- Трудно быть одному.

- Ты был в небе, но видел орлиные стаи? Глупый общество ищет, а мудрый - один. Так говорят на Востоке. Скажу, почему. Все исчезнет. Вода уйдет сквозь песок, земля поглотит огонь и холодная ночь уведет ясный день. Не прислоняйся к стене - она рухнет, не ищи радости в сердце чужом - оно обманет и ускользнет из твоих ладоней, как ветер.

- Что мне нужно еще знать как воину?

- Ты научился сливаться с Землей и Огнем, с Металлом и Ветром, но этого мало. Ты должен уметь вести Бой Четырех Стихий. Ведя Бой Земли, обрушься вулканом, лавиной, песчаною бурей и тучей земли на врага, преврати его в пыль. В Бое Огня накрывай его стеною высокого пламени, жги. А вот в Бое Воды не спеши, веди его ровно и долго, бросай на врага вал за валом все силы твои, измотай и в пучине топи. В Бое Ветра стань смерчем и вырви врага из земли, как сухой саксаул из бархана. Все узнаешь, но помни: вершины близки. Они ближе, чем кажутся, мачо. И за каждой из них начинается спад. Не спеши их достичь и растратить все силы в пути. Помни, сразу за пиком возможно падение в пропасть.

- Ата, ты говоришь, словно даришь слова. Ты со мною прощаешься?

- Слово - капля росы. Упадет на живое - поднимет и выправит душу. Не болезнь разлучает нас - время. Время, мачо, пришло, и ты должен спуститься в долину. По Суруби идет караван. Непростой караван, с людьми Боя. Эти люди ислама - иные. Истинно верующие молятся перед разными алтарями, не оскверняя и не разрушая их друг у друга. Бог живет в этих душах, потому что чисты и светлы они. Религия - это

прежде всего любовь ко всему живому. Так говорил великий Хасан. К травинке и к дереву, к земле и душе человека, к дождю и огню. Не одно ли - дыхание ветра и человеческий крик? Так он говорил. Так и есть. Но эти люди свирепы, жестоки, как конница Бату. Они не признают никаких границ, захватывая все новые государства и земли. Они говорят, что несут свою религию для создания справедливых государств. Не справедливость несут они - мертвого бога в себе, все дальше и дальше. Смерть за ними ползет, как голодный шакал.

Прикоснувшись ладонью ко лбу старика, юноша наклонился к глазам его:

- Ата, я видел на наших позициях необычные листовки с рисунками. Там изображено северное полушарие, где над Европой и Азией рука с автоматом и надпись: «Всемирная исламская революция». Это они?

- Да, они, люди Боя. К нам сейчас приближается их караван, а ведет их Шаббат. Так его называют те люди - Пророком Горы. Они хотят перейти в Таджикистан через Пяндж. Ты пойдешь вниз, в долину, найдешь своих воинов, чтобы остановить караван. Знай, Шаббат не пророк, не мессия. Он отравленный глиной поток. Эти люди ислама горды, говорят, что имеют свои откровенья Аллаха - «вахи», могут сами решать, кого объявлять врагами. Он богат, но богатство его не для бедных. Он в Панджшере с начала войны. На его деньги идут в Афганистан приведенные воины. Он направляет их к Ахмад Шаху в Панджшер, к Абдул Хаку в Кабул, к Исмаил Хану в равнины и к пуштунам Амина Вардака. А сейчас он бросает джихад через Пяндж, чтоб вернуться к Арабскому халифату, во тьму.

- Он несет нам в Россию войну? Так? Джихад же - война?

- Не спеши, мачо. Слово - что ткань. Завернешь в нее сыр - будет круглой. А накинешь на нож - будет плоской она. Так и слово «джихад». Главное, что оно значит - борьба за веру. Он разный, джихад. Есть джихад сердца - борьба со своими дурными пороками, и джихад языка - повеление одобряемого. Есть джихад руки - наказание для нарушителей шариата. Джихадом называется обучение основам вероисповедания и духовному совершенству. Это - Великий Джихад. А есть и Малый Джихад, джихад меча - вооруженная борьба с неверными. У него свои правила. Такой джихад может объявить и вести лишь государство. Если на страну совершается нападение, от джихада не освобождается никто, все должны воевать: дети, слуги и женщины, даже больные. Другой вид Малого Джихада - распространение ислама, проповедь среди иноверцев и обращение неверных. Муллы и имамы толкают всех пленных в него, как волов под ярмо. Есть и третий вид. Это молитва. Лжепророк несет Малый Джихад. Он араб, родился в Аравии, в Джидде. Он семнадцатый сын у отца, но своими братьями почитает лишь тех, кто готов убивать безрассудно и слепо. Вот из этих опасней других иорданец Ахмед, он же Черный Араб и Паук. Опасайся его.

- Ата, как отличить лжепророка?

Облокотившись, Ади смотрит на черный клубок саксаула, подернутый красным налетом. Молчит старый Ади, и крошится саксаул в мелкие серые комья, золой растекаясь по полу.

- Мачо, ты ходишь в ущельях и знаешь, что в глубине всякой пади таится тропинка, ведущая к пику вершины. Разве в жизни не так? Загляни в глубину человека, пройди по тропе его разума - сразу поймешь, кто он есть. Не стремись за толпою к мессии - то ложь. Истинный пророк редко находит усердных поклонников. У лжепророка их много всегда. Ты пророка ищи в человеке обычном. Самый лучший пророк - тот, кто знает все прошлое. Он правильно объяснит тебе настоящее и расскажет о будущем.

- Значит, ты, ата, пророк?

- Нет, я просто дервиш, устремившийся в горы, чтоб больше увидеть с вершин.

- Что будет дальше? Ты видишь Афганистан со своих перевалов. Скажи, победим мы в войне?

Вновь задумчиво дремлет Ади. Может, спит, утомившись ночною беседой?

- Ты был на хребте Гиндукуш у Кабула с полком. Значит, видел Саланг в дни пожара?

- Видел, ата. Мы держали Саланг у хребта над тоннелем, когда в него вошел наш конвой из Хайротума. Там было много еще и других машин, просто гражданских. По всей длине тоннеля, около трех километров, был транспорт на оба потока: автобусы, грузовики, бензовозы, военная техника. Примерно посередине столкнулись вдруг БТР

с бензовозом - и взрыв. Все вокруг было залито морем огня. Пошла паника. Наши подумали - это душманы идут, и тоннель с двух сторон перекрыли. Три тысячи трупов.

Трещит, дотлевая, пеньковый фитилек на оливковом масле, бросая отсветы по глиняным стенам, да мечется за ними ветер, напоенный воем шакалов. Холодный, злой ветер, жестокий и алчный, как зверь.

- Тогда ты все сам знаешь, мачо. Ты видел Саланг в дни пожара. Афганистан будет гореть бесконечно, как вот этот тоннель, в неизбежной войне полумесяца с солнцем. В той войне не бывает побед.

- Ты предсказал мне быть воином, дал свои тайные знания. Все мы, воины Неба, считаемся сильными. Только в нашей стране по-другому устроено. Нас не учат с пеленок войне. Когда мальчик Востока берет в руки нож, наш идет в школу и пишет в тетрадках про мир. Головы ни баранам, ни пленным не режет.

- Ты просишь у меня разрешения передать свои знания? Может, время придет. Наш обычай не запрещает этого. Но запомни одно: чаша жизни у всех людей разная. Посильна ли будет другому твоя? Я хотел быть не воином, а поэтом, как аль-Арифан. Я мечтал лечить знанием души. Но мой мудрый отец лучше ведал про все. Он сказал: «Нет, перо для тебя тяжело. Возьми меч». Люди разные, мачо. Есть такие, что двигают скалы, прокладывая пути каравана, и есть те, что поднимут лишь мелкие камни с тропы. Нужны и они. Не спеши. Не торопись на подъеме. Я не всегда был пастухом при овечьей отаре и воином. Я был шейхом, прошел много войн. Но мой род победили потомки пророка Али. Я остался один. А сейчас наступает твоя война, мачо. Постарайся быть в ней осторожен. Да, ты верно сказал: эти люди обучены с детства гашению обликов. Но не бойся, ты сможешь узнать их под тысячью масок. Верю, Он сохранит тебя мне. Будет так.

Захлебываясь от удушающих спазмов и жара, Ади протянул руку к плошке с питьем, и юноша снова поднес ее край к воспаленным губам старика.

- Ата, я делал все, что просил ты. Я очень старался, ты знаешь. Как сейчас мне уйти и оставить тебя одного? Нет такого в обычаях нашего рода, - приподняв голову Ади, он придвинулся к темным, в янтарной белковой обводке глазам.

- Наш предок великий Хасан говорил, что нелепо от яблони требовать сразу цветы и плоды. Ты уйдешь - буду ждать. У меня здесь есть сыр, саксаул и вода. Есть оружие, розовый куст у дувала. И память.

Ночная тьма, наконец-то уверенно, по-хозяйски разлившись вокруг очага, вытолкнула из провала лачуги в потоки дождя гибкую, напряженную, как боевая пружина, фигуру. На поясе юноши под безрукавкой из ламы висела на тонком жгуте кагинава - лапчатка с широкими, мощными крючьями. Подхваченный вращением ночи и ветра, он тенью скользнул внутрь киризов.

- Ты был моей радостью, мачо, - чуть слышно прошелестело вслед ему от затухающего очага. - Я видел цветы и плоды.

Подбросив в очаг пучок хвороста, старый шейх задремал, смежив веки. Под сухой треск отжившей свое виноградной лозы он лежал, вспоминая все обращенные к нему юношей ночью слова. Разобрав их, как теплую горсть самоцветов, он отложил в сторону самые для него драгоценные: ата. Отец! Полыхая небесным огнем лазурита, они согревали надежду на яркое солнце, на жизнь. Содрогаясь от кашля и сотворенного не по злобе греха, Ади коротко простонал. С трудом приподняв иссохшую ладонь, он поцеловал ее, шепча, чтоб неведомый Он никого не казнил за любовь к цвету Неба. Жарко вспыхнув, огонь виноградной лозы ультрамариновыми бликами стек по седой бороде и дрожащей ладони.

Шаабан

Через тьму и потоки дождя караван пробирался к Суруби. Петляя по серпантину тропы, он исчезал, тая в белых разводьях тумана, и вновь призраком-миражом выплывал между кручами. След в след, то спотыкаясь о каменистую осыпь, то опасно скользя на подъемах, двигались молчаливые люди и навьюченные одногорбые верблюды, одинаково чувствуя кожей тревогу. Ее не было, когда караван пересекал афгано-пакистанскую границу: триста перевалов и тысячи троп не перекрыть никаким постам царандоя. Правительственные войска стерегли лишь наиболее важное - дорогу Дже-

лалабад - Пешевар, кишлаки и мосты. Да зачем догонять караван правоверных, идущих подальше от суеты из Медины и Мекки? Шаабан - месяц дальних походов и странствий.

Прячась днем в обезлюдевших кишлаках, он преследовал ночь одичалой, затравленной стаей. Разум гнал его прочь от тропы, но инстинкт хищников требовал своего и привычного - крови. Много, много за Пянджем беспечных отар. Будет все, но посты боевых охранений Суруби так близко подходят к тропе, и стоит в них не царандой, не вооруженные бурской винтовкой дехкане, а русский десант. А он знает, что не повезет караван вьючными тропами, через Пяндж, ковры, фрукты и хлопок, обычный афганский товар. Нет, не хлопок, конечно, лежит в этих вьюках - зачем он в Таджикистане? Там мины, взрывчатка, наркотики, деньги, листовки, оружие. Самое главное - мины. Он, Шаббат, знает толк в своем деле. И Ахмед знает, мастер-минер. В этих вьюках самые разные типы устройств: натяжного действия, выпрыгивающие, с пневматическим взрывателем, управляемые дистанционно. Таджикистан - вот первая из отар на пути. Чтоб нести джихад к северу, до Кремля, нужно захватить власть в этой республике и взрывами вынудить русских уйти из нее. А для этого создать новые базы и лагеря для непримиримых, укрепить силы Движения исламского Возрождения. Он сделает Горный Бадахшан для себя таким же укрепленным гнездом, как Долина пяти львов для Масуда в Панджшере. Масуд - из таджиков, поможет. Он уже набирает и опыт, и власть. Придет время, и срежут они кинжальным огнем с двух сторон заставы погранотрядов: Московского, Пянджского, Хорогского, Калаи-Хумбского и других, сровняют с землей. Разве не были Средняя Азия и Кавказ землями одного Халифата? Да, немного пока - всего тридцать обученных братьев. Но они стоят полка. Он хороший вожак и отбирал себе родичей в стаю по стати звериной и силе клыков.

Молодой, гибкий араб почтительно склонился перед человеком в белоснежной, как пряди тумана, чалме:

- Великий, позволь мне сказать.

- Говори, что ты хочешь, Ахмед? Есть опасность? Откуда?

- Нет, спокойно пока все, Великий Пророк. Мы подходим к Суруби. Караван должен встретить отряд Ахмад Шаха Масуда. Он проводит нас дальше через посты. Твоя жизнь драгоценна, Великий, Аллаху. Я знаю Суруби, позволь мне пойти с разведдозором к месту встречи отрядов. И еще одно дело, Великий, не сделано мною. Недалеко от киризов кишлак есть язычника, шейха Ади.

- Это тот самый шейх, что помочь отказался? Он обозвал тебя куском дохлой собаки, унизил как воина. Почему этот старый колдун еще жив?

- Ты проницателен и всеведущ, мудрец, - растерянно пробормотал молодой. - Но Ади, он всесильный. Народ кишлака уж давно бы расправился с ним, но боится, считая его колдуном. Не колдун он, но ему ведомо боевое искусство Востока, на уровне магии. Я хотел ...

- ...у него поучиться? Ты блестящий гвардеец, Ахмед, украшение свиты Хусейна. Боевой офицер неплохой, я ценю, но какой из тебя дипломат? Так ли шел ты к намеченной цели? Был ли ты терпелив и настойчив, и щедр, и опасен? Разве шейхи не любят дары? Не боятся меча?

- Нет, Великий, я очень старался. Брал дарами и словом, и страхом. Напрасно. А сейчас я узнал, что в лачуге его лежит русский солдат. Он был ранен в бою под Баграмом. Я не знаю, откуда попал он к Ади. Может, бросил Масуд на съеденье шакалам и грифам, как водится. Но Ади, как я слышал, зовет его мачо.

- Ты, шакал, сын шакала! Почему ты молчал до сих пор? Твоя кожа сгниет переспелым гранатом под плетью моей! Твоя кровь упадет на тропу, как его наторевшие зерна, потоком, если не приведешь мне сюда, к каравану, язычника! Он должен лежать в моих вьюках. Этого мало, найди и убей русского. Растерзай весь кишлак, что нарушил законы джихада, оставив гяура в живых. Разве не для ножа правоверных созрели их головы? Прочь от ног! Исполняй мою волю немедленно. Всю жизнь бурдук носит в себе вино, но не знает его вкуса. Всю жизнь проведет глупец возле мудрого, но ничему не научится.

Тяжело бьют великие мира сего над тобой. Не мечом, не кинжалами - плетью. И горят те рубцы на спине и лице дольше ран боевых, разъедая тяжелыми язвами душу.

Дракон

В тусклом свете дождя зрела долгая ночь, и на темном кусте у дувала рвались, раскрывая ладони бутонов, упругие снежные комья. Тиха ночь, но не спит Ади. Может, слушает старый язычник негромкие, мирные взрывы бутонов под стуки дождя? Или - чьи-то шаги? Да, все ближе крадутся чужие шаги, осторожные, резкие, явно не мирные. Злые.

- Что стоишь ты у входа, Ахмед? Проходи. Я давно тебя жду. Ты несдержан и гневен сейчас по дыханию. Значит, до сих пор ты преодолеваешь скалы с веревкой-басиго, раз не владеешь собой? Так какой же ты Черный Паук? Ты просил моих знаний, Ахмед, и обижен, что я отказал? Знаешь, я объясню тебе, почему, если есть еще время. Я расскажу тебе сказку про глупого военачальника. Ты служил королю Иордании, а он стоял над войсками китайского императора. Он такой же, как ты был, горячий и нервный. И позвал он однажды перед походом придворного мага-жреца. И спросил, может ли тот научить его быстрой и легкой победе. Жрец согласен был поделиться наукой и стал учить этого воина формулам заклинаний. «Это мне ни к чему, - рассердился воинственный муж. - Дай мне просто магический жезл. Я взмахну им, дракон прилетит и пожрет вражье войско».

- И он дал ему жезл? - гибкая тень с автоматом в руках показалась в проеме лачуги. Помедлив, она осторожно приблизилась к ложу язычника.

- Дал, конечно же, дал. Кто откажет любимцу властителя?

- Ну и что было дальше? - положив автомат на колени, присел у постели вошедший.

- Так и было, Ахмед. Проглотил всех дракон. Или сжег. А заодно и военачальника тоже. Он не знал заклинаний для возвращения дракона обратно.

- Ну, а что было с магом потом? Император содрал с него кожу?

- Хотел, но раздумал. Послушал сначала жреца. Тот спросил императора, для чего ему глупый военачальник. «Ни к чему, - согласился властитель, - но пропал твой магический жезл. Очень жаль».

- Полагаю, мудрец объяснил, что дракон возвратился к нему? Сказка умная. Но пора. Я пришел за тобой, собирайся. Великий нас ждет на тропе. И скажи, где твой мачо.

- Подожди, я не все рассказал. Император жреца наградил. А потом отравил. Так всегда они делают. Их ладонь тяжела. Вон горит на щеке твоей плеть господина. Где мой мачо? - Ади кивнул на провал лачуги, окруженный колышущимися за занавеской тенями. - А где ветер? Где снег? День вчерашний? Мачо волен, как птица судьбы. Я же стар и бессилен. На что я сгодиться могу лжепророку?

Наставив на старого шейха зрачок автомата, араб угрожающе тронул предохранитель.

- Подожди, не рождай в сердце гнев, он не нужен. Мои сборы недолгими будут, Ахмед. Я успел помолиться.

Собрав остатки сил, Ади рывком выдернул чеку из зажатой в руке гранаты. Звериный, тоскливо-отчаянный вой пронесся от взрыва к туманным каньонам и скалам. Уцелевшие люди, остатки разведдозора, приподняли ползущего прочь, в темноту, человека. Сдернув чалму, один из них стал торопливо и резко накладывать жгут на кисть его правой руки.

- Кишлак, - выплевывая изо рта сгустки крови и глины, прохрипел раненый, - сровнять с землей, сжечь. Всех убить, как неверных собак!

Дождевые потоки, смывая обломки лачуги и кровь, уносили их, пряча в далеких каньонах. По опасной тропе, разрушаемой ветром и влагой, все также сочился в ночи караван, поджидая отряд Ахмад Шаха Масуда.

Зампотех

После занятия по огневой подготовке начались сборы нашего батальона к отъезду. И вот, подхватив свой походный рюкзак, я выхожу из обжитой палатки на дождь. Затяжной и тяжелый, он шелестит в придорожных измятых кустах, стучит по броне бэ-эмдэшки и, шипя, исчезает в наполненной влагою колее. Несмотря на плохую погоду, настроение у меня приподнятое: я узнал, что давно был представлен к сержантскому

званию, еще за бои в январе, и приказ по полку подошел. Хорошо, все же есть хоть одно преимущество у сержантского звания: уж сегодня-то явно не буду сидеть на броне под дождем. На бригадных позициях, в дождь, замечательно быть изнутри. А по минным дорогам - так лучше уж сверху кататься на бронике. Довоевались - весь наш взвод уместится в одной БМД. Да какой уж там взвод, отделение разве осталось. Уж скорей бы подкинули, что ли, «слонят». Привезут. Как Лескович сказал, весь полчок сюда рвется из Пскова.

Но ротная колонна сейчас, перед маршем, внушительно смотрится: БМД, БТРы и танки. Зампотех дрожит над всем этим шумным хозяйством. Вот и сейчас, как наседка, он кружит возле своих любимцев, бесконечно что-то простукивая, оглаживая и прогревая. Говорят, что наш Свешников больше чеченов боится Христенко, оттого и работает все, как часы. Насчет Христенко не знаю, а чехов он не пугается, точно. Да ему вообще не до них, если бой. Морщась на досадные помехи в виде пуль и осколков снарядов, он первым бежит к глохнущим двигателям и возится со всем экипажем до нужного результата. Вечно что-то латает и сваривает ночами, не доверяя «безруким» механикам, и вечно ворчит на нехватку деталей и топлива. При всем этом очень наивен, совершенно без юмора. Как-то Мельников в шутку подначил его, прихвастнув, что дают вертолеты для роты. «А давно бы пора, - облегченно и радостно выдохнул Свешников. - Непонятно совсем, кто и есть мы без них. Ведь крылатая вроде пехота, а крылья-то где? Одни «ИЛы» во Пскове, и тех на дивизию не хватает. Пехота на танках мы, да и только. Вертолеты - приму. Хоть запчасти на них возить буду, все толк».

Остановив взводного у головного БТРа, он трясет его бедную душу какой-то проблемой. Энергично качнув торсом в сторону нашей бээмдэшки, он бесцеремонно подносит к лицу Мельникова черные, с въевшейся смазкою руки. Сейчас будет душить за какой-то там грех. Нет, раздумал. Загибает черный мизинец на правой руке. Кивок Мельникова. Загибает безымянный. Кивок. Великолепный повелительный жест указательного пальца в сторону БМД - и к носу взводного подлетает красивейшая комбинация из трех промасленных и ободранных пальцев. Напряженно отслеживающий развитие событий водитель Серега при виде последней фигуры выскакаивает наружу. Отплюнув набежавшую к губам влагу, он решительно плюхает сапогами по лужам, равняясь на взводного.

- Да ему, технарю, черта с два угодишь! Идеальных-то БМД не бывает в природе. Да была б его воля, вся рота пешком бы ходила в боях и на марше. Ща скажу ему все, - угасает в дожде крик водительской честной души.

Второе действие пантомимы с дождем. Аналогичное первому. Только вместо взводного уже покорно и робко кивает Серега, а последней фигурой взлетает к глазам его крепкий, увесистый, черный кулак.

- А ну его, вот прилип, банный лист, с техосмотром. Похуже ВАИ, - согнутая стеною воды, но живая душа взводного приближается к БМД, на ходу комментируя текст к пантомиме. - Но вообще-то Свешников прав. Надо мне за Серегой приглядывать лучше с ремонтом. Да опять же, лихачит он много. Ломается все. Но ведь ходит же, ходит!

Остановившись передо мной, Мельников автоматически выбрасывает к лицу правую руку:

- За техникой - взводный гляди. Вооружение вовремя сделать - он, Мельников. Спецподготовка - моя. - Лукавит! Христенко не меньше гоняют с Лесковичем. - Матчасть - тоже на шее висит. По любой чепухе - горы актов. А когда их писать? План боевых операций и рейдов - представь, согласуй и исполни. Потом отчитайся за все. А куда же ты денешься, Мельников, с лодки подводной? А выговорешники чьи от Христенко всегда? Ваньки-взводного. А пошло оно все! Слушай, Виктор, я тут написал представление на тебя. Замкомвзвода мне нужен.

Замкомвзвода? Да справлюсь ли я?

- Товарищ лейтенант, есть Валерыч и Пашка...

- Да они за полдня перессорят со мной всю роту. Вон Свешников тот же - натура чувствительная и очень ранимая, обхождения требует. Мужик золотой.

Это точно. Чувствительная натура, отпустив наконец поникшего Серого на вечное покаяние, все еще гневно потрясала вослед ему уже двумя кулаками.

- Ну, вот и договорились, быстренько просмотри все, пройдись по окопам и глянь, вдруг чего-то забыли. Хозяйство большое.

Чайковский

Возвращаясь от Свешникова, я увидел около нашей БМД трех незнакомых пареньков. Пряча в кулак от дождя сигареты, они внимательно слушали топтавшегося в луже Сашу Чернева. Время от времени, хлюпая мокрую грязь сапогами, он пытался выбраться на островки суши за колеей, но тут же, увлеченный разговором, возвращался в исходное положение.

- В Шали тогда банды гуляли, как дома. Особенно донимал нас Абу Мавсаев, полевой командир из Шали. И в банде все местные были. Старейшин не слушали ни в самом Шали, ни в районе. Население вроде за нас, а бандитов боялось. Там вообще беспредел был, сотня тысяч стволов неучтенных гуляла. И мин пропасть. Всяких.

Все понятно, парнишки - саперы-минеры от Тищенко, а Чернев, дружок Николаева Тохи с саперного батальона, уже скорешился с ребятами. Саня дружил с Тохой со Пскова. Однажды перед киносеансом в Куполе, нашем дивизионном клубе, мы увидели, как поднялся на сцену сероглазый невзрачный парнишка и подошел к стоявшему справа в углу пианино. Бросив пальцы на клавиши, он заиграл что-то легкое, светлое, рождая то плески волны, то шуршанье дождя по траве, то серебряный рокот капели. Играл он Чайковского, Первый концерт. Но прозвище «Чайковский» сапер получил не за музыкальные импровизации в Куполе. Его дали Тохе в боях под Шали за сверхчуткие пальцы. Сколько мин они вытащили, сколько жизней спасли, бэтээров и танков - не счесть.

Играл он последний раз в Грозном. Мимоходом свернув к брошенному кем-то в центре грозненского парка пианино, он, не снимая автомата, взял пару аккордов. Мы думали, все, отзвучали аккорды войны. А сейчас Саша Чернев рассказывает о последнем концерте маэстро - у героиновой фабрики под Шали. Мы получили тогда задание пробраться к мавсаевцам в тыл и разминировать подходы для рот. Фармацевтическое оборудование, говорят, было куплено для производства наркотика за границей, а опий-сырец Дудаев запросто гнал самолетами из Афгана. В эти дни и работал с разведкой Чайковский. На проходе к главному производственному корпусу он снимал мину за миной, выкапывал и обезвреживал фугасы, постоянно морщась от звона в наушниках миноискателя. Там завалы металла, лишь тохин слух мог узнать, где лежит смертоносный заряд. Дудаевцы спешно вывозили оборудование фабрики в горы, вокруг зданий были лужи солярки от техники, никакие шарики не сработают. Снег взрыхлен, все сдвинуто, визуально понять ничего невозможно.

- И вот Тоха встал, молчит. Не врубаемся, то ли заложена мина, то ли фугас-самодельщина. Можно трогать, нельзя - неизвестно. Ну, сняли лопатками верхний слой и ножами пошли выцарапывать. А и верно, фугас был, да хуже всего - самодельный. Так, бачок со взрывчаткой. Погасили взрыватель, я «кошку» достал. Ну, а Тоха опять: «Отдохни, я подумаю чуточку».

Я не видел того, что творили в январское утро ребята с фугасом. У ворот проходной я держал свой сектор обстрела, а Костровой, как всегда, прикрывал наш отряд дымовухой. Там много горело вокруг: и наши бомбили, и чехи, когда отходили, все лишнее жгли, убирали.

- Поотогрели пальцы - и снова туда. Уж Тоха копался, копался под днищем - нашел проводки.

- Двойного действия был? На неизвлекаемостъ заложили?

- Там по-хитрому сделано было. Дополнительный взрыватель выведен в глубине на снаряды. И фугасы они заложили цепочкой от корпуса к корпусу. Видно, думали, БТРы и танки рванут - и конец, всех накроет. Ну, немало бы было - вся фабрика в крошки.

- Так и шли по цепочке вдвоем?

- Не, еще помогали ребята, как Тоха им все объяснил. Потом было проще. Тохе бы отдохнуть, отойти. Сколько почвы руками скидал! Да морозное, в наледи все. Но в перчатках не будешь гаситъ, сами знаете. Пальцы содраны в кровь, плохо гнутся. А роты-то ждут. На последнем снаряде рвануло. Проводки были с наледью, руки холодные, блин. Ну, а дальше, не помню, что было. Контузило.

Было что? Тоха выжил. И фабрику эту мы взяли. В госпитале Владикавказа они

лежали вместе, Саша Чернев и Тоха, которому взрывом оторвало ступни. Там же, в госпитале, ему ампутировали отмороженные пальцы. И сейчас питерец Тоха сидит у ларьков на Варшавском вокзале и простуженным голосом хрипло поет наши песни. Пой, браток, «Синеву», пусть все слышат. Пой, тебе ли стыдиться культей? Все безногие «звезды» поют на заплеванном сером асфальте, не в клубах ночных. Парни видят его на перроне. Он встречает и провожает все псковские поезда, и десантники помогают ему. Пой, браток, и жди нас. Мы вернемся, маэстро.

Сын мусульманки

Саперы, похоже, у нас обживаются. Вон, уютно пристроились с Черневым сверху, как век тут и были. Внутри БМД все готово к движению. Пулемет и тридцатикалиберная пушечка настроились воинственно, словно в рейд. Но колонна стоит, поджидая отставшие роты. Нахальный, уже подзабывший разнос зампотеха, Серега бросает многозначительные, нетерпеливые взгляды в сторону взводного. Притулившийся к стенке Мельников сосредоточен и тих.

- Товарищ лейтенант, - я присаживаюсь к нему рядом, по праву пора. - У штаба заглянем в «восьмерку»? Они держат для нас подгоревшую БМД. Что снимаем - все наше.

- Где? В восьмой ПДР? Там и снегу зимою не выпросишь, не то что запчасти. Уже все раскурочили сами, наверное.

- Нет, оставлена эта машинка для нас. Лично Свешников дал указание. Он на что-то сменялся. И, правда, мужик золотой.

- Золотой? - оживает Серега. - Мне орал, что он лично взорвет нашу дохлую колымагу, позорище роты и целой дивизии. Не прав он. Просто рейды в разведке у нас посложнее чуть-чуть, на ходу ремонтируешь все. А машинка-то зверь. Как работает, знал бы! «Спишу» да «спишу». Ща, дадим! Размечтался.

С облегчением выдохнув, Мельников прикрывает раскосые щелки-глаза, и его полные, по-детски припухлые губы изображают впервые за несколько дней что-то похожее на улыбку. Вот сейчас к нему можно пристать и спросить про одно обстоятельство. Важное.

- Товарищ лейтенант, вы сказали, что Алешка хотел стать священником. Это по правде?

Повернувшись ко мне, взводный молчит, лишь глаза его в полутьме озабоченно хмурятся. Да, нашел я и место, и время. А где их искать?

- Правда, было такое решение, к этому шел. Ты пойми, быть священником - служба. Это духовный солдат под обетом-присягой. Жизнь за веру готовый отдать, раз он воин Христа. Знаешь сам, что священников здесь убивают, как кровных врагов, как десант. Вспомни, что сделали с отцом Сергием в Урус-Мартане, с отцом Анатолием, с отцом Михаилом из Грозного?

- Посмотреть бы Коран. Интересно, записано там «не убий»? - по своему обыкновению полюбопытствовал Валерыч.

- В Коране сказано: кто убьет человека без вины, тот как будто бы убил всех. Это тоже заповедь мира и добрых людей.

- Это точно в Коране так пишется? - сомневаясь, переспросил Незванцев. - А сами что делают, мусульмане?

- Пацаны, сколько вам говорить, что нельзя путать настоящий ислам с бандитизмом. Настоящие мусульмане - другие. Они не поднимут руку на чужого священника. Бандитов хватает и на православной Руси, и у каждого крест золотой во все пузо. Не судите всех скопом. Подумайте, что выпало этому народу. Все разом свалилось: шариат, рынок, кодлы ворья, война, безработица, голод, конституционный порядок на танках под бомбежками. Разбери тут, пойми, кто плохой, кто хороший.

- Но все равно они нашего бога не любят, и злость вся оттуда, - добавил Валерыч. - Мы вроде бы не люди даже, раз веры иной.

- Откуда ты взял, что настоящие мусульмане не любят Христа? По Корану он считается старшим пророком Аллаха. Его именем называют детей: Иса. Это мать говорила моя, мусульманка.

- А про войну что говорят там пророки? Воевать - это можно?

- Родину защищать - у всех народов святая заповедь. Помните, наш священник перед отлетом из Пскова читал перед строем молитву? О чем он просил?

Молчание. Разве такое упомнишь? До того ли нам было? Я письмо все домой сочинял, о далеких и мирных ученьях. А Валерыч своим сообщил: завернул хулиганку по пьяни и срок получил, а писать из дисбата нельзя, запрещается. Так о чем же просил на плацу перед строем священник?

- Он обращался к Георгию Победоносцу, просил его о даровании победы над врагами, об укреплении благодатью во бранях православного воинства. А насчет Алексея я вот что скажу, пацаны. Вы поймете. Под пулями все перестали быть атеистами. Я бы лично хотел, чтоб за нас там, в России, молился священник с хорошей и доброй душой. Вот с такой, как у Лешки. Ну, а если он в десанте служил - знает, что у неба просить.

Воин-одиночка

Скользя по холодным и мокрым уступам киризов, Христенко спускался к долине. Сюда, в это вековое царство мрака, не проникали потоки дождя, и лишь воющие отголоски шквального ветра, разносимые эхом по каменным трубам, напоминали о Бое Стихий наверху. Схлестываясь грудь в грудь, швыряя друг в друга тучи камней и песка, Вода и Ветер в смертельном захвате кружили над горними кручами и каньонами.

Приближаясь к знакомому ущелью, где он раньше впервые увидел Ади, Христенко услышал вдруг в посвисте ветра иные, глухие шумы. Влажный воздух с низовья тянул запах дыма и пороха. Притаив дыхание у среза каменной двери, он огляделся. Все было здесь так, как и раньше, в июньские дни. Также лежали у широкого выхода на плато и долину ослы, и горел, словно нехотя, чадный костер. И сидели вокруг него люди, не похожие на дехкан. Негромко переговариваясь, они протирали и чистили автоматы, а на войлоке у стены грудились крупнокалиберный пулемет, минометы и огнеметы, снарядные ящики и коробки патронов. Нет сомнения, этот отряд приготовился к бою. Но к какому и чьи это люди? О каменных тропах, системе туннелей к Суруби, знали лишь местные жители и душманы, использовавшие их для тайного проникновения к гребням перевала, чтобы внезапно и быстро отстрелять высадившиеся на горных плато группы десанта или спустить вниз, в долину, просочившиеся из Пакистана караваны с оружием и наемниками для Ахмад Шаха. По этим киризам, перетаскивая на руках из туннеля в туннель, и поднял его старый Ади в свой кишлак.

Нангархарская долина, житница Афганистана под Джелалабадом, притягивала многие шайки для нападения на богатые кишлаки. Не забывали о ней и Кровавый Мулла, стоявший лагерями по реке Логар, и отряды «зверинца» Гардеза, банд Грифа и Хана Свирепого, братьев Шайтана. Но чьи были эти? Внезапно Христенко уловил в разговорах знакомое имя: Шаббат. Прислушиваясь дальше, он понял, что отряд ждет для дальнейшего сопровождения к Пянджу караван лжепророка. Но ранее готовится уничтожить высадившийся на горном плато у тропы взвод десанта. Поднявшись на пару ступенек, Христенко разжался, усиленно растирая колени и плечи. Путь к долине закрыт. Но сейчас не это самое важное. Нужно пройти вверх, к отрогам, и найти этот сумасшедший десантный отряд, не ожидающий нападения снизу.

У выхода к перевалу Христенко остановился и, оглянувшись, на мгновенье прилип к стене. Развернув на себя плоский камень-плиту, он протиснулся внутрь. Здесь, в сухой по дну нише, оборудованной Ади в тайник, находились все их главные ценности. Сложенные на кошму и обернутые тканью, ждали своего часа военные трофеи: египетские и германские автоматы, английские минометы, американские снайперские винтовки, итальянские и английские мины, гранаты, патроны. Рядом, аккуратно заштопанная, лежала форменная одежда Христенко. Запасы чистой воды и сыра, мешки с травами и связки шкур занимали отдельный угол пещеры. Осмотревшись, Христенко достал из-под вороха шкур камышовую трубку и деревянный футляр. Чуть помедлив, закрыл вход пещеры. В деревянном пенале лежали иглы, пропитанные ядом мгновенного действия, секрет которого знал старый Ади. Христенко решил применить запрещенное оружие, древний прием «гашения обликов», так Ади называл устранение лиц, мешающих естественному ходу событий. То, что он собирался сделать, угнетало и мучило. Но «облики», собравшиеся в пещере, несомненно, заслуживали

устранения.

Вернувшись к отряду, Христенко убедился в правильности выбранного решения. В сумраке иглы никто не заметит, к тому же бесшумность и быстрота действий вызовут нужную панику. Первых он достанет от лаза, с дистанции 10-15 шагов. Остальных кагинавой догасит.

Все получилось, как он рассчитал. Распластавшись на отвесной скале, темная фигурка в мягком холщовом костюме и меховой жилетке из ламы на мгновение прилипла к поверхности камня всем телом. Принятая, она благодарно прижала ступни и ладони к шершавой стене. Еще через миг, поддерживаемая неведомой мощью, она легко заскользила вниз, чтобы сократить путь по круче.

Глава 3. КРИК ПАВЛИНА

Близость опасности

Рассредоточившись на пятачке среди скал, взвод лейтенанта Лесковича готовился к бою. Небольшое плато, с трех сторон окруженное нагромождением валунов и утесов, перетекало через тропу вниз, к пропасти. Место было удобное для засады, но и для нападения духов годилось не менее. Кляня мысленно караван, и промозглую ночь, и полковую разведку, не предоставившую подробных сведений, Лескович угрюмо взглянул на часы, и зло сплюнул в испуге: стоят? Взводный не был исключением: все командиры клянут в ожидании боя разведку и панически ждут остановки часов. Поднабравшийся боевого опыта лейтенант прекрасно осознавал, что стопроцентной верности информации от полковой разведки не бывает, а часы пригодятся лишь для фиксации длительности боя. Боя с неизвестным началом отсчета времени, обозначенным вопрошающей буковкой «Х». Ночной дождь, потоками рвущийся с каменных круч и усиленные раскатами горного эха посвисты ветра над пропастью вместе с нервозностью ожидания выбивали из тела последние капли тепла. Ежась от холода и неизвестности, Лескович в очередной раз проверил огневые позиции взвода. Погода, конечно же, сволочная, но маскировку им создала идеальную. Даже при точном знании мест расположения всех бойцов он едва различал сероватые пятна бушлатов. Но если не прекратится такая вот круговерть, обратно придется идти им по склонам Суруби. Прокатиться на вертолете не светит. Прикрыв глаза и мысленно воспроизведя путь отхода с плато, все подъемы и спуски, размоины, пропасти, оползни, взводный внутренне усмехнулся: он уже размышляет о возвращении в часть как о деле решенном, о самом естественном варианте развития ситуации. А о чем еще думать? О смерти? Лейтенант относился к ней мудро: авось, пронесет. Как общепризнанная «ротная флегма», он вообще не любил беспредметных наук, вызывающих разные рассуждения. Нет, наука и жизнь подождут, а вот раненым будет невесело. Как их вниз выносить? Что придумать? Внезапно он ощутил, не глазами, не слухом, а всем существом своим, близость опасности.

Встреча теней

Не меняя позы, сидящий на срезе скалы лейтенант поплотней вжался в грани отколов и, плавно перехватив автомат, потянулся к скобе. На плато появился чужой, о чем ясно сказал запах крови и острой, еще не улегшейся ярости. Запах солдат, выходящих из боя. В тот же миг непонятная жаркая тяжесть волною скользнула по телу Лесковича. Растворившись в густом, невесомом тепле, он не видел, как кто-то, шагнув из-за края скалы, осторожно поправил его автомат. А волна понесла его дальше, вбирая в себя, вознося вверх, к курящимся шапкам Суруби, а затем еще дальше, меняя пространство и время. Нет Суруби - есть Псков. Он стоит возле дома-высотки на Мира, распаренный солнцем июля, и смеется над тем, как его полноватая Ната, присев, объясняется с крохотной копией Танькой. Это шустрое годовалое существо в конопушках и бантиках что-то сердито лепечет. Наконец, ухватив Нату за руку, решительно тянет ее к киоску с мороженым. Рассыпается наткин счастливый смех. Сыплется на асфальт разноцветный горох ее сарафана, сыплются с загорелой спины ее горсти отборных веснушек, и сыплется поверху солнечный дождь. Какое солнце? С трудом возвраща-

ясь в реальность, Лескович ожесточенно растер ладонью глаза. Какие июль и веснушки? Лежит его верная Натка сейчас на диване и кутает пледом натертые мазью лодыжки, как все истинные парашютеры в такую вот осень. Не всегда приземления бывают классически правильны - на сомкнутые ступни с последующим перекатом на правый бок для гашения купола. Кто не шмякался мимо «нуля» на асфальт? Кто не падал на пятую точку, на кости? И у него это часто бывает, а уж Натке-то, мастеру спорта, досталось поболе. Лежит, кряхтя и охая, как старушка, его синеокая рыжая Ната, и мечется дождь за окном, монотонно стуча о карнизы. Падает вниз с дивана длинная бронзовая коса. Падает книга из рук, и тихонько сопит рядом, возле плеча, Танька, такая же рыжая.

Очнувшись от наваждения, Лескович с испугом прислушался, ощущая, как поток взбудораженной крови устремляется по венам и капиллярам в привычное русло, омыв и согрев изнутри клеточки тела.

- Тише. Все хорошо. Не кричи и не дергайся, взводный. Соберись и послушай меня. Все нормально. Свои, не пугайся.

- Кто свои? Откуда? - стряхивая остатки морока, Лескович вновь потянулся к скобе автомата.

- Ты не спал. Это просто гипноз. И настройка на мысли того, с кем вступаешь в контакт. Ну не драться же было с тобой. Повторяю: я свой. Рядовой Христенко. Был в июне взят в плен. Но об этом потом. Впереди у нас бой, нужно крепко подумать и многое сделать.

Лескович с интересом оглядел юношу в темном холщовом костюме, жилетке из ламы и маске, открывающей лишь полоску лица и глаза. Странная, словно из самурайских боевиков, фигура.

- Непростой караван от Хайдарабада идет, пробираясь за Пяндж. Метят дальше, в Союз.

- Вот зачем нас так резко закинули.

- И Масуд про вас знал, он отряд снарядил из долины. Эти парни в киризах, на сходе в долину, лежат. Там осталось оружие. Нужно срочно поднять все сюда.

- Как лежат?

- В смысле мертвые все. Дай мне несколько человек, лейтенант, мы спустимся вниз и поднимем оружие. И еще надо трупы убрать. Я оружие применил запрещенное, - Христенко протянул вперед снятую с пояса веревку с разлапистыми остриями и камышовую трубку.

- Кагинава! - по-детски восторженно ахнул Лескович. - Игрушки для ниндзя. Где взял?

- Дал приемный отец, шейх Ади. Он укрыл меня от Масуда и вылечил.

- Шейх Ади? Из советников чьих?

- Не советник, пастух он. Здесь рядом живет в кишлаке.

- «Из света в тень переходя...

- ...стань тенью».

Прилаживая обратно на пояс еще влажноватую, не совсем просохшую от крови веревку, Христенко коснулся рукою отточенных лезвий:

- С караваном идут не простые душманы. Люди Боя.

Растерев рукою лицо, Лескович энергично выплюнул скрипящие на зубах песчинки и резко поднялся:

- Запомни: ты был ранен, взят в плен, бежал, случайно наткнулся на нас. Ты не знал никакого Ади. Кагинаву нашел у киризов. Если что-то со мной случится, ты откроешься только комроты Сейко. Снимай маску.

Кивнув, Христенко рывком стащил маску. Пригладив руками седые, собранные сзади в пучок волосы, он на миг благодарно уткнулся лицом в плечо взводного. С дальних острых хребтов к серпантинной тропе перевала серым оползнем двигалась злая афганская ночь.

Барс

Долговязый комроты Сейко метался, сжигая сигарету за сигаретой, от блиндажа КНП к объектам сторожевого поста. В очередной раз, вопросительно взглянув на со-

крушенно качнувшего головою радиста, он вышел на дождь. Луч прожектора, рассеивая морось и тьму, метался по круговым траншеям из металлических бочек с песком, по брустверам, блиндажам и спаренным стволам зенитных установок, не дотягиваясь до запрятанных в скалах огневых позиций пулеметных и гранатометных расчетов. Глухо, мягко звучали по мокрому низу шаги часовых, и свирепо дышал перевал, обливая потоком воды и песка нарушителей векового покоя. Еще ниже, к долине, в размытых дождями ухабах стояла бессильная техника, а разъяренные пики Суруби метали все новые свалы размытого льда и обломков, да оползни глины. Война не ждала лучших дней, и обычно в такую погоду удача сопутствовала отрядам душманов, незаметно протекающим в скалах, чтобы расстрелять посты боевых охранений. Но не это тревожило капитана Сейко. Даже самые отчаянные головорезы не решались на схватку без прикрытия пушек и техники с людьми Барса, так прозвали душманы Сейко за ярость, с которой дралась его рота, и за умение командира совершать неожиданные боевые маневры.

В эту ночь полковая разведка донесла о просочившемся со стороны Джелалабада отряде Ахмад Шаха. Куда он направится? К караванной тропе, где Лескович? В кишлак, куда выдвинут для разведки Незванцев? А может, к Гардезу идет по пятам Логана, фиксирующего места дислокаций банд? Да уж лучше бы к этим, Незванцеву с Логаном, чем к молодому еще, не набившему шишек о скалы Лесковичу.

- Вас, товарищ комроты! Лескович.

Сбросив к жарко горящей печурке мокрую накидку, ротный яростно стиснул в обветренных пальцах тангенту. На другом конце связи укрывшийся плащ-палаткой Лескович включил карманный фонарик. Луч света, перемещаясь по карте с квадратами координат, плоско вмятыми в ткань и бумагу ущельями, горными скатами и хребтами, остановился на узенькой ленточке караванной тропы.

- Сейко на связи, товарищ лейтенант, можете говорить, - сообщил приткнувшийся сбоку радист. Поправив наушники и переждав треск в эфире, Лескович сосредоточенно бросил:

- «Барс», я «Горец», я «Горец».

- «Барс» слушает. Докладывай обстановку, «Горец».

- Мы находимся в точке согласно маршруту. Готовимся к бою. По тропе в нашу сторону приближается караван. Разведдозор насчитал тридцать наемников. Огневые позиции подготовлены и укрепляются оружием, изъятым у отряда Ахмад Шаха. Этот сброд уничтожен, потерь у нас нет. После боя к долине обратно выходим киризами, запишите координаты. Необходим будет транспорт для вывозки раненых.

- «Горец», понял вас. Действуй по обстановке. Высылаю охрану к киризам с долины. Будет нужно, поднимешь оттуда бойцов. Чей идет караван, неизвестно?

- Пакистанский, похоже, стремится за Пяндж, а главарь их - Шаббат. Он из Джидды, «пророк». И прошу зачислить во взвод рядового Христенко. Этот парень из плена бежал и прибился ко мне.

- «Горец», как его звать? Не Андрей ли, сын комэска бригады? Он скуластый, шатен, сероглазый. Ты не можешь на связь его дать?

- «Барс», анкетными данными не располагаю. Ну, скуластый. Шатен? Нет, скорее седой, а цвет глаз не скажу - темнота. Он сейчас на задании, в киризах. Крайне важно зачислить Христенко в разведку, товарищ комроты. Если можно, в мой взвод.

- Понял, «Горец». Зачислю в твой взвод автоматчиком. А «пророк» нам известен, гоняли его по хребтам в хвост и в гриву. Держись!

Сдернув наушники, Сейко шумно выдохнул. Отбросив тангенту и расстегнув воротник гимнастерки, он потянулся к бачку с алюминиевой кружкой. Глотнув тепловатой воды, ротный вновь обернулся к радисту:

- Соедини со «вторым» меня, срочно. И доберись в эскадрилью к Христенко. Похоже, нашелся Андрей, - оторвав взгляд от рации, он перевел его на сидящих за походным столом офицеров. - А Лескович-то хват. Отряд духов положил. Кто говорил, не потянет взвод, молодой, бестолковый, медлительный, флегма?

- Вы, товарищ комроты, да кто же еще, - обиженно буркнул замполит Мельников. - Я всегда заявлял, что Лескович, хоть молодой, но дельный. А что флегма, так хватает у нас без него шебутных.

Крутизна

В серой, муторной круговерти песка и тумана, в потоках дождя над Суруби ворочался знобкий, недобрый рассвет. Спускаясь к тропе с горловины, Лескович увидел бойцов, перетаскивающих от входа в киризы оружие и снарядные ящики. Передав по цепочке бодрящую информацию о подходе с долины Сейко, он отыскал рядового Христенко и сообщил ему о зачислении во взвод.

- Все подняли, успели, - смахнув капли пота с лица, тот протянул взводному кожаный, с пробкой, бурдюк. - Пусть ребята согреются. Это бальзам, настой трав из домашней аптеки Ади. Пригодится, особенно нам, автоматчикам.

- Где ты думаешь их разместить? - озабоченно спросил Лескович, передавая бурдюк радисту.

- Автоматчиков? Там, - Христенко кивнул на расположенный напротив ущелья отрог. - Только там. Эти духи кошками вертикали берут. Нельзя ниже - сомнут.

Измерив взглядом головокружительную высоту, Лескович сокрушенно покачал головой:

- Не подняться наверх. Крутизна.

- Проберемся. Оружие я затащу. Парням разуваться придется, босыми, естественно, лезть. Я их сверху веревкой подстрахую. Ничего, взводный, не пик ВДВ. И киризы просматривать будем. Верхом так и пройдем к каравану, - махнул вдоль отрога Христенко. - А куда развернем ДШК?

- В расщелину мыслю, поверх края пропасти. Пулемет нам удержит тропу, все глухие участки.

- Очень важно еще: не забудь поливать огнем скалы. Даже все стены пропасти нужно прошить огнеметами, и особенно спад к пулемету.

- Пропасть тоже блокировать могут? Подняться со дна?

- Могут. Эти все могут. С ними близко сходиться нельзя. Никакой рукопашки! Нарвешься на тех, что гипнозом владеют, - конец. Этих только стрелять, только жечь, лейтенант. И покрепче держи уклон ската, страхуй автоматчиков. Эти волки внизу не залягут, из-за верблюдов не будут стрелять. У них там взрывчатка. Все полезут наверх. Одного не могу я понять: куда делся дозор каравана?

Милость господина

Притушив волны гнева, араб в белоснежной, как пряди тумана, чалме бросил в ножны кинжал.

- У тебя не было головы. Я сказал уже это. А теперь нет и правой руки. Так зачем ты вернулся, Ахмед? Ты думаешь, нужен мне однорукий минер?

- Великий, я верно служил тебе и продолжу служение нашему делу с одной рукой. Дай плетью за глупость! В душе моей нет оправданий, надеюсь на милость твою, - молодой, преклонивший колени араб приподнял кверху серое, искаженное болью лицо. Но, потянувшись к глазам повелителя, он резко отпрянул на руки двух поддерживающих его с боков спутников.

- Вы заслужили все смерть. Самое верное - бросить вас в пропасть, на острые камни, - холеные пальцы, сомкнувшись на рукояти, с силой бросили плеть вниз, по дрогнувшим спинам. - Но я милостив. Как Аллах. И поэтому лишь изгоню вас из каравана как недостойных защиты. Вы не исполнили мой приказ, не встретили отряд Ахмад Шаха. Не привезли мне живого язычника. Забыли, что честь воина - это драгоценный алмаз, хранимый его мечом. Ваши мечи оказались слабы, и алмазы чести покрыты пятнами трусости и позора. С утратою блеска они не имеют цены. Прочь с пути моего!

Обходя распростертых людей, караван вновь поплыл миражом по тропе. Волчья стая, прискалив клыки на ослабших сородичей, продолжала свой алчущий бег.

«Мухи жрут первыми квелых ослов. Глуп, кто сядет на них для тяжелой дороги, - пробормотал сам себе человек в белоснежной, как пряди тумана, чалме. - Я жесток был с Ахмедом, но пусть видят и все остальные, что будет ослушникам. Разве можно сдержать это войско не страхом, а милостью? Ахмеда я знаю, вернется. Гнев поможет ему зализать раны лучше, чем жалость. Приползет он к ногам моим, тих и покорен, как

раб. И хорошо, что заранее оговорили с Масудом встречу отрядов у горловины над пропастью, в самом глубоком тылу».

Жизнь боя

Поднявшись из мрака киризов наверх, Сейко на минуту прикрыл глаза, адаптируя зрение к свету и прислушиваясь к грохоту боя. Горное эхо, усиливая шумовые эффекты, метало в отрогах Суруби шипенье и трески разваленных взрывами скал, и угарный запах взрывчатки, поднимаясь от вьючной тропы, прикипал к шквалам ветра. Еще не открывая глаза, Сейко понял, что все завершится нормально, почувствовав в ритмике боя особую слаженность. Соединенный в одном дыхании, взвод пульсировал, как один организм, а где-то в недрах рожденного им боя уже зрела та искра, живинка, которую с замиранием сердца ждет любой командир как предвестника перелома в развитии ситуации в его пользу.

Поднявшись на ближний уступ, Сейко взял в руки бинокль, чтобы определить направление главных ударов и рассредоточить приведенных бойцов. Вспрыгнув следом за ним, замполит пристроился рядом с прилаженным на бедре автоматом. Бой жил своей жизнью. Валялись на вьючной тропе убитые верблюды и тела людей в серых халатах дервишей. Шипя, закипал в мокрых скалах огонь и гас, бросая в низину клубы пара, а выше, по отвесному скату, двигалась цепочка людей его роты. То припадая к уступам, то броском преодолевая нагромождения скальных обломков и трещины, она пробиралась все дальше от горловины, поливая огнем автоматов уклон. От распадка строчил по тропе пулемет, прижимая метавшийся хвост каравана.

- Ну-ка, Мельников, глянь-ка, что делают, черти, - не отрываясь глазами от ската, Сейко на ощупь протиснул в ладонь замполита бинокль. - Как Лескович загнал туда наших, не знаешь?

Внезапно Сейко ощутил приступ слабости и головокружения. Привалившись к боку скалы, он тяжело и шумно передохнул. Реакция организма на расслабление, понял он. Напряженные до накала нервы ждали привычного, своего: мгновенных бросков и решений, пульсации крови в мозгу, автоматически отработанных рывков мускулов. Но ничего этого не было, и поднимался из непонятных глубин души привкус горечи, острой, как желчь. Горечи от невостребованности в деле, которым он жил, от боя, который успешно развертывался и без его руководства, и еще от того, что вообще этот бой мог закончиться без него. Отец ему говорил раньше что-то про это. «Самое тяжкое на войне не разгромы, не пораженья, сынок, ведь успех переменчив, - произнес в минуту редкого откровения отставной генерал ВДВ. - Самое тяжкое - бой без тебя. Переживай эти часы и минуты спокойно и мудро, без суеты и надрыва, воспринимай как издержки профессии командира». Тогда он посчитал эти слова отвоевавшего свое крылатого пехотинца заумною блажью, а оказалось, кричала душа, оторванная от своего дела, живого, приросшего к коже и нервам.

- Не знаю, товарищ комроты, - признался честный Мельников, возвращая бинокль. - Не понимаю, как ребята залезли на скат. Слушай, кто там хиппует? С хвостом в прическе.

- Андрюшка Христенко. Не узнал? Хорошо ведут бой пацаны. Дистанционно, не подпускают к сближению. Боеприпасы и огнеметы - к Лесковичу, коробки с лентами - к ДШК, минометчиков бросим к отрогу, а автоматчики - вверх. Мы туда же с тобой, замполит.

И шел бой, и рушились монолиты утесов, и стекала проломами в пропасть тропа, увлекая с собою людей и верблюдов, потоки камней и песка. Молча, без крика падали с круч ската сорвавшиеся в неудачных атаках живые камни в халатах дервишей, и двигались к его верху укрытые клубами пара новые серые тени, легко, на ощупь цепляясь за невидимые щели и выступы. Укрепляясь в трещинах и на едва обозначенных горных площадках, они огрызались, прицельно бросая в цепочку людей на вершине залпы огня и вновь, сноровисто пластаясь на мокрых отвесах, взбирались все выше и выше. И поднимался к расчету Лесковича, закрепившемуся на отроге над пропастью, из глубины ее человек в белоснежной, как пряди тумана, чалме. Перебрасывая по непростреливаемым участкам стены веревку с отточенным серповидным ножом, он вскарабкался к верху отрога. Передохнув, вытащил из-за пояса острый двугранный

кинжал и метнул его в руку, клонившую ствол автомата. Охнув, Лескович перехватил скобу левой рукой. Не потеряв времени, человек в белоснежной чалме и халате дервиша сгруппировался, чтобы очередным броском закрепить серповидный нож на утесе, недосягаемом для расчета, и заглушить его заодно с ДШК, но горячие брызги рванувшей с отрога гранаты ударили в бок и лицо. Сдержав крик, он потянул край чалмы и, комкая, примотал его к вытекшему глазу. Превозмогая невыносимую, ломкую боль, он вонзил серп ножа в щель для спуска к дну пропасти.

Бой кончался, и кто-то сильный и властный, распихав к ледяным шапкам Суруби низкие облака, освободил для обозрения редкий просвет над тропою, словно из любопытства желая узнать, что там делают люди внизу после залпов и взрывов. А люди делали то, что и: нужно всегда после боя: выносили к киризам убитых и раненых, оружие и трофейные вьюки, уцелевшие на тропе, возбужденно перебрасывались словами, обсуждая пережитые ситуации, или заторможенно молчали, безразлично оглядывая происходящее. Делали последние, уже страховочные, выстрелы по пропасти и черным от сажи уклонам, и сновал от группы к группе шустрый ротный айболит Генка, накладывая повязки на раны, не подвергнутые воздействию индпакетов, и сумрачным вороном нависал над радистом усталый Сейко.

Магический жезл

- Знаю, ты издалека, дервиш, воин-странник. Вижу долгий, безрадостный путь, вижу годы блужданий в тумане сомнений и раны на сердце твоем от разбитых надежд. Караван твоей жизни бродил в миражах среди бурь. Ты раскапывал мертвую землю, взывая к источнику жизни. Ты построил дворцы на барханах, а сейчас ты идешь от развалин с обломками камня в руке, и один. Словно странник пустыни, ты ищешь на ощупь колодец?

Человек в белоснежной, как пряди тумана, чалме вопрошающе наклонился вперед.

- Ты смотрел в мою душу, Великий, и все в ней увидел, что было и есть. Да, ищу тот колодец, к которому можно приникнуться душою и пить во спасенье. А тропой к нему вижу лишь веру, - высокий чернобородый человек, расправляя почтительно согнутую спину, приподнял голову.

- Да, я знаю, ты брат наш, Шамиль, и делами, и верой. Что ты ищешь здесь: мудрости, знаний, покоя? Понимаю - устал от войны, и душа кровоточит, как рана. Я прикажу открыть сундуки и достать тебе древние письмена толкований Корана. Ты учиться законам хотел - так учись, брат, священным аятам. Ты избрал путь улема, ученого?

- Да, Великий, к ученью стремлюсь, но я воин ислама. Не сломан кинжал мой. Прошу об одном - укрепи мою руку, Пророк, и направь по тропе караван, заблудившийся в жизни.

- Ты просишь о помощи, брат? Ты получишь ее для борьбы за победу ислама. Но скажи, что же дать? Может, деньги, оружие, боеприпасы? Или воинов, храбрых, как львы? Может, знания воина, тайную силу Востока? Или мудрых наставников в вере, Шамиль?

- Нет, Великий. Наставник мой в истинной вере лишь ты, а искусством сражений владею. Ты многое дал нам во имя Аллаха: оружие, воинов, деньги. Но борьба не закончена, и прости мою дерзость, Пророк. Дерзок я, ибо перстень прошу драгоценный. Самый главный с бесценной руки. О Великий, отдай мне Ахмеда, - согнулась в глубоком поклоне спина говорящего.

- Ты знаешь, идет крестовый поход христианского Запада против Востока, оккупация святых мест ислама. И нам нужно объединить свои силы против неверных, создать единый фронт. Я помогаю и буду помогать всем законным правительствам стран мусульманских удержать свою власть. Пришла пора обратить взор и на север. Таджикистан и Ичкерия - только начало священного пламени очищения. Слабо одинокое пламя свечи, но оно возжигает сотни костров. Я дам тебе эту свечу. Ты просишь, военачальник, магический жезл, чтобы вызвать дракона и сжечь Россию? - обернувшись к стоящему у подлокотника кресла бородатому воину в камуфляже, он бросил иронический усмешку на протез его правой руки. Почтительно склонив голову, человек в камуфляже торопливо отвел в сторону взгляд, устремленный на плеть господина. - Ты

получишь, что просишь, мой брат. И мои наставления в вере лучом полумесяца упадут на тропу твоего каравана. Я знаю, ты преданный воин Аллаха и, как истинный мусульманин, чтишь заветы святого Мохаммеда бен Абдуллы аль-Ваххаба.

- Великий! - невежливо оборвал собеседник. - Ты сомневаешься в моей верности? Я предан Аллаху, ты знаешь, но так же я чту твои фетвы-послания. Верь, я твой ученик, раб покорный, слуга. Говори, господин, все исполню как смертную волю отца.

- Что мои приказанья! Нет, Шамиль, это просто смиренные просьбы. Я поручаю тебе крепить в Ичкерии шариат, священные устои ислама, обучать народ языку Аллаха и вести дальше к победе джихад. Исламское движение и на севере должно набирать свою мощь, и ты, именно ты должен быть там опорою фронта, надежным звеном. Ты возражаешь в душе, брат, я вижу. Тебя беспокоит Джохар? Я скажу. Власть Джохара священна, он объявлен махди - посланником Аллаха, который должен привести чеченский народ к независимости. Это так. Джохар - мусульманин, и его взор обращен в сторону Мекки. Но душа его устремляется к золотому идолу, к Западу. Поделись же с ним твердостью веры, Шамиль. Нет, не требую я добираться до города дьявола. Это дело мое и Аллаха. Придет день возмездия. Это будет мой день. Я держу свое слово, Шамиль, и друзьям, и врагам. Джохар обещал всему свету устроить 23 февраля день расплаты с неверными в Грозном и вырезать стоящий в Черноречье десант. Он не смог. Ты мужчина, Шамиль. У мужчин на Востоке одно слово, знаешь. Ты станешь имамом, Шамиль, такова воля моя и Аллаха. Но в слове и деле ты должен быть тверже Джохара. Помнишь, что говорил Саади? Заблужденья вначале - всего только желуди. А из них вырастают дубы. Собирай свои желуди заблуждений по их созревании, брат. Брызги искр порождают костер и несут пламя дальше. В каждой искре огня - капля страха. Страх возвысит огонь, бросит смерчем по миру. А над ним - твоя воля. Пусть Россия горит.

Выталкивая накалившую горло усталость, Наби Шаббат перевел дыхание и бросил взгляд вслед ушедшему. «Будет смерч, и сгоришь в его пламени ты, как другие, - добавил он мысленно. - И Ичкерия - тоже. Только глупый жалеет растопку и место под нею. Да и что там жалеть? Горсть присохшей травы, мха, обломков ветвей? Круг сожженной до камня земли? Люди - сор».

- Антарес, Хара, Алъядхадера, - прошелестело под мрачными сводами бункера. - Антарес - звезда возвращения черной луны. Антарес - звезда разрушения и агрессии.

Приподняв пергамент до уровня зрячего глаза, он еще раз прочел гороскоп, торопливо и жадно глотая слова: «И придет начало грядущего века, и в месяце джумада сани вознесет над всем миром крыло огненное рожденный в месяце раба сани под звездою Антарес, и рухнут в несокрушимой стране великие дворцы. Кровь и слезы зальют города и долины, и разверзнутся ада врата».

- Кровь и слезы зальют города и долины. Антарес! - клекочущий хохот метнулся в суданской ночи под бетонными сводами бункера.

Пыль родины

Щурясь от света прожектора, Шамиль брел вдоль стены мааскера. Постепенно освоившиеся в темноте зрение и слух ловили шумы привычно-знакомого армейского вечернего бытия: шаги часовых за стеной, лязг оружия, гул съезжающихся к воротам грузовиков и отрывистые даже для плавного арабского языка команды на построение. Нет, не напрасно Великий просил его все осмотреть повнимательней. Внешне, и особенно сверху, ничем мааскер не бросался в глаза: небольшая взлетная полоса с горсткой модулей под гаражи и ангары, залитый асфальтом плац и мощно оснащенная тренажерами полоса препятствий, сокрытая зарослями, капониры под маскировочной сеткой. А за стенами, укрепленными системой наружного наблюдения, - купол мечети и яркие вывески магазинов, придающие лагерю вид простого поселка. Но это лишь внешне. Основная жизнь лагеря сосредоточена глубоко под землей. Там, в подземельях, скрыты бункер Великого, казармы и арсеналы, стрелковые тиры и залы для рукопашного боя, склады и лазареты, учебные классы и лаборатории для сборки взрывных устройств различного типа, компьютерные центры и отсеки с секретным оружием, система тоннелей для вывода техники далеко за пределы поселка. Прав Великий, именно так нужно начинать строить в Ичкерии базы, и он, Шамиль, это сделает, обо-

рудует горные аэродромы и схроны, построит заводы по производству оружия, центры спутниковой и компьютерной связи. Он создаст свой отряд, батальон камикадзе, готовых на смерть за победу ислама и общее дело.

Внезапный озноб, начавшийся где-то в низу живота, расползаясь, охватил горло до дрожи, до запаха стылой январской земли. Переборов резкие приступы тошноты, он сжал до боли виски и глаза. В мириадах вспыхнувших где-то за веками точек все явственней проступало знакомое, отечное от бессонницы лицо, все ближе надвигались прикрытые треснувшими стеклами очков глаза, полные нечеловеческой боли, и большие, дрожащие губы тянулись к тангенте: «Шамиль, уходи!» Лева Рохлин, корпусной генерал, победитель абхазского батальона в январских боях, его кровный враг.

В тот бой на северной окраине Грозного Шамиль бросил через пустырь к позициям федералов немалые силы «абхазов», чтобы дожать остатки танкового батальона волгоградских стрелков и пленить хваленого генерала-афганца. Переждав двадцать выстрелов ближнего танка, он устремился впереди атакующих к брустверу, где мелькнула знакомая, одетая в засаленный ватник фигура. Кто же знал, что Рохлин придумает построить из шести оставшихся танков огненную карусель. Приподняв на долю секунды лицо от шипящего крошева из земли, снега и льда, Шамиль увидел перед собою на насыпи приземистую фигуру в засаленном ватнике, одутловатое лицо с очками в дешевой оправе и глаза победителя, наполненные какой-то нечеловечьей, звериной тоской. «Шамиль! Что ты гробишь людей? Уходи! Ты повязал себе красную ленту шахида, опомнись, Шамиль, уходи! Как же родина?»

Он услышал эти слова генерала. Люди Рохлина не только выстояли в том бою благодаря выдумке своего командира, огненной карусели, заверченной круговым движением техники с постоянной заменой у бруствера танка, отстрелявшего боекомплект, но и взяли в плотное кольцо и уничтожили около девятисот лучших бойцов батальона.

Отгоняя наваждение, он плотней вжал ладони в лицо. Родина? Гимн ваххабитов гласит: «Нет другой родины, кроме ислама, равны в ней и Сирия, и равнины Ирана. В какой бы стране ни поминали Аллаха, родною сочту я пыль ее праха!»

Глава 4. ГРОЗА

Тернии и шипы

Приглушив двигатель, ведущий БТР замер на развороте к кирпичному особняку. Не замедлив, следом остановился второй. Притиснув грузное тело к обочине съезда с шоссе, он затих позади, по-звериному настораживаясь к прыжку для защиты ведущего. Наконец, внимательно оглядев зашторенные и прикрытые деревьями окна, он сбросил на землю группу «федералов». Легко, ненавязчиво выстроившись по периметру БТРов, прибывшие замерли, мрачно демонстрируя собравшимся у калитки чеченцам сплав физического совершенства и боевого духа защитников конституционного порядка.

- Отставить! - сердитым шепотом бросил в цепочку долговязый полковник, мгновенно изобразив на конопатом лице беспечно-сдержанное любопытство. - Спрятать когти, работать. Смотреть и качать информацию, - проговорил он, отслеживая взглядом движение группы людей от первого БТРа в глубь двора.

- Это гоблины. Значит, приедет Грачев, - загомонила толпа, осторожно подкатываясь к строю рослых парней в голубых беретах с эмблемою ВДВ. - Мир-то будет? Грачев обещал. И сам Ельцин.

- Мир в ваших руках. Разоружайтесь, - ответил Сейко. Прислушиваясь к шуму толпы и тревожащей тишине во дворе, куда прошел командующий объединенной армейской группировкой Трошев, он с облегчением отметил, что все идет без каких-либо осложнений. Похоже, здесь драчки не будет. И то хорошо.

- Разоружайтесь, - повторил он. - Сдавайте оружие. Землю пашите - весна. Мы уйдем, навсегда.

- Уходите, давно пора. Пол-Чечни артиллерией распахали, дома разбомбили. Где сеять, на минах? Кому? Весь народ разбежался. Кончайте войну, - загомонила толпа.

- Не мы ее развязали, - возразил Сейко, кивнув в сторону особняка. - С Джохара

спрос и с Аслана.

- Ну, Масхадов и Трошев договорятся на мир, - прозвучало в толпе. - Трошев - грозненский, наш, понимает.

Кивнув, Сейко замолчал. Как старый служака, он с недоверием относился к любым переговорам противоборствующих военачальников: не тот уровень. Что они могут реально? Остановить по приказу огонь с двух сторон? Уже сделано. Это-то самое легкое. Осуществить обмен пленными? На мгновение сфокусировав зрительную память, Сейко вновь мысленно перебрал цифры последней сводки из штаба дивизии. По данным генштаба, за период с начала военных действий в Чечне по состоянию на 1 апреля 1995 года погибли 1426, ранены 4630 военнослужащих, 96 солдат и офицеров в плену. Среди последних нет десантников. Гоблинов в плен не берут. Но выдачи и других пленных не будет, полевые командиры Дудаева цепко держат в руках торговлю заложниками, тут не под силу Масхадову с Трошевым восстановить справедливость. Да и кто они? Не военачальниками начинаются войны и подписываются договоры о мире.

- Говорить они будут от Ельцина и Джохара, - словно подслушав мысли полковника, обнадеживающе выдохнула толпа, наблюдая, как затормозила у БТРов цепочка автомобилей «Нива», забрызганных ошметками грязи.

Из машины, украшенной неизменным флагом с изображением ичкерийской волчицы, под крики приветствия соплеменников вышел Масхадов. Двигаясь вдоль цепочки «федералов», он на мгновение, как от толчка, запнулся у долговязой фигуры полковника, но тут же, дернув косым шрамом над верхней губой, торопливо проследовал к особняку. Пригасив ухмылку, Сейко злорадно хмыкнул: не ожидал десантуру увидеть Аслан, да еще в своей вотчине Новые Атаги.

Развернувшись к селу, Сейко огляделся, фотографически точно, кадр за кадром, вбрасывая в файлы памяти картину окрестности. Отметив, что стоящие рядом «охранники», наблюдатели из разведки полка, безусловно, выщепят по квадратам все значимое, Сейко внутренне согласился с командующим, настоявшим на его личной поездке в Новые Атаги. Не прост он, сегодняшний миротворец. Хлопочет о мире, а сам потихонечку, боком - да в горы. Потянет за собою и подразделения ВДВ, как всегда. И не обойти эти Новые Атаги его десантно-штурмовому полку. Вероятно, и это у Трошева решено. Да к тому же есть шанс самому рассмотреть типичную схему защиты селений предгорья. А что здесь имеется? Оглядев шоссе и обочины, Сейко отметил характерные примятости на траве - места поворота гусеничных машин. Отсмотрев путь следования боевой техники к окраине села, он кивнул: так и есть, вон они, на подступах, окопы для орудий и бронетехники, траншеи и замаскированные укрытия. Похоже, ночью прошла эта техника по селу. В углублениях следов гусениц и протектора вода отстоялась до прозрачности, а самое дно покрыто ровной пленкой осадков грязи. Похоже, колонна была смешанной, трудно установить количество и конкретные виды машин, нужно найти место, где они останавливалась или совершался объезд. Но уж это его наблюдатели не пропустят. Что еще есть в селе? Без сомнения, уже оборудованы опорные пункты в наиболее крепких домах, где оборону держат одна или несколько боевых групп по 5-6 человек: снайпер, гранатометчик с помощником или двумя, два стрелка. А домов в селении каменных с крепкими подвалами достаточно, там и замаскированные бойницы найдутся, и тайные подземные ходы сообщения с лазом в горах.

Вдохнув еще влажный от талых снегов с перевала воздух предгорья, Сейко еще раз медленно обвел взглядом село. Да, хорошая крепостца получается, как сказал бы наместник Кавказа Ермолов. Неплохо бы поработать здесь агентуре Христенко, найти временный пункт управления отряда боевиков. Так, а где бы он сам оборудовал? Приспособить цементный завод? Нет, его корпуса станут первым объектом для артиллерии. А вот там, на высотке укрепрайона, - возможно. И с наиболее удобными позициями для размещения своей артиллерии, какая уж есть. Кочующие минометы на автомашинах найдутся. Мысленно перегруппировав силы полка, Сейко автоматически намечал схему расстановки блок-постов, систему огневого поражения опорных пунктов боевиков, направления обхода предполагаемых минных полей и места, где лучше всего перед штурмом «зарыть» батальоны полка.

- Командир, как ты мыслишь, Москва обязательно будет настаивать на сдаче оружия? - моложавый рослый чеченец, неторопливо отвалившись от стойки ворот, раз-

вернулся к Сейко.

- Суетлив ты, Руслан, еще молод, - вздохнул стоящий рядом пожилой, в неизменной папахе чеченец. - Где ты видишь Москву? Где Грачев? Обещался приехать к Аслану. К Джохару. Не едет. Знаешь, как говорят на Востоке про это? Выйдешь на оленя без ловчего - лишь попусту войдешь в лес. Где ловчий? Масхадов и Трошев договорятся, но кто их послушает? Ельцин? Джохар?

- На Востоке, - слегка отодвинув в сторону Руслана, Сейко наклонился к чеченцу, - и так говорят, аксакал: спрячь оружие в зарослях, и через три года оно не поднимется. Вы готовы к тому?

Сузив веки, пожилой чеченец одобрительно покивал:

- Ты знаешь Восток, командир? Так и должно быть, раз идешь за хвостом тигра. Но беспорочному может быть бедствие. Он, может, и привяжет своего быка, но прохожий завладеет им. Обезоружите нас - и в Сибирь?

- Похоже, охота на тигра знакома тебе, аксакал. Но стойкость ужасна, ты знаешь. Если козел бодает изгородь, в ней застрянут его рога. Вы сдадите оружие, аксакал. Все. И танки, и автоматы, и мины. Таково требование нашей стороны на этих переговорах.

- Э, свершение! - бросил старик, метнув на Сейко откровенно насмешливый взгляд. - Молодой лис почти переправился, но вымочил хвост. Ничего благоприятного, - протянул он, оглядывая толпу хохочущих односельчан. - А мы, мы приткнемся о камни и будем держаться на терниях и шипах. Лишь когда вы уйдете отсюда, мы спрячем оружие в заросли.

- Да, на терниях и шипах, - задумчиво повторил Сейко. - Это верно сказал ты, отец. Наши взяли равнину, ты знаешь. Позавчера Аслан сдал Шали Трошеву. Трошев взял Шали у Аслана. Мы простые солдаты, совсем не философы. Наш Трошев сейчас объясняет вашему Аслану тоже простым языком: вы сдаете оружие, отпускаете пленных, войну прекращаете - все, мы уходим.

- Что ответит Аслан, хочешь знать? - прищурившись, старик кивнул в сторону калитки. - Умный - думай, сынок. Он солдат, как и Трошев, ты правду сказал. А над ними другие есть, выше, кто поднимает оружие. Мир? Но Ельцин ваш скажет: отдайте нам нефть. Война - большой разбой на большой дороге, сынок. Вот ты, Руслан, - приобнял он, подталкивая вперед, рослого парня. - Скажи ему прямо в глаза: ты отдашь свою нефть? Свою власть, капитал? Сядешь снова на нары?

Перебросив в огромных лопатообразных руках пистолет-пулемет «Клин», парень недобро усмехнулся:

- Я? Дождетесь! Кому я чего задолжал?

Окинув взглядом фигуру молодого чеченца, Сейко задержался глазами на побелевших костяшках пальцев, намертво вцепившихся в приклад «Клина». Мощные, вздутые, словно накачанные парафином, кулаки однозначно свидетельствовали о статусе владельца татуированных перстней. «Тюрьма голимая, «синий», - мысленно прокачав окружение Дудаева, Сейко уверенно опознал в парне Гелаева, некоронованного распорядителя нефтяных рек Ичкерии. Гуляли по Грозному слухи о том, что даже еще в январе-феврале нефтепромыслы молодого, но хваткого мафиози охраняли толковые мальчики из МВД. Говорят - значит, правда оно. Вон как цепко притиснул свой «Клин». Непростое оружие этот ПП-9, «Клин», усовершенствованный вариант знаменитого «Кедра», рассчитанный на создание плотного огня на дистанциях ближнего боя и лишь полгода назад принятый на вооружение в войсках. А сейчас этот уголовник, презревший требование воровского закона не брать оружие из рук властей, продвинулся в число полевых командиров, поименовав свою банду Галанчошским полком специального назначения. Да, такие не спрячут оружие в заросли.

- Так, отец, - уважительно кивнул Сейко пожилому чеченцу, объединив одним взглядом его и толпу. - Вам - приткнуться о камни, а Гелаеву - гнать за бугор свою нефть и считать капиталы. У кого на ягодицах нет мышц, тот идет с большим трудом, его тянут вперед, как барана, на тернии и шипы.

- Аслан - там, - грустно указал пожилой чеченец на особняк. - И он - здесь, рядом, - помолчав, указал он сухим пальцем поочередно на Гелаева и ворота во двор. - И другие такие не все за горами. Ну, а ваши-то новые русские лучше? Переговоры? Аслан и Трошев ступают на иней, не ведая, что близко и крепкий лед. Не споткнутся ли?

- Ты, козлина, задолбанный краснобай, прочь отсюда с погаными байками! - Гела-

ев злобно пихнул старика в глубь толпы, с недобрым прищуром наблюдая мгновенное перетекание десантников за спиною Сейко. Подхватив падающего аксакала, Сейко ловко отставил его на безопасное расстояние и развернулся к Гелаеву. Зло сплюнув, верзила пошел к крайней «Ниве».

- Поговорили! Идут, - прошелестело в толпе, пригасив дружный хохот собравшихся и охраны. Обернувшись к воротам, Сейко увидел Трошева и Масхадова. Постояв и обменявшись напряженными взглядами, военачальники, бывшие сослуживцы, нелогично, но очень решительно стиснули плечи друг друга.

- Аслан, я не верю, что Ельцин откажется от переговоров. Раз Грачев обещался - приедет. Должно дело сдвинуться... - захлебываясь, прочастил Трошев.

- Геннадий, - чуть дрогнув тяжелыми веками, невежливо перебил Масхадов, - мы сделали все, что могли. Даже больше. Ты рисковал стать заложником в этих поездках, а я - быть бесславно убитым своими. И оба мы преданы вышестоящими. Что хитрить? Мы солдаты, воюем. А войны кончаются плохо. Не сразу кончаются войны. Ты пойдешь за мной в горы, Геннадий?

- Не пойду, - хмыкнув и поправив кепи, Трошев решительно двинулся к выходу. - Мне зачем? Я пошлю туда авиацию с артиллерией. Буду бомбить ваши базы.

- Ты пойдешь за мной в горы, Геннадий. Я видел на бэтээре у входа Сейко. - Прошептал вслед Масхадов. - Ты пойдешь за мной, чертов идеалист!

«И я старался познать мудрость и ошибки безумия. Потому что и это - терзания ума. Где обилие знания, там и обилие горя, и кто умножает знания, умножает скорбь», - всплыло в сознании Сейко. Эту цитату из Экклезиаста он часто слышал в Афганистане от друга-военврача, как и притчи фен-шуй, неожиданно пригодившиеся в сегодняшнем общении. Погиб военврач перед самым концом той войны, но почему он сейчас вспоминается? Что-то важное он еще говорил, военврач, странник-рейнджер. Верно то, что они, люди-странники, не бывают врагами - всего лишь противники. Кто Масхадов и Трошев, нынешние начальники противоборствующих сторон: враги ли, союзники? Время и Логан подскажут. Логан - сильнейший штабной аналитик полка. Еще на афганской войне, вернувшись из рейда по «зверинцу» Гардеза, он сказал, что придут времена, когда Ахмад Шах станет нашим союзником. «Он таджик, он всего лишь таджик, - убеждал всех искренне Логан, - их народ привык к миру. А в Афган придут молодые и сильные волки из-за кордона. И они оборвут пятки старому льву». Все тогда посмеялись над Логаном, даже кличку придумали мрачную - Черный Астролог. Но так и вышло: в Афганистане появились талибы. Скептик Логан не верит в Аслана, как и в результативность затеянных переговоров.

Скрестив на груди руки и надвинув поглубже берет, Сейко тихо дремал на борту мерно дрожащего БТРа, готового к рейсу и нетерпеливо ожидающего, когда рассосется толпа.

- К дождю, пожалуй. К дождю на неделю, - кивнув вверх, сообщил боязливо огибающий БТР аксакал, давешний любитель мудрости, оглядывая низкое небо, затянутое к сумеркам слоистыми дождевыми облаками.

- Да, похоже, к дождю, - наклонился Сейко, опираясь рукой о край борта, и замер, ощутив под ладонью торопливо всунутый комочек бумаги. - Быть дождю, - пробормотал он еще раз, до онемения сжав правую руку в кулак и провожая взглядом нескладную фигуру, оскальзывающуюся на заполненной водой колее.

Проехав село, он осторожно развернул смятый комок бумаги и в свете мерцающих в мороси фар некоторое время недоуменно разглядывал столбцы несложных школьных примеров на разные арифметические действия. Разведдонесение агентуры? Перевернув листок, он удивленно присвистнул. На синеватой тетрадной разлиновке просматривалась исполненная на уровне детского рисунка фигурка человека, спешащего за оскаленным тигром. «Наступи на хвост тигра. Если он не укусит тебя - свершение. Наступишь на хвост тигра, вскрикнешь от страха, но, в конце концов, будет счастье», - и об этом он слышал от друга, военврача. «Наступающий», один из сильнейших агентов разведки Христенко? Сейко представлял его полевым командиром, штабистом на уровне старшего офицера, одно время подозревал в «Наступающем» самого Гантамирова. Морщась от ветра, он проводил глазами уменьшаемую расстоянием фигуру в мешковатом, потертом костюме, овеянную неизвестными ветрами Востока. Что-то резко щемило в груди, отдавая в виски.

- К затяжному дождю, - повторил он сквозь шум БТРа, уворачиваясь от ошметков летящей в лицо грязи. Терпкий, с запахом трав, влажный ветер предгорья монотонно крутил ворох мороси над притихшим селом.

Великая честь

У заляпанного слякотью кунга, места временной дислокации штаба, нас встретил сам Лескович, хитро и загадочно оглядевший многострадальную бээмдэшку.

- Ну-ка, хлопцы мои, отвечайте, где ездили? Гудермес никак брали? - кивнул он на забрызганные грязью борта и изрядно помятые гнезда из ящиков и мешков с песком, сооруженные на броне БМД для защиты от пуль и осколков. - Вон и кошки-то даже не видно.

- Не, - бодро отрапортовался Серега. - Мы брали запчасти в «восьмерке». А это поправим все ща и помоем, - пообещал он, обиженно протирая ладонью самолично исполненный черною краской рисунок на крышке капота. - Это не кошка, товарищ комбат, а пантера.

- Чечены рисуют волчицу, а вы, значит, пантеру. Подписал бы хоть, что ли, - вновь незлобно подначил водилу Лескович, существенно уважавший Серегу за чуткость в ситуации боя. Серый, превращаясь в минуты опасности в некое подобие кентавра из человека и двигателя, мгновенно улавливает, куда именно следует вести БМД, где остановиться, когда нужно поддать газу или помочь наводчику точно прицелиться.

- Саперы прибыли, товарищ майор, - доложил Мельников. - И мы тоже. В ваше распоряжение.

- Вижу, вижу саперов. Сгодятся. И вы тоже, - милостиво принял комбат непоследовательный рапорт. - Сейчас Христенко подскочит с хозяйством, и будут у нас тут, у штаба, смотрины.

- Пополнение прибыло, товарищ майор? Да? «Слонят» нам подкинули? Сколько? Кого? - прорвался поток общей радости и любопытства.

- Сколько? - задумчиво переспросил Лескович. - Сорок кинули по документам на роту. Ну, расклад ничего. Рукопашники есть, связники, автоматчики, прочие нужные люди.

- Все с учебки дивизии? Значит, на рейд?

- Да, осенний призыв, молодые, - вздохнул батальонный.

- Будет рейд, пацаны, - резко бросил бесхитростный Мельников. - Потом штурм. А еще будет вам, краса батальонная, втык от Христенко, если предстанете на парад вахлаками. Всем умыться, почиститься вдумчиво. Вымойте кошку.

Вот она, занудная, неприятная сторона повышения. Что-то Мельников говорил мне в пути про командирские горизонталь с вертикалью, в смысле служебных обязанностей его заместителя. По горизонтали я должен расширяться до охвата всех дел и забот взводного, а это тактика и стратегия, документация и снабжение, а еще обучение всех и контроль, руководство в бою. И отчетность, и взаимодействие с другими службами и взводами. По вертикали мне нужно смещаться легко и спокойно до самого низа - уметь организовать работу каждого из солдат. Также непросто - проверить качество вырытого окопа, правильность выбора сектора обстрела, владение техникой прыжка с парашютом и знание его матчасти. И за всех вахлаков и за кошку в ответе. Какие-то непонятные и растянутые до бесконечности координаты. Интересно, как же справляется командующий армией со своими вертикалью и горизонталью? А министр обороны?

- И при всем этом - не следует забывать про инструкцию, - прервал мои размышления насмешливый голос незаметно появившегося сзади Христенко. - Для чего обученный разведчик должен держать открытым свой рот? Для отслушивания направленности звуков. Но поскольку зубы являются проводником звука, то не надо при этом произносить монологов про командирские горизонталь с вертикалью.

И вот смотр. Христенко неторопливо прошел по импровизированному плацу, оглядывая настороженный строй пополнения.

- Вы прибыли по приказу командования для прохождения своей дальнейшей воинской службы на территории республики Ичкерия. Наше задание такое: восстановление здесь конституционного порядка, а конкретно - уничтожение и разоружение

существующих незаконных вооруженных формирований, - обратился он с речью к шеренге прибывших солдат. - В псковский десант отбираются по традиции лучшие парни. Вы достойно несли нелегкую службу в полку и каждый из вас добровольно, сознательно сделал свой выбор об участии в военных действиях. Благодарю вас за мужество и помощь в нелегкое время. Ваши старшие товарищи из призывов 93-два и 94-один приняли на себя первые, самые непростые бои. Вы их смена. В разведроте особая служба, и первая ваша задача - учиться. Бои - это работа, и делать ее нужно честно и грамотно. Учитесь и помните, что вам выпала великая честь воевать в составе гвардейской Торуньской дивизии ВДВ.

Затаив дыхание, каждый из нас, старичков, напряженно глядел на строй прибывших, заметно отличавшийся новизной камуфляжа и блеском сапог. Может, завтра идти с ними в горы придется? Какие они? Хоть стрелять-то умеют? Кто из них - автоматчики, козыри в нашей колоде? И какая нам выпадет масть для игры? В цвет, не в цвет?

- А сейчас вы пойдете знакомиться с ротой. По службам, - развернув вновь прибывших в колонну, Христенко провел их перед нами, представляя начальников служб и командиров взводов. Присоединяясь к всеобщему любопытству, проглянуло солнце, бросая через разомкнутые облака горсти легких весенних лучей.

Направление удара

Пристроившись на снарядном ящике у стены кунга, Лескович остановил подходящего к штабу Христенко.

- Как призыв, ротный? - поинтересовался он, хлопнув ладонью по краю.

- Котята в мешке. Надо в бою посмотреть. Я слышал, что Трошев с Шамановым создают объединенную армейскую группировку. Трошев в горы пойдет по трем направлениям: Шатойское, Шалинское и Веденское. Шатойское отдается Булгакову. Что се значит? Пойдем на Шатой мы, затем и отмазаны от Гудермеса. Я все правильно объясняю, комбат? В смысле, там будут специальные штурмовые группы от подразделений ВДВ, в том числе и наш полк с задачей занять господствующие высоты и обеспечить подход и действие главных сил в районе ущелья и перевала к Большим Варандам?

- Надо брать басаевское гнездо. Иначе толку не будет. Что за мир обещают? Какой такой мир? Да все эти переговоры - блеф. Бесполезны, как взятка на мизере, даже вредны. Только время теряем. Не сдадутся боевики и оружие не принесут.

- Значит, будет «Гроза»?

- Ну, «Гроза», не «Гроза», не скажу, а Шатой надо брать, там же, ротный, граница. Сеть рыбачья в отравленной глиной воде. Слепая рыба идет в нее косяками, но крупные хищники всегда зубами порвут ячею. Надо выстроить графики вероятных нападений бандитов по маршруту: Дачу - Борзой - Мехкеты - Элистанжи - Ведено - Шатой. Поработайте с Логаном.

- Это сделаем. Соберем все разведдонесения, проанализируем. Слышал, паника есть в офицерских рядах, увольняются люди. Одни - потому, что не знают, что делать в горах, а другие - оттого, что слишком хорошо это знают еще по Афгану. С необученными войсками лезть в горы опасно.

- Вот-вот, не обучены, - устало пробормотал Лескович. - Ходить по горам не обучены, рукопашному не натасканы, без артиллерии и авиации - встали. А ущелье Аргунское, знаешь, не сахар. Там слева, над дорогой, скалы, а справа обрыв глубиной метров десять к реке. Как там пройти?

- По перевалу вверху если технику бросить к Большим Варандам, пройдут полк и мотострелки. Все расчистят, порубят деревья. Но дорогу держать будет нужно при этом. Кому?

- Анекдот хочешь, Андрей? Поймал раз кацо золотую рыбку. Она ему и то, и се предлагает, дачу, машину, любовницу, деньги. А у него все это есть. Он Героя России себе попросил. Рыбка согласилась. Оказался наш генацвали в окопе, три танка идут на него, а в руках у него лишь одна эргэдэшка. «Долбанный карась!» - говорит.

- Нам придется дорогу держать на Шатой?

- И не только держать. Батальон должен на этой дороге принять на себя удар ос-

новных сил противника и заставить поверить в серьезность наших намерений прорваться к Шатою.

- Имитировать наступление? А основные войска пойдут верхом, по перевалу, и ударят басаевцам в тыл? Неплохо задумано, хоть и сложно. Справимся, если сработают авиация с артиллерией, четко прикроют. Нужно силы Басаева вычислить, отработать маршруты движения. Что Сейко говорит? Знает план операции?

- Ты, я и Сейко - люди так себе, с мелкими звездами люди. И академиев не кончали иные. Но, как заядлый преферансист, я не люблю отдавать игру, тем более если стоит батальон на кону. И Сейко зря не бросит свой полк, без оглядки и разума. А еще он умеет дружить кое с кем.

- Влад, открой свой планшет, бесполезно темнить. Дай мне план операции.

Дрогнув, тяжелая конопатая рука со сбитыми костяшками пальце медленно поползла к краю планшета.

Ладонь божья

Размешав угли в печурке, Макс Кольгинов бросил на край жестяного настила обрезок железа и замер, прислушиваясь к происходящему за стеною палатки. На мгновение его смуглое, оглаженное жаром лицо настороженно закаменело:

- Черт, все думал-гадал, из чего же стреляют? - виновато проговорил он, пробираясь к выходу.

Дернув край полога, закрывавшего вход, он призывно махнул в нашу сторону. Подтянувшийся к широкой спине Макса личный состав жадно глотнул вязковатый, наполненный сыростью воздух. Хлесткий огненный бич полоснул над маскировочным тентом хозяйства Свешникова и осыпался за его край с грохотом камня, запущенного в стекло.

- Пацаны, - восхищенно пропел Женька Логан тонким, как у шестиклассника, голосом, - это первая наша гроза здесь, в Чечне. Здесь мы ухватим тепла, и когда дембельнемся, еще будет целое лето!

- Ща, ухватим тепла, - скептически пробурчал Серый. - Все дороги и так что кисель, а плеснет хорошо, так вообще поплывем. До Шатоя без тормоза двинем.

- Не поплывем. Грозовые тучи идут низом и быстро, при них много дождя не бывает.

В наступившем вслед за раскатами грома затишье простучали первые, редкие капли дождя.

- Это символ стрельбы - гром и молния. Мы дети грозы. Гроза с неба приходит, как и мы, десантура.

- Кто-нибудь видел картину Маковского «Дети, бегущие от грозы»? Гроза исполнена мистики. Художник рассчитал математически точную модель поражающего грозового удара. Он вначале так и назвал картину: «Дети грозы».

- Мы не дети, давно уж не бегаем от грозы.

- А вы знаете, - вступил в дискуссию Незванцев, - есть святой от грозы, он зовется Артемий Веркольский. Пацаненок, двенадцати лет, жил в шестнадцатом веке. Он там землю пахал, как настала гроза. Только он не ушел, а работал в поле. У нас говорят, земля - ладонь божья. Ну, пахал и взяла его гроза, а потом при его погребении было сияние. Монастырь там поставили, в Пинежье. И Артемий считается покровителем детства. А еще бережет от грозы.

Бережно вытащив из-под гимнастерки и тельника небольшой образок на тесемке, Стас протянул его ближе к огню. Склонившись над головами, я увидел в просвеченных пламенем пальцах Стаса затянутый в серебристый оклад образок с изображением босого черноголового отрока в длинной холщовой рубашке.

- А я тоже люблю пахать землю, - смущенно пробормотал вдруг извечный насмешник Зиновченко. - Только на тракторе, с плугом. Утром едешь, туман вокруг, иней куржавится, или роса, и отвалы земли по рядам, ты плывешь среди них, как по небу, от кромки до кромки, в зарю. Красота.

Затухающий гром, отдаляясь, протащил в ночь с собою потоки дождя. Я объявил отбой и провел на сон грядущий наш обычный психологический тренинг, выбрав технику Волка.

- Закрой глаза и представь, что ты растворился, исчез во мраке, - начал я голосом Кашпировского. - Ты в бескрайней степи. Ночь, восходит луна. Ты бежишь по лунной тропе. Ты - волк. У тебя грозные, сильные лапы, а на острых клыках - вкус добычи. В гибком теле - звериная кровь, грудь не знает усталости. Ты хозяин степи, ночи, мглы. Позади слышится топот, это гонятся за тобой три матерых волка. Если убегать, твоя смерть застучит по пятам. Тебе хочется жить, очень хочется жить, и поэтому ты принимаешь бой. Ты разворачиваешься и во весь опор мчишься на таких же волков, мощным ударом груди врываясь в центр стаи. Рвешь одного за горло, отгрызаешь лапу второму, но третий, самый огромный, уже лижет твое горло, впускает когтистую лапу в загривок. Кровь, боль, ярость, желание жить, победить! В стремительном развороте ты сбрасываешь противника, ломая ему о землю хребет и рвешь, погружая клыки свои в теплую, вязкую кровь. Ночь над степью, луна, стынут трупы врагов. Пробуждается древний инстинкт, и ты начинаешь выть рыком хищника, заявляя о силе и праве на жизнь. Ты - волк. Волчий вой - это крик победителя. Ты не знаешь, зачем нужно выть, но голос крови требует этого. Ты готов к сражению снова со стаей волков, но врагов больше нет. С твоих клыков стекают последние капли крови, стихает дрожь ярости в теле. Гаснет призрак луны. Ты устал, отдых заслужен. Ложись на теплую землю и отдыхай. Засыпай спокойно и мирно. Ты проснешься, готовый к новым боям и победам.

Вызвать грозу на себя

Оглядев низкие своды пещеры с сочащейся в трещинах влагой и замаскированный ветками лаз, взводный Мельников придвинулся к рдеющим углям костра. Приобмяв ворох веток, он положил на них расстегнутый планшет и достал из него пачку карт и листков с разноцветными стрелками.

- Ну, что, други, пора расходиться, - негромко бросил он собравшимся у огня десантникам. - Задачи первого этапа рейда мы выполнили. Переходим к дальнейшим. Отсюда группами двинемся. Начнем с первой: Каретников - старший, Незванцев и Логан. Пойдете на перевал. Вот карты для вас, фотосъемка и кроки маршрута к Большим Варандам. - Мельников включил подсветку. - Поработайте основательно с перевалом по верхнему слою. Он, буквально как губка, пропитан водой. Обозначьте участки, где может быть сель. Все высотки срисуйте, скопленья деревьев, нагромождения скал, валунов, щели, трещины в почве, пещеры. Перевалом пойдут штурмовые роты полка. Им дорога нужна там для техники прежде всего, надо знать, как расчистить. Вторая группа у нас будет двигаться к аэродрому в Мехкетах. Есть там хитрый аэродром, чеченцы его для немцев еще в ту войну смастерили. Старшим группы идет Амирджан, с ним Зиновченко, Кольгинов и Тимошенко. Аэродром - место высадки резерва для операции. Эти силы ударят противнику в тыл при захвате Шатоя. Ваша цель - осмотреть состояние взлетки, наметить ориентиры посадки, подлета к аэродрому. И места для засад приискать, просмотреть все подъезды, проходы с шоссе.

Вытащив из планшета последнюю пачку карт, фотоснимков и кроки маршрута с однотипными пометками азимутов движения и ориентиров, взводный кивком подозвал остальных - Генку Шадрина с Черневым.

- Вы в моей группе будете, третьей. Мы сюда, - указал он на прямую стрелу, разделяющую по шоссе ущелье и реку Аргун.

- А чего там искать? - округлил глаза Валерыч. - Вниз - река, сверху - скалы. С трех сторон идеальный прострел на шоссе, никуда там не спрячешься. Кто на этот участок дороги к Шатою пойдет воевать? Разве полный дурак.

Укоризненно глянув на Каретникова, Мельников положил руку на листок со схемой маршрута:

- А вот здесь-то и будет все главное действие - бой. И вести его нашему батальону придется. На полном серьезе. С подмогой, конечно.

- Чтобы чехи поверили, бросили главные силы на нас? - шепотом протянул Валерыч. - Это же амба!

- Не паникуйте раньше времени, - оглядел взводный притихших ребят. - Все продумано там, наверху. Авиация, артиллерия есть на поддержку. Наша задача сейчас все реально просмотреть, прощупать, где можно корректировщика с рацией поса-

дить, разместить огневые точки. Все распадки и выступы надо облазить. Сходы, оползни отфиксировать, мели и броды в реке. Важно все.

- Мины снять, если есть. Их, конечно, полно, все придется прочистить, - задумчиво, скорей сам себе, проговорил Саша Чернев.

- Выходим на рассвете. Передвигаться всем группам в районе второй осторожно, вести наблюдение. Идите по снежному или ледовому склону, страхуйтесь. Связь держите. Встреча будет в Мехкетах на базовом лагере. И повнимательней будьте в грозу. От нее все возможно: лавины, камнепады и сели. На скользине лучше ноги опутать веревками, зря не рискуйте.

Уничтожив следы пребывания в мокрой пещере, пятнистые призраки с плотно пригнанными к спине рюкзаками десантника и автоматами, пригибаясь, скользнули цепочкой по краю скалы. Резкий ветер, с дыханьем недальней грозы, на мгновение остановившись в раздумьи, швырнул в них завесу пороши. Скрыв от мира незванных пришельцев, он с азартным охотничьим посвистом ринулся по следам разделившихся групп.

Мораторий

Командующий объединенной армейской группировкой войск Трошев, в сердцах отшвырнув тангенту, невольно прислушался к разговору, доносящемуся из-за неплотно прикрытой двери.

- Ну чего там у вас нынче? - приглушенно забасил из приемной командующий шатойской группировкой генерал Булгаков.

- А хреново у нас, Владимир Васильевич, - тревожным шепотом проинформировал его порученец. - Сам-то злющий, как черт, рвет и мечется, да в эфир во все стороны матерки рассыпает. Больше, правда, в Москву. Темпераментный он, Николаич. Да не бойтесь, идите, он вас-то не съест. Достали его с перемирием этим до самых печенок.

- Перемирие? Как перемирие? Что еще за дела там творятся в Москве? Нам же план операции весь утвердили, - толкнув дверь, генерал бросил вперед свое крупное, но подвижное тело. - Это как же «Гроза»? - перешел он на шепот, оглядывая насупившегося Трошева.

- Садись для начала, - указал тот на стул. - Обстановку тебе доложили, - хмыкнув, кивнул он на дверь. - Так давай присоединяйся ко мне. Ты - окопник, ругаться не хуже умеешь.

Расстегнув штормовку без каких-либо знаков различия и тяжело опустившись на стул, генерал растер ладонями красное, обветренное лицо.

- Если Трошев орет и ругается - дело серьезное, но поправимое. Значит, планчик имеет наш Трошев, - дернув в усмешке усами, раздумчиво протянул Булгаков. - А вот если Трошев молчит - жди беды. Я сейчас облетал перевал у Аргуна, смотрел, что и как. Все готово для наступления. Полк прошел к Варандам, и десант под Мехкетами высажен. Ждут команды бойцы на Шатой.

- С автоматами - не возбраняется. В ответ на огонь.

- С автоматами? - зло блеснул под набрякшими веками взгляд генерала. - С автоматами было уже. На Аргунском шоссе, возле скал. Там под ноги Басаеву и Масхадову, под каток батальон положили, имитируя главное направление удара. И поверили, суки. Полк уже перевалом прошел. А ребята - лежат. Предательский мораторий! Лучший взвод автоматчиков дал мне Сейко, из разведчиков роты Христенко. Лейтенант Мельников взводным там был. И стояли они с автоматами против орудий, по милости моратория. Всего горстка солдат, а на них смертников бросил к ущелью Басаев.

- Знаю все. Всем Героя России присвоить.

- Не дадут, нынче мир, - хмуро бросил Булгаков, сжимая в кулак кисть дрожащей руки. - Где наш главный противник: в горах или в Москве? Зря десант положили? Скажи, Трошев, что делать-то будем? Ты смотри, сколько взяли уже, - разжав кулак, он резко выбросил руки вперед, загибая дрожащие от негодования пальцы. - Агишты, Ведено, Сержень-Юрт и Бамут, Ножай-Юрт, Ярышмарды, Бачи-Юрт, Элистанжи и Мехкеты. А Шатой, путь к грузинской границе, - оставить открытым для банд из Панкиссы?

- Не надо меня за советскую власть агитировать, - медленно наливая щеки мали-

новым жаром, припечатал ладонь к столу Трошев. - Я согласный и так. Тут мои перехват учинили, Масхадов орет на Москву: «Не могу больше сдерживать русских!» А ему отвечают: «Аслан, продержись до утра». Утром точно - мораторий. Я не знал, Куликов тоже. А Масхадов раньше всех знал. Каково? На погибших пиши представления. Сделай, как надо.

- Это дело нехитрое - пачку бумаг написать. С наступлением что будем делать? Не грянув, заглохла «Гроза»? Так и спустим на тормозах, как велели? Куликов не слабак, понимает, что перемирие нужно дудаевцам только для передышки и перегруппировки.

- Не слабак, за погоны держаться не будет. Мамому обещал отзвонить. Вот известий и жду, - бросив нетерпеливый взгляд на циферблат наручных часов, Трошев автоматически потянулся к тангенте.

- Он в генштаб позвонил? Что Колесников?

- Не в моей компетенции, говорит, обращайся к верховному. Ну, тогда стал искать Черномырдина. На Черноморском побережье, на отдыхе, выщепил.

- И что Черномырдин?

- «Это решение верховного, и ваше дело - исполнить, а не обсуждать приказ. В девять ноль-ноль прекращайте огонь артиллерии, авиацию на прикол. Максимум, что разрешается, - отвечать автоматным огнем на огонь». Вот и все. Перемирие. Аут. А когда мы с Масхадовым в Атагах разговоры о мире вели - где они все были, миротворцы?

- Лучший козырь в переговорах о мире - наступающие войска...

- Товарищ командующий! - ворвался запыхавшийся порученец. - На линии генерал Куликов.

Жестом остановив собеседника, Трошев поднес к губам стиснутую ладонью тангенту:

- Я вас слушаю, Анатолий Сергеевич... Булгаков? Он здесь у меня... Я все понял... Так точно, все выполню. И Булгаков, и все мои офицеры настроены на наступление. Только так, Анатолий Сергеевич... Отзвоню обязательно. До связи.

Отложив тангенту, Трошев достал носовой платок и потер им лицо и ладони.

- Ну, так вот, к наступлению готовься, Булгаков. Идем на Шатой, - сдерживая волнение, нарочито будничным голосом проговорил он, придвигая к себе карту и слепо нашаривая указку. - В девять нолъ-ноль.

- Позволил верховный? - с сомнением в голосе уточнил Булгаков.

- Не дозвонился, нет с президентом контакта для нас, - хмыкнул Трошев. - Но Куликов нормальный мужик, офицер. Он берет всю ответственность за операцию на себя. Знаешь, что он сказал? - хитровато прищурившись, выпалил Трошев, глядя на вытянутое от удивления лицо генерала. - «Бей гадов всеми средствами, авиацией и артиллерией, добивай и не бойся, отвечу за все». Вот такие дела, генерал.

...Клубы чадно-рыжего дыма, причудливо извиваясь над грудой развалин, сгустились в тугой, осязаемый ком. Прихваченный утренним ветром, он заскользил по обломкам кирпичной стены к неподвижно сидящему человеку с автоматом в руке. Повинуясь внезапному приступу острой тревоги, человек поднял кверху расширенные, словно от боли, зрачки. В терпком запахе гари, в изгибах и вывертах дымного кома все явственней проступало лицо большегубого человека с глазами, сокрытыми в пятнах очков. «Кто скажет истину, если не враг твой? - прозвучал в уме знакомый хрипловатый голос русского генерала. - Ты сейчас полон злости и горя. Ты проиграл наступление, батальон камикадзе разбит, дом разрушен в твоем Ведено и семья уничтожена. Ты не мог победить изначально, Шамиль»...

- Встань, Шамиль! - высокий араб в камуфляже накрыл вздрогнувшее плечо сидящего мертвой ладонью протеза. - Путь к Панкиссе открыт, Шатой наш. От Наби подойдут еще люди, и деньги, оружие. Я знаю, что делать, Шамиль.

Заслышав далекий, грохочущий рокот, араб медленно развернул лицо к закрытому серой клубящейся дымовой полосой перевалу и произнес, прищурив разъедаемые дымом глаза:

- Гроза идет верхом, горами к Шатою.

- Нет, Ахмед, это не гроза.

Николай ТОЛСТИКОВ

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Из жития преподобного Григория
15-й век

Звон плыл тихий, нежный, бархатистый. Будто там на другом, высоком, берегу реки в глубине векового соснового бора таилась звонница, и игумен Григорий, в изнеможении распростершийся на ворохе опавших жухлых листьев, попытался приподняться, надеясь разглядеть поверх сосен ее увенчанный крестом шатер.

То ли сон, то ли явь...

Рядом зашевелился, зашуршал листьями назвавшийся поповским беспризорным сыном молодец Алексий. Корячась поначалу на четвереньках, он потряс лобастой с прямыми, как солома, желтыми волосами башкой, крякнув, вскочил на ноги и, заметив протянутую сухую узкую длань игумена, помог ему встать.

- Слышь, Алекса, звонят!

- Откуда ж! - отозвался парень. - В ушах ежели, с устатку...

Глаза Григория еще больше запали в глазницы, лицо с редкой седою бородкой осунулось, потемнело. Последние дни почти непрерывного хода тяжело давались игумену, доканывали его. Еще седмицу назад, когда Алекса подкрадывался к его костру, взирая настороженно на согбенную над пляшущими языками огня фигуру, игумен выглядел куда бодрей. На наступившего ненароком на трескучую хворостину парня, которому ничего не оставалось делать, как выйти из укрытия или же задать деру, глянул остро черными угольями глаз: не было в них боязни.

Алекса, пригревшись возле костра тем утром, так и не отставал больше от монаха, стараясь услужить, изодрал в кровь руки и лицо, одежонку в лохмотья, пробивая бреши в густом чапарыжнике, где и звериные-то тропы кончались. А спросить, куда и зачем шел, побаивался.

Весна запоздалая, в лесу полно воды, по низинам снег не истаял, а тут еще зазимок шалый хватил, забросал крупными снежными хлопьями.

Всю ночь жались к потухающему костру странники, под утро едва не застыли, только и спаслись, сидя спина к спине. Парень уж подумывал удрать, тем более сухари в котомке инока кончались, и остаточек этот с собою прихватить...

На речном берегу познабливало свежим ветерком, после ивняковых и черемуховых зарослей, вымотавших из путников последние силешки, дышалось легче, привольнее. Алекса вдруг отпрянул в сторону, с воплем бросился к бочагу, заскакал около, сдергивая с себя рубаху. Глаза слепило от колышущейся в прозрачной воде серебристой рыбьей чешуи.

- Не допустил Господь до греха! - бормотал парень, излаживая из рубахи подобие большого сака. Прошло немного времени, и первая рыбина, выброшенная на берег, забилась, затрепетала.

Игумен стоял по-прежнему неподвижно на берегу, прикрыв глаза. Не обо всем еще сказал он парню... Когда слышал тот чудный звон, почти осязаемо разлитый в воздухе, увидел женщину на той стороне, стоящую у крайней к воде сосны, светлу ликом, так что взглянуть на нее было невмочь, как бы ни хотелось. В первый миг показалась она Григорию похожей на матушку. Сердце радостно ворохнулось и забилось, тихий ее голос почудился родным, ласковым: «На сем месте храм поставишь во имя мое... чтобы молиться за всех...»

«Пресвятая Богородица!» - осенило игумена. Пораженный видением, он пал на колени и долго, истово молился. Алекса меж тем, раздув теплину, дожидался угольков, приноровляясь жарить вздетые на прутья куски рыбы.

- Останемся тут, - Григорий тяжко поднялся с колен и подошел к костру. - На том

берегу келью попервости ладить зачнем.

Обрадованный Алекса после сытного обеда не поленился разыскать на реке брод, и когда переправились, на том месте, где явилась игумену Пречистая Дева, обнаружился темной породы плоский огромный валун. Из него-то, отколупывая резцом малопомалу (и капля камень точит), принялся Григорий тесать крест.

Глава 1. Любка-Джон

Советское время, 70-е годы

Чью-то лодку, запрятанную в кустах ивняка у самой воды, первой заприметила Любка.

- Пацаны! - приказывая, небрежно кивнула она головой с коротко стриженным ежиком в сторону находки.

Пацаны, лет под восемнадцать, Валька с Сережкой - они и черта рогатого своротят - с ревом лихо поломились напрямки через кусты, и не успела Любка - ростиком метр с кепкой, сухонькая, конопатенькая, в дешевом джинсовом костюмчике, сущий паренек пареньком - и сигаретку досмолить, как плоскодонка ткнулась носом в берег возле ее ног. Любка, выплюнув окурок и цыркнув слюною сквозь обкуренные до черноты зубы, сунула бережно одному из парней сумку с бутылками дешевой «мазуты», легко впрыгнула в лодку.

Приятели уставились выжидающе на новую знакомую Катю. Та, едва добрели сюда, устало повалилась на берег и полулежала теперь на траве, заголив полные загорелые ноги и завесив красивое, с подпухшими подглазьями лицо спутанными прядями крашеных волос.

- Слабо, краля! - хохотнула Любка.

Катя, вздохнув, поднялась с земли. Гулять так гулять! Парни, робко поддерживая ее горячее, обтянутое тоненькой тканью сарафана тело, помогли ей забраться в лодку, примоститься на носу. Сережка оттолкнулся от берега веслом, и на середине речки просевшую почти до краев в воду посудину подхватило бойкое течение.

- Мы куда хоть? - спросила Катя у Вальки.

Он пожал плечами, покосился на воротившую в сторону веснушчатый носик Любку: «Поди, и сама командирша не знает!» Любка, видать, вовсю желала от новой знакомой отделаться. Уж на лодчонке-то, гадала, эта бабенция не поплывет, струсит. И чего в ней пацаны хорошего нашли! Сразу видно птичку по полету, и вдобавок - старуха под тридцать. Но как на нее Валька пялится! И Сережке, того гляди, ворона в рот залетит!

Дернуло же сегодня завалиться за стаканом к Томке!.. У нее, матери-одноночки, в квартирке обычный бардачок. Сама же хозяйка куда-то усвистала, позабыв даже дверь запереть. Друзей-приятелей это обстоятельство ничуть не смутило, благо на столе, заваленном грязной посудой и объедками, обнаружилось все необходимое. Успели уж захмелеть слегка, задымили в три трубы - Любка угощала «Нищим в горах», то бишь «Памиром», когда вздумалось Вальке заглянуть в комнатку-боковушку. Заглянул малый и пропал. И Серега - следом.

Любка сама полюбопытствовала... На кровати разметалась спящая полуголая молодая женщина, парни тормошили ее, пытаясь разбудить. Дама бурчала что-то спросонок, наконец, открыла глаза и, воздев руки, обхватила за шею склонившегося над нею Вальку, притянула его к себе и сочно поцеловала прямо в губы.

- Иди к Катюше... Сладкий какой! Кто ты ! - растомленно прошептала она.

Сережку в угол комнаты словно пружиной отбросило - как бы его, дикаренка, тоже не расцеловали чего доброго. Валька в женских объятиях всякое чувство потерял, оцепенел. Любка, презрительно фыркнув, вышла из комнатки, но по сердчишку ее неприятно прокарябало, будто острым камушком прошаркнуло. Расстрепанная, в накинутой кое-как на голые плечи кофточке, постанывая и потирая виски, дама выбралась на свет божий - и тут же пацаны к ней каждый со своим стаканом кинулись спасать.

- Опохмелься, Катюша!

Катюше за столом вскоре стало жарко, невмоготу, запросилась она на волю. В погожий летний денек, хотя и близко к вечеру - знойно, в тень бы поскорее сунуться.

Поплелись на речку...

Городок на холме давно остался позади, пропал из виду, река петляла между заросшими непролазным ольховником и ивняком берегами, то сужаясь так, что над головами путешественников едва не смыкались ветками кусты, то растекаясь в широкое светлое плесо. Течение легко тащило лодку, Валька, сменив Сережку на корме, лишь лениво пошевеливал веслом, пяля на Катьку ошалелые глаза. Тихоня Серега и то подлез к ней с колодой картишек, пытаясь показать фокус-покус. Катька рада-радешенька! Задрала подол, выставила округлые свои коленки и - присушила, зараза, ребят! Любка с досады едва губы зубами не измочалила. Да что б они, два тюфяка, без нее делали! Сидели бы сиднями по домам, не смея вечером высунуть на улицу нос или б комарье по рыбалкам кормили...

Это она, Любка, научила их винишко попивать, парни покорно канули за своей наперсницей в полуночное шлянье по городку и девок по общагам тискать. Ведь Любку - кто ее не знает - от заправского парнишки не отличить, вся ухваточка мальчишечья. Она и сама не помнит, когда последний раз платье надевала. Почему так - Любке и не ответить. У них в семье детки шли, как грибы после дождя, и все одни девчонки. Старшая Любка, с младых ногтей порученная попечению частенько пьяненького папы, исправно переняла все мужские привычки и пристрастия. Девчушки теперь с насмешками ее сторонились, и парни в свою компанию не брали, не ведая, с какого боку к ней подходить.

Любка затосковала было, но тут-то и подросли два двоюродника брата-акробата Валька и Серега. Любку с обоюдного согласия переименовали в Джона - загадочно и непонятно - и стала она за атамана, отчаянную головушку. Джон вовлекала ребят в такие круговерти приключений, что они про себя забыли - одна бесшабашная подруга была на уме, жди-дожидайся что завтра вытворит. Любка распивала с ними бутылочку-другую - человек состоятельный, рейки все ж на пилораме собственноручно грузила - и дальнейшее само катилось-ехало. То набег на чужой огород, а то просто попойка до упаду.

В зимнюю пору, когда мороз не дозволял долго шляться по улице, Любка нашла пристанище в женском общежитии ПТУ, где учились на счетоводов молодые инвалиды. По вполне понятным причинам сии обитатели не толклись в городковском клубе или в прочих людных местах, остерегаясь насмешек местных дураков, и Любке не приходилось бояться, что недоброжелатели выдадут ее истинный пол. Джон так втерлась в роль кавалера-залеточки, что свои парни чуть не запамятовали настоящее ее имечко, а уж девчонки в общежитии были готовы начать ухажера дележ. Но Любка обстоятельно выбрала себе сударушку и, уединяясь в темных уголках, тискала ее и лобызала на тайную потеху себе и братанам. А потом как-то попривязалась к инвалидочке, жалея ее, иногда начинала чувствовать себя неловко и пакостно. Но однажды была разоблачена и с позором вышвырнута разъяренными инвалидками и общежития...

Из узкого, стиснутого берегами, речного русла течение вытолкнуло лодку опять на чистый широкий плес, и впереди на высоком зеленом взгорке замаячили, забелели развалины церквей, пестрея багряно проломами в стенах.

- Монастырь! - Сережка завозился с веслом, пытаясь пристать к плотику у берега. - Мы тут с батей сколь рыбы перетаскали! И куда дальше плыть...

По берегу вилась еле заметная в траве тропка. От деревни у погоста уцелела тройка домов, да и те кособочились под провалившимися крышами, пугающе зияли пустой чернотой оконных глазниц. Тропинка, попетляв по улочке, заросшей бурьяном, уткнулась в загороду, обнесенную толстыми отесанными жердинами. Маленький ухоженный домишко в ней приветливо поблескивал окошечками в резных наличниках. Рядом, на лужайке, лепилось с пяток пчелиных ульев.

- Гад тут один живет! - кивнул Серега в сторону дома. - Буржуй недорезанный! Граф, говорят...

- Хрен с ним! Сядем тут! - опустила сумку Любка.

Предстояло управиться с целой батареей «мазуты», мутной, с радужными разводьями, закупленной на бренные останки любкиного аванса. Вдобавок пить пришлось из одного стакашка. Гуляки не заметили, как стемнело. С реки потянуло холодом, в мокрой траве нестерпимо заныли ноги. Винишко тяжело, дурью, ударило в головы,

замутило, завертело в утробах, и все собутыльники, подрагивая, с отрешенными взорами, стали жаться спина к спине на более-менее сухом от росы бугорке. Набрать возле заброшенных домов хламу и запалить теплинку всем было невмочь, лень. Один тихоня Сережка, дотянув из бутылки остаток вместе с мерзкими ошметками на дне, раздухарился - уж больно не давал ему покоя незнакомый остальным обитатель домика за изгородью.

- Он, сволочь, нас с батей под штраф подвел, рыбинспектор-доброволец тоже мне! Не одну сеть, падла, изничтожил! - Серега, не в состоянии перебороть праведный гнев, засипел, завсхлипывал, еще б чуток и слезу пустил.

- Так вы б ему рога поотшибали! - откликнулась зло Любка, наблюдая за валькиной рукой, воровато подлезающей Катюхе под платье. - Слабо, дак не вякайте!

- Нам? Слабо?! - вскинулся Сережка и, поднявшись кое-как, болтаясь из стороны в сторону, направился к дому. - Эй, ты там! Трухлявый пенек! Выходи!

Серега наклонился, нашарил в траве камешек. Рассыпалось со звоном в окне стекло, все насторожились.

- Дома никого нет! Голик! - обрадованно крикнул Серега.

Голичок, приставленный к двери, он отопнул и, вжав голову в плечи, нырнул в темноту сеней.

- Поглядим , как гад живет!

Внутри дома прогрохотало - Серегу, видать, стреножила какая ни есть мебелишка. Через секунду тяжелый деревянный стул-самоделка, вынеся начисто раму, вылетел из окна на улицу. Следом - в полом проеме показалась озверелая серегина рожа. Раскрутив перед собой вертолетиком лампадку на цепочке и отпустив ее, парень торжествующе взорал и опять унырнул в темное нутро избы, производя там ужасающий грохот.

Любка и Валька подскочили, как по команде, и понеслись на серегины вскрики, начисто забыв про спутницу. Кровь буянила, толклась в голове, кулаки зудели и чесались. Так, бывало, друганы сбегались потрясти в подворотне возле инвалидской общаги припозднившегося гуляку-студента, который после пары тумаков был готов отдать что угодно.

Серега, ухая, кромсал топором обеденный старинный стол, громоздившийся под образами в переднем углу избы. Любка с порога нацелилась на поблескивающий стеклянными дверцами посудный шкаф, звезданула его что есть силы подвернувшимся под руку табуретом и восторженно завизжала под звон осколков. Вскоре в домике из вещей не осталось ничего целого, все было разбито, растоптано, исковеркано. Любка сняла с божницы иконы и, деловито запихав их в сумку, вынесла на крыльцо.

- Идиоты, попадетесь на них, попухнете! - покачала головой, стоя у изгороди, Катя. - И счастья не будет.

Джон сердито зыркнула на нее, но иконы высыпала обратно за порог.

Опять стало скучно. Стемнело, вино допили, озябли. Лишь Серега никак не мог угомониться, бродил по задворкам.

- Пацаны! - радостный, выкурнул он из потемок. - Там банька натоплена и вода еще горячущая! Пошли греться!

К бане рванули напрямик через огородишко, но у двери, откуда несло ядреным запашком березового веника, затоптались. Катька вдруг звонко, озорно рассмеялась и, оглядев малость подрастерявшуюся компанию, сдернула через голову сарафан. На приступке напротив двери она рассталась со всей остальной одежкой и, призывно махнув рукой обалдевшим ребятам, исчезла в жаром пыхнувшей, черной утробе бани.

- Да идите же сюда, вахлаки! Веничком попарьте, страсть люблю!

Валька и Серега, озираясь друг на друга, путаясь в штанинах, кое-как разделись и, прикрываясь ладошками, как на медкомиссии в военкомате, нерешительно пролезли в баню. Катьку в кромешной тьме было не видно, ребята скорее угадали, где она есть. Пробрякала крышкой котла, зачерпывая воду, шваркнула ковшик на еще не остывшую каменку. Пар заурчал, жгучей волной ударил по банщикам. Они тут же все трое, пригибаясь, сбились в исходящую потом кучу.

- На-ко, постегай! - Катька сунула в руки Вальке веник.

Парень молотил им от всей души то ли по катькиной, то ли по сережкиной спине - не разобрать, но когда стало казаться, что грудь вот-вот разорвется от нестерпимого

жара, как спасение раздался около уха катькин голос:

- В реку бы, мальчики! Айда!

Любку, скукожившуюся в своем джинсовом костюмчике на приступке у банной двери и клацающую от холода зубами, парильщики едва не пришибли дверным полотном. Поднявшись с земли, она долго еще посылала вслед удалявшимся в сторону реки трем белым фигурам, отчетливо видимым при свете выкатившегося из-за облака месяца, смачные матюги, потом, заслышав бульканье на речном плесе, истошный катькин визг и довольный гогот парней, отвернулась и уткнулась лбом в стену, жалобно и беспомощно захныкав, как обиженный ребенок. А вопли, визг, хохот разносились по ночной реке, дробились, рассыпались отголосками в мрачных монастырских развалинах. И на все пялились угрюмо пустые черные глазницы разоренного дома.

Из жития преподобного Григория

Камень трудно поддавался зубилу, сыпал искрами, отлетевший далеко мелкий осколок рассек игумену бровь, чудом в глаз не угодив. Григорий, оставив свою работу - явно уже наметившийся остов креста, приложил к ранке тряпицу, пытаясь унять кровь. Дело все же с молитвою и божьим упованием да двигалось. Между молитвами было время и поразмыслить о житье-бытье, вспомнить молодость.

...Младенец тогда княжеский едва не захлебнулся в купели: у крестившего его Григория в груди захолонуло. Родившийся прежде времени княжич и так чуть дышал, сморщенное его личико было не розовым, а иссиня бледным, и, хлебнув воды, он вовсе посинел. Его б крестить в жарко натопленной домовой церкви, а не под высокими холодными сводами главного городского собора. Но пожелал так отец - князь Галичский и Звенигородский Юрий, младший сын Димитрия Донского. Стоял рядом с Григорием, по-медвежьи грузный, через все лицо - нитка старого шрама, лохматая борода в разлапинах ранней проседи. Глядел он сурово, исподлобья.

Велика честь крестить княжого сына, входить в покои без доклада, любому твоему слову князь внимает! Такой чести батюшка покойный не ведал, хотя и боярином верным был... Эх, велика честь, велика!..

Взгляд Юрия из торжественно-безучастного стал тревожным, косматые брови вовсе насупились. Слава Богу, младенец закхекал, задышал, сердчишко в его тельце затеплилось, заколотилось отчаянно, и Григорий торопливо сунул крестника в теплые сухие полотна в руках княгини и мамок. Ладанка-дощечка с закапанными воском волосиками младенца было закрутилась на месте, пущенная в купель, но не утонула, поплыла. Княжича нарекли Димитрием.

«Вот шемякнул-то его игумен, еле не захлебался...» - ехидно подначил кто-то из соборных служек. С младых лет и закрепилось за ним прозвище - Шемяка.

На княжом пиру Григорий не задержался, чуть пригубил из кубка меда, благословил вставшего поспешно вслед за ним князя и сел в монастырский возок. Лошадь, подгоняемая послушником, миновав городские ворота, проворно потащила его по наезженной колее через поле к чернеющим вдалеке маковкам церквей монастыря. Лишь за вечерней службой, внимая братскому хору, потом в келье, стоя на коленях перед образами и вглядываясь в мерцающий огонек неугасимой лампады, Григорий почувствовал успокоение. И видел себя болезненным отроком, вот так же стоявшим на коленях в домовой церкви перед иконой Спаса Нерукотворного, боялся заглянуть в темные бездонные зрачки и все больше сжимался, облизывая соленую влагу на губах. Господи, помоги, как быть-то!..

Отец, боярин Лопотов, задумал женить пятнадцатилетнего сына. Времечко охохо-хо лихое, подтатарское, от единственного чада потомства бы дождаться поскорей, мало ли чего - и все добро прахом. Да вот беда - боярчонок на девок не заглядывается. Ему бы в молодшую княжую дружину, меч учиться твердо в руках держать, а его при первой же пустячной потасовке промеж собою отроки из седла выбили, после ушибов да перепугу еле с ним потом отводились. Князь поморщился: худой воин. И верно, по богомольям бы только Гришаньке таскаться, колокольный звон, раскрывши от восторга рот, слушать.

- Тятенька, а как же я Бога любить буду, коли мне и жену надо будет любить? - спросил и уставился немигающе на отца голубыми ясными глазами.

Боярин отвел взгляд: ничего, женим - посмотрим. Невестушка была давно у него на примете. Дока друга молодости, воеводы князя московского Василия Дмитриевича. Со сватами и сами всем семейством и челядью надумали ехать...

Глава 2. Городок

Начало 80-х 20-го века

Валька Сатюков вернулся из армии в свой городок и не узнал его. Черноголовые смуглолицые парни целыми ватагами нагло, никому не уступая дороги, перли по центральной улочке, и городишко походил на южный курорт.

Откуда Вальке и землякам его было ведать, что кто-то самый упертый в областном руководстве, мечтая одним махом ликвидировать нехватку кадров специалистов в совхозах и колхозах, затеял эксперимент. Шустрые полуголодные эмиссары-преподаватели из городковского полупустого сельхозтехникума немедленно десантировались в поднебесные аулы где-то в кавказских горах и вскоре привезли с собой «улов», от которого взвыли впоследствии не только они сами, но и весь городок, а в районе и в области ответственные товарищи за черепушки схватились.

Попервости местная пацанва пыталась организовать сопротивление иноземцам, однако, разрозненные, извечно, с отцов и дедов, враждовавшие между собой группки аборигенов с разных городковских концов оказались смяты и с позором ушли в «подполье». Пока налетевшая в мгновение ока, словно саранча, орава кавказцев тузила одних, другие топтались поодаль и посмеивались, хлопая ушами.

Разгоряченная южная кровь до рассвета гоняла гомонящие толпы взад-вперед по центральной улице, и если попадался им на пути подпитой мужичонка или парень, то без хороших тумаков не уносил ноги. Побывавшие единожды в переделке жители, пересекая за какой-либо нуждой «централку», припасали на всякий пожарный березовое полено или увесистый кол. В боковые улочки и переулки пришельцы, как истинные оккупанты, не совались, опасаясь партизанской борьбы.

Обосновались они и в Доме культуры, бывшем соборе, обезображенном и опоганенном. И местный вокально-инструментальный ансамбль на танцах через раз наяривал «лезгинку». Кавказцы вставали в широкий круг, оттесняя в углы зала кучки девок и безропотных отчаявшихся зайти сюда пацанов. В круг выскакивала пара самых шустрых и откалывала коленца. Танцоры менялись; пьяненькие девчонки, пробравшись в круг, тоже пытались неумело сучить и топать ножками, но после взрыва хохота были выбрасываемы вон. Одну такую кралечку не шибко вежливо облапил запыхавшийся танцор, потащил к выходу, где и столкнулся с глазевшим ошеломленно на все происходившее Валькой. Сатюков, нехотя посторонившись, буркнул словцо, посмотрев с презрением на девчонку.

- Заткнись, дурак! - та вцепилась крепче в рукав кавалеру, но было поздно.

Кавалер, словно инопланетянин, издал тревожный гортанный звук, и мгновенно набежавшие его собратья стаей голодных дворняг вцепились в Вальку. Он прикрылся локтями от посыпавшихся ударов; его оттеснили в сторону от входа, утащили в скверик около и там уж принялись по-настоящему отводить душеньку. Прогуливавшиеся зеваки, охмуренные первомайской погодкой, косились с любопытством и опаской в сторону трещавших в сквере кустов и старались поскорее прошмыгнуть мимо. Лишь Лаврушка Кукушонок отважно сунулся в сумрак сада: «Вы че, ребята?! Опупели?» Получил по лбу и, преследуемый тройкой «черкесов» , сделал ноги. Да разве словишь его: легкое тельце Кукушонка воробушком порхнуло над ближайшим забором.

От Вальки отхлынули так же разом и скопом, как и налетели. Харкая кровью, Сатюков долго еще корячился на четвереньках под кустами; у него хватило силенок выползти на смежную со сквером глухую улочку. Здесь и споткнулся об парня, лежавшего врастяжку поперек тропинки, кто-то.

- Юнец, а напился в стельку. Молодежь!

- Погоди, не бухти понапрасну! Ишь, как его извозили!

Вальку подняли и усадили на задницу два мужика, в темноте не разглядеть - чьи, да и голоса их до валькиного слуха доносились, будто сквозь вату - по ушам, что ли, так те гады-обидчики понавешали. Сатюков не дергался, когда его повели под руки куда-то: главное - свои, родные, русские, он уж слезу готов был пустить. Очутившись в избе,

заваленной едва не до потолка железным заржавленным хламом, при тусклом свете лампочки Валька узнал одного из своих спасителей - Сашку Дорофеева, по прозвищу Бешен. А другой, приволокший таз с холоденкой, - Ваня Дурило, юродивый! Вот так компания, два известных в городке дурака...

Сашка закончил в городке школу с золотой медалью, потом - один за другим - два института, осел в Питере важной шишкой в каком-то конструкторском бюро, но вышла загвоздка: загуляла красавица-жена. Кончилось разводом, квартиру сразу разменять не удалось. Бывшая супружница без зазрения совести приводила полюбовника, спала с ним. А Сашка сгорал от ревности за тоненькой стенкой в соседней комнате. Жену-то он любил! И у него тогда, ночь за ночью, потихонечку съехала «крыша»... Так болтали в городке, когда Дорофеев со «справкой» возвернулся к старушке матери и, потыкавшись туда сюда, притулился разнорабочим в конторе по благоустройству. Он исправно махал метлой, подметая тротуары, лазил с ножовкой по деревьям в парке, опиливая сучья, высаживал на клумбах цветочки и даже в подручные к главному городскому ассенизатору Федору Клюхе иногда попадал.

Все, что его ни заставляли, Сашка выполнял безропотно, только порою на него находило: выкатив испещренные красными прожилками белки глаз, он начинал торопливо лопотать что-то, непонятное и загадочное для порядком струхнувшего невольного слушателя, которому вцеплялся в рукав. Гражданин убегал; Сашка несся следом. Огненно-рыжий, с обросшим густой щетиной лицом, в потрепанной, одной и для гулянки и для работы одежке, мчался он, едва не бороздя землю длинным носом, и не приведи Господь, если натыкался опять на кого. Тот несчастный, даже и не робкого десятка, только что не напускал в штаны, столкнувшись с его отрешенным, диким взглядом. Бешен, да и только!

Валька с двоюродником Серегой подрядились как-то пилить дрова у одной бабки. Напросился в подмогу Лаврушка Кукушонок, шкет двенадцать лет от роду. Проку мало, но да за ручку пилы дергать сможет. Бабка разочлась, денег хватило аккурат на «магарыч», и расправляться с ним парни забрались на чердак сарая соседнего с сатюковским дома, где хозяева отлучились в гости. Валька спер из дому полбуханки черного хлеба, лучок и редиску позаимствовали на грядках у соседа. Кукушонок от предложенной шутливо стопки не отказался, и парни - скоро в армию - изумленно наблюдали, как Лаврушка, птенец желторотый, набрав побольше воздуха и выдохнув, лихо опрокинул угощение. Глаза у мальчугана вылезли на лоб, но прочухался он скоро, уткнувшись носом в хлебную корку.

- У меня навык имеется, после мамки завсегда выпивон остается, - набив полный рот перьями лука, редиской, хлебом, умудрялся при этом бурчать Кукушонок. - Жрать не найдешь, а бухнуть завсегда есть. Отец денег мне прислал на ботинки, так она винища накупила.

Кукушонок пошевелил пальцами босых, грязных ног. Когда стемнело, парни намерились прошвырнуться по огородам, посшибать недозрелых яблок. В ближайших садиках оказалось пусто, оставался крайний в квартале огород - Сашки Дорофеева. К этому времени захмелевший изрядно Лаврушка совсем скис, пришлось его тащить на себе. Яблонек в сашкином подворье не отыскалось вовсе, обескураженные пустой тратой времени ребята принялись перетаскивать бесчувственного Кукушонка через высокий забор на улицу. Могли бы перекинуть да побоялись зашибить заморыша. Сережка, чертыхаясь, преодолел препятствие, оставив на гвозде клок из штанов. Приготовился принять Лаврушку на той стороне, но малый, наброшенный на верх забора, застрял, зацепившись пояском за заостренные концы досок. Серега потянул Кукушонка за руки, Валька стал подталкивать за пятки, забор затрещал... Хлопнула дверь на высоком крыльце, луч фонарика бестолково заметался по огороду.

- Враги! Тревога! К оружию! - заблажил Сашка.

Сережка рванул от забора вдоль по улице, Вальке ничего не оставалось делать, как залечь промеж картофельных боровков. Кукушонок же свалился в подзаборную траву. Сашка, сбежав с крыльца, погнался за Серегой - топот его ног, обутых в кирзачи, разносился далеко окрест. Тускло, робко зажглись уличные фонари. Дорофеев вернулся запыхавшийся, что-то возбужденно лопоча под нос. В правой сашкиной руке блеснул лезвием топор. Валька, трусясь как заяц, плотнее прижался к земле. Он долго лежал, не шевелясь, продрог весь, хотя и услышал, как скрипнула дверь за Сашкой,

проскрежетал задвижкою засов. Пригибаясь, чуть ли не ползком Валька пробрался к забору и как сиганул через него - не заметил!

У родимого дома к Сатюкову метнулась тень. Серега! Двоюродники жадно досмолили прибереженный чинарик, собрались разбежаться по лежанкам, но... надумали Кукушонка поискать: неспокойно было на душе. Только решили идти, когда рассветет, в темноте-то боязно, вдруг Сашка где-нибудь подкарауливает. Кукушонок дрых себе, свернувшись калачиком в траве под забором, а рядом на песчаной проплешине на тропе отпечатался след сашкиного сапога. Шагни бы Бешен чуток в сторону...

Теперь вот Валька - ни жив ни мертв - сидел на табуретке, приваленный спиной к стене в дому Бешена, и сам хозяин пристально разглядывал его, комкая в руках белую тряпицу. Мужики принялись врачевать ссадины на валькином лице - все ж потом поменьше мамкиных ахов и охов будет.

- Бьют-то слабо, не по-русски, - проворчал Ваня Дурило, оставляя в покое хнычущего Вальку и раздирая пятерней на груди густую шерсть, где запутался, поблескивая, большой медный крест.

Из жития преподобного Григория

На узком волоку, сдавленном с обеих сторон дремучим лесом, на сватов накинулись ратние люди.

- Татары! - заполошно завопил кто-то из передних холопьев, увидев преградивших путь всадников в лисьих малахаях, и тут же, пронзенный стрелами, грянулся оземь.

Татары еще посшибали кое-кого из луков, но сами стояли, скалились и, щуря усмешливо узкие глаза, в сечу не лезли. Рубились свои, русские, жестоко, нещадно. Прильнувшего испуганно к возку, где причитали сенные девки и матушка, Григория рывком оторвал спешившийся с коня отец.

- В седло! Скачи, авось Господь смилуется, и жив останешься!

Только помог боярин сыну влезть на коня, как метнулся к ним из гущи дерущихся русоволосый молодец, занеся над головою меч. Но отец упредил: боевой топор рассек воздух и влепился лихоимцу острием промеж наглых голубых глаз - кровь забрызгала одежду на Григории и белый круп коня.

- Гони обратно! - крикнул отец оцепеневшему в седле сыну и взмахнул плетью.

Кто-то из засады бросился ухватить коня под уздцы, да куда там! Обожженный и оскорбленный болью жеребец - подарок князя - яростно оскалился, и охотник отлетел прочь. Тонко запели стрелы, одна больно чиркнула Григория по плечу, он еще плотнее прижался к конской гриве. Крики, топот позади отстали, стихли. Жеребец нес и нес... На подворье холопы словили коня, у оклемавшегося отрока допытались, что да как, какое лихо настигло. Князь Юрий снарядил на место засады гридней, но те вернулись вскоре, и следом за их конным кольчужным строем выскрипывали телеги с голыми изрубленными телами, закинутыми попонами. Никого не пощадили лихоимцы. Горько плакал над гробом родителей Григорий, а после печальной тризны, никем не замеченный, убрел пешком в монастырь и пал в ноги седому архимандриту.

- Прими в обитель, отче... Пострига желаю.

Старец неспешно благословил отрока, подставил для поцелуя высохшую, пропахшую ладаном длань.

- Знаю, тяжко тебе в горе, боярин, но укроешься ли от него в наших стенах? От себя-то ведь не схоронишься. Не подумавши, не будешь ли потом каяться?

- Отче, я Господа с младых лет возлюбил... Молился, чтоб наставил на путь служения ему. И вот... Не чаял, что так будет, видно, время мое пришло.

- Ладно, сыне, - смягчился архимандрит; суровые глаза его под низко надвинутом клобуком посветлели. - Будь послушником, испытаем тебя.

От монастырских ворот бежал, торопился к Григорию запыхавшийся управитель имения. Отвесил поясной поклон:

- Хозяин...

- Слушай наказ мой! Имение свое раздаю всем нуждающимся в память о батюшке с матушкой. Рабам - волю. А сам, раб Божий, здесь остаюсь, - Григорий, оставив ошеломленного управителя, повернулся и посмотрел туда, где над входом в храм яро сияла ризою в лучах клонившегося к закату солнца икона Пресвятой Богородицы с Пред-

вечным Младенцем на руках.

Глава 3. Нечаянная встреча
80-е годы века 20-го

Валька, после того как его извозили в саду, тоже ушел в «подпольщики». Обосновался он в бабкиной заброшенной хибарке на задворках родительского дома. Сюда стали иногда забредать бывшие одноклассники, как и Сатюков, потрепанные в уличных потасовках. Вечером после стакана «бормотухи» все ощущали себя героями; стоял гвалт, румяные красивые мальчики спорили, клялись, хвастались, а во главе стола восседал и сиял довольный Валька. Его «предки», заходя с проверкой, захлебывались в плотном табачном тумане и, проморгавшись, слегка успокаивались, видя одни и те же лица.

«Посидят, попьют. Перебесятся. Чем бы дитя ни тешилось... И с «чурками» драться, глядишь, не бегают. Хоть так да уберегутся. А чадо родное, мотавшее армейские сопли на кулак, пускай отдохнет, развеется малость...»

Дверь Валька, когда уходил, подпирал лишь батожком: воровать в хибаре было нечего, да и друзья-приятели просили не вешать замок - мало ли кому с подружкой забежать приспичит. Потому, возвращаясь однажды с гулянки и заметив приоткрытую дверь, Валька постеснялся сразу вломиться, прошел осторожно в комнату, выразительно прокашлялся и врубил свет. На диване за заборкой кто-то спал, укрытый серым потасканным пальтецом: из-под ворота выбивались космы крашеных каштановых волос. Сатюков заметил на столе листок бумаги с крупными, вкривь и вкось нацарапанными карандашом буквами: «Извините, что сплю здесь. Больше негде». Он на цыпочках подкрался к дивану и отвернул ворот пальто. Женщина проснулась и, вскинув руки, прижала к себе обалдевшего Вальку.

- Ка-атька-а! - только и прошептал он.

От Катьки пахло и дешевыми духами, и винцом, и еще чем-то таким, отчего валькина голова безнадежно закружилась.

Умаявшийся, он лежал под утро, прижимаясь к голой, пышущей жаром, словно от печки, катькиной спине, и верил и не верил. Про ту баньку памятную и купание в реке возле монастырских развалин Сатюков не раз хвастал ребятам в армии; те гоготали, принимая это за небылицу, и самому Вальке уж вспоминалось то вскоре как сон, жутковатый и сладкий... Катька повернулась и опять обняла крепко Вальку. Не сон, значит, привиделся!

- Долгие проводы - лишние слезы! - подернутая от холода в избушке гусиной кожей, Катька одевалась быстро под немигающим Валькиным взором. - Скажи спасибо подружке Томке. Убрела куда-то шалава шляться, а мне хоть на крыльце ночуй. Накануне про тебя, твой домик рассказывала, адресочек-то и проронила. Приехать снова в субботу, маленький? - Катька подошла, легонько щелкнула Вальку по носу.

Тот хотел соскочить с дивана и обнять ее, но застеснялся, поджимая ноги под куртку.

Из жития преподобного Григория

На тезоименитство игумена Григория приехал в монастырь сам князь Юрий со многой дворней и боярами. После благодарственного молебна в главном монастырском храме - народу не протолкнуться - стоявшего в царских вратах с крестом в руке именинника поздравляли. От братии глаголил слово келарь Паисий. Огромный живот его обтягивал, треща, подрясник, раскосые глаза хитрющие: попробуй разбери, что в них таится.

- Ты, брате Григорие, в своем благочестивом житии яко свешник над нами, многогрешными, воссиял. Все мы сирые чуем это благоприятное тепло, от тебя исходящее. Так дозволь нам, убогим, в нем погреться, - келарь плел и плел витиеватые словеса, как паук тенета. Сам он был далеко не равноангельского поведения: и бражничать любил, чревоугодничать, средь братии склоки затевать охотник, и наушничать князю и духовному начальству горазд. Собирался ему игумен дать окорот. И из боязни, от зависти, а не от сердца, старался Паисий. Зыркнул напоследок - со свету бы сжил, а заключил

елейно, тотчас замаслив глазки:

- Ведомо, кому много дадено, с того и много спросится...

Подошел ко кресту и пожелал доброго здравия князь Юрий с подросшим крестником григориевым Димитрием, потянулись чередой ближние и дальние лопотовские родичи - как же, лестно! Вскоре от здравиц звенело у игумена в ушах, ворох поздних осенних цветов занимал в алтаре целый угол, иные из груды сложенных тут же подарков сияли златом и каменьями. Отпрянул от всей этой канители Григорий опять-таки только в келье за вечерней молитвой. Вспомнилось, как был просто послушником...

Для изнеженного боярского дитяти все было поначалу в тягость - недаром архимандрит и не хотел его принимать в обитель. Но стерпелось, а где и слюбилось с упованием на Господа. Незнающему да неразумеющему монашеская жизнь блазнится сытой и безмятежной. Григорий же не помнил, уж сколько дров переколол, воды перетаскал, пахал и сеял, и сенокосничал. А после трудов земных, суетных вставал с братией на труд духовный - молитву. И здесь, устремляясь душою и сердцем к Богу, забывал об усталости, скорбях телесных. Выдавалось времечко свободное - влекли послушника рукописные книги из монастырского древлехранилища. Приняв монашеский постриг, Григорий с остриженными упавшими власами навсегда отрекся от мира: инок - значит иной...

Отходящий на суд Божий архимандрит напутствовал его, прерывистый голос старца был едва слышен:

- Не ошибся я в тебе... Помни и бегай от трех зол: злата, почести и славы. Храни тя Господь!

Григорий, плачущий, приложился устами к холодеющей руке.

В новые настоятели монастыря рвался Паисий, но братия мудро рассудила: выбрали самого кроткого и смиренного. И князь Юрий, наслышанный о молитвенности Григория, уме незаурядном, заложил перед правящим архиереем нужное словцо... Не хотел, не желал этого Григорий - ни суетности служебной, ни высоких почестей, ни навязчивой ласки родни, а единения с Богом, суровой постнической жизни жаждала его душа. Невозможно смотреть одним оком на землю, а иным на небо!

«Помоги, Господи! Вразуми раба твоего!..» - молился он денно и нощно.

Глава 4. Юродивые и Зерцалов

Те же советские годы

Со своим «спасителем» Сашкой Бешеном Валька встретился вскоре опять. Бежал мимо дорофеевского дома и - глядь! - Ваня Дурило на крыльце стоит и не просто на настиле или на ступеньках, а залез на столбик, к которому когда-то крепились перильца, и, выстаивая на одной ноге, размахивая руками, кричит заливисто петухом. Разевшего рот Вальку едва не сшиб с ног выскочивший из ворот рассерженный участковый.

- С дураков какой спрос! - пробурчал он, окинув парня неприязненным и в то же время смущенным взглядом.

А с крыльца неслось:

- Ки-ка-ре-ку! Ура, дурдом! Кругом - дурдом! Вся жизнь - дурдом! Ки-ка-ре-ку!

Выглянул из-за калитки Бешен, заметив Сатюкова, поманил его пальцем. Валька, сторожко косясь на по-прежнему торчащего на одной ноге на столбике оборванца, поднялся вслед за Сашкой по скрипучим ступенькам крыльца. В горнице на непокрытом столе стояла кой-какая посуда, была разложена немудреная закуска. На табуретке сидел зачуханный смердящий старикашка Веня Свисточек и, вздергивая по-птичьи головенкой с реденькими белыми волосиками, поглядывал на вошедших невинными, на удивление чистыми глазами. Позади Вальки и хозяина с кряком захлопнул дверь соскочивший со своего насеста придурочный Ваня.

Сатюков, присев на краешек лавки, чувствовал себя неуютно и неловко. Свисточек, все так же невинной выцветшей лазурью глаз пялясь на него, натренированным до автоматизма движением выкинул перед собой ладошку и, расщеперив корявые грязные пальцы, затряс ею перед валькиным носом: «Гони копеечку!» Валька и тут чуть было не полез в карман за мелочью, как тогда, еще до армии, в Ильин день - храмов праздник, когда пошли с Сережкой поглазеть на крестный ход.

Опасно: в школе как бы не влетело, но зато спокойно - среди бела дня, не в пасхальную ночь, когда через ментовское оцепление прорываться надо. Проникнуть внутрь храма братаны не решились, остались дожидаться действа, поджимаясь к кирпичам церковной ограды. От скучающих на паперти нищих отделился босой, заросший свалявшимся волосом мужик, сильно прихрамывая, приблизился к ребятам и, закатив дурашливо глаза, двумя сложенными пальцами принялся молотить себя по губам.

- Дядя, да-дай ку-ку...

Ваньку Дурило ребята знали - известная в городке личность, но устрашенные его идиотским видом, отошли от дурака на всякий случай подальше и в узком проеме калитки столкнулись с другим убогим, вернее, чуть не затоптали его, сидящего меж положенных поперек дорожки костылей. Белобрысенький, он заквохтал, захрюкал потревоженно, а когда протянутую ладошку ему не позолотили, сердито засопел, вытолкнул сквозь зубы довольно внятно крепкое словцо. Взахлеб ударил колокол. Из церковных врат потекла толпа богомольцев, качнулись, заблистали над нею крест, хоругви.

- Гляди! Поп!

Парни повисли на ограде, цепляясь руками за железные пики ее навершия. Крестный ход с пением двинулся вокруг храма, и Валька с Сережкой намерились перебежать на другую сторону, чтобы поглазеть, как богомольцы будут возвращаться. И столкнулись за угловой башенкой ограды опять с убогими. Те поначалу ребят не заметили.

- Скупой народ пошел! - сетовал Дурило белобрысенькому вполне нормальным голосом. - Закурить даже никто не дал.

- Угощайся! - белобрысый, подойдя к нему от прислоненных аккуратно к ограде костылей, протянул пачку сигарет. Закурили.

- Как нынче посбиралось-то?

Белобрысый молча хлопнул ладонью по оттопыренному карману; глаза убогого светились радостно и довольно.

- Есть в тебе чтой-то от настоящего дурака, вот и подают хорошо, - позавидовал Ваня. - А мне мало, как ни стараюсь. Хоть и Дурилом прозвали.

- Так ты дурило и есть.

Тут нищие заметили подглядывающих за ними парней.

- Че вылупились-то? Хи-хи! - Ваня вдруг закатил глаза и, расставив широко руки, будто собрался ловить, пошел, приплясывая, на струхнувших ребят.

Белобрысый, достав милицейский свисток, залился трелью, захохотал и, подхватив костыли, заподпрыгивал на них прочь...

И вот не думал, не гадал Валька, что придется ему сидеть в гостях у Сашки Бешена между двумя столь досточтимыми людьми. До первой стопочки и кашлянуть побаивался. Выпил - осмелел. У убогих в башках скоро «зашаяло»: что-то быстро-быстро, но непонятно залопотал сам с собою Веня Свисточек, а Дурило заблажил. Заорал про «златые» горы.

- Я - философ! - резко оборвав завывания, заявил он. - Божеских наук. Втолковываю темным людишкам у церквы, что да как, лишь бы деньгу давали. Хоть и четыре класса у меня, - расхвастался вконец.

- Веня, ты у нас тогда профессор с одним-то классом! - весело крикнул Бешен.

- Читать умею, - подтвердил Свисточек и опрокинул стакашек.

- Выходит, я академик, с двумя-то высшими!

Проскрипела незапертая дверь, и вошла маленькая, закутанная в черный платок старушка; блеснули стеклышки очков на носу.

- Опять пируете? - перекрестившись на киот с иконами в переднем углу, строго спросила она. - Санко, сколько же тебе говорить, чтоб не путался с этими шаромыжниками! Ты - человек ученой! Да и вы-то че пристали к мужику? Эко, ровно поросята, в Троицы-то день!

Веня в ответ зычно икнул, невинные глазки его замутились, и он кулем рухнул под стол. Ваня закудахтал было, но старушка оборвала его:

- Полно, дураково поле!.. Выпроводил бы ты их, Санушко, пока мамкино добро с ними не спустил!

- Не могу, Анна Семеновна! Они мои братья во Христе!

Старушка вздохнула, дескать, что с тебя, простяги, взять, и тут же ойкнула, прило-

жив ладошку к губам:

- Забыла... Василия Ефимовича проведывал? Нет? Эх, ты...

- Сейчас же, немедленно! - засобирался Сашка. - Кто еще со мной?

Дурило сонно зевнул и со стуком уронил голову на стол.

- Запрем их. Пусть дрыхнут...

На улице смеркалось. Двухэтажный темный дом с чуть заметными бликами света из-под занавеси в окне верхнего этажа оказался Вальке по пути. Сатюков побрел бы и дальше своей дорогой, но Бешен придержал его:

- Зайдем!

- Расскажешь потом, Санко, как он там! Мне-то на скандал не след нарываться, - старушка попрощалась и ушла.

Сашка стучался долго; наконец, где-то вверху скрипнула дверь, дребезжащий старческий голос спросил: «Кто там?» Бешен назвался. Зашлепали по лестнице шаги, при свете керосиновой лампы открывший дверь старик выглядел пугающе: трясущаяся плешивая голова, на усохшем личике густели тени. Сашка помог хозяину, поддерживая под локоть, подняться обратно в лестницу, и в светлой уютной комнатке Валька по-настоящему разглядел его. Сатюков думал, что давным-давно старикан этот помер. Ведь Валька еще совсем сопливым пацаном был, когда на городковской танцплощадке, не «оснащенной» еще ни гитарным бряком, ни заполошным барабанным воем, ни вытьем и ором местных дарований, простецкая советская радиола исправно в субботние и воскресные вечера раскручивала свой диск - и любую пластиночку ставили на утеху публике.

А что за публика собиралась! В меньшинстве - на площадке, в большинстве - около. За высоким, обтянутым металлической сеткой барьером, будто в скотском загоне, на дощатом помосте в одном углу толклись парнишки-малолетки, в другом - их ровесницы. Было рановато - и радиолу в крашеной будке запускали время от времени. Мальчишки и девчонки суетливо дергались, толкая локтями друг дружку. Молодежь повзрослей, посолидней подходила в сумерки. Тут и репродуктор, подвешенный на дереве, верещал не умолкая, и пол ходил ходуном под ногами резвящихся, грозясь обломиться. Стволы столетних лип с корою, изрезанной ножичками и прочей колющей штуковиной, обступавших танцплощадку, подпирали могучими плечами подвыпившие застарелые холостяки; меж ними, яростно отбиваясь от комарья, выглядывали своих чадушек, скачущих за барьером, мамаши. У их подолов путался зеленый ребячий подрост, норовя в удобный момент перешмыгнуть через сетку. В потемках в глубине парка вспыхивали потасовки, кто-то кого-то с улюлюканьем гонял, кто-то ревел ушибленным телком. Люд же, самый разношерстный, прибывал и прибывал, словно осы гнездо облепляя барьер танцплощадки...

После современной легкой музычки из раскаленного колпака репродуктора плавно плыли звуки старинного вальса. Распаренная толпа уморившихся танцоров, отпыхиваясь, сваливала к лавочкам посидеть, если хватало места, а в освободившийся круг неторопливо входил невысокий плотный старичок. Полувоенный френч ловко обтягивал его сутуловатую фигуру, на ногах поблескивали скрипучие хромачи. Аккуратный пробор седых волос, подкрученные вверх усы. Старик выбирал «даму», слегка склонясь к ней, приглашал на танец. Девка млела, не смея отказать, и осрамиться побаивалась, но, наконец, соглашалась. Кавалер легко вел ее, откинув немного назад красивую голову, лихо кружил, и самая неумелая деваха входила с ним в раж, забывала про свои «ходули» - на удивление, ступали они как надо, и вертелось, плыло все у девчонки перед глазами - хорошо-то как! Старик, словно двадцатилетний, падал на одно колено и стремительно, под восхищенное аханье зевак, обводил даму вокруг себя. Набегали другие пары, в основном девчонки, суматошно кружились кто как умел, а над парком затихали последние аккорды «Дунайских волн»...

Нет, старичок Зерцалов был теперь не такой шустрый и бойкий. С бескровным лицом с коричневыми пятнами на лбу и на щеках, с заплывающими в мутной мокроте беспомощно глядевшими глазами, но по-прежнему в наброшенном на плечи френче, он шаркал в тапках по горнице. При слабом свете настольной лампы в простенках между окнами, прикрытыми шторами, виднелись какие-то картины в массивных, украшенных резьбою рамах, передний угол занимал огромный рояль; с другой стороны во всю стену чернел громоздкий буфет с затейливыми фигурками и узорами. Старик

прошлепал к письменному столику с чернильным прибором, в который были вмонтированы остановившиеся часы с трубящими в рога статуэтками охотников, сел на стул с высокой, из витых деревянных прутьев спинкой. В горнице-музее Зерцалов сам был наподобие экспоната, разве что живого.

- С Троицей вас, Василий Ефимович! - громко проговорил, чуть ли не прокричал Сашка и вперился куда-то в угол. - Вот незадача! Лампадка-то не горит!

Он вскочил на стул, чиркнул спичку и запалил огонек, высветивший святой лик на иконе. Валька грешным делом подумал, что хозяин сейчас заругается: мало кому чужое самоуправство, вдобавок с прыжками и скачками, понравилось бы, но Зерцалов, подшлепав к Бешену и взяв его за руку, поблагодарил:

- Спаси Бог... Сижу, ровно нехристь.

Сашка, перекрестившись, вдруг запел сильным чистым голосом:

- Благословен еси Христе Боже наш,

Иже премудрые ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго,

И теми уловлей вселенную,

Человеколюбче, слава Тебе!

Старик, тоже глядя на икону, подтянул хрипло, еле слышно тропарь. Мало что понимающий Валька вздрогнул, когда где-то сбоку отворилась дверь. В проеме ее стояла, опираясь на костыль, старуха. Сатюков узнал ее тотчас по крючковатому носу и близко сведенным к нему маленьким злобным глазкам - билетами бабуля торговала на той танцплощадке и частенько, высунувшись из окошка кассы, напару с контролером орала благим матом на парнишек, норовящих прошмыгнуть мимо. И тут завопила:

- Распелись-то, разорались, как анкоголики! Спать мешаете! Опять этого дурака пустил! Сколько раз говорила. Уходите-е!.. - свирепо застучала она костылем.

- Маруся, пойми! Александр с юношей просто навестить зашли, с праздником поздравить, - попытался несмело возразить старик, да куда там.

- У них в церкви каждый день праздник! - понесло старуху. - Только и ладят, чтоб своровать и пропить.

Сашка с Валькой попятились к выходу, Зерцалов замыкал своими шаткими шажками отступление.

- Вы уж извините ее, она нервная, больная, - он, прощаясь, слабо пожимал гостям руки. - Александр, пока лето, отвезите меня в Лопотово, в монастырь... Покорнейше прошу! Перед смертью побывать бы там еще разок!

- Сделаем, сделаем! - кивал Сашка.

Уходили, оглядываясь. Фигурка старика с керосиновой лампой в руке долго еще, провожая, жалась в дверях на крыльце.

Из жития преподобного Григория

Перед Рождеством по санному пути тронулся обоз с кое-каким купецким товаром в Ростов Великий. С ним пустился в путь и игумен Григорий, собираясь поклониться ростовским святыням, прихватив с собой парнишку-келейника. Бодрой рысцой бежали лошади, на взъемах переходили на неторопливый шаг, втаскивая возы, зато под горку полозья саней только весело выскрипывали в разъезженных колеях. Гнали веселые артельщики с товаром и не чаяли, что поджидала их курносая с косой на плече. На перепутье дорог уже недалеко от города загнала пурга заночевать на постоялом дворе. Теснота, спать завалились вповалку. Григория среди ночи кто-то тронул за плечо.

- Баба, энто, за печью помирает... Спроводил бы.

Игумен, разбудив келейника и переступая через тела спящих на полу людей, добрался до задвинутой в запечек лавки. Зажженный пук лучины высветил кучу тряпья; из него проглядывало лицо, непонятно - молодое или старое, тени от огня пугающе трепетали на нем.

Григорий положил ладонь на холодный, в липкой испарине, лоб женщины. Опять кто-то шепнул в ухо:

- Кончилась... Упокой, Господи, душу рабы твоея...

Игумен провел ладонью по ее лицу, закрывая выпученные глаза. Лучина пыхнула ярче, и Григорию показалось, что изведенное судорогой, застывшее лицо оскалилось

в зловещей ухмылке. Келейник рядом гнусаво забубнил Псалтырь...

В Ростове обозников свалил мор. На телах, на лицах больных вспучивались нарывы и лопались, превращаясь в страшные гнойные язвы. Двух чернецов, брошенных в санях посреди улочки полувымершего города, подобрала чья-то добрая душа. Мечущихся в горячечном бреду привезла в опустевший ближний монастырь, где уцелевшие иноки снесли их в общую отгороженную келью для умирающих. Затихло вскоре все там: ни стона, ни воздыхания...

В келье той уже порешили не топить печь, боялись приблизиться - мор, говорили, в городе пошел на убыль, живым остаться можно. Со страхом взирали на занесенную снегом крышу последние насельники монастырские. Дверь неожиданно отворилась, и, пошатываясь, держась за нее, выбрел высокий изможденный чужак чернец, захлебнулся морозным воздухом и, сделав несколько неверных шагов, упал на колени в снег. Воздев руки, захрипел надсадно:

- Братие, помогите! Живой я, замерзаю...

Глава 5. Катерина

Две девчонки, поблескивая ляжками, едва-едва прикрытыми юбчонками, излишне взбодренно вышагивали прямо по середке шоссе. Тяжелый военный грузовик, обгоняя, потопил их в облаке сизой вонючей гари и пронзительно засигналил, солдаты, сидящие в кузове, загоготали. Семнадцатилетние соплячки разродились в адрес обидчиков отборным матом, как будто из пивной отродясь не выкуркивали. Мимо кучки людей на остановке автобуса прошли, независимо задрав носики, покручивая задами, обе румянощекие, стройные. Женщины осуждающе поджали губы, примолкшие же мужички шарили по фигуркам девчонок, свернувших на дорогу, ведущую к воинской части, жадными взглядами.

«Мокрощелки!» - в сердцах вздохнула Катька, вроде и осуждая их, и завидуя тоже. Верно, ни заботушки, ни тоски. Стаканище водяры да жарко обнимающий под кусточком голодный солдатик, а то и не один... Хотя мало завидного-то, уведет эта дорожка черт те знает куда. Но все же проще: переспала с солдатиком и забыла напрочь про него. Сама в их годы не хуже была. И перед муженьком, глядишь, не оправдывайся, где да с кем ноченьку проваландалась. Вспомнился Катьке муж законный Славик...

Дернул же леший связаться, спутаться накрепко с ним, заводским инженером из райцентра. На целых пятнадцать лет старше. Лысоватый, щуплый, руки ниже коленок болтаются, будто у обезьяны, улыбается - скалит вставные зубы, точь-в-точь приноравливается тебя слопать; бесцветные глаза навыкат под самый морщинистый лоб. Это уж так опротивел, обрыг за немногие годы совместной жизни! А тогда Катька на инженеришку этого сходу глаз положила...

Опившаяся сладкого деревенского пива на выпускном вечере после школы-восьмилетки, Катька была на сеновале лишена невинности тремя одноклассниками, и стала после того девушке шапочка набочок. Катька, протрезвев, никому и не подумала жалиться, отряхнула смятый подол платья, смахнув сенную труху, добрела до пруда, выкупалась. Трясясь голышом на предутреннем холодке, всплакнула было, но, закусив губу, надернула платье и побрела к отцу в деревеньку.

Она настырилась пожить в райцентре - нескольких сросшихся рабочих поселках, утопающих в болотистой низине возле Сухоны-реки, и денно и нощно удушаемых клубами фабричного ядовитого чада. Катька помыкалась здесь туда-сюда, в конце концов надоумил ее кто-то приткнуться - ни много ни мало - на курсы шоферов. Устроившись на работу в одну «шарагу», получила Катька дряхлый, сыплющий запчастями «москвичонок». И не вылезать бы ей, чумазой и провонявшей бензином, из-под него, да много нашлось охотников автомобилю ремонтишко любой учинить, так что Катерине о привлекательности своей заботиться не пришлось.

Девятнадцатый годок шел девчонке - цветок. И каждому - будь то сопливый, только что от мамкиной юбки парень иль почтенный папаша семейства - желалось отщипнуть от него лепесток. Катька особо не церемонилась, давала, не скупилась. Даже престарелый, еще хуже своего служебного «Москвича», начальник «шараги» Иван Семеныч, бывало, не удерживался, клал сухую, испещренную сиреневыми жилками ладонь на округлое катькино колено, елозил ею по ноге, щуря блаженно глаза, и Кать-

ка понимающе терпела.

Славик прикатил за какими-то бумагами к Ивану Семеновичу на изрядно потрепанной, но собственной «Волге». Что-то не сладилось, пришлось ехать в соседний городок, и провожатой инженеру, хитроумно сославшись на хвори, Иван Семенович отрядил Катьку. По дороге - слово за слово, у Славика нашлась бутылка «Шампанского» с шоколадкой, придорожный лесок красотою попутчикам приглянулся, да и погодка пригожая шептала-нашептывала...

Катька, которой приходилось прежде довольствоваться парой стаканов дешевой «мазуты» или ж на хороший конец - водки, долго не ломалась. Славик оказался в делах блудных не промах, с грубой угловатой шоферней, норовящей сграбастать в железную хватку в свое лишь удовольствие, близко не поставишь. И Катерина вцепилась в него жадно, до одури... Они встречались почти каждый вечер, укатывали на машине куда-нибудь в глухомань, подальше от глаз знакомых, и жарко любились ночи напролет. Славик изоврался весь жене и двум пацанам насчет «командировок», но синие мешки под глазами и иссохшее тело, колеблемое ветерком, мертвецки непробудный сон в редкие ночевки дома выдавали мужика. Супруга с ним развелась. Славик, видимо, особо не огорчаясь, затеял шумную пьяную свадьбу с Катькой. Гордо задирая нос, довольнешенек, косился он на юную невесту с изрядно выпячивающим под подвенечным платьем животом.

Славиковой родни, презревшей его за такой поступок, на свадьбе почти не было, собралась многочисленная веселая катькина родова. Лихо отплясывал отец, сеструхи перешептывались и посмеивались за столом, разглядывали свою старшую с выкурнувшим невесть откуда женишком, мать с грустью вздыхала, не ведая, радоваться ей или печалиться. За последним дело не стало. При дележке имущества с бывшей супружницей свою знаменитую «Волгу» Славику пришлось продать: пополам машину не распилишь, а из квартиры уйти в комнатенку в бараке. Мстительная первая жена накануне развода побегала по всяким комитетам: Славик схлопотал по партийной линии добрую выволочку, и на службе его из главинженеров сходу выперли, как юнца на побегушки поставили.

К дочке в полутьме барачной каморки Славик не торопился питать отцовских чувств, охладел и к Катьке, исчезал подолгу неизвестно где и возвращался пьяным и злым на весь свет. Катька пробовала жалеть несчастного муженька, даже не выяснила уж, где его черти порою носили. Но когда Славик, заросший колючей щетиной после очередной «отлучки», сытый вдрабадан, оскалился злобно на старавшуюся стащить с его ног сапоги жену: «Из-за тебя всё, сучка, потерял!» - у нее всякая жалость пропала. «Так ведь тебе, старому хрену, молоденькой захотелось!» - крикнула она. Славик вцепился ей в платье, разодрал его. Катька оттолкнула опротивевшего окончательно мужа, ушла на улицу, долго ревела на крыльце под доносившийся в неприкрытую дверь равномерный храп супруга....

Подговорив соседскую бабку поводиться с дочкой, она устроилась на завод гонять на каре. Вздохнулось легче. Славик вскоре втяпался в нехорошее дело: с мужиками стянул с завода какие-то детали и пристроил их по сходной цене - на гулянки деньжонки требовались. Еще по дымящимся следам «коммерцию» разнюхало ОБХСС, ушлые славиковы компаньоны отвертелись как-то, а катькиному муженьку пришлось сесть на «зону». Катька вновь искренне пожалела его, когда он, стриженный наголо, лопоухий до несуразности, исхудалый, при первом свидании жадно вцепился в ее тело. Но потом - то ли ему показались подозрительными чересчур излишние ласки жены, то ли насытившись, просто из «профилактики», - Славик больно крутанул сосок на Катькиной груди и взвизгнувшей супружнице закатил пощечину. «Шлюха! Сука!» Катька бы легко, как перышко, могла сбросить его с себя, но лежала беспомощная, раздавленная...

После той ночки в комнатушке с зарешеченным окном пошла она по рукам. Увлекалась не только холостяжником, отбивала и мужей от законных жен. Мужички, и писаные красавцы и плохонькие, лядащие, убийственно летели к пышногрудой улыбчивой Катюхе мотыльками на огонь и, недолго потрепыхавшись, с подпаленными крылышками уползали виниться перед своими полоротыми половинами. Катька, выжав и выпив до капельки очередного «хахиля», расставалась с ним через недельку-другую без особых сожалений, благо уже начинала погуливать с другим, а кто-нибудь третий

топтался на «подхвате». От нее не убудет. Так стали утверждать злые языки. И в родимом ли городке появлялась Катька или шагала по улицам задымленного грязного райцентра - недобро косились и шипели на нее бабы и жадными глазами провожали ее фигуру мужики, крякая, скобля в затылках. Кое-кто, побойчей и понахрапистей, позабыв про жену и детушек, бесстыже лип к Катьке, сыпал шуточками-прибауточками, норовил шлепнуть ее по ядреному заду. Однако с некоторой поры руки распускать стали побаиваться...

Катька не смогла простить Славику того унижения на тюремной «свиданке», больше не наведывалась, хотя и посылал он ей жалостливые, зовущие письма. Срок у него был небольшой - для него долог, а для Катьки это время промелькнуло почти незаметно. Вторую дочку прижила, и кто отец, затруднилась бы ответить. День настал, которого она страшилась, и желала, чтоб оттянулся он как можно дольше. Возвернулся Славик. Катька, разузнав, что освободившегося муженька видели подходившим к дому, а потом еще и в пивнухе, завалившись к подруге, напилась в стельку и только уж после заявилась домой, разве что не валяясь и с размазанной по всему лицу «штукатуркой». Она смутно помнила, что говорил, кричал Славик, провалилась вскоре в бездонную черную яму и очнулась от боли, лежа ничком на полу, полуголая, со связанными за спиной руками. Муж расхаживал около, подпинывал ее под бока носками сапог.

- Очухалась, сука?!

Славик со злобным смешком всадил от души Катьке пинок, что она взорала, и кряхтя - откуда у слабака и силы взялись! - рывком перевернул ее на спину.

- Раскорячилась, шалава! - он сел на табуретку напротив пытавшейся подняться с пола жены и бесполезно сучившей ногами, издевательски захохотал, с презрением разглядывая Катьку, смачно харкнул на нее. - Наслушался я про тебя в пивнухе. Что с тобой, стерва, и сделать? Прикончу...

Катька, перестав двигаться, обреченно растянулась на полу, отвернув от Славика в сторону лицо, и прикрыла глаза. Будь что будет... Славик вдруг спрыгнул с табуретки, бухнулся на колени и подполз к Катьке, сипя что-то жалостливое, мокрыми противными губами ткнулся в грудь.

- Пошутил я, Катя! На «понта» хотел тебя взять, поучить маленько. На «зоне» о тебе только и думал.

- Руки развяжи!

- Сейчас! - Славик проворно распутал жене руки.

Катька, брезгливо отстранившись от него, встала, прислонилась плечом к теплой печной кладке, принялась разминать затекшие кисти рук.

- Лучше бы ты не возвращался....

- Я?! - тонко взвизгнул Славик. - Гулять понравилось? Я тя порешу-у!

- Трус! Только с пьяными бабами и воевать! Бей!

Славик, ретиво заверещав, схватил маленький топорик для щипания лучины, но Катька - откуда и силы взялись, может, когда увидала на мгновение лица дочерей - опередила мужа, шлепнула его по лысому темечку увесистым березовым поленом. Мужичок по-заячьи вякнул и, выронив топор, затих на полу. Катька в задумчивости подержала в руках изодранное в лохмотья платье, бросила его на тело Славика, накинула на себя кухонный халатик и пошла заявлять в милицию - человека убила. Думала - посадят, а присудили год «принудки».

...Подъехал долгожданный автобус, пассажиры, толкая друг друга, устремились в салон поскорее занять места. Катька пропустила всех вперед и еще стояла какое-то время, колебалась: ехать - не ехать. Но представив красивого юного мальчика, ждущего ее в городке, усмехнулась, взбираясь в автобус: «Ничего, Екатерина Константиновна, не все, видать, еще от жизни ты взяла!»

Из жития преподобного Григория

Как злой недуг может изломать, изуродовать человека! К выползшему из мертвецкой кельи и распростершемуся беспомощно на снег пришлецу боялись приблизиться оставшиеся в живых иноки, крестились, шептали молитвы, воздев руки к небу. И все ж утащили, хоть и опасливо, незнакомца в тепло; страшась вида его, отпоили и откормили с ложечки.

Настал день, когда Григорий сам смог подняться со своего соломенного одра. Взяв бадейку, он побрел по воду к роднику возле монастырской стены и в натекшем озерке, прежде чем зачерпнуть воды, увидел свое отражение и с ужасом отшатнулся. Снизу глянул на него некто со страшными рубцами язв на лице, с провалившимися глазами, заострившимся носом. И опять слабость расхватила тело: Григорий, выронив бадью, чуть ли не ползком добрался до кельи. Молчальник, - братия подумывала, что все ли у него после болезни с речью ладно, - он вовсе замкнулся, и кое-кто из иноков решил, что и разумом повредился. Но Григорий, что бы ни делал, пребывал постоянно в молитве. Хворь смогла исковеркать плоть, но дух в высохшем, как кость, постаревшем, посеревшем по поры чернеце ей победить не удалось.

Как-то под осень в монастыре попросил приюта небольшой отряд ратников. По измученному виду их, усталым коням можно было догадаться, что проделали они дорогу дальнюю и мчались, как от погони. Так и оказалось. С конниками был возок, из которого бережно вынесли раненого боярина с проступившей кровью на наспех намотанных повязках.

- Костоправ есть средь вас? - спросили у монахов.

Старенький инок Арсений, утвердительно тряхнув седой бородой, потянул за рукав подрясника Григория - подможешь! Врачевал старец раны, шепча молитвы, легкою рукою. Боярин был без памяти, стонал, бредил, а к вечеру отпоенный зельем на травах, пришел в себя, заозирался тревожно, видя подле себя людей в черных одеждах, но, заметив спокойное лицо старшего ратника, утих.

- Люди мы князя московского Василия Васильевича, - через силу, хрипя, заговорил он. - Князь Юрий Галичский Москву взял, себя заместо племянника своего - законного нашего государя вознамерился поставить. Василий наш юн да неумел, в боярах измена открылась. Сеча!.. А опосле из наших кто как ноги уносил. Мы вот от погони насилу отбились...

Григорий почувствовал, как зазудел, а потом и заболел старый шрам на плече от своей - русской! - стрелы; представилось, будто наяву: русичи же русичей рубят яростно на лесном волоку, а поодаль усмехаются татары...

- Я пойду к Юрию! Усовещу! - громко вырвалось у Григория.

Монахи испуганно и удивленно, впервые слыша его звучный голос, оглянулись - пришлец прежде одними знаками изъяснялся, как немтырь. Боярин тоже глянул на него с сожалением, словно на умалишенного:

- Станет ли тебя, сирого мниха, князь слушать? Башку долой - и делов!..

Глава 6. Рикошет

20-е годы 20-го века

Место для расстрела выбрали на берегу реки в густом ельнике у древнего каменного креста. Сюда, как царь отрекся от престола, опасались заходить богомольцы - всякая нечисть и нежить, расплодившись, кружила-путала людей средь бела дня, широкую натоптанную тропу завалило ветроломом, лес надвинулся на нее, плотно сжимая, топорща над нею колючие еловые лапки. Они нещадно секли по лицам приговоренных, бредших со связанными за спиной руками.

Их было четверо. Два босых парня-дезертира, загорелые, схожие меж собой, с ежиками остриженных соломенных волос, испуганно поглядывали по сторонам, как будто на что-то еще надеясь, сжимали и разжимали толстые корявые пальцы скрученных веревкой рук, пытаясь освободиться. Молодой монашек с бескровным восковым лицом, потупя взор и шепча молитвы, поотстал от парней, и кто-то из безусых красноармейцев грубо подтолкнул его прикладом винтовки в спину: «Переставляй ходули, поповское отродье!» Монах посмотрел на служивого чистыми, отрешенными от мира глазами, и тот отвел взгляд, воровато заозирался, бурча: «Чего пялишься-то, иди...»

Четвертый, военной выправки старик с седыми бакенбардами и вислыми усами, в залатанном крестьянском армяке явно с чужого плеча, мотавшемся на поджаром теле колоколом, брел последним и часто оглядывался, обреченно ожидая, что вот-вот... Сразу за источенным временем крестом, раздвигая ельник, тянулась ложбина, густо заросшая багулой; где-то на дне ее вызванивал целебный родничок. Тут же, в траве возле свежевырытой ямы сидели и курили красноармейцы. Они повскакали, невпо-

пад отдавая честь председателю ревтрибунала и командиру отряда.

Приговоренных поставили в ряд, лицами к кресту. Председатель ревтрибунала Яков Фраеров, нескладный, в долгополой шинели, поблескивая стеклышками пенсне, близоруко вперился в листок бумаги: «За самовольное оставление части... - голос его скыркал отрывисто, как у дятла-желны. - За ведение пропаганды против Советов среди населения приговариваются к высшей мере...»

До Зерцалова смысл дальнейших слов комиссара дошел не сразу:

- Что вам говорю? Оглохли? Командуйте, товарищ начальник!

Фраеров пристально, с нескрываемой ехидцей, ожидающе уставился на Василия.

- Отделение в шеренгу становись! - негромко скомандовал Зерцалов.

- Готовсь! - Василий, косясь на Фраерова, выжидающе пощипывавшего тонкими длинными пальцами реденькую козлиную бороденку, вытянул из ножен шашку.

- Пли! - то ли сказал, то ли лишь взмахнул ею.

Линия винтовочных стволов качнулась, выплюнув огонь. В последний миг монах повернулся и, воздетой дланью благословляя убийц, пронзил Василия взглядом небесно-голубых глаз... Зерцалов свалился как подкошенный - пуля, отрикошетив от поверхности каменного креста, угодила ему в голову. Сквозь сгущающийся кровавый туман Василию почудилось, что слышит слова Фраерова: «Отказался - и его б туда, к ним!»

- Уж лучше бы... - успел прошептать он, прежде чем провалиться во тьму...

У Василия Зерцалова, бывшего юнкера, так и не успевшего надеть офицерские погоны, последнее время жизнь состояла из цепи случайностей. Из старой столицы, уцелев в бою в Кремле, вместе с несколькими такими же растерянными и перепуганными мальчишками-земляками он сбежал, забившись в попутный состав, в Вологду к дядюшке под крыло. Старик встретил его в своем обветшавшем, но уютном доме на Большой Архангельской, обнял прильнувшего племянника, гладя по плечам. Прослезились оба. Не говоря ни слова, дядюшка, смахнув ладонью мокроту с обвисших седых усов, повел Василия наверх чаевничать. Прислуга, верно, разбежалась: в пустом доме дядя обретался один. Но он, застарелый холостяк и бывший драгун, похоже, не предавался унынию, захлопотал, ставя самовар. Василий разглядывал дядю: в обычном бесшабашно-добродушном выражении лица его появилась заметная озабоченность, ожидание. Зерцалов-младший, добираясь до дому, замечал такое в глазах многих.

- Что притих-то, рассказывай! - излишне бодро воскликнул дядюшка.

Василий в ответ пожал плечами.

- Да-с! А у нас пока тихо.

И еще большая озабоченность померещилась племяннику в быстром взгляде из-под насупленных мохнатых дядюшкиных бровей.

Эх, дядя! Кабы не ты.... Рано померли тятенька с маминькой, и он старшую сестрицу Натали в институт благородных девиц устроил и потом замуж за хорошего человека выдал, а Васенька под его приглядом из хлипкого болезненного мальчугана вымахал в крепкого малого - в юнкерское училище его дядя определил: семейное дело, брат!

- А где Натали?

- За границу с мужем уехали. Пока не вернулись... Дай бы, Господи, чтоб все поскорее утихомирилось!..

Нет, видно, дядюшкины слова были не Богу в уши - подошло времечко, потревожили новые власти и старого и малого. Люди в гражданском, с красными повязками на рукавах подняли Зерцаловых грубым стуком и увели среди ночи. В загородке возле «казенной палаты» топталось с полсотни разного возраста человек, бывших военных. Провели внутрь здания нескольких женщин. Замерзшие нахмуренные арестанты встречали серый рассвет. Наконец, погнали всех в низкие ворота полуподвала.

- Зерцалов Васька! - окликнул кто-то из кольца охраны, смуглый, кучерявый, в кожаной куртке. - Не узнаешь?

Яшка Фраеров! Сын управляющего соседним имением Зубовских. Неведомо откуда привез тогда хозяин Платон Юльевич нового управляющего, черноволосенького, шустрого, как тараканище, то ли молдаванина, то ли цыгана. С ним и отпрыск прибыл - нескладной, худой, в очках. Подружились с ним, когда с дядюшкой приехали в гости к Зубовским в имение. У девчонок Натальи и хозяйской Маруськи свои дела-делишки, а Ваську потянуло на деревенские задворки. Там и услышал он шум и крики:

трое пацанов почем зря тузили четвертого. Обидчики, по одежке видать, крестьянские или дворовые, а супротивник их одет почище, по-барчуковски. «Трое на одного!» - вскипело васькино сердечко, он ринулся в бой... С расквашенными носами обидчики отступили, но и Ваське, и тому, ходуле нескладному, досталось хорошо. Отерев разорванным рукавом с лица кровь вперемешку с грязью, он протянул Ваське руку: «Спасибо! Век не забуду.» Видались с Яшкой и после мимоходом; потом он пропал. Слышал Василий, что якобы устроил его Платон Юльевич в университет, а там Яшка в революционный кружок затесался, а потом вроде и в тюрягу загремел. Под стать бате, у которого за лихоимство дело до суда дошло, пока барин по заграницам путешествовал и, нежданно-негаданно вернувшись, отчета спросил. А теперь Яшка, все такой же нескладный и худой, поскрипывая блестящей кожей куртки, стоял напротив:

- Давненько не виделись... Да-а! Но раз повстречались, значит, судьба. Давай-ка отойдем. У меня сразу интерес к тебе заимелся... Я сейчас предревтрибунала и комиссар отряда ЧОН. Мне командир толковый нужен. Пополнение набрали - одни чалдоны, скоро выступать, а они не знают, с какого конца винтовка стреляет. Ты - человек военный.

Яшка перехватил взгляд Василия, провожавший согбенные спины последних исчезающих в темном провале ворот полуподвала арестованных офицеров.

- Этим дядечкам я не доверяю: сколько волка ни корми... Согласен?

Василий, глядя на медленно сходившиеся створки тяжелых, обитых железом ворот и чувствуя гуляющий неприятный холодок между лопатками, кивнул. Спросил только:

- А с ними что будет? С дядей?

- Разберемся. А дядя твой тоже пусть пока у нас погостит, мало ли что учудишь, - яшкин вороний глаз жестко прищурился.

Сотню мобилизованных парней Зерцалов исправно муштровал, учил владеть оружием, рыть окопы - в училище не только изящные танцы с мадмуазелями осваивал - и старался не думать, что скоро отряд, по утверждению Яшки, перебросят на Северный фронт, где придется стрелять в белых (соотечественников!). Господи, отведи!.. И вот пришлось...

Дезертиров брали на монастырском подворье. Один поднял руки сразу, два других пытались бежать. Того, что погрузнее, догнали и сбили с ног, принялись охаживать сапогами по бокам почем зря. Третий, легкий на ногу, пометавшись вдоль ограды, приноровился было заскочить на командирского коня, привязанного у ворот, и тут-то его Яшка, аккуратно и не спеша прицелившись, снял выстрелом из маузера.

- И этих в расход! - кивнул на других.

- Люди, опомнитесь! Что вы творите, тут же святое место! - откуда-то выбежал монах, вздернул черные рукава рясы, как птица крылья, - и тотчас же смяли, обломали их.

- Так-с, святой отец, пособничаешь, укрываешь?.. Облазьте-ка все закоулки! - приказал Фраеров красноармейцам.

Те вскоре приволокли упиравшегося старика, по виду - барина, хоть и оброс он, как мужик, и в одежке был крестьянской.

- Никого больше нет! - доложили. - Две бабы еще больные. Тоже сюда?

Яшка отмахнулся, подошел к испуганному старику вплотную.

- Доброго здоровьица, Платон Юльевич! Эх, вы, на старости лет да контрреволюцией заниматься! Сынок ваш - белый офицер, и вы, как вижу, не сидите сложа руки. Окопались тут с монахами, силенки для мятежа копите, людишек подходящих пригреваете. Знаем мы вас!

Фраеров грозил с укоризною пальцем, а Зубовский вглядывался в яшкино лицо подслеповато:

- Не признаю, кто. Но видел где-то...

- К ним его!

Красноармейцы подхватили старика под локти, подтащили к другим приговоренным.

- Я не враг... Я смуту хотел в монастыре пересидеть. Жена больна, дочь тоже, куда идти... - скороговоркой бормотал он.

В нем, скрюченно-обреченном, в самую последнюю минуту узнал Василий быв-

шего соседского помещика Зубовского...

Спустя десятилетия Василий Ефимович благодарил ту, отрикошетившую от каменного креста пулю, едва не лишившую его жизни. Что было б, случись все иначе? Кем бы он стал? Убийцей, послушным палачом новой власти? Зерцалов, сидя в кресле, щурясь от света настольной лампы, вопрошал вслух невидимого в полутьме комнаты собеседника. Впрочем, ответа так и не дождался; припомнилось что-то, пришло на ум, и старик принялся опять рассказывать. Такое повелось с ним с той поры, как пришлось оставить монастырское Лопотово...

Визит незваных гостей Сашки Бешена и Вальки взволновал старика, напомнил о Лопотове, и Зерцалов рассказывал и рассказывал тому, молчаливому и все понимающему. Все равно чуть слышный шепот никому не докучал: давно спала за стеной жена, и лишь в одряхлевшем нутре старого дома порою что-то скрипело или стонало.

Из жития преподобного Григория

Вокруг московских палат княжеских - подозрительная настороженность: галичане в чужом городе чувствовали себя неуютно. У ворот стража едва не воткнула в грудь Григорию копейные древки: смотрела люто, исподлобья.

- Мне б к князю Юрию Дмитриевичу! - попытался отвести рукою древко Григорий.

Стражники забрехали вразнобой, ровно псы цепные:

- Ты кто такой? Тать московский, можа?

- Начепил рясу-то!

- Нужон ты князю!

- Проходи мимо, не застуй! А то...

- Чего раскудахтались? - седобородый, со шрамом через все лицо ратник выглянул из-за створки ворот.

- Да вот...

Какое-то время ратник, насупив брови, разглядывал монаха, потом вдруг испуганно отшатнулся, осеняя себя мелкими крестиками.

- Свят, свят, свят! Это уж не ты ли, батюшка Григорий?

Он снял шлем и, отдав его кому-то из стражников, склонился под благословение.

- Мы уж похоронили тебя, отче...

Князь Юрий пребывал в послеобеденной дреме: ночами, в ставшем еще с малолетства чужим, городе не спалось, а днем в сон клонило. На осторожно вошедшего сотского, приоткрыв один глаз, взглянул с неудовольствием, прикрикнуть хотел, но, заметив за ним человека в черном, заворочался тяжело на лежанке, привставая. Постарел сильно князь, огруз, щурился.

- Знакомое обличье вроде...

- Игумен Григорий Лопотов я, кум твой. Не вели казнить, княже, вели слово молвить.

- Погодь, погодь, да ты воскрес! А ведь мор, баяли, тебя одолел?

Юрий, поднявшись, подошел к монаху, хотел было обнять его на радостях, но отвел глаза.

- Еще и ты вот, честный отче, воскрес... Неспроста все это, думаю, ой неспроста! Знамение, не иначе!

Князь перекрестился на святые лики в огромном позолоченном киоте в красном углу. Григорий встрепенулся, готовясь сказать слово, но князь остановил его жестом руки.

- Ведаю, о чем говорить хочешь... Поступил я не по-христиански, знаю. Мечталось по старому, прадедовскому закону великий стол занять: у племянника-то еще сопли не высохли. Почему одному - маета, а другому - счастье? И вот дорвался! И не вроде не рад...

- Сколько крови христианской пролил, грех какой на душу принял! - тихо сказал Григорий. - А не за горами самому ответ перед Всевышним держать.

- Отмолю, отче! - горестно вздохнул князь. - Бояре мои не вякали бы... Хоть уж сыты, поди!

- Вся твердь-то в тебе, княже.

- Да-да, - согласился Юрий. - Но если бы ты не воскрес, отче, сомневался б я с ними до сих пор. Бог тя послал.

В это время в княжескую горницу смело вошел статный красивый юноша в богатых, искусной работы доспехах.

- Димитрий! Крестный это твой игумен Григорий! Чего стоишь столбом, подойди к крестному!

Парень, пристально взглянув чистыми голубыми глазами на Григория, склонил под благословляющую длань густую шапку золотистых кудрей и приложился к руке монаха.

- Проводи, Димитрий, отца игумена отдохнуть, покорми с дороги! - озабоченно хмуря брови, приказал Юрий. - Да кликни сюда бояр и воеводу. Думу думать станем.

- Опять... - вздохнул Шемяка, придерживая Григория за рукав в темном узком переходе. - Совет держать собрался, а меня с молодшей дружиной обратно в Галич посылает. Не удержать отцу великий стол, духу не хватит!

При входе в светелку в ласковых глазах крестника Григорий успел увидеть что-то такое, что испугало его и встревожило. Но, может, показалось... Димитрий сам слил воду крестному умыться, заботливо уложил отдыхать, послал слугу за ужином. Вроде и успокоил напоследок:

- С московитами миром кончим...

Едва Шемяка вышел, как Григорий словно в черную бездонную яму провалился... Проснулся он непривычно, около полудни: дальняя дорога, тяготы и передряги дали себя знать. На столе стояла в блюдах тщательно укутанная полотенцами снедь - вспомнилось сразу об ужине, Шемякой обещанном. Григорий спал не раздеваясь и, лишь отряхнув слегка подрясник, встал на молитву. Когда сел за стол утолить разыгравшийся голод, в светелку заглянула старушка-ключница иль нянька, наверное.

- Как почивалось, батюшко? - спросила ласково.

- Слава Богу! - ответствовал игумен, откинув с глиняного блюда укутку и дивясь угощению - парочке жареных цыплят. - Монахи мяса не вкушают. Не знает, что ли, княжич?

- Что с Шемяки возьмешь, ровно бусурман. - поджала губы старушка. - И тебя, отче, хотел, видать, голубками убиенными попотчевать, честь оказать. Любимое лакомство у безбожника. Сизарей, почитай, по всей Москве для него ловили.

- Крестничек...

Григорий, отодвинув в сторону блюдо с голубями, прислушивался к шуму, доносившемуся с улицы. Он становился все явственней.

- Московиты радуются. Галичане ночью снялись и ушли тайком из города.

Ключница еще хотела что-то добавить, но в сенях вдруг загрохотали чьи-то тяжелые шаги.

- Где монах?

Ратник в дверях отвесил игумену поясной поклон.

- Князь наш Василий Васильевич тебя, честный отче, требует! У крыльца смиренно ожидает.

Юноша, чем-то неуловимо схожий с Шемякой, соскочил с коня и подошел к Григорию, спустившемуся с крыльца.

- Какой ты, отче... По одному слову твоему вороги мои заклятые из Москвы сбегли. Проси чего хочешь! - князь смотрел на игумена с восхищением и в то же время с плохо скрываемой завистью.

- Покоя хочу! - ответил Григорий. - Отпусти, княже, с миром!

Чернеца, идущего с княжого двора с дорожной котомицей за плечами, провожали с великим недоумением и бояре, и ратники, прочая челядь. А игумен держал путь в далекие северные веси, ища желанного душе и сердцу уединения.

Глава 7. Любовь

В городке, где все друг друга знали, как в большой деревне, посплетничать любили и обожали. Что ж тут вроде б такого: Катька Солина пробежала не в лесхозовский барак к шабашникам-гуцулам, а привернула в заброшенный сатюковский домишко, и пошла-поехала там гульба с «энтим самым»! И что выбралась вечерком продышаться

и заодно «доппаек» раздобыть облапленная за пышные телеса не каким-нибудь чернявеньким мужичком, а еле-еле державшимся на ногах Валькой.

«Убийца! Распутница!» - плевались, точили остатние зубы старушонки на углах, вечные добровольные городовые, и тут же строили предположения о том, какая ужасная участь неразумного отпрыска Сатюковых ожидает, сколько ему, бедолаге, жить на белом свете осталось. А он брел распьянешенек и в ус не дул, покрепче за Катьку цеплялся, чтоб не упасть до поры. Что ему старушечьи сплетни и пересуды: дома, вон, отец с матерью в себя прийти не могут, сердечными каплями отпаиваются, узнавши, с кем сынок связался. Вицей, как раньше, его не надерешь, ругань - от стенки горох, укоры да слезы юное, не изведавшее еще ни настоящей кручины, ни тоски сердце не прошибают.

Валька слышать ничего не хочет. Он голову от Катьки потерял, после бессонных страстных ночей его аж ветром мотает. В избушке любиться благодать - подшуровали малость печурку, чтоб жилым духом пахло, и напару на старом диване жарко. Жрать захочется: сбродит Валька домой, выудит чугунок с супом из печи, наестся, ежась за столом от осуждающих взглядов матушки, кое-какой еды для полюбовницы с собой прихватит. Мать только губы подожмет: ругаться уж без толку, хоть к ворожее иди, кабы они водились. Бывало, и навестит, молча, молодых. Катька - ушлая: под одеяло с головой и лежит-полеживает, чувствует, что матушка его не сдернет. Не посмеет: какая там Катька пребывает - «неглиже» или в пальто. Зато в райцентре, в гостях у Катьки, Валька побаивался, хотя и труса старательно «бормотушкой» заливал. Тут и на ум рассказы о катькиных похождениях приходили, о могучих, покрытых татуировками хахалях, от которых ноги бы успеть унести. Пока все было спокойно. Лишь младшая катькина сестра, придя с ночной смены с завода, бесцеремонно приподняла с Вальки одеяло и хмыкнула, увидев ровесника:

- Губа не дура. На молоденьких перешла.

Две катькины дочки детсадовского возраста к появлению Вальки отнеслись по-своему, особо не удивляясь незнакомому дяденьке.

- Ты летчик? - щупали они его кожаную куртку. - Когда еще прилетишь?

Хоть авиатором называйте, хоть ассенизатором - Сатюков на все согласен. Хоть горшком, только в печку не запихивайте! В комнатушке спали всем табором. Теснотища! Катька подкладывала Вальку к себе под горячий бочок, но сколько приходилось ждать сего блаженного мига! Пока девчонки в своем углу в кроватке не угомонятся, пока сестра долго еще на узком, похожем на топчан, диване ворочается и потом - не пойми! - спит или нет. И когда Катька предложила встречаться только в домишке в городке - пусть и редко, но зато вволюшку наобниматься можно - Валька с радостью согласился. Катька наведывалась - и наступал праздник! Июнь теплый, ласковый, еще без туч комарья, выманивал влюбленных из хижины. В светлых сумерках убредали они по берегу речки за окраину городка. Валька разводил костер и, опьяневший и от вина и от близости Катьки, чего только не выделывал: и козлом через огонь скакал, и глотку драл истошно, и валил подружку на молодую травку. Поздно ночью холодало, не спасал и жар дотлевающих углей костра. Валька с Катериной, прижимаясь друг к дружке, норовили побыстрее добраться до домишка и нырнуть в его уютное, пахнущее жилым, нутро.

- Люблю. Люблю!.. - еще долго, едва ли не до утра шептали катькины губы...

Все бы добро бы да ладно, но запропала Катерина вскоре, в условленное время не приехала.

Сатюков заметался туда-сюда, надоумился, наконец, к подруге катькиной Томке забежать.

- Ой, Катюшенька-то наша, беда-а! - раскатав накрашенные ярко губы, запричитала Томка. - В больницу попала!

- Чего случилось? - перепугался Валька.

- Сотрясение мозгов!

Томка, хныча, размазывала по нарумяненному лицу тушь с ресниц и со всклоченными неприбранными волосами становилась похожей на ведьму. Вальке не по себе стало, когда она, злобно скалясь, вдруг хихикнула, с ехидцей добавляя:

- В нужнике, говорят, с рундука пьяная гребнулась. И башкой об стенку! К тебе навострилась, да, видать, не судьба.

Елки-палки! Сатюков побежал, сломя голову, в больницу, но на крыльце ее, переводя дух, опомнился, и страх напал. Как спросить, что говорить? Опять эти многозначительные, насмешливые, осуждающие взгляды... С Катькой-то, когда шли напару, их и не замечал, море по колено. Озадаченный Валька, вжимая голову в плечи, принялся кружить возле здания больницы, и сразу любопытные пациенты стали плющить об стекла в окнах свои носы. Оставался еще выход: «налить» глаза для храбрости. Сатюков то и сделал - чем и с кем в городке проблемы не существовало. Нацепив для пущей маскировки солнцезащитные очки, он двинул отчаянно в приемный покой. Столкнувшись там с молодым бородатым доктором, замямлил, с тихим ужасом ощущая, как из головы улетучивается спасительный хмель:

- Мне бы Катю...

- В первой палате, - не раздумывая, ответил бородач, заступая Вальке путь и вызывающе-насмешливо щурясь. - Постельный режим, пускаем только близких родственников. Вы кто ей будете, молодой человек?

- Я... брат.

- Ну, проходи... брат! - ухмыльнулся доктор и уступил дорогу.

Койка, где возлежала Катька, стояла в самом дальнем углу большой палаты, и подойти к ней можно было лишь по узкому проходу, минуя стоящие с той и другой стороны койки с лежащими и сидящими на них, стрекочущими, как сороки, старухами. Бабки, будто по команде, замолкли и вперились в Вальку любопытными едучими взглядами, и если б не очки, Сатюков точно бы сгорел от стыда.

- Садись рядышком на табуретку, - Катька выпростала из-под одеяла руку и, улыбаясь, пожала валькину ладонь теплыми крепкими пальцами. - Спасибо, что пришел. Я ждала... Это-то зачем нацепил? - она указала на очки. - Все равно тебя узнали. Хочешь, чтоб волки сыты и овцы целы? Так не бывает.

Валька вконец засмущался, сдернул, но опять поспешно надел эти проклятые очки. О чем-то бы надо в таком случае говорить - попроведать ведь больную приперся, да куда там! Бабули, вон, как уши навострили, язык у Вальки сразу к нёбу прирос. Парень промычал только невнятно.

- Ладно, иди! - опять понимающе улыбнулась Катька. - Наведайся попозже, скоро вставать разрешат. А это прочти... - она торопливо сунула Сатюкову свернутый вчетверо лист бумаги. - Думала я тут много, пока лежала. О нас с тобою...

Валька - едва с крыльца успел сбежать - письмо развернул: «Ты не переживай, - писала Катя. - Я тебя понимаю, тебе трудно. Ты как между двух огней сейчас мечешься. С одной стороны - городок, родители, а с другой - я. Не сердись на отца и мать, они желают тебе добра. Жаль, что не верят, что тебе будет со мной хорошо. Я б никогда не обидела их и словом. Прожила на свете тридцать лет, а мало чего радостного видела. Жизнь меня поколотила изрядно, и может, оттого я понимаю многое. Так хочется жить по-человечески. Многим я кажусь несерьезной, пустой. Но кто бы знал, какая под внешней веселостью скрывается тоска! Жуткая... Встретив тебя, я будто очнулась. Сначала боролись во мне два чувства. Думала: зачем мне он? Может, найдет свое счастье без меня? Но чем дальше, тем иначе я думаю. Наоборот, без меня будешь ли счастлив?! К черту разницу в годах! Когда я вспоминаю о тебе, у меня ужасно хорошо на душе. Дети? Это уж тем более не помеха. Если будет нужно, я не боюсь никакой работы. На все меня хватит. Я могу горы свернуть, лишь бы быть нам с тобою вместе. Ты знаешь, у меня мечта появилась... Будет солнечный теплый день, и мы пойдем с тобою - помнишь? - в Лопотово, на монастырские развалины. Это будет у нас самый счастливый день в жизни, вот увидишь. Мне этот день даже снится. И никого во всем мире вокруг, кроме тебя и меня... Пусть болтают в Городке обо мне черт-те знает что! А хоть бы заглянул кто из этих людей мне в душу! Может, я добрее и человечнее, по крайней мере, не глупее их. Какая я - про себя знаю. Плохо делать людям не в моих интересах. А если уж когда развлекусь да подурачусь, так это от обиды и скуки. Тебя я люблю. Но нужно будет убить в себе это - я сделаю. Ради близких людей жизнь научила меня владеть собой».

Из жития преподобного Григория

И десятка лет не минуло, как неподалеку от каменного креста, вытесанного Григо-

рием, стал подниматься монастырь. Алекса, ставя верши на реке, встретился с охотниками: несколько верст встречь речному течению деревушка обнаружилась. Народ с желанием пришел помогать в святом деле. Мужики в лесу выжгли росчисть и покропившему место освященной водичкой игумену помогли срубить первую монашескую келью. Теперь вот и на шатер второй бревенчатой церкви с Божьей помощью крест водрузили. Строили вокруг и ограду: место вроде и глухое, но год тих да час лих. Немало воровских людишек шастать стало. И последние послушники, пожелавшие принять постриг в обители, были покалеченные и потерявшие все, что еще могло связывать с миром, люди.

Опять разгорелась с новой силой, дотоле потаенно тлевшая, княжеская междоусобица. Преставился старый завистливый князь Юрий - вроде бы миру долгожданному пришла пора настать на Земле Русской, думать бы надо, как от набегов татарских отшибаться, да нет: видно, Божие попущение за грехи долгим оказалось. Ополчились теперь на московского великого князя Василия дядьевы отпрыски... А князь Василий в недобрый час венец принял: бегал в суматохе из Москвы от Юрия, потом сглупу в полон к татарам угодил - насилу выкупили, а когда в плен к нему попал старший брат шемякин тезка Василий, поступил как язычник поганый, перенял у татар-то - приказал тому очи выколоть. И не ведал, что готовил себе такой же удел...

Не смог противостоять ратям Димитрия Шемяки, бежал и настигнут был погоней. Жестоко расправился с московским государем Шемяка, исполненный мщения: ослепленного, принудил отречься от престола и крест на том целовать. И этого показалось мало: несчастный Василий был сослан в далекий Кирилло-Белозерский монастырь за крепкие стены. Здесь только повзрослел, прозрел духовно незрячий князь. Познав это, потянулись к нему верные люди и, пока буйствовал и пировал беззаботно Шемяка в Москве, на Севере скапливалось войско. Одно еще удерживало Василия встать во главе рати - клятвенный договор, но его, взяв грех на себя, снял кирилловский игумен... Подошел черед бежать и Шемяке с остатками разбитого войска. Как хищный зверь зализывая раны, укрылся он на вологодской стороне, в Устюге Великом.

Обо всем поведали игумену Григорию забредшие в обитель калики перехожие, и хоть слухом земля полнится, верилось в деяния крестника с трудом. Григорий не раз и не два порывался наведаться к Шемяке в Москву, но застарелые разыгравшиеся хвори не давали ему отважиться в дальний путь. Оставалось уповать только на Божий промысел, молиться с братией в храме и уединенно в келье: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, наставь неразумных прекратить брань братоубийственную...»

Зимние сумерки - ранние, когда Григорий вставал в своей келье на вечернее правило, месяц вовсю заглядывал в окошко. Дикий истошный вопль - показалось игумену - разорвал, встряхнул благодатную тишину внутри монастырского дворика, заметался неистово гогочущими отголосками, отскакивающими от шатров колоколен и наверший стен ограды. Григорий бросился к окну и обмер - посреди двора бесновалась куча омерзительных гадов. Заметив игумена, они, завизжав, потянули к нему свои уродливые лапы, стали обступать келью, стуча в стены; дверь от страшной силы ударов заходила ходуном.

Игумен упал на колени перед иконами: «Господи, помоги! Спаси раба твоего грешного!» Торопливо, сбиваясь, он начал читать молитву об отгнании бесов... И утихомирился охвативший Григория трус, сердце утишило испуганные скачки, наполняясь мужеством. Взяв честной крест и из-под божницы стклянницу со святой крещенской водой, игумен решительно распахнул дверь... Но на воле было тихо, падал редкий снежок, робко проглядывали в просветах между туч звезды. «Ой, неспроста видение! - обессилев разом, Григорий сел на пороге. - Раз враг рода человеческого видимыми своих слуг сделал». Так и вышло. Утром вздремнувшего игумена разбудили - прибыл человек с худой вестью. Шемяка, собрав войско, двинулся с Устюга на Вологду, разоряя и предавая огню попутные села. И скоро уж стоять ему под Вологдой, стервецу. А там и путь на Москву откроется...

- Не след, видно, отсиживаться мне, братие! Никак не отпускает мир! Надо вразумить нечестивца...

Григорий спешно собрался в дорогу, и легкий возок, с облучка которого правил лошадкой верный Алекса, запокидывало по волоку.

Глава 8. Искупление

Старик не любил, чтобы его во время пространных монологов тревожили. Некто в дальнем углу тоже не любил вторжения посторонних: потревоженный и обиженный в этот вечер мог больше и не вернуться. Хотя потревожить Зерцалова могла только жена. Бывшая соседка, тоже пожилая, по прежней памяти каждый день навещала стариков, но на бесконечно тянувшийся вечер и на еще более долгую ночь они оставались в доме одни.

В двухэтажной развалине, обветшавшей совсем за столетие с лишком, скрипели полы, хлопали двери и окна, всякие пугающе-непонятные шорохи хоронились в темных углах, порою чудились чьи-то шаги. Василий Ефимович на это уж давно не обращал внимания, но в последнее время еще одни прибавившиеся звуки стали его раздражать. В самый разгар монолога за чуть приотворившейся дверью начинало раздаваться тяжкое сопение. Мария Платоновна предугадывала жгучее желание мужа захлопнуть дверь, широко распахивала ее и с порога - растрепанная, со злым обрюзгшим лицом, в накинутой на плечи грязной затрапезной душегрее - сердитым, осипшим, точно ослабленная басовая струна, голосом принималась пилить:

- С кем это ты все разговариваешь? Кто там опять у тебя? Допринимаешь, доназываешь гостей, что обворуют - глазом не успеешь моргнуть! Вона, приходили Сашка-дурень с каким-то парнем... Так и зыркают оба, чего бы спереть. И сам с собою дотрекаешь, что черти блазниться будут!

Жена, тяжело опираясь на костыль, грузными шагами двигалась по горнице, голова ее дергалась в нервном тике, едва различимые над отечными синими мешками глазки поглядывали злобно и подозрительно. Старик на ее ворчание не возражал, пережидал, пока она уйдет, вжимался в кресло. Наконец, захлопывалась дверь, бурчание и шаги затихали в соседней комнате. Зерцалов облегченно вздыхал: «О, Господи, в юности такая ли она была?!» Тот, невидимка в углу, слава Богу, в этот раз не исчез, похоже, даже приготовился слушать внимательно...

Василий тогда, после расстрела в монастыре, доставленный в лазарет, отходил долго, старенький доктор сомневался - уж оживет ли. Голова, особенно там, где была рана возле виска, постоянно болела; происшедшее Зерцалов вспоминал с трудом: какие-то обрывки возникали в памяти, начинали роиться, собрать их в единое целое не удавалось.

- Похоже, вы, голубчик, отвоевались! - напутствовал его на прощание доктор, поглядывая на белую повязку, видневшуюся из-под фуражки. - Благодарите Бога, что живой остались!..

Зерцалов, бесцельно набродившись по улицам городка, где-то на окраине вдруг ощутил, как качнулась, стала уходить в сторону земля под ногами. Он схватился за частокол первой же изгороди и, подламываясь в коленках, медленно сполз в пыльную крапиву. Опять замелькали перед глазами, перемежаясь с разноцветными кругами, чьи-то бледные, отрешенные от всего лица, качнулся ряд выплевывавших огонь черных винтовочных стволов... Туда, к каменному, преподобного Григория, кресту надо!

- Гле-ко, солдатик-от пьяной! - послышался откуда-то сверху насмешливый голос.

- Молчи, дурища, не видишь - раненой! Головушка ить как разбита! - отозвался кто-то сердобольно.

Незнакомые люди обогрели, отпоили горячим отваром, уложили спать, но, едва свет, Зерцалов уже был в дороге... Крест разыскать он так и не смог. Накружился вдосталь в окрестных возле опустевшего монастыря ельниках и сосняках: вроде б выходил на похожие, ведущие к роднику тропинки, да спотыкались они, терялись в чащобе. Местные жители как воды в рот набрали - сколько ни расспрашивал их, поглядывали в ответ либо непонятливо, либо испуганно. Нашелся один древний дедок, подсказал:

- Крест-от басурмане, изверги те вывернули да на убиенных в яму столкнули и зарыли потом... Только понапрасну, парень, ищешь. Не откроет теперь Григорий святое место, коли его осквернили. Да и зачем тебе оно, рази кому там поможешь?

И Василий не выдержал мутного взгляда стариковских глаз. Он слонялся по начавшему дичать монастырскому саду, не ведая уже: оставаться еще и искать или же

отправляться восвояси, когда возле сторожки в глубине сада заметил немолодую женщину с закутанной по-монашьи в черный платок головой. Оглядываясь, она прошла с ведром к колодцу, наклонилась над срубом и неловко, неумеючи почерпнула воды. Зерцалов ее узнал, и первой мыслью было повернуться и бежать прочь. Это была жена расстрелянного Зубовского Анна Петровна. Близоруко вглядывалась она в Василия, вначале настороженно и с испугом, потом неверяще и обрадованно:

- Васенька Зерцалов...

Василий, боясь поднять глаза, приложился губами к ее маленькой, застывшей на осеннем холоде ручке.

- Ой, батюшки, горе-то у нас какое... Платона Юльевича антихристы!.. - Анна Петровна заплакала, прижала лицо к груди Василия. - И Машенька лежит, больна очень, ни с места. Ладно, люди добрые помогают.

В сторожке - сумрак, пара крохотных оконцев едва пропускала свет. Анна Петровна, вздыхая, зажгла огарок свечи.

- Сейчас, Машенька, сейчас, милая, чайку попьем. И гость с нами.

Зерцалов рассмотрел на подушке стоящей в углу кровати белокурую голову девушки - встретиться бы где случайно, и точно бы прошел мимо Маши Зубовской, как незнакомой. Бледное, без кровинки, лицо и огромные, беспомощно взглянувшие глаза.... Чашку чая Василий не допил: смотреть на хлопочущую хозяйку и больную дочь стало невмоготу. Отговорившись чем-то, он вышел на крылечко и в ранних сумерках, не разбирая дороги, побрел по саду, едва не натыкаясь на стволы деревьев. «Господи, помоги! - сжимал и тер он в отчаянии виски. - Почему?.. Они ничего обо мне не знают... Рассказать им обо всем? Нет, нет, только не это!» Заморосил мелкий нудный дождик, осыпавшиеся кроны деревьев пропускали влагу, и Василий вскоре вымок до нитки. Стуча зубами от холода, он, в конце концов, вернулся к сторожке и еще долго топтался на крылечке, не решаясь постучаться. «А если остаться около них? - осенило его вдруг. - Самому-то куда идти? И попытаться искупить вину...»

Он остался, Зубовские были только рады. Перебивались кое-как. Когда в монастыре организовали коммуну, Василия попросили присматривать за садом, где приноровился он развести пасеку. Местные власти поглядывали на Зерцалова хоть и искоса - все-таки барского роду-племени, но и не докучали особо: красный командир, вдобавок раненый. Так и ходил он постоянно в поношенном френче, перехваченном ремнем, в галифе, в начищенных до блеска в сапогах; летом в кепке, схожей с фуражкой, зимой - в папахе. И до того привыкли к его полувоенному виду люди, что появись он в цивильной одежде - вот бы наверно было удивление.

Манечке Зубовской Василий сделал предложение. Выздоровевшая и окрепшая Маша от удивления захлопала густыми ресницами и смутилась, зато Анна Петровна благословила молодых с радостью и облегчением - сама теперь на смену дочери слегла и истаивала тихо. Не венчались - церкви закрыты и в сельсовет «расписываться» не пошли. И не замедлила, лягнула она. В блуде-то жизнь... Схоронив матушку, погоревав, Манечка ровно взбесилась. Женщина грамотная, в колхозной конторе ей местечко нашлось. Там с компанией связалась, едва в комсомол не затащили, кабы не происхождение. Но по избам-читальням исправно ходила, где и спуталась с конюхом Митькой, по кустам с ним стала шарашиться.

В деревне все на виду и на слуху; кто жалел, а кто осуждал Зерцалова - что за мужик, нет бы положил конец прелюбодейству! Но Василий лишь скрипел бессильно зубами: вроде муж и не муж, а так - сожитель. Заикнулся несмело - Мария сходу заявила: под венцом перед Богом с тобой не стояла и записи о нашей совместной жизни нигде нет. Вольная птица, свободная женщина. Митьке вот только скоро она наскучила, наигрался парень вволю, а в жены брать белоручку - Боже упаси! Да и вроде она замужняя... Мария, опять же по совету новых своих подружек, сходила к знахарке и приползла потом домой чуть живая. Василий уж думал - все, хлопотал над ней, позабыв обиды, отпаивал с ложечки, доктора из города пригласил. Супружницу удалось выходить. Присмирела она, замкнулась в себе, и случалось, иной день Василий слова от нее не слышал. Но стоило однажды вспыхнуть мелкой ссоре, как попрекнула:

- Зря со мной водился-то... Лучше было б мне за матушкой вослед.

Зерцалов, уйдя из дому, долго, дотемна, сидел тогда, разведя костер, на берегу речки. Хотелось куда-нибудь уехать, но куда? Кому он был нужен?.. И никак не ожи-

дал, что мог Марии так опостылеть. Любил ли сам ее? К той девочке, в горячке беспомощно разметавшейся по кровати, пробудилось чувство, но когда он решил опекать семью расстрелянного им человека, остаться с ней, исполнение долга возобладало над всем. Даже заглушило ощущение вины... Поначалу он втайне гордился своим поступком, и ему не могло прийти в голову, что через несколько лет он может оказаться просто-напросто лишним.

Василий посмотрел на насупившийся за речной излучиной в подступавшей темноте вековой ельник, вздохнул, пытаясь отогнать мрачные мысли. Теперь вот, не по один год, не бродил в чащобе, не искал каменного креста, безымянной могилы. Не желал, видно, преподобный Григорий место указать. Или время еще не приспело?.. Вернувшись, Василий в избу не заходил, лег в сенцах на постель из соломы и не успел глаз сомкнуть, как раздался требовательный стук в дверь.

- Зерцалов? Собирайся!

Ввалившиеся мужики в штатском перевернули вверх дном все в доме и втолкнули Василия в «воронок», оставив растерянную и перепуганную Марию.

...В камере Зерцалов заметил, что к нему постоянно присматривается один из арестантов со смуглым изможденным лицом со следами побоев. Пристальный взгляд черных печальных глаз преследовал Василия всюду. Арестанта чаще других выводили из камеры, надолго, и приведенный обратно, он забивался сразу в дальний угол, тяжко вздыхал, заходился в захлебывающемся чахоточном кашле, и когда отпускало, стонал негромко. И опять искал взглядом Зерцалова. Ночью, наконец, подобрался к нему и зашептал на ухо:

- Признал я тебя, Василий. Никак не думал, что ты живой. Яков я, Фраеров! Забыл?

Яков закашлялся, и Зерцалову, обеспокоенному и растерянному, пришлось терпеливо ждать конца приступа. Радости от встречи он что-то не испытывал.

- Из виду я тебя потерял. Чаял тогда, у креста-то Григорьева, тебе пулей насмерть отрикошетило. А тут, еще до ареста, случайно услышал: жив, здоров и в тех же краях проживает. Ну, думаю, воскрес. В Бога не верил, а тут поневоле верить начал. Сберег тебя Григорий-заступничек!.. Я вот чего тебе скажу и никому другому... - Фраеров в душной полутьме камеры закрутил головой, заозирался, прислушиваясь к храпу и сонному бормотанию сокамерников. - Чую, не сегодня-завтра шлепнут меня! Не нужен стал, - он зашептал еще тише, Василий еле угадывал его слова. - Не охота уносить с собой... Я тут не в одной камере сидел, сволочей и своих краснозвездных и чужих-ваших простукивал да под «вышку» подводил. Добровольно на это пошел, едва арестовали. Не виноват я!.. - Фраеров пристукнул кулачком в грудь и опять зашелся в кашле. - Но вместо свободы и наград забивать еще пуще стали. Я теперь всех оговариваю - и виноватых, и правых... А ты, раз выжил, живи дальше, нет ничего на тебе. И еще один грех на мне - дядюшку твоего, заложника, в первую же ночь расстрелял.

Фраеров неприятно задрожал мелким смешком.

- Не поп ты, а тебе покаялся...

Василию захотелось брезгливо отодвинуться от него: было и страшно и гадко, но было и почему-то жаль этого, опять согнутого в дугу кашлем, вырывающимся из отбитых легких, уползающего в свой дальний угол человечка. Утром Фраерова увели из камеры, и больше он не возвращался.

...Сашка Бешен и Валька слово сдержали: раздобыли лошадь с тележкой, подсадили старика на охапку сена и отправились в монастырь. Тронулись не рано, солнце стояло уже высоко, парило, как перед ливнем. По дороге, развороченной весной колесами и гусеницами тракторов и теперь высохшей, с выворотнями земли, колдобинами, ямами, кобыла, боясь обломать ноги, вышагивала неторопко, но телегу все равно подбрасывало и трясло почем зря.

Зерцалов, вцепившись бескровными иссохшими пальцами в грядку телеги, как выехали, не проронил ни слова: порою казалось, что старик, полулежа на сене, спит с открытыми, подернутыми мутной мокротой глазами.

Побеспокоил, разбудил его тяжелый дурной запах, который временами приносил ветерок, особенно когда повозка выскакивала из перелесков, обступающих дорогу, на ровное открытое место. На речном берегу уже стало не продохнуть... Вода в реке текла черная, с белыми пузырящимися барашками ядовитой пены на поверхности. Ни зеленого листочка водоросли, ни резвящегося рыбного малька; вдоль обоих берегов тяну-

лась желтая мертвая канва. Лошадь зафыркала, уперлась, не пошла вброд. Сашка соскочил с телеги, ухватил кобылу под уздцы и, уговаривая, кое-как затянул в реку. Перевел, сам бултыхаясь по пояс. За речным изгибом вроде все так же приветливо и весело зеленел монастырский холм с развалинами церквей. Старик попросил остановиться, слез с телеги. Придерживаясь за нее, побрел рядом, торопливо и жадно озирая окрестность.

Когда взобрались на холм к остаткам крепостной стены, нескрываемая, почти ребячья радость с лица старика исчезла; он был растерян, похоже, узнавая и не узнавая место. Да и Валька, понуро плетясь позади всех и высматривая тайком домишко, где когда-то варзал, с удивлением не находил его. На месте деревеньки грудами головешек чернело пепелище, валялся битый кирпич, распяливали обугленные сучья деревья. А там, где стоял прежде домик, начиналась испаханная тракторными гусеницами и полозьями саней полоса с вмятыми в землю, еще кое-где зеленеющими искореженными яблоньками и, извиваясь, тянулась к вырубленному бору. У оставшихся у самой воды вековых елей желтела, осыпаясь, хвоя: весенний паводок погубил их.

Старик не смог преодолеть рытвину на месте крыльца домика, споткнулся и боком упал на груду вывернутой глины. Бешен и Валька бросились ему на помощь, но он остановил их слабым жестом руки и ладонью прикрыл глаза.

- Сад у него тут был, - вполголоса забормотал на ухо Вальке Сашка. - Прежний, монастырский-то в войну вымерз, пока старик в лагере сидел. Так он новый посадил, и - смотри! - что гады вытворили, объехать поленились. А домик у деда еще раньше какие-то идиоты разорили, сам я потом окна досками заколачивал. И уехал-то он всего на ночь: косари в баньке мыться собрались, да загуляли, в городок их понесло, и Василия Ефимовича с собой сманили... Он все домишко отремонтировать хотел, да слег, больше сюда и не бывал. Я сам не рад, что его привез. Знал, что реку стоками с бумажного комбината отравили. Что ж творится здесь, Господи!..

Сашка, не переставая, бубнил и еще, Сатюков же виновато прятал глаза. Казалось, что и старик, и Бешен знали про его здешние прошлые проделки. Хотелось, как в детстве, набедокурив, убежать, но Валька стоял и боялся взглянуть на опущенные худые стариковские плечи и облепленную белоснежным пухом голову. Старик, отняв от глаз мокрую ладонь, пытался всмотреться в расплывчатые очертания изувеченного, наполовину вырубленного ельника. Где-то там прикрывал вытесанный игуменом Григорием крест косточки невинно убиенных, и на том месте кто-то без тоски и горя валил деревья, потом трелевал их к дороге, уничтожая попутно сад. А ведь даже в войну бора не тронули...

Надо туда добраться, может, родник найдется и крест укажет! Но подняться не было сил...

- Живого бы довезти! - озабоченно сказал Бешен.

- Ведь это я, я его!.. - неслышно шептал Валька.

Из жития преподобного Григория

Предав разору село великокняжеской вотчины, довольный Димитрий Шемяка ехал во главе рати. Хмельно шумело в голове то ли от крепкой медовухи, то ли от пролитой крови. Опять близок дедовский престол, еще малость поднатужиться - и вот она, великокняжеская власть! И до того, что у Василия, ослепленного и уже прозванного Темным, прав больше и поддерживает его народ, измотанный и обескровленный княжой распрей, так то не больно важно. Верных Василию людишек и обуздать можно и в крови утопить - взять бы белокаменную! Пока впереди Вологда. Эх-ма! Завалим!

А на воле как любо! Легкий морозец пощипывает щеки, в лучах клонившегося к закату багрово-красного солнца змеятся синие тени от деревьев, пересекая волок. Давит лес с обеих сторон узкую дорожку, стоит сплошной, засыпанной розовым снегом стеной и - вдруг - раздвигается перед рекой. Застучали конские копыта по настилу моста. Карько под задремавшим князем всхрапнул, отпрянул назад. Гомонившие за княжеской спиной ратники смолкли. На середине моста, возняв посох, стоял чернец.

- Стой, князь! Стойте, люди! - обратился он властно, твердо. - Не довольно ли вам пролитой крови христианской? Ужель алкаете ее, аки звери лютые? И кара Божия вам не страшна?! - глаза монаха из-под низко надвинутого клобука неотступно-строго

смотрели на притихших ратников. - Призываю вас поворотить вспять коней своих, вернуться в родные веси. Хватит братоубийства на ликование врагам Земли Русской! К тебе, княже Димитрий, крестник мой, взываю - замирись с братом своим Василием, перестань против него которы чинить. Пойми и заруби себе, что не ты по закону над ним старший, а он над тобою...

- Не бывать тому! - разъяренным медведем взревел Шемяка, было трусовато притихший при нечаянной встрече с крестным своим игуменом Григорием, которого уж в живых-то не числил, но при одном упоминании имени князя московского потерявший сразу всякий рассудок. - Эй, молодцы! - крикнул он двум кметям. - Свалите-ко мниха с дороги, чтоб не смердил тут!

Здоровенные кмети легко, как перышко, подкинули почти невесомое тело Григория и свергли с моста. Короток Шемякин суд. Только и успел прохрипеть чернец:

- Будьте вы прокляты!

Глава 9. Яма

Из больницы Катька пропала, как в воду канула. Валька, обеспокоенный, не стал дожидаться утреннего рейсового автобуса, взял у знакомого напрокат велосипед и рванул в райцентр. На катькиной квартирке запыхавшегося с дороги Сатюкова встретили удивленно вытаращенными глазами младшая сестра Катьки и дочки. Ни слуху, ни духу... Валька промотался весь следующий день, как опоенный, в конце концов, вечером оказался в пьяной ватаге парней, и когда вытягивал уже через силу очередной стакан «бормотухи», кто-то из вновь прибившихся к компании ему словно ведро холоденки на голову вылил:

- Катька-то твоя с хохлами в бараке... Говорят, из больницы удрала и - на делянку в лес, к бригаде! Запила там и все такое. С какой-то еще лярвой по переменкам голышом через скакалку перед мужиками прыгали...

Все-то уж в городке знали и знали все, только вот Валька ушами хлопал да сопли жевал. То-то парни поглядывали на него - кто с усмешкой, кто сочувственно. А он понять не мог... Сатюков взвыл, выглотал залпом «бормотуху» и, ошалело выкатив глаза, помчался к лесхозовскому бараку.

Лесорубы-закарпатцы, мужики семейные, обстоятельные, за зиму заколотят на делянках длинный рубль и по весне задают тягу в родные края, уступив место черноусым «мушшинам» в кепках-аэродромах какую-нибудь конторку или коровник строить. По городу, по злачным местам, по танцулькам лесорубы не шатаются, а обычно обжимают по домам голодных до любви молоденьких разведенок, но все равно держатся в своем бараке сплоченно: вроде б и не оккупанты, да на чужой земле. Впрочем, особо нетерпеливые местные бабенки поплоше сами к ним по ночам шастают, и когда бригада в городке после делянки на отдыхе стоит, порою крутое идет гульбище.

Вот он, приземистый бревенчатый, по-стариковски скособочившийся барак на берегу реки! Валька сходу пролетел темные сени. Яростно пыхтя, нашарил дверную ручку, рванул... В большой комнате с низким закопченным потолком на затоптанном дочерна полу стояло с дюжину неряшливо заправленных коек, за столом посередине трое молодых мужиков, нещадно дымя, лупились в карты. При свете тусклой лампочки под потолком иной из них подносил подслеповато к глазам карту, прежде чем хлопнуть ею об изрезанную, усеянную черными точками - следами от искр папирос, столешницу. Но Вальке и тусклый свет, и сизое облако табачного дыма, шибанувшее в глаза и в нос, были нипочем - с подушки на койке в углу свешивался рыжий жгут катькиных крашеных волос!

Сатюков, долго не раздумывая, с грохотом опрокидывая табуретки, летом пролетел с порога в комнату и сдернул одеяло. На койке обнаружилась Катька в объятиях чернявенького мужичка. Валька на мгновение застыл, распялив рот, потом, осатанев, вцепился в катькину руку и, что есть силы, потянул. Но сам едва не упал рядом. Вытащить благоверную - пуп сорвать: Катька лишь села, свесив на пол ноги, пьяная вдрабадан, ничего не понимая и заваливая голову со всклоченными волосами на плечо. Была Катька в чем мать родила, да и мужичок, сосед ее, лежал смиренно, словно Адам в раю, пока прикидывался спящим, хоть и приоткрывал настороженно один глаз. Вконец растерянный Валька заканючил, готовый расплакаться:

- Катя, Катенька, вставай! Пойдем!..

Мужики побросали карты. Нарочито лениво, нехотя поднялись из-за стола и стали обступать Вальку.

- Гей, пацан! Чи тоби треба?

- Ша, дурни! Ваше ли дило?!

Пожилого плешивого мужичка, видно, «бугра», обнаружившегося на койке у окна, они послушались сразу, поохолонули.

- Уходи, парень! И мадаму свою забирай! Не мы их приводим, сами к нам лезут!

Лесорубы, ухмыляясь, просунули Катьке руки в рукава плаща, пихнули Вальке ее халатик, и не успел Сатюков глазом моргнуть, как оказался вместе с Катькой вытолкнутым за двери. В сенцах мало-помалу оклемывавшаяся Катька засопротивлялась, стала рваться назад, в темноте расквасила Вальке нос.

- Уйди, сволочь! Салага! Ненавижу! К мужикам хочу!

Сатюков разъярился, глотая горячую юшку, ухватил Катьку за волосы и только так смог выволочь на улицу. С расшатанных гнилых мостков они свалились в придорожную канаву, забарахтались, как кутята. Валька оказался верхом на Катьке, принялся молотить ее кулаками. Под ударами Катька лишь мычала, распластавшись в грязи, Валька скоро выдохся. Без сил он упал рядом и, уткнувшись лицом в ее увоженный глиной плащ, заревел в голос...

Остальное все происходило будто в дурном сне или в плотном, застящем глаза тумане. Мимо проходили какие-то люди, что-то говорили, смеялись, указывая пальцами; потом, глубокой ночью, держась друг за дружку, Валька и Катька брели чуть ли не на ощупь по дороге... Очнулся Сатюков в хибарке от яркого солнечного света, бьющего из окна. Был, наверное, полдень. Рядом шевелилась, просыпаясь, Катька. Во вчерашнее не верилось, словно привиделось все в предутреннем, с «бодуна» кошмаре. Но нет. Катька, едва села на диване, так и застонала, заохала.

- Полюбуйся...

Валька с изумлением, ощущая неприятный ерзающий холодок по хребту, начал изучать на катькином обнаженном теле проступающие иссиня-зловещие кровоподтеки..

- Благодари Бога, что пьяная без памяти была. А то сгоряча удавила б...

Валькины исследования прервал его отец, вошедший в незапертую дверь. Молчаливый, грузный, он относился к сыновним похождениям внешне спокойно: хмыкнет, почешет лысину, но словом худым не укорит. Да, видать, и его «достали» валькины любовные утехи. Отец, так же как всегда, молчал, но и цацкаться долго не стал - ухватил Катьку и потащил к выходу. Та, комкая на груди одеяло, завизжала отчаянно. Валька, очнувшись от столбняка, вызванного папашиным появлением, бросился подругу выручать, но отец дал ему такого тычка, что он отлетел и башкой об дверной косяк треснулся.

- Что, дурень, в тюрягу из-за нее, сучки, захотел?! - ругался отец. - Так ведь сядешь, коли шарабан твой пустой она тебе сама не оторвет! Ей же убить - раз плюнуть! Весь город вчера над вашей дракой потешался!

В помутненном валькином сознании мелькнул проблеск - ружьишко! Память от деда, в чулане под диваном запрятана! Запросто с папашей не совладать, оплеуху только опять получишь. А тут посмотрим...

Заряжено ружье или нет, стрелять из него собрался или припугнуть только, да и сможет ли оно выстрелить вообще - вместо бойка загнан гвоздь, Валька не смог бы ответить. Сгреб ружье и - следом за отцом и Катькой на двор: они уже были там. Отец, увидев направленное на него ружейное дуло, побледнев, отшатнулся в сторону, а Катька резко вывернула валькину руку, сжимавшую ружье, вверх. Выстрел бабахнул, оглушив всех, обдав пороховой гарью; с крыши посыпались кусочки прогнившей дранки. Катька, забежав обратно в дом, вышла одетая и торопливо пошагала по улице прочь; Валька же, выронив дымящееся ружье и тряся отшибленной отдачей рукой, помчался вслед.

Она внезапно, около лесхозовского барака остановилась:

- Не ходи за мной больше никогда, понял?! Всё! - заговорила зло. - Поймешь - почему, когда-нибудь... Я в яме, в дерьме по горло, уже не вылезть, а тебя за собой тянуть не хочу! Живи...

Валька с жалкой глупой улыбкой попытался обнять Катьку, но она отстранилась, жестко усмехаясь.

- Не понимаешь? Думаешь, сотрясение-то мозгов я, с рундука слетев, заработала? Это хахаль меня попотчевал, горячий попался. Пусть родители твои спасибо скажут, что тебя еще сберегла, дома у меня показываться запретила... Хотела я, чтоб жизнь-то тебя побила! С мое! Понял бы тогда меня... И перед отцом извинись.

Глава 10. Побег в прошлое

С Любкой не видались с проводин в армию. Очутившись на «гражданке», Сатюков о прежних друзьях-приятелях вспоминал редко. Слышал, что Сережка после «срочной» подался в прапорщики, а Любка-Джон перебралась в райцентр и живет там с какой-то бабой и тремя ребятишками. Вальку это не удивило - от Джона можно всего ожидать. Когда Валька столкнулся в райцентре с Любкой - и обрадовался, и растерялся. Облапил старую подружку за худенькие острые плечи и тут же испуганно отпустил. Любка, все такая же, в джинсовом своем костюмчике, поморщила веснушчатый носик и, глянув испытующе на Вальку, видать, заметила в невеселых глазах его кручину.

- Вино-то пьешь?..

В тесной комнатенке с грязными ободранными обоями на стенах Любка теперь, должно быть, обреталась. В соседней, еще меньше, клетушке виднелись двухэтажные, наподобие нар, кровати с кучами тряпья. Под незатейливую скудноватую закуску «развезло» быстро. Вспоминая былые походы и приключения, Любка и Валька орали, перебивая друг друга, смеялись до колик в брюхе, а когда, наконец, выдохлись, Сатюков, помрачнев, рассказал про Катьку.

- Больше не встречались с ней? - спросила Любка.

- Приходил как-то вечером к ней... Выпить вынесла на крыльцо и закусить, посидела. Ночевать, говорю, останусь. А она - ни в какую! Девчонки, мол, дома спят, положить некуда. Давай лучше к знакомому одному отведу!.. Знакомый катькин, видать, «синяк» еще тот. На кухне - «батарея» пива. Пей, утоляй жажду. А вот - раскладушка, спи. Катька, вижу, к мужику тому прыг в постель! Подвинься, говорит, припозднилась я, у тебя останусь. Тот рад-радешенек, замурлыкал, как котище. А через недолго, слышу, и зашабарошились... Я дверью саданул, чтоб они там, падлы, подскочили, сам на улицу и - пехом до городка!

- Бросила она тебя, - придавила зевок ладошкой Любка.

За столом образовалось затишье, и этим воспользовались трое ребятишек, в щель приоткрытой двери с любопытством изучающих незнакомого гостя, яростно кому-то грозящего кулаком. Ребята шустро подбежали к столу, похватали, что попало под руку; самый меньшой, чавкая набитым ртом, взобрался Любке на ногу и, раскачиваясь, пропищал довольный:

- Папа...

Любка смутилась, грубо стряхнула мальца:

- Какая я тебе папа... В тюряге твой папа сидит.

- Это что такое? Опять попойка? - в проеме распахнутой двери встала, уперев руки в бока, полная немолодая женщина и пошла крыть Любку почем зря. - Совсем стыд потерял! Деньги пропиваешь, от ребят рвешь!

- Свой это! - кивнула Любка на Вальку. - Можешь не притворяться.

- По мне хоть свой, хоть пересвой! - не подумала униться любкина сожительница.

Сатюков счел за нужное смотаться.

- Я с тобой! - Любка каким-то обманным манером сумела прошмыгнуть мимо своей хозяйки и во весь опор понеслась за Валькой.

- Поехали в городок!

- В городок! - согласилась Любка.

Они, сталкиваясь со встречными прохожими, мчались к автовокзалу, и им, возбужденным, запыхавшимся виделась бесшабашная счастливая прежняя житуха. Вот только сядь в автобус и...

Позади все явственней стали слышны крики. Любкиной сожительнице было тяжело бежать, задохнулась вся, пот катил с нее в три ручья, но баба она оказалась

упорная: почти догоняла, и можно уже было разглядеть ее перекошенное злобой лицо. Беглецы, пытаясь оторваться, свернули в проходной двор, рванули глухим проулком, но дама разгадала их замысел и, еще бы чуть-чуть, перехватила бы на углу. Любка стала ей отвечать на выкрики, потихоньку отставая от Вальки, и вот уже они стояли друг против дружки и спорили. Сатюков, остановившись поодаль, подождал-подождал и, увидев, что бабенки, по-прежнему переругиваясь, побрели обратно, понуро поплелся к автобусу.

В городок он возвращался один...

Из жития преподобного Григория

Войско, растянувшись длинной змеей, проезжало по узкому настилу моста примолкнув: ратники, хмурясь и обрываясь сердцем, косились на распластанное на льду и похожее на черный крест тело чернеца, лежащего с раскинутыми в широких рукавах рясы руками. Едва скрылись последние шемякины вояки, из придорожного ельника выбрался Алекса и катом скатился с крутого берега к игумену. Прижав ухо к его груди, вздохнул обрадованно - жив, но затревожился: как бы бесчувственного довезти, разбился крепко.

- Достану я Шемяку, дай время! - бормотал Алекса, укладывая бережно Григория в возок. - Измыслю, как антихриста извести.

В обители ожидали воровского нападения, готовились, но кто-то из калик перехожих принес слух, что половина шемякиной рати, убоявшись игуменского проклятия, рассеялась, и сам князь, с остатками потоптавшись под Вологдой, измученный дурными снами и предчувствиями - осознал, видно, что натворил! - бежал восвояси опять в Устюг.

- Оклемается змий, снова поползет губить народ православный! - поговаривали в монастыре. - Его, святотатца, и проклятие не удержит.

Пропал куда-то Алекса. Стоя на коленях возле ложа игумена, еще не пришедшего в себя, пошептал что-то, положил его руку себе на голову, поцеловал и был таков. Григорий, очнувшись, первым делом о нем спросил. Иноки не знали, что и ответить. Игумен же закручинился, так и лежал, не вставая: жизненные остатние силы тихо покидали его. При ясном уме Григорий отдавал последние наказы, и обитель вроде бы теплилась прежней своей, непоколебимой ничем, жизнью. Но все ожидали со страхом...

Слух обогнал вернувшегося Алексу. Преставился от неведомой болезни в адских муках и корчах князь Димитрий Шемяка. Все от вести такой вздыхали с облегчением, поспешно и истово крестились, с благодарением поднимали глаза к небу. Алекса пал перед игуменом, тот благословил его с одра слабеющей рукой.

- Грешен я, отче! - заговорил покаянно Алекса. - Удумал, как Шемяку, крестника твоего, извести... К сизарям голубь-чужак прибился. Черный, с переливчатым ровно радуга пером, благородных кровей, что ли. Приметил я его и изловил, зная княжой вкус. Добрел с птицей до Устюг-града и к поварне шемякиной: дескать, заморского голубка в подарок несу и блюдо лакомое из него сготовить разумею. И поперчил ядом, пока повара отворачивались!.. Еле ноги унес. - Алекса подполз на коленях еще ближе к игумену и склонился к самому уху, бормоча: - И еще пуще грешен я, отче!.. Благословение у тебя, беспамятного, тогда взял. Руку твою на главу себе сам возложил...

Григорий зашептал что-то, сиплый прерывистый клекот его мало кто из обступивших одр иноков смог разобрать:

- Преставляюсь... тело мое нечестивое... ввергните в болото. Достоин того... Бог простит ли...

Глава 11. День поминовения

Начало 21-го века

Вальке Сатюкову, когда случалось бывать под изрядной «балдой», полюбилось кого-нибудь изображать. Смотря по обстоятельствам. На этот раз, сидя в купе поезда Москва-Череповец и вертя напропалую головой с изрядно заметным пятаком проплешины - после тридцати засветился, засиял проклятый, будь неладен, ероша черную кур-

чавую бороденку, приглядывался Валька, щуря и без того узкие хмельные глаза, к соседям по купе. Две здоровенные, грудастые, широкобедрые, лет под тридцать бабенции вроде бы увлеченно подтыкали пальцами топающего по сиденью игрушечного робота, а сами с любопытством поглядывали на Вальку. Возле них с краешку лепился паренек не паренек, мужичок не мужичок, а какой-то хлюст с подбитыми глазами.

С начавшейся дорогой на пассажиров тут же навалилась охота жрать. Там и сям зашуршали разворачиваемые свертки, забрякали кружки и стаканы, раздалось смачное чавканье: избегавшийся по столице, изголодавшийся люд насыщал чрева свои. Валька, сглотнув голодную слюну, потупя взор, скромненько извлек бутылочку пивца; мужичок-паренек напротив, радостно взвизгнув, пустился чуть ли не в присядку - пышногрудая молодуха рядом с ним закрутила «змия» в бутылке с водкой.

- Будете? - заметив голодный отблеск в валькиных глазах, предложила.

На «старые дрожжи» Вальку понесло, одно только исподтишка его грызло: не знал, кем назваться. И он решил с этим погодить. Пышногрудую молодицу звали Катериной, соседку ее, габаритами чуток помельче и на личико много дурней, - Любашкой, а спутник поименовался робко Виталиком.

- Муж мой, - с небрежением кивнула на него Катерина.

Разгуляться не успели - загорланила компания в купе рядом. Немолодой, с большим брюхом и вислыми усами, мужичок южной национальности выглянул оттуда, лопоча что-то на ломаном русском, подсунул молодухам «порнушный» журнальчик, и бабенки, похихикивая, заинтересованно зашелестели страницами. Один за другим Валька с новыми своими знакомыми перекочевали в гости к южанам. Компания там набилась порядочная: около десятка парней. Назвались они готовно не своими мудреными, а, видно для удобства, русскими именами, которые, впрочем, Валька тут же забыл. Но не стеснялся, метал в рот все, что лежало на столике, не перепускал тосты и, нагрузившись, какое-то время отупело наблюдал за тем, как кучерявый смуглолицый то ли Вася, то ли Миша исподоволь придавливал в углу Катерину. Муж Виталик, смежив подбитые очи, смиренно подремывал. Любашка с кем-то уже затерялась в лабиринтах полупустого вагона.

Катерина, резким движением освободив плечи от рук ухажера, подмигнув Вальке, стала подниматься с места. Кавалер забурчал недовольно, но молодуха присела и выразительно посвистела губами. Сатюков же смылся минутой раньше и поджидал Катерину в тамбуре. Получилось как-то без слов: она прикурила, но тут же, бросив сигарету, прижалась к Вальке. Он поймал ее горячие губы, присосался жадно: эх-ма, была не была, дело холостое! Да и женатик вряд ли устоял, но вот беда - где? Не на полу же тамбура, заплеванном и грязном. В вагоне нетрудно отыскать свободное купе, жаль вагон плацкартный. Понесет нелегкая кого-нибудь в нужник... Валька дал волюшку рукам, шарил по упруго-податливому телу Катерины, но дальше действовать не решался. «Осрамлюсь еще...» - прислушивался он к состоянию собственного организма и находил его неутешительным: сказались былые пьяночки-гуляночки. Катерина, шумно и жарко дышавшая, затихла - догадалась о валькиных неполадках или еще что подумала.

- Ты сам-то кто? - спросила, однако из объятий высвобождаться не торопилась.

Сатюков промямлил первое взбредшее на ум: не до игры в кого.

- Из вояк я... Из отставных.

- Не похож что-то. Вид у тебя не солдафонский. Женат?

- Был вроде...

- Значит, тоже не повезло... И мы, вон, с Виталиком тоже в разводе, только живем вместе. Поболтается черт-те знает где, попьянствует и ползет домой, пес шелудивый. Еле живой. И выгоняла его, и била, а потом опять жалела. Сына родила уж лет через пять после свадьбы: из Виталика мужик никакой. Теперь вроде как отцом записан... Да из одной торговли ушла в другую - «челночу». Он компаньон для повады, худой ли хороший. Валька, раскиснув возле теплого бабьего бока, к рассказу попутчицы не больно и прислушивался, думая о своем... Что-то припомнилась ему давняя любовь Катька-Катюха, чем-то похожая на эту чужую женщину, нашептывающую на ухо про свое горе-печаль. ..

Опять зашевелились южане, тянувшие вполголоса свою заунывную песню. Прикорнувший в уголке пузатенький смуглячок проснулся, забегал по полуночному ваго-

ну, видать, в поисках попутчиц. Заметив в тамбуре Катерину с Валькой, закрутился около них, затеребил за рукава, приглашая. Откуда-то, из соседнего вагона наверно, вывернулась сияющая довольная Любашка с кавалером. Растолкали, подняли с пола даже Виталика. Он сел, повесивши головушку, но звяк железных кружек сразу привел его в чувство. С тостами дело не заладилось: все было высказано вначале, повыдохлись. «Абреки» пытались лопотать, путая свои и русские слова; Катерина поморщилась, вздохнула - веселье ее больше не забирало. Она подняла со столика кружку с вином, скосив глаза на Сатюкова, предложила:

- Давайте помянем тех, кого с нами нет... За усопших! Слышала от бабок на перроне, что Лазарева суббота сегодня, поминают всех.

Южане поняли, посерьезнели, зацокали языками.

- Не чокаются...

Валька, медленно вытянув содержимое кружки, в возникшем в купе молчании прикрыл глаза... Помянем!

...Старик Зерцалов умер в городском саду на другой же вечер после поездки в Лопотово. Громыхала музыка на танцплощадке, орали что-то «импортное» местные дарования, так же заворожено лепился к барьеру разношерстный народишко, а старик, стоя в потемках у вековой липы, вдруг схватился рукою за сердце и медленно сполз по шершавой коре дерева. Пока не рассвело, и не подошел никто, думали - лежит какой пьяный, так и пусть себе валяется. Обо всем этом рассказывал расстроенный, чуть не плачущий Бешен, и Вальке тоже не по себе стало, он трусливо отвел глаза, чтобы не встретиться с сашкиным осуждающе-праведным взором.

- Пойдем в церковь, помолимся за упокой души! - предложил Сашка.

Валька покорно поплелся за ним. В храме за службой стояло немного народу, без толкотни и тесноты, как в праздничный день. Бешен подвел Вальку к большой старинной иконе.

- Преподобный Григорий! - пояснил шепотом. - Покойный Василий Ефимович его наравне со своим ангелом-хранителем почитал. Затепли-ка свечечку!

Валька обжег неосторожным движением пальцы об огонек, охнул и, вглядевшись в потемневший от времени лик на иконе, отпрянул - глаза старца в черном смотрели строго и осуждающе. Сатюков, боясь еще взглянуть, попытался разобрать клейма-картинки вдоль бортика иконы: монах, водружающий крест на речном берегу, тот же чернец возле церковки, а вот какие-то воины с обнаженными мечами окружили его, стоящего с воздетыми руками... Жаль, не все можно было разобрать.

Валька, все еще в смущении, отошел, стараясь ступать неслышно, с беспокойством поискал Бешена. Сашка возле царских врат напротив иконы Богородицы стоял на коленях и клал земные поклоны. Служба, должно быть, подошла к концу: вышел с крестом батюшка, благословил всех, и Сашка первым приложился к кресту. У выхода из церкви Бешена обступили старушки, даже Вальку, попытавшегося протиснуться к нему, оттерли.

- Помолись за нас, грешных! - Сашке совали и пирожок, и пряничек, и денежку, но Бешен отказывался от даров.

- Дурак! Дают - бери, бьют - беги! - снизу, с паперти, заворчал раздраженно Ваня Дурило.

Напротив него сидел, задрав белесую бороденку и раскачивая растопыренной пятерней, Свисточек. День, видать, у убогих выдался некормный.

- Приходи, слышишь, сюда! Особенно когда худо будет, - бормотал по дороге домой Сашка. - У Григория преподобного постоишь, в беде не оставит...

Валька, представив суровый лик на иконе, зябко передернул плечами и успокоил себя тем, что заходить-то долго наверняка не придется - не понадобится. Бешена он видел в последний раз. За зиму как-то встречаться больше не приходилось, а весной, в ледоход, услышал - погиб Сашка. От церкви брели они с Дурилом и Свисточком и, как обычно, срезая путь, полезли через речку, не по мосту. Бешен шел первым; напарники его, прикуривая, задержались на берегу. Сашка ухнул в промоину, проорал, и пока Ваня с Веней бестолково бегали по берегу, течение, быстрое в этом месте, утянуло Бешена под лед. Но ходила упорно в городке и другая версия: убогие сами спихнули Сашку в полынью и потом преспокойно ждали, пока он, орущий, уйдет на дно. Дескать, завидовали тебе мы, а теперь ты нам позавидуй...

Вспомнился Сатюкову и Кукушонок, в драке заваливший насмерть ножом кавказца. Славные городковцы в ужасе притихли, ожидая массовых актов кровной мести, но ничего не последовало. Лаврушка загремел на «червонец» в тюрягу и вскоре сгинул там, а откуда-то сверху пришел грозный приказ: в техникум «инородцев» не брать! Так сошел на нет «великий эксперимент»...

...Вальку кто-то тронул за плечо.

- Выходим скоро, - сказала Катерина, попутчица.

- Давай на посошок! - заторопился Сатюков, разливая вино по кружкам.

И через полчаса он смотрел на идущих уже по перрону бывших попутчиков. Катерина с напарницей через силу волокли большущие, набитые шмотками сумки; Виталик налегке едва брел следом. Он поскользнулся, упал в растяжку, голос подал. Катерина, бросив сумки, подняла его и стала отряхивать, как малого ребенка, поглядывая виновато и, кажется, с сожалением на прилепившего нос к оконному стеклу Вальку. Поезд тронулся, и она поспешно помахала рукой...

Сатюков просидел до своей станции, уставясь в одну точку. И в рейсовом автобусе до городка не смог он растрясти тоску; лишь в родных «палестинах», встретившись с двоюродником Серегой, без малого двадцать лет прослужившим «куском» в армии и выкинутым за ненадобностью по сокращению, удалось слегка развеяться. Братаны пошли по «веселеньким» местам: проще - притонам, коих в городке, наполовину безработном, развелось немало и где, ежели имеешь денежку, тебя всегда встретят и приветят. Выпитое что-то плохо «забирало» проспиртованный за последние годы валькин организм, тяжелило только, давило нехорошим предчувствием на сердце. Перед глазами часто вставали попутчица Катерина и вцепившийся ей в рукав молоденький сожитель.

«Тормознулись» друзья-приятели на квартирке у одного бывшего зека; на огонек и тройка бабенок заглянула. Бабы такие обрюзгшие и опустившиеся, что выпить-то с ними еще можно, но чтоб дальше чего - сам побоишься... Незнакомая и, значит, не местная тоже была с ними одного поля ягода, но маленько посвежее, и у Вальки вроде интереса к ней шевельнулось:

- Откуда ты?

- Из райцентра.

Сатюков, конечно же, сразу поинтересовался, не знает ли она Катьку Солину.

- Эту-то стервозу?! - бабенка вдруг торжествующе-злорадно расхохоталась. - Знала. Вчерась, в Лазареву субботу, от водки травленой издохла.

- Врешь?!

- Соседка ейная говорила, не даст соврать... Закапывать собирались.

У Вальки перехватило горло: где-то в дороге он сидел и пил, сначала дурачась, а потом и за помин душ усопших, и не ведал, что Катька в это время крутилась, орала от разгоравшегося внутри утробы огня и под утро испустила дух. Сатюков, сжав голову руками, забился в крохотную кухоньку, сдавленное его горло пробили рыдания, и он заревел в голос.

- Катька-а...

Кто-то подходил, бормотал что-то, пытаясь утешить, гладил по плечам, кто-то хмыкал недоуменно:

- Нашел, придурок, из-за кого расстраиваться?! Из-за проститутки! Да ее все мужики в городе...

Утром, едва рассвело, Валька, пошатываясь, побрел в церковь. Накануне праздновали вербное воскресение, и ветки вербы с распускавшимися мохнатыми шишками, покропленные святой водой, были повсюду. В храме безлюдье, стыла тишина. Сатюков, взяв на оставшиеся гроши свечечку, затеплил ее перед иконой преподобного Григория и из последних сил стоял перед ней - оборванный, грязный, чуть живой. Но никто не выгонял его прочь. Глаза с иконы смотрели теперь, утешая, с сочувствием и теплотой.

Антон ЯНКОВСКИЙ

АВСТРАЛИЙСКИЙ СВЯЗНОЙ

Автобиографический роман
(Журнальный вариант)

Часть I. ТРАНЗИТНЫЙ ДВОР

Компания

Наш двор на улице Московской был расположен в самом центре Фрунзе. Жизнь в основном протекала в пространстве, ограниченном тремя сталинскими домами. В компании было несколько человек. Мы с Димкой Дроздовым постоянно держались вместе, хотя он и старше меня на два года. Двери наших квартир выходили на одну лестничную площадку. Его и моя бабушки были давними приятельницами, и дня не проходило без того, чтобы они не проведали друг друга. Их привязанность передалась нам, и со временем мы стали не разлей вода.

Семья Турабековых по числу детей — самая большая. У тети Киры — старший Альби, Мариам и Аскерушка. У ее сестры Розы — Эльдар, Тимур и маленький Ренат. У третьей, Людмилы, — Сашок. Кто чей, всегда путали, да и эти выяснения мало кого волновали. Было в их крови понамешано, в быту — шумно, в четырехкомнатной квартире — неухоженно. Жили гвалтом, перебиванием и передачей одежды по наследству. Но старались, чтобы все как у людей, дети обуты-накормлены, и кривотолков в свой адрес не допускали. Отец был только у Сашка, поэтому жили они втроем, своей семьей, отдельно в одном из микрорайонов, бывали наездами. Мать Эльдара со своим разошлась. А муж тетки Киры много лет назад повесился на трубе в кухне. Это замалчивалось. Но многие знали. Как-то рассказали и мне, с условием, что буду держать язык за зубами.

Альбиня — взрослый, к нему не подступишься. Эльдар — мой погодок, чуть косоват, улыбка хитрая мелькает. Тимица, брат его, пока еще в мелюзге. Ренатику своего второго Дня рождения ждать и ждать. Мари — просто красавица. Огромные глаза, длинные ресницы, во взгляде что-то восточное, а как школьный передник белый наденет — не оторваться от Маришки. Только с Аскера спрос невелик. Выводит в прописи по-зеркальному, шиворот-навыворот, и все тут. Да читает, как ясельник, по слогам, силится сложить буквы. Ну, его в спецшколу и определили. Выправится, говорят, переведем обратно, еще догонит. Куда там! От них потом выберешься. Спросишь его:

- Как дела, Аскерушка?
- Да вот, — отвечает, — завтра в кино ходил.
- Вчера, — объясняешь ему. — А завтра только еще наступит.
- Завтра?
- Да, завтра. Завтра наступит завтра.

Саня Мельников — свой парень. Слегка манерный, опрятненький, со старшими вежливый. Это его дед приучил. Он у него добрый, но порой строговат. Нога у него своя всего одна, другая отстегивается. Приветит, бывало, поговорит, а потом как вспомнит вдруг чего, раздражится, осерчает. Бывать у них в гостях тягостно, не по себе. Бабушка санина на кухню пригласит, угостит чем-нибудь, гриба нальет. Женщина дородная, в складочках, а как муж только взглянет по-иному, потускнеет враз, вся съежится, будто в размерах меньше станет. А пришлому так вообще хоть сквозь пол провалиться, не до игр. Саня особенно поэтому и не приглашал. А на улице словно разрядки ищет, компанейский. Конечно, сразу в пыль в своих отутюженных брючках не бросается и взрослым напропалую не дерзит, но и не пай-мальчик. Да он и дома не то чтобы по струнке ходит. Любит своих деда с бабушкой, как и они его. Да и как иначе? Внук единственный, а бывает все реже.

Родители Сани выплачивают за кооператив неподалеку от Ортосайского рынка, и

по мере обустройства он, Саня, все меньше времени проводит с нами. Его отец с матерью переехали уже давненько, но пока ремонт, то-сё, оставили сына на старом месте. Добираться на учебу Сане стало, правда, тяжело, почти пятнадцать остановок на транспорте (в школу-то другую уже перевели). Зато не обрубили ему все связи разом. Чай, не несмышленыш ведь, чтобы где придется — там и ладно. Попробуй перестройся вмиг на новое, если прожил во дворе на Московской всю свою сознательную жизнь.

Уш Ганкин и Нихёль Меньщиков по школе опережают на три года. На самом деле их зовут Андреем и Лехой, но к ним уже пристали прозвища, старшие так окрестили. Нас они за это шпыняют слегонца, а тем сказать ничего не могут. Уши у Андрея действительно топорщатся, торчат в разные стороны, отогнул будто кто нарочно. Учатся они в разных школах. Леха в нашей, в двадцать восьмой, а Андрей в тринадцатой, английской. Несладко Андрею приходится. На первом этаже в моем подъезде (я-то на втором) Кадниковы живут. Так кадниковская жена, Надежда Васильевна, директриса той самой тринадцатой школы. Чуть во дворе бузу устроим, та шмыг на улицу и на вид поставит, галочку в уме. Андрею потом откликается.

Брат у него старший тоже эту школу заканчивал, чуть ли не с золотой медалью. Ему Пашку в пример вечно ставят. Да только что с ним теперь? Говорят, дрянь какую-то глотает, в больнице необычной лежал. А из дома после ссор с бабушкой, Генриеттой Исааковной, через окно второго этажа по трубам вылезает, сам видел. Отец его с их матерью, тетей Галей, в разводе. Но им все равно помогает. Старшего сына к своему делу пристроить пытается. Чем он занимается, во дворе наверняка не знают, бизнесом каким-то. А что за бизнес, никто и объяснить не может. Работа, говорят, такая. Ну, раз работа, так и скажите — работа. А то — бизнес. Но что-то, видимо, прибыльное: на машине он заграничной ездит.

Отец Андрея нас мало занимает, все равно никогда покататься не возьмет. Куда интереснее слушать о похождениях Ампилуги на Трех Ботаниках. У Мишки Ампилова родители пьют, его колотят. Со школой у него дело темное, не больше классов шести. И сам уж от безысходности закладывает, припадки случаются на нервной почве. Компания у него своя, шебутная. Куролесит по городу, ввязывается в истории. Нигде не работает, а деньги есть. Кладовки у нас как-то в подвале вскрыли, ну, все на него и подумали. Только не доказали ничего. Милиция приезжала, они-то его не первый день знают, расспрашивали что-то. Так ничем и не закончилось. А Мишка возьми потом и полунамеком обмолвись, что не все так уж и чисто. Не знаю, кто уж и кому донес, только через пару дней Ампилугу в пять утра всего в крови дворники нашли. Оклемался. Головой об стенку его отхайдокали, а кто — не говорит.

- Хулиганы, наверное, — ответил.

- А сам-то ты кто? — спросил участковый. И милиция опять уехала ни с чем.

Три Олега приезжают в наш двор только летом. У Олега Бутенко родители на заработках, где-то на Севере. Смирнов и Ануфриев, почти как артист из Москвы. И у всех здесь бабушки, старики. Мы удивляемся, почему они живут с ними порознь, но с расспросами не рвемся, дело чужое. Артист сильно заикается, иногда и слова одного не дождешься. Родители его в Москве на курсы водят, чтобы разговаривал лучше. Да что-то все без результата. Бутенко держится особняком. В каждый приезд говорит, что на следующий год всей семьей вернутся обратно. И так повторяется от лета к лету. Смирнов занимается легкой атлетикой: быстро бегает и крутит обруч, как девчонка. У него еще жива прабабушка, которой 106 лет. Кажется, все время она проводит на балконе. Сидит себе под козырьком верхнего этажа и дышит свежим воздухом. Это она так гуляет. Во дворе-то ее уже годов двадцать не видели. Личность олеговская прабабка загадочная, древняя. К тому же ее вблизи никто из нас не видел. Задерешь голову, крикнешь: «Здравствуйте!» А она — молчок. Только силуэт, облокотившийся на палочку, сквозь кроны деревьев проглядывает. Не слышит то ли нас, то ли своими думами занята. Угасла долгожительница тихо, незаметно, в одну из весен. Просто кто-то сказал, что бабушки на своем привычном месте нет, а некоторые вспомнили, что балкон пустовал и на той неделе. Хотя как мы могли пропустить похороны, никто из нас объяснить так и не смог. Хоронят у нас исправно, проводы на каждый сезон приходятся. Катафалк, венки, оркестр...

Двор большой, людей живет много, одиноких почти нет. Пенсионеры почти в каждой квартире. Если вечерком все соберутся, на трех рядах скамеек у левой беседки не

умещаются. А табуреты не вынесут — обязательно кто-нибудь стоит. Спорят, обсуждают, переругиваются. Бабки в сторонке, старики дымят, газетные новости перемалывают. По этой части Глеб Парамоныч — признанная голова. Он статьи в «Вечерний Фрунзе» пишет. За глаза его зовут «Двенадцать Месяцев». Каждый месяц он подписывается по-разному: Глеб Январев, Глеб Мартов, Глеб Августов. Какой месяц — такой и псевдоним, а своим именем — никогда.

- Чего пишешь, если от фамилии своей открещиваешься? — пытают. — Или все брехня?

Но это так, для словца. На самом деле Глеб Парамоныч — личность уважаемая, и тем, что он живет в нашем дворе, многие гордятся. Иногда ходит Глеб Парамоныч мрачнее тучи. Это когда в одном из наших домов ломается что-то, а меры не принимают. И не откажешь общественности, и возиться неохота. Отец Димки Дроздова говорит, что так ему удобнее. Писать о впечатлениях с выставок куда проще. Глеб Парамоныч в отделе культуры заправляет. Я в этом деле ничего не понимаю, но почти в каждой статье одинаковый набор: «Я вошел, и мне открылось», «Сердце зрителя екнуло и замерло», «Живописцу удалось» и «Всем нам несказанно повезло, что...»

Дядя Коля-шахматист, пожалуй, единственный, кто не интересуется персоной Глеба Парамоныча. Знай, режется все вечера напролет в шахматы, партий по пять-шесть. Кругом лавки топчутся, советуют. Дядя Коля этого не любит. Если и соглашается на подсказки, то разве что противнику. И без того часто выигрывает. Стучит своим срезанным наполовину фрезерным станком указательным пальцем и торопит с ходом. Оглянуться не успеешь, как у тебя одни пешки, три с половиной калеки, и королю — мат.

- Да, умеешь ты, Коля, материться, — это коронная фраза Эдика.

Эдик — с первого этажа, тоже из моего подъезда. Его квартира напротив директрисиной. Тип он еще тот. И не старый еще, а брюзга-а! Его, наверное, все недолюбливают, даже жена, вечно у них ор раздается. Но старики его терпят, только от разговоров коробятся. Крепок на язык Эдик. Ляпнет какую-нибудь пошлость и гогочет над ней, будто не спохабил, а номер отколол, как Олег Попов.

Котлован

Напротив наших окон — котлован. После долгого затишья, ближе к полудню, он внезапно начинает оживать. Стягиваются грузовики, кивают краны, суетятся рабочие. Будут закладывать фундамент. Пустой дырой котлован зияет уже несколько лет. Раньше на его месте теснились кварталы частного сектора: маленькие домики с палисадниками, выкрашенный штакетник и в каждом — калиточка. Мне кажется, все это я помню. Но утверждать наверняка не берусь. От неразобранных остовов домов, что сбились по краям котлована, давно остались руины; хоть чем-то полезный хлам растащен. О фруктовых садах напоминают лишь два тутовых дерева, которые еще называют шелковником. На одном ягоды белые, крупные, продолговатые, за ними нужно лезть на самую верхушку. Второе дает плоды иссиня-бордовые, с переливами. Чуть надавишь языком, как они лопаются, превращаются в сладкую кашицу, обволакивающую рот.

Прибывший экскаватор немилосердно рубит тутовые стволы ковшом, злобно урча, натиском, гнет их к земле, кромсая без всякой анестезии, по живому. Какое-то время шелковники держатся, противостоят напору, но потом уступают механизированной груде железа, расчетам СМУ и координатам планируемого объекта. Надрывно трещат, туго выгибая свои молодые стволы под ковшом, кракают и безысходно сдаются, отваливаясь рассеченными открытыми переломами. Нас душит злоба и ярость. Самые отчаянные швыряют в экскаватор комья земли. Но ничего изменить нельзя. А ведь тутовник рос на нашей стороне арыка и поэтому был нашим. Экскаваторщик вылезает из кабины и, весело смеясь, начинает обрывать ягоды, отправляя их горстями в рот. Этого мы стерпеть не можем. Когда его отвлекает чей-то окрик, подхватываем сбитые ветви и утаскиваем их за мой дом, в глубь нашего двора. Деревья жалко. Уж очень они строительству нового киргизского дома помешали.

Работы ведут споро. Глеб Майский узнает, что на каком-то высоком уровне принято решение заселить дом разными киргизскими учеными, директорами и светилами.

Район престижный, место удобное. Поэтому со строительством уже торопятся, забыв о простоях. Раньше в этот дом обещали прописать частников из снесенных кварталов. Но их уже и так куда-то расселили, растолкали по разным районам. Чувство справедливости подмывает Майского, как человека порядочного, написать о неравноправии, мол, обещали — и кукиш. Как для простых людей, так котлован, а как для академиков — на тебе и фундамент, и технику, и материалы, не говоря уже про сжатые сроки. Об этом Майский горячо говорит по вечерам собравшимся на лавочках пенсионерам. Правильно говорить он умеет, аж за душу берет. Неправду ему по долгу службы, в свободное от хождения по выставкам время, предлагают обличать от двух до трех раз в неделю, в зависимости от того, есть ли место в «подвале» первой полосы. Но строительство академического дома — дело важное, лезть поперек со своими измышлениями — может стоить дорогого. Майский понимает это не сразу. Первые дни он красуется в лучах внимания, и остальное его заботит мало, но потом Глеб Парамоныч начинает соображать, что к чему. Пыл как рукой снимает, голос становится все тише, появляются интонации увещевания. В конце концов, рано или поздно дом все равно бы построили и заселили. Чего ж возмущаться? Обличительные речи постепенно стихают, сходят на нет. Авторитет Глеба Парамоныча падает. Академический дом растет буквально на дрожжах. Повздыхав, все молча смиряются с его строительством как с данностью ландшафта.

Вадик

В понедельник погиб Вадик Мамырин. Глупо, нелепо, у себя дома, в окружении двух одноклассников. С последних уроков их отпустили: учитель труда заболел, и труд отменили. Свободного времени — вагон, расходиться не хочется. Вадя предлагает пойти к нему поиграть — родители на работе, да они и так не против. Вадя, сколько мы его помним, мечтает о братике, просто бредит им. Но брат все никак не появляется. Поэтому родители стараются переключить внимание сына на друзей, школьных товарищей. Двери их дома всегда открыты для гостей Вадика.

Подробности случившейся трагедии становятся известны только через пару дней. Сначала, как это бывает, каждый или выдвигает свою версию, или пересказывает с пятого на десятое услышанное: ударился головой об косяк, отравился газом, напоролся на нож. Все это страшно и жестоко. Не стало восьмилетнего мальчика, единственного ребенка в семье, а перекати-поле сплетен растет, вертится, обволакивается новыми обстоятельствами, одно неправдоподобнее другого. Выясняется, что Вадя заткнул пробкой раковину на кухне, чтобы наполнить ее водой и запустить туда бумажные кораблики. В ванную не пробраться — ремонт. Вода перелилась через край мойки, затекла под холодильник. И когда хозяйственный Вадя полез под него с тряпкой, его шарахнуло током. На глазах у ребят из 3-а. Но это мы узнаем потом. А сперва весь двор взбаламучен, взбудоражен. Кто был дома — высыпали на улицу. И в толпе только:

- Мамырин-Мамырин, Мамырин-Мамырин.

Непонятно, боязно, муторно. Первой с работы летит тетя Люда, мать Вади. Ей позвонили и сказали. Эдик закрывает обе створки подъездной двери, загораживает их, распростав руки:

- Не пущу, милая, не пущу. Горе с нашим сыночком! — кричит он. — Горе с нашим Вадиком.

Тетя Люда бьется, воет, ноги ее подкашиваются, не держат. Ее подхватывают, обвивают, чтобы не пустить к подъезду. Мы не понимаем, почему. Спрашиваем кого-то. В нас вцепляются чьи-то руки, пытаются увести в сторону. Тетя Люда падает, бежит отец Вади, кричит, протискивается в подъезд. Мы ничего не можем понять. Олегова прабабушка тоже умерла, но ведь ей было сто шесть лет, а не восемь.

- Как же он умер? — говорю я. — Ведь вчера мы с ним играли в пробки.

- Мы его тоже видели вчера вечером, — заявляют притихшие Борька и Андрей-Колобок.

Им кажется, что это очень важно. Что их вчерашняя встреча еще может что-либо изменить. Через полгода у Мамыриных рождается Димочка, младший брат Вади, о котором он мечтал всю свою жизнь. Вадику заранее не говорили, хотели сделать подарок. Эдик почему-то называет теперь своим сыном и Диму. Очень гордится им, поку-

пает всякие безделушки, каждый день бегает, интересуется. Тетя Люда иногда останавливает нас во дворе и угощает печеньем, конфетами. А если мы просим, заводит в дом и показывает большую фотографию Вадика в траурной рамке, с черной ленточкой. Но мы и так помним Вадю. Тетя Люда знает, и ей это, мы думаем, приятно, хотя она и плачет целыми днями.

Колобок, Барбарис и «Бы-мы»

Колобок и Борис — ровесники, на три года младше меня. У Колобка щеки сытые, круглые. Его так потому и прозвали. Борис маленький, стройный. В Колобка два таких влезет. Но в обморок не падает. Крепкий, поджарый. Купят ему рогаликов-присыпок по семь копеек, он пудру слижет и макает коркой с мякишем в холодный сладкий чай. А пойдешь с ним деревья обносить, так сорвет урючину и смотрит на нее долго, вертит в руках и, прежде чем в рот отправить, обязательно меня спросит:

- А как ее едят?

А потом еще побежит мыть на колонку. Я сначала объяснял, но раз от раза все повторяется.

- Вот так, — говорю я ему и проглатываю урюк. — Вот так его едят и, поверь мне, Борис, никак иначе.

Смехота. Нам такое и в голову не придет спросить. Слоп — и готово. Один раз Борька решил без расспросов обойтись. Запихнул в рот горсть барбариса. А тот жесткий, кисловатый, костистый. Короче, переплевался весь. Так к нему и приклеилось: Борис-барбарис. И не обидно вовсе. Это вот Колобок на свое прозвище обижается, дует щеки, отчего только еще больше походит на Колобка. Но звать его «Андрей-воробей, не гоняй голубей» — длинно. Попробуй каждый раз выговори!

Борис хоть и младше, а тоже с девочкой дружит, со Светкой Манштейн из углового подъезда. У Светы на голове всегда яркий бант, и ходит она на художественную гимнастику. Только нос длинный, а так — ничего. Прыгает по двору с лентами, машет ими во все стороны, до ряби в глазах, тренируется. Смотреть интересно, но жаль, надоедает быстро. Да и ей с лентами скучно. Девчонок во дворе мало, не то что пацанов. Кроме Светы, Жанны и Мариам, только Алла Маслова, Аня и сопливая сорванец Нузгуль. Есть еще Лариса. Но с ней особо не наиграешься. Лариса — глухонемая. Что-то по-своему, конечно, говорит, но что — понять трудно, и мы не понимаем. Да и вредная, хоть ее и жалко. Попросит, чтобы с ней в альчики кон разбили, а когда продует, схватит все костяшки и наутек. Или в прятки, когда играем, назло пальцем тычет — подсказывает. А чуть погрози ей, так бежит своим родителям жаловаться.

- Бы-мы! — и кулаком в нашу сторону.

А ей и верят. Придут, отчитают по первое число. Лариска сама стоит, скалится беззвучно и язык показывает, а в каждом кулаке еще по две фиги сжаты. Вредная девчонка. А то вообще придумала без спроса брать наши велики из подъездов. Мы, если домой на минутку забегаем, бутерброд сделать или просто показаться, их внизу оставляем, чтобы по лестницам лишний раз не таскать. А она заметит — и шмыг. Тебя чуть кондрашка не хватит, когда спускаешься, а лайбы нет. А Лариска в это время вокруг двора педали накручивает, смеется.

- Бы-мы.

Но родители ее и за это прощают. Одернут, правда, брови нахмурят, но Лариске все нипочем - опять фиги сложит. Знает, что сильно ругать ее не станут, а мы не в этот, так в следующий раз все равно виноватыми останемся. Мы с Борисом думаем, что она из-за своей немоты и глухоты такая. Раньше она, мне рассказывали, нормальной была. До какой-то болезни. А потом — как отрезало. Но об этом стараются не вспоминать. Родителям сочувствуют и старое не бередят.

Тайны двора

Так получилось, что я почему-то знаю много тайн нашего двора. И про брата Уша, что в психушке лежал, и про Лариску, и про повесившегося Турабекова, и про то, что у одного из старших ребят родители неродные: своих детей у них не было, вот и взяли в детдоме. Да и о других вещах, которые обычно принято замалчивать. Кто рассказал

мне это? Я даже не пытаюсь восстановить в памяти. Но если что-то происходит, рано или поздно мне становится известно об этом. Почему именно мне, я не могу объяснить до сих пор. Самое удивительное, что меня никогда не подмывало выдать эти тайны, даже в моменты откровений или ссор. Ответственность за то, что я это знаю, всегда так довлела надо мной, что мне и в мыслях не представлялось возможным рассказать своей компании хотя бы часть из того, во что я был посвящен. Может быть, именно поэтому я всегда пробовал забыть об этих секретах, сделать вид, что их просто нет.

Шрамы двора

Если шрамы украшают мужчину, то по рыцарским канонам равных мне еще поискать. От носа к губе кот разорвал. Пришел как-то с улицы грязный, а воды боится. Вот и выказал свое «фэ», когда я его вымыть пытался. Средний и указательный пальцы на правой руке тоже с отметинами — это я так осторожно шест ножиком строгал. Подбородок чуть сбит, если проведешь пальцем. И на лбу под прядью волос рубчик от треугольного камня — как-то голова в арык перевесила, когда я в нем головастика увидел; откуда он там только взялся? Тюк — и напоролся, камешек прямо как по маслу в лоб вошел. Сам я это смутно помню, под стол еще ходил, но края ранки заметны. А прокол в бедре и бледная «пуговица» на боку — уже от врачей.

Мы расселись на яблонях и перечисляем свои боевые отметины. Когда я заканчиваю, наступает очередь Бориса. Подсохшая корка на съеженном локте не считается, он понимает. Но ничем другим похвастаться пока не может. Чтобы совсем не остаться в стороне, Борис рассказывает:

- Один раз я косточку из вишневого компота в нос засунул, и он перестал дышать. Меня к врачу возили. А бабушка при входе, которая куртки принимала, сказала, что теперь нос резать надо.

Мы перевариваем услышанное. Представляем, что было бы, если бы Борьке разрезали нос.

- Врач ее потом щипцами выковырял. Сказал, чтобы я больше так компот не ел.

- Тебе надо было сначала хорошенько разузнать, как его едят, — смеется Димка.

- Я потом тоже так подумал, — бесхитростно соглашается Борис.

О его привычке спрашивать знают многие.

- Носы из-за вишневых косточек не отрезают, — со знанием дела заявляет Нихёль.

Его мама работает врачом в МВД.

Все не как у людей

У меня все не как у людей. Это мне говорят не то чтобы часто. Но, видимо, доля правды все-таки есть. В ясли я не ходил, в детский сад, по состоянию здоровья, тоже. Почти все, кого ни спросишь, когда были маленькими, туда ходили, а я нет. Часто болею, хандрю, мучаюсь с крупами — это когда и температура под сорок и у кровати тазик, потому что можно не добежать. Вместе со мной, похоже, даже больше, чем я, переживают и мучаются мама с бабушкой. Бабушка вышла на пенсию, чтобы за мной было кому постоянно присматривать. Она могла оставить работу и раньше, но не делала этого, пока не выяснилось, что я такой безыммунитетный, как говорит наш участковый врач, Людмила Васильевна Чугина. Дома у нас она бывает часто и всю мою толстенную карточку знает уже наизусть. Ее называют моим семейным доктором, и если у Людмилы Васильевны есть свободная минутка, ее приглашают на кухню пить чай.

Болезни болезнями. Все понимают, что болеть плохо, разве что пропустить по справке контрольную, которой ужасно боишься, и несколько дней не ходить в школу. Хотя для этого вовсе не обязательно, чтобы саднило горло и был забит нос. Градусник немного греют на лампе, тридцати семи и трех вполне достаточно, а в ноздри засыпают щепотки высохшего клея. И токсикоманией здесь не пахнет. Предварительно клей выдавливается из тюбика на ладони, и когда засыхает, скатываешь его узорную корочку на бумагу. Конечно, дождаться заботливого «Будь здоров» можно и при помощи обычной спички, но тогда не краснеют глаза и не появляется одышка. К тому же спичку, которой щекочешь в носу, могут заметить, и тогда попадет по первое число. Сам

полетишь в школу впереди собственного визга. Да и чихать, лишь когда родители выходят из комнаты, — подозрительно. А так и сомнений никаких не возникнет. Смотришь честными глазами и только успеваешь издавать «апчхи» своим рассопатившимся носом.

Болеть я не люблю еще и потому, что у нас в семье уговор: раз не ходишь на занятия — сиди дома. Никаких вылазок, никаких «в гости», никаких «мам, ну я на пять минут». Болеешь — вот и болей, то есть выздоравливай. В принципе, это резонно. Но когда я вижу из окна, что Уш, который уже вторую неделю не ходит в школу, вовсю носится по двору, чувство несправедливости заполоняет меня с головы до ног. Поэтому больным я притворяюсь лишь в крайних случаях: когда обещает нагрянуть проверка из гороно или перед тем, как у нас собираются взять срезы знаний, которые мы называем промывкой мозгов.

С другой стороны, мне многие завидуют. Понятно, не тому, что налагается домашний арест. Но если грозит какая-то эпидемия или наступает грипп, меня для профилактики начинают регулярно кормить пломбиром. Это вместо горьких микстур и всякой гадости. Вы не поверите, но это какой-то народный метод. Холод, как объясняют, закаливает горло, жир его смягчает, смазывает. Я в этом не очень-то разбираюсь, но мне нравится. Другие родители такого подхода не одобряют. Но простываю я по-настоящему, махрово и чтоб кашель надсадный, все равно гораздо реже прочих ребят. Может, потому, что меня как раз и закаляет пломбир. Это, наверное, тоже называется «все не как у людей».

Из-за того, что я не ходил в ясли и сад, меня отдают в нулевой класс. За год я должен успеть научиться ладить со сверстниками и вести себя в коллективе. Так что в школу я иду с пяти лет. Ничего сложного в этом нет. Наша учительница, одна по всем предметам, славная женщина, но то, что она рассказывает на уроках, неинтересно. Со мной постоянно занимались, поэтому и читать, и писать, и слагать я уже умею. За одни выходные я полностью исписываю всю толстую пропись, аккуратно выводя все замысловатые крючки и закорючки. Высунув язык, переписываю: «У Пети коса и у Маши коса. Коси коса!» — и в понедельник с чувством гордости сдаю свое годовое домашнее задание. Учительница этого почему-то не оценивает, за все ее годы преподавания с ней еще никто так не обращался. И она, наверное, просто не знает, как ей теперь поступить. Сердится и говорит моей маме, чтобы мне немедленно купили новую пропись. Получается, что за год я выполняю домашних заданий в два раза больше, чем все остальные. Это, я сам догадываюсь, и называется «все не как у людей».

К стенке поставили

Меня записывают в секцию большого тенниса. Сперва я брыкаюсь и с пеной у рта доказываю, что в гробу этот большой теннис вместе с секцией видел. Но постепенно втягиваюсь, хотя ездить на тренировки приходится за тридевять земель. Заправляет кортами супружеская пара. Андрей Валентинович и Валентина Андреевна. Он суровый и строгий. Она приветливая, пухленькая, но на удивление верткая. Диву даешься, когда видишь, с какой легкостью она порхает по корту, умудряясь доставать самые немыслимые мячи. Это при ее-то габаритах! Однако если в секции что-то не так и дело доходит до выяснений, валентино-андреевскую приветливую щебетливость как рукой снимает. Голос становится сухим, лающим, движения стремительными, резкими. В подробности Валентина Андреевна не вдается, одинаково отчитывая всех, кто был замешан в провинности: порвал струны у ракетки, зафиндилил за забор мяч, курил втихаря у арыка.

Тренируемся мы ежедневно. Построение, проверка по журналу, вкратце о графике текущих занятий, разминка, наматывание кругов вокруг четырех асфальтовых кортов. Потом начинается основная часть. Кто поопытнее, приводят себя в форму у стенки. Чуть позже их разбивают на пары и отправляют в тренерский вагончик за сетками и креплениями. Предстоит играть партии. Новичков на корт выпускают редко. Сперва следует научиться обращаться с мячом. Держать его на разных уровнях в воздухе по пятьдесят-сто ударов кряду. Играть с партнером в навес, чтобы мяч не касался земли. Причем стараться отбивать не только площадкой со струнами, но и ободком древка.

Стенка — это самое главное, вот о чем твердят нам в два голоса тренеры. И если ты им не веришь, у тебя вряд ли что-нибудь получится. На эти секторы с кругами по центру уходят часы, дни, месяцы. Ты пружинишь на полусогнутых ногах перед блочным изваянием и остервенело всаживаешь в него удары: с отскока, с лёта, правой рукой, левой, перекрестно, в центр круга, одной рукой, но с разных сторон. Кажется, вариантам не будет предела. И тренеры подтверждают наши опасения, постоянно поручая все новые задания: увеличить метраж, бить по углам, играть понизу, брать с лёта посланные самим же подачи. Я пропадаю у стенки с половины девятого утра до полудня. К стенке поставили, как шутим мы. Тренировка начинается с восьми, в школу во вторую смену. За эти три с лишним часа успеваю отработать по несколько подходов всего, что задают. Осваиваю крученые удары, резаные, натягиваю воображаемую сетку — и вперед. Видя, что я серьезно увлекся, мне покупают собственную ракетку, тяжелый деревянный «Союз» базовой модели «Москва». Лакировка так и играет на солнце, ладони приятно сжимают отделанную кожей рукоятку. Такой ракеткой только выигрывать.

Я пытаюсь уговорить Димку Дроздова тоже заняться теннисом. Но он говорит, что теннис ему не по душе. Леха Меньщиков начинает тренироваться, но вскоре бросает. Вот тягать гантели — это его. Борька увлечен плаванием. Три раза в неделю он ходит с родителями в крытый зимний бассейн на бульваре Молодой гвардии. Лягушатник не признает и никаких спасательных кругов тоже. Очки, маска, трубка и сорок минут по пятой дорожке. Только, говорит, башка от хлорки чешется. Уж очень он эти купальные шапочки не жалует. От них только волосы больно стягиваются.

Чук и Щварц

В городе открываются первые видеосалоны. Их можно перечесть по пальцам. Двенадцать Месяцев утверждает, что фильмы, которые демонстрируют в них, запрещены и крутят их как-то нелегально. Но салоны не закрывают, и на показы с удовольствием ходят, несмотря на критические газетные фельетоны. Каждый день бегаем к ближайшему салону. У подвала на Панфилова с утра вывешивают листок бумаги с названиями фильмов на вечер. Ужасы, мистика, боевики. И мелким шрифтом кто в ролях: Б.Ли, Б.Лай, Чук Хоррис, Джеймс Бонд, Джеки Иен. Все уверены, что Брюс Лай — сын Брюса Ли. Фамилии у них, конечно, разные, но кто же этих китайцев разберет. А Арнольд Шварц и Шварц Неггер — два актера.

Внешности не запоминаются, имена тоже. Переводчики гнусавят и гундосят на все лады, и на титры мало кто обращает внимание. Важно, как кому двинули, которому врезали последнему и оклемался он или нет. Только много позже, когда видео начинает проникать в дома, а в печати появляются статьи о фильмах и актерах, мы узнаем, что Джеки Иена не существует, а есть Джеки Чан. Брюс Лай вовсе не сын Брюса Ли, а вроде бы его ученик. Чука Хорриса зовут Чаком Норрисом. И кроме Арнольда Шварценеггера, никаких других Шварцев и Неггеров нет. Только его мама Шварценеггер и старший брат Шварценеггер. Но живут они в каком-то Граце и в кино не снимаются.

Билет на видео стоит целый рубль. Это большие деньги. На них можно раз шесть сходить во Дворец культуры. Там у Стаса мать билетершей, хотя и не пускает бесплатно. Да разве в ДК такое увидишь? В лучшем случае «Пиратов XX века» прокрутят, но куда им до «Битвы богомолов», «Тигра карате» и «Пьяного мастера»! Изображение размыто, звук хрипит, перевод отстает, но зато этого ты больше нигде не увидишь. А за рубль покупаешь возможность не только посмотреть, но еще во всех красках дважды, а то и трижды пересказать увиденное во дворе со своим исполнением трюков, от чего удовольствия не меньше.

Дроздовы

Стряслась настоящая трагедия. Переезжает Димка Дроздов. Это немыслимо, не укладывается в голове. Всю жизнь мы прожили с ним бок о бок, и вдруг на тебе. У его родителей дело давно идет к разводу. Дядя Женя иногда выпивает, тетя Света ругается. Но это тянется и все как-то виснет в воздухе, обрываясь совершенно неожиданно.

- Теперь дядя Женя им не отец? — спрашиваю я у мамы. — Он теперь отчим?

Оказывается, нет. Отчимом будет другой мужчина, за которого собирается выйти замуж тетя Света. Мы гадаем во дворе, кому достанется Дмитрий, а кому Жанна, его сестра. Но выясняется, что их не поделят. Оба останутся с матерью. Жанна толком ничего не понимает. Димка ходит злой, понурый. Но что-либо изменить уже нельзя. Остаться жить здесь они тоже не могут. Теперь Дроздовых две семьи, и им надо подавать на какой-то раздел имущества. Баба Тоня относит в «Вечерку» объявление о размене трехкомнатной квартиры. В двухкомнатную переедет она сама с Петром Васильевичем и дядей Женей. Однокомнатная отойдет бывшей жене сына (хотя у нового мужа тети Светы и так есть своя), останется Димке на вырост или Жанне на выданье. Продажа квартир еще запрещена, так что денег за нее не выручишь.

С Димкой мы проводим вместе гораздо больше времени, чем обычно. Кажется, никогда так, как теперь, не нуждались мы в общении друг с другом. Невольно вспоминается все, что было пережито. Со стороны это такие мелочи, но как важны они для нас!

- А ведь это твоя бабушка Дедом Морозом на Новый год переодевается, — решаю я выдать тайну.

Все равно такой Дед Мороз из четвертой квартиры больше никогда не постучится в нашу дверь своим волшебным посохом.

- Я ее по тапочкам раскусил.

- Да я знаю, — отвечает Димка. — После его появления у бабушки всегда щеки румяные, а на антресолях спрятана борода.

Это Антонину Васильевну так ее мать научила, Анна Семеновна. Анну Семеновну я помню. Она с моей прабабушкой дружила, Наталией Федоровной, ее за год до моего рождения не стало. Но по домашним рассказам мне кажется, что я помню и свою прабабушку. А Анну Семеновну — наверняка. Она выходила в нашу беседку и подолгу сидела в ней. А мне разрешала играть со своей резной клюкой, будто это лошадка. Умерла она в 87 лет, а моя прабабушка в 88. И этим я почему-то втайне гордился. Только не мог понять, как вышло, что димкину прабабушку я застал, а свою нет. А потом мне объяснили, что хоть они и были обе очень старенькими, на свет появились в разное время — Анна Семеновна на несколько лет позже. И этим я тоже гордился: моя прабабушка и родилась раньше, и прожила дольше.

Димка отдает мне все свои альчики. Только сочку, залитую свинцом, и самый большой курбан себе на память оставляет. Альчиков у него немного, штук тридцать. Не то, что бы он играет хуже меня. Просто иногда возьмет и поставит на кон больше, чем следовало, тем паче когда у твоего противника бита двойная, да и без промазывания у самого не обходится. Я не хочу их брать у него, еще пригодятся, но он все-таки настаивает. Говорит, что теперь все равно играть будет не с кем, никого в Аламедине не знает. И грозит, что иначе раскидает мослы на драку-собаку. А сам злой-презлой. Но не из-за того, что отдал. Переезжать ему ужасно не хочется.

Аламедин — микрорайон, где они станут жить. Он находится так далеко, аж за ТЭЦ, что я в нем даже еще никогда не был. Но Димка говорит, что там он будет появляться редко. Лучше жить с бабушкой, дедом и отцом. Я думаю, что его не отпустят, но вслух не говорю. И пока квартира остается за ними, мы надеемся, что его бабушка переедет куда-нибудь недалеко. Но по закону подлости квартира достается в районе Ортосая. По дальности это тот же Аламедин, только в другую сторону. От теннисных кортов дотуда еще такое же расстояние, как от тренировки до моего дома.

При игре в альчики есть такое внегласное благородное правило. Если все видят, что сочка сорвалась с пальцев, можно быстро закричать «не пробито» и один раз перебить. Это как в теннисе, когда мяч при подаче задевает сетку. Но я все время путаю и вместо этого кричу «пробито». И Димка, хохоча, продолжает игру, хотя видит, что я обижаюсь, потому что опять ошибся. А тут он отдает мне всю коробочку из-под обуви со своими костяшками.

Когда приезжают два грузовика, мы помогаем носить вещи, таскаем стулья, подушки, ящики из шкафов, торшер. С этим торшером смешная история. Он достался Дроздовым от Борьки, точнее, от его родителей. Один раз бориной бабушке на юбилей торжественно подарили одиннадцать одинаковых торшеров. Мама объясняет это тем, что раньше отыскать хороший подарок было сложно, а торшеры только-только входили в моду и слыли дефицитом. Вот их и понанесли, а Миропольские с ними потом

потихоньку расставались. Гости, как я думаю, конечно, могли надуться и встать в позу, но куда же столько? В момент переезда эта история ни у кого не вызывает даже улыбки. Вещи выносят молча, а баба Тоня плачет.

Дроздовы уезжают. Вместо них в квартиру вселяется какая-то киргизская семья. Муж с женой и их дочка-студентка Гульнара. Новая соседка пытается подружиться. Говорит, знает, как мы дружно жили, и угощает горячими чебуреками и беляшами с пылу с жару. У нас в сушилке всегда стояли блюдца Дроздовых, если баба Тоня готовила что-нибудь вкусное, а у них — наши. Чебуречные тарелки какие-то чужие, незнакомые. Отчего делается еще тоскливее.

- Правда вкусно? — спрашивает меня мама.

- Невкусно, — буркаю я, демонстративно отодвигая угощение в сторону.

И это неправда. Чебуреки с хрустящей корочкой, баранина сочная, так и брызжет. От этого на душе становится только муторнее, неспокойнее. Хоть плачь.

Первое время Димка приезжает во двор часто, чтобы увидеться с нами. Иногда просит пустить его в старую квартиру. Но там уже все не то. Муж новой соседки ворчит на жену, что разрешила зайти, скользит за Димкой подозрительно цокающей тенью. А тот и сам не рад, что напросился. Квартиру еще считает своей, а люди в ней живут уже другие. От этого он только больше злится и мрачнеет. Игра не ладится, разговор тоже. Димка садится на «одиннадцатый» и уезжает. Во дворе он появляется все реже.

Ему действительно разрешили пока жить у бабушки. И иногда я выбираюсь к нему. Он рад меня видеть, но уже все не то. Застаю у него дома незнакомых парней. Говорит, одноклассники. Так, конечно, и должно быть. Но понимать этого не хочется. Да и Димка новых знакомых при мне как будто сторонится, стесняется. Начинает держаться преувеличенно равнодушно, на самом деле пытаясь скрыть за этой бравурностью и липовой независимостью какую-то внутреннюю неловкость и злость. Мы видимся все меньше и меньше. И потом дело доходит до взаимных приглашений на наши Дни рождения. Два раза в год. Все остальные встречи — от случая к случаю.

Школа

Переезд Дмитрия еще больше сближает меня с Борисом. Даже не знаю, кто из нас ходит за кем по пятам. Этой осенью Борис пойдет в школу. Учиться ему не хочется, но любопытство берет свое, и каждый день он расспрашивает меня про класс, про то, как ставят оценки, трудно ли выполнять домашнее задание. От школы я тоже не в восторге, но стараюсь ему рассказать что-нибудь интересное: про экскурсии в зоологический музей, про встречи с ветеранами войны, про сбор макулатуры, желудей, металлолома и школьный лагерь, про летнюю продленку, когда ты весь день живешь в классе и даже спишь в нем, потому что каждому нужно притащить с собой из дома раскладушку.

- Сначала вас мучить не будут, — успокаиваю я. — А первое сентября вообще День знаний и по расписанию только урок мира и знакомство.

Борис спрашивает, сколько этих уроков на неделе.

- Знакомство — пока не познакомишься, — чуть сбитый с толку, отвечаю я. — А урок мира — раз в год.

- Все бы уроки были раз в год, — мечтательно тянет Борька.

И в голосе его такая неподдельная надежда, что это вдруг окажется правдой.

- А больше таких редких уроков нет?

- Нет, — говорю я. — Только урок мира. Ну, и если уроки пения отменят. Певичка у нас часто болеет.

Больше всего Борису нравится мой рассказ о красных звездочках на тетрадях. Это у нас так учительница Раиса Ивановна придумала. Если у тебя пять пятерок подряд, на обложку можно приклеить вырезанную из цветной бумаги звездочку. Только не так-то просто ее заработать. В самый последний момент тебе обязательно попытаются влепить оценку ниже. Но если постараться, то можно этого избежать. На одной пухлой тетради у меня сразу семь звездочек. Наша библиотекарша говорит, что Ленин тоже был круглым пятерочником. Она вообще про Ленина много знает. Даже стихи про него пишет: «Ленин был великий вождь, правый вождь народа. Он хотел, чтоб всем

жилось хорошо, свободно. Чтобы люди не страдали от царя. Чтоб народ ни от кого бы не зависел». Нас эти стихи заставляют учить к урокам внеклассного чтения. Борьке это наверняка не понравится, и я умалчиваю.

На некоторое время его заинтересовывает мой рассказ о переходящем знамени. Хотя на самом деле это какая-то статуэтка с пластмассовым флажком. Класс разбит на звенья по четыре-пять человек. И вот каждое звено борется всю неделю за этот дурацкий флажок, чтобы субботние уроки он простоял на одной из парт победителей. А чтобы ими стать, надо не только получать отличные отметки, но и не бегать на переменах по коридорам, ходить в столовую парами, держась за руки, аккуратно одеваться, следить за формой, галстук завязывать «подушечкой», красиво заполнять дневник и вовремя показывать его на проверку дома, не забывая при этом повсеместно еще и подавать всем пример своим внешним видом и поведением. Короче, делать из-под палки уйму никому не интересных вещей. Кстати, самая противная из них — ведение ежедневного календаря погодных условий по географии, чтобы учительница, заглянув в начало общей тетради, смогла припомнить, в каком направлении дул ветер полгода назад и накрапывал ли дождь или, наоборот, подмаргивая лучами, сияло солнце. Как послушаешь нашу классную на родительском собрании, географичке это безумно важно знать. Борька от этого рассказа скучнеет на глазах.

- И что, так всегда? — удрученно спрашивает он.

- Всегда, — отвечаю я.

Я и сам ненавижу гонку за этим переходящим флажком. Его все равно никогда не оставляют дольше чем на один день. И с понедельника приходится начинать все по новой, прямо на колу мочало. Ему радуются только заядлые отличницы и зубрилы Аня Клейменова и Виктория Шохина. Да и то постоянно переругиваются, кому он достанется на этот раз. Они в разных звеньях, потому что, как нам объяснили, должны уравновешивать своими пятерками успеваемость двоечников и «камчатников». Хотя какая успеваемость может быть у тех, кто постоянно получает «пары»? Аня Клейменова, пока не располнела, мне немного нравится. Но у нас разные интересы. Ее страсть к учебе, особенно к физике, мне не передается. Отличником по всем предметам я был только в первом классе, где-то даже грамота пылится.

Когда Борьке покупают ранец и готовальню, он еще больше не хочет идти в школу.

Киргизский вопрос

К нам в класс из другой школы переводят сразу трех киргизов. Начинается что-то невообразимое. Они то и дело подзуживают наших пойти подраться с русскими. Держатся вместе, борзо и с вызовом. Объясняют, что надо «чморить», и наглядно показывают, как это делается. Подкатываются к тем, кто послабее, силой отбирают деньги на столовую, навешивают саечек и заставляют писать ответы на задания контрольных.

Я ничего не могу понять. Положим, меня пока не трогают. Первые три года я был самым сильным в классе, и об этом еще помнят, да и пришлым, видимо, рассказывают. Новички даже набиваются ко мне в приятели. Но почему Азамат, Нурлан, Азиз, Анвар и Улугбек, то есть все «наши», с полуслова подхватывают науськивание? По школе передвигаются важно, гурьбой, заручаясь поддержкой киргизов из старших классов.

Уже на второй неделе новой четверти на больших переменах за школой начинаются драки. Димка Мещеряков добрый парень, он всегда помогает девчонкам носить портфели и поливает цветы, потому что назначен цветоводом. Но когда Анвар дает ему исподтишка пинка, он соглашается идти с ним драться. С Ормушевым Димка просидел полтора года за одной партой, а теперь, окруженный новичками вместе с их внезапными приспешниками, вынужден защищаться от его ударов. Достается Анвару. Димка здоровый, сбитый. Но тут же ему в ультимативной форме предлагают драться с одним из переведенных, и теперь достается Мищеру. Он уже устал и пропускает пару ударов в лицо. А дерутся до первой крови. Но, как я думаю, это только пока.

Картина повторяется изо дня в день. Билик и Староконь отделываются еще дешево. Андрей Билик дерется не впервой, Староконь занимался боксом. А вот Грекову, Кривошеину, Рогожину и Платову достается, как и всем остальным. Пока не трогают только меня и Вадю Елового. Шея у него здоровая, бычья, кость широкая, не подступишься.

Мы пытаемся поговорить с «нашими». Азамат прячет глаза, Нурлан улыбается, будто здесь ни при чем. Он действительно еще не дрался, но все равно на стороне киргизов. У него мать завуч школы, но не пойдешь же жаловаться. С нами соглашаются, говорят, не обращайте внимания. Все произносится как-то неуверенно, с паузами, невнятно. Да как не обращать, если у Яшки Юртаева заплыл глаз, а Максиму Мардышеву разбили губу. На следующий день все повторяется. Включается какой-то стадный механизм, словно три новичка имеют на остальных какое-то безграничное влияние.

Появляются первые перебежчики. Это те, кто уже не хочет ни драться, ни получать. Платов, Юртаев и Греков. Но их не оставляют в покое. Подговаривают, чтобы они все-таки дрались, но уже с нами. Меня вызывает Димка Греков. Он маленький, щупленький, голос дрожит, но заученные гадости так и срываются с языка. Я собираю портфель и ухожу с оставшихся уроков. Вечером Билик притаскивает Грекова за шиворот ко мне домой извиняться. Я ни с того, ни с сего плачу, Димка плачет, и мы вроде миримся.

- Пойми, мы же с тобой, — говорит он. — Меня же просто заставили.

Я понимаю. Иначе бы Грекову дали по зубам. Но это ничего не меняет. День ото дня в школе становится все труднее. И ни я, ни Вадя Еловой уже не составляем исключения, заворачивая после уроков за школьный двор.

На Московской творится то же самое. Только там права качают парни из академического дома. Дом огромный, пятиэтажный, приплюснутый буквой «П». Русских семей всего шесть, остальные — киргизы. Семьи у них разросшиеся, многодетные. От мала до велика, где-то возраста самого старшего из нас, набирается больше ста пятидесяти человек. Это на нашу-то компанию. Стаса, Макса и Андрея из углового подъезда не трогают, есть варианты и попроще. Но и за нас они не заступаются, от греха подальше. Каждый с головой уходит в свои дела, и во дворе их почти не видно. Больше всего достают Ганкина и Меньщикова. Отводят в сквер и бьют. Они, конечно, тоже стараются врезать. Но что поделаешь, когда своих можно пересчитать по пальцам, а киргизов каждый раз ватага голов под пятнадцать-двадцать. Да меньшим числом в нашем дворе они и не показываются, разве что пройти к остановке. К тому же чаще всего вместе с ними дерутся Зака и Доктор-бек. Они занимаются карате, и шансов выстоять против них нет, если только кирпичом по голове дать.

Андрей выходит из себя, психует. Леха с остервенением занимается гантелями, покупает гирю. Просит, чтобы я как можно сильнее бил его по животу, проверяет пресс. Я отнекиваюсь, но когда он настаивает, бью. Понятно, что не изо всех сил. Я его все-таки уважаю, хоть он и заиграл у меня несколько лет назад мою первую модельку. А Ганкина я и сам, когда поднажму, валю, даром что он на две головы меня выше. Вымахал в момент, а крепости никакой, враз куда-то ушла. Подсечешь, придавишь, а он уже подняться не может. Вцепится в волосы и дерет что есть дури. Вот тогда — больно. Но с киргизами так не поступает, боится. Да только боится их не он один. А мы все. Как ни делаем вид, как ни хорохоримся.

У Борьки в классе таких безобразий почти нет. Все еще маленькие, всегда на виду. Многих родители встречают из школы. Если у меня уроки заканчиваются рано, Бориса до дома провожаю я. Или он сам немного ждет, когда меня задерживают после уроков, заставляют дежурить, ставить на парты стулья и мыть доску. Я все-таки убедил его пойти в двадцать восьмую школу, точнее, приложил к этому руку. Но после первого класса Борис не остался. Летом умерла его учительница, Раиса Ивановна, которая до этого учила и меня все начальные три года. Он переходит в тринадцатую. Там усиленный английский и Светка Манштейн. Она все еще крутит свои «хула-хупы» и по-прежнему нравится Борису.

По вечерам мы изучаем самиздатовский самоучитель по карате, который мне на время где-то достала мама. Борька терпеливо переписывает его своим корявым почерком, я помогаю с рисунками. Мы оба думаем, что умение дать сдачи теперь нужно нам на долгие годы.

Двор затихает. Саня Мельников живет с родителями, они объясняют ему, что нужно привыкать к новой квартире. Колобок пропадает у своей второй бабушки где-то в Рязани. Его мать развелась с отцом, и говорят, что теперь у нее много мужей. Макса Усецкого забрала в Израиль тетка. Димки нет. Родители Бутенко наконец уехали с

Севера, но во Фрунзе так и не вернулись, осев где-то в России. Аскер совсем плох. На полной скорости его сбила «Волга», когда он завязывал шнурки на дороге. Его так учили: развязался шнурок — немедленно завяжи, чтобы не упасть. Вот он и завязал. Теперь вообще может не ходить в школу.

К концу восьмидесятых уже никто из нас не верит, что стояли дни, когда мы беззаботно играли во дворе, не боялись киргизов и единственной нашей «обязанностью» считалось убежать от разъяренного Эдика, беснующегося по поводу того, что мы разводим костры и печем в них картошку, а значит, можем спалить всю округу. В таких случаях двор делился на два лагеря. Сторонники Эдика проводили с нами душеспасительные беседы, обещая оборвать уши. А родители тех малышей, кому мы заодно соглашались испечь картофель, вставали на нашу сторону. Эдик или Кадников все равно могли после словесной перепалки выйти с ведром воды и залить костер, а помешать им не брался никто. Сейчас от грозных приверженцев порядка не осталось и следа. Кадников умер. От Эдика ушла жена, а его самого кто-то уговорил заняться бизнесом и кинул с квартирой. Где он теперь живет, никто толком не знает. Лишь изредка, рассказывали, приходит во двор по старой памяти, весь какой-то поношенный, заросший щетиной, обветшалый. Обиды со временем забылись. И его, и Кадникова жалко.

Бабушка

Перед Днем Победы мою бабушку приглашают в наш класс рассказать о войне. В девятнадцать лет она записалась добровольцем на фронт. Служила в войсках связи, радисткой. Я прошу ее не ходить. Все равно эти скоты не дадут слушать и испортят выступление своими идиотскими репликами и ухмылочками. А учительница, вместо того чтобы поставить их на место, осечь, будет метаться по классу, заламывать руки и с экзальтированной укоризной пришепетывать:

- Ну мальчики, ну хватит. Ну сколько это можно терпеть?! Ну я больше не могу.

Но бабушка уже согласилась. И ей теперь очень неудобно отказаться. Вот всегда так, что ей, что маме. Она спрашивает, почему я уговариваю ее не ходить? Но как я объясню, чтоб она поняла, что именно так и нужно поступить? Скажу, что все киргизы дураки, потому что дали Староконю по шее и науськали на меня бывшего приятеля?

На удивление все проходит гладко. Мою бабушку слушают внимательно. Включен проигрыватель, и перед началом рассказа все слушают «Этот День Победы порохом пропах» в исполнении Льва Лещенко. У нас дома есть эта пластинка, и бабушка всегда плачет, когда ставит ее. В классе у нее тоже чуть не наворачиваются слезы, но она молодец, держится. Киргизов почти нет. Они с вызовом ушли сразу после уроков. Думают, что кто-то, кроме учительницы, будет по этому поводу сильно переживать и глотать валокордин. Я же только рад.

Бабушка рассказывает, как один раз они ехали в грузовике. Перегрелся мотор. Шофер взял ведра и пошел на реку за водой, недалеко текла. А она вызвалась ему помочь. Началась бомбежка, а когда все стихло и они вернулись, увидели, что от машины осталась лишь покореженная кабина и в живых никого.

- Вот видите, как важно помогать людям, — говорит наша классная Галина Витальевна.

Тимуровка набитая, да и только...

...В Ташкенте есть обелиск памяти студентов индустриального института, погибших на фронте. В списках значится и моя бабушка. В сражениях за Керчь она получила два ранения, в голову и в ногу. Немцы теснили наших к Черному морю, от вражеских самолетов темнело небо. Количество катеров было ограничено, и в первую очередь эвакуировали раненых. Тогда некоторые солдаты стали мочить в лужах с кровью бинты из походных аптечек, рвать на себе гимнастерки и, окрасив тряпье в кровавые разводы, обматываться им, имитируя ранения, чтобы тоже попасть на катера. Об этом стало известно женщине-комиссару, ответственной за отправку. Вместе с несколькими бойцами она перегородила подход к причалу и стала сдирать с раненых повязки. Если ран не было, комиссар без разговоров пускала пулю в лоб за дезертирство.

Бабушка была уже недалеко от одного из катеров, когда немецкая атака усилилась. Самолеты пытались разбомбить причал. Началась паника. Заслоны смели, задние ряды

надавили на впереди идущих, и многие из тех, кто готовился к погрузке, попадали в воду. Кто-то из ее знакомых увидел, что бабушка тоже упала, о чем впоследствии, видимо, и доложил. Да и как иначе появилась бы надпись на обелиске? Конечно, утонула, с ее-то ранениями...

Но бабушку спас матрос. Вовремя заметив, что ее столкнули, он бросился с палубы в море и успел вытащить ее за волосы. Бабушка так никогда и не узнала, кто был этот человек, как его звали. Матрос — и все. На этом ее война закончилась.

Но про бомбежку и эвакуацию из Керченского порта она классу не рассказывает. Не так поймут. Любопытство учеников с лихвой удовлетворено разнесенным грузовиком. Бойцы Красной Армии, конечно, могут испытывать человеческие чувства: любить, защищать и спасать. Но не мочить лоскуты в кровавых лужах и не сбивать с ног раненых. Бабушка вообще не любит эту историю, я слышал ее только раз.

Бабушки не стало в феврале. До этого она очень долго болеет. Затяжно и без каких-либо улучшений. Врачи говорят, рак. Только уже очень поздно. Мама навещает ее каждый день. После работы мчится в республиканскую больницу, достает какие-то лекарства. Через день я езжу вместе с ней. Бабушка пытается бодриться. Но это дается все труднее. Мама плачет. По вечерам долго сидит на кухне, курит, хотя скрывает от меня. А потом, вместо того чтобы немного отдохнуть, встает к плите и что-то готовит. Очень переживает, что я предоставлен самому себе, и просит не переставать заниматься теннисом. За тройки, которые начинают проскальзывать в школе, не ругает. Просто берет с меня слово, что я постараюсь.

У бабушки День рождения. Мама печет в больницу ее любимый торт «Наполеон». Приходят две ее подруги. Мы располагаемся на одной из лавочек в больничном дворе. Бабушка благодарит, но говорит, что скоро обход. Берет с собой в салфетке кусочек торта и почти сразу уходит.

Мама все больше плачет. Она похудела, осунулась на глазах. Сильно выматывается, лекарства не помогают, и врачи только качают головами и разводят руками. Хотя все понятно и так. Зимой бабушку выписывают, мы забираем ее домой. Она уже не встает. Я провожу с ней все время после школы и до прихода мамы. Готовлю в этой комнате уроки, читаю вслух какие-то газеты, что-то подаю. У нас начинает жить баба Валя, жена старшего бабушкиного брата.

- Надо помочь нашей девочке, — как мы узнаем позже, говорит баба Валя на семейном совете, когда мама почти уже не держится на ногах.

И переезжает к нам. Буквально за несколько дней до кончины. Я же помню другое. На похоронах, при подъезде к кладбищу, она говорит моей маме:

- За бензин рассчитаемся потом.

Произносится это с искренним пониманием, что сейчас действительно не до того. За рулем мамин двоюродный брат, но он ничего не говорит своей матери. От этих слов его всего передергивает, и руки еще сильнее сжимают руль. Но я все-таки надеюсь, что могу назвать себя незлопамятным человеком.

Утром того дня, когда умирает бабушка, мама посылает меня к одной из своих подруг предупредить о случившемся. Она преподает по совместительству в интернате, и номера телефона, чтобы туда позвонить, никто не знает. Да и бежать всего два квартала. То утро я вспоминаю довольно часто. Меня останавливает Канат, здоровый киргиз лет на пять старше. Он никогда не упускает случая докопаться до меня, что-нибудь отнять или ударить. Я тороплюсь, реву, мне всего восемь лет, и только что умерла моя бабушка. А тут еще хотят достать, цепляются. И вместо того чтобы поступить как-то иначе, хотя и не знаю как, потому что из-за спешки нет времени думать и голова занята абсолютно другим, — я вынужден лебезить и полуизвиняющимся тоном объяснять этой сволочи, которая не дает прохода, что у меня только что умерла бабушка и меня попросили сбегать, и прочее, и т.п. Как я ненавижу в тот момент ухмыляющегося выродка, который после обшаривания карманов все-таки отпускает меня. Но кто бы знал, как я ненавижу тогда и все время позже самого себя.

Раньше наша семья жила в Оренбурге. Там же, в двадцать первом году, родилась моя бабушка. В тридцатые прадед попал в поток переселенцев в Среднюю Азию. Молодые республики становились на ноги, и требовались специалисты. Конечно, некоторые сами вызывались ехать, помогать, учить, строить. Но чаще о желании не спрашивали, вырывая людей из Москвы, Рязани, Самары, Калуги, Омска. Оренбург сме-

нился Ташкентом. Из Ташкента на фронт и ушла моя бабушка. Она была секретарем комсомольской организации института и не раздумывала, идти ей воевать или нет. Но сначала были курсы в Новороссийске, где ее обучили радиоделу. К тому же она хорошо знала немецкий, и позже ей доводилось быть переводчиком, когда брали пленных.

После ранений и возвращения домой бабушка не стала доучиваться в индустриальном. Время было голодное даже в хлебном городе, и она подала документы в железнодорожный институт, единственный тогда на весь Ташкент вуз, где выплачивали стипендию. Получив профессию инженера железнодорожного транспорта, по распределению преподавала в самаркандском техникуме. И теперь уже не она следовала за своей матерью, а моя прабабушка переезжала вместе с ней. В сорок восьмом семья наконец осела во Фрунзе, куда тоже был получен перевод — уже не только прадедом, но и моей бабушкой.

Как-то она мне показала место своей бывшей работы. На сером каменном здании висела массивная табличка с таинственной надписью: «Министерство местной промышленности». И все важные люди, входившие в этот огромный грозный дом и выходившие из него, останавливались поздороваться с бабушкой и не без любопытства пялились на меня.

- А это кто же, Вера Михайловна, внук ваш?

- Внук, — гордо отвечала бабушка.

И я тоже ею очень гордился. Тем, что она — моя бабушка. И тем, что ее все знали и каждый норовил пожать ей руку, хотя мама уже учила меня, что женщине руки для приветствия не подают, только если она сама протянет первой. А какая-то бабушкина знакомая Фирюза даже сказала, что отдел внутри- и межреспубликанских поставок теперь без моей бабушки как без рук. Я, правда, не понял, как у отдела вообще могут быть руки. Но с удовольствием повторял эту фразу целый день и несколько раз произнес ее специально для мамы, чтобы она тоже знала, какая у нас бабушка.

Еврейский вопрос

В предпоследнее перед отъездом лето я впервые сталкиваюсь с тем, что взрослые именуют еврейским вопросом. Нас волнуют только киргизы, они травят нас и не дают продыха, а здесь вдруг возникает что-то еще. В прошлый сезон мы отдыхали с Борисом на Иссык-Куле. Мы с мамой снимали комнату в селе Бостыри, Борька с родителями — в пансионате неподалеку. И это до того мощно, что мы договариваемся и следующим летом повторить успех нашей совместной вылазки. Но Бориса собираются отправить в лагерь, количество путевок в который ограничено. Я прошу его мать, тетю Лину, справиться, нельзя ли поехать и мне. Она обещает узнать и узнает, но с ответом почему-то не торопится. Позже я узнаю от своей мамы, что ей тетя Лина рассказала всю подноготную сразу, как только сама вникла в дело. И они обе ломали головы, можно ли что-то придумать и как лучше объяснить происходящее мне.

Когда сроки уже поджимают, я вновь завожу с бориной мамой разговор о поездке. И тогда она, вздохнув, говорит, что лагерь — еврейский, и отдыхать в нем могут только дети евреев. Поэтому Борису можно, а мне нет. Я удивляюсь, не понимаю, злюсь. Борис изумлен не меньше моего. Мы решаем пуститься на хитрость, спрашиваем: нельзя ли обмануть? Ведь если Миропольский может быть евреем, то Янковский, наверное, тоже. Но графу «национальность» в паспорте еще никто не отменял, да и вторая фамилия у Бориса — Шерман, а у меня, по одному из дедов, то ли Яровой, то ли Ярковой, а по прабабушке так вообще Щёкин. В конечном итоге Борис едет в один лагерь один, а я в другой. Оба мы так и не понимаем, кому понадобилось разлучить нас. Вернувшись из лагеря, я все еще пытаюсь уяснить случившееся. Мама теряется. Она загружена работой и рада, что в теннисе у меня успехи, а в школе вроде все, тьфу-тьфу, налаживается, троек за год нет. Не зная, что ответить, она рассказывает вот какую историю.

В ганкинском подъезде живет Григорий Берштейн, молодой врач-онколог, лет двадцати шести. Он уже заканчивал школу, когда Стас, старший из нашей компании, еще только пошел в первый класс. И поэтому ничего о детских похождениях этого самого Гриши мы не знаем, воспринимая его за хронически взрослого. Но когда он еще не подозревал, что будет работать в диспансере и бороться против курения, то частенько

покуривал сам, втихую от матери и отца, у которого таскал сигареты. Разумеется, за смолением цигарки его и застукали. Да не кто-нибудь, а хорошая приятельница и соседка его матери, тетя Софа. И вот что тетя Софа сказала при встрече Розе Берштейн:

- Розочка, какой у тебя Гриша мальчик, какое это у тебя золото. Какой умница, какой красавец, какой способный, вежливый, обходительный мальчик! Если бы мой Яшка был хоть немножечко похож на твоего Гришу, я бы уже умерла спокойно. Иду вчера с магазина, стоит Гриша с мальчиками. Меня увидел, шапочку снял, сигаретку изо рта вынул и говорит: «Здравствуйте, тетя Софа». Да так вежливо, что боже ж мой, Розочка, какой мальчик!

Мама замолкает. Я жду продолжения, но похоже, что это все.

- Ну? — не выдерживаю я.

- Не понял? — спрашивает мама.

Еще полминуты я перевариваю услышанное и честно признаюсь:

- Нет. Она ведь все равно его заложила. И еще зачем-то похвалила за то, что он снял свою дурацкую шапку.

- Софья, отчество забыла, ну, допустим, Марковна произносит при встрече искусную речь, — садясь и вытирая руки о кухонный фартук, говорит мама. — Она ставит в известность мать Гриши, потому что та должна знать, что сын курит. Но в то же время не загоняет ее в слишком неловкое положение, мастерски подготавливает, умастив материнское сердце. А как бы это, скорее всего, было у нас? «Слышь, Галка, твой Ванька, паршивец, за домом дымит вовсю!» - «Вот спасибо, что сказала. Щас я этому паразиту всыплю по первое число!»

Я смеюсь. Мама устало улыбается. Я так и не понимаю. Но это все, что знает моя мама о «еврейском вопросе», в котором тоже ничего не может разобрать.

Запустение

Летом двор всегда выглядит чуть заброшенным, пустым. Многие разъезжаются в отпуска, навещают какую-то дальнюю родню, кого-то проведывают и достают путевки на озеро Иссык-Куль или едут туда дикарями. Теперь прибавляется новая причина. В этот сезон отцы семейств уезжают в Россию искать жилье, договариваться о работе, узнавать об условиях и возможностях перевода. Обмен идет вяло. На жару, фрукты и горы люди уже не клюют. К исходу августа выясняется, что из нашего двора уезжают несколько семей. В них нет детей, и поэтому мы знаем отбывающих больше в лицо, чем по общению. Но все равно рушится какая-то привычность, когда понимаешь, что вскоре ты, может, никогда не увидишь и кого-нибудь из своей компании, с кем провел всю дворовую жизнь.

Из класса уходят толстяк Женька Рогожин, всегда переодевавшийся на утренники Портосом, и Ванька Гусев, его отцу, как говорят, повезло, он нашел должность инженера на металлургическом комбинате. В глухой, затерянный сельсовет перебирается родная сестра маминой сокурсницы Тани Крышиной. Ее мужу удалось всеми правдами и неправдами добиться разрешения взять в аренду бревенчатый дом в Воронежской области и даже небольшую пасеку. Выкупить дом сразу они не могут, и выпутаться из положения собираются продажей меда и разведением хозяйства. Берта Владимировна Усецкая получает первые письма от Макса, она рада за внука. Говорит, что у него все хорошо и в Израиле до того все по уму, что даже помидоры там выращивают квадратными для более удобной транспортировки. А сама грустит, сидя на своем балконе, уставленном цветами. Куда-то пропадают Селедковы, в их квартиру вселяются переселенцы из Афганистана. Кто сюда, а мы отсюда.

Часть II. МАРЛЕВЫЕ ВОИНЫ

Крушение устоев

В городе начинает происходить что-то непонятное. Дома и улицы постепенно наполняются шепотом и пересудами, какими-то фантастически, дикими рассказами и свидетельствами. Напрямую ничего не говорится, и рассказываемое, как правило,

предваряется оговорками: сам не видел, но людям врать незачем. С разных концов города ползут слухи, тяжелые, смутные, ощущается что-то необратимое, мрачное, а что именно, никто не говорит, словно знают, но боятся произнести вслух и поверить в это, признать, что на смену прежнему надвигается новое и возврата к привычному укладу уже не будет никогда.

Все чаще взрослые собираются по вечерам на кухнях, отправляя детей в комнаты смотреть громче обычного включенные телевизоры. Вскользь подхваченные фразы только еще больше сбивают с толку, вносят сумятицу. Что-то пугающее слышится в осторожно произносимых словах. На окраинах начинаются погромы. Бьют витрины и фонари, палят газетные киоски, обрывают в автоматах телефонные трубки и корежат автомобили. Медленно, ночь от ночи, приближается эта невидимая сила, управляемая сумраком и чьей-то волей, к центру. И вот уже следы неизвестного, прошедшего с гиканьем, с криками под покровом вечернего часа чернеют гарью в соседних районах. И еще страшнее от мысли, что днем эта сила спокойно перемещается у тебя за спиной по тротуарам, садится в городские маршруты и покупает в продовольственных хлеб.

Лица у русских людей становятся серые, пугливые. Бегут по своим делам, нигде не задерживаясь, боясь собственной тени и наперегонки с ней, чтобы скорее попасть в привычную обстановку, запереться в стенах и не выходить, пока новый день и заботы опять не выгонят из дома на работу и по делам. Газеты молчат, местное телевидение, как ни в чем не бывало, желает доброго («саламат сыздар») вечера. У нас, как и во многих других квартирах, появляются кипы брошюр по обмену жилья. Мама покупает все выпуски, а потом долго и внимательно изучает их, подчеркивая или выписывая варианты. Украдкой я заглядываю в мамин список. Варианты через Владивосток и Хабаровск (это из Средней-то Азии!), цепочки по восемь-двенадцать звеньев, условия бешеной доплаты и даже какие-то фиктивные браки, которые «возможны при ближайшем рассмотрении сотрудничества». Все это тревожит, вызывает чувство недоумения, но в то же время заинтересовывает, будоражит, затягивает. Мама просит меня ни с кем эту тему «раньше времени» не поднимать. Борису я признаюсь, и он говорит мне, что его родители интересуются тем же.

Погромы утихают так же внезапно, как и врываются в ночную столичную жизнь. Но неведомая сила никуда не исчезает, постепенно привыкая к солнечному свету и дневному времени суток. На улицах начинаются избиения русских. Поначалу нападают чаще по вечерам, подкарауливая припозднившихся прохожих. Почувствовав безнаказанность, принимаются нападать и днем. Не смущают даже переполненные остановки. Нападающие уверены, что за жертву никто не вступится. Просто будут молча стоять в сторонке и смотреть с единственным желанием: лишь бы не тронули самого. А осмелься дать отпор, так, может, и вышло бы все совсем иначе.

«Чего ж вы не объединитесь и сдачи не дадите?» — спрашивали нас взрослые, когда мы, ища поддержки, открывались и рассказывали им про наши школьные неприятности. Такой же вопрос хотелось теперь выкрикивать в лицо взрослым, когда у них на глазах затаптывали подобного им человека. Лишь теперь до старших дошло, что «детские» обиды могут затронуть и их взрослую жизнь, да так, что мало не покажется. А еще, засыпая, я часто думал о том, что сейчас они, как и мы в классе, боясь дать сдачи оборзевшим киргизам, очень походили на тех «марлевых солдат», о которых рассказывала моя бабушка, что мочили в кровавых лужах бинты.

По утрам на Ортосайском рынке находят трупы русских людей. Ночные сторожа ничего не слышат, их псы чутко дремлют, но дворники продолжают натыкаться на тела, и редкая неделя проходит без страшных находок. Власти не реагируют, печать ограничивается сухими и скудными констатациями. Страшно, неправдоподобно, необъяснимо. Убивают из-за денег, из-за вещей, тела подбрасывают голыми или завернутыми в тряпки. «Аналитики» утверждают, что это провокация с целью разжечь межнациональную рознь. В одном из микрорайонов посреди бела дня убили Илью Кузнецова. Он был сыном маминой коллеги по работе, я его коротко знал, вместе занимались теннисом, пока он не оставил тренировки. Его матери сказали, что сын пробавлялся наркотиками и его гибель — логичный результат криминальных разборок. Но только неделя, как Илья вернулся из армии, и он даже никогда не пробовал курить.

Теперь темная сила не таится, рвется на дневной свет, проявляет себя и утвержда-

ется. Площади запружены демонстрантами. Это разношерстные толпы, в которых, кажется, не может быть ничего слаженного. Люди шумят, баламутят, что-то выкрикивают, обсуждают, пьют и смеются или даже просто так примыкают к всеобщему гомону, чтобы потом с гордостью сказать, что заваривание каши в общем котле не обошлось и без их участия. Гвалт и гиканье поднимаются по городу. На плакатах и транспарантах: «Русские — оккупанты», «Вон из свободного Кыргызстана!», «Сволочи, убирайтесь домой!» Такими же надписями размалевывают заборы, стены, памятники. Их выкрикивают и скандируют в людных местах. Жирно выводят краской на школьных досках объявлений, на информационных стендах в больницах, на всем, что доступно взгляду.

По дороге к Чон-Арыку, за которым в предгорьях и на горах расползается огромное юго-западное кладбище, полным ходом начинается самовольный захват земель. До этого громили и жгли дачи, но многие люди все равно отказывались покидать свои участки, ведь на них еще оставались местами уцелевшие фруктовые сады, за которыми они ухаживали долгие годы. Заброшенных домов становилось все больше. Опасность подстерегала и в городе, но задерживаться на дачах за его пределами было куда рискованнее. Испытывать судьбу приходилось, даже просто выходя из дома за продуктами.

Разговоры о миграции становились неотъемлемой частью любой встречи. Росло число отъезжающих из близкого круга знакомых. Почти каждый день звучали новые фамилии, назывались пункты и направления, суммы и сроки. Жилье, которое и без того невозможно было продать, не говоря уже об обмене на Россию, обесценивалось в том же темпе, в каком рос отток мигрантов. «Успеть бы!» — носилось в воздухе. И чтобы усилить панику, киргизы теперь нарочно поднимали «жилищный вопрос».

- И так все побросаете, нам оставите, — ухмылялись они. — А ноги не унесете, вышвырнем.

Родители Светки Манштейн всерьез обдумывают переезд и сильно переживает по этому поводу. На всякий случай Манштейны, как и многие другие, уже давно стоят в очереди за грузовыми контейнерами. Пока дойдет черед, может, что-нибудь и подвернется, надеются они. Сейчас контейнер им обещают уже в следующем месяце.

По домам

Наступил период, когда мы стали встречаться только друг у друга дома. И тут наша дворовая компания невольно раскололась еще на несколько частей. У Алексея болела мать. У Ганкина была старая бабушка, Генриетта Исааковна. Она любила покой, а у нас без шума не получалось. Турабековы и сами не помещались в своих четырех комнатах. К тому же у них всегда было неряшливо, неуютно. Про Стаса и Андрея заикаться вообще уже не стоило — возраст вышел, закончилась детскость. Да я у них и так никогда, считай, не бывал, разве в пределах прихожей, если стасов отец, дядя Алик, брался подлатать мой «Школьник» или дед Андрея, нумизмат, соглашался показать нам свои альбомы и пускал на полчасика к себе в кабинет.

Чаще всего я пропадал у Бориса, а он у меня. Его отец купил видеомагнитофон, и теперь у Миропольских был свой кинотеатр на дому. Кассеты удавалось раздобыть редко, да и уровень лент, как я понимаю теперь, оставлял желать лучшего. Но сравнивать тогда было не с чем, и поэтому каждый фильм все равно становился открытием. Попадались подлинные откровения: «Кошмары на улице Вязов» с молодым Джонни Деппом, «Попутчик» с харизматичным Рутгером Хауэром, «Покушение» с человеком с гармоникой Чарльзом Бронсоном. В последней картине кто-то мужественно говорит, что читал «Доктора Живаго». Отец Бориса удивляется и обращает на это наше внимание. Наверное, из-за таких фраз и запрещают многие видеофильмы, размышляю потом я.

Видео все еще редкость. Когда появляется какой-нибудь фильм, Борис приглашает по вечерам меня и Светлану. И если кассету нужно вернуть на следующий же день, мы засиживаемся допоздна, не желая пропустить развязку. А после вместе с Борисом идем провожать Светлану до ее подъезда. Уже поздно, и мало ли что. Однажды мы засиживаемся до половины второго ночи. Принесли две части «Крестного отца», не оторваться. Мы неоднократно перезваниваем домой, отпрашиваемся, предупрежда-

ем, чтобы не волновались. Заканчивается дело тем, что родители сами заходят забрать нас. Фильм досматриваем всем гуртом. Оказывается, моя мама уже видела первую часть в Варшаве, когда ездила в Польшу в семидесятые студенческие годы. На афише было написано: «Фильм ужасов».

Язык мой — враг мой

Час от часу не легче. В школах вводят киргизский язык. Говорят, теперь он будет обязательным, а потом его и вовсе признают государственным. А чем только не грозятся за его незнание! Киргизский разговор звучит в наших ушах зло, быстро, пронизывающе. У нас в багаже лишь отдельные слова, которые у всех на слуху: нан — хлеб, эт — мясо, суу — вода, сут — молоко. Всего десятка два наберется, не больше. Да и то вместе с ругательствами и надписями на вывесках типа «Кош келениздер» — «Добро пожаловать». Нас больше всего потешает название парикмахерских салонов — «Чач тарач». Мы, когда подстригаться идем, так и комментируем: «Чачу пора тарачить». Еще поговаривают, что на киргизском очень смешно звучат персонажи сказок: Змей Горыныч — «Автоген хан», Баба Яга — «Кошмар опа», Карлсон — «Шайтан вентилятор», Буратино — «Саксаул беке», а Дед Мороз — «Колотун» такой-то. Но это, скорее, так, шутки ради. Хотя черт его знает, если даже обычный велик киргизы раньше «шайтан арбой» звали. Но вот с парикмахерскими — наверняка, надписи-то повсюду.

Смех смехом, но особо иронизировать что-то не тянет. Двадцать восьмой школе еще везет, у нас дело пока ограничивается обещаниями, а Борька уже корпит над чуждыми уху гортанными сочетаниями и завел словарь. На работе у мамы за киргизский тоже берутся основательно, организовывают платные курсы по изучению, куда в добровольно-принудительной форме записывают всех «желающих». Отказникам враз объясняют что к чему, вызывая на ковер к директору. На дверях в приемную директора появилась очень забавная табличка: «Кабыл дама». Преподаватели подтрунивают: «Кабыл дам», поскольку директор — мужского пола.

Киргизский алфавит — богатый, в нем тридцать шесть букв. Тридцать три из них заимствованы из русского языка. Одна из добавочных букв — по произношению нечто среднее между «у» и «ю». Другая — носовое «н». Третья — почти английское «о», одновременно напоминающее «ё». С языком становилось все строже. Меняли вывески и надписи на ценниках, указатели и таблички с названиями улиц, которым присваивались совершенно незнакомые наименования. В магазинах демонстративно отказывались говорить и понимать по-русски, требуя, чтобы нужные товары перечисляли на киргизском языке. Немного выручало то, что некоторые слова заимствовались киргизами полностью, что поначалу делало общение более-менее сносным. Позже переиначивались и эти заимствования, что вело к путанице и неразберихе, ведь филологам постоянно приходилось вносить добавления и поправки в словари, за серьезное составление которых и без того принимались только сейчас.

Когда в начале девяностых киргизский официально признали государственным, он заполонил все. Пресса откликнулась выходом ряда местно-язычных газет. Республиканское издательство «Мектеп» разразилось потоком книжной продукции. Советские фильмы подверглись дубляжу. Конечно, это делалось и прежде, но не в таких масштабах. Хорошо еще, что оставались центральные телеканалы. Их глушить, видимо, не осмеливались, хотя, может, и вовсе не собирались. Так что говорить о тотальной блокаде все-таки не приходилось, и это зачастую ставилось на вид русским, когда те возмущались засильем киргизского языка. Учить-то его от безысходности учили, но очень неохотно, словно веря, что еще вернутся старые времена.

Экзотика

Уш уже несколько месяцев читает какие-то редкие журналы на английском и много чего такого знает, отец ему их откуда-то достает.

- И что это за скинь кеды такие? — допытываемся мы.

Звучит как-то чудно, но Ушу верим.

- Хрен их разберет, — отвечает Андрей. — Они для негров, как теперь для нас — киргизы.

Киргизов в городе становится все больше. Тянутся из сельской местности, переезжают, сменяя скотоводство на городскую оседлую жизнь, за бесценок забирают квартиры и получают их какими-то непонятными, темными способами. Русские лица в толпе приходится уже выискивать, как в игру какую играешь: заметишь их на этом пятачке квартала или нет.

На улицах разбивают юрты. Иногда прямо в самом центре, неподалеку от оживленных магистралей и базаров. В академическом дворе тоже частенько стоят одна-две, но это если праздник на носу или событие: похороны, свадьба, религиозный Нооруз. Порой юрты ставят и для приехавших погостить родственников. Сами они, как правило, из горных аулов. В квартирах попросторнее, рассказывают, для гостей специально держат пустые комнаты, где почти нет мебели и полы застелены кошмами — нетканым коврами из верблюжьей шерсти. А если всем не разместиться, возводят войлочные жилища: круглые и с куполком наверху. Возле юрт ставят из глины очаги. И с утра до поздней ночи что-то на них шкворчит, распространяет мясные ароматы, в казанах готовят бараний плов, бешбармак. Плов едят руками, сев кружком, причем каждый выбирает свою дорожку к центру блюда.

За мясо признают лишь один сорт, и потому наблюдать на балконах верхних этажей топчущихся баранов уже давно не в новинку, хотя такой бесплатный зоопарк все равно приковывает к себе внимание. Будит по утрам отчаянное блеяние вместо петухов. Бедные животные блеют так настойчиво и протяжно, словно знают, зачем их привезли сюда в багажниках легковушек. Самому почетному гостю достается бараний глаз, — как растолковывают, символ мудрости и прозорливости. Получить его — признак большого уважения.

Чего мы не понимаем, так это зачем киргизы старшего поколения сидят на солнцепеке в пальто и платках. Горячий чай, еще булькающий в пиале, от жары спасает, знаем по собственному опыту. Но одеваться, как на Северный полюс, в таком пекле! Эффект, не исключено, тот же, но сами проверить это не беремся — засмеют. А то еще выкупают младенчика, вынесут его на свежий воздух, всего розовенького, и ну давай растирать по тельцу топленый бараний жир. И что это за гигиена такая?

Выживание

У Стаса не все гладко, загвоздка с переводом на пятый курс. Внаглую объясняют, что надо подмастить взяткой, иначе на хорошие отметки закроют глаза и не дадут доучиться. По этой же причине Андрей из углового подъезда никак не может получить диплом об образовании. У тети Анны Ястрижевской, дочери бабушкиной приятельницы, тоже сплошные неприятности. Ее увольняют с работы за какое-то несоответствие. Тридцать лет она проработала в университете на кафедре и соответствовала, но тут кому-то понадобилось повышение, и она пришлась не ко двору. С неделю назад ей, правда, повезло. Ее взяли готовить еду и прибирать в доме какой-то богатой киргизской семьи. Теперь она у них считается домохозяйкой, но выматывается так, что сама себя называет чернорабочей. А в свободное время, которого остается не так много, все равно ищет подработку, чтобы вытянуть трех своих девочек, одна милее и краше другой. Воспитывает их тетя Анна, после смерти своей матери, в одиночку. Муж ее давно погиб, его, возвращающегося с дачи на велосипеде, насмерть смял грузовик.

Как-то разом сдавшая Таня Крышина вместе с рано повзрослевшей дочерью Светланой выпутываются тем, что пекут на заказ пироги и сдобу. У них свой старый дом, и газ приходится покупать привозной. С ним перебои, и достать его можно только с переплатой, а один баллон и без того стоит очень дорого. Встают Крышины спозаранку, чтобы обойти соседей со свежей выпечкой да снести заказанное с вечера продавцам на мини-рынок к продмагу. Сперва пирожки у тети Тани берут вяло, с незнакомого стола-то. Но попробовав, чаще уже не отказывают. Хотя если опоздаешь к назначенному времени, пусть совсем немного, или что не понравится, сразу в отказ. И хлопотно угождать всем, и заработок ненадежный.

Рожденному на земле

Нам с мамой довелось побывать в Вологде за год до переезда. В восемьдесят девя-

том мне выпала возможность отправиться на соревнования по теннису в Бухару и Самарканд. Я по-прежнему усиленно занимался и в один из спортивных сезонов даже был назван четвертой ракеткой республики (конечно, среди своего года). Но вместо того чтобы отпустить меня на штурм кортов Узбекистана, мама предложила съездить почти за четыре тысячи километров в далекий неизвестный город. К тому времени она начала говорить, что мы можем попробовать туда перебраться.

Это громко звучит, но в Вологде я был и раньше. Я там родился и прожил первые три месяца своей жизни, пока мама не вернулась со мной обратно во Фрунзе. После окончания петрозаводского филиала ленинградской консерватории она попала по распределению в Вологду, несколько лет проработала в этом городе в областном музыкальном училище, вышла замуж и развелась. О ее разводе я узнаю за несколько дней до нашего путешествия. Раньше мне говорили, что отец умер, но оказывается, он жив и здоров, и семья у него новая. Просто теперь я уже взрослый парень и мне пора об этом знать.

Мама показывает свою свадебную фотографию. Я молча рассматриваю ее. Конечно, интересно, ведь это — моя мама. А кто второй человек, я не знаю до сих пор, да и знать не хочу. Потом я достаю из шкафа медаль «Родившемуся на Вологодской земле». Такие чеканили чуть ли не в тот лишь самый, семьдесят седьмой, единственный год. Кого ни спрошу, никто о таких знаках отличия ни разу не слышал. У моих вологодских сверстников таких необычных медалей почему-то нет. Я специально, правда, у всех не выяснял, но кому ни расскажу — удивляются, пожимают плечами, а покажешь — так даже вроде завидуют. Сама медаль массивная, рельефная, в прозрачную пластиковую коробочку запаяна. Солнце с ребенком, протягивающим к нему руки, изображены, а с другой стороны — про меня надпись, что, мол, есть такой, но ее уж по специальному заказу выводили. Многое из того, что делается, наверное, действительно делается к лучшему. И иногда это становится понятно, как мне это понятно теперь. Но в то лето, уже после поездки, я все же немного жалел о сорвавшихся соревнованиях. Бухара и Самарканд — жемчужины Востока, красивые города.

Наш переезд — дело времени, все идет к тому. Маму еще помнят по работе, специалисты в Вологде пока нужны, и даже с переводом и возмещением расходов по транспортировке грузовых контейнеров обещают постараться помочь. Во все это не верится, кажется сказкой, иллюзией, мечтой. Но теперь окружающее начинаешь воспринимать еще болезненнее. И мама себе места не находит, потому что здесь остаются друзья и близкая родня, остается могила ее матери и моей бабушки. Господи, до чего все это тошно и тоскливо, хоть волком вой, кто бы знал.

Чон-апа, мироносица

Раскаленная от зноя площадь перед кинотеатром «Ала-Тоо» запружена народом. В центре расступившейся толпы, колышущейся и нетерпеливо переливающейся, точно барашки иссык-кульской волны, — старуха. Взоры обращены к ней, настала ее очередь говорить.

- Русские нам помогли, — разносится кашляющий, под стать царящему суховею, голос чон-апы, как уважительно обращаются к женщинам в возрасте. — Они поднимали нашу республику, трудились вместе с нами, строили дома и больницы, делили невзгоды и радости. Почему не жить в мире? Чуйская долина большая, простора под нашим жарким солнцем хватит всем. Одумайтесь, ведь нам не из-за чего враждовать и подниматься друг против друга!

Большинство городских киргизов старшего поколения, успевшие, что называется, обрусеть, противились межнациональной распре. Аксакалам действительно нечего было делить с русскими, с которыми они уже успели породниться как в переносном, так и в прямом смыслах, смешанные браки раньше не были редкостью.

- Плохие люди есть среди каждого народа, — вещает чон-апа. — Нельзя говорить за всех сразу. Но рознь еще никого не доводила до добра. Не доведет и нас. Мир нельзя строить на крови. Кровью можно только сеять ненависть и вражду.

Слова тонули в полном бесшабашности гиканье. Несмотря на почитание старших, старуху втащили обратно в толпу, закрутили, оттеснили. Казалось, то, что она говорила, не отозвалось ни в одном сердце, не отразилось ни на одном лице. Молодежь ждала

не уговоров и воззваний к здравому смыслу, ее интересовали не просьбы и мольбы. Время слов минуло.

- Если бы мы все объединились против выживания и позорных унижений, не двинулись с места, нас бы не одолели, — примерно такие слова спустя много лет скажет мне директор нашего районного Дворца культуры. В один из приездов я загляну сюда, чтобы пройтись по залу, куда мы бегали мальчишками на сеансы по десять-пятнадцать копеек за билет, и совершенно случайно разговорюсь о житье-бытье с незнакомой мне женщиной. И я внезапно пойму, как справедливы эти ее слова.

За годы раздора пределы республики покинула десятая часть ее населения — четыреста двадцать тысяч человек, из которых, не найдя крова и приюта, рискнула вернуться треть, впрочем, считая вместе с вновь прибывшими. Большинство возвращенцев вернулись от отчаяния и неумения обустроиться на новом месте, лишившись привычного уклада жизни, хотя возвращаться приходилось в раздираемые распрями земли. В свое время только в Оше, городе к югу от Фрунзе, за три дня вырезали около четырехсот человек.

...Завтра наступит новая неделя. Разбившись оставшейся дворовой компанией на группки по двое-трое, мы отправимся в разные стороны встречать с работы своих матерей. Наши легонькие курточки скрывают обернутые мешковиной кухонные ножи с широкими отточенными лезвиями, предназначенными для разделки мяса. Кто знает, на что были бы способны мы, не приведи господи что. Но в нашем окружении нет ни одного человека, кто бы не догадался лишний раз поблагодарить судьбу за это незнание...

Костовое поле

Каныбек Алмазович Турабеков, дед Аскера, натравил-таки на нас интернатских. Занимая в этом располагающемся неподалеку спецучреждении заметную должность, он уже давно предлагал и мне, и парням из компании подраться с его воспитанниками. С пугающей настойчивостью, под смешок, обещал привести к нам во двор джигитов пятнадцать. Будучи наслышаны о его бойцовском самодурстве, мы все же не знали, как относиться к таким предложениям: со скучающей улыбкой в тон его не сползающим с лица ухмылкам, с настороженностью, балансирующей на грани загнанности, или со сдержанной снисходительностью, принимая во внимание преклонный возраст Турабекова-старшего?

Погромный рейд по нашему двору интернатскими уже проводился. Толпа человек в тридцать, вооружившись палками, пронеслась, круша плитку бассейна, ломая скамейки, обкладывая матом с ног до головы пенсионеров-шахматистов и обдирая с фруктовых деревьев яблоки и груши. Мелкое пакостничество, которое могло бы закончиться совсем по-другому, если бы мы вовремя не засекли их приближение и не разогнали по домам малышню, успев смотаться сами. Иначе досталось бы всем без разбора и мало не показалось.

Старика Каныя никто не посмел осудить. Доказательств не было, а наши слова на веру приняли единицы. Семья Турабековых жила во дворе с самого заселения дома в 1956 году, и поэтому их давно считали своими. «Такого коленца, — по выражению сухопарого домкома Коцерубы, — Турабеков выкинуть не мог». С Коцерубой многие считались, к его словам зачастую относились как к последней истине. Но мы и так знали, что нам не поверят. Самовыбранного наместника жилищно-эксплуатационной конторы Коцерубу всегда раздражали костры и печение картошки, беготня, прятки и «художественное черчение» на асфальте, неизбежное при игре в «Классики», альчики или в «Казаки-разбойники»; стреляные гильзы, «чеканбеш»-камни. А упустить возможность наперчить нам и отплатить, как он считал, той же монетой было не в правилах злопамятного активиста.

Короче, Каный еще пуще возжелал травли, которая, вероятно, казалась ему праведным возмездием. Он не ожидал, что мы осмелимся показать зубы и попытаемся противостоять. Теперь орудием был выбран собственный внук. Турабеков правильно рассчитал: никто из нас не ожидает подвоха от Аскера. Да тот и действительно был не при делах, еле разобравшись в случившемся только потом, когда ему все втемяшили на пальцах. А началось все с того, что с утра пораньше он обошел каждого из нас,

предложив разбить с его знакомыми несколько партий в бараньи костяшки. Но когда мы собрались, выяснилось, что игры не получится, силы игроков неравны. Подоспевшее с разных сторон подкрепление превосходило нас численностью раза в три.

Половина наших подалась влево, в массив одноэтажек с узкими петляющими переулками и коварными лабиринтами, заканчивающимися тупиками, где почти всех переловили. А часть — направо, через сквер, по иронии судьбы — на территорию самого интерната. За его ограду при любом другом раскладе никто бы не сунулся, но за нами гнались по пятам, и выбирать не приходилось. Хорошо еще, что Борис не любил играть в альчики.

У меня своя кривая. Я бегу, задыхаясь и морщась от колик в животе, словно туда всаживает тупую иглу медсестра-практикантка. Она до того неопытна, что раз за разом, как назло, норовит попасть в одну и ту же ранку. И когда это становится невыносимо, я подбегаю к человеку. Он киргиз, он взрослый. Впопыхах объясняю ему, что стряслось, и прошу проводить меня хоть немного, буквально пролет меж улиц. А там, собрав последние силы, я, может быть, еще успею долететь до двора, дома, квартиры на втором этаже и, сдергивая с шеи шнурок, на котором болтается ключ, заскочить в прихожую, захлопнув за собой дверь.

Но человек торопится и лишь советует мне пересечь интернат. Можно подумать, сам бы я не догадался, не возвращаться же! Значит, дальше придется чесать через Костовое поле к железнодорожному полотну, огибать пивбазу и, еще порядком проволоча ноги, вернуться в свою часть города по мосту, что ближе к стадиону. Маршрут в голове выстраивается сам. Что ж, получается солидный крюк, но если не мешкать, есть и преимущество. По крайней мере, во двор можно попытаться проскользнуть незамеченным.

Ворота заперты, и поэтому я останавливаюсь у забора с пиками. Поговаривают, что на их остриях истекала кровью не одна неуклюжая задница. Оглядываюсь. Взрослый человек, будто так и надо, тычет пальцем в мою сторону и что-то объясняет подбежавшим к нему преследователям. Их восьмеро, прикидываю я. Других не знаю, а Анвар и Сейтек — одноклассники, еще с самого первого звонка. Но в тот момент меня почему-то не удивляет, как они оказались в компании интернатских. Сейчас главная цель — оторваться.

Через ограду я перебираюсь раньше, это дает мне определенную фору. Но Костовое поле, названное так потому, что здесь часто режут и разделывают баранов, — довольно внушительный открытый пустырь, затаиться на котором нужна еще та сноровка. Мне ее будто не занимать. Дальше еще можно попробовать затеряться в штабелях строительных блоков и списанных рельсов у заброшенного депо. Но чтобы попытаться это сделать, чтобы потом добраться до Московской, 152, квартиры 5, нужно успеть преодолеть сакральное пространство — поле.

Домой я тогда так и не попал. Не попал я домой и в ближайшие две недели. Хотя не пойму, почему меня, уже загипсованного, нельзя было отпустить восвояси сразу же?

Часть III. БЕЖЕНЦЫ

Вологда — Мельбурн

А что я скажу Борису сейчас? Что скажет он мне? Мы не виделись уже много лет, последний раз — в девяносто третьем. Тремя годами раньше мы все же переехали в Вологду, сумев попасть в последнюю волну массовой миграции. И нам завидовал весь двор, потому что кто мог уехать, это уже сделал или непременно собирался сделать в самое ближайшее время. Всякое промедление и откладывание было подобно засасывающей трясине: чтобы хоть как-то ограничить отток русских специалистов, власти грозились ввести дичайший налог с квартирных операций, а жилье и без того уходило за половинную стоимость. Начинать новую жизнь на голом месте с грошом в кармане нечего было и думать.

Тремя годами позже нас семья Бориса уехала в Австралию: штат Виктория, город Мельбурн, район Илвуд. На переезд Миропольские собирали всем миром. Продали дом, оставшийся в наследство от родственницы в Оше, свою трехкомнатную квартиру, дачу с огромным садом, машину, безумно ценившееся в то время видео и много

чего прочего. Помогла родня из Одессы. Без родственников за границей, в США, Канаде, Израиле и Австралии, видимо, тоже не обошлось.

Первые годы я пишу Борису гораздо чаще, чем он отправляет свои конверты на мой адрес в общаге или, уже позже, в одном из переулков Заречья. Хотя писать письма ужасно не люблю, но пару лет после переезда доходило до того, что целыми месяцами я посылал письма по два-три раза на неделе. Сразу после эмиграции Борис тоже отвечал довольно регулярно. Повышенная потребность в общении после столь значительного события, наверное, появляется у каждого. Но со временем он стал писать все реже и реже, чтобы, возможно, не затягивать себя в ностальгию — тоску, которую время от времени испытываешь при плохом настоящем по самому лучшему, что было в прошлом. Вы сами понимаете, мне удобнее думать именно так, нежели отгонять прочь мысль, что с годами он просто забывает меня, фрунзенский двор и наше детство, проведенное вместе на улице Московской.

Дважды мы с ним уже созванивались. Все эти телефонные приготовления — целая эпопея. Своего аппарата у меня нет, кабель протянут «воздушкой», дом считается нетелефонизированным, хотя, что самое непонятное, три номера в нем все-таки есть. Но все ячейки заняты, а пускать на блокиратор — нема дурных. Это раньше без всякого разрешения с их стороны подсоединить могли, во Фрунзе так бывало. Но мои соседи и без того между собой чем только не запараллелены. Поэтому сообщаю Борису номер телефона наших с мамой друзей, семьи Козырь.

Готовясь к телефонным переговорам, сначала я пишу Борису, что в определенное время с ориентиром на московский часовой пояс жду его звонка. Предупреждаю месяца за два. Письма австралийскому другу я обычно отправляю с уведомлением. Приятно знать наверняка, получая открытку с его корявой подписью, что он в курсе. Тогда главным становится не забыть назначенного срока. Я всегда прихожу к Козырям раньше срока, в запасе еще есть полчаса. Эти полчаса изматывают полностью. Поминутные взгляды на циферблат, предвкушение разговора и полный разброд мыслей. И почему-то на память уже в третий раз, по числу ожиданий звонков за эти семь лет, опять приходит тот стекольный погром, как его окрестили в нашем дворе на Московской.

Стекольный погром

Мы лежим, прикрыв головы руками, на усеянном осколками ковре, под крышкой письменного стола, в разгромленной комнате. В два зияющих оконных проема, ощерившихся по краям острыми зубьями стекол, сквозь зелень ветвей и гроздья распустившихся акаций врываются камни. Разбивая вдребезги оставшиеся стекла, они крушат спальню: створки книжного шкафа, обрамленную фотографию бабушки. Оставляют на полировке фортепиано растрескавшиеся вмятины, что тут же распускают по инструменту свою паутину. Такого еще не бывало. Самое непостижимое в те моменты, когда я приподнимаю голову: почему цела форточка на окне во двор? Ее стекло лопнуло еще несколько лет назад, но до сих пор держится. До замены никак не доходят руки. А сейчас все расколочено, а форточке, словно заговоренной, хоть бы хны.

- Орус, орус, менен сеген! — в комнату врывается злобный крик.
- Что? Что они кричат? — спрашивает Борис, прижимаясь ко мне.
- Кричат, что мы — русские.
- А еще? Что они кричат еще?
- А еще кричат про матерей.
- Про наших с тобой? Про твою и мою? — продолжает допытываться он, напряженно вглядываясь в мое лицо.
- Нет, — говорю я, пригибая его голову к ковру и стараясь подобрать слова. — Про своих. Они у них ведь тоже есть.

В выкрики беснующихся вклинивается звон разбиваемых окон в других квартирах, на всех трех обстреливаемых этажах. Булыжников под ногами хватает, рассчитывать на лимит «боеприпасов» не приходится.

- А что они кричат про своих матерей?

Киргизский мат в школе он еще не проходит, но и так понятно, что нам выкрикивают совсем не поздравления и не пожелания добра. Тем более, что и это, и многое

другое приходится слышать в свой адрес практически ежедневно.

- Они жалуются, что те родили их на свет, — отвечаю я.

Несмотря на воцарившееся сумасшествие, лежать за письменным столом довольно спокойно. На улице если не камнем, то палкой или хлестким стручком Адамова дерева тебе по лицу или по спине обязательно перепадет, за день иногда и не раз. Теперь приходится выбирать меньшее из двух зол, и делать это день ото дня становится все труднее. Затворничество невозможно, а стоит переступить порог родной квартиры, как сразу же попадаешь на передовую. Причем действия ведутся по принципу: семеро на одного.

Нападающим присущи потуги на благородство. Остановленному на улице русскому парню с видом одолжения предлагают драться «по-честному, до крови, ты и я». Чтобы совсем не пасть в своих глазах и не доставить пущей радости линчевателям, вызов приходится принимать, зная наперед: все по-честному, без обмана — разве что у волшебника Сулеймана, а самому в лучшем случае ходить теперь с переломанным носом. Даже если и удастся справиться с первым, на смену побежденному тут же придет второй, четвертый, пятый. И так до тех пор, пока тебя не собьют с ног и не запинают уже всем бравым скопом.

Намедни по просьбе родителей Борис отправился в сквер Тоголока Молдо навестить отдыхающую там на скамеечке бабушку и заодно захватил ей свежую газету. Никаких волнений эта просьба не вызвала, но скрученную «Правду» он так и не донес. Вернулся домой без своих новеньких часов на пластиковом ремешке и с расквашенным носом. Зато без слез и с газетой. А проведать бабушку было делом нескольких минут: зеленый массив имени акына-сказителя простирался сразу за проезжей частью улицы Калыка Акиева.

В прошлый раз ему досталось вообще ни за что. Били из-за девяти копеек, отложенных на фруктовый шербет, и значка, сорванного-таки с футболки. После этого восьмилетний тогда пацан понял одно: у тебя всегда найдется при себе что-либо, оцениваемое в девять копеек. Поэтому обычно я, будучи чуть старше, составляю ему компанию: сходить к прохладным боксам пивбазы за цветными пробками от чешских «Окоцимов» или «Малиновых дедов», в булочную за присыпками. Несмотря на дневное время, я тоже чувствую себя неспокойно. Но вида не подаю, точнее, стараюсь не подавать, я — старше. Хотя почти не сомневаюсь, что блеск в глазах и частые оглядки, переходящие уже в привычку поминутно озираться, конечно, выдают меня и иногда с головой. Но удариться в панику проще всего. А какого-либо выхода чувство затравленности не дает.

Переезд

Наши контейнеры доставляли в Вологду-Сырьевую, видимо, ракетой. Через четыре дня тряски на поезде с пересадкой в Москве они уже ждут нас на товарной станции по месту назначения. Правда, диван раздавлен и сплющен, у книжных шкафов проломлены дверцы, крепления выворочены из пазов и пробиты задние деки. В таком духе все, хотя упаковывать вещи нам помогали люди знающие, у которых опыт перебазирований за плечами.

Скарб и общага — вот с чем остаемся мы в течение нескольких лет, потеряв круг общения и лишившись всего того, что составляет устроенность, быт и саму прежнюю жизнь, сменить которую, наверное, еще можно сравнительно безболезненно, когда тебе лет пять. Но зато над головой есть крыша. Вещи какие-никакие удалось вывезти, хотя не все. Спасибо и на том. Давка за грузовыми контейнерами была безумная. Мы томились в ожидании больше полугода, да и выбить удалось всего две трехтонки. Так вроде куда больше? А начинаешь прикидывать и промерять — откуда что берется! Благо водитель, душа-пьяница-человек, когда дошло до погрузки, перепутал накладные и вместо второй трехтонки привез пятитонку. За деньги и за водку он соглашается не увозить ее обратно. Контейнерщики теперь люди большие, не тебе, так другим обязательно пригодятся. Значит, можно срочно забрать из комиссионки, что в ганкинском доме, сервант и тумбочку под пластинки, она ведь у нас как родная, старенькая, конечно, но испокон верой и правдой служит.

Некоторые семьи в складчину покупают списанные полуразбитые вагоны, уже

отслужившие свое и давно сошедшие с рельсов. Проводят в них капремонт, восстанавливают. И когда таких «домиков» набирается достаточно, нанимают тепловоз. Чего только не рассказывают об этих железнодорожных караванах! Сразу за Пишпеком их загоняют в тупик и начинают выбивать мзду по новой. Обыскивают, перетряхивают. Нечем откупиться — выносят часть мебели, забирают белье, одежду, посуду. Всю технику (телевизоры, холодильники, пылесосы) изымают, нагло прикрываясь инструкциями и мерами пожарной безопасности.

А там, по следованию состава, на безлюдных степных просторах вообще творится мрак. Возрождается басмачество. Как в начале столетия, совершаются налеты и ограбления поездов. Только теперь нагоняют не на скакунах, а на автомашинах. Происходят и вооруженные столкновения. Люди пытаются дать отпор, но чаще всего уступают мародерам.

В Вологде нас поставили в многолетнюю очередь. Переселенцы из Киргизии стали получать статус беженцев лишь два года спустя, когда безобразия наконец были признаны таковыми на официальном уровне. В девяностом же ни ссуд, ни льготных условий нам не полагалось. Мы сменили относительный комфорт на шебутную неустроенную общагу.

На новом месте

Стук. Нетерпеливый, раздраженный, бередящий. Такой раздается, когда не работает звонок, потому что в трансформаторной будке в нашем переулке опять перегорел фазовый переключатель и в ближайших домах вырубился свет. Поспешно вскакиваю и, запнувшись спросонья о тапочки, спешу в прихожую. Кого это там в такую рань принесло?

- Кто?

«Сто грамм». «Конь в пальто». «Пень в манто». «Хрен с горы». «От вас позвонить можно?» «А Палыч где живет?» «Нам бы стакан, мы вернем». «Участковый». «Калорифер на газовой колонке менять». «Снять показания водосчетчика». «Крысы не беспокоят?» «Как с тягой?» «Распишитесь, вам телеграмма». «Ведро моркови и три кочешка капусты за бутылку не возьмете?» «Иван Федорович Крузенштерн: человек и пароход». «Хозяйка дома?» «У вас почтовый ящик горит и белье сперли!» «Кофточки пуховые недорого, не посмотрите?» «Ара, беженцы из Тогжикистона, да».

Такая дребедень целый день: динь-ди-лень, динь-ди-лень. Но ничего, помаленьку мы привыкаем к новым знакомствам, расширяем свой кругозор. Надеюсь, что со временем у нас в окружении появятся и те люди, которых мы будем сами с радостью приглашать в гости и с нетерпением ждать вместе с мамой у себя дома.

В сарае хранится коптилка и мангал с наборами шампуров. В саду возле дома я частенько устраиваю пикники. Этакий маленький уголок Средней Азии в северной губернии, из расчета килограмм баранины на рот. Там можно собрать всех тех, кого я теперь считаю своими товарищами. Будет очень обидно, если когда-нибудь выяснится, что это не так. Я выношу стол и стулья, нахлобучиваю, больше для смеха, поварской колпак и с видом заправского гурмана начинаю колдовать над мангалом. Ештэ, пэйте, сиводня ви мои госты. А когда выдается пауза, то шинкую папирусными ломтиками лук, помимо того, что уже томится в маринаде. Многие насаживают на шампуры целые ассорти ненужностей: дольки яблок, сердцевинки сахарных томатов. Ни к чему это, тем более что при желании все можно подать к столу отдельно, среди зелени. И ни в коем случае не стоит снимать мясо в какую-нибудь дурацкую пластмассовую тарелочку. Его нужно непременно есть с шампура и запивать выдержанным красным вином. Только покажите мне в Вологде хоть один магазин, где есть настоящие грузинские сортовые вина.

Ностальгия

Я наведывался в Бишкек позапрошлой осенью. Тогда Бориса уже и след простыл. Поднялся в бывшую квартиру, впустили, еще помнили, ведь этим людям мы поменяли свою двухкомнатную на их комнату в малосемейке с доплатой в десять тысяч рублей. Малосемейку мы просто бросили, выписавшись из нее.

Я медленно брожу по когда-то нашей квартире. Потолки, кстати, высокие, три сорок, и в свое время нам изготовили стремянку на спецзаказ. Чужие куртки висят на изогнутых медных крючках нашей старенькой вешалки. Кое-какая родная утварь разбросана по дому. Все так и не уместилось, поэтому что-то досталось в наследство новым жильцам: трюмо, табурет, прихватки, горшки с цветами, кружка с нарисованным Емелей, который «сторожил» губки для мытья посуды. В большой комнате вместо обеденного стола на полу развалилась циновка, а в кухне протекает потолок. Раньше над нами жила соседка со смешной фамилией Туча, она постоянно заливала нас своим размороженным холодильником. Туча уже умерла, а потолок «по привычке» все равно протекает. В мою комнату не попасть, там разобрана постель. Тусклый кафель на полу в ванной все так же обдает ноги прохладой.

Что говорить о том, что связано с этим местом, если здесь прошло больше двенадцати лет моей жизни? Молча выкуриваю сигарету, невпопад киваю головой на незатейливые вопросы, благодарю, прощаюсь и выхожу. Подъезд тоже хранит частичку нашего. Синяя краска на железном почтовом ящике местами облупилась, но сам он смотрится еще хоть куда. Правда, сквозь пыльные отверстия не проглядывают газеты, и наш верный посредник с цифрой «5» уже давно не везет службы. В детстве я был уверен, что в школе буду учиться на одни пятерки, потому что у нас и ящик был «отличный», и номер квартиры с пятеркой «совпадал».

Двор опустел. Фонтан давно забит. Ограда разобрана. Одной беседки нет и в помине. От второй, что ближе к моему подъезду, остались остов да крыша. Телефонные будки, ларек печати и автомат с газировкой, стоявшие возле остановки, списаны в утиль за ветхостью, непригодностью и давностью лет. Сама остановка тоже упразднена. Теперь до транспорта нужно идти пару кварталов вправо, до улицы Логвиненко, или влево, до Белинского, которые сейчас обе переименованы. А ведь это — все тот же центр города, да что города — столицы! Если его, конечно, тоже не сместили и не перенесли.

Собрать дворовую компанию не удается, да ее уже давно и нет. Андрей из углового подъезда живет отдельно. Квартиру удалось купить, ведь у него с женой растут двое детей. Стас узнает с трудом и смотрит на меня снизу вверх. А каким великаном он казался нам раньше! Стас работает при каком-то институте, его родители уже вышли на пенсию. Из Турабековых я застаю дома только Аскерушку. Улыбается и говорит, что помнит. Но во двор не выходит, а пригласить в квартиру просто не догадывается. Стоять на лестничной площадке, в дверном проеме, неудобно, и мы вскоре прощаемся. Он все учится в школе, хотя я так и не понял, в каком классе. И почти, как сказал, не болеет.

Лешку Меньщикова вызвонить все никак не удается. Его мать где-то отдыхает, а он сам, как рассказывают во дворе, уже который год ухаживает не то за киргизкой, не то за кореянкой. И дело полным ходом движется к свадьбе. Его за это осуждают. Цокают, нет чтобы ему русскую найти. Тетя Таня выбор сына вроде тоже не особенно одобряет. Андрей Ганкин пропадает в командировках. Его бабушке Генриетте Исааковне уже под девяносто. И хотя все больше она похварывает, до сих пор выходит гулять сама в своих знаменитых коричневых туфлях а-ля «Старый вальс», которые я помню еще со времен трости Анны Семеновны, прабабушки Димки Дроздова. Уш нагоняет меня у «девятиэтажки», когда я, уже в последний перед отъездом раз, захожу к нему и опять ухожу ни с чем. Но у него очень мало времени, он куда-то торопится. Поэтому мы опрокидываем по пиву, обмениваясь беглыми экскурсами, да так по-дурацки и расстаемся.

Манштейны еще в городе, но съехали со своей квартиры. Мамырины собираются в Калининград и уже упаковывают вещи. Их Димочка вырос и очень похож на Вадю. Берта Владимировна Усецкая несколько лет назад умерла прямо на своем балконе, среди леек и цветов. А Ада Васильевна Сошникова разводит у себя на третьем этаже кур. Сейчас введена национальная валюта, сомы и тыйыны, и все безумно дорого. А это кудахчущее хозяйство ее все-таки выручает. Дроздова оставляю напоследок. Мы допоздна сидим с ним на кухне. Изменился, но узнаваем. Тоже ниже меня ростом. Взгляд прежний. Только улыбка какая-то усталая и нечастая, и лицо чуть тронуто оспой. Институт он уже закончил, но получить диплом — проблема, да и по специальности не устроиться. Димка пошел по стопам отца, а на ТЭЦ сейчас сокращения. С отцом

и бабушкой он видится часто. Петр Васильевич, дед, полтора года назад не перенес очередного инфаркта. Новый муж матери, тоже Петр, пьет крепко и подолгу. В начале вечера они сидят с тетей Светой вместе с нами за столом, но вскоре уходят. Наутро мы расстаемся с Димкой. Он медленно провожает меня до остановки, и мы долго ждем, пока придет нужный автобус. Годами раньше так же провожал его я. Но в другую часть города, а не в другое государство.

Сам Фрунзе превратился в один огромный, нескончаемый базар. Торговых рядов не видно, но они тянутся в каждом дворе, пересекают площади, вьются и петляют вдоль арыков. Но нет ни шума, ни привычной сутолоки, ни торга и приценивaний. Не услышать и обычного заманивания и похвальбы: «половина мед — половина сахар». Торг идет по городу неспешно, сонно. Никто не хочет покупать выставленный товар, и никто не хотел бы с ним расстаться. К тому же сами продавцы знают, что вряд ли их утварь вызовет у кого-нибудь интерес. Это люди выносят на продажу все, что к чему-то годно. Оставляют по количеству членов семей посуду и расстилают на земле или на ящиках газеты и целлофан с «лишними» чашками, вилками, блюдцами. Чего здесь только не увидишь: солнцезащитные очки в давно вышедших из моды огромных оправах и разнокалиберные расчески, потускневшие игрушки, чьи первые владельцы давно выросли и уже успели состариться, потертые ремни и пожелтевшие фетровые шляпы, переключатели и провода, транзисторы и открывашки, сломанные зонтики, шампуры и открытки с видами хребтов Таласского Алатау и Кюнгёй-Ала-Тоо. Все, что хранилось в домах и служило годами. Все, что так дорого памяти и мило сердцу, но не нужно никому, кроме тебя. И что в лучшем случае удастся сбыть за бесценок, отчего станет еще горше. Хотя людям и без того свойственно переоценивать то, чем они владеют. Вырученные гроши все равно не спасут. Каждое утро с этими вещами и вещичками мысленно прощаешься, и каждый вечер, как дитя, радуешься тому, что они остались при тебе и вернулись под твой кров, но вздыхаешь, что опять так ничего и не заработал. С новым днем возвращаются эти мучения и охватывает чувство стыда. Но люди вновь разворачивают на улицах и на скамейках перед подъездами свои домашние базарчики, пряча взгляд от прохожих и от соседей, и желая, чтобы скорее закончился еще один день. И так повторяется снова и снова. Существенное уже давно распродано. Мебель сдана в комиссионки, книги — в скупки, украшения и кое-какие ценности заложены и перезаложены в расплодившиеся ломбарды. Люди уже не надеются, что выкупят их обратно и что со временем восстановят библиотеки. Имущество и обстановка тают с каждой неделей. А вера в то, что многое, если не все, когда-нибудь вернется, потеряна и даже у самых хорохорящихся оптимистов призрачна.

На проводе детство

Из кухни меня вырывает телефонный звонок. Сорвавшись, несусь в комнату.

- Да, алло! Борис?! Борис, алло! Тьфу ты, черт! Алло! Борис!

Ошиблись номером. Пятилетняя Даша, дочь Козырей, теребит ручонкой телефонный провод и спрашивает:

- Это Австралия говорит? Если Австралия, то пусть они нам долларов пришлют, хоть немного.

Не хочется признаваться, но мне и без того неловко рассказывать в письмах какие-то новости, не отличающиеся особым оптимизмом. Опасаюсь, что Борис и вовсе может подумать, будто я на что-то жалуюсь и чего-то, намекая, прошу.

Сытый голодного не разумеет — это точно. Мамина приятельница по фрунзенскому музучилищу, перебравшаяся в Германию, скитаясь по собственному дому и постоянно отдыхая в разных частях света, время от времени пишет, что в трудный для России час мысленно она с нами и прекрасно понимает, как нелегко приходится в разваливающемся государстве. А после таких выражений солидарности бесхитростно признается, что-де поездка в Париж на автомобиле была чересчур утомительной. Или что от преподнесенного ей местным издательством компьютера (от безделья она начала «складывать и публиковать вирши») у нее раскалывается голова.

Борис не такой, он просто пишет, что у него все хорошо. Одно время он немного поработал и купил компьютер. Садился по утрам на велик за шестьсот сорок долларов и крутил педали, зашвыривая на газоны перед домами почту. Я отвечаю ему, что тоже

сумел наскрести денег на ремонт своей старой механической машинки «Любава». Знаете, письма — это все-таки хорошо, но разговор по проводам — как для страждущего глоток воды. И чем осмысленнее произносимое, тем тяжелее оторваться от трубки.

- Ты меня что, плохо слышишь? — спрашивает Борис.

Он тоже, видимо, взволнован. Он тоже по мне, надеюсь, соскучился. Но по сравнению со мной он — просто спокойствие. До такой степени, что я начинаю казаться себе неуместно сентиментальным. Телячьи нежности.

- Почему? — продолжаю кричать я. — С чего ты взял?

Просто нужно успокоиться и привыкнуть к нормальной связи. Как у меня дела? Ну что ему на это сказать? Что я! Как ты? Занятия карате он не оставил, но поступать в институт спорта передумал. Что-нибудь связанное с медициной — другое дело. Другое, соглашаюсь я. Там это почетная и уважаемая профессия. Семейный бюджет приехать ему позволяет, но сам он еще не работает, а родители копят деньги на особняк, и поэтому с визитом пока придется повременить. Я делаю вид, что все понимаю. Только в одну сторону билет из Австралии стоит больше тысячи американских долларов. Так как у меня все-таки дела?

- Да нормально! — опять кричу я.

О чем он спрашивает меня еще? Мама, как она? Спасибо. Болела, но сейчас — тьфу-тьфу-тьфу. Да, большая радость. На зиму я припас картошки, затарив два отсека кессона, врытого под сараем. Я притащил ее с поля Прилуцкого монастыря — разрешили копать всем кому не лень, сами убрать все равно не успевали. Мне было не лень до такой степени, что за две ходки я умудрился приволочь на горбу сто шестьдесят килограммов. Моросили дожди, и желающих была тьма. Грибов еще набрали, и на жарку, и на варку, и на мариновку, и на соленьице. Это я все потому, что Борис спрашивает, действительно ли в России голод?

Мы разговариваем с Борисом по телефону целых двадцать три минуты, по минуте на каждую тысячу километров, что разделяют нас. Часы висят у меня перед глазами, и я невольно замечаю бег стрелок. Трижды прерываю его, опасаясь, что это слишком дорого, но Борис уверяет, что уж это-то ему по карману. В четвертый раз я все же убеждаю его прощаться. Двадцать три минуты, а если разобраться, что мы успеваем сообщить друг другу?

- А помнишь?

- Помню, Борис. Конечно, помню...

...А еще как-то раз нахожу у Григория Бакланова в «Пяди земли»: «Где-нибудь в Австралии вернулся сейчас мой ровесник с работы, ужинает у себя дома. Война там, в России, за неоглядной далью, за снегами. О ней он знает по газетам, а свои заботы близко, беспокоят каждый день. Может, не так велики эти заботы, да ведь свои».

Эти баклановские строки я привожу несколько лет спустя, уже в российско-австралийском послании. И может быть, поэтому они кажутся мне такими верными и близкими, хотя в самом произведении речь идет совсем о другом.

И еще один абзац я аккуратно, лишь с небольшими пропусками, переписываю из этой же повести: «А под деревьями стояли парочки и, затихнув, ждали, пока мимо них пройдут... Их нет теперь, этих улиц. После отстроят новый город, родятся в нем люди и вот таким будут знать и любить его с детства. Но тот город, в котором родились мы, бегали в школу, влюблялись впервые, — того города уже нет. Он погиб... и живет только в нашей памяти. Не будет нас, не станет и его, даже если сохранятся фотографии. С холодной точностью воспроизводя вид зданий, они не передают то, что знали в нем и любили мы. А главное, в новых людях, когда они со спокойным любопытством будут смотреть на эти фотографии, не вздрогнет и не отзовется то, что отзывается в каждом из нас, лишь только коснешься воспоминания. Очевидно, с каждым поколением навсегда уходит неповторимая жизнь. И с каждым новым поколением рождается новая».

«Боже мой, как верно, — думаю я. — И про детство, и про школу, и про первую любовь, про фотографии, воспоминания и жизнь, уходящую и рождающуюся».

И я знаю, что эти строки, несмотря ни на что, написаны и про наш город, про наше детство, про нашу в этом детстве жизнь.

Нина ВЕСЕЛОВА

ПОВЕНЧАНЫ НАВЕКИ

Белозерская трилогия

Письма из деревни

Эти очерки я написала десять лет назад и принесла в газету. Но что-то где-то не состыковалось, и публикации не случилось. Зато случился дефолт, который окрасил все нормальные прежде издания в желтый цвет. И я положила свое сочинение в долгий ящик.

А теперь нечаянно обнаружила. И когда перечитала, то поняла, что оно не умерло, а напротив, продолжает жить, наполняясь - из-за давности лет - новым содержанием. Ведь чем дальше от чего-то мы отступаем, тем более видны нам общие контуры событий и их связи и взаимопроникновения. И вместе с тем...

«Уж десять лет ушло с тех пор - и много Переменилось в жизни для меня, И сам, покорный общему закону, Переменился я...» Да, конечно. Но и герои мои - тоже. Что произошло в их жизни за минувшее десятилетие? Не рассказав об этом, вряд ли я буду интересна сегодня читателю.

И судьба опять распорядилась сама - выпал мне казенный путь в тамошние края, и повидалась я снова с моими давними знакомыми. Но об этом - в конце, когда вы узнаете их поближе. А сейчас - вернемся в год 1997, когда писались эти очерки и на душе не только у меня было мучительно тревожно.

Есть места на земле, с которыми Всевышний почему-то решает повенчать тебя навсегда. И с первой, случайной, казалось бы, поездки манит тебя туда вновь и вновь неудержимо и властно. И с каждым разом все более приоткрывается тебе сокровенный смысл того, чем живут - внешне незаметно и неброско - тамошние люди. И в тебе самой пласт за пластом обнаруживаются вдруг такие глубины, о которых ты и помышлять не смела, когда впервые брала билет в те далекие края, которых вроде и не касаются волны большой жизни.

Таким заповедным для моей души, среди немногих прочих, стало с 1972 года Белозерье - край, возлюбленный заезжими живописцами, увековеченный своими березами в шукшинской «Калине красной», край, ставший для меня крестным в моих журналистских поездках и определивший мой газетный почерк. Благословляю его вместе со всеми дорогими мне людьми, которые подсказывали обычные земные адреса и - невидимые тропинки к человеческим сердцам, которые подвозили меня на попутках и подкармливали в неурочных скитаниях, которые просиживали в беседах со мной до полуночи и помнили обо мне уже и по расставании долгие годы.

Смогу ли я отплатить им достойно за их внимание и доверие, за их готовность вместе разрешать мучительные парадоксы нашей действительности? Во всяком случае, я постаралась сделать первые шаги на этом пути, приоткрыв хотя бы для самой себя рубрику «Вновь я посетил...» И то, что написанное сегодня никак нельзя считать окончательным, надеюсь, ясно без лишних объяснений, - ведь жизнь на земле продолжается и после того, как мы поставили на бумаге заключительную точку.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Очерк первый

Когда бы сесть и сегодняшним умом начать писать о тех далеких днях, то можно сочинить красивую мудрую историю, лишенную, вместе с тем, правды времени. Ведь нерв его - не только в достоверных фактах, но и в словах, сложившихся в очерки именно в те годы. Проникнутая всеобщим духом патриотизма, молодая и наивная, без сомнений и глубинных тревог, я и песни свои журналистские пела на том языке, который соответствовал моему тогдашнему возрасту. И если теперь я кое-что не переписываю заново, то лишь из соображений истинности: пусть и меня читатель проследит в развитии, над которым немало поработали те, о ком я теперь и начинаю рассказ. Итак...

Вряд ли кто на моем месте в первых же строках своего сочинения о Нине отказал бы себе в банальном удовольствии обыграть ее фамилию, потому что больно уж она редкая и говорящая: Радостная. Хотя Нине она досталась от мужа, а посему если как-то и повлияла на ее жизнь, то лишь на вторую треть. Первую же она прожила Нахаловой, что тоже было не много проще. Всем же хочется ассоциировать человека с первоначальным значением слова, несмотря на то, что корни наших фамилий уходят так далеко в прошедшие века, что к нам сегодняшним их этимология уже не имеет никакого отношения. Но это мы сами о себе знаем, а окружающие...

Даже очень образованная и интеллигентнейшая моя приятельница, которую я как-то мимолетом познакомила с Ниной, откомментировала свое впечатление недоуменно-жестко: «Какая же она Радостная - с таким кислым лицом?» И я промолчала, потому что не станешь же навязывать свое восприятие человека тому, кто им совсем не интересуется. Надо обязательно в чем-то пересечься судьбами, чтобы ощутить нерв чужой жизни. Тогда и лицо друга будет говорить тебе очень многое. Так, даже под маской радости я всегда угадаю в Нине и грусть, и тревогу, и потерянность. Как и все, она имеет право быть разной. Сказал же поэт, что тот, кто постоянно весел, скорее всего, просто глуп. А Радостная... Впрочем, судите сами.

Часть I. Прежде

1. На виду

В начале семидесятых прошлого уже века комсомольская организация колхоза имени Ленина, которую возглавляла Нина, была лучшей в Белозерском районе, и это послужило поводом, чтобы я приехала туда корреспондентом от молодежной газеты. Прежде мы не совсем сами выбирали себе героев публикаций - их кандидатуры согласовывались в обкоме, а уж в райкомах комсомола обязательно. И справедливости ради надо сказать, что рекомендованные в большинстве своем оказывались очень даже неплохими людьми. Однако надо же - почти никто из описанных мною комсомольских вожаков не оставил зарубки в моем сердце! Или их полная слиянность, согласованность с системой, в которой они были узловыми точками двусторонней связи, не позволяли разглядеть самобытность личности? Или ее и не было, этой человеческой определенности?

Нина сразу запомнилась мне чуть настороженным, исподлобья, взглядом, который будто вопрошал: все ли так? и ладно ли, что во мне столько смятения? я иду навстречу каждому с открытым сердцем, зачем же люди бывают так хитры и неблагодарны порою? С таким выражением глядела она в молодости на каждого, с кем вынуждена была общаться как комсомольский секретарь. С девчатами, правда, было легче, те, пока не обзаводились семьями, безропотно исполняли все поручения, которые были им по силам. А вот парни...

Когда Нина после Кирилловского культпросветучилища появилась в Никоновской в Доме культуры, ее встретила ватага парней, которая во хмелю не только колкости и дерзости себе позволяла, но и стекла била, и стулья ломала, не говоря о драках меж собою. Нина с подругою губы кусали, но терпели, решили голос на юношей не повышать, не унижать их, не командовать, а просто высчитывать с виновных через колхоз

за все испорченное и их же самих вынуждать исправлять последствия «подвигов». Иногда прибегали к крайним мерам - вообще не открывали клуб, тем самым лишая всех, и повинных, и невиновных, возможности привычно провести досуг. Ждали, когда в ребячьей среде обнаружатся те, кто скажет своим товарищам «хватит». И такие нашлись.

Этот перелом в настроениях молодежи был первой и главной нининой победой. Дальше на нее уже работал ее авторитет. Бросят, бывало, ребята сигарету на пол, ей только молча посмотреть на них стоит - вернутся и поднимут. Хмельных и сквернословов, едва заметив тень на нинином лице, выпроваживали сами. По первому зову шли на субботники - территорию прибирать, заготавливать для клуба дрова. И на комсомольские собрания никого не надо было затягивать, потому что благодаря Нине разговор на них был строгий и деловой, без пустословья - секретарь вникала в проблемы и затем отстаивала интересы молодежи и на правлении колхоза, и в райкоме комсомола. Через это молодые механизаторы получали лучшую технику, новые квартиры, путевки...

Не верится даже, что такое возможно было когда-то! А мы еще тучки умудрялись выискивать на безоблачном до горизонта небе.

Теперь Нина и сама понять не может: ради чего, например, не девчата даже, а парни соглашались ходить из дома в дом, от старика к старику, записывая историю села? Что их вело при этом? Конечно, не комсомольское нутро, это мы и тогда с Ниной сознавали. Однако сейчас вы можете себе представить, чтобы кто-то из молодых, не школьники и по заданию, а зрелые парни и по собственной воле, ради идеи, пошли бы по людям с подобной миссией?

И вместе с тем из сегодняшнего далека кое-что в тех днях выглядит и комично. Нина с бывшим парторгом сами над собой смеялись, вспоминая, как ездили они по полям во время сельхозработ агитаторами. Едва ли не вприпрыжку приходилось бегать за техникой, уговаривая занятого делом человека выслушать политинформацию. Солнышко высоко, до обеда далеко... Однако и у работников агитслова своя отчетность, свои начальники, не вырвешься из их объятий. Ловили миг, когда механизатор залезал под трактор или комбайн, чтобы туда, под железное брюхо, кричать ему:

- Иванов в десять утра был впереди тебя на две сотки. Поднажми!
- А в Южной Америке опять наводнение, слышал?
- Зато соседи на вспашке на двадцать гектар от нас отстают!
- А в Китае волнения студенческие. И чего им надо?
- Вы бы лучше солярки подсказали подвезти, а?!

2. Зря прожитые дни

Странная была жизнь. И те, кто занят был в ней конкретным земным делом, пожалуй, понимали, что к их успехам усилия идеологической надстройки имеют очень косвенное, за уши притянутое отношение. Но великодушно позволяли ей паразитировать на себе, как позволяем мы неразумным детям кое в чем вить из нас веревки. Однако в случае превышения дозволенного у труженика всегда был выход: положить на стол партбилет и вновь обрести свободу. Тот, кто зарабатывает на жизнь руками, а не языком, никогда не стремится вверх по служебной лестнице, нутром чуя, что отрываться от земли опасно: падать слишком больно будет, да и столкнуть могут, если вдруг на какой-то ступеньке слишком тесно станет.

А комсомольские вожаки, мною встреченные, в большинстве своем карабкались в высшие сферы, четко помня, что на каждом служебном этаже позволено, а чего разрешать себе нельзя. Души у них от рождения к тому призваны были, что ли? А Нине, выходит, какой-то иной опыт предстояло накопить на этой земле?

Поначалу казалось, что и кручиниться не о чем, когда все так складно на работе. Старые Нинины письма - свидетели тех давних дней.

«Я не могу забыть, как чествовали мы в клубе молодых механизаторов. Весь зал встал и рукоплескал, когда двадцать человек, такие высокие, такие могучие, вышли на сцену. И руки не знают, куда деть, и как ступить, не знают, и куда смотреть. Зато потом говорил народ: после такого из колхоза стыдно бежать! Да и не бегут давно...»

Тогда председатель колхоза имени Ленина Леонид Михайлович Богданов на мой вопрос о культуре на селе ответил:

- Во всяком случае, это не только клуб. Скорее - состояние духа.

А состояние духа, все мы помним, было приподнятым. И в Никоновской - во многом благодаря Нине. Она умела общаться и с ровесниками, и со старшими, и делала это не по обязанности, а по движению сердца. Поприветствовать на улице, расспросить про здоровье, про хозяйство, про детей - несложно вроде, а не каждый умеет это так, чтобы обоюдно потеплело на душе. Потому, наверное, люди и откликались на любой нинин призыв и спешили в клуб.

После одного из первых удачных праздников в Доме культуры прибежала она домой и бросилась в объятия свекрови:

- Господи, мамочка, победа!!

«Ни разу прежде не доводилось мне переживать подобного восторга, - писала Нина мне. - Сколько пришлось поездить по деревням, переговорить с каждым учителем-ветераном, поплакать вместе... И вот вечер начался - под вальс «Школьные годы» ветераны вошли в зал, и все присутствовавшие поднялись, осыпая их аплодисментами. И на едином дыхании пролетел весь вечер - поздравления, благодарности, слезы. И люди, все-все, вдруг стали такими красивыми!»

Славная была жизнь...

Чего стоят хотя бы воспоминания о 19 съезде комсомола, делегатом которого была Нина. По Вологде их, немногих счастливчиков, сопровождал кортеж машин с мигалками. Одежда с иголочки. Едва ли не возле каждого - охрана. Звездный час! А в столице... Перевозбужденный зал, взрывающийся овациями по каждому поводу, упоение причастностью к судьбе страны, бешеное биение сердца. И затем возвращение - с новеньким блестящим дипломатом, подаренным каждому, с альбомом фотографий дорогого Леонида Ильича...

Как же она, так тонко все чувствовавшая Нина, могла тогда назвать новым зарядом энергии то, что вовсе им не было? Или и впрямь был он, но исходил не от сидевших в президиуме дремлющих фигур, а от тех, кто находился рядом с Ниной и делился сокровенным? Ведь не одна же она в стране страдала от недовольства собою, не одна чувствовала, что топчется на месте, и не по своей воле. Ей очень нужно было общение с единоверцами, и она повстречала их в Москве. И потому, наверное, не сломилась, не продалась ради заманчивой карьеры.

А многим в те годы было поперек горла ее упрямство! Распалась клубная агитбригада, когда-то своими частушками принесшая местным ребятам областную славу. «Почему допустили? Почему не возрождаете? - спрашивали со стеклянным взором. - Чтобы немедленно восстановить!»

- Ну почему, почему нужно искусственно поддерживать то, что было естественным порождением молодости и дружбы, а затем изжило себя? Это же так объяснимо! - почти плакала передо мной Нина.

Так же выступала она и против насильственного насаждения в клубах лекций, читаемых неспециалистами. Кому нужны они, когда пресса и телевидение доносят все до людей на много более высоком уровне?

Теперь-то видно: права она была. И в том лишь беда, что шла впереди времени, впереди приказов свыше. За версту чуяла мертвечину.

И положение ее становилось с каждым днем все более ложным.

«У меня не хватает смелости наступить на обстоятельства и что-то изменить. И мне горько оттого, что я чувствую зря прожитые дни», - выливала она свое отчаяние в письмах.

Это у нее-то, думающей и страдающей, - зря?! Что же тогда говорить об иных!

Но как могла помочь я? Чем убедить в праведности ее позиции? В газетах тогда не в почете были рефлектирующие личности - какой пример они подадут другим? Вот и вознамерилась я поддержать ее морально с помощью Москвы - куда уж авторитетней! Подала на одну из документальных студий заявку на фильм о ней под названием «Зря прожитые дни». Чувствовала: Нина с ее характером явно «тянула» на героя своего времени.

Однако «кина» не вышло: в доживавшем свой благополучный век кинематографическом царстве лежали горы заявок на картины о подобных людях.

Но напрасно я огорчилась тогда! Значит, страна снизу давно готова была к переменам. Все ждали лишь команды с верхних этажей лестницы.

Нина не дождалась. Отступила. Не стала ни хозяйственным, ни политическим деятелем, даже в сельсовете работать не согласилась. Ушла в тень.

Но отступила ли?

Часть II. Теперь

1. До основанья

Мы долго не виделись. Дети наши из школьников превратились в женихов и невест. Огромная держава распалась на части. Один из лучших колхозов области утратил все, что имел.

И только Нина осталась прежней: нарочито сумрачно глядела исподлобья и немо вопрошала. Над каким неразрешимым вопросом билась она теперь? Как свести концы с концами? Пожалуй. Ведь даже в деревне, где все, казалось бы, свое, мало кто не ведет счет копейке.

Нет, не стала Нина зажиточной, напротив - даже без коровы семья сейчас, на дворе - самый минимум скотины, потому что управляться особо некому. Но я, боящаяся чужого уныния, не услышала от нее банальных жалоб на обстоятельства, наоборот.

- А ну-ка, Маша, - попросила она дочь, - покажи-ка курточку, которую мы сшили!

И красавица Маша, завтрашняя выпускница, покрутилась перед нами в самодельной обнове, ничуть не уступавшей по нарядности импортным вещам.

- Ты знаешь, - прямо, как прежде, без нащупывания подходов к теме, созналась Нина, - я несколько лет была сама не своя, особенно с началом перестройки. Все полетело в тартарары, весь прежний смысл жизни. Хотелось лечь и не вставать, никого не видеть. Жуткое чувство отторгнутости, покинутости, невостребованности.

- Но разве не ты всегда протестовала против того, что и было наконец названо своими именами?

- Да, но зачем и ребеночка-то с водой выплескивать? Зачем опять все рушить до основания? Наверное, мы единственная в мире страна, которая обретает память только через утраты. Вместо того, чтобы любить, жалеть и беречь все, что есть рядом.

- Ты про развалившийся колхоз?

- И про страну тоже, только жалко тратить силы на подобный разговор, и так всем все ясно. Ведь если бы сделать все разумно, не торопясь, не было бы теперь такой разрухи. Ладно - постройки, коровники, дороги, за всем этим нужен постоянный уход. Но ведь даже тысячелетние озера, и те не вынесли нашей бесхозяйственности, мелеть начинают, болота пересыхают. Что мы оставим детям и внукам? Я вот недавно на малую свою родину ездила с дочкой...

В глазах у Нины сверкнули слезы.

«Мама родилась в маленькой деревне Першино перед Шолой. Теперь ее уже нет, и мама даже не узнала это место, так все заросло травой. Этому поселению было бы сейчас 310 лет. Мой дед Федя рассказывал, что семьи там жили большие, шумные. А теперь вместо деревни пустырь. Мама стояла и плакала...»

- Ты так и не приросла сердцем к Никоновской?

- Не знаю, - помедлила Нина. - Раз корешки новые тут пустила, наверное, приросла. Но ведь это не справедливо, согласись, что там, где веками жили люди, теперь не звучат детские голоса! Перед войной у нас в деревне было пятьдесят человек. А двадцать лет назад я уехала оттуда последняя...

И Нина, как всегда, если она в ударе, заговорила гладко и возвышенно, словно зачитывая вслух написанный ею, давно выношенный текст:

- Если открыть Книгу памяти района и посмотреть, насколько богат был людьми наш край, то сердце кровью обольется - мы вымираем! И разве могли предположить такое наши предки, когда из года в год играли здесь свадьбы, рожали детей, растили хлеб, провожали на войну защитников, хоронили стариков, сочиняли предания? Но 20 век подписал суровый приговор, и мы стали его жертвами, и деревни превратились в урочища, в безмолвные поля...

Она тревожно-вопросительно посмотрела на меня и добавила:

- Я написала об этом в районную газету, отправила, а потом позвонила. Обещали напечатать, только извинились, что помочь-то мне ничем не могут. Да разве помощи я жду? Просто я знаю, что многие чувствуют такую же боль, что и я. Быть может, все

вместе своими мыслями мы что-нибудь сможем изменить.

- Ты идеалистка?

- А ты разве нет? - в уголках нининых губ на миг возникла и погасла улыбка понимания. - Все начинается с идеи, а она уж рождает наши дела, плохие или хорошие... Ты вот можешь представить, что Никоновской нашей исполнилось уже 550 лет! Первый раз она упоминается в грамоте 1448 года как пожня, которую Гридя Степанов пожаловал Кириллову монастырю. Сколько всего случилось за минувшее время, это вообразить только!.. Какой материал для музея можно было бы собрать!

- Кстати, кстати...

Мне вспомнилось давнее нинино письмо после одного из ответственных вечеров. Тогда в молодежной газете я вела рубрику «Корень рода», приглашавшую комсомольцев оглянуться на прошлое своих предков.

«Прочитала - и стыдно стало, - отозвалась Нина. - *Как плохо мы знаем свой край, людей, в нем живущих! А точнее, не знаем совсем. Вот какой пример заставил меня прийти к такому выводу.*

В конце прошлого года мы решили взяться за совершенно новое дело. Итогом не очень уж кропотливой работы культработников стала выставка изделий народных умельцев. Но какой огромный интерес вызвала она среди сельских жителей! Работы представили 40 человек. Были среди них и вологодские кружева, полотенца работы разных лет, домотканые скатерти, половики и современные изделия, вязанные крючком, вышитые гладью, были изделия из дерева, юбки начала века и многое другое.

Казалось бы, ничего особенного не было в этой выставке. Но это только казалось нам, прежде равнодушным к искусным рукам своих земляков. А получилось, что таким не новым призывом - показать свое мастерство и умение - мы глубоко затронули душу каждого. 200 человек прибыло в Дом культуры на вечер. Бывало ли у нас когда-нибудь столько народу, столько неравнодушных, благодарных сердец? И главное, что эти люди готовы были откликнуться на наш новый призыв, они ждали его от нас.

Я представляю, сколько бесценного хранит память каждого человека, дожившего до зрелого и тем более преклонного возраста. Если бы записать эти воспоминания, если бы собрать фотографии давних лет, если бы возродить кусочки прошлого в реальных вещах быта... Как это могло бы быть интересно! Какую гордость вызывал бы клубный музей в сердце каждого, кто живет на нашей земле, какое уважение молодежи к тем, кто оставил своей жизнью яркий след в душах односельчан. И это ли не дело для комсомольской организации? Боюсь загадывать, что получится, но мы решили попробовать...»

- Попробовали? - спросила я, зная, что ответ будет отрицательным.

Вместо слов Нина взяла меня за руку и повела в среднюю школу, где она работала на тот день, оказывается, уже десять лет.

2. Солнышко на память

Переступив школьный порог, она обратилась в Нину Федоровну, и я стала открывать для себя не знакомую мне Радостную.

Во-первых, она показала мне светлый кабинет, в котором все стены занимали полки с самоварами, прялками, корчагами, коромыслами, половиками, старинными книгами, а в центре стоял изысканный стол в окружении гнутых стульев. Хотелось сесть за него шумной компанией, услышать разгоряченное пение самовара и пригласить пожилых людей к воспоминаниям. Наверное, когда-нибудь такое и будет, потому что положено начало очень важному делу, и начало сердечное. Музейная комната наполнена физически ощутимым теплом, она - гордость всей школы. И хоть я не уточняла, чьих рук тут дело, я твердо знаю: без Нины не обошлось. У нее и теперь горит зуб съездить вместе с коллегами в заветное место, к уникальному человеку, взявшему когда-то на себя незаметную миссию сохранения вещественной памяти о прошлом.

А потом Нина Федоровна привела меня в школьную библиотеку. Несмотря на холод, который царит в ней в зимнее время из-за неполадок в отоплении, многие ребята, чуть выпадет свободная минута, бегут туда. И не только чтобы взять новые книги, а и поговорить, расслабиться душою, сбросить усталость. У вас, говорят они Нине, такая спокойная, разряженная обстановка. И горести тут порой оставляют, и сомнения, и запутанные чувства. А Нина потом о каждом думает, думает.

На ее ведь глазах все они делали свои первые шаги, смотрели на все распахнутыми глазами, веря, что мир прекрасен. И этот сказочный дворец вдруг рассыпался, как карточный домик, обнаружив под собою лишь груду мусора. А ведь ребятишки, как во все века, живут в мечтах об интересной и любимой работе, о покое и благополучии вокруг, о счастливых семьях. Как помочь им не сбиться с пути, не ошибиться, как научить различать свет во мраке сегодняшней жизни?

Для начала, полагаю, надо самому никогда не терять его из виду, а заодно - и излучать изнутри. Неназываемый его источник много лет назад позволял Нине отличать живое от мертвого и не наряжать в дорогие одежды идеологические скелеты. Как знать, оторвись она волей случая от родной почвы, быть может, и утратила бы она этот бесценный дар, как иные. Ведь городская круговерть заставляет подзабыть, что истина всегда возле тех, кто сам себя, а заодно и других, кормит. И целесообразны и оправданы потому лишь те действия правящего класса, которые облегчают жизнь внизу. А Нина и теперь по себе все видит и чувствует: выплеснули ребеночка, а новый еще не народился, все какие-то неплодовитые родители пытаются его зачать.

- Значит, ты по-прежнему страдаешь? И опять ты не на месте?

- Теперь - на месте! - опять одарила она меня краткой улыбкой. - И без ребят себя не мыслю. Летом даже душа начинает болеть, места себе не нахожу. И только занятия начнутся, опять оживаю. Отчего?

Отчего? Если бы я знала определенно! Опять Нине хочется, чтобы я поставила ей оценку по предмету «жизненная практика»? Значит, нет еще в ней той прочности, о которой самой ей мечтается?

Она созналась без предисловий, как всегда:

- У меня долго была какая-то странная привязанность к тебе. Мне нужны были слова одобрения, поддержки. Я даже ревновала тебя к другим, к кому ты ездила и о ком писала, а мне не находила времени черкнуть пару строк... Нехорошо это с моей стороны?

Кто бы кого спрашивал! А разве со мной творилось до определенной поры не то же самое? Разве не страдала и я от чувства отторгнутости и обществом, и друзьями, не искала малейших намеков на то, что кому-то где-то без меня тяжко, а уж и стране - и подавно? И к чему пришла?

Ищи все в себе! И успехи, и неуспехи твои, и радость, и боль - все внутри.

Трудно переделывается наше поколение, которому вокруг пятидесяти. Размахнуться бы во всю прежнюю удаль, рискнуть взяться за новое дело - ан разум останавливает: не успеешь, смотри реально. Но, пребывая в старых обстоятельствах, надсадно заменять прежние думы на новые. Опять полный идеализм получается. Как же быть? А в сознании еще агонизируют с молоком впитанные убеждения: прежде думай о Родине, а потом о себе! потом о себе!

Да, неправильно это, и давно многими доказано. Самая большая ценность - человек, и самый незаметный человек - тоже огромная ценность, потому что - неповторимый мир. А в него, бывало, - с демоническими конструкциями, на партийных лязгающих гусеницах: р-рав-няйсь! Наступить на горло собственной песне! И всякий, кто не был на виду у общественности, тот был букашкой. Так плодились в людях комплексы неполноценности.

- Вот-вот, - подхватила Нина, и морозная строгость ее лица вновь растаяла под лучами моего искреннего к ней интереса. - Мне теперь удивительно, что я до сорока лет была подвержена влияниям со стороны! Все оглядывалась на мнение тех, кто выше по общественному статусу, кто образованней, кто известней. На газеты. Казалось, что я и права-то не имею на свое собственное мнение. Всегда поэтому поражалась, когда в клубе меня принимали, затаив дыхание. Кто я такая, чтобы влиять на других? А теперь... Теперь я все больше слушаю себя, свою душу, стараюсь поселить в ней покой и мир, и всех-всех простить, и всех любить. И главное, детям помочь, чтобы они не плутали так долго, как мы, и не так болезненно приходили к осознанию собственной человеческой ценности.

Господи, подумала я, и она еще спрашивает, почему ей хорошо с детьми! Да потому, что в один внезапный момент снова все вокруг нас может рухнуть, перемениться, исказиться, и на что тогда опереться обугленной душой? Только на них, на детей, которые рождаются и растут, несмотря ни на что. И сотворение из них Человека никогда

не кончается...

А потом мы несколько уроков провели с Ниной Федоровной в кабинете домоводства, как называли в наши школьные годы сегодняшнюю науку под названием «обслуживающий труд». Мастерица на все руки, Нина учит других кроить, шить, вязать, вышивать, готовить вкусные блюда. Мамы не нарадуются - из их дочерей могут вырасти прекрасные хозяйки, а что может быть важнее и надежнее теплого очага? Когда-то в их возрасте девчонки, теряя голову, бежали вслед за комсомолом и спохватывались, лишь оказавшись у разбитого корыта, в холоде одиночества.

Нина мудро и дальновидно отказалась от этой гонки. И теперь мы сидели в школьном шуме-гаме, от которого у меня кругом шла голова, а Радостная то и дело расцветала пугливой улыбкой и готовно вскидывала глаза навстречу очередному детскому вопросу. В классе умопомрачительно пахло только что испеченной девочками пиццей, и мальчишки то и дело вырывались из рядом расположенных мастерских, чтобы поколотить кулаками в дверь: им тоже было обещано одноклассницами по кусочку лакомства.

На одной из стен с растопыренными во все стороны красными лучами в белый горошек висело веселое шелковое солнышко, и вышитые на его желтом лице глаза, и совсем по-нининому спрятанная в уголках губ улыбка вынуждали, глядя на него, тоже расцветать. Хотя чего бы и радоваться? Куда ни глянь - сплошные дыры да заплаты, и в Никоновской, и в районе, и в области, не говоря про страну... А вот надо же - улыбалась и пела душа, и верилось в лучшее. Вопреки рассудку.

НЕДОПИСАННАЯ ПЬЕСА ДЛЯ БУДУЩИХ ГЕРОЕВ

Очерк второй

1. Время летнее

Я стояла, прислонившись к косяку, чтобы не мешать ей управляться по хозяйству в маленькой кухоньке, а она говорила со мною и автоматически разделяла по ведрам мучку, крошила картошку, овощи, заливала их горячей водой, размешивала. Затем неторопливо накинула старенькое пальто, повязала платок и, легко подхватив в обе руки пойло, исчезла за дверью.

В окно я продолжала наблюдать, как пересекла она двор, ногой подтолкнула калитку и семенящим, чуть скованным шагом дошла до хлева. Странное оцепенение не давало мне тронуться с места. Что бы сорваться и побежать следом, отворить ей тяжелые двери, включить в стайке свет и, окунувшись в густое море смешанных животных запахов, по-детски наслаждаться ими и собственной непричастностью к этим каждодневным выматывающим деревенским заботам! И она там бы, в присутствии вздыхающих и чавкающих участников, рассказала бы, как коровушка ее не переносит соседа-поросенка, как тот, в свою очередь, недолюбливает кур и от одной оставил только пух да перья, а красавец-петух, вместо того чтобы охранять свой гарем, завел в соседнем хозяйстве второй и периодически на пару недель переезжает из одной семьи в другую.

Однако истории эти были мне поведаны потом в квартире, а положенное время Люся провела в хлеву в одиночестве, если не считать живность, с которой способен разговаривать всякий, кто что-то понял в этой жизни и уже не нуждается в ответах и советах.

Прежде-то, помню, оглаживая на ферме свою любимицу, Люся беспрестанно повторяла:

- Чаюшка, Чайка, ну, давай, милая, давай!

И буренушка, сердито косясь на меня, свидетеля ее упрямства, своим огромным влажным глазом, милостиво начинала отдавать молоко.

Шипела вакуумная установка, причмокивали доильные аппараты, и люсины ноги в резиновых сапожках крепко сжимали подойник. Я едва успевала передвигаться за нею со своей скамеечкой и все удивлялась, как четко отработаны у нее движения:

подмыла нескольких коров, двум подключила аппараты, третью села доить вручную, затем перелила молоко из аппаратов в подойники, стремительно отнесла их к флягам и почти бегом вернулась назад, чтобы опять все сначала - подмыть, поласкать, включить аппараты, поддоить после них...

Я делала тогда для себя открытия вроде давно известного - что «у коровы молоко на язычке», кормить, дескать, надо ее лучше, если о больших удоях мечтаешь. Мне дивно было, что не все способен забрать у коровы аппарат, и только заботливым дояркиным рукам достаются самые последние - и самые жирные! - капельки молока.

Вот такие-то руки - самые добрые, чуткие и умелые среди девчат всей Вологодчины - имела в 1972 году Люся Чудакова из белозерского колхоза имени Ленина. Потому-то я и приехала познакомиться с ней, лучшей молодой дояркой области, по заданию газеты «Вологодский комсомолец».

Нужно признать, что места, где родилась Люся, на редкость красивы. Лозско-Азатский чистейший озерный каскад протянулся на многие километры вдоль дороги с Белозерска на Череповец. И по берегам его, как в старой доброй сказке, разбросаны деревни. Они то взбегают на холмы и оттуда глядятся в водную гладь, то скромно теснятся в низинах.

Первое желание, которое возникает при виде этих картин, - заснять их на фото- или кинопленку. Потому-то, когда Василий Макарович Шукшин искал на Вологодчине натуру для съемок «Калины красной», в ответ на его просьбу среди первых адресов я назвала ему именно эту белозерскую глубинку.

Люсина родная деревушка Взвоз, а по-местному просто Звоз, - это горстка домиков да банек на берегу тихого залива. А в трех километрах - деревня Орлово и люсина ферма. Именно на ней, по фильму, работала и Люба Байкалова, героиня Лидии Федосеевой. Вытянувшееся на пригорке здание хорошо видно в том эпизоде, когда Егор Прокудин-Шукшин рассказывает ей о своей корове из детства, которой кто-то в голодное время проколол вилами бок.

Как раз в той низинке и сидела я в августе 1972 года, поджидая Люсю. Покой, режущий мой городской слух, то и дело нарушался голосами приходивших на дойку женщин. А я, смешно вспомнить, боялась завести с ними разговор: это была моя первая в жизни командировка.

- А вот и Людмилочка! - услышала я, как приговор, и шагнула в будущее.

С торчащей из-под платка прядочкой волос, оробевшая не меньше меня, Люся свела опущенные руки в замочек и молчаливо вскинула взор: спрашивайте! А сама душою, я чувствовала, была уже на дворе, где женщины начинали дойку.

- Работать ведь надо, - растерянно развела я руками.

- Надо! - легко и призывно хохотнула Люся.

И мы принялись за дело: принесли аппараты, подойник, теплую воду, фляги. С детским восторгом я следила за каждым люсиным жестом, передвигаясь за ней со скамеечкой...

Отчего же теперь, спустя 27 лет, я бесстрастно смотрела, как наводила она пойло домашней скотине, как открывала дверь в хлев? Почему ничто не дрогнуло во мне, когда засобиралась она на ферму? Я все знала теперь о ее работе? И ничего нового уже не могли мне сказать ни новые люди, ни новые обстоятельства жизни? А может, укатали сивку журналистские дорожки?

Вон ведь и Люся, все такая же маленькая, стремительная, но поусохшая и с явно читаемой затаенной болью внутри, обронила ненароком:

- А время летнее я не люблю теперь, очень трудно перестраиваюсь, когда отнимают часок. Ну-ка ведь, и так в три часа вставать, на дойку ехать...

2. Толща лет

А между прочим, коровы, как всякое живое существо, тоже любят поспать! Я обнаружила это в ту первую встречу с Люсей, когда в чуть брезжившем рассвете мы ходили с доярками вокруг фермы и пытались поднять скотинку с площадки. Уговаривали сначала по-хорошему, ласково, клича каждую по имени, а затем принялись подхлестывать вицами и нешуточно, а кое-кто и бранно, покрикивать.

Каково же на трехсменке женщинам, обремененным еще и детьми, и домашним хозяйством? Этим неотступно и неразрешимо мучилась я, после того как однажды среди ночи отважилась встать вместе с Люсей и в полумраке прошагать с нею три километра от Взвоза до Орлова. Вдоль дороги тянулся сумрачный пугающий лес, и не верилось, что вот-вот раскричатся птицы и вызовут на горизонте новый рассвет.

- Хочется спать? - жалостливо и неназвано винясь, спросила я Люсю. Я сознавала, что мой краткий подвиг едва ли повторится, а ей, быть может, придется вот так вот рвать и рвать свой сон всю жизнь.

- Сегодня нет, - честно ответила она, - потому что вдвоем идем. А если одна и без велосипеда, то просто спасу нет, глаза так и склеиваются, хоть веки пальцами раздвигай. На первом-то году, когда еще в Данилово ходила, так и заснула на ходу! Не знаю, куда и убрела бы, если бы на забор не наткнулась.

Однако когда орловские доярки вслух пожалели ее, мол, спать бы и спать бы еще, как другим в ее возрасте, Люся по-девчоночьи беззаботно отмахнулась:

- Ничто, высыпаюсь я!

Я правильно не поверила. Мы вернулись с дойки, умылись в озере розовой от раннего солнышка водой, позавтракали, и Люся, прихватив книжку, отправилась в светелку - вытянуть спинку. Однако уже через десять минут, я углядела нечаянно в щелку, она крепко спала, подложив ладони под щеку.

- Готова? - понимающе спросила меня сухонькая Прасковья Ефимовна, и темные глаза ее загрустили.

Конечно, не такую судьбу хотела она для дочери. Люся закончила восемь классов на одни пятерки, могла бы поехать учиться. А пришлось кормить семью, потому что отец давно умер, а мать, пока поднимала двух поздних дочерей, совсем устала. И хоть с малолетства они помогали ей на телятнике, однако старость не отпихнешь, и силы однажды вдруг угасли, как закатное солнышко, нежданно и быстро.

Люся сначала была ученицей на даниловской старенькой ферме, потом перешла на новую, механизированную, в Орлово. Таким был уговор с председателем колхоза Леонидом Михайловичем Богдановым. А в перспективе, по его словам, маячил даже большой современный комплекс на центральной усадьбе, где много молодежи. Люсю вполне устраивало такое будущее, потому что никуда уезжать она не собиралась, с детства усвоив мудрость прадедов: где родился, там и пригодился.

И вот четверть века промчалась, как миг. Пока мы сами не обнаруживаем за своей спиной такую толщу лет спрессованной в мгновение, мы не верим чужим словам. А когда, проверив, поверим, то ушедшего уже не вернешь, не изменишь.

Нет, в своей судьбе изменять ей ничего не хочется, все, как у людей: муж - Виктор, три сына - Саша, Сергей и Паша, квартира огромная на центральной усадьбе в Никоновской, в пятнадцати километрах от Взвоза. Работает, правда, не зоотехником, как мечталось и надо бы по диплому, а осеменатором, но все равно с коровами.

- А если бы у вас были быки, а не искусственное осеменение, то была бы ты безработной, значит? - додумала я.

- А нынче всего можно ожидать, - хохотнула Люся, - так что я не зарекаюсь. Хотя денег-то все равно никто не видит, кроме конторских.

- И доярки?

- А с чего получать-то? Все фермы позакрывали. О комплексе и не вспоминают, все в прошлом. В Орлове, проезжала - видела, что осталось от двора? Только в «Калине красной» теперь на него и полюбуешься. 400 коров на весь колхоз осталось. И те по 100 литров всегда ли доят!

- То есть? - не поняла я и прикинула. - По четыре литра на голову?! Да у меня коза почти столько дает!

- Вот именно. Если бы они доили, то колхоз еще как-то мог бы сводить концы с концами. А так замкнутый круг давно получился - денег нет, потому что никто всерьез не работает, все развалилось, а чтобы все опять закрутилось, нужны деньги, которых нет. Вот так и живем.

- Доживаем, - вставил старший Никифоров.

- А и коровам тем же с чего доить? - продолжила Люся, разливая по тарелкам щи. - Садитесь давайте, вот хлеб, сметаны клади побольше... У коровы ведь где молочко, ты

помнишь? А мы их одним сухим сеном теперь кормим. Хорошо хоть его сей год запасли. А сочных кормов, вон в районной газете написано, только 20 процентов от необходимого заготовили, а концентратов и того меньше, всего 5. Чего же ждать?

- Ну ладно, - немножко понимала в этом толк и я, - зерна нынче нет из-за засухи, а картошка-то, корнеплоды уродились. Разве их не сажали у вас?

- А кому нужна лишняя забота? Искать потом, куда сбыть, если много соберешь? Вот и отговариваются, что невыгодно, мол. Дома так все выгодно получается, а тут - нет. Странно мне...Нынче даже силос у нас, и тот непутем заложили. По правилам его надо за две недели до сенокоса в траншеи валить, а тут через полмесяца после принялись, когда уж на корню все травы засохли.

Мы дохлебали щи, и Люся собрала перед собой все тарелки в горку.

- Я не скажу, что я такой уж большой знаток, я землю не так люблю, как скотинку. У нас даже в огороде всем папа занимается, - она бросила взгляд на мужа, - я только по великой нужде выхожу. Но я видела еще сама, и мамины рассказы помню. Раньше хоть и пахали на лошадях, ни сна, ни отдыха не знали, но делали все по правилам, как учили еще прадеды. Они-то понимали землю и берегли. А теперь... Или люди не те пошли? Лишь бы побыстрее закончить и по домам! Вот оно боком и вылазит.

- Может быть, руководство не то?

- И я думала, что состарился Богданов, не может уже совладать с хозяйством. Ну и что? Ушел он на пенсию, вместо него молодой теперь, а все по-прежнему. Сверху теперь не особо требуют, вот все и стараются сделать так, чтобы самим пожить нормально, пока возможно. Производство доходу не дает, а в конторе народу полно, как и прежде. И чего считают-пересчитывают? И тоже ведь зарплату хотят.

- И не сократишь никого, - вставила я, еще раз убеждаясь, как все похоже нынче в деревнях. - Все здесь родня, ну-ка, обидь!

- Вот именно.

Молча поглядывающий на нас Виктор наконец не удержался, подсказал жене:

- Ты смотри, ведь она все пишет! Пропечатают.

- И какая беда? - уверенно и боевито ответила Люся. - Разве все не знают это? Я и в контору когда сойду, так же говорю. И зоотехникам подсказываю, как надо бы, только меня не слушают, чушью все считают. А ведь я двадцать лет возле коров.

3. Манна небесная

Я не однажды побывала на Взвозе в те годы, когда все только начиналось. И приветливая Прасковья Ефимовна то и дело выставляла передо мной грибы и сущик, самодельные хлебы и молоко и виновато приговаривала:

- Чем богаты...

А сестры Таня и Люся вместе со мной по-молодому уминали все, что было на столе, и беспрестанно выхохатывали, хотя теперь и не вспомнишь, с чего нам было так весело. Просто струился над прогретой землей, дрожал воздух, цвели луга и с гортанными криками носились над озером чайки. На самом берегу топилась для меня старенькая банька по-черному, и я едва не задохнулась в ней дымом, когда по незнанию, не пригнувшись, сунулась туда подбрасывать дрова...

Люся все так же три раза в день бегала в Орлово, а в перерывах помогала матери по дому, чтобы Таня не отвлекалась от школьных экзаменов. И все-таки выкроила она минутку для отдыха, взяла лодку, и мы погребли к далекому бору. Плескалась под веслами вода, и Люся с грустью рассказывала, как страшно ей уезжать учиться в Вологду, встречать весну среди асфальта. Потом мы шли по песчаной тропке под шептавшимися вверху соснами, выбирали среди цветущих кустиков брусники пьянящепрохладные стрелы ландышей и молчали каждая о своем.

- А еще грустно потому, что не знаю, с кем останется моя группа, - договорила Люся и, поднеся к носу распахнутый цветок шиповника, прикрыла глаза, словно загораживая дорогу слезам...

Все разрешилось на удивление просто и счастливо: люсину группу коров приняла... Таня, Таня Чудакова.

«Людмилочка, здравствуй! - писала она Люсе в сельхозтехникум. - *Ты знаешь, кто меня ни встретит, все удивляются, расстраиваются, зачем я пошла на ферму. А мне странно, я еле дожидаюсь, когда идти в Орлово. Коров второй день в обед не доим, их*

угоняют далеко и до вечера. Бура отелилась, доит ничего. А телята от последних коров почему-то маленькие и засохлые. А еще сегодня беда случилась - у Чайки один сосок запух, наверное, скрытый мастит. А на даниловской ферме группу раскомплектовали, доить некому, поэтому я еще больше горжусь за нашу, не брошенную».

- У вас ведь тогда редкая порода была в колхозе, да?

- Ты помнишь? - благодарно отозвалась Люся. - Айширская. Они сначала на Горке у нас стояли. Нежные такие, чувствительные ко всему. Но уж и доили! Вон Чаюшка моя - до 30 литров давала. А теперь? Да и те коровы, что у нас сегодня остались, даже по сложению не походят на тех! А мы хотим, чтобы они, как у финнов, молоком заливались! Так ведь там им рацион-то рассчитывают до грамма, даже сахарный песок в него включают, даже селедку, если надо. А у нас и люди-то месяцами этого не видят, чего о коровах говорить. Навалим в кормушку, что есть под рукой, а то и вовсе мимо пройдем. А потом ждем манны небесной. В общем, - Люся понесла посуду в кухоньку, - мечтали мы вывести то, что будет давать нам продукцию, а получили то, что просто может выжить в наших условиях. А ведь живуче что? Сорняки...

Я как-то иначе глянула вдруг на люсино лицо и заметила на нем многолетнюю усталость и скользящие от крыльев носа к губам морщинки скорби, которых умудряются на этом свете избежать лишь единицы. Глупцы? Или мудрецы? В большинстве своем на пятом десятке все мы обнаруживаем, как искажают истинную картину жизни наши розовые очки, и выбрасываем их, надевая взамен паутинку бороздок возле рта и глаз. И хотя и тем, и другим мы еще по-молодому пытаемся улыбаться, все чаще проскальзывает за этой бесплодной попыткой облик наших предков.

Так и в люсиной фигуре, в поворотах тела и головы, во взмахах рук я неумолимо угадывала теперь давно покойную Прасковью Ефимовну, оставшуюся в моей памяти своим печально-смешливым карим взглядом.

...Она сразу тогда догадалась, что не обошлось без Богданова и на этот раз: это он уговорил Таню пойти на ферму! Пообещал потом рекомендацию от колхоза, чтобы учиться на агронома, а пока - надо выручать!

Словно птица взмахнула крылами, ринулась она на защиту младшей своей дочери:

- Одной девке выспать своего не дали, и вторую туда же! Не будет сама вставать, поднимать не стану.

Но когда звенел среди ночи будильник, мать покорно вставала и подходила к постели.

- Пора на ферму, Татьяночка.

А не услышав ничего в ответ, сникшее добавляла:

- Пусть бы и не подоить разок, ничто...

Она знала, что после этих слов Таня, как и Люся когда-то, поднимется тут же.

Знал и Леонид Михайлович, кого уговаривать.

Словно уловив мои воспоминания о ней, позвонила сестре со Взвоза Таня.

- Требуют, чтобы завтра же приезжала с автобусом, - переводила мне разговор в трубке Люся. - Рыбы уже наловили!

- Слушаюсь и повинуюсь, - почему-то вырвалась у меня шутливая фраза Прасковьи Ефимовны. - Только Богданова навещу. Примет, как ты думаешь?

- Попробуй!

Люся указала мне дорогу, и в пути мне вспомнилось, как пытала я когда-то Леонида Михайловича по поводу выученных для колхоза специалистов. Та же Люся, едва вернувшись, принялась рожать одного за другим, какая с нее отдача? Отрожает - наверстает, ответил он твердо.

И так же тверд и уверен он был во всяком своем замысле и поступке. Прежде других в районе ввел он в колхозе хозрасчет, люди стали считать обобществленную копейку. Если были сэкономлены средства, на них можно было купить передовикам подарки. Механизаторы трудились по аккордным нарядам, при выполнении плана получали на четверть больше. Без какой-либо помощи со стороны Богданов умудрился проложить 80 километров внутрихозяйственных дорог, и в любой уголок колхоза стали добираться без проблем. А еще привозили мужчинам в поле горячие обеды. И в

мастерских сделали теплые, с электрическим подогревом полы. От такого внимания к «человеческому фактору» хотелось жить!

Однако возраст берет свое, и все мы старимся и сходим со сцены, а жизненный спектакль продолжают играть совсем иные люди. Что за пьеса им достанется, какие поправки внесут они в текст, никто угадать не в силах.

4. Реалисты

- И что вас загнало к нам? - отворил мне двери Леонид Михайлович и, не глянув, прошел в комнату, где работал телевизор. - Садитесь в кресло. Угощать у меня нечем, жена в отъезде, я один. Кофе потом сделаю.

Он замолчал, уставившись в экран. Там какие-то вполне счастливые люди бились над разрешением пустяковых проблем.

- Я вообще-то не общаюсь с журналистами, - послушав их, бесстрастно буркнул Богданов. - К чему пустые разговоры? Только душу бередить. Село угроблено окончательно, и я не вижу никакого реального выхода. Достаточно вам этого?

Он опять насуплено поглядел в экран.

- Сельское хозяйство всегда считали черной дырой, а нас, председателей, ворами. Пускай, я никого не собираюсь разубеждать. Но тогда скажите на милость, как нам удавалось даже с наших неплодородных подзолов брать по 30 центнеров зерна с гектара? Мы вывозили на поля по 40 тонн органики. А теперь уже десяток лет земля ее вообще не видит! Минеральных удобрений вносили по 630 тонн, а теперь и 30 не получается. А хотим богато жить! Это Москва богато живет, кровушку народную попивает, не знает, куда деньги пристроить. А у нас люди не знают, на что детям обувку купить...

Перерывы между фразами составляли порой минуту и больше, но я не пыталась вставить что-то свое. Леонид Михайлович будто бодался с кем-то, кто неслышимо для меня отвечал ему, защищаясь. Но иногда Богданов вспоминал обо мне и извинительно вставлял:

- Вы не подумайте, я не обижаюсь, не жалуюсь на свою судьбу. Слава Богу, до пенсии дотянул, 464 рубля имею, на хлеб, табак и сахар заработал. А вот что ждет восемь моих внучат, не знаю... Обидно за державу.

- Вы стали пессимистом?

- Не пессимист я, нет. Я реалист. Я вижу, что, пока мы ели заморские окорочка, в стране закрылись почти все птицефабрики. Я подсчитал, что при такой стоимости бензина мы никогда не сведем концы с концами, потому что коровам надо доить по 7 тысяч молока, а они и одной тысячи не натягивают в год. Я чувствую, что модным нынче лизингом село втягивают в новую кабалу, за которую нашим внукам не рассчитаться.

- Вы не верите, что не мы, так они способны будут поднять страну с коленей?

Богданов долго молчал, наконец, выдавил:

- Хотелось бы верить. Жаль только, жить в эту пору прекрасную...

Он поднялся и вышел, не объяснившись. Вполне можно было счесть наш разговор не оборванным, а оконченным. Но я осталась в пустой комнате, мучаясь двусмысленностью своего положения.

Запахло сигаретным дымом, и из глубины кухни Леонид Михайлович проговорил:

- Нет, я не за коммунистов, они нас здорово подставили... Но и так руководить страной, как теперь, тоже, знаете...

Он угловато поставил на стол две чашки кофе, сходил за сахаром и опустился в кресло напротив. Однако экран все притягивал и притягивал его сумрачный взгляд, который ни разу не остановился на мне. Вряд ли мое имя вызывало в нем какое-то конкретное воспоминание: много заезжего люда бывало прежде в передовом хозяйстве.

Диалога не получалось, и мне вспомнилась вдруг Нина Радостная, плакавшаяся в свою бытность комсомольским вожаком, что не находит общего языка с председателем, не прислушивается он к раздумьям и советам других. Хотя - что это могло изменить в данной местности, если вся страна была обречена на крах?

- Обидно, обидно за державу, - убежденно повторил Богданов. - Это я, дурак, отпахал 28 лет ни за что. А теперь таких не найдут! Нынешняя молодежь на голом энтузи-

азме работать не станет. Да и как? Все в деревнях разрушено или разграблено. И с умирающего еще гребут налоги, сдирают шкуру за горючее, за энергию... Какого теперь возрождения ждать? И жить-то не хочется, не то что говорить... Все на этом!

Он отвернулся к экрану, где замелькали титры очередной «Темы», но не стал вникать в разговор и поднялся, махнув рукой:

- Брехня это все!

По бряцанию ведер я поняла, что ему пора кормить скотину, и тоже поднялась.

Видимо, желая загладить свою неприветливость, Леонид Михайлович потеплевшим голосом произнес:

- Хочу вот отправить Ельцину свой значок заслуженного работника сельского хозяйства... Не дойдет, наверное?

- Наверное, - ответила я, медленно застегиваясь.

На улице совсем стемнело, и между двумя пятнами от фонарей едва можно было угадать дорогу. Из домов доносились детские и взрослые голоса, мычали коровы, пахло дымком от топившихся печей. Под каждой крышей, в своем маленьком мирке, жизнь еще теплилась, и я не могла смириться с тем, что у нее нет будущего.

А разве не так? У пожилого и больного человека совсем иное восприятие жизни, нежели у молодых и здоровых. Да, варвары мы, разрушающие все до основания, да, очень мало теперь добра в людях, да, ничего нельзя хранить без пригляду - утащат... И вместе с тем, вместе с тем..! Да сам же Богданов обронил, какой умница Позгалев, что сохранил птичье поголовье. А город - разве он только соки вытягивает из деревни? Да эти же приезжие горожане выручают местных, покупая у них молоко, которое не берут ни колхоз, ни маслозавод. А прутики, по-старинному приставленные в Никоновской к дверям и заменяющие замки? Да разве возможно такое в стране, где совсем не осталось честных людей?

У Люси в доме я присоединилась ко всем - там внимательно слушали «Тему». И нам, взрослым, всем вместе вдруг показалось, что не так уж и не правы собравшиеся в студии высокообразованные москвичи: жива еще в наших душах крепостническая психология, не умеем еще мы быть свободными и достойно распоряжаться своей судьбой. Хотя лично нам и не научиться уже, не успеем...

А младший из Никифоровых - Паша - молча сидел у печки, перелистывая приготовленные на растопку тетради старших братьев. Что ему думалось под наши скучные терзания? Под сводки из Чечни, где сейчас Никифоров Сережа и откуда недавно вернулся Саша? Под потоки политических компроматов с экрана? Он без слов ушел к себе, чтобы отдыхать, набираясь сил для будущего.

Я долго не могла уснуть в опустевшей просторной зале, тревожимая неугомонной кукушкой из настенных часов. Не соединялось в сознании, что у крошечной Люси, которую я знала когда-то, теперь три огромных взрослых сына, и ей не дотянуться до их вешалки для одежды. Не укладывалось внутри, что частички ее души и плоти подхвачены неумолимыми жизненными потоками и кружатся в них, ей уже не подвластные, а она вольна лишь наблюдать за их орбитами и вздрагивать от раскатов далеких взрывов. Извечная материнская доля...

А ведь и я была косвенно причастна к тому, что у нее явились на свет именно они, и именно Никифоровы! Это я Люсю с Виктором познакомила, когда ему уже перевалило за двадцать пять. В мою первую командировку он бессмысленно ошивался в Никоновской в Доме культуры, где я вела долгие беседы с Ниной Радостной и приглядывала, кто из парней смог бы на закате подбросить меня до Взвоза к Люсе. Витя и пообещался, но промурыжил часа три и посадил в колхозную машину уже на дороге, по которой я начала отмерять пешком предстоявшие мне пятнадцать километров. Ох, и задала же ему словесную выволочку заждавшаяся меня Люся! Тем, наверное, и уколола его сердце.

Историю эту мы вспоминаем всякий раз, как встречаемся. Вспомнили и теперь, пока дожидались автобуса. И тут подошла попрощаться со мной легкая на помине Нина Радостная. Она молча глянула исподлобья и протянула мне пакет. Я развернула - и лицо мое озарилось светом шелковых лучей сшитого ею солнышка.

А потом обнялись, как обычно. Однако было в этом нашем расставании что-то иное, чем прежде. Хотелось думать, что мы еще увидимся и договорим недосказанное, но ни

у кого не было в том уверенности. И мы улыбались и делали вид, что на дворе еще те, незабываемые семидесятые, и все у нас еще впереди.

БОЯЗНЬ НЕОПОЗНАННОГО

Очерк третий

Как благостно быть юной и беспечной, бездумно все решать и воплощать!
Как тяжко в предстоянье перед вечным оценивать, прощаться и прощать...

1. Частицы целого

Теперь я знаю, что слово наше может всколыхнуть дремлющую деревню, как брошенный камень - тихую воду: и пойдут, пойдут тревожные круги во все стороны, и долго будет еще волноваться поверхность, когда и о камне-то позабудется. Дремуча, заповедна жизнь в отдаленных уголках России, и не берусь пока судить, добро это или худо.

Когда бываешь в таких точках Родины, откуда глуше уехать уже некуда, то с особой ясностью осознаешь, сколь едино наше бытие и одинаково подвержено различным стихиям. Казалось бы, на века установились мир и покой над дремотным заливом и цепенящий душу воздух не сможет шелохнуть никакая сила, - и вдруг заметались, заскользили по горизонту тучи-облака и в мгновенье ока притянули за собой на хвосте резкие порывы ветра с холодной моросью. И не поймешь уже, то ли дождь это сеется сверху, то ли былая гладь озерная рассыпалась на знобкие колкие составляющие.

В такие минуты - часы - дни - в окна дорогого мне дома на Взвозе удар за ударом бьется непогода, словно требуя впустить ее. Но ты сидишь возле теплой печки, спеленутая добром и убаюканная сытными запахами, и знаешь: там, где крепкие основы и заколочены-законопачены все щели, можно ничего не бояться и продолжать свои дела, не смотря на завывания обезумевшего ветра.

Не так ли и общественное ненастье, расползаясь по стране, бывает все-таки не в силах одолеть какой-нибудь уголок в захолустье? Живущие по заветам предков, тамошние люди лишь крякают от удивления пред завихреньями судьбы да сверяются по древнему календарю: если осиновый лист, опадая, ложится на землю правой стороной вверх, то жди холодной зимы... Но разве следует из этого, что уже никогда не наступит весна?

Витя Карпуничев встретил меня на своей машине у трассы, и когда мы вынырнули из печального низкорослого лесного массива на приозерные холмы, я в очередной раз подивилась, сколь скучны и неживописны все наши выпрямленные скоростные дороги. Спешащие по ним к своим сомнительным целям, мы и всю жизнь воображаем себе однозначной прямой, не имеющей ни узорных ответвлений, ни иных строений, кроме блочных коробок в конечном пункте. И лишь тот, кто способен допустить иное мироустройство, свернув в сторону, обнаруживает по-древнему волнительную картину, смело, но ненавязчиво украшенную реалиями современности.

Так же жили-ночевали деревушки по берегам Лозско-Азатского озера и четверть века назад, когда я впервые обмочила в него ноги на взвозовском берегу. Серые промокшие под дождями избы и бани, поникшие дворы, утлые лодчонки на песке - ничто нарочито не веселило естества жизни, раскрашенной в зеленые и голубые тона. И если бы не антенны да шифер на крышах, можно было бы допустить на дворе и самое начало двадцатого века...

Теперь же в глаза сразу бросались дорогие, недеревенского вида постройки, выросшие в каждом поселении, - дачные коттеджи череповчан, облюбовавших недалекий от их города озерный край и овеществивших свои деньги прежде, чем они в очередной раз обратились бы в пыль. И эта ярко расцвеченная панорама, в которой мешались все возможные стили, вовсе не отторгалась душой, а напротив, рождала в ней еще не опознанную, но явно жизнеутверждающую мелодию.

Я в дом к Тане вошла, как впала в детство. Не только покойная Прасковья Ефимовна вспомнилась, тосковавшая темными глазами и тащившая для меня угощенье за угощением, но и бабушка моя с дедом, возле которых всегда было тепло, уютно и безбоязненно, сколь бы ни измывалась за порогом непогода. Много раз мне доводилось позднее бывать в деревенских домах, где стылостью веяло из каждого угла и не было запаха благополучия... нет ничего страшнее таких живых мертвецов! Потому-то и прав был безгранично писатель Федор Абрамов, пытавшийся докричаться до руководивших в его пору верхов:

«Надо, чтобы выстояли дома. Неказистые, старые, бревенчатые...Ибо будут эти дома, будет и Россия. Из них Россия... большой дом, дом-Россия - все за счет этих малых... Пока стоят дома, стоит страна, стоит Россия».

И как каждая клеточка в организме нашем знает все о нем, огромном и - могучем или больном, так и в доме каждом звучат-аукаются самые отдаленные по расстояниям российские события. Нет уже серой и забитой допотопной деревни, какою была она до колонизации телевидением. Теперь везде все всё про всё знают. Вот только благо ли это, решайте сами.

Под беспрерывный разговор уничтожив на столе все разносолы (ах, милая Прасковья Ефимовна, как не хватает за ним вас и ваших хлебов!), мы втроем перебрались в залу, чтобы послушать вечерние новости. И тут же протянулась-напряглась невидимая, но прочная ниточка от взвозовского дома к Никоновской.

- Ну, как вот так? - неугомонно вопрошала «верха» Таня. - У кого-то детки совсем от армии увиливают, а тут из одной семьи второго послали на Кавказ! Пока Саша был в Дагестане, Люся очки завела. А теперь, говорит, совсем, наверно, ослепну, опять эта Чечня началась...

Мне вспомнилась не сразу узнанная мной на улице Люся с глазами, загороженными огромными стеклами. Броская обнова помогала прятать то, на что подспудно намекал сдавленный голос. Да, вернулся старший, слава Богу... похудел, новые дырочки на ремне пришлось сделать... ясно, что невесело было, если даже вши нательные одолевали... Какую только отраву не придумает человек, а тут с букашкой совладать не может! Расстреляли боевики бочку с водой, вот и остались ребята при своих интересах. Даже родоновую воду пить приходилось, пока к реке не вышли... Омоновцам проще, те со своими банями ездят, а солдатикам хоть волком вой... Но этот теперь домой вернулся, в патрульно-постовую службу в Белозерске пошел... А характером совсем другой стал, молчаливый...

Мне подумалось тогда, что сыновья, прошедшие через огни и воды, наверное, просто оберегают своих близких, потому и не говорят обо всем испытанном. Хватает материнскому сердцу хвороб и без этого. Чуть новости - все невидимо напрягается в супругах Никифоровых: теперь средний, Сережа, в Чечне, а там такое творится...

И на Взвозе двое Карпуничевых прилипают к экрану: не мелькнет ли в репортажах лицо племянника? Своих детей нет, но несчетное число дней отгостили-отоспали у них в доме никифоровские ребятишки, и болит о них душа, как о родных.

Так неожиданно и до меня той осенью докатились раскаты далеких битв. Несколько раз в день в тайне друг от друга мы умоляли Всевышнего, чтобы т а м у всех все было нормально. Когда ты живешь на мирных просторах, где слышно, как плещется ввечеру рыбешка в заливе и шелестит ветерок листвою придорожных осин, дико, немыслимо вообразить себе жестокую бойню на другом конце земли и вероятную смерть кого-то из близких. Да и неблизких - тоже. Разве ж мало настрадались люди на нашей планете, что никак не угомонятся, не спохватятся и не обнимут покаянно друг друга, утопив перед этим все оружие в бездонных водах давно согласного на то океана?

Что вы сказали б в ответ на такое, окажись на моем месте? Хоть и нету прежней деревни с редкими и искаженными - из уст в уста - вестями, но жива она, жива вместе с дотошностью и въедливостью сельского человека, готового спросить с каждого заезжего за все грехи, не только губернские, но и мировые, так же строго, как требуют они с самих себя. Да и кто бы из нас, будучи навечно привязанным к своему дому-огороду и не имеющим реальной возможности обратиться к «верхам» с глазу на глаз, не воспользовался бы случаем и не прижал бы к стенке посланца «оттуда»? Ведь когда в душе у тебя покой и существуешь ты в согласии с издревле передаваемыми жизнен-

ными законами, то в голове не укладывается, как можно дышать в этом мире, нарушая их; по видимости, люди не ведают, что творят, оттого и рубят под собою сук, и надо лишь помочь им увидеть себя со стороны, чтобы все встало в мире на свои места! Ведь вон как восхитительно устроено все на нашей планете! Будь у сельчанина свободная минутка, он сам сорвался бы с насиженного места и поехал бы в столицы рассказать об этом... но кто ж за него натопит по зиме-осени печи, обиходит скотину, отремонтирует двор и технику, и прочее, прочее, прочее? А про лето и говорить нечего...

Я давно уж уложена была отдыхать с дороги, и даже Витя затих в своем углу, а Таня все крутилась и крутилась в кухне, деля по ведрам поздний ужин коровам, овцам и поросенку. Как когда-то в избе у бабушки, здесь тоже одуряюще вкусно пахло вареной картошкой в смеси со свеклой, капустой и другой огородной хитростью, и совсем не хотелось больше думать о малых и великих непорядках в нашем общем земном доме под темной и облачной сейчас небесной крышей. В окно бесцеремонно бился одуревший от озерного простора мокрый ветер, но оттого, что это входило в вековечный порядок вещей и на обозримом расстоянии не отягощалось бездумными и жестокими человеческими поступками, мрак и непогода не пугали, а напротив, придавали предстоящим часам отдыха невыразимую, детской безмятежностью окрашенную прелесть.

2. Ты - мне, я - тебе

И проснулась я ребенком, и долго лежала еще, вслушиваясь, как фыркает под умывальником, а затем брякает чайной ложкой Витя, как снова орудует ухватом Таня, в миллионный раз разливая по ведрам пойло. Не имело смысла подниматься в этот хлопотный час и вертеться у хозяев под ногами, изображая из себя помощницу и тем самым превращая строгий отлаженный распорядок в суету. Когда-то где-то я вычитала, что любой гость имеет право жить на льготных условиях три дня; по истечении же этого срока он обязан либо подключиться к общим делам, либо цивилизованно откланяться. Честно сказать, я и сама подзабыла этот неписанный закон, лишь заметила за собой, что стала меньше навязываться в деревенских домах со своей неуклюжей услугой: на себе испытала, что легче одному управиться с хозяйством, нежели постороннему объяснять, что, куда и зачем. Но для приличия иногда тянуло все-таки изобразить этакий словесный реверанс.

- Да уж лежи! - усмехнулась в ответ на мои экивоки Таня. - Твои дни еще не прошли! Помнишь, как ты меня учила? Я теперь всем своим летним гостям сразу так и говорю, чтобы не обижались, и подключаю к работе. Или, думаешь, я не права?

- А я? - ответила я, лениво поднимаясь. - Думаешь, я долго стерпела бы загорающих отпускников, когда на календаре страда? Да сама бы грабли в руки сунула или - вещички за порог! Деревня - это не дом отдыха, теперь-то я знаю...Только тебе помогать все равно не буду, не жди! Видишь? - кивнула я на блокнот. - И так не успеваю за тобой записывать!

- Много я болтаю? - без обиды повернулась ко мне Таня, держа навесу облепленные мучкой руки. - Вот и Витя говорит, что не остановить меня. А ты посуди сама, - она опять склонилась над ведрами. - Скоро четыре года дома сижу! Летом хоть на пастбище да в огороде людей вижу, а зимой и словом перебросится не с кем.

- Вот и говори со мной, говори! - подначила я, благодаря судьбу за разговорчивость героини. С иного человека двух слов не вытянешь - гадай, что у него на душе. А тут все тебе разложат по полочкам, только осознать да рассортировать потом останется. Зато уж не фантазии журналистские будут, не домыслы, а самая что ни на есть правда, которая мучает людей, но вот оформить ее письменно они не могут.

- А думы-то у меня в голове все крутятся, крутятся, - продолжала меж тем Таня. - Ведь восемнадцать лет стажа работы с людьми - и вдруг никому это не надо! Обидно, вот веришь - обидно до слез!

«Она через это болеет!» - причудился мне озабоченный за сестру люсин голос из Никоновской. И Таня неосознанно согласилась с ним:

- Конечно... Мне все кажется, что я могла бы чем-то облегчить людям жизнь. Но ведь не пойдешь навязываться со своими советами! Это как самому в президенты выдвигаться - не поймут.

- И зря не понимают таких! - воскликнула я, вспомнив далекий мой приезд на Взвоз, когда жива еще была Прасковья Ефимовна, а Таня только-только входила в свою от-

ветственную бригадирскую должность. Несколько близлежащих деревень с немногочисленными тружениками - вот была ее вотчина. Тогда в колхозе появилась рация, и с раннего утра Таня присаживалась перед ней, вызывая: «Диспетчер, на связь! Диспетчер, на связь!» Нужно было согласовать свои планы с центральной усадьбой, чтобы потом дать наряды своим подопечным: кому в поле, кому коровник чинить, кому за удобрениями ехать.

Были в Тане не знакомые матери деловитость и собранность, и Прасковья Ефимовна, скрытно наблюдая за дочерью с кухни, то и дело с краткой восхищенной улыбкой взматывала головою: что делается, а?! Давно ли была она девчушкой, которую боязно было отпускать работать на ферму после Люси?

- Я протеста не ставила, - вспоминала тогда Прасковья Ефимовна, - только спросила - вытянешь? Вытяну, сказала. Не все время доить придется... Ну, решай сама. Другие девки ревом ревели - хоть бы в няньки, хоть в подметалы, а в город! А моих хоть матюком обматюкай, не прогонишь из деревни. У них с детства была радимость к земле да к скотине. Ну и ладно, будь как будет...

- А и ладно, - сказала Таня с материнской интонацией, - чего сожалеть о том, что было? Хают - не с ног пихают, и хвалят - не на ноги ставят, так у нас мама говорила... Держали оборону и еще продержим!

Меня так и подмывало затронуть самое больное - вспомнить в деталях, как получилось, что вышла Таня из колхоза. Она рассказывала об этом года три назад, вскоре после конфликта, но умоляла ни строчки не писать в газете. Могла ли я, пригретая, накормленная и давшая слово, стать по приезду в город оборотнем? Даже в блокноте не посмела сделать пометки и половину услышанного честно позабыла.

Конечно, коснись бы раньше, по молодости, не исключено, что и выдала бы я зарисовочку, и обронила бы между строк нежелательное для Тани, но не из подлости продала бы ее, не из выгоды, а по незрелости душевной, которой все мы страдаем, пока на собственной шкуре не испытаем того, что в чужой судьбе прочитывается как голый факт. Но я сама к упомянутому времени уже несколько лет жила на селе и убедилась, как слово наше может всколыхнуть дремлющую деревню, - словно брошенный камень - тихую воду; и пойдут, пойдут тревожные круги во все стороны, и долго еще будет волноваться поверхность, когда и о камне самом позабудут...

- Да ты по себе знаешь! - то и дело восклицала тогда Таня, и я кивала, кивала ей с подступившим к горлу комком.

Тогда только что в московском журнале вышел мой очерк об односельчанах, которых я любила вкупе с их достоинствами и греховностью и сложность этого чувства пыталась передать на бумаге; однако большинство разглядели в тексте лишь темные свои стороны и озлобились на меня, и пытались предъявлять претензии, наивно угрожая судом. Какое-то время я даже днем закрывалась в доме, не желая никого видеть и вступать в бессмысленные перепалки. Но они и без меня продолжались-перекатывались волнами за порогом. Камень был брошен, а вода оказалась застоявшейся, омутной, и сдерживаемые лесной чащобой ветры давно не проносились над этой заповедностью...

Нет, никак не хотелось мне три года назад нарушать избранное Таней отъединение от людей. Теперь каждый вправе поступать так, как он хочет; даже загонять себя в угол, как, по моим представлениям, сделала она.

Время шло, и, судя по письмам, ни одна из сторон сдаваться не собиралась. А я не навязывалась в судьи. И теперь тоже. Захочет Таня - сама заговорит о больном. Есть, видимо, то, что греет ее душу в сегодняшнем положении.

Словно отвечая моим раздумьям, она перекинулась мыслью в другую сторону - будто стрелки перевела на путях.

- Вот опять я вчера согрешила, не записала последние данные! - попеняла она, нарезая капусту в кастрюлю, из которой давно разносился по дому пьяняще сладкий бараний дух. - Ну да ладно, мне с тобой все равно некогда будет садиться, придется пока запоминать.

- Какие данные?

- Когда первый снег нынче пошел, например. Сурепка когда во второй раз зацвела.

Много чего... Я ведь теперь местный фенолог! - притворно погордилась она. - Мне Ксения Иосифовна по старости передала свои полномочия. Она всю жизнь слала свои наблюдения в институт в Ленинград и в Вологду. У нее записи за тридцать лет сохранились. И по ним видно, между прочим, что погода повторяется у нас через 26-27 лет. Помнишь, наверно, - так же, как нынче, болота у нас горели в семьдесят втором, когда мы познакомились...

Господи, невольно ужаснулась я, вновь плотью ощутив, как бежит время. И Таня из девочки-тростиночки превратилась в дородную неспешную женщину, и я себя не узнаю на снимках многолетней давности. Где тот мой семьдесят второй с его немыслимыми планами, с беспечностью юности и готовностью все придуманное воплотить? Вон уж пожары прошли по этой земле вторично, но много ль плодов обещает послать мне моя незваная осень? И какой-то стороной упадет на землю скороспелый лист? Знать бы нам по молодости все тайные приметы мудрости, разве совершали бы мы столько ненужных поступков, разве теряли бы так безрассудно время?..

Вот даже погода следует, оказывается, каким-то своим неписаным правилам, да еще с дотошностью, которой позавидует любой бюрократ. Но ведь мы тоже частица погоды-природы, если верить мудрым людям и книгам. Об этом можно не догадаться, живя свой век в расплющено-окаменевшем городе и путешествуя со скоростью форда по незаселенным автобанам. Но тот, кто, подобно моим героям, заново рождается с каждым рассветом и угасает в ночи вместе со всем живым, тот ведает, что каждая травинка и каждый плеск ручья неустанно говорят с нами на вполне понятном и от века неизменном языке.

Например, если полосы-волны бегут-догоняют друг друга по поверхности озера, значит, скоро будет дождь. А как по весне лед отшатнет от берега - пришла пора сеять рассаду. Подобные хитрости сами собой невелики и каждый может их обнаружить, проследив за природой лет этак десять-двадцать, но к чему же такая расточительность? Добрые неторопливые предки давно постарались облегчить нашу суетную жизнь и передали по наследству все, чем пользовались в быту.

- Ты сама на это дело напросилась?

- И да, и нет, - ответила Таня. - Просто Ксения Иосифовна давно знала, как я к природе отношусь. Мы, когда я еще на агронома училась, часто разговаривали. Растениеводство - это ведь постоянное творчество, потому что погода всегда разная, каждый год, и надо под нее подстраиваться. Вот весною и ждешь, например, Великий Четверг. Если на него застынет, отсчитывай сорок утренников, и только после сажай огурцы. Но не вчера и не завтра, а именно сегодня. И так с каждым растением. Не зря, например, про овес говорится, что сей его в грязь, тогда будешь князь...

Таня закончила, наконец, заниматься супом и присела на краешек дивана, поближе ко мне.

- Но зато и ответственность у меня, представляешь, какая была? Если напутаю чего, то не у одной у меня не уродится, у многих. Теперь вот дачники донимать меня стали, идут и идут за советом, а потом передают по цепочке: Таня сказала, пора садить, или окучивать, или убирать... Хотя сей год, например, погода была нестандартная, говорят, 120 лет такого не бывало. А обычно лето три года по зиме определяется, и только четвертый оно само по себе - из-за високосности.

- Ну?! - таращилась я, ничего не смыслящая в этих делах и об урожае на своих грядках обычно молчащая.

- А еще межень смотрят, - добивала меня познаниями Таня.

- Что такое?

- С 14 декабря каждый день соответствует определенному месяцу в году, а утро, середина и вечер его - это одна из трех декад... да у меня много всего есть, завтра дам, спишешь.

Я списала потом кое-что, но ради того лишь, чтобы передать теперь приметы тем, в ком звучит возвышенная нота слиянности с природой и кого посещает тихое блаженство от совпадения собственных предсказаний с истинным ходом вещей. Мне не дано раствориться в этой стихии полностью, но стоит ли о том сожалеть? Потому мы и нужны на свете друг другу, что каждый способен одарить рядом живущего чем-то лишь ему доступным и его душою преображенным. Ты - мне, я - тебе, великолепная формула, зачем-то низведенная нами до грубого материализма...

3. Шапка Мономаха

Беседу нашу нарушило тарахтенье трактора за окном - приехал Витя.

- Ну вот, сейчас обедать будем! - сказала Таня и принялась разливать суп, нарезать хлеб. Она едва успела управиться, как энергичный муж ее, споро омыв руки, уже взялся за ложку.

Взгляд мой инстинктивно замер на его миске, которая осталась стоять почти посредине стола: он так из нее и черпал, долго и сосредоточенно неся ложку ко рту. Зачем?! Хотелось неразумно хохотнуть и подвинуть ему суп, сочтя ситуацию недоразумением. От разу до разу я едва сдерживала себя, пока до реактивного моего ума не дошло: да передо мною сидит потомственный крестьянин, выросший в большой семье и привыкший хлебать из общей посуды! Поди-ка вытрави из него эту привычку, передававшуюся из рода в род! Это в городах подобные мелочи могут повредить положению в обществе или стать яблоком раздора в семье, а в деревне все как раз наоборот: чем самостнее человек, чем отличнее от других, под шаблон подогнанных, тем острее веет от него правдой древности, способной впечатываться в лица, жесты, повадки, как допотопные насекомые - в камни и янтари...

- Вот что еще мне вспомнилось, уж закончу, - вернулась за чаем Таня к тому, что мы обсуждали без Вити. - У нас Богданов все время так и говорил: зачем мне московские сводки погоды, когда у меня свой синоптик, Ксения Иосифовна... Как ты, кстати, пообщалась с ним?

Перед внутренним моим взором снова всплыло усталое, безрадостное лицо бывшего председателя.

- Печально, как еще... Не могла вытащить к свету. Упирается.

- Во-от, - протянула Таня, отставляя чашку недопитой. - И мне жаль его до слез!

- И шуб у нас нашили, и валенок накатали, и маслозаводик поработал, и колбасы навыпускали, - подхватил Витя. - Все в мечтах, в планах. Ничего не получилось, все потухло вместе с ним.

Я опять увидела тоскливые глаза своего недавнего собеседника и рванулась на его защиту:

- Но его ли только вина, что не хватило сил? Почти нигде подобное не удалось! Не было ни экономической базы, ни налоговых льгот...

- Да его у нас никто и не винит! - встрепенулась и Таня. - При нем все-таки люди неплохо жили. И уж он с уважением ко всем. Бывало, старух созовет на лен, так к каждой подойдет, поговорит. Я тогда бригадиром была, знаю, каково это - уговорить пожилых на помощь... Зато новый председатель даже не здоровается с пенсионерами в поле! А без них, между прочим, у нас давно бы все рухнуло окончательно. За лен ведь вон уж сколько лет не выплачивает государство! Не хотели больше сеять, да заставили. А подсчитали бы, сколько затратят средств на одну доставку! В Белозерске ведь от льнозавода одни стены остались, в Шексну возить надо...

Таня принялась мыть посуду и продолжала:

- Нет, не подняться нам теперь, как ни старайся. С 30 центнеров зерновых с гектара съехали на 3, картошку не садят, гибрида скотине нет... Прежде всю зиму торф на поля возили - и это дело забросили. После такого нашим подзолистым почвам лет двадцать не очухаться будет! Ни одного гектара зяби с осени не вспахано - чего ждать от земли?.. Тут брат наш сводный приезжал из Сибири, посмотрел, как мы землю ублажаем вокруг дома, так диву дался. У нас, говорит, за человеком так не ходят! Правильно. Старопрежние люди и убивались над каждым клочком, чтобы выросло что-то, а теперешние в колхозе только отмахиваются - не наросло, и не надо! Конечно, при таком отношении и не нарастет. А от государства нынче помощи ждать нечего. Раньше то и дело пленумы по селу были. А теперь в телевизоре и не вспоминают, что где-то есть деревни и там надрываются последние честные люди. Ведь уже больше двух пятилеток все держится только на стариках и на энтузиастах. Но завтра никто задаром ничего делать не будет! Другое поколение выросло. Вот и все!

От погружения в болото безнадежности мне опять стало тоскливо. Напрягши весь свой неизощренный ум, я попыталась найти доводы в защиту неминуемого светлого будущего. Но над головою вплоть до горизонта висели низкие тучи... Ладно, сказала я

себе, я не спец, мне бессмысленно раскорячивать мозги над разрешением не подвластного даже министрам. Но не может же быть, чтобы среди живущих на самой земле не было знающих, как выкарабкаться из трясины!

- Как нет? - охотно отозвался Витя. - Конечно, есть. Вон в соседней Бечевинке местный тракторист вызвался в руководители. Распустили колхоз и снова набрали только тех, кто хочет и может работать. И сразу стали нормально жить. Пьяниц нет, в конторе всего пять человек теперь. И коровы доят, и урожай хороший, и зарплату людям дают. У них за посевную механизаторы получили по тысяче рублей. А у нас я лично - всего сто! В Бечевинку теперь, раз деньги появились, трактора новые идут. А наш инженер туда ездит одалживаться соляркой и запчастями. От кого же зависит все? От руководителя. Особенно когда сверху никто не следит, что внизу делается.

Господи, значит, не в полном крахе села дело, а в людях?! Сердце мое окатилось горячей благодарностью к тем, кто теперь возвращал мне надежу и веру. Вспомнилось, как о том же убежденно говорила Люся:

- Ну, как может руководить даже бригадой человек, у которого в своем хозяйстве никого, кроме кошки, не бывало? Что он разумеет? Только как свой карман набить!

- Вот и у нас так надо бы, - снова подключилась к беседе Таня, выставляя парадом ведра для скотины. - Всех разогнать и заново набрать! И чтобы в конторе не семеро с ложкой сидели, а столько, сколько действительно сегодня надо. Куда нам пять бухгалтеров да экономистов еще? Что считать? Не велики у нас зарплаты.

- А сколько? - спросила я.

- У самих конторских по четыреста в среднем вышло, - ответил Витя, - а у механизаторов и того меньше. А раньше мы раза в три больше остальных получали.

- Это бы ладно, - смилостивилась Таня, - у путнего руководителя можно бы и за сто рублей поработать, только бы знать, что все опять не канет в камский мох.

- Куда-куда? - насторожилась я.

- А и сама не знаю! - хохотнула (по-местному, «схахала») Таня. - Мама у нас так говорила, вот и я... Не зря чтобы, значит. Чтобы впереди действительно хорошая жизнь получилась. А терпеть да ждать нам не привыкать, научились.

И снова во мне колыхнулось сомнение: ведь производства продукции на селе почти нет, и объекты все растаскиваются по кирпичику, а выживают руководители только за счет продажи леса, пусть и одобренной сверху. Но если начальство на все стороны распродает лес, не думая, чем это обернется завтра для земли, значит, жить на ней оно не намерено! Так говорят низы, и разве они не правы? Мыслимо ли было прежде в крестьянском хозяйстве не подумать о будущих днях, не оставить в наследство детям ни полных закромов, ни обихоженных угодий, ни здоровых водоемов? Ушло все, ушло, кануло, как в камский мох, и не навсегда ли?

К полночи, вздрагивая от таниного позднего бряцания ведрами, я и вовсе раздумалась о мономаховой шапке: каково-то ее носить? И откуда берутся смельчаки примерять ее на себя? Ведь это невыносимо - тащить бремя, которое тебе не по силам. Ну, ладно, взялся за гуж, не подумав, не рассчитав своего умишка, так наплюй ты на пословицу, скажи, что не дюж, повинись, отступись - авось найдется кто расторопнее и вытащит всех со дна? Ан нет, по-дурному повелось на Руси: пусть лопнет пузо, но не пропадет добро. Неужели ж так тянет людей жирный начальственный куш, что готовы они отдать за него спокойствие и умиротворенность своей души? Или они и не ведают о таком, а потому и не тоскуют?

Но не может душа не тосковать, не может не плакать, предвидя свою погибель! И совесть не может не мучить, когда человек чувствует, что делает совсем не то, ради чего был он призван на эту землю. Пусть и не всегда осознанно, но верит же каждый, и самый замызганный бомж, и самый высокий правитель, что приход его в этот мир не мог быть случайным. А раз так, значит, и задача перед ним какая-то стояла конкретная, от выполнения которой зависят судьбы не только детей и знакомых, но, может быть, и какой-нибудь звонкой далекой звезды, трепетно светившей над головою в миг первого твоего свидания... Все так сопряжено, так пропитано одно другим в этой вселенной, что невозможно выбраться из пут своих прав и обязанностей, своих желаний и долгов, своих обещаний и обманов. Невозможно до тех пор, пока не придет к тебе осознание единственности и правильности твоего пути, ибо только на нем опадают вериги и

открываются прежде закрытые двери, уставшие ждать твоего прозрения.

Не этой ли ясностью светятся взоры тех, кто давно обрел себя? И в особенности взоры тех, кто выбрал своею судьбою работать на земле. Это в городе можно долго плутать от профессии к профессии, от должности к должности, чувствуя и не чувствуя ложность своего положения. На селе же неправда твоя тотчас проявится леностью и нерадивостью, пустым амбаром и покосившимся забором.

Я по себе это знаю, потому что в какой-то момент перепутала свое искреннее желание одиноко жить в природной тиши и писать - со стремлением трудиться на земле и от нее кормиться. И что же вышло? Только душу рвала себе и близким. Запрещала себе садиться за печатную машинку, сгибалась над грядками и чугунами: овцы, кролики, поросята, куры, козы... Все перепробовала и все отвергла. И теперь вот, счастливая тем, что благодаря мужу мое разумно ограниченное хозяйство длит свое существование и в дни моих журналистских путешествий, я праздно лежу в гостях у Тани и терзаюсь недоумением: как же она-то, изо дня вдень, из года в год... Я бы так не смогла. У меня так не получилось!

Но не слава ли Богу? Разве к своей мечте увидеть на рождественском столе жареного гуся с яблоками я обязательно должна идти через личный хлев, а не через рынок? Этак можно опять вернуться всем к натуральному хозяйству. Но человечество уже проходило это! Не разумнее ли мне достойно получать за свой труд по призванию, чтобы иметь возможность воспользоваться плодами рук иных мастеров и своим вознаграждением принести удовлетворение и им? Вот и будет все ладно, и наступит истинное благоденствие...

На этой ли, на другой ли фразе, но я, наконец, отключилась... а когда очнулась, Таня уже - или еще?! - колдовала над чугунами и ведрами. Вся моя ночная философия тотчас вылетела в трубу жарко топившейся русской печки.

И после этого мы - не рабы?!

4. Цепи рабства

- Рабы. У нас так точно - рабы! - ответила Таня готовно, словно мы и не прерывали разговора. - Любого спроси-ка наедине - чего он держится за колхоз? Из-за льгот, из-за стажа, из-за пенсии. Можно бы, почти бы все разбежались на другие места, да в деревне некуда. А молодых подсобное хозяйство да дети не держат, вот они и уезжают, кто на заводы, кто в охрану, лишь бы не унижаться перед колхозным начальством, не выпрашивать на хлеб. После армии-то один Коля Радостный здесь задержался, да, Витя?

- Один, - ответил из-за перегородки одевавшийся в рабочее муж. - Молоко колхозное возит, но надолго ли? Будут ли коров держать? Теперь все может быть...

- А отношение к человеку возьми, - Таня снова привычно взялась за приготовление обеда. - Иди хоть ко мне за стол, поближе... Ты, Витя, надолго ли?

- Мучку привезу, потом до Никоновской. К двенадцати буду.

- Давай, счастливо...

Таня проводила мужа кратким взглядом через окно и, дождавшись, когда взревел и затих вдали трактор, продолжила:

- Вот его хоть возьми. Думаешь, он колхозник? Не-ет, - она выдержала паузу, рассчитывая на мою бурную реакцию, но я лишь насторожилась. - По конторским документам он - полколхозника! Полчеловека!

В памяти моей колыхнулось смутное воспоминание об уже слышанном.

- У нас проживает шесть категорий людей, как касты в Индии, - объясняла Таня. - Самая уважаемая семья, когда оба работают в колхозе. Когда один в колхозе, другой в бюджете, тоже неплохо. А если один в колхозе, а другой нигде, как у нас, то человека делят пополам, и все льготы тоже уменьшаются. Вот если бы мы развелись, например, то Витя опять стал бы целым колхозником!

Я только головой покачала, вспомнив:

- И у нас висело такое же объявление на конторе - кому сколько платить за квартиру в зависимости от места работы... Еще там какие-то были пункты.

- Это когда один в бюджете, а другой за территорией хозяйства подрабатывает. А самые униженные - все остальные под общим именем «дачники».

- Это как мы! - воскликнула я радостно, хотя в пору было заплакать. Из белозерского

далека я вдруг увидела наш колхоз как на ладони, и весь расклад сил в нем - о, ужас! или чудо? - оказался полным повторением того, о чем мне теперь рассказывали на Взвозе. Тот, кто ушел из колхоза, чтобы жить самостоятельно, - предатель, преступник. «Свои» пользуются льготами по оплате жилья, обработке земли, меньше платят за воду, навоз, за пользование пилорамой, транспортом и т.п., а остальные... Все это было бы понятно в городе, где от веку все чужие друг другу, но в деревне, где через дом - родня, где еще вчера все были равны и одинаково сыты и счастливы! Нет, это не укладывается в сознании, даже если сделать скидку на перекройку общества. Неужели ж голод и деньги, вернее, отсутствие последних, способны поставить крест на всем, что было светлого в сельском человеке?

- А «гробовые»? - заколачивала последний гвоздь Таня. - Представляешь? Больше не выделяют гробы бесплатно, даже льгот не оставили. Платите, как в райцентре. И это - живя в лесу! Да неужели старухи за свою тяжкую жизнь на четыре доски себе не заработали? Нашли на чем разжиться!

Мне стало горько-горько. Вспомнилось кладбище на пригорке у озера, на которое я так и не нашла времени заглянуть, чтобы увидеть, где нашла свое упокоение Прасковья Ефимовна... Что бы она, интересно, сказала сегодня про все это?

- Чего дивного? - усмехнулась бы сдержанно. - Свои сопли всегда солонее... А вы не горюйте, девки. Господь все видит, он всех рассудит!

И впрямь - разве не так? Разве теперь не вольны мы выбирать себе образ жизни, который позволил бы и чувствовать себя людьми, и поступать по-человечески? Даже в абсурдном окружении.

Какой только ерунды не придумано далекими от жизни чиновниками! Например, женщина должна отработать 220, а мужчина - 230 дней, чтобы прожитый год был бы им зачислен в колхозный стаж.

- А у Вити вот не получится. Он больше пяти месяцев был без работы.

- Как? - не поняла я, видевшая, что его и дома-то не бывает.

- Да так. Не выходил он в колхоз... Чего в мастерских без дела сидеть? Мужики-то многие ходят туда, отмечаются, чтобы им положенные 3 рубля 10 копеек начислили. А он лучше какую-нибудь халтурку найдет. Вот на нас и сердятся, что мы не бедствуем, как другие. А кто сердится? Кто любит сидеть, сложа руки.

- Русский характер, - вставила я, вспомнив телевизионный опрос о желающих чистить сортиры за хорошие доллары. Почти все в ответ руками замахали - нет! нет! А чего и стыдного? Побираться - не стыдно, пить - не стыдно, голодать - не стыдно, а работать - не ходи!

- Ну, - кивнула Таня. - Вот всех и раздирает, что у нас два своих трактора. Да окучник купили, да машину сменили на новую... Конечно, если прижать зад к стулу, ничего не заработаешь. А я вон подсчитала - я только в хлеву провожу в день по шесть часов! Мама выругала бы, сказала бы, многовато, девка! А как иначе, если деньги нужны? Летом у меня по десять клиентов бывает на молоко, вот и считай, если каждый день банки по три больших уносят. Людям-то думно, что мы в мешок деньги складываем, а мы в технику да в запчасти. Теперь ведь вон какие цены, сама знаешь. Да и долги еще не все отданы, за дом-то...

Вот оно! - встрепенулась я, поняв, что Таня подступается к конфликту, о котором я не смела вспоминать. Думалось, что опять она станет охранять его от моих записей, как бережем мы больное место, вынужденно двигаясь в толпе. Однако она даже не глянула на мою ручку.

- А знаешь, как приятно с дачниками работать? Все вокруг меня с уважением ходят: Танечка да Танечка. И никто не похает, потому что я человек обязательный, если кому что пообещала, уже не подведу, лучше себе в чем откажу... А прежде-то, бригадиром, целые дни только мат и слышишь, да еще начальство ругает. Зачем мне это надо было, за гроши-то?.. У нас ведь квартира есть в Никоновской, помнишь? В давние еще времена выделили, но в каменном доме, там холодно, сыро было, а у Вити больные легкие. Вот мы и не поехали, но и не отказались от нее, мало ли что... А потом возможность подвернулась - мы заняли денег и купили в Никоновской деревянный дом, недоделанный, но хороший. Вот тогда и началось... Куда нам столько да зачем? Провернуть что-

то решили!.. А мы всего и сделали, что о старости подумали. Будем беспомощными - кому наш Взвоз нужен будет? Здесь и теперь-то зимой почти никто не живет. Хлеб привозят два раза в неделю, почту не много чаще. Если бы не своя машина, и сегодня бы заплакали.

- Чего ж вам теперь бы не перебраться на центральную? Все и умолкли бы сразу.

- А какой интерес? Там даже молоко продать некому, все дачники нарасхват. А тут - я нарасхват со своими буренками. Да еще коммерсанты зовут летом в магазине поработать, когда покупателей много. Только куда я от хозяйства? Я ведь летом и коров своих сама пасу. В лес даже сбегать некогда, ни грибов, ни ягод толком не видим. Только и радость, что вздремну на травке, пока коровушки отдыхают рядом...

Мне увиделась - как сегодня! - молоденькая Люся, уснувшая в светелке с книжкой в руках, когда мы вернулись с нею вдвоем с утренней дойки. Так же, наверняка, ловила счастливые часы сна и Таня, когда отпустила сестру учиться в техникум... И вот минула четверть века, а все так же самой большой мечтой остается у них возможность всласть выспаться поутру. Нереальная мечта!.. Впрочем, как у всякого сельского жителя, за исключением, быть может, меня...

- А если бы тебя позвали назад?

- В колхоз-то? - замерла Таня и тут же отмерла. - Не позовут! Пока все будет по-прежнему, не позовут. И я не пойду. Они же, когда мы дом купили, нарочно с нас сняли льготу по квартире, чтобы мы почувствовали их власть. Мне всего и получать-то осталось бы в месяц зарплату чуть больше ста. И я бы за эти деньги еще убивалась на бригаде? Вот я и написала заявление, не раздумывая. А они и подмахнули, не задержались. В общем, нашла коса на камень.

Таня мгновение подождала, пока схлынет подступившее волнение.

- Они ждали, что я сама к ним на поклон приду, что, мол, с голода умираем. А мы еще лучше зажили... А в колхозе ведь нельзя жить лучше начальства, обязательно найдут, за что уцепиться. Витя тут подрядился частнику-коммерсанту лес вытягивать с вырубки, так тут же нажаловались, что он себе ворует.

- И чего?

- А ничего, приехали с Белозерска, проверили - все честно. Но все равно предупредили - ты смотри! А чего смотреть?

Во мне некстати всплыли собственные обиды на деревенскую жизнь, в которой я оказалась ненужной со своим настырным желанием нести культуру и религию в массы. В клубе меня не поняли; отремонтированная церковь вновь стоит закрытой; а разговоров-то, пересудов было!

- Не делай людям добра, не получишь и зла, - тихонько вставила бы Прасковья Ефимовна.

- Не-ет, - перебила бы я ее теперь, - иначе: не причиняй другим добра! Не навязывай им своего представления о счастье и несчастье. Тогда и самой никогда не будет больно.

- Ты знаешь, - задумчиво сказала я Тане, - а может, все наши шишки оттого, что мы наивные и упрямые баранчики? Ведь я тоже, как и вы с Витей, овен по зодиаку, а овнов жизнь до старости ничему не может научить. Мы остаемся детьми.

- Но зато мы не умеем обманывать и хитрить! А нас почему-то именно в этом всегда подозревают!

- Каждый видит мир со своей колокольни...

Мне захотелось приобнять Таню, сидючи рядом, и даже, чего греха таить, опрокинуть по стопочке - за нас, овнов!.. Но она, дав себе роздых всего на полчасика, снова готовилась идти на двор. Лишь и добавила:

- Хуже нету, когда тебя не понимают... Я после той истории даже на люди долго появляться не могла, только со скотиной общалась. Скотина не предает, не ищет выгоды. А мужики наши, которые тоже тогда проголосовали за мое исключение, потом по пьянке винились: ты нас всех защищала всегда, а мы... Прости!

И дверь за Таней закрылась.

Я осталась наедине со своими раздумьями. Все основное было теперь обговорено. Близился к концу мой третий день гостеванья. Надо было готовиться к отъезду. Но я так и не знала, имею ли я теперь право рассказывать о Тане открыто. Разве не так же

пойдут круги от брошенного мною слова-камня, как пошли бы они раньше? Разве что-то изменилось с начала затяжного конфликта?

А разве не изменилось? Даже в таниной просьбе «лучше не писать» уже не слышалось прежней боли и уверенности, напротив, она звучала уже полувопросительно, словно Таня, произнося эти слова, прислушивалась к тому отзвуку, который они получали в невидимом плане окружающего бытия. И сама она, раньше не умевшая того, улавливала бессловесный ответ и была удовлетворена им, потому что ощущала чуткой душою, что свирепевшие к зиме ветры повыдули-повыгнали застоявшийся в низинах воздух и напоили просторы свежим легким дыханием завтрашнего дня. Никто еще, быть может, не распознал этого, да и сама она о себе не знала, что она изменилась, но мое сердце горячим толчком вдруг засвидетельствовало: все так, не сомневайся!

Конечно, так. Каждый день, каждый час меняют нас разительно, хоть и незаметно это до поры, как будущие листы, зреющие в стебле злака. Однако приходит миг, когда все поле вдруг преображается и разливается поющей зеленью, за которой мудрое око угадает грядущий урожай.

Не затем ли и мне судьбою назначено снова и снова вникать в перевивы чужих судеб, что вызревает в них что-то очень важное и характерное для будущего нашего человеческого сообщества? Я не могу раздумья героев не сравнить со своими, тоже на земле рожденными, чтобы обнаружить теперь уже очевидное: все во всех деревнях сейчас одинаково и флюсы повылезали в одних и тех же местах! Значит, и болезнь их произвела однотипная, и лечение потребуется общее. Специалистам решать, с операцией, без нее ли. Но больно будет. И друзьям моим в первую очередь. Однако я не имею права заявить, что все их проблемы - их частное дело. Они из первых, кто посмел осознать свое рабство и попытался от него избавиться. А в какие века подобных жаловали?

Все непонятное внушает нам недовольство и опасение, как неопознанные объекты, иногда залетающие к нам из далекого будущего. Они вдруг переворачивают вверх тормашками наше устоявшееся представление о существующем порядке вещей и надолго лишают покоя. Кому-то недоступно порассуждать о возможности иного мироустройства, кому-то уже и некогда по старости и необходимости собираться в невозвратный путь. Но всегда находится кто-то, кто жаждал, кто предвосхищал это зыбкое небесное явление, потому оно и случилось в назначенный час и над его головою. И можно ли после этого вернуться в прошлое, словно ничего не случилось, догадайтесь сами...

5. Ностальгия по небесам

Когда знаешь, что скоро уезжать, а предстоит ли новая встреча, неизвестно, с глаз словно спадает пелена, мешавшая видеть вещи в истинном свете. И вместе с кружащимся в воздухе последним листом, ложащимся на подмерзшую землю, вместе с прозрачными снежинками, прощально плачущими на твоем лице, вдруг начинаешь замечать и покосившееся крыльцо чьего-то старого домика, и подгнившие мостки, ведущие к заливу, и общую невзрачность, недоокрашенность всей нашей северной природы накануне погружения в долгий сон. А пролетающие по дороге за деревней иномарки, спешащие из неведомого в такое же неведомое, а потому чуждое нам, воспринимаются как лишнее подтверждение обделенности и позабытости деревни. В такие минуты вдруг невыносимо начинает тянуть к собственному очагу, который всегда мил, хоть порою и беден, и не жарок. После разлуки именно неказистость его, прорехи и щели рождают неожиданную жалость, от которой совсем недалеко до любви.

Но вот вопрос вопросов: научимся ли мы когда-нибудь, сможем ли смотреть таким же прощальным взором на людей, чтобы, забыв об их недостатках и причудах, любить их просто за то, что и их когда-нибудь не станет на этом свете? А последний лист все будет и будет кружиться над землею из осени в осень, из века в век...

Интересно, а те, кто уехал из родных мест, так же вспоминают подобные мелочи и так же в душе плачут над ними? Это и называется ностальгией?.. Прежде у нас и мысли бы не возникло о подобном среди деревенских забот, но вот раз, и два скользнули в таниной речи упоминания о заграница, и мне пришлось выяснять неясное. Оказалось, кто-то из земляков к родным в Германию подался, кто-то замуж в Болгарию

вышел, а с Прибоя, из деревни, что неподалеку от Взвоза, люди уехали-улетели аж в США - их туда «по вере» пригласили, адвентистской, что ли, и очень хорошо приняли. Понятно, человек всегда ищет, где лучше.

- А только все равно мужики там мечтают о нашей русской водке с соленым огурцом! - свидетельствует Витя, непривычно опрокидывая в компании с нами прощальную рюмочку. - Никаким достатком эту страсть не перешибешь, сами рассказывали!

- А «болгарка» наша, слышишь, - пихает меня локтем Таня, - все стремится там «Калину красную» посмотреть. Я, говорит, как ее увижу, словно на родине побываю!

...Ах, не троньте, не троньте!.. Ведь совсем рядом со Взвозом Егор Прокудин-Шукшин пахал на тракторе свое последнее поле, и было-то это каких-то четверть века - четверть века!! - назад. А потом и сам Василий Макарович, вслед за своим героем, оставил этот мир... А меня подняло с насиженного редакционного места предощущение страшной утраты, и отправилась я куда глаза глядят, лишь бы заглушить в себе гулкие воспоминания о будущем... и необъяснимо для себя оказалась опять на Взвозе, на осеннем говорливом берегу озера, где березою топилась для меня по-черному банька, где сидел в доме возле стола роскошный кот по имени Счастливый и аккуратно брал лапкой с клеенки кусочки мяса, где мамою хлопотала вокруг меня Прасковья Ефимовна, напрасно пытаясь пробиться к моим основам... А потом ошарашенно смотрела мне вслед, когда я взлетела на люсин велосипед и помчалась на почту в Орлово, где ждала меня телефонная трубка с непереносимым известием... помчалась мимо фермы, на которой доили своих буренушек Люся и Таня и на которой в параллельном киношном мире работала вместе с ними Любовь Байкалова-Федосеева-Шукшина... помчалась мимо того злополучного не допаханного Егором поля, молодые березки с которого позднее Нина Радостная заботливой посылкой отправит на Алтай, в детскую колонию, где когда-то выступал Шукшин и где они, прижившиеся, будут потом сломаны чьей-то недрогнувшей рукой...

- Мама наша все жалела, что не пожил Василий Макарович, - в какой-то глухой бездонной тишине говорит свое Таня, а я уже слышу и не слышу ее. - А то бы и тебе, поди-ка, помог... У нас ведь всегда так - кто талант, тот так и заглохнет в тени, если не сложится счастливо судьба... Умная вот ты, а никак не пропихнешься...

Мне хочется сказать, что все у меня сложилось прекрасно и что ни о чем в своей жизни я не жалею, что и в деревне я живу не из побитости, а по тоске сердечной, которая только там и оставляет меня, потому что является подругою нашей интуиции; без них никак не отыскать бы нам истинного своего назначения и не исполнить своего земного долга. Но я не понимаю, сказала ли я это или только подумала. Голова моя оказывается на подушке, и я проваливаюсь в небытие, чтобы вынырнуть из него почти в полночь.

Таня привычно колдовала в кухне над ведрами. Опять пахло вареной картошкой, капустным листом и свеклой. Но я не позволила себе расслабиться, готовясь утром в путь. Было еще кое-что недосказанное.

- Про папу-то? - отозвалась Таня. - Ты вот запиши-ка себе, может, где и узнаешь про него. - Она помолчала, пока в ведра звонко цедилась из крана вода. - Он ведь рано у нас умер, мне лет восемь было, Люсе чуть больше. Чего мы тогда понимали? А только знали, что мы - дети врага народа. Потом уж, мама старенькая была, спрашивали у нее, а она и сама толком ничего не знает. Говорила, что шутил он, будто дали ему 33 года, а он только три отсидел, тридцать должен остался. Его домой помирать отпустили. А он еще женился на старости лет да нас сделал. Маме уже больше сорока было.

- У нее ведь еще дети были?

- Ну, Коля с Галей. Первый-то муж остался жив, но после войны к маме не вернулся, вот она с папой и сошлась. Попробуй-ка в деревне без мужика! Сама знаешь, каково... Так вот что я хочу попросить. Теперь всех реабилитируют, может, и про нашего что известно? Я не знаю, куда сунуться, а ты боевая, найдешь. Зовут его, - она запнулась, - звали его Останин Леонтий Кириллович из деревни Перховта нашего района, 1905 года рождения. Его осудили по 58 статье.

Глядя, как я записываю данные, она страстно добавила:

- Вот не верю я никак, что он враг был! Все о нем так хорошо вспоминали. Говорили, что в лагере он большого ума набрался от ученых и академиков. Синусы и косинусы в

уме мог вычислять. А язычок не умел держать за зубами - как и я вот! Наша старшая, Галя, вспоминала, как она плакала о Сталине, а он ей сказал: тиран умер, на его место другой сядет, а вы..! За язычок-то он и пострадал, мама так мне говорила, - завершила Таня и, подхватив ведра, вышла на двор.

Я еще раз собралась с мыслями и выудила едва не забытое.

- А про Таану! - сказала я, едва вновь открылась дверь.- Помнишь, ты обещала какой-то каталог и телефоны московские.

- Ой-ой-ой, - подхватиласьТаня и полезла в сервант.

Нужное нашлось быстро, и я держала в руках сложенный втрое рекламный листок выставки энерго-информационных голограмм, которые были созданы «посланницей 21 Галактики Созвездия Рыб Тааной Аэл-Лань-Ом-Ар-Ис». Разноцветные причудливые узоры-зигзаги по очереди являли перед моим взором то энергетический портрет представителя Высшего разума Вселенной, то изображение Высокоразумной сущности, то энергоструктуру желудочно-кишечного тракта или лечебные голограммы для чистки фантома, плазмы крови и прочего... У меня слегка раскорячились мозги.

- Вот про нее я тебе и звонила тогда, думала, вдруг ты про них слышала...Они у нас большой компанией жили на Прибое. Всех тут с ума посводили! То облака разгоняли...

- И получалось?!

- А хоть верь, хоть нет. В дождь вставали кружком, в какие-то свои трубы дудукали, потом танцевали дикие танцы - и тучи уходили! А еще говорили, что сама Таана работает по очистке воды. Она выезжала на моторке в озеро, поднимала руки к небу, и будто бы что-то в это время в воде на всей глубине происходило. Уж не знаю... Я хотела вникнуть, почитала книжку, которую она мне дала, а потом напугалась чего-то. Говорили, что сектанты они какие-то или колдуны, что чуть ли не психотропное оружие на нас испытывают... В общем, я решила, пусть берут они у меня молоко, и ладно, а остальное не мое дело.

- И правильно, - автоматически буркнула я, углубившись в книжицу.

«В какое интересное время мы живем, когда человек начинает осознавать себя подлинным творением Великого разума...

Так случилось и с Тааной. Она приняла Великий сигнал земли и воплотилась в уникальное тело человека, и с 1990 года работает на земле с Великой Миссией открыть людям сознание, что планета Земля, на которой они живут, является уникальным творением Абсолюта, Его проявленной Любовью, что нигде, ни в одной из галактик нет такой мощной психической энергии, которой пронизана вся планета, а главное - Человек, что он и только он может либо разрушить ее, либо восстановить в первозданном естестве...

И Таана воплотилась здесь для чистки экологии внутренней и внешней среды обитания различных представителей растительного и животного мира планеты, ее литосферы, почвенного покрова, атмосферы, а также водных ресурсов...»

Пока я пробегала глазами текст, Таня успела приготовиться ко сну и из своего закутка не в первый, наверное, раз взывала ко мне:

- Нин, а Нин!

- Ау? - отвечала я, спеша глазами по буквам, которые неумолимо вытягивали-вылавливали меня из притаившейся на берегу крошечной деревушки в огромный надземный мир, столь же милый, понятный мне и влекущий, как и тихие затерянные земные уголки.

«У нас нет иного пути осмысления неизвестного, кроме движения от культуры человечества. Рисунки и символы - это древнейшая практика на земле. Наличие в голограммах Тааны всесторонней связи Земли и Космоса дает возможность предположить, что в психосфере Земли имеются некоторые структуры, заложенные еще на заре земной эволюции. А это значит, что в человеке присутствует какой-то аспект Космоса, выраженный в архетипии нашей психики...»

- Они не сумасшедшие, как ты думаешь? - боялась Таня, вверяясь мне, как дитя матери.

А я чувствовала, как душа, успокоенная было сельской тишиной и непритязательностью, снова начинала рваться на части. Почему опять с меня здесь спрашивают, как с ведающей истину в последней инстанции? Все было так просто и понятно до того, как попала мне в руки эта нелепая с точки зрения бытового сознания книжица! Живут

и честно трудятся на своем клочке земли очень неглупые и светлые люди; их мудрость уходит корнями в глубь веков, где жили такие же славные предки, а крона, надо думать, будет зеленеть и в грядущие века; надо бы всем брать с них, с моих героев, пример, и не бояться отстаивать свою самость и свободу. Что еще? Что вам надо от меня еще?!

Я обещала, что при случае непременно найду в Москве кого-нибудь из группы таинственной Тааны и составлю о них личное впечатление. Но какое бы оно ни было, оно не может отменить тех основ, какими живы мои друзья на Взвозе. Спокойной ночи!

А утром, прощально созвонившись с Никоновской и упаковав мои вещи и традиционные гостинцы, мы втроем сели в машину и тронулись со Взвоза к белозерской автостанции. Карпуничевы были нарядны и торжественны и совсем не походили на людей, которые все дни проводят среди навоза и мазута. Мне подумалось, что из них могли бы получиться, подобно многим, неплохие и небедные городские жители, которые нашли бы достойное применение своим неустанным рукам. Вот только душа, душа, вросшая в землю тысячелетними корнями... она не вынесла бы такой неправды! Потому-то они и здесь, на тихом позабытом Взвозе, где даже я не частая гостья...

Я оглянулась назад. Серая деревушка уже сливалась воедино с голыми продрогшими полями, верящими в неизбежность весны и потому непременно оживающими с первыми небесными лучами даже после непереносимой стужи. Вот не стало видно домов, затем озера, а потом исчезла и сама дорога в те края.

Под колесами зашелестел асфальт трассы, и мне почудилось вдруг, что я не в машине, а в самолете, который долго, непереносимо долго берет разбег, чтобы преодолеть, наконец, родное земное притяжение и вырваться в безграничные высшие просторы, где иные законы и другие правила сосуществования. Захотелось оттуда, сверху, окинуть взглядом все, что не умещалось в поле зрения на земле, и увидеть хитросплетения дел и судеб человеческих, и обнаружить, и устранить истоки всех наших ошибок и заблуждений, и научиться-таки не обжигать свою душу, взирая на солнце нового знания. А потом и другим помочь делать это без вреда для здоровья. Быть может, и секрет-то весь состоит в том, чтобы не отрываться от земли окончательно, чтобы прорастать в небеса кроною, возносящейся от почвы? А почва у нас с вами такая благодатная...

1997

Здравствуй, племя!

Послесловие

Это теперь кажется, что промчались-пронеслись десять лет, будто один день. А как же они тянулись для каждого из нас..! Не припомнишь, не расскажешь. Только вздохнешь потаенно после долгой разлуки: постарели! постарели мы! Но виду не подашь, потому как каждому больно сознавать такое. Ведь в душе мы все те же девчонки, что и в семидесятых, и совершенно непонятно, почему скоро нам предстоит покинуть этот мир навсегда, в то время как только-только начинает над ним брезжить рассвет...

Наши мамы и бабушки и представить себе не могли, что когда-нибудь можно будет не переживать за наших детей, так не любящих писать письма. В мгновение изменилось все, и даже там, где остались одни дома-развалюхи, как награда, на груди почти у каждого - спутниковая тарелка, а на горизонте - вышка сотовой связи. И где бы ни был ты - в далеком городе, в поле или на болоте, всегда с тобой твои близкие. А есть ли что важнее на свете для каждого из нас?

Желанный мне человек за минувшие годы покинул меня, но перебрался недалеко - через дорогу в сосенки, куда можно всегда забежать и рассказать ему о своих делах. Вот только в ответ - тишина. Недоступно еще людям двустороннее общение с ушедшими.

А когда бы осилили эту премудрость, то и в семье Нины Радостной не тосковали бы так об утрате - не стало за эти годы ее свекрови, дорогой Марии Петровны. Это про нее мечталось мне когда-то даже снять фильм. И теперь вот, как весточка из прошлого,

попался на глаза рукописный листок об этих планах.

В прошлом учительница, писала я, она никогда не обольщалась официальными заверениями о благополучии нашей жизни, а всегда видела и ошибки, и поспешности, и недомыслие своих односельчан, в особенности руководителей колхоза, и, как могла, предостерегала от них... Точно! На другой шпаргалочке нашлась пометка о том, как выступала Мария Петровна против строительства каменных домов, говоря, что это неперспективно и неразумно на селе, а боевитый тогда и несгибаемый Богданов обрубал дискуссию: «Вы отстало мыслите!»

Теперь, говорят, здоровье у него начало сдавать, суставы болят, и врачи советуют побольше ходить, вот он и путешествует до школы и обратно, туда-сюда. Какие думы сегодня в его голове? Никуда ведь опыт жизненный не выкинешь, вот и прикидывает, наверное, как бы поразумнее все обустроить в наступившие новые времена.

Господи, сколько ж воды утекло! Еще ведь были для жильцов тех каменных домов построены - каменные же! - дворы для скота. Никто так и не стал ими пользоваться - мыслимо ли! И долго они стояли немым укором среди голого поля, обдуваемые всеми ветрами...

Теперь, наверно, разобрали их по кирпичику или скрыли новостройками. А дома заселены. Новые пары, когда создавались, предпочитали жилье, похожее на городское. В такую, кстати, квартиру и не поехали в свое время Карпуничевы.

Но в такой, кстати, квартире живет сейчас с семьей нинина дочка Маша. Между прочим, за последние годы это единственная молодая семья, образовавшаяся в Никоновской. Муж Иван - электрик, а Маша пошла по маминым стопам - работает в клубе. И сын нинин Коля тоже пока верен родным краям, шоферит.

А муж Володя, самый главный Радостный, хоть и не хвастает здоровьем, но тоже помогает семье - по ночам ходит охранять новую технику. Хотелось написать - колхозную, но теперь это было бы неправильно. Три близлежащих хозяйства объединились и создали ООО «Согласие». Оно производит и поставляет в Череповец молоко, а за это получает корма для скота.

Правильное ли решение? Время покажет, но уже на первом году удалось приобрести голландский зерноуборочный комбайн, а затем и силосоуборочный. Все в них - под командой компьютеров, а компьютеры в наших землях без пригляду пока оставлять не стоит. Вот вечером и собирают хозяину «тормозок» к ночному чаю.

Раньше, когда засыпали муж и детишки, Нина со свекровью в кухне беседовали о прошедшем дне и прикидывали дела и поступки на завтра. «Большие государственные думы двух светлых женщин в домике на берегу озера», наивно писала когда-то я. Хотя почему наивно? Наверняка и этим тоже приближался наш сегодняшний обнадеживающий день. Да, не было в жизни Марии Петровны подвигов сопротивления, но было другое, не менее важное, - подвиг терпения. И оптимизма. Именно этим - верой в светлые начала - заражала она всегда своих близких. И невестку - тоже.

Сказать, что теперь Нина надломилась, не берусь. Другой бы с ее болячками - когда ноги отказываются ходить и врачи ничем помочь не могут - давно бы скис и не показывал из дома носа. Но разве ж такое возможно для Нины?! И она летом и зимою - на велосипед, который ее слушается, и - в школу! Библиотека по-прежнему истинный ее дом, хотя и не очень устойчивый.

Мучительное для народа время отразилось на рождаемости и в селе. Когда я была в Никоновской последний раз, в школе было 130 учащихся, сегодня - 41, и первоклассник - один-единственный. Не исключено, что вскоре детишек будут возить в другое село, и Нина работы своей лишится. Впрочем, и пенсия не за горами, но она будет меньше сегодняшней по инвалидности, так что веселых перспектив нет. Как бились-выживали долгие годы, так и теперь пока не до роскоши. Но нам ли привыкать!

Мне показалось, что Нину до сих пор греют воспоминания о прошлом. За недолгие часы общения мы пробегались по нему не раз, и снова у нее на глазах были слезы удовлетворения после удавшихся клубных вечеров, после людской благодарности. И снова она понимала, что Всесоюзная комсомольская организация была все-таки больше не политической и что с отказом от нее молодежь многое потеряла. Хотя как здорово, что теперь уже никто никого ниоткуда не исключит за крещение ребенка и за собственное мнение по любому вопросу.

Я обнаружила, что оно у нас с Ниной очень схоже по многим пунктам, как и прежде.

И от этого в душе копилось ощущение счастья, несмотря на то, что для каких-нибудь хлюпающих носами малышей мы были уже старыми старухами, ничего от жизни не ждущими и ничего в ней давно не понимающими. А не понимали мы лишь одного - тайны ушедшего времени.

- Мне ведь тридцать лет было, когда началась перестройка, - говорила Нина. - И вот уже - прошла жизнь...

А передо мной дома вынырнуло из прошлого ее письмо, то самое, в котором она печалилась о «зря прожитых днях». Оно датировано было как раз 1985 годом. Кроме общего для всей страны события - прихода к власти Горбачева, в семье Радостных были и свои, радостные и нет. Нину тогда приняли в члены партии. А незадолго до этого скончался свекор. И был он, оказывается, по рождению совсем не Радостным, а просто Арсютиным, как многочисленные его братья и сестры. Но поп при крещении решил дать ему новую фамилию, которая знаменовала бы начало новой, счастливой жизни для всего нашего народа. Тогда бушевали революционные ветра, и людям хотелось верить в светлое завтра. Как сегодня и нам.

Конечно, оно наступит, не может иначе быть. Но сколько еще лет пройдет в его ожидании, неизвестно. Впрочем, быть может, и секрет в том, что его нужно не ждать, а приближать, каждодневными делами своими?

Красиво говорю! А на практике-то оно обычно и тяжко, и неприглядно, и тошно. Высмотри-ка за чередой усилий и борьбы за существование высокий смысл!

На осеннем Взвозе все та же горстка домиков у залива, все те же стога поблизости, те же трактора.

На крылечке у Тани кучи душистых яблок, трескающиеся от самодовольства кочаны капусты, тыквы, кабачки. При мне соседи-дачники принесли еще огородной снеди - в гостинец корове за ее сладкое молоко. Но хозяйку ждать не стали - раз она в хлеву, то надолго.

Я дождалась, конечно. Такая же шумно-говорливая, большая и уютная, Таня засуетилась, поняв, что я мимолетом. Достала из холодильника пакетики с бараниной, замороженную щуку, побросала в сумку яблоки и капусту, подала банку молока.

«Чем богаты...» - отозвалась из прошлого ее мама, а я мысленно поклонилась ей. И почему я решила, что связь с тем миром не двусторонняя?! Надо только чаще оглядываться и совета просить. Ведь оттуда, сверху, все гораздо виднее, чем у нас на земле. И сразу понятно, по той ли дороге идем-едем...

Мне до машины было недалеко - Таню я и проводить не взяла. Не один год мы с ней созваниваемся, и я знаю, что теперь она служит на почте в Орлове, стаж вырабатывает. Ходит туда через день, а в свободное время крутится теперь, как белка в колесе, потому как скотины в хозяйстве почти не убыло.

А Вити так же целыми днями нет дома. Еще какую-то важную и нужную технику он купил - я своим женским умом тут же и позабыла ее название и назначение. Но с гордостью, как за саму себя, узнала, что еще приобрел он в собственность пилораму в Никоновской, и теперь забот у него не убавится, а совсем наоборот.

- Лишь бы правда пошли навстречу малому бизнесу! - как заклинание, прошептала Таня и почему-то посмотрела с надеждой на меня.

Я не стала придавать этому значения, потому что даже мне неведомо, как наше слово отзывается, когда рождаем мы его в муках и отправляем вершить невнятные нам энерго-информационные дела. Нам ведь тоже хочется верить, что не напрасны труды наши и в ком-то творят они великое чудо преображения. Конечно, конечно...

Конечно! Ведь когда я впервые приехала в эти края, и впервые умылась озерной водою, и впервые средь ночи пришагала с Людмилой на ферму, а потом написала о ней первую в своей жизни зарисовку под названием «Люсины зори», я угадала сердцем, что благословенна эта земля и быть мне с нею повенчанной навеки.

Так и случилось, и не слово ли мое тогдашнее, наивное, застенчивое, но светлое и искреннее, сотворило сие чудо? Уже через год работал в этих краях - по моей подсказке - Василий Макарович над «Калиной красной», и я писала в газете, побывав на съемках, что «Добру откроется сердце» у тех, кто потом, по завершении, посмотрит этот фильм.

Не только картину эту, а и все, что было им сделано, начали взахлеб смотреть-чи-

тать после внезапного его ухода из жизни. Все возжаждали его с л о в а.

Ах, зачем, зачем он тогда играл со смертью, изображая кончину Егора Прокудина?! Вот на этом поле неподалеку от Взвоза... Рядом вот с этой дорогой, по которой Люся и Таня ходили-ходили-ходили на свою ферму в Орлове... А коровушки по утрам никак не хотели вставать на дойку... А двор был совсем новенький, и его не стыдно было тогда снимать в кино...

А теперь от него остались одни развалины, и мы с Люсей, обходя его вокруг, смотрим непрерывно под ноги, чтобы не упасть и не напороться на гвозди, торчащие из обломавшихся балок. И *«здесь опять минувшее меня объемлет живо»*... Думали, вот-вот будет комплекс в Никоновской - чего цепляться за старые постройки? А ведь еще в 1985 году сюда, в Орлово, уже на двухсменную работу, судя по письму Нины Радостной, пришли выпускницы, десять человек, *«хорошие девочки, конечно, со своими ошибками в семнадцать лет, но и с умением преодолевать трудности»*.

Догадывался ли тогда кто-нибудь, сколько трудностей нам всем впереди предстоит и сколькие так и не смогут выбраться из них, покинут этот мир, полагая, что так и суждено ему погрязнуть в разрухе и раздоре? Что бы там ни говорили, а все-таки веселее отправляться в невозвратный путь, зная, что ты оставляешь на земле мир и покой и заповедуешь это детям. И внукам.

У Люси их уже двое, да и еще будут, от троих-то сыновей! Мы бродим с нею по дорогим местам, и я не могу отделаться от ощущения, что рядом со мною не она, а маленькая и тихая Прасковья Ефимовна, которая почему-то в тревоге за то, что ей и не может быть ведомо. Откуда бы знать ей, что сегодня на берегу огромного озера за место у воды воюют-ссорятся дачники и местные жители, пригоняющие на водопой коров. Мешают они, дескать, отдыхать, и воду мутят, коровы, а потому и пастбища частные надо бы перенести подальше, землю эту выкупить или еще как...

Нескончаемы, нет, беды и тревоги наши человеческие! И никогда, наверное, не будет все ладно на измученной нашей планете. Наверное, так оно и задумано, - испытывать нас на прочность, на терпение, на сострадание, на любовь. А уж что полагается в награду за все это, нам остается только гадать.

В какой-то миг показалось мне тогда, что прозреваю я нечто искомое и неуловимое. Мы с Люсей, выглядывая в сырой пожухлой траве островки пониже и посуше, бродили от поля к полю возле дороги, гадая, где же были съемки и где рухнул на землю Егор Прокудин. Все было то и - не то. Люся даже взволновалась, устыдилась, что не помнит, и я решилась ей помочь, подойдя к стайке берез.

- Вот этим, как ты считаешь, сколько лет?

- Я думаю, лет сорок, - она оценивающе склонила голову на бок и, подумав, подтвердила свое предположение.

- Ну вот, а со времени съемок прошло тридцать пять! Значит, как раз вот эта рощица и могла мелькнуть в фильме.

- Там еще Прибой виден был, помнишь? А теперь вон и у воды все как заросло - домов почти не заметно. Да-а...

«Но около корней их устарелых (Где некогда все было пусто, голо) Теперь младая роща разрослась», - промолвили нам небеса, но Люся, кажется, не расслышала. Ей нужно было спешить домой, к своему хозяйству...

А я вскоре вернулась к своему. Со странным чувством исполненного долга. Точно было что-то незавершенное прежде в моей связи с этой землей, а теперь случилось неизбежное, и я поставила точку в конце того текста, который еще предстоит дописать.

Любовь ФИЛАТОВА

ЧАША САНДУЛИИ

Бабка Сандулия живет от нас в двух километрах. От нас - это от Веченова, так называется холмистое, открытое всем ветрам и непогодам место. В нем семь деревень, первая - Починок, с него все и начиналось, дальше Круголка, Круглица, Нелидово, Епифанка, Гора и Доводчиково, здесь все доводилось до конца. Раньше здесь был колхоз «Путь Ильича», мой прадед работал директором школы, а прабабка учительницей. Давно-давно колхоз закрыли и присоединили к совхозу «Весенний», что на другой стороне от города. Все жители и уехали в Весенний. Теперь в Веченове лишь семь старух да дачники. Мы теперь тоже дачники, хотя у нас настоящий дом-пятистенок прадеда Пети.

А если посмотреть на закат - там лес спускается в долину Сегжи, и получается чаша. В этой чаше и живет Сандулья. Раньше там была деревня Бродки, потому что там можно перейти Сегжу вброд. Хоть и неглубокая река, а норовистая. Не везде вброд перейдешь.

Сандулья всегда нам рада, самовар наставит, сахар фруктовый вытащит из горки. Она очень уважала мою прабабку Веру Павловну. И каждый раз за чаем ее уважает. А прадеда Петю почему-то не вспоминает никогда. А Веру Павловну - всегда. Дюдя Петя был из зажиточной семьи. Сначала отец его Осип жил припеваючи, затем служил в НКВД. А умер в грязовецкой тюрьме. Дети от него отказались. Вера Павловна из попович. Их сослали в тридцатые годы в Веченово, здесь они встретились, поженились и вели всю школу. Мама говорила, что никогда, даже когда она стала взрослой, никто не вспоминал, откуда дюдя Петя и баба Вера. Как-то это не приветствовалось. Мама сама потом все узнала. У нас есть фотографии, где Вера Павловна еще девочка в кружевных панталонах, а дюдя Петя в кепке со звездой. На другой Осип с Георгиевским крестом на груди и в сапогах хромовых. Осип сидит на резном стуле, нога за ногу, а дюдя Петя маленький рядом стоит. Носы одинаковые.

Сандулье 94 года. И всю жизнь провела она здесь, на Бродках. У Сандульи пятеро детей, и все они теперь в городах - в Вологде, Ярославле, Кирове и даже Кирово-Чепецке. Только Радька, меньшой, в Веченове на Епифанке, работает лесником. Живут все хорошо, получают хорошо. Даже Радька. Он хоть и бобыль, до пятидесяти без жены, а дом покрыл железом. По утрам оно горит, как пожар, на солнце, всем семи деревням видать. И отгородился двухметровым забором, на диво всей Епифанке. К Радьке ездили невесты из города по выписке, но никто не ужился. Зато Радька ездит к Сандулье каждую неделю на тракторе, возит ей хлеб, чай и старые газеты на растопку.

Был еще у Сандульи муж, горький пьяница, гонявший ее, еще молодую, с детьми босиком по морозу, да сгинул давно уже. Поехали за сеном, все напились. Сандульин муж упал с саней, а хватились только утром. Так и замерз. Но было это пятьдесят лет назад, никто и не помнит. У сандульиных детей все хорошо, только внуков зовут мудрено: Элла, Элеонора, Снежана, Анжела, Патрик. Я их всех и не помню, с ума сойдешь.

В доме у Сандульи чисто, светло, пять окон на реку, два на лес, одно на пажить, то есть на деревню. Я бы сказала - на нежить. Провалившиеся крыши, разваленные срубы, крапива и бурьян на старых усадьбах, а через весь дом богатеев Гридиных с обломанными уже резными наличниками и отвалившимися водосточными трубами проросла со всей дури осина. Двор завалился, крыльцо пало.

- Да кулаки были, - рассказывает Сандулья. - Две коровы, лошадь, овцы, телка, теленок, патефон, семеро детей. С утра до ночи в поле. Пахали сами, сеяли, жали. Приехал проднаг. Дед твой был. Всех и сослали. Так никто и не вернулся. Живут, говорят, внуки в городах. Пашка - в Вологде, Линка - в Мурманске. Хорошо живут.

Получают много. А сюда не едут. Пошто им теперь?

Я не очень знаю, что такое «проднаг», но отчего-то мне больно, что мой дед, даже прадед, дед он моей маме, «был здесь», и теперь исчернился и упал этот крепкий дом с затейливой резьбой и балясинами. Надо же, кулаки! А главное - патефон. И из всех семерых о потомках - только о Пашке да Линке.

Сандулья вытаскивает из печи пироги.

- Как знала!

Пироги простые, толстые, на одном крупа размазана тонким слоем - это крупеник. На другом редко посажены кусочки сала от радькиного поросенка. Это сальник. Но тесто такое нежное, мягкое, вкусное, что и крупеник, и сальник уходят за милую душу. Остальное мы принесли сами - колбасу, которую Сандулья покрошила дюймовыми кусками, сыр, конфеты шоколадные. До этих лакомств так никто и не дотронулся.

Толстая полосатая желтоглазая кошка вдруг сыто потянулась на лежанке, выгнулась дугой, соскочила на пол и прыгнула мне на колени. Принюхалась и стала тереться плюшевой головой о мою ладонь. Раз, другой, и с мурлыканьем, с урчаньем, так, что дальше не гладить ее было невозможно. Разомлела, улеглась удобно, а я уже чесала ее за ушком и гладила белое пушистое брюшко. Так кошка получала ласку и любовь. Не хотите - так я сама попрошу, и не сможете отказаться. Звали ее Вася. Вообще-то это был кот. Затем Сандулья его и прибрала, чтоб мышей ловил. А когда по весне Василий вдруг растолстел, Сандулья и поругивала его порой:

- Ишь, разъелся!

Как было заподозрить в такой-то глуши, где до человеческого жилья дойти непросто, единственную близкую животину в первородном грехе. И только когда кот разрешился от излишнего обжорства четырьмя рыжими (от белки, что ли?) котятами, Василий превратился в Василису. Но сам этого не заметил. Как был Васей, так Васей и остался. Двух бельчат унес сокол. Хоть и мертвая деревня, а все кружит он, все ищет себе поживу. А двух взяла внучка Элеонора в Ярославль, отдала подругам. С тех пор Вася ничем особым не выделялась. Сандулью больше не удивляла. Только ласкалась ко всем. И ко мне тоже.

- Хорошая девка, - говорит Сандулья. - Ишь, какая ладная, глазастая.

Это про меня.

- Где учится-то?

- В восьмом классе, - отвечает бабушка и тут же начинает расписывать успехи моей сестры Машки, которая уже на втором курсе экономического факультета и поступила бесплатно.

Сандулья смотрит выцветшими глазами за окно без занавесок, на лес, на реку, согласно кивает, приговаривает:

- Хорошо, хорошо.

И вдруг поворачивается ко мне, гладит сухой морщинистой рукой по волосам, улыбается:

- Учися, милая, учися, мы-то неучи, так ничего и не видали. А ты учися. Хорошо и получать будешь.

Я иду от Сандульи по лесной дороге. Впереди бабушка, она хвалит пироги. А я думаю - почему мама так любит дюдю Петю, больше всех на свете, хоть он и умер давно. И если бы мама от меня отказалась, я бы тут же и умерла, прямо под этой сосной. Зачем мне это все без мамы? Мама хорошая, она любит меня, Машку, папу, блины печет. И ничего я уже не понимаю, но тоже всех их люблю. Хорошо, что у нас нет патефона.

Людмила ПРОКОПЕНКО

БАБКА АГАФЬЯ

Сколько себя помнила Агафья, она всегда о ком-то заботилась, кого-то опекала. Родилась она в большой деревенской семье. Была самой старшей из десятерых детей. С трех лет нянчила младших, стирала пеленки, утирала сопли. Жили очень бедно. Подросла Агафья, стала девицей на выданье, но женихи обходили этот дом стороной. Больно уж бедна была невеста, да и красотой большой не отличалась. Тосковала Агафья, плакала по ночам, потом вроде бы смирилась со своей долей, успокоилась. Когда ей было сорок лет, пьяный сосед изнасиловал ее в стогу сена и пригрозил:

- Расскажешь кому, убью!

Тщательно скрывала она свою беременность, а когда узнали родные, выгнали ее из дома. В городе временно пустила ее пожить бездетная двоюродная тетка. Стали они жить втроем: тетка, Агафья и малышка Альбинка. Ребенок рос болезненным и хилым. Пришлось Агафье перебираться обратно в деревню. Купила она полуразвалившуюся лачугу, и стали жить. Работала Агафья на трех работах, ломила, как мужик. Завела козу, корову, свиней выкармливала. Мужиков наняла, новый дом ей поставили. Альбинка на молочке да на свежем воздухе поправилась, щечки зарумянели. Агафья души не чаяла в своем дитятке. Все прихоти ее исполняла.

- Ой, добалуешь ты свою барыню, сядет тебе на плечики и ножки свесит, — поговаривали соседи, но Агаша только улыбалась.

- Не ждала, не ведала такого счастья я, что будет у меня кровиночка моя, дитятко, солнышко ясное. Да разве я для нее что не сделаю? Да я для нее горы сверну. Я же как ломовая лошадь. Что со мной будет?

Альбинка росла сущей красавицей. Наряды меняла, как листки календаря. На мать стала покрикивать, а та, не замечая ничего, крутилась, как белка в колесе. Статного, красивого парня выбрала себе Альбинка. Свадьбу сыграли пышную. Все деньги, какие были, потратила мать на торжество, да еще и в долги влезла. Все для доченьки, все для кровиночки. Ломила по-прежнему, не разгибаясь, и все бегом, бегом.

Внучка родилась. Хлопот прибавилось. Днем ребенка нянчила, ночью сторожихой нанялась. Так и жили. Успевала все: и полы помыть, и сготовить на всех, и с ребенком управиться, хоть и на седьмой десяток перевалило. А Альбинка только покрикивала:

- Мать, ну что ты как тетеха стала, не дождешься тебя. Андрейку утром поздно разбудила, ему нагоняй на работе дали!

Андрей насупленно молчал. Он вообще старался не разговаривать с тещей, выговаривая Альбинке:

- Надоела мать твоя хуже горькой редьки. Толчется под ногами, проходу от нее нет.

- Ну куда ж я ее дену? Самой надоела. Руки как крюки стали, все из рук валится, а жрет так за троих. Чай каждый час не по одной чашке пьет. И куда в нее входит? Как в прорву.

Вот и Светланка выросла. Расцвела, как бутончик аленький. Молода и свежа. Встретила парня хорошего. Решили они свадьбу сыграть. На семейном совете стали решать, где жить молодым. И выходило так, что жить им придется, пока не будет своего жилья, здесь, с Агафьей, Андреем и Альбинкой.

- Ну, что ж, — сказал Андрей, — мы переберемся в бабкину комнату, молодым отдадим свою. В большой комнате будем гостей принимать, а бабку в утиль придется сдать. Еле ноги волочит. Жить не живет и другим не дает.

Все засмеялись. Агафья улыбнулась смущенно и сказала:

- Бог не прибирает, что же я-то сделаю?

- Бабка, а ты бы к своим братьям-сестрам подалась, может, кто бы тебя и приютил. Родня ж как-никак. От меня же муж в первую неделю сбежит. Он и видел-то тебя один

раз, и то сказал: «Что это у вас за старая карга живет? Точно баба-яга из сказки.

Все опять дружно засмеялись, а Альбинка сказала:

- Правда, мать, давай мы тебя к твоей родне пристроим, может, кто возьмет? Или, может, в дом-интернат для престарелых договориться, чтоб тебя взяли? Ну, нет тебе здесь места, сама видишь. Молодым-то надо где-то жить. Восемьдесят пять лет, сколько же ты еще-то проживешь? Я скорее сама сдохну, чем тебя похороню.

Агафья снова заулыбалась, моргая глазами и утирая слезы.

- Нешто я не понимаю, нешто я вам враг. Конечно, вон меня и Прасковья звала, и Александра тоже. Я, конечно, я уйду. Я все понимаю.

- Ну, вот, — воскликнул радостно Андрей, — ее зовут, а она и идти не хочет. Давай, шмотки в руки и вперед! Мы тебе собраться поможем, а то и так можно, без шмотья. Зачем тебе все это тащить? Альбинка тебе потом сама все соберет и принесет. Можешь даже сегодня собраться. Я по такому случаю тебя могу и на машине, куда скажешь, отвезти. Ну, чего, мать, сбираемся?

- Да-да. Я сейчас, я только оденусь.

Агафья зашла в свою комнатку, осмотрелась. Сняла со стены фотографию Альбинки с дочкой и мужем, поцеловала и прижала к груди. Со стола взяла засохший пряник, сунула его машинально в карман куртки и вышла из комнаты. У дверей натянула резиновые сапоги, на голову накинула старый платок. Поклонилась низко в пол и тихо прошептала:

- Прощайте. Ухожу я. Поживу у Александры.

- Ладно комедь-то разыгрывать, не навсегда прощаемся. Отвезти тебя или сама дойдешь?

- Сама дойду, я тут напрямки, скорехонько.

Агафья еще раз поклонилась родному дому, таким знакомым стенам, полу и потолку и, положив крест, вышла. На улице подмерзало, мелкий снежок сыпал и сыпал на лицо, на плечи. Агафья дошла до леса и пошла по еле приметной тропиночке. Здесь она знала каждое деревце, каждую ложбинку. В лесу было тихо. Агафья вышла на небольшую полянку, села на пенек, прислонилась спиной к дереву и, достав из кармана пряник, стала обсасывать его, словно конфету. Мысли ее были далеко-далеко в прошлом. Ей виделась ее маленькая Альбинка, которая тянула к ней ручки и кричала:

- Мамочка, я тебя люблю, ты моя самая любимая мамочка!

Агафья улыбалась, из закрытых глаз вытекали слезинки. Ей было тепло от таких воспоминаний. Дремота подступала все ближе и ближе. Сжалившись над несчастной старухой, она укрыла ее своими объятиями, сомкнула веки и убаюкала тихим шуршанием деревьев. Бабку нашли весной, сидящую на пеньке и улыбающуюся чему-то улыбкой праведника.

АРГОШКА

Она сидела на полу своей комнаты, опершись спиной о стену и руками держа его безжизненную голову. Темные глаза, еще минуту назад с болью и тоской смотревшие на нее, затухали и стекленели, и только выкатившаяся последняя слезинка блестела, скатываясь вниз. Она долго гладила его по голове, называя ласковыми именами, словно не зная, что его уже больше нет.

Муж принес его маленьким щенком в подарок на День рождения. Щенок не мог понять, почему его отняли от матери, везде искал ее запах и тихонько поскуливал. Муж с сыном шумно радовались приобретенью, ласкали, тискали его, не замечая, что хозяйке подарок совсем не по душе. С первых минут она почувствовала к щенку какую-то злобу. Как посмел муж, не спросясь ее, притащить в дом этого безродного щенка, да еще и в подарок ей на День рождения? Почему это она должна принимать такие подарки? Но у них в доме не было принято резко осуждать чьи-либо действия, а никаких аргументов против не дали ей высказать. Муж с радостью взял на себя заботы по кормлению и уходу, а сын предложил гулять со щенком. Пустующую темненькую комнату тут же приспособили для проживания щенка, постелили старенький коврик, налили в тарелку воды, отрезали кусочек колбасы, и все это даже не замечая того,

с каким безучастным видом на все это смотрит хозяйка. Только щенок, ласкавшийся к мужу и сыну, почему-то со страхом подбирал хвост, когда сын подносил щенка к матери, восторженно твердя:

- Мама, смотри, какой он, смотри, что за прелесть!

Что ж, пусть этот щенок живет здесь, но она не подойдет к нему и ни разу не приласкает его, это ей не нужно. Так сразу же решила она и, развернувшись, ушла на кухню.

Щенок рос, из неуклюжего создания он превратился в прекрасную собаку. Аргошка — назвал собаку сын. Отец звал пса Арго, а сын звал еще и Гошка. Мать же, когда изредка наливала ему еду, покрикивала: «Эй, пес». Тот беспрекословно откликался, но шел, будто стесняясь того, что он здесь и что он мешает ей. Осторожно подходил к миске и, поглядывая на хозяйку своими темными глазами, съедал все, что она подавала, даже если был не голоден. Это ее тоже раздражало. Потом она, казалось ей, привыкла к собаке, но приласкать не смела или не хотела.

Прошел не один год. Аргошка был красавцем псом, он послушно следовал за хозяевами, выполнял команды и никогда без дела не лаял. Многое переменилось, сын повзрослел и отделился от родителей, хотя не женился, имел свою квартиру, машину. В эту осень они не раз вчетвером ездили в лес. Мать любила бродить по лесу, притягивающему спокойствием и тишиной. Она ходила в отдалении от сына и мужа. Аргошка бегал около них, наслаждаясь свободой и чем-то непонятным человеку.

Так было и в тот раз. Отец с сыном бродили где-то поодаль, а мать присела на пенек передохнуть. Она услышала голоса и поднялась им навстречу. Но это были чужие ей люди. Два молодых человека, явно подвыпивших, шли к ней. Один хохотнув, спросил:

- Ты че, мать, одна?

Не отвечая, она развернулась и пошла в сторону, но, запнувшись за сучек, полетела на землю, рассыпав грибы и поцарапав щеку. Поднявшись на колени, стала собирать грибы и тут почувствовала, что сзади ее взяли за локоть, поднимая. Она хотела поблагодарить человека за помощь, обернулась и увидела пьяное, в жуткой улыбке, лицо. Оба стояли около ее. Один, поднявший ее, вдруг схватил за кофту и стал рвать пуговицы, а второй, подойдя с перочинным ножиком, тихо с хрипом сказал:

- Молчи, старуха, а то прирежем. От страха она рванулась в сторону, но, запнувшись за корзинку, вновь повалилась в мягкий мох. «Володя!» — хотела крикнуть она, но грязная, потная рука закрыла ей рот, и только «Во!» разнеслось по лесу. У нее ослабели руки, она не могла сопротивляться, но на последнем дыхании крикнула: «Арго!» И вдруг сквозь боль и страх она услышала приближающийся лай собаки. Аргошка с остервенением набросился сначала на одного, затем на другого, оба разом бросились бежать, а Аргошка, стоя около ног хозяйки и оскалив зубы, грозно рычал. Потом пес, глядя на хозяйку своими черными умными глазами, впервые без страха завилял ей хвостом. Подбежавшим испуганным мужу и сыну она только зло выдавила: «Будьте вы прокляты».

Эти слова сбылись. Погиб в автокатастрофе сын, буквально через полгода. Через год не стало мужа — сердце. Так и остались они с Аргошкой вдвоем. С того страшного дня она относилась к нему совсем по-другому. Сама кормила, гуляла с ним, часто ласкала и разговаривала, будто это не собака, а человек. Пес старел, уже не бегал, как раньше, а ходил, часто садился отдохнуть и, высунув язык, смотрел на хозяйку. По ночам плохо спал и тяжело дышал. В ветлечебнице сказали: «Старый пес, скоро умрет». Ей стало как-то муторно и страшно. Однажды ночью Аргошка тихо заскулил. Хозяйка встала, включила свет и поняла, что пес умирает. Он уже не мог даже поднять морду. Черные глаза смотрели на нее с тоской и, как ей показалось, с жалостью. Она села на пол, подняла морду собаки, положила к себе на колени и стала гладить, говоря ласковые слова, шевеля шерсть и не замечая, как слезы стекают по ее лицу. Из глаз Аргошки тоже выкатилась слеза, а живой огонек в глазах стал медленно затухать.

Наталья УСАНОВА

КАМЕННЫЙ БОГ

Старшая секретарша не по-хорошему сощурилась, такой прищур у нее случался каждый раз, когда она называла практикантку по имени-отчеству.

- Вероника Федоровна, поди сюда.

Худосочная девчонка «Вероника Федоровна», едва видная из-под кипы счетов-фактур и отчетов, опасливо вылезла к столу. Ругать будут. Она начала вспоминать, в какой бумаге могла нагрешить. Но старшая не собиралась изрекать обвинения. Она запустила руку в конверт-»кассу» и вытянула оттуда две помятые десятки.

- Сегодня по салону я справлюсь одна. А ты сбегаешь сейчас к одному редактору.

При слове «редактор» Вероника навострила уши.

- Сергей Сергеевич. Живет на Победы, тридцать два. Да найдешь ты, это за телецентром. Возьмешь у него журнал «Росчерк», директор там рекламу керамики заказывал. Реклама уже оплачена. А экземпляр журнала стоит восемнадцать. И не забудь, как всегда, товарный чек за журнал.

«Как всегда» прозвучало весьма двусмысленно. Вероника никак не могла привыкнуть к этим товарным чекам и стабильно забывала их просить. Вероника накинула пальто, включила плеер, любимые «Ночные снайперы», и, путаясь в длинных серых полах, вышла на улицу.

Живет в центре. Квартиры в центре дорогущие. И на окраине-то комнату снимать - ой-ой. Наверно, этот тип опять важный и толстый - как шеф. У Вероники был тайный корыстный интерес: а вдруг удастся пристроить свою статью? С этой статьей - прямо целая история. Тощие редакторы обычно бывали шустрые и отказывали в публикации сразу, едва взглянув на автора. Толстые редакторы обычно долго и обнадеживающе сопели, а потом говорили:

- Ты кем работаешь? Секретарем? Вот иди и секретарствуй себе. Не лезь не в свое дело.

У монолога толстых редакторов были и вариации. Например:

- Тебе сколько лет? Семнадцать? Ну...

Или начинали просматривать и морщились:

- Отвратительный стиль. У тебя сколько по русскому языку за прошлую четверть?

Даром что уже закончила школу. И по-русскому вообще-то четверка была. Твердая. Завершалась любая редакторская речь все тем же «не лезь не в свое дело». Ни разу еще не удалось уговорить кого-то прочитать статью до конца. Формально редакторы были правы: дело Вероники - заполнять бланки, а не писать материалы в почтенные печатные издания.

Незаконнорожденная эта статья появилась на свет так. Шеф поехал закупать товар для своего салона сувениров и прихватил с собой Веронику, чтоб она на месте оформила бумаги. Директорский «Форд» остановился у хрущевки. Поднялись на пятый этаж. По пути директор сказал, что договорился купить картинки у какой-то вдовы художника. А это не картинки оказались, а настоящие шедевры. Вероника как увидела, так сразу открыла рот и не закрывала, пока директор не сказал, что сейчас муха залетит.

Там была картинка такая, точнее, панно - медитирующий бог. Из булыжника сделанный. И украшенный какими-то золотистыми камешками. А рядом нарисованный контур того же бога - в бешеном танце. И еще была картинка «Клетка». И «Сердце», и «Красота». И все - из булыжников вперемешку с драгоценностями. Виделось в таком раскладе что-то очень верное. Вот человечище был этот художник, а? А вдова его - слепая. Во всех смыслах. На картинках сзади написано - 1500, 900, 1300 и наподобие, а шеф сказал - это немодный декор и они по сто рублей пойдут все, так женщина их и отдала. В мешки сложила всю коллекцию, может, единственную такую на целой Земле. «Спасибо, - сказала, - родненький, пристроишь борины картинки к добрым людям.

А мне - на подарки внукам к Новому году». Директор, когда выходил, смачно так ручку о ручку потер.

Несколько картинок уже пошло на продажу, естественно, по бешеным ценам, а те, которые были с самыми шикарными камнями, вообще ни на прилавке, ни под прилавком не появились. Их раскупят, выбирая по рамкам, а рамки - по цвету обоев в квартире. Так чаще всего выбирают сувениры. Или - под цвет ковра.

В тот день была зарплата. Вероника купила «Каменного бога». От зарплаты осталось... Мало осталось. Вероника в тот вечер пришла домой и, чтобы не ужинать, села писать в дневник про каменного бога. А тут картинки начали вспоминаться - одна, другая. Случайно получилась статья. Тут Вероника и надумала - а может, если опубликовать, кто-нибудь богатый купит всю коллекцию и подарит в музей? Так и закончила статью: «Если есть кто богатый - купите эти картинки, пожалуйста! Они настоящие. А то их на сувениры продают, а они не сувениры, а искусство». И начались прогулки по редакторам. Пять газет за два вечера. Ноль. Думала, все. Нет, так нет. Но если уж все равно подвернулась встреча с еще одним редактором...

Дом тридцать два, действительно, был в центре. Но что это был за дом! Вероника думала, таких в городе уже не осталось. Как в ее селе - деревянная двухэтажка со стандартной темнотой подъезда и непомерно коротенькими высокими ступеньками на лестницах. Стоя у двери, Вероника подготовила речь: меня послал к вам Козлов, директор салона «Сувенир», он просил статью из журнала, который называется... Забыла. Ладно, сам знает. И товарный чек не забыть. После сказать: у меня есть статья. А у вас есть журнал. Напечатаете? Я уже трех толстых редакторов обошла и двух тощих. Если вы не напечатаете, то я больше ни к тем, ни к другим не пойду. Эти картины - настоящее, такое нельзя продавать. Страшно все-таки говорить с редакторами, когда тебе семнадцать лет.

На Веронику смотрела сонная женщина в вязаной зеленой кофте и с утюгом в руке.

- Здравствуйте! Вы...

Она, не дослушав, пошла в комнату. Оттуда тотчас выглянул большой человек с роскошными белыми усами. Обычно в человеке замечаются сначала движения, ну, фигура, форма лица. А Веронике заметились эти усы. Просто очень уж они были дедморозовские.

- Проходи, - прогудел он, словно из подземелья. - Да не снимай сапоги. У меня не ковры.

И за собаку не запнись.

Поперек узенькой прихожей возлежал здоровый черный псина. В комнате были книги и картины. Книги по всей стенке на длинных полках, на полу и на стуле. Картины - по верхам, ближе к потолку. Дед Мороз переместил книги со стула на подоконник и сел. Сказал:

- Тоже садись.

Вероника огляделась в поисках второго стула. Такового в комнате не имелось. В комнате еще был только стол и аккуратно застеленная кровать. Оказалось, Дед Мороз предлагал сесть на кровать. Вероника попереминалась и села. Сонный какой этот редактор. Он повел усами и секунд через десять изрек, отрубая слова:

- От Козлова. Из салона.

- Да.

- Получит. Он. Свой журнал. Его реклама - на девятой.

Он снова повел усом и без всякого перехода спросил целой фразой:

- Ты-то как в его контору попала, птичка?

Вероника хотела обидеться, но вместо этого сказала:

- Из училища. Я в городе первый год. Меня по распределению на практику отправили.

И тоже без перехода, наобум ляпнула:

- У меня вам в журнал статья. Моя.

Он молча протянул руку. Похоже, говорил Дед Мороз редко, лишь в исключительных случаях. Неторопливо прочитал, держа истасканный листок в вытянутой руке. Потом посмотрел в упор, будто оценивая.

- Неплохо.

Вероника подумала, что ей послышалось.

- Только вот здесь. Ошибочка. Исправим. Не «увидев картины, у меня открылся рот от удивления», а «когда увидела картины».

Редактор почесал серебристую лысину.

- И еще вот здесь не очень удачно. А Бориса Александрова я знал.

Вероника почувствовала у себя в руках тяжелый альбом.

- Смотри, вот он. Да, в прошлом году умер. А рядом на странице - это писатель Веденеев. Спился. Дальше, - голос Деда Мороза перестал звучать глухо, - Марьин. Этот поэт. Не знаю, какой сейчас. Был исключительный.

- Я таких имен не знаю, я не здешняя.

Усы вздрогнули, и голос опять спрятался.

- А их никто не знает.

Помолчал в два раза дольше, чем обычно.

- Хочешь почитать?

Вероника вышла со стопкой подаренных книжек в тонких обложках.

- На следующей неделе. Номер. Выйдет. Позвоню. Только гонорара не пообещаю.

Дед Мороз выпускал слова поштучно, словно колечки дыма.

- Спасибо! Вы первый редактор, который почитал. А другие в вашей редакции не будут против?

Он первый раз улыбнулся:

- Я в редакции один.

Вероника у выхода оглянулась и сказала то, что хотела сказать весь вечер:

- Странный вы редактор, честное слово, странный!

- Какой я, к черту, редактор. Я бывший пожарник.

Уже на улице Вероника вспомнила про несчастный товарный чек. Хотела вернуться и не вернулась. Какой товарный чек можно просить у человека, у которого даже стула в комнате нет? Статья вышла через неделю. Дед Мороз позвонил и попросил прощения, что подписал инициалами. Рекламодатель Козлов читал статью и злился - догадывался, но ничего не мог поделать. Но в городе не нашлось ни одного богатого сумасшедшего, который захотел бы скупить полное собрание булыжников какого-то там Александрова. А работы постепенно раскупали в подарки на личные юбилеи и корпоративные даты. Веронике остался на память «Танцующий бог». Он был поселен возле настольной лампы. Каменная его сущность медитировала согласно сюжету, а нарисованная еженощно изображала танец в свете электрического волоска.

Вероника сидела по ночам над дедморозовскими книжками никому не известных великолепных авторов, слушая ворчание квартирной хозяйки и покусывая ручку. Иногда Вероника путалась и начинала кусать ручку не с той стороны. Тогда паста оставляла над припухлостью верхней губы непонятные маленькие росчерки. Утром она не всегда полностью их стирала и потому недоуменно улыбалась в ответ на косые взгляды старшей секретарши. Вероника тайно и сама пыталась писать стихи. Выходило. Только отвратительно.

Дед Мороз раз в месяц выпускал журнал «Росчерк», терпеливо собирал на свою серебристо-лысую голову все шишки от немногочисленных читателей и ненапечатанных авторов, а также судебные иски от некоторых напечатанных, и затем на энное время становился «вне зоны действия сети». Уходил в запой и допивался до белой горячки, точнее, до синих старух - ему мерещились почему-то синие старухи. Жена Деда Мороза выселялась из квартиры, ожидая затишья. Вероника ориентировалась в цикле дедморозовских запоев и без особой надежды порывалась их притормозить.

- Алло, Сергей Сергеевич, здравствуйте! У меня статья есть. *(Перестаньте пить, в конце концов! Кто журнал делать будет?)*

- Правда? Приноси обязательно. Только меня сегодня не будет дома. И завтра, может, тоже не с утра. *(Я не хочу показываться пьяным. Стыдно. Постараюсь остановиться).*

Через два дня Вероника звонила в дверь, перешагивала через флегматичную черную собаку и заходила в еще не прибранную комнату. Садилась на край кровати.

- Послушайте, та книжка, которую вы мне дали, стихи какие! Чудо же.

Просыпал бог на землю горсти соли.

Холодной соли, острой, ледяной.

Он с кем-то очень скоро будет в ссоре.

И я почти уверен, что со мной.

- Да, это ранний Марьин. Хорошие тексты.

- А еще эта, Свердлова, которая с короткой прозой. Вы мне расскажете про них? Про всех. Какие они? Я никогда не думала, что есть настолько замечательные люди.

- Да, когда-нибудь. Как вообще дела-то?

- Да-а, хочу вот от Козлова уходить. Не могу я больше там работать.

- Он все такой же? Деньги любит?

Директор любил деньги нежно. И, как всякий влюбленный, не любил расставаться с объектом обожания, то есть регулярно задерживал зарплату. А иногда и урезал. Вероника была не оформлена по трудовой, работала даже без договора, оформление коего регулярно откладывалось на завтра. Директор не обманывал. Завтра наступало новое завтра, и обещание оставалось ненарушенным. Постепенно само собой вышло, что Вероника дополнительно работает по часу в день в салоне, на продаже, и ездит за товаром.

Сервиз глиняный, роспись-хохлома, - 2 штуки; флажки с логотипом «Россия» - 80 штук; футболки с надписью «Пей пиво, ешь мясо» - 15, открытки - 200, картина «Ромашки», масло, холст... Приходили важные покупатели - из тех, которые всегда правы, и спрашивали чего-нибудь этакое, чаще всего на юбилей. Некоторые эстеты восхищались типовой мазней, «Ромашками», и фыркали на каменные сюжеты Александрова. Чи-иво? Штука за такую штуковину? Маразм! Да таких камней у меня на даче... Приходили покупатели попроще. Те обычно спрашивали открытки - и чтоб было с напечатанным душевным пожеланием в стихотворной форме. Только поставить подпись - и дари. Есть на все случаи жизни.

Как-то раз все открытки и ромашки смешались в кучу и поплыли перед глазами. Важный покупатель разглагольствовал на тему однообразия и аморальности текстов с футболочного ассортимента. Вероника сидела на стуле и раскачивалась. В салон влетел директор и начал утешать офигевшего ценителя слова, дескать, не та молодежь в наше время. И работать молодежь не умеет. Директор многозначительно показывал на Веронику. Вот мы-то, в Советском Союзе... Свои они, денежки-то, не награбленные. Кровные. А эта молодежь все хочет за так. Вероника встала и ушла из салона на улицу и насовсем. Пришла в себя в больнице. На четвертый день в палату медсестра принесла пакет.

- Вам, девушка.

- Как мне? У меня никого нет.

- Вам от деда, наверно, седой такой, с усами.

- Алло? Вероника? Как ты там?

Печенье. Фрукты. Журнал. Книги. Дед Мороз. Ночью Вероника, соблюдая требования постельного режима, включала мобильник и при его свете читала. Мечтала, что теперь пошлет к чертям бумажки и уйдет к замечательным чистым людям вроде Деда Мороза. И тоже сделает журнал. Когда вы познакомите меня с ними? Когда? Поправилась. Вернулась к своей лампе и своему каменному богу. Дед Мороз надолго пропал. Позвонил двадцать восьмого, почти перед Новым годом.

- Алло, Вероника? Сегодня в шесть в музее, в зале собираются. Обсуждение Марьина. Приходи, если хочешь.

Голос неуверенный.

- Хорошо, приду! Даже замечательно.

Вечером торжественная Вероника отправилась лицезреть чудо. В этот вечер она узнала, что у Деда Мороза оказалась забавная фамилия - Кривоносов. Веронику у входа сразу спросили:

- Про вас Кривоносов говорил? Проходите наверх, скоро начнут.

А насчет остального... Ведущая вечера сказала нудное вступительное слово. Начали быстро - с водки. Между первой и второй, как известно...

- Девушка, а вот что вы думаете о судьбах русской интеллигенции, позвольте вас спросить?

Вероника никогда особенно не задавалась этим вопросом. Поэт солидно возмутился:

- Во! Х-ха.

- Марьин, иди выпьем за Россию на брудершафт!

- Не, погоди.

Поэт взобрался на стол, сметая на своем пути все преграды, бокалы, букеты, бутылки, и возгласил:

- Внимание! Мое проэзведение: «Просыпал бог на землю горсти соли».

Вероника не стала дослушивать. У порога на полу сидел вдрызь пьяный художник Каретин и солировал на мотив «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина» в матерном переложении. Вероника спустилась вниз и протянула гардеробщице номерок. Кривоносов догнал ее у дверей.

- Сегодня не особенно. *(Тут всегда так. Извини).*

- Нет, было любопытно. *(Я поняла).*

- Заходи еще, если надумаешь. *(Не приходи больше, птичка. И сейчас я зря тебя пригласил. Нет, должен был пригласить. Ты хотела увидеть, какие они).*

- Ага. *(Я поняла, не говорите. Дед Мороз должен исполнять желания, даже если они неудачно загаданы. Вы самый лучший и самый честный Дед Мороз на свете).*

Наконец, тень у слов исчезла.

- Ну, пойдем, нам немножко по пути.

Им было совершенно не по пути. Но до остановки, с которой уезжала на свою окраину Вероника, они шли вместе. И со стороны, наверно, эти двое были похожи на Деда Мороза и его внучку-Снегурочку. На углу они одновременно посмотрели на сдвинутую крышку канализационного люка. Дед Мороз подошел и минут пять пытался столкнуть на место примерзшую к асфальту железяку. Снегурочка смотрела, и ей хотелось подойти, помочь. Интересно бы выглядели два человека, старательно пинающие крышку люка на углу центральной улицы.

Всю дорогу молчали. Остановились у самого газетного киоска. Там не было видно продавца - только яркие заголовки гламурных газет и журналов. В этих газетах пишут о многом. Например, перед Новым Годом модно писать про апокалипсис. И люди верят. А почему бы и нет? Может, апокалипсис - сегодня. На улице никого нет. Хотя почему никого? Есть каменные боги, которые делают вид, что способны танцевать. Это дома, машины, деревья, прохожие - все каменное зимой. Каменным богам не надо молиться. Камни, даже самые красивые, самые обработанные, не умеют ни слушать, ни говорить.

Значит, мы последние люди. Первые были - Адам и Ева. Два похожих существа. А последние - Дед Мороз и Снегурочка. Совсем разные и, в общем-то, чужие в непонятном мире, где скверные поэты пишут чудесные стихи, а потом эти стихи публикуют пожарники, а на пожарников подают в суд. Где секретари, которые часто перепутывают обыкновенный счет со счетом-фактурой, а счет-фактуру с ведомостью, по ночам читают чудесные стихи скверных поэтов. Я люблю «Ночных снайперов», а у него в комнате много книг и ни одного стула. Мне семнадцать, а у него жена в вечнозеленой тужурке. У меня серое пальто, а у него дедморозовские усы. Сейчас в самый раз спросить бы:

- Дед Мороз, а вы еще верите в людей?

- А ты, Снегурочка, еще веришь?

- Девятнадцатый?

- Да?

Вероника запрыгнула в свой автобус. Приложила руку к замороженному стеклу и в очередной раз подумала, что давно пора купить варежки. Сделать себе подарок на Новый год. А еще надо искать. Пока - хотя бы работу. Горячая ладонь быстро остыла, а стекло нагрелось. Вероника вжалась носом в пятнышко и стала считать фонари. На сорок шестом фонаре появилась ее остановка - Ремонтная. Вероника вышла. В автобус забрались два школьника.

- Смотри, это вон там, за домом. Там и в Новый Год работает. У тебя есть коньки?

- Дай перчатку.

И приложил руку в перчатке к уже полузамерзшему узкому следу женской ладошки.

Александр ШЕСТАКОВ

ОЛУХ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь земной Олух. И в ентом же государстве, но в соседней деревне, жил-был Олух царя небесного, которого обзывали Емелей.

Царь Олух правил своим царством-государством и блюл свои законы. И подданных своих заставлял блюсти законы свово государства. И все верноподданные корчились, но блюли. Один Емеля не корчился. Лежал себе на печи, не блюдя никаких таких законов. «А нашто они мне? Я сам царский сын, и никто мне-ка не указ тута, средь вас». Вот вам и весь сказ. Так и лежал себе на печи и дел никаких не знал.

Как-то раз прослышал про этакую крамолу Олух-царь и говорит своим камандерам:

- Что же это за безобразие такое: какой-то Олух царя небесного бесчинствует и тень на меня бросает, а вы этакому бесчинству потакаете. Потому как, кабы молва не донесла, я бы и слыхом не слыхивал про такую катавасию.

И сильно он осерчал на своих камандеров и даже хотел себя короны решить да в Кириллово в монаси податься. И зачал даже вещами швыряться, лериквиями то есть. Но потом отошел. Спасибо матушкам-нянюшкам, чаем отпоили.

И вот как пришел Олух-царь в чувство, тотчас пишет грамоту. Дескать, изловить одноименного фулигана да в тот же час приструнить его, а затем доставить его в провинившемся виде во дворец пред царские очи.

Камандеры все дела побросали — да в соседнюю деревню. Где, говорят, тутока у вас этот Олух царя небесного? Подайте его скорее, иначе мы за себя не ручаемся. Местное камандерство, конечно, испугалось. Те, кто поядовитей да на нижних должностях, зудят:

- Вот, дождались! Мы же предупреждали, что все это добром не обернется. Видано ли: два Олуха в одном государстве? Давно надо было одного извести.

В общем, бросились все к полицмейстеру и говорят:

- Пришла беда — открывай ворота! Один Олух на другого ополчился. Выручай! На тя, батюшка, вся надежа, тебе и карты в руки.

А тот с похмелья завсегда оченно решительно настроенный бывает. И вот кричит:

- Чечас сполним, чего зря глотки дерете! Сделаем в лучшем виде во славу царя и отечества! — и побежал налаживать свой аппарат. Но аппарат с похмелья промашку дал: никак не мог совладать с собой. В общем, кутерьма: по всей деревне кака-та круговерть-завируха произошла. Кутерьма, так кутерьма и есть.

К вечеру только добрались до Емели. Царские камандеры все уж извелись ждать. Ругают местное начальство почем зря, грозятся да стращают. Подавай-де скорее им Емелю. Им отвечают:

- Посланы люди. Чечас доставят живого и мертвого.

Время идет, а никого нет. Камандеры вовсе ошалели:

- Что, — говорят, — вы издеетесь над нами али что? Мы, — кричат, — прочехвостим ваше сословие, дармоеды! Одного Олуха достать не могут!

А тем временем, два нарочных из обнакновенного сословия примчались к Емеле. Дескать, беда, Емеля!

- Тя, по кой-то прах, в сельсовет кличут. Сам полицмейстер, не в ладах с собой, скандалит, дерется. Вы, говорит, у меня попляшете, коль ослушаться изволите. Мы говорим, не изволим, батюшка, чечас же исполним. Так что пошли, Емеля, с нами.

А Емеля, не слезая с печи, такую сладкую реченьку повел — заслушаешься. Бает не переставая, да все этак складно. Век бы слушал, не переслушал. Когда другие нарочные прибежали, эти, первые, уж и лыка не вязали. Сидели за самоваром с калачами да осоловело на свет божий озирались. Новые было орать, а Емеля и этих оплел. В общем, тучи сгущались, смеркалось, а у полицмейстера еще не в шубе рукав. Царские камандеры кричат что есть мочи на местных камандеров. Те — на полицмейстера. Полицмейстер с горя в отставку запросился, дескать, нет сил совладать с аппаратом.

Камандеры орут:

- Иди тотчас сам, иначе мы и тебя, и твой аппарат начисто испортим!

Беда! Полицмейстер пенжак наипервейший одел, скапидару глонул для храбрости, остатки себе на голову вылил и бегом. Прибегает к Емеле, а там конфузия: все должностные лица, как есть, при исполнении, к лавкам приросли, рты пооткрывали — встать не могут. А Емеля им с печи, как кот-баюн, поет да поет безостановочно. Полицмейстер аж голосу решился. С открытым ртом уповод стоит, как истукан, глаза таращит. Емеля говорит:

- Здра-жла-ваш-ство! Не угодно ли войтить? Да надо ба замкнуть врата-ти: не дай бог, можно внутренности застудить.

Ну, и слезает с печи да полицмейстеру в рот леденец. Известно ведь: пока не подсластишь... В общем, замыкает все распахнутые отверстия. Полицмейстер — как дар речи приобретает, давай леденец сосать да Емелю ругать. А Емеля — на печь. Полицмейстер кричит:

- Как ты смеешь надо мной надсмехаться да царские указы не сполнять?

А Емеля одно себе твердит:

- Я сам царский сын, сам себе указ. А ты, ваш-ство, не расстраивай себя да не растравляй, а то тя кондрат хватит.

Полицмейстер глаза вылупил, опять хайло расклебечил да стал белее емелиной печи. Стоит столбом, слова все перезабыл, только икает. А в сельсовете, не то что леворуция, скандал назревает, и уже все предпосылки начисто закончились. Царское камандерство всех местных камандеров уже приговорило к досрочному лишению всяческих почестей. Вон, — кричат, — с глаз долой! И чтоб духу вашего не было тута, а то мы ваш прах по ветру рассеем! Эти, в панике, бежать по Емелю. Прибегают. А там налицо полный упадок бесхозяйственности: весь штат ихней камандерской команды в полном ничтожестве находится.

- Ах вы, мать-перемать! — кричат камандеры. — Что ж вы, нас со счетов хотите свести? Обструкционисты паршивые! Вот ужо изладим вам сивую кобылу в недалекие места. Дайте только грех пережить. А ты, говорят, Емеля, выродок окаянный, чего лыбишься? Иль светопреставления захотел раньше сроку? А ну, — кричат, — марш в правление! Там цельная делегация не в себе. Тебя, Олуха царя небесного, дожидаются.

А Емеля потягивается, как кот на печи, да поет свое:

- Мне-ка неохота, господа камандеры. Каб вы знали, как мне хорошо...

Камандеры беснуются:

- Что позволяешь себе? Аль управы на тя нет?

- Да нашто мне управа, коль я самого царя сын! — говорит Емеля.

- Да ты вольнодумец! — кричат камандеры. — Мы из тебя эту дурь выколотим. А ну съезжай чечас же с печи!

- Да ну вас...

Камандеры взбеленились, зачали назначать друг друга: кому на печь взлезать за Емелей. Все переругались, меж собой перескандалились да пересволочились. Потом спросили себе бумаги да зачали друг на друга подметные грамоты в высшие инстанции строчить. А в правлении чисто светопреставление: одни царские камандеры, словно пауки в банке. Того гляди, зачнут изничтожать все живое и друг дружку. Самый старший говорит:

- Топерь к царю на глаза нельзя показываться. А что в свете происходит, не знаем. Надо что-то приподнять.

Стали думать да гадать. Нагадали: надо приподнять кого-то да открыть занавес, а то никакой ясности не проясняется. Кругом дело темно и пахнет изменой. Тут ба заслать кого... Да кругом шаром покати. А самим приподнять экспозицию статус не дозволяет. Ситуация, как говорят в народе, патовая. Просто камарилья какая-то! Надо же, наконец, произвести неординарное решение. И все опять смотрят на самого старшего. А тот говорит:

- Ладно. Придется, говорит, делить ответственность, потому как все мы в ентом безобразии замешаны. А ежели какой иуда наладится на чужом горе себе выгоду возыметь, так пущай он чечас сознается. Все равно не здесь, так там ему голову укоротят.

И пошли всей делегацией к Емеле. А там уже все охмуренные сидят, никаких цен-

ностев не признают. Только слушают емелины байки. Царские камандеры, как увидели все это, сразу в крик:

- Так и есть, заговор! Чуяло наше государственное чутье, что давно где-то зреет. Токмо, — говорят, — не догадывались, что в захолустье. Ладно бы, где в столицах, а то в дыре! Ну, мы, — говорят, — это выведем на чистую воду. Не будь нам продвижения по службе — выведем! А ну-кось, холоп, выходи строиться!

Тут появляется Емеля и сановной походкой обходит вдоль строя царских камандеров.

- Мне бы, — говорит, — ваши заботы, господа верховные камандеры. И охота вам скандалить? Вы вот полчаса битых тута брехали, а слова путного ни единого я не слышал. Ну, говорит, бог с вами, просите, чего хотите. Камандеры не ожидали этакого злонамеренного нахальства и наглой непочтительности к своим особам. Но, искушенные в дворцовых интригах, не стали терять дар речи, а тут же сменили тактику. Вот самый старший из них и говорит:

- А что, брат Емеля, не скататься ли нам к царю-батюшке?

- Да отчего бы и не скататься, брат, — говорит Емеля, — коль батюшка призовет, так живо представлюсь.

Камандеры обрадели, в ладоши захлопали. Вот, говорят, как по любви-то бывает: все тютелька в тютельку. А старший:

- Вот и кампания славная подобралась! Чего же мы стоим-то?

- Да точно ли к батюшке-то всем надо? — спрашивает Емеля.

- Едем-едем, Емеля, — кричат камандеры, боясь, как бы тот не передумал. А то вся их кампания насмарку.

- Ну, коль так, поехали, — и полез на печь. Никто и ахнуть не успел, а он уж взлез на печь да троекратно в ладоши хлоп-хлоп-хлоп. Уж ахнули, когда мир рухнул, ровно в яму, да закрутился юлой. А уж как очухались все — видят, место какое-то иное, нездешнее. Красота! У нас этаких-то мест и не сыщешь. Глядят, гора не гора, а высокая до небес. Ровно бы печь дымит да сверкает-поблескивает. А до чего пестра, до чего красива, слов не достает высказать. И кругом ни народу, никого не видно. Одна только гора-печь стоит да дышит, ровно живая изнутри.

- Куда мы попали? — недоумевают отцы-камандеры. А Емеля им говорит:

- К батюшке моему, куда? Сами же просились.

Камандеры глаза выпучили, сказать не знают что. И тут появляется изнутри человек не человек, а некто. Высокий и в царственной короне. Сразу видно, не нам всем чета. Только вот молот у него на плече. Идет он, улыбается и молот этот одной рукой поддерживает. А Емеля ему кланяется:

- Здравствуйте, тятя!

- Здравствуй, сын мой, — говорит царь, — а что, друзья твои немы аль величавы? Не кланяются и даже не приветствуют.

- Да они несознательные, — говорит Емеля.

- Ну, ничего, мне работники нужны. Потом дойдут, в деле, — и обращается к камандерам и всей ихней компании: — Отсель замыкаю уста ваши, доколе не перекуетесь в кузнице моей. А там посмотрим, кому куда путь лежит. Кого-то отпущу служить земле-матушке, кого, может, и от земли не отличить будет. Всяк свое получит. Ну? Довольны? — и взглянув в изумленные очи каждого, он вздохнул глубоко. Потом посмотрел на вершину горы, теряющуюся в небесах, и произнес: — Ну, вот вам и царствие небесное!

Царь Олух ждал-пождал своих камандеров, да так и не дождался. Что за напасть такая, думает, как сквозь землю провалились. Ни слуху, ни духу. Кликнул он какую-никаку стражу, взгромоздился в свою царскую карету, да и покатил в ту соседнюю деревню к Емеле. А там полный кавардак происходит. Никто царя не встречает, и толку никто дать не может. Кое-как добирается царь до емелиного дома. Видит, Емеля дома один и ни одного камандера над ним нету. Лежит Емеля на печи и царя встречать отказывается. Осерчал царь:

- Что же ты, Емеля, мне уважение не выказываешь? Я возмущен ентим до крайностев. Я же царь! А ты, стало быть, плюешь на мои законы да указы и не слушаешь никого. А всех моих камандеров куда девал? Словно они в реку канули. Этак ты все мое царство-государство расшатаешь. А ну-ка, встать сей же час предо мной во фронт!

А Емеля ему с печи:

- Да мне неохота. И указы мне твои не надобны. Потому как я и сам царский сын, — и лежит себе дальше. Царь рассвирепел, зачал посудой да небелью кидаться.

- Э, да здесь измена! — кричит. — Хватайте его, эй, стража!

Стража бросилась к печи, да на той едной ступенечки не сыскала. Как до Емели добраться? Кричат, прыгают — достать не могут. А Емеля похохатывает: что, говорит, взяли? Царь видит, тут силой не возьмешь, и решил хитростью. Выгнал стражу вон и этак сладко говорит:

- Емеля, а кто тебя Олухом назвал?

- Известно кто — отец.

- А кто же этот твой отец?

- Кто-кто, царь небесный, али ты не знаешь?

- И где же он?

- Где-где, на небесах.

- И что же он там делает?

- На кузне своей творит.

- Да ну? И что же он там творит?

- Кузница та дышит день и ночь, кузнец кует — искры летят и обращаются в соль, муку да золото. А в работниках у кузнеца все твои камандеры да еще много всякого люду, коим есть что перековать в себе. И трудиться они будут до тех пор, пока не перекуются напрочь.

Царь изумился, но не поверил.

- Коль не врешь ты, Емеля, что же ты-то, царский сын, в простой избе на печи валяешься?

- Ума-разума набираюсь, — говорит Емеля, — мое время еще не пришло. Мне еще работников набрать надо. Вот наберу, тогда и раздую печь свою. Пойдешь ко мне в работники?

Царь аж присел от такой неслыханности. Что же это получается, думает, ежели каждый олух зачнет этакими предложениями высказываться? Куды жа дальше-то? Это же бунт!

- Да знаешь ли ты, Олух царя небесного, кем мне царская власть дадена?

- Кем дадена, тому и назад возвернуть придется, — говорит Емеля.

Видит царь, что этого Олуха ничем не перешибешь, и говорит:

- А что, Емеля, поехали ко мне во дворец. У меня там и тепло, и светло, и пространства всякого поболе. А у тя тута духовито больно.

- А моему духу и тута не тесно, — говорит Емеля, — чего я к тебе поеду?

- Емеля, поехали? У меня краля есть — невозможно глаз отвесть. Губы у нее медовые, щечки румяные, глазки — вишенки спелые. А как зачнет говорить, так словно птичка райская запоет. Поедем, Емеля, не пожалеешь.

- Да нашто она мне? — говорит Емеля. — Она мне без надобностев. А уж коль те охота, чтоб я на нее взглянул, так ты привези ее сюда.

- Да ты совсем, видно, очумел! — кричит царь. — Видано ли дело: цареву дочку ко всякому дураку на смотрины возить?

- Да разве ж я всякий? Я, может быть, ее еще и взамуж возьму.

- Да кто ж ее за экого увальня отдаст-то, ты в своем уме? — кричит царь.

- Да как же не отдать, коль она сама захочет? - говорит Емеля.

- Да кто те сказал, что она захочет-то? Разве ж дело: царской дочери в этакой дыре жить? Иль ты думаешь, что я тя во дворце пропишу?

- На кой ляд мне твой дворец, ежели он не сегодня-завтра рассыплется!

Тут уж царь совсем взбеленился. Кричит:

- Стража! Хватайте его, что есть силы! В кандалы! В Сибирь! Где комар нос не точил! А избу его с землей сровнять, так-перетак! Стража бросилась выполнять, да не тут-то было. Не могут избу с места сковырнуть. Бились-бились, умаялись все, полегли наземь. Лежат, не дышат. Царь с ума стронулся, видя этакую трагикомедию. Что же мне теперя, плачет, вытворять остается? Совсем один я остался на этом свете. Одни вороги кругом. Емеля, и тот подсиживает, с дочкой уж снюхаться успел. Ужель и царству моему конец? Все прахом пошло.

А Емеля ему:

- Чего зря слезы льешь? Я тебя к делу пристрою. Даст бог, может, человеком станешь. Посмотри на себя, — говорит Емеля, — ну кто ты есть? Разве ты царь? Так, одно недоразумение.

А царь плачет, слезами обливается. Униженный, говорит, я и оскорбленный, сирота!

- Ничего, — говорит Емеля, — был ты Олухом простым, теперь станешь Олухом царя небесного. Да этак взял его, слезливого да сопливого, и прямиком вознес.

Там ему и славу поют.

ВЕДМЕДЬ

Из сборника «Бухтины»

Нынче, говорят, повывелись у нас ведмеди. А куды же им деваться, коли в лесу шаром покати, ни тебе пропитания, ни угла укромного. Ведмедь, скотина хотя и не обчественная, а кушать тоже хочет и еще кое-что. Вот по этой самой нужде и привернул один ведмедушко в ресторан, что в самом центре Вологды. И только он было взялся за ручку двери, а там человек в кафтане и картузе, глаза выпучил, не пущу, говорит, непозволительно. Где же это, говорит, видано, чтобы грязный да лохматый ведмедь в приличное место вваливался. И давай его выталкивать. А ведмедь совсем, видно, исхудамшись был, взмолился:

- Пусти, батюшка, щечек похлебать. Пусти, Христа ради!

Но тот мордастый в кафтане и слушать не хочет:

- Шли бы вы, гражданин ведмедь, в лес или еще куда. Прете в этаком непотребном вшивом обличье прямиком в лесторант. Здесь приличное заведение, а с вами, извините за выражение, под забором ночевать рядом совестно.

Тут, значится, народ стал собираться, похохатывать да ведмедя подзуживать. Нутека, говорят, этакий дурной да грязный ведмедь в лесторант лезет. А ведмедушко-то, хоть дремуч был, да с норовом. Да и обидно ему, видит, что добром не удастся штей похлебать. Расстроился он совсем, чуть не плачет. Мне, говорит, простому труженику лесного нечерноземья, очень даже обидно слышать такие непристойности в свой адресат. Я, говорит, хоть и одет по-простому, однако не позволю, чтобы всякий подлец принародно шерстил меня. Мой кафтанишко хоть и неказист да дран, а свой, не краденый.

А народ потешается, думает, чечас драка произойдет. Любо подраться-то. А ведмедь совсем осерчал. Ежели так, подавай, кричит, чечас же мне заведушчева, а не то я зачну стекла высаживать. Тут на шум и заведующий прибежал:

- Спокойно, граждане! Щас все уладим. Вы что, гражданин, желаете отобедать? Так мы это враз изладим. Ну что же здесь удивительного, граждане? Простой гражданин проголодался и зашел покушать, а вы сразу скандалить.

Проходите, говорит, гражданин, не загораживайте проход. И берет его этак под руку, а мордастому говорит:

- Прокопыч, разденьте посетителя.

Ведмедь, конечно, оробел, смущается:

- А ниче, я так, я ненадолго. Мне бы щечек.

Тогда заведующий опять его под руку и этак едва слышно на ушко:

- Не угодно ли пройти на кухню? У нас там всякого питания завались и, опять же, тишина. А в зале шумно и людно.

Но тут уж Мишка почувствовал свою силу:

- Нет, зачем же? Я не камердинер какой-нибудь по кухням шастать. Опять же, там у вас, наверно, тараканов полно, а я их не уважаю.

Хошь не хошь, пришлось вести его в зал. Посадили его за стол, сейчас, говорят, вас обслужат. А народ кругом радостный сидит, важный, водку хлещут, дамы курят напропалую. Ведмедь думает, дай и я себя покажу, дескать, и мы культуру понимаем, чай, не холопы. В конце концов, и впрямь неприлично в этаких грязных чунях в приличном обчестве шти хлебать. Подумал и стал сапоги свои с ног стаскивать. Этак с хрустом сдернет сапог с ноги и под стол его. А портянки встряхнул и, как следно, на сапоги

сверху развесил. Тут к нему официанточка подскочила, чего, говорит, заказывать будете? У нас сегодня, говорит, водка, люля-кебаб, чахохбили. И пошла чесать всякую околесицу. Не вытерпел ведмедь:

- Ты, гражданочка, хватит манерничать, чего ты тут намолола, какие бабы кого били? Ничего не пойму. Ты лучше принеси-ка мне тарелку штей, миску каши да чашку чаю покрепче. Да слышь ты, чай-то покрепче завари, покрепче!

Дамочка фыркнула, убежала. Немного погодя, глядит, несут. Все как положено, и шти, и кашу, и кружку. Ведмедь доволен, съел все, выпил и крякнул, повеселел. А чай, однако, крепковат у них, думает. Тут какой-то шпингалет вывернулся:

- Ну как коньячок? Не угодно ли еще выпить?

- Как это еще? — говорит ведмедь. — А я еще и не пробовал.

- Ну, как же, как же, — тарахтит шпингалет, — только что кружечку того-с, хлестанули-с.

- Каку кружечку, ты что, паря?

- Ну как же, сами просили покрепче.

- Вот-те раз, — говорит ведмедь, — ах, ты прохвост! Раз такое дело, тащи еще кружку.

И покатилось. Повеселел наш Мишка, раскраснелся, на стуле развалился, ровно барин после бани. И до чего же, думает, жизнь-то хороша! И народ кругом веселый подобрался, одно слово — культура! Ну прямо всем доволен. А тут еще музыка заиграла, и какой-то хлыщ, с бородой и баяном, вышел вперед и говорит:

- Товарищи! Для нашего гостя из далекого Верховажья, — а сам глазами зырк на ведмедя, — для простого труженика лесного хозяйства, объявляю белый танец!

Все захлопали, загалдели. Тут оркестр грянул «Вологду», а какой-то мужичошко подскочил к ведмедю и давай его тормошить:

- Чего же ты сидишь-то, а?

- Да ты научи, брат, чего делать-то? — говорит Мишка.

- Чего-чего. Да хватай каку-нибудь дамочку и пляши с ей.

- Эх, мать твою, что ж ты раньше-то не сказал? Я бы...

Ну, и рванул эту самую маникюршу, коя ему про баб судачила. Да такие финты зачал откалывать, аж все ходуном заходило. А народ кругом ошалел, давай, кричат, камаринскую! Ну, а уж коли такое дело, так скидай пенжаки на пол и топчи их! Расплясался наш ведмедь, расхорохорился.

- Эй, народ! — кричит. — Чего по берлогам залегли? Вылазь плясать!

Ну, народ у нас, известно, любит себя показать, в грязь лицом не ударит. Зашаркали, засдвигали столы и давай плясать. И как не плясать, когда ноги сами куролесить пускаются. Дым коромыслом стоит, шум, гам. К ведмедю нашему мужичок один плясать пристроился. И этак ладно ногами сучит по полу, себя показывает. Ах, ты ж гусь, думает ведмедь, я ж тя перепляшу, я те покажу, как по малину с девками ходить! И наддал еще жару, да так, что со столов посуда посыпалась. Ан мужичонко-то ядреный попался, этакие коленца выделывает, ровно его кипятком ошпарили. Чубом трясет, виду не подает, что устал. Мишка уж совсем выдохся, да неужели, думает, экого щелкопера вперед пропущу? Ах, ты песья затравка! Тут уж он вовсе ошалел. И чего дальше было, совсем не запомнил. Бывает же такое, кажется, совсем тверезый и все такое — и вдруг словно обухом по голове, ничего не помнишь, прямо-таки себя забываешь.

Рассказывали после, будто бы посреди пляски какой-то пьяный медведь учинил драку, то есть самым настоящим образом, ни с того, ни с сего, сграбастал за чуб какого-то мирно пляшущего гражданина и со словами «ах, ты собачий хвост» стал его мутузить почем зря. Рассказывали также, что в приключившейся тут же всеобщей потасовке было побито немало народу, поломано всякой мебели и что сам медведь, в совершенно непотребном виде, был выведен из ресторана работниками милиции и доставлен в вытрезвитель.

По городу еще долго ходили слухи о том, что в ресторане «Север» чествовали юбилей какого-то передовика производства и что сам этот передовик напился, как сукин сын, и начал произносить речи с мордобоями и одного своего товарища чуть не изувечил. Сам же ведмедь, приехавший из Верховажья в областной центр поднимать свой культурный уровень, долго потом сокрушался об этаком конфузе и, уезжая в свои угодья, побожился больше никогда не совать свой нос в культурное обчество, а бро-

дить по своему лесу и питаться чем бог пошлет. Вот такие дела. Что до наших, ни один хрыпачевец не поедет в город жить, как ты его ни заманивай. В своей-то деревне все овраги известны.

НИТУП

Из сборника «Сказки народов Нагуа»

В некоторой земле жил один веселый человек. Никто не знал, как его зовут. Он был самый что ни на есть простой человек и отзывался на имя Эйты. Все любили его за его веселый нрав и готовность помочь каждому. Правда, один охотник как-то раз ездил в город к сыну и на самой главной площади видел, как из подъехавшей шикарной колесницы вышел блистательно одетый человек, как две капли воды похожий на Эйты. Он даже подмигнул этому охотнику, но встречающие его вожди в перьях обращались к Эйты не иначе, как экселенц, что на языке простонародья означает: ваше превосходительство. Но этому в наших краях, конечно, никто не поверил, хотя Эйты действительно пропадал иногда и довольно надолго. А охотник говорил, что его глаза не могли подвести его, ибо они всегда видят истину. Он бился об заклад и ставил на кон двух бизонов. Народ сомневался, но оставался при своих.

Как-то раз приехал в эти земли богатый охотник Нитуп. Он привез с собой множество всяких погремушек и других нужных вещей. Все местные охотники вышли посмотреть и послушать Нитупа. Нитуп выбрал самый большой булыжник и вскарабкался на него с помощью своих людей. Местные охотники неодобрительно хмыкнули, но сохраняли достоинство. Нитуп свел губы в трубочку и уткнул взгляд в землю. Потом он, обозвав охотников соотечественниками, долго говорил о той единой силе, которая всегда связывала все части в одно неделимое целое. И что это целое только тогда сможет существовать, когда все части его отдадут часть себя, освободив себя от бремени, принадлежащего этому целому. Мудрые охотники курили трубки и достойно кивали головами, не зная, куда клонит этот Нитуп, но чувствуя его основательность и несермяжную мудрость. И только один Эйты сидел на берегу и ловил рыбу в светлой воде.

Нитуп уже заканчивал свою речь, обещая всем какой-то загадочный юлов. Охотники, думая, что он говорит о рыбалке, не обратили внимания на это. Они были свободными охотниками и не нуждались ни в чем. А рыбалку считали занятием для немощных и простаков. Нитуп, видя, что стрелы его не достигают желаемых целей, хотел было еще раз заострить внимание на этом своем загадочном юлове, как вдруг он увидел сидящего на берегу бездельника Эйты, совершенно не внимающего речам Нитупа. Нитуп сузил глаза, но не произнес ни слова, хотя люди его сразу поняли значение этого взгляда и тут же бросились к Эйты. Они привели Эйты в шатер-шапито Нитупа и ушли, сказав: «Вот тот, что был не там».

— Кто ты? — спросил Нитуп.

— Люди говорят — Эйты, — весело ответил тот.

— Чему ты радуешься, Эйты?

— Я не знаю, — сказал Эйты, глядя прямо в глаза Нитупу.

— Так ты дурак? — спросил Нитуп, видя, что тот не лукавит.

— Тебе лучше знать.

— И что же ты умеешь делать? — спросил Нитуп.

— Я умею делать неделание.

— Это еще что за чепуха такая? — удивился Нитуп.

— Когда ты сделал все свои дела, то берешься за чужие, но так как они не твои, то ты, делая их, ничего не делаешь для себя.

— Да ты, видно, совсем глуп: ведь если все свои дела сделаны, то делать чужие можно с прибылью.

— Мне некуда складывать прибыль, я оставляю ее тому, кому она принадлежит.

Нитуп задумался, а потом вдруг сказал:

— Эйты, переходи в мой шапито, я тебя к делу пристрою.

— А какое твое дело? — спросил Эйты.

— А какая тебе разница? — ответил Нитуп.

— Разница — это прибыль одного и убыток другого, — сказал Эйты.

— Но так как ты не гонишься за прибылью, то и убыток тебя не огорчит, — потирая руки, сказал Нитуп.

— Хорошо, я согласен, — улыбаясь, сказал Эйты, — но с одним условием.

— Каким же?

— Ты не прогонишь меня в течение года.

Они ударили по рукам. И по округе пошел слух, что Нитуп заручился поддержкой всеобщего любимца Эйты. Охотники только усмехались всему и делали свои дела. Эйты же работал на Нитупа с радостью, но что бы он ни делал, всегда получалось, что прибыль уплывала куда-то. Нитуп был в ущербе, а охотники и Эйты оставались при своих. Мало того, ущерб Нитупа был больше, нежели прибыль, приносимая Эйты. Нитуп удваивал работу Эйты, и ущерб удваивался. Нитуп ставил его под свой неусыпный надзор, держал Эйты у себя под рукой, но ущерб удесятерялся. Нитуп потерял покой и сон. Наконец, он не выдержал и спросил:

— Эйты, на кого ты работаешь?

— Как ты и говорил в своей речи, я работаю на то целое, части которого должны освобождаться от бремени, которое этому целому принадлежит.

— Но я не имел в виду твое дурацкое понимание этого целого, — сказал Нитуп.

— А целое не имеет в виду тебя как целое, — сказал Эйты.

— Это что же, — задумался Нитуп, — к концу года я буду как эти оборванцы? — имея в виду свободных охотников.

— Ты будешь свободным, как они, если сможешь.

— Но ведь я хочу сделать для них благо, — сказал Нитуп.

— Но им ничего не нужно, у них все есть. А то, что им нужно, они добывают сами.

— Неужели они не хотят жить как все? Неужели их дремучие чащобы, их непролазные болота, их скалистые горы лучше моих ухоженных городов, лучше моих замков? — изумился Нитуп.

— У них нет ничего этого. И никто не знает, что для них лучше, — сказал Эйты.

Нитуп долго и подозрительно смотрел на Эйты.

— А ты не так глуп, как кажется. Может быть, ты шпион? Может быть, ты враг?

Эйты улыбнулся и сказал:

— Враг человека не снаружи, а внутри его, ибо враг не тот, кто виден, а тот, кто невидим.

На этом они расстались, расторгнув договор. Нитуп смотрел вслед легкой походке Эйты. Что-то вдруг всколыхнуло его изнутри, и он воскликнул:

— Эйты! Стало быть, и у тебя есть враг?

Эйты обернулся, и солнечная улыбка его осветила все вокруг. Он стоял, улыбался и смотрел прямо на Нитупа, долго-долго. Нитуп вдруг увидел, что вечернее солнце опускается прямо на голову Эйты, и сам Эйты растворяется в этом мягком розовом свете. Солнце нестерпимо слепило Нитупа, он зажмурился и даже заслонил лицо рукой. А когда он снова мимолетно взглянул в ту сторону, Эйты уже не было. Его не было нигде, он словно растворился.

«И мне пора», — почему-то подумалось Нитупу. Он еще не понимал до конца, что произошло с ним, но чувствовал, что произошло что-то такое. Ему вдруг стало легко-легко, словно огромный булыжник сняли с его плеч. Нитуп улыбнулся, и улыбка, говорят, уже больше не сходила с его лица. Он вышел на берег полноводной реки и, прислонившись к дереву, долго сидел, смотря на течение вод и улыбаясь чему-то. Люди привыкли, видя, как он сидит здесь день за днем. А охотники понимающе хмыкали и, выпуская дымы из своих трубок, говорили многозначительно: «Хау! Он сказал все». Как-то раз, ранней весной, Нитуп сидел, как обычно, на своем излюбленном месте.

- Эй, ты! — услышал он вдруг чей-то окрик.

Проезжий, важный человек в перьях искал хижину главного шамана. Нитуп легко вскочил и пошел проводить путника. Он даже не удивился, что его назвали «эй, ты». Он посмотрел на перья важного человека и подумал, что под ними может скрываться то, что заметно каждому, кроме хозяина перьев.

Татьяна АЛЕШИНА

Перекресток, которого нет

Много лет мы друг другу навстречу упрямо идем,
Отмеряя не версты пути, а разлуки и встречи.
Лишь незваную боль смоет первым весенним дождем,
Да лесная дорога душевные раны залечит.

Я живу - как дышу, отражается небо в глазах,
Подставляю лицо поцелуям проказника-ветра.
Ну, а ты где-то бродишь - в чужих, параллельных мирах,
Подчиняясь зачем-то законам простых геометрий.

Сколько искренних глаз, сколько ласковых дружеских рук
Моя память хранит, забывая грехи и ошибки...
Потому что, когда мы с тобой повстречаемся вдруг,
Я хочу вспоминать все, что было, тепло и с улыбкой.

Мы сойдемся на том перекрестке, которого нет,
С бесконечностью договорившись о чем-то для виду,
В моих серых глазах ты найдешь тот задумчивый свет,
За который простишь все ошибки, грехи и обиды.

Всегда рядом

В час, когда заболит и заплачет о чем-то душа
И холодной иглой одиночество в сердце воткнется,
Ты представь: я иду с тобой рядом и листья шуршат,
Перед нами кружат лоскутами осеннего солнца.

Если хочешь молчать, я с тобой у огня помолчу.
Если хочешь, согрею негромким, но искренним словом.
И вдали от тебя у иконы поставлю свечу,
Чтобы в дальнем пути не случилось с тобою плохого.

Вспоминай обо мне, если хочешь, а хочешь - забудь.
Ничего ты не должен ни мне, ни кому-то другому.
Пусть хранит тебя нежность моя, направляя твой путь
Лоскуми осеннего солнца - дорогою к дому.

Ничего взамен

Ты не жди от меня упрека,
Ты не бойся обид и сцен,
Я не так уж и одинока.
Я не жду ничего взамен.

Ты пойми, ты поверь, мой
милый,
Нет долгов, обязательств нет.
Не люби меня через силу -
Не плати светлячку за свет.

Ты один

А внутри меня ветер
Клонит мягкие травы...
Я люблю всех на свете -
Виноватых и правых.

Но в порывах весенних
И в слезах без причины
Ты один мне спасенье,
Мой любимый мужчина.

Осколки счастья

Я сказала душе: «Забудь!»
Но душа взбунтовалась вдруг.
И с тех пор не дает уснуть -
Будит память былых разлук.

И серебряным звоном струн
Вскрикнут счастье и боль во мне,
И осколками теплых лун
Будут свечи сиять в окне.

Буду жить, любовью дыша,
Буду вновь по живому рвать...
И спасибо тебе, душа,
Что не учишься забывать.

Солнечный зайчик

И был у нас день, и была у нас ночь,
Но не будет ни сына, ни дочери...
Прощай, мой хороший, - и прочь, прочь,
Смешавшись со всеми прочими.

Уйду я неслышно, как тающий снег,
Как солнечный луч ускользающий...
И ты не грусти, что ушел человек.
Я просто солнечный зайчик.

Ухожу

Оглянусь, а за окном
Золотое в голубом -
Осень...
Ухожу, не помня зла
И серьезные дела
Бросив.

Ухожу шуршать листвой
И ловить над головой
Звуки.
И тихонько брать листву,
И траву, и синеву
В руки.

Людмила ПРОКОПЕНКО

Предсказание

Однажды ты поймёшь, что был не прав,
И будешь боль лечить настоем трав,
И вспомнишь сквозь прошедших дней туман
Ты грусть мою и страх и свой обман.

Портрет

Я тебя рисовала долго, мой единственный, мой родной.
Я тебя вышивала шёлком, по краям золотой каймой.
Я нашла в тебе, что хотела, сотворила я твой портрет.
Но тебе до меня нет дела, до меня тебе дела нет.
На прощанье твоя ладонь пусть сжимает мою ладошку.
Только душу мою не тронь. Отойдет она понемножку.

Безумие

Тебя любого принимаю.
Тебе простить готова все.
Несу безумие мое
И грех свой я благословляю.

За что?

Как без любви прожить, ты знаешь. А как с любовью?
Когда любовь тебя сжимает сплошною болью.
Когда болит душа и тело, и ты, страдая,
За что тебе такие муки, не понимаешь.

Не гони

Не гони меня, не гони. Дай мне срок, я уйду сама.
Затухают любви огни. В душу входит мою зима.
Я останусь одна в ночи, и поселится в сердце мрак.
Я от рая возьму ключи и заброшу их на чердак.
Я уйду, но повремени. Не гони меня, не гони.

Не зови

Когда я вся к тебе стремилась, ты гнал меня,
А я проститься не решилась, себя кляня.
Я миг один прожить не знала как без тебя.
Любила я и проклинала тебя, любя.
Не жди ты больше объяснений моей любви.
Оставь напрасные сомненья и не зови.
Уже к тебе охладевает моя душа.
Тихонько сердце остывает, уйти спеша.

Благодарность

Спасибо, шепчу я, глаза закрывая,
За все, что ты дал мне, любовью играя.
За радость и муку. Шепчу на прощанье,
Чтоб ты вспоминал меня без состраданья.

Ирина КАРЕЛИНА

Когда я буду с тобой

Когда я буду с тобой до утра наслаждаться прибоем
И гладить волосы лунные тающей тенью руки,
Я назову все случайные камушки нашей судьбою,
Для поцелуев твоих поднимаясь чуть-чуть на носки.

Когда я буду такой же свободной, как белая чайка,
И буду тонким зеркальным крылом отличаться от птиц,
Ты, словно лед голубой, растворишься в глазах моих чайных,
Оставшись бледным туманом на кончиках острых ресниц.

Когда я стану тебя покорять осторожно и нежно,
Ты не поддашься мне много и много застенчивых раз,
И будто море, что кажется неумолимо безбрежным,
В один момент соберется на радужку любящих глаз.

Лицо твое рисую

Летят на свет снежинки, словно мотыльки.
По белым точкам я лицо твое рисую.
Мелькни, любимый мой, в зиме немой, мелькни!
Хотя бы как заснеженный рисунок.

Быть может, ты моя судьба, а я бегу...
Бегу, сугробы разрывая в пух лебяжий,
Твой образ грею у потрескавшихся губ
И твое имя потихоньку повторяю.

Боюсь, что ветер отберет и бросит в снег.
Боюсь, что шарф мой размотает на морозе
И превратит для глаз усталых в дерзкий свет
Полярных откликов и льдов многоголосье.

Я разлюбить тебя пыталась много раз,
Крушась в истерике сосульками и градом.
Я не могу простить твоих полярных глаз
За то, что далеко они и рядом.

На венах вышли от мороза синяки.
Любить тебя и ненавидеть невозможно.
Летят на свет снежинки, словно мотыльки,
А я лицо твое ищу во всех прохожих.

Любовь ФИЛАТОВА

Вот и кончился май

Вот и кончился май. Рдеет лето на листьях кленовых,
И гудит на лугах сенокосных густая трава.
Поскорей выбирай ты для жарких денечков обновы,
И пускай не болит об ушедшем твоя голова.

Вот и кончился май. Земляника цветет по откосам,
Ясноглазый июнь умывается синей водой.
Пусть обиды твои высыхают на солнце, как росы,
Все, что в сердце болит, оборвавшейся канет звездой.

В уголках моих губ глубоко зазмеилась измена,
Я легка и чиста, как дыханье восточных ветров.
Отпускаю тебя из ненужного более плена.
Просто кончился май, месяц май, и не больше того.

Я расстанусь с тобой

Я расстанусь с тобой, не оставив большого следа.
В добрый час, дорогой, на земле не в чести постоянство,
И меня из глуши золотые зовут города,
И дороги манят обещанием стран и пространства.

Я хочу, чтобы грусть оставалась легка и чиста,
Этот пристальный взгляд я запомню на долгие годы,
Слишком быстро меня от тебя отдалит суета,
И обманет мечта, не давая желанной свободы.

Ясен призрачный плен невозможных нахлынувших чувств
В непрерывной связи предстоящих разлук и прощаний,
Я расстанусь с тобой, и уже никогда не вернусь,
Но, конечно, тебя эта мысль несущественно ранит.

Золотых городов мишура и подвальная грязь,
И дорог голубых вековечная пыль без просвета, -
Дай же руку мне, друг, поцелуй меня в губы, смеясь,
И забудь навсегда это солнечно жаркое лето.

Как тебе не нужна романтически нежная чушь,
Просто все обернулось серьезней, чем я ожидала.
Нереальная связь двух случайно столкнувшихся душ,
Для меня означала она, к сожаленью, немало.

От невзрослых досад, от укоров грошовой цены,
К городам золотым, обмануться в которых несложно,
Я уйти поспешу, но останутся странные сны,
Где родство наших душ так желанно, светло и возможно.

Лорка

Когда я с тобой прощалась, чтоб больше не возвратиться,
Пылинка звезды качалась на тонких твоих ресницах.
Когда я с тобой прощалась, сжимая в ладонях руки,
Два парусника встречались у дальней речной излуки.

Когда я с тобой прощалась, теряя тебя навеки,
Зеленые ветры мчались, сбивая росу на ветках.
Пылинка звезды вечерней, светившей нам ночью долгой.
Недолго была я верной былому понятью долга.

Недолго тебя любила и рано с тобой прощалась,
И только звезды пылинка в зрачках у тебя качалась.
О, как я хочу вернуться, но время неумолимо.
И парусники несутся с далекой излуки мимо.

И ветры, росу сбивая, ломают беспечно ветки.
Когда я с тобой прощалась, теряя тебя навеки...

Как жаль

Как жаль, что в жизни все не навсегда.
Как жаль, что изменяют нас года.
Как жаль, что возвратиться не дано
В прекрасное и светлое давно.
В заснеженный, еще весенний лес
Под праздничный еловый благовест.
В избушку со свечою на столе,
К костру с картошкой теплою в золе,
И в электричку, чтоб уехать в ночь
От суеты, тревоги, фальши прочь.
Как жаль... А почему же, впрочем, жаль?
Блажен, кто может чувствовать печаль,
Кто потерял, но помнит все равно
Прекрасное и светлое давно.
Нежданный, затяжной, холодный дождь
И тополей простуженную дрожь,
И рябь от ветра на большой реке,
И как тепло руке в твоей руке.

Пустяки

Забудутся слова, подробности уйдут.
Останется канва без мелочных причуд.
На сердце - теплый след от слова твоего.
Короткое «привет!» И больше ничего.

Была я не права. Все делала не так
Дурная голова. А для тебя - пустяк,
Случайный эпизод, как под ноги трава.
Но это все пройдет, останется канва.

Как по канве крестом я вышивала жизнь.
Ты на поле пустом, былинка, удержись,
И к солнцу протяни ладони, как ростки,
И ветром отгони от сердца пустяки.

Паруса небес

Надуты ветром паруса небес.
Стремительно плывет навстречу лету
Весенний пробуждающийся лес
В зеленых пятнах солнечного света.

В ветвях упругих гомонят скворцы,
К июню обещая жизнь иную.
И я меняю зимние дворцы
На старую избушку лубяную.

Пусть окажусь я снова не права,
И будет дождь сквозь щели в крыше литься,
Перед избушкой вырастет трава,
Которая дворцам и не приснится.

Замедлит время свой извечный ход,
Рябины гроздья постучат в окошко,
И счастье заплутавшее зайдет
Попить воды и отдохнуть немножко.

Апрель

Апрель крикливою сорокой
Ворвался в сонные леса.
Уже полны березы соком,
И на припеке ненароком
Подснежник распахнул глаза.

Лежат снега в еловой чаще,
Но распогодилось с утра,
И солнца жар в небесной чаше,
И пахнет летом предстоящим
Сосны нагретая кора.

Дождливая осень

Дождливое лето, дождливая осень,
Нахмурена неба свинцовая просинь.
А мне бы в ту осень однажды вернуться,
За старую ветку на тропке запнуться,
Увидеть свое отражение в луже
И музыку ветра ненастного слушать.
Взбежать на крылечко родимого дома,
Взбежать по ступенькам до боли знакомым.
В закрытую дверь, торопясь, постучаться
И тихо заплакать от горького счастья.

Невзгоды погоды, усмешка природы,
И все б ничего, да проносятся годы,
И год под названьем две тысячи восемь
Несет над домами дождливую осень.

***

Еще не затихло движенье, еще раздавались гудки,
Ложились размытые тени на сонный паром у реки.
В автобусах брали билеты, а где-то вели разговор
Про пыльное жаркое лето хозяйки, спустившись во двор.

Подъезды еще не остыли от зноя, гостей, суеты.
И церкви над городом плыли, как руки, раскинув кресты.
Высокие, строгие, слепо смотрели глазами бойниц
В бездонное вечное небо на пляски далеких зарниц.

И я, собираясь к парому, припомнить уже не могла
Дорогу от дома до дома, где раньше счастливой была.
В удаче, промчавшейся мимо, и в мелочной важности тем
Тогда бесконечно любимой была я и всеми, и всем.

По белой аллее ступаю, по склону ушедшего дня.
Мой город не помнит, не знает и больше не держит меня.

На родине милой

А на родине милой, далекой, голубая весны канитель.
Засыпает поля и дороги белоснежных черемух метель.
Затаив изумленно дыханье, поздней ночью выходишь ты в сад.
Как безбрежно полей колыханье, как таинственно звезды горят.

И в мерцающих водах, с угора, видно тени упавших в реку
Древних сосен столетнего бора, задремавших на том берегу.
На бурлящих проспектах столицы, средь веселой и шумной толпы,
Мне забытые видятся лица, золотые ржаные снопы.

Свежий ветер

За окошком свежий ветер гнет к земле густые травы.
В чистом поле столько света, столько солнца, боже правый!
Ловко вниз по косогору убегает к речке тропка.
Хрипло кличет старый ворон воронят в болоте топком.
Я раскрою окна настежь, пусть тоску уносит с пылью.
Принеси мне, ветер, счастье на своих упругих крыльях.
Чисто вымою крылечко, перетру холстом посуду.
Уберу твое колечко, вспоминать о нем не буду.
Носит пусть тебя по свету среди сполохов и грома,
У меня сегодня лето. У меня надежда в доме.

Борис ГУЛЯЕВ

Попутчики

Мы с тобой по жизни лишь попутчики.
Рано наши встретились пути.
Не нашел к тебе я, видно, ключика,
И теперь, пожалуй, не найти.

Скинь минувших весен покрывало,
Задержи бегущей жизни миг,
Вдруг пробьется к свету небывало
Чувства нескудеющий родник.

Не рискую здесь я обмануться,
Не напрасно судьбы сводят нас.
Реки в море все-таки сольются.
Не скрывай упрямо милых глаз.

Мы с тобой по жизни лишь попутчики.
Рано наши встретились пути.
Не нашел к тебе я, видно, ключика,
И теперь, пожалуй, не найти.

***

Спросил я сердце: что ты ищешь,
Куда зовешь ты вновь и вновь?
И сердце, как скиталец нищий,
Сказало мне: ищу любовь.

***

Я с вами близко не знаком,
Встречаюсь изредка глазами.
О чем вздыхается тайком,
Понять вы можете и сами.

Я вас по-своему люблю
Любовью девственной, наивной,
Как радость лучшую мою,
Безмолвно, трепетно, невинно.

Неравнодушны вы ко мне,
Во взоре вижу я смущенье.
Но сделать первый шаг вполне
Вам не дают свои сомненья.

Узнать вас близко не стремлюсь,
Останьтесь радостью, мечтою.
Я разлюбить, познав, боюсь.
Удел такой вам - быть святою.

***

Мне жаль с тобой вот так расстаться,
И без надежды видеть вновь.
Ты все поймешь и, может статься,
Простишь мне грешную любовь.

В зеленом сквере на скамейке
Нам не сидеть как в первый раз,
И воробьиная семейка
Не позабавит больше нас.

Не слышать слов твоих спокойных,
Не видеть милые глаза.
О чувствах, в сердце утаенных,
Не скажет скрытая слеза.

Я провожу тебя немного,
До эскалатора в метро.
С руки, сорвавшись, на дорогу
Слетело легкое перо.

***

Уж я ничего не прошу у тебя,
Вниманья не жду, ни любви, ни участья,
И кроху надежды в душе загубя,
Не жду возвращенья мелькнувшего счастья.

Не надо теперь утешительных слов,
Не надо, не надо пустых сожалений.
Упал между нами незримый покров
Глухого неверья и горьких сомнений.

Покоя хочу и хочу тишины,
Забыться желаю в объятьях разлуки.
Но сердцу как будто сильнее слышны
Любви неприкаянной тихие звуки.

И плачет, и просит, и рвется назад,
Вернуть улетевшего счастья мгновенья.
И нет уже больше незримых преград,
Туманом рассеются скоро сомненья.

***

Конечно, конечно, все это пройдет,
И сердце забудет желать и томиться,
Как после заката закончит полет
На мысе далеком уставшая птица.

Но той же дорогой пускаюсь опять,
Глотая слезу, задыхаясь от пыли.
Никто мне, как прежде, не сможет сказать:
В ответе за тех мы, кого приручили.

Вины нераскаянной тягостный гнет,
Обид нанесенных за мной вереница.
Конечно, конечно, все это пройдет,
Но сможет ли, сможет ли скоро забыться?

Узелок

Не суди себя ты понапрасну,
Легче нам не станет от того.
Слышу причитания несчастной
И упреки сердца моего.

В том, что приключилось, виноваты
Только мы и трудные года,

Давних бурь далекие раскаты,
Прежних отчуждений холода.

Нитку, что порвал, не восстановишь,
Не срастишь умело, без следа,
Узелок завяжешь и запомнишь,
Рана остается навсегда.

Нас по жизни связывают нити
Добрых отношений и надежд.
Нити эти тонкие не рвите...

***

Зефир в шоколаде, зефир в шоколаде
Несу я в подарок красавице Наде.
Ах, если бы Надя с такой же вот силой
Меня, как зефир в шоколаде, любила!

***

Вам дать не в силах ничего,
Ни утешенья, ни достатка,
Сокровищ нажитых всего -
Дешевый крестик да печатка.

И говорю вам не шутя,
И не со зла, а чтобы знали.
Хотя, капризное дитя,
Меня поймете вы едва ли.

Зачем же так, не хмурьте бровь
И не кусайте покрывало.
Вам дать могу я лишь любовь,
Но это тоже ведь немало.

Первый шаг

Как трудно делать первый шаг!
Смятеньем новым я охвачен...
Ногой ступать в безбрежный мрак,
Где путь совсем не обозначен.

Навстречу шаг своей судьбе,
Быть может, к счастью или горю,
Навстречу утренней заре
Или бушующему морю.

К тебе навстречу первый шаг...
В плену у страсти и желанья,
Как завлеченный в сети враг,
Ищу слова для оправданья.

Я для тебя пока чужак,
Но подними свои ресницы,
Ко мне попробуй сделать шаг.
Блеснет, быть может, свет зарницы.

***

Люблю, сто тысяч раз люблю! -
Твержу себе я, как безумный.
И вновь я молод, снова юный.
За все тебя благодарю!
За день, за час в тот летний вечер,
За то, что так сошлись пути,
За ту таинственную встречу,
За то, что смел я подойти.
Не всякий в жизни был удачлив,
Не все довольны мы судьбой.
Ни с кем, поверь, я не был счастлив
В такой вот мере, как с тобой!
Узнал я чудо пробужденья,
Дорогу в дивные края.
Ты - солнце, радость, вдохновенье,
Ты - песня лучшая моя.
Крылатый парус на просторе
Прибавит бега кораблю.
Ты ветер мой над синим морем,
Ты все, ты все, что я люблю!

***

Мне сон приснился странный и тревожный:
Себя во гробе нес я хоронить...
Ты скажешь мне - такое невозможно,
Но в мире снов чего ж не может быть.

Мне сон приснился редкий и чудесный:
Я птицей легкой в небо воспарил,
И край родимый с выси поднебесной
Единым взором разом охватил.

Мне сон приснился страшный до безумья:
Спешу на поезд вновь - и опоздал.
Блистает светом в шуме многолюдья
Какой-то незнакомый нам вокзал.

Мне сон приснился где-то даже знатный:
Живу роскошно в княжеском дворце.
Иду по залам, молодой и статный,
С чертами благородства на лице.

Мне сон приснился вдруг неосторожный:
Тебя всем сердцем смог я полюбить...
Ты скажешь мне - такое невозможно,
Но в мире снов чего ж не может быть.

***

Душа истосковалась без любви.
Холодному не верится безмолвью.
Намеком только, взглядом позови,
На край земли пойду я за любовью.

Желания хранимого запас
И чашу переполнившая нежность -
На краткий миг довольно, и на час,
На год, на жизнь, а может быть, и вечность.

Отдам тебе, что вынес и пронес.
Счастливая, безумная наивность.
Отдам без сожаления и слез,
И даже без надежды на взаимность.

Душа истосковалась без любви.
Холодному не верится безмолвью.
Намеком только, взглядом позови,
На край земли пойду я за любовью.

Вечер

Багровым заревом заката за горизонт уходит день.
По небу тихо, в пол-охвата, с востока двигается тень.
Куранты время отбивают, в нарядах каменных мосты,
И алым отблеском сияют раззолоченные кресты.
Сказать хочу, и не случайно: постой, прохожий, посмотри,
Как догорает день печально в огне пылающей зари!
Все гуще, гуще тень с востока, покровом темным свод объят.
Еще бледнеет одиноко полоской розовой закат.
Давно вернулись птицы в гнезда. Пойду и я путем своим.
И зажигает вечер звезды над старым городом моим.

***

Последний вечер сентября
Спустился медленно на землю.
Во тьме осенней тополя,
Роняя листья, молча дремлют.

Огни дорожных фонарей
Рассеют сумрак бледным светом,
И тень раскидистых ветвей
Темнее кажется при этом.

Пустынный сквер, скамьи пусты,
Утихла жизнь, прикрылись очи.
Лоснятся влажные кусты
В преддверии октябрьской ночи.

И грустно так, и хорошо.
Ложится мгла ко мне на плечи.
Сентябрь, и ты, мой друг, ушел.
Прощай, прощай, до новой встречи!

***

Ветер, ветер, что ты воешь, что мне душу бередишь
И, тревожа сердце, стонешь на раскатах старых крыш?
Может, вести роковые мне рассказываешь тут,
Будто милого родные да на кладбище несут?

Или добрая подруга, свет постылый разлюбя,
Руки, вырвавшись из круга, наложила на себя?
Мне ли скорую кончину предрекаешь в этот миг,
Мрака вечную пучину, мой безвыходный тупик?

Не война ли на пороге, испытанья близкий час?
Не оковы ли в остроге рок безжалостный припас?
Ветер, ветер, что ты воешь, что мне душу бередишь
И, тревожа сердце, стонешь на раскатах старых крыш?

Борис ГРАБОВСКИЙ

Небо и земля

Я все прекрасно понимаю,
Когда ты смотришь свысока:
Тебе нужна любовь земная,
А я - витаю в облаках.

В тебе так много пылкой страсти,
И никаких запретов нет;
Ты чтишь богатство, силу власти,
А я - романтик и поэт.

Твоя любовь - как божья кара,
Как наказанье за грехи.
Ты мне твердишь, что мы не пара,
А я - пишу тебе стихи.

Чем это кончится, не знаю.
Но я судьбу не тороплю:
Она разлуку обещает,
А я - люблю, люблю, люблю!

***

Я на тебя так пристально гляжу,
Чтоб отыскать пороки и изъяны:
Как эликсир на ноющие раны,
Я их себе на сердце положу.

Оно полно любовью и тоской.
Его гнетет несбыточность желаний.
Хочу найти лекарство от страданий,
Невольно причиняемых тобой.

Но ты, увы, безгрешна и чиста.
К тому же так божественно прекрасна,
Что я ищу, конечно же, напрасно
Бальзам от ран в твоих святых чертах.

***

Божественная! Мысленно с тобой
Брожу, как тень, и днем, и ночью рядом,
Пьянея от чарующего взгляда,
И сердцем юн, и трепетен душой.

Бесценная! Живу и... не живу,
Обуздывая грезы и желанья.
Повсюду - ты в моих воспоминаньях,
Но нет тебя со мною наяву.

Желанная! Не думать о тебе
Не в силах я. Прости же, ради бога,
Что не ведет к тебе моя дорога,
И лишний я, увы, в твоей судьбе.

Любимая! Тоски не заглушить
Ни временем, ни далью, ни слезами.
Кого винить, что так случилось с нами?
И где взять силы, чтобы разлюбить?

Алексей НИКОЛАЕВ

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Мистерия I. Вины

Я пред тобой во многом виноват.
В том, что сорвал с души твоей печати.
В том, что пришел не вовремя, хоть кстати.
В том, что любил с тобою невпопад.

В том, что все портил, вечного ища.
В том, что до боли сердце сжал, до крови.
И в том, что изъяснялся, как праща,
Завертывая камень в каждом слове.

Любовь моя - мой грех: ведь в ней исток
Всего, чем довелось тебя обидеть.
Любовь моя - мой бес, что не изыдет,
И приговор с пробелом в строчке «срок».

Любовь моя - затмение души
И чистый лист. Возьми и испиши.

Мистерия II. Заклинания

Швыряет факел сердце в ночи, дни,
Для сбывшейся мечты не видя плошки.
Как чист живой родник ее, взгляни.
Всего лишь волшебство. Подставь ладошки.

Не отрекись, о камень алтарей
Разбив лицо, захлестнутое бурей.
Будь молнией, но только не жалей
О скрывшейся за тучами лазури.

Не верь обидам. Солнечные дни
Пускай не оклевещет день ненастный.
Меня тысячекратно прокляни,
Но только не считай себя несчастной.

Ты даже и тогда в глаза солжешь,
Когда и в самом деле невтерпеж.

Мистерия III. Лунная кантата

Душа моя, как полная луна,
На черном небосводе жизни светит.
У солнца свет заимствует она.
Грешно твою роль солнца не отметить.

Дни, как метеоритные дожди,
Мерцают на душевном небосклоне.
Еще одна упавшая, гляди,
Она твоя, звезда в моей ладони.

Скажи, какие любишь ты цветы?
Есть у меня цветок прекрасный самый.
Возьми его. Он твой. Ведь это ты.
Не всем везет с такими чудесами.

Сплетает паутину серых дней
Зовущаяся временем Арахна.
Горит лампада в сумраке ночей.
Источник света бьет и не иссякнет.

Алмазами усыпан свод небес.
В смятеньи звездочет: не счесть сокровищ.
Их сосчитал тот парень, что воскрес,
Измеривший все ценности любовью.

Разбито будет сердце, если ты
Изменница и только плод мечты.

Мистерия IV. Разочарование

Малина в крапиве ты. Душу, позарясь, обжог. Ты
Обещанный мед в бочке дней, где любовь - ложка дегтя.

Умы - пляжный мусор. Предел их - убожество версий.
Пути их размыты дождями, идущими в сердце.

Шлю метеожалобы путника. Гнусь я, как стебель.
Дух горькая правда гнетет, обращая быль в небыль.

Судьба посмеялась. Свершилось чувств лучших крушенье.
Святыня во прахе лежит, претерпев осквернение.

Священное миро за стойкой кабацкой разлито.
Душевный цветник разметали свиные копыта.

Назначила ложь за любовь трехгрошовую плату.
Волчок состояний души - центрифуга распада.

Дыша катастрофой, вхожу я в души своей город.
Небес моих свод тьмой окутан и молнией вспорот.

Мистерия V. Прощение

Прости, прощай. И раз навеки, вовек прости, навек прощай.
О неслучайном человеке не забывай, не забывай.
Все канет в Лету незаметно. Все расплывется, как во сне.
Но не бесследно, не бесследно. Вовеки помни обо мне.

Прости за то, что не случилось. Прости за то, что не сбылось.
А что сбылось, прими как милость. И ничего в нем не отбрось.
Прости разлуку мне и встречу. Прости само мне бытие.
Прости присутствие на свете небезразличное мое.

Прости, тебе на пепелище я говорю и сам себе.
Простить друг друга и проститься пришел черед у нас в судьбе.
Прощай. Нет встречи без разлуки. Разлука - рок, разлука - рок.
Должны соединяться руки, чтоб навсегда разжаться в срок.

Пусть воссияет в час прощанья над ложью правды лик святой.
И с тем свершится расставанье души с душой, души с душой.
Прости, прощай. И раз навеки, вовек прости, навек прощай.
О неслучайном человеке не забывай, не забывай.

Владимир САМОХИН

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Киноповесть по мотивам легенды Льва Толстого «Разрушение ада и восстановление его»

Часть I. Русь златоглавая

Фрагмент I. Звонница

Российская деревня начала XIII века. Праздник Иоанна Крестителя. Перезвон колоколов, то затихая, то нарастая, разносится на всю округу. Под деревенским косогором бежит и спорит со временем серебристая речушка, играя на перекатах звездами полуденного солнца.

Добротно срубленная изба. Светятся и дарят лесной аромат вымытые к торжеству стены. Многочисленное семейство собирается на праздник. Пестрят наряды. Молодежь перемигивается, смеется, о чем-то шушукается и косится на взрослых. Белокурый подросток старательно примеряет белоснежную рубаху с вышитыми на ней оберегами, сопит и исподлобья наблюдает за своим старшим братом Даниилом.

Народ у входа в небольшую церквушку. Улыбки, поздравления. Крестятся нарядно одетые пожилые женщины. Кивают и смотрят на звонницу старики. Им с верху подмигивает молодой звонарь.

- До чего ловок-от!

- А то ж! — с гордостью кряхтят старики, глядя, как лихо он управляется с тремя колоколами разом.

Даниил балагурит в кругу смеющихся парней и девчат. Русоволосая красавица, с вплетенной в длинную косу атласной лентой, опускает глаза, смущенно улыбается и слегка отталкивает наклонившегося к ее уху широкоплечего молодца. Высокий, крепкий, как боровик, дед в красной рубахе щурит на них хитроватый глаз и прячет улыбку в густой бороде. Васятка поправляет свой поясок, с любовью сплетенный его мамкой на праздник, и ни на миг не сводит глаз с Даниила.

Колокольный звон достигает своего апогея.

Фрагмент II. Даниил и Любава

Пламя огромного костра с треском рвется в предрассветную синь неба. Снопы искр, срываясь с верхних языков пламени, исчезают в звездном небе.

Купальская ночь. Хороводы, песни, игры. Девчата бережно опускают венки в журчащую среди камней и тростника речку. Их глаза с надеждой и тревогой провожают свои послания в вечность. Парни осторожно сжимают девичьи руки, теребят плетеные кушаки и нежно прижимаются к девичьим станам. В речном заливе отражается луна и исчезающие на небосклоне звезды.

Даниил с Любавой, обнявшись у костра, сливаются воедино большой тенью, растекшейся по всей поляне, утоптанной после игрищ и прыжков через очищающее пламя костра. Тень постепенно оживает и начинает принимать самые причудливые формы. Кажется, что по поляне ползает двухголовое чудовище и пожирает едва зародив-

шиеся на траве бусинки рассвета. В чреве раскаленного костра звонко треснул сосновый уголек, и чудище метнулось от искр, словно подраненный зверь. К нежному урчанию реки примешались тихие стоны.

Трели соловья. В порозовевших стволах сосен кружат медовой истомой молодые сердца, блуждающие в поисках цветков папоротника. В омуте под Лысой горой слышится плеск воды и смех купающихся русалий. Отблески костров и рассвета высвечивают неземную красоту девичьих силуэтов.

Огромный плавник неожиданно блеснул холодным светом в волнах между береговых камней. Прибрежный камыш качнулся, и что-то большое плюхнулось в воду. Девичий визг легким ветерком шевельнул верхушки сосен и на миг приглушил птичий гомон.

Горячие губы и ветви сплетенных рук сходят с ума от сладкой неги молодых тел, освещенных мерцанием углей догорающего костра. Последние лепестки пламени заставляют тень вздрогнуть, она неожиданно замирает, бледнеет и тает в предрассветной росе.

Кусты на краю поляны резко сомкнулись, и в сторону деревни через бор, петляя между сосен, метнулась и растворилась чья-то светлая тень.

- Пойдем купаться, чудо бородатое, а то и на гору не поспеем! — Любава мягко отстранилась от Даниила и выскользнула из его объятий. Легко вспорхнув, она улыбнулась, быстро распустила косу и растворилась в розовом тумане реки.

Рука Даниила невольно скользнула по подбородку и ощутила едва пробившийся пушок совсем еще юной бороды. Глубоко вздохнув, он успокоил дыхание, но сердце еще гулким стуком просилось на волю.

- Любава-а-а!!!

Край солнечного диска показался над горизонтом. Даниил махом сбросил с себя остатки праздничной одежды и одним нырком очутился рядом со своей возлюбленной. Любава уже стояла лицом к восходу по пояс в воде. Она обняла его и уткнулась мокрыми волосами в упругое, ставшее в одночасье родным плечо. Водяной поток забурлил сильнее, играя вьюнами и бликами света на загорелых спинах.

- Сладкий! — она нежно поцеловала Даниила в мокрую щеку и, улыбаясь, слизнула с его подбородка капельку солнца. Они дружно рассмеялись, развернулись навстречу новому дню и подняли руки, осыпая себя золотыми брызгами.

- Слава богам! — шевельнул губами Даниил.

- Слава богам! — эхом повторила Любава.

- Слава! Слава! Слава! — сотни рук на Лысой горе взметнулись к небу.

Купальское солнце отрывается от горизонта и наполняет весь мир жизненным светом. С горы, разрывая в клочья поднявшийся туман, несется, прыгая на кочках, огненное колесо. Искры и обрывки огня с шипением рассыпаются по мокрой от росы траве.

Титры фильма. Картинки под титры: кукарекающий петух на насесте; крупно глаза петуха; в траве несколько зерен; слетающий с насеста петух; рука, сыплющая зерно; крупно голова петуха, клюющая зерно; зерно, заполняющее весь кадр.

Фрагмент III. Макарий

Скрип дверей сеновала сливается с утренним криком «хозяина» большого курятника. В дальнем углу сеновала висит красная рубаха, праздничный пояс, сушатся поставленные у маленького оконца лапти. Дед Макарий приподнимает голову и улыбается смущенному внуку, украдкой пробирающемуся на сеновал.

- Не суетись, Васятка, подь суды, — дед освобождает ему место от сена под крыльями большой полотняной рубахи. — У меня тут славно.

Мальчонка устраивается около деда и тяжело вздыхает. Запах свежескошенного сена заставляет его замереть на секунду. Пробившиеся сквозь застрехи крыши первые лучи солнца играют и кружат сенной трухой.

- Дедуль, а чевой-то они, а? Пошто все это? Зачем? — его взгляд останавливается на непросохшей после купания бороде деда. Петух снова задорно приветствует пробуждающийся день и уже вставшее над деревушкой солнце. — Мамка говорит, что

все это от лукавого. Нехорошо это! — шепчет Васятка, уже засыпая и сладко причмокивая. Дед поправляет под воротом рубахи деревянный крестик, прижимает внука к себе и тоже закрывает глаза.

Трансформация образа Василия в исторических и возрастных временах. Васины сны. Уход Макария. Юность и зрелость Васи — работа подмастерьем зодчего на строительстве Софийского собора в Вологде. Приезд Ивана Грозного в Вологду на смотрины нового собора и «венчание» царя с сестрой Василия.

Фрагмент IV. Легенда

Первый день летнего солнцестояния набирает силу. Макарий с внуком тянут бредень по заливу озера, раскинувшему свои просторы далеко за горизонт. Режут воздух взбесившиеся над головами белокрылые чайки. Отразившееся в глади залива голубое, без единого облачка небо окаймляет высокий, едва шевелящий своими метелочками тростник. Почти на середине озера, повторяя свои очертания и разрывая растворившийся в зеркале озера горизонт, парит небольшой островок. Каменные валуны острова, обжав и обступив со всех сторон, теснят молодую и одинокую березку.

- Дедо, а расскажи мне про лукавого, — Васятка помогает деду освобождать рыбу из плена сетей. — Кто он такой, а? И что ему от нас надо?

Огромный жерех, две озерные щуки, с десяток лещей и окуней, выпучив глаза, жадно хлопают ртами и все реже и реже бьют хвостами о края большой плетеной корзины. Наглотавшись жаркого летнего зноя, они замирают. Дед аккуратно прикрывает бедолаг заранее припасенной и смоченной в озере крапивой.

- Было это данным-давно. Очень давно, — Макарий, перебирая невод, поглядывал на появившиеся в небе облака. Крепкие, цепкие пальцы, мускулистые руки, бронзовый загар, ясный и зоркий взгляд по возрасту костили деду добрую четверть века. Даже с густой, седой бородой и длинными волосами он выглядел лет на пятьдесят, не более. Высокий рост, берестяной оберег на голове, легкость координированных движений придавали ему схожесть с былинным героем. — Случилось это в то время, когда бог послал Иисуса учить людей жить правдиво. Много чему доброму научил тогда людей Иисус. А самая главная истина была проста и светла, как водица родниковая: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Вот так-то, Васятка.

Дед достал из мотни бредня двух здоровенных раков и, не задумываясь, бросил их назад в озеро. Чайки с диким криком проводили их до воды. Трещал костер и закипала вода в котелке. Волны мягко и почти беззвучно приглаживали песчаный берег и раскачивали оторвавшиеся от дна водоросли. Макарий подсел к внуку на корягу около костра, внимательно посмотрел на него, подбросил в ненасытный костер несколько хворостин и продолжил:

- Людям нравилось так жить, и были довольны они, и радовались этому. Все считалось общим достоянием. Они не защищались силою от нападавших и платили добром на зло. Жизнь их была так хороша, что многие другие люди стали привлекаться к ним и жить по новым заповедям.

Васятка замер, залюбовавшись пляской пламени между раскаленных углей и вновь подброшенными ветками. Огонь жадно трещал, моментально превращая их в серый и прозрачный пепел.

- Вот тогда повелитель всех дьяволов и заволновался. Он понял, что скоро грешников на земле совсем не будет и ад просто исчезнет. Он долго тогда подговаривал людей не слушать Христа, бросать в него камни и даже убить.

Рука Васютки, подпиравшая ему голову, соскочила с колена. Он выпрямился, оторвал взгляд от огня и посмотрел на деда.

- Как это убить, дедо? Разве бога можно убить? — корзина неожиданно вздрогнула, один из стеблей крапивы высоко подскочил и повис на самом краю обода. Дед спешно перекрестился и суетливо поправил льняную бечевку, торчащую из-под рубахи внука.

- Типун тебе на язык, окаянный! — он зачем-то пнул торчащую из костра головешку. Искры забились об дно черного котелка. Вода уже кипела и плевалась пузырями через край. Угли под котелком чернели и зло шипели. — Бог, милой, он на небесах. Это

он послал Христа, чтобы избавить нас от грехов наших, за что Иисус и принял смерть от людей, которые, видимо, только с бесьим отродьем и дружат, — Макарий снял котелок с огня, положил в кипяток смородинного листа, душистой травы и немного меда. Васятка не отрывал глаз от деда. — Но ничего у них все равно не вышло. Иисус вознесся на небо, и стены ада раскатились по бревнышку. Дьявольская прислуга и все грешники разбежались кто куда, а повелитель ихней провалился в преисподнюю. До сих пор он там скрежещет зубами от злости на бога, что так все случилось.

Дед и внук небольшими глотками пили духмяный взвар. В стоявшем у костра котелке золотистый напиток еще продолжал дымиться и искрился пузырями сквозь пожухшую зелень. На, прилипшем к краю котелка листе смородины обживался и вил свою паутинку маленький паучок. Васятка не отставал:

- Дедо, а бесы-то что?

- Какие бесы? — Макарий вопросительно смотрел на внука, пытавшего длинной травиной сбросить паучка на траву.

- Ну, куда они разбежались, когда ад разрушился?

- Вот я и думаю, Васятка, что не угомонились они, окаянные, не успокоились, — дед нахмурил брови и, вздохнув тяжело, добавил: — У каждого из нас, поди, за левым плечом, думаю, по лукавому. Шепчут ересь всякую, дармоеды, с толку сбивают, ироды.

Вася поднялся, задумчиво спихнул чуть не сбежавшую крапивину на место и погладил отполированную годами ручку корзины.

- Скажи, дедо, а надо всех-всех любить и жалеть?

- Всех-всех, родимой. И вся. Запомни, милой, всех и вся, — Макарий аккуратно укладывал бредень в холщевый мешок, вновь поглядывая на небо. На горизонте клубились и поднимались ввысь причудливые кучевые облака. — Парит ноне. Никак к вечеру гроза соберется. Давай-ко сбирайся скоряй, маманька, поди, уже заждалась, — он погладил бороду и еще озабоченней добавил: — Что-то мы заболтались с тобой, давай быстряй.

К вечеру и впрямь погода испортилась. Гроза началась уже ночью. Васятка забился глубоко в сено и уже не решался спуститься в сени. Порывы ветра и хлесткий ливень отрезал ему путь в избу, где была печь, на которой он тоже облюбовал местечко и спал иногда вместе с остальной детворой. Дед с вечера долго смолил лодку, возился с неводом и спать лег уже поздно, в избе. Свет от вспышек молний и раскаты грома долго не давали Васятке уснуть.

Казалось, огромная дубина с треском грохнулась на крышу дома. Раскаты и перекаты грома долгим эхом загуляли по всем вратам и заборам деревни. Холодный свет снова и снова на доли секунды взрывал темноту, безмолвно спорил с ней чудными пересветами и уступал ей, бросая весь мир в черноту ночи. Шум дождя ненадолго заполнял паузы между раскатами грома. Ночь казалась бесконечной. В избе кто-то зажег свечку, оставшуюся после праздника. Послышались возня и усердное моление. К знакомым ароматам сеновала примешался запах воска и ладана. Мысли у Васятки пошли хороводом, и он провалился в тревожную дрему. Очередной раскат грома рассыпался и замер конной дробью на деревянном настиле крыльца. «Вставайте, люди добрые, князь на реку велит!» — сквозь сон донесся чей-то голос.

Фрагмент V. Сны

Вася стоит по пояс в большой, полноводной и незнакомой ему реке, кипящей на далеких перекатах. Отступившая, но продолжающая еще громыхать гроза висит над высоким холмом, увенчанным крепостью. Рубленые терема и дома городища, омытые дождем, светятся серебром. Множество народу, стар и млад, кто по шею, кто по грудь, стоят в воде, вплотную к друг к другу. Слышится детский плач, ворчанье стариков и ропот молодежи. Вода непривычной мутью оседает на белоснежных одеждах людей. Мелкие рыбешки тыкаются в босые ноги. Шершавые, словно панцирь рака, камни холодят пятки. На лицах сумятица и растерянность. Большой налим, зашуганный людьми, скользнул по ногам Васютки, обдав его ледяным ознобом.

На мгновение он очнулся. Гроза действительно отступила. Нехотя занимался рассвет. По крыше плясали остатки дождя, возвращая Васю в утренний сон. Ставший ниже свод крыши, показался сонному мальчонке постаревшим и незнакомым. Стены

сеновала потускнели и необычно серели в полумраке.

...Вася не смог удержать лодку. Собравшийся на берегу народ ахнул. Как на похоронах, заголосили женщины. Неведомая сила вырвала из побелевших пальцев последнюю надежду на благополучный исход. Шаркнув по прибрежной отмели и камням, лодка стремительно понеслась от берега. Тростник, перегородивший заводь, расступился перед лодкой, словно сквозь него проплыла огромная рыбина.

Все родичи и собравшийся народ двинулся вдоль берега вслед за уплывающей вдаль лодкой, последней колыбелью Макария. До сей поры добрый и улыбчивый, он лежал на щелеватом днище с хмурым ликом, высоко задрав серебро бороды, как поверженный идол. Вода сочилась сквозь щели и подложенную под голову солому. Казалось, он спал. Солнце садилось за тучу, окрашивая бурлящие пороги и всю реку в багровый цвет. Догорающий закат и оранжевое светило долго еще золотили седую бороду, усы и длинные волосы старца. Клинышек волн от удаляющейся лодки делил реку вечности по полам. Неожиданное появление вооруженных всадников прервало Васюткины мысли о воде, заполняющей лодку, и странной силе, лишившей его любимого человека...

«Васька, вставай, батько в поле велит! Сенокосить пора!» Утерев нос и смахнув рукавом слезы горечи и утраты, он проснулся.

Мамка хлопотала у печки и собирала мужикам обед в поле. Даниил с Любавой были уже во дворе и помогали отцу обряжать лошадь. Дорога на сенокос была не дальней, но обе семьи вставали рано, до восхода, чтобы застать росу и основной покос завершить до жары.

Дружно звенели косы, заливались в голубом небе жаворонки, гудели и трудились пчелы. Ближе к полудню, в тени небольшого соснового бора, женской половиной был устроен легкий перекус. В крынках парное и топленое молоко. На белоснежных, льняных полотенцах — с утра испеченный большой каравай душистого ржаного хлеба и свежая зелень. В глиняном чугуне — овсяная каша с медом, еще хранящая тепло печного чрева.

- Дедо! — Вася в очередной раз смутился. Отцова борода каждой прядью напоминала ему седую дедову. Умудренный опытом батяня и бровью не повел, и Вася продолжил: — А правда есть такой заговор: «Деду-прадеду, помоги нам»?

- Ты что, опять в лесу блудился? — мать с отцом, не сговариваясь, потрепали белобрысые, с позолотой солнца волосы сына, коснулись руками и встретились взглядами. Вася оторвался от кринки с молоком и, насколько серьезно смог, отрицательно помотал головой.

- Не-е! В толк не могу взять, куда наш дедо мог уйти, если он нам помогает? — он продолжал смотреть на родителей невинным взглядом.

- Да никуда наш «дедо» не ушел, — отец отломил от каравая большой кус, поделился им с сыном, достал из берестянницы щепотку соли, освещенную на мартовском солнце еще при Макарии, и постучал себя в грудь здоровенным кулачищем, — сдись он, с нами!

- Как это? — Вася поперхнулся и утер с губ и подбородка молочные усы. Берестяной оберег и дедова рубаха на отце окончательно сбили мальчонку с толку.

- Чудинка соломенна! Ты что, не видишь, что мы с тобой однаки? — отец оттопырил губу, точь-в-точь как Васятка маленький. Все дружно рассмеялись, мать улыбнулась и незаметно ткнула мужа в бок. - Ты и я, Настюха с Аленкой, Ванька с Дареной, Данила с Любавой, маманька — все мы с одного дерева. И не растатися нам ни в каки лихи времена. Во как! — отшутился он, но, идя на поле, приобняв сына, добавил серьезнее: — Все мы кажин в свой срок уйдем далече, и всяк по-своему поможать друг дружке будем. Только не всяк эту помочь принять хочет, да и не всяк порой это можети.

- А правду кажуть, если во сне кто кому чево накажет, нужно исполнять особо, и что есть на свете церкви каменны?

- Ну, это смотря кто и чево накажет! Лукавые порой во сне тоже рожи корчат. А при чем тут церква... церкви наши?

- Тодысь, батяня, когда я вырасту маненько, то буду из каменьев палаты класть, а может быть, и жить в них.

Фрагмент VI. София

XVI век. Иван Грозный с Басмановым, облачившись в монахов, скрытно от прислуги и местной знати трапезничают в небольшом кабаке на окраине древней Вологды. Царю глянулась чернобровая девица, подававшая им медовуху.

«Хороша-а лебедушка, в стерляжью ее уху! — шепчет Грозный, наклонившись к плечу Басманова. — Истосковался я, Васька, по любви и ласке в дороге дальней. Сыграй-ко мне свадебку, да не поскупись на потеху». Иван Васильевич щурит на Басманова пытливый глаз из-под монашьего балахона и провожает девицу похотливым взглядом. В предвкушении забавы хлопает Басманова по плечу: «Да повеселяй! Со скоморохами!»

- Настюха! Еще сурицы малиновой! — Басманов допил медовуху, смачно крякнул и, утвердительно кивнув Грозному, встал из-за стола. — Две плошки земляники и гуся с яблокам!

У Настены подкосились ноги и от озноба дрогнуло все тело. Подавая опорожненную за какой-то час-полтора братину, Василий Басманов нарочито приоткрыл молодухе из-под рясы княжий кафтан.

Царь с прислугой и молодой «женой» после «венчания» убывают в Ферапонтовский монастырь, где он потешается над сестрой Василия и постригает ее в монахини...

Приемка Иваном Грозным Софийского собора. Василий наблюдает за царем и его свитой с лесов собора. Запнувшись за оставленный на лесах мастерок, Василий наступает на край свежевыложенной кирпичной кладки и срывается вниз, прямо под ноги царской свите. От громкого хлопка собравшаяся на смотрины толпа народу вздрогнула и загудела. Стая голубей, ворковавших на лесах, уносит эхо хлопка и гула высоко в небо. Один из голубей, оторвавшись от стаи, взлетает все выше и выше и исчезает в голубом просторе.

Фрагмент VII. Камень-остров

XVIII век. «Прощай! Василий! — голос Анастасии сливается с разноголосым гомоном провожающих, и она уже шепотом успокаивает себя: — Я ждать буду. Возвращайся, родимой!» Ладьи медленно и величаво отходят от берега. Береговой бриз наполняет мощью белоснежные паруса. Василий смущенно смахивает с глаз непрошеную слезинку и слегка покусывает губы. Солоноватый привкус прощального девичьего поцелуя не на шутку встревожил его юное сердце. Небольшая пристань, и берег неумолимо удаляются, разделяя влюбленные сердца серой водяной гладью. Еще немного, и взгляду становятся различимыми только многочисленные купола и свечи тотемских церквей, возведенных в честь былых походов. Ближайший поворот Сухоны-реки на долгие годы скрывает от отважных мореходов их любимый город, их родных, друзей и любимых...

Могучие и непроходимые леса изредка расступаются и открывают взору бескрайние просторы полей и цветущих лугов. Жалобные крики чаек, кружащих над парусами, сливаются с короткими командами кормчего и плеском воды за бортом.

На третий день похода берега реки-дороги расступились, чаще стали попадать тростниковые острова, большие и малые. Течение своенравной реки успокоилось, делясь на множество рукавов, и попутный ветер вынес ладьи в просторы Кубенского озера. Часа через три-четыре хода вдоль правого берега озера, взору тотьмичей предстал Камень-остров, отличавшийся от прочих тем, что весь состоял из одних камней и валунов, огромных и мрачных. Единственным утешением каменного безмолвия была высокая, стройная береза в центре острова, чудом попавшая сюда и устоявшая наперекор всем стихиям. В тени ее кроны, у самого корневища, пытались выжить несколько кустиков шиповника, набиравшего цвет.

«Навались!» — судна мягко скользили с подветренной стороны острова, и гребцы дружно взялись за весла, помогая обмякшим парусам. Василию чудится, что не ладьи, а сам остров плывет мимо путешественников. Он смотрит на отражение березы, растущей из глыб, и не может избавиться от тревоги и ощущения того, что все это он уже видел, и что знает про эту березу нечто особенное. В глубинах сознания уже звучат забытые фразы и оживают знакомые лица. «Василий, очнись, а то за борт клюнешь!

Кормчий к себе велит»...

Василий мужает в дальних походах. Алеутские острова. Крушение. Форт-Росс. Индейцы. Торговля. Строительство тотемских церквей с картушами на пожертвования мореходов. Первая и роковая любовь Василия. Смерть на дуэли.

...Выстрелы грянули почти одновременно. Василий почувствовал хлесткий удар в грудь и привкус крови на губах. Вместо вздоха из груди странно хлюпнуло, губы и затылок мгновенно занемели, колени подломились. С кончиков пальцев, на выроненный мушкет и зеленую траву, пали первые капли крови. Все тело стало ватным, в голове, пульсируя и нарастая, глухо забили колокола. Стоявшая на пригорке церковь качнулась и стремительно понеслась на Василия.

Часть II. Возвращение легенды

Фрагмент VIII. Всадники

20-е годы прошлого столетия. Падают колокола, взрываются и рушатся церкви. Разрушенный храм на острове Спас-Камень. Скатившееся к горизонту солнце пробивается сквозь пустые звонницы и окрашивает в малиновый цвет покосившийся крест и прибрежные волны. Огромные своды некогда стоявшего храма перемешаны с кирпичом и щебнем. К храму на остров ведет дорога из песка и мелких камней. Вся дорога усеяна алыми большими и малыми осколками кирпичей, еще не обточенных годами, волнами и суровым северным ветром. В сторону берега по дороге мелкой рысью двигается группа всадников. У одного из них поперек седла связанный человек. Постепенно всадники выезжают на участок, где дорога скрывается под водой, и продолжают свое движение в алом, как кровь, пространстве отразившегося в озере заката.

Фрагмент IX. Кинотеатр

1960-е годы. Василий Петрович с внуком Сашей в старом кинотеатре. На экране все те же всадники, въезжающие на окраину разрушенного войной провинциального городка. Сцены допроса и пытки красноармейца.

- Дедо, а за что они его, а? Зачем? — На экране сверкнула шашка. Саша опускает голову, хмурится и косит взгляд на деда. — Мамка говорила, что белогвардейцы тоже за наших, только они в бога веруют.

- Давно это было, Сашок, — шепчет Василий Петрович, наклонившись к мальчонке. Мерцающее полотно экрана выбеливает и размывает годы морщинок на лице деда, и Саша узнает глаза молодого бойца с фотографии, которого он видел недавно в домашнем альбоме. — Тогда еще мы все в бога верили. Лукавый многих сумел попутать и перессорить. Ужо расскажу. Пойдем отсель.

Дед с внуком прокрадываются между рядами. Недовольно шушукают зрители. Под ногами шуршат ошурки от семечек. Катится, задетая Сашей, пустая бутылка. Перед самым выходом дед натыкается на чьи-то выставленные в междурядье ноги.

- Сидел бы дома, пенек замшелый, — хихикает молодой парень, обращаясь к сидящей рядом с ним девушке.

- Не озоруй, молодой человек. Сзади едешь, ноги-то успеешь еще протянуть, — дед слегка улыбается весельчаку и невзначай подмигивает его подруге. Она смущается, тыкает локтем парня в бок.

На экране раздается оглушительный взрыв. Саша прикрывает глаза от ослепительной вспышки. Большая трещина, словно молния, разрывает засветку экрана пополам. Ухает очередной взрыв, звенят и сыплются стекла из окон стоящей рядом с кинотеатром гостиницы. Последняя стена кинотеатра, нехотя кренясь, оседает. Толстый слой штукатурки мгновенно рассыпается в прах, обнажая древнюю кладку и остатки редчайших фресок. Гусеницы танка срывают асфальтное полотно слой за слоем и скользят по камням булыжной мостовой, высекая искры и натягивая толстенный трос в струну, с нелепо болтающимися на нем остатками экранного полотна. Узлы

не раз и не два лопнувшего троса с треском сжимаются, и нижняя часть стены трогается с места, сдвигая и роняя ряды пустых зрительских кресел. Александр стоит в огромной толпе зевак, взрослых и ребятишек, с недоумением провожающей взглядом глыбу кирпичной кладки с ликом богородицы с младенцем на руках. Голубые глаза младенца с иконы смотрят в хмурое осеннее небо.

Фрагмент X. Гармонист

1990-е годы. Поклонный крест на месте разрушенного кинотеатра. Со всех сторон множество каруселей. Народ толпится за фантой, колой, сахарной ватой. Лотки с пирожками и пивом окружены смеющейся молодежью. Из-за голубых елей стыдливо торчат биотуалеты. Вагончик с аттракционами от Фредди Крюгера соседствует с комнатой смеха. Громкоговорители надрывно рассказывают о том, как можно без труда вытащить из-под пробки пива новый автомобиль или путевку на Майями. Звучит иноземная музыка. Дети визжат, катаясь на аттракционах. Лихо взлетает в небо качель-ладья.

Небрежно одетый немолодой мужчина играет на гармошке «Сон Стеньки Разина». В ногах шапка с мелочью и мятыми червонцами. На постаменте за его спиной афиши фильмов. Среди них приглашение горожан на съемку в массовке в фильме «Царевы забавы». Грозный профиль царя на фоне белокаменной Софии теряется в пестроте боевиков со Шварценеггером и Сталлоне, инопланетян и смазливых девчонок. Василий Петрович смотрит на желтые от курева пальцы гармониста, ловко бегающие по стертым кнопкам, и с уважительным поклоном кладет в шапку две сторублевые купюры. Гармонист, не прерывая игру, кивает ему в ответ, с любопытством разглядывая на щедром «спонсоре» льняную рубашку с диковинными узорами. На вдохе потрепанных мехов нежные переливы гармонии перекрывают лязг и грохот «металла», рвущегося из динамиков.

«Во пазгает!» — двое подвыпивших подростков с полуторалитровыми бутылями пива в руках, не останавливаясь, бросили гармонисту горсть монет. Уже из толпы, поглотившей юнцов, резануло ухо отборным матом. Толпа дружно и одобрительно загоготала. Смолкли последние аккорды тальянки. Из динамиков уже сыпал острословием Роман Трахтенберг. Василий Петрович еще раз поклонился мужику, сортирующему купюры, и двинулся сквозь гудящую площадь.

В толпе мелькает весь калейдоскоп лиц из прошлых жизней Васятки, Васи, Василия и Василия Петровича. Некоторые из них, проходя мимо, задерживают взгляд на необычном старце. Высокий рост, отличное телосложение, белоснежная рубаха и красивая борода с успехом решали задачу беспрепятственного продвижения по волнам народной толчеи. Все без исключения уступали ему дорогу, кто приветливо улыбаясь, а кто и ворча недовольно.

Памятник Ильичу. За его спиной белеет вологодский кремль, древний Софийский собор. Народ спешит с работы. Лицо вождя хмуро и безразлично взирает на многоликую суету.

Фрагмент XI. Плетневы

Начало XXI века. Василий Петрович в возрасте деда Макария, но такой же моложавый и крепкий, в современной квартире. Скульптуры из капа, картины Васильева. По радио звучит реклама рубрики «Планета здоровья». Александр стоит в комнате рядом со своим сыном, сидящим за компьютером. На мониторе игра «Возвращение в рай» с красивыми солнечными пейзажами, но, как и все нынешние игры, со стрельбой и кровью.

Василий Петрович заканчивает поливать цветы, которые в изобилии, но гармонично дополняют интерьер многокомнатной квартиры, и выходит на лоджию. Внизу шумит современный город. Он с грустью вспоминает свою родную северную деревню, из которой вот уже больше десяти лет уехал, поддавшись на уговоры Александра. Рев и сирены машин, звуки вокзала и поездов безрадостно дополняют размышления старца о суете цивилизации и размеренном деревенском труде и быте, о тишине и покое.

На дворе стоит необычно жаркий июнь. Толпа хмурых людей, идущих на завод, трубы, дым. Заводской гудок, лязг металла, стоны, скрип станков и заводских машин.

Александр — состоятельный бизнесмен, в прошлом незаурядный спортсмен. Мечтатель и романтик. Живет в шикарной квартире в большом городе со своей матерью и дедом, Василием Петровичем. Отец Александра, ученый, изучал историю земли тотемской. Исчез при невыясненных обстоятельствах в одной из экспедиций на Алеутские острова. Счастливый союз с женой Еленой у Александра распался через десять лет. Он продолжает мечтать о любви и союзе с женщиной, которая разделила бы его философию бытия и беспокойный образ жизни. Две дочери его живут с мамой, сын Вася с семи лет все чаще живет у Александра. Василий, как и отец, и все мужчины рода Плетневых, крепко сложен, увлекается спортом, любит путешествовать. Александр в свои сорок с небольшим исколесил полмира. Его турфирма, кроме заграничных турне, занимается экзотическими турами по России и работает над проектом «Турмост: Северная — Южная Фиваида».

Фрагмент XII. Северная Фиваида

- Аркадий Петрович, дорогой, на уровне государств никогда и никто народы не помирит, — Александр уже второй час на приеме у своего шефа в головной фирме предприятия. — Вы представляете чартерные рейсы, которые будут доставлять туристов в самые потаенные и красивейшие места планеты не затем, чтобы таскаться за докой-экскурсоводом, получать от него интернет-информацию и закупать сувениры, а...

- Стоп, уважаемый, читал я твою аналитическую записку. И твой проект «Странствий с проживанием» я тоже читал, — шеф сверлил взглядом Александра. — По-моему, это полный бред — жить в семьях у бедуинов в пустыне или у аборигенов на каком-нибудь острове. Питаться креветками да черепашками, приготовленными в антисанитарных условиях. И все для того, чтобы самому изготовить себе чашку из глины и привезти ее домой. Полнейшая утопия. Могу представить себе и араба в зимней деревне, колющего дрова или с коромыслом на плече.

- А я считаю, что в этом и есть самый цимус. Именно своими руками изготовить для себя глиняную кринку, обжечь ее первобытным способом, а вместе с кузнецом выковать подкову на память или гвоздь, — Александр начинал нервничать. Беседа возвращалась на третий круг и переговоры заходили в тупик. — Поесть настоящих щец из русской печки, отведать свежих пирогов и испить парного молочка. Аркадий Петрович?! Вдали от суеты, в тишине, без макдональдского столпотворения, а? Ведь нормальный человек никогда не сможет полноценно отдохнуть от городского безумия даже на самом роскошном пляже, в толпе все тех же безумцев, да причем еще и со всего света, согласитесь! Практически все тот же пищеблок и тот же сервис.

Аркадий Петрович, любивший хорошо и вкусно поесть и внимательно изучавший все продукты на предмет экологической чистоты, задумчиво вертел карандаш в руке. Его взгляд застыл на водорослях в аквариуме с экзотическими рыбками, а сам он готов был уже сглотнуть слюну, вспомнив запах топленого молока и бабушкиных блинов из печки. На мгновение, ощутив в руке горячий и масленый блин, начиненный домашним творогом, он обреченно вздохнул и катнул карандаш по столу. Александр не замедлил воспользоваться паузой и с ходу выдал две свои последние козырные заготовки:

- Аркадий Петрович, мне известно из достоверных источников, что французская турфирма «Маят-Вояж» поднялась именно на экзотических турах с проживанием небольших групп туристов во всяких там жерлах вулканов, у индейцев и пигмеев. Да-да, поднялась и успешно функционирует уже более пятнадцати лет.

- Ну, знаешь, — начал было озадаченный неожиданным доводом патрон, но Александр, вдохновленный зачинающимся успехом, не дал ему развить крапленую сомнениями мысль:

- А еще доложу я вам, что в одной из северных областей нашим уважаемым всеми Министерством культуры начинается финансироваться проект «Музеев под открытым небом», где будут представлены практически все эпохи. Причем населять восстановленные поселения будут не простые экскурсоводы и чучела животных, а реаль-

ные люди, изучившие ту или иную эпоху досконально. Жить и вести хозяйство вперемешку с актерами, которые будут не рассказывать и даже не показывать приезжим и гостям о далеких временах, они будут помогать им, окунуться в прошлое, давая возможность прожить недельку-другую по устоям тех или иных времен. Диснейленд с годами, я думаю, закурит, если, конечно, все будет сделано с умом, как задумано авторами проекта.

- Это имеет какую-то связь с Вотчиной Деда Мороза в Великом Устюге? — Аркадий Петрович мысленно сканировал карту северных регионов и пытался изобразить безразличие к заинтересовавшей его информации.

- Вы попали практически в десятку, — Александр лестью бетонировал удачу. — От доброго волшебника всего двести верст с малым гаком на юго-запад, Аркадий Петрович.

- Тотьма! — не дослушав подсказку Александра, шеф утвердительно закончил свои размышления, откинулся в кресло и слегка отъехал на нем от стола. Ему пришли на память не картинки из туристических прайсов, а сюжет программы «Вести с крыши», где зажигательно и с юмором рассказывалось о тотемских мореходах, основавших Форт-Росс на берегах Аляски.

О диковинных церквях, украшенных, словно вензелями, загадочными картушами, об «огуречном рассоле», бьющем прямо из земли на радость местным выпивохам, и о странном мужике, торгующем курткой Луначарского на местном базаре.

- Если информация проверена и достоверна, с этого места по порядку и поподробнее, — Аркадий Петрович снова приблизился к столу, пододвинул листок бумаги и, косясь на карандаш, долго выбирал в дорогом настольном приборе ручку.

Фрагмент XIII. Время собирать камни

Александр сопровождает столичную группу туристов по Вологодчине. Он посещает Великий Устюг, единственный город на планете с гербом эпохи Водолея. Туристы сплавляются на плотах в Тотьму по загадочной реке Сухоне, меняющей направление своего течения. Они ночуют в Опоках, где крутые и высокие берега этой реки хранят тайны эпох многие миллионы лет. Группа встречает в Опоках теплоход с индусами и узнает от них много новых легенд о происхождении этого народа.

Василий с удовольствием слушает рассказы отца о красотах русского севера, окруженных тайнами и легендами. Но сердце и душа подростка мечутся между социумом и бытовой неустроенностью экзотических туров. Он предпочитает их поездкам на море и за границу.

- Василий, ты помнишь ту легенду, что рассказали нам у бедуинов, когда мы встречали солнце в горах под Хургадой в Египте?

- Не, па, а че?

- Вот-те раз. Ты тогда еще выпросил у меня поездку на квадроциклах по пустыне. Неужели не помнишь?

- Ну, и? — Василий вдруг ясно вспомнил ту ночевку в пустыне у чудо-камня, рассказ странного и совсем не похожего на бедуина старца, его глаза. — Па, ты че? Мне тогда всю ночь кошмарики снились. Этот горе-бедуин меня достал. Такого наплел про свою пустыню и райские острова, что я чуть с крышей не расстался.

- Ты знаешь, Василий, я думаю, что мы нашли тот остров, про который он нам поведал у костра. Самое смешное, что именно в Фивах. Все наши заморочки и неудачи из-за этих Фив.

- То есть? Ты же сам после Мадагаскара ныл, что легенда Макария Египетского полная чушь, что такого острова, который он описал в своем видении, на нашей планете нет и в помине.

- Да-да, сынок, мы перевернули всю Южную Фиваиду. Ты слышишь? Южную.

- Па, не томи, а! — Василий достал сотовый телефон и, уныло набирая номер за номером, подошел к окну.

- «Не томи, не томи»... Да ты сейчас и свой любимый скейт забудешь, причем, я думаю, навсегда.

- Ну, щаз-з! — Василий скорчил было отцу ехидную рожу, но один из номеров вдруг заактивничал, и его лицо расплылось в довольной улыбке. Александр не уни-

мался:

- Ну, так вот. Оказывается, на нашем шарике, кроме Южной Фиваиды, есть еще Северная. И ты знаешь, как я до этого допер?

- Па, теперь ты меня достал, — на том конце телефона ответили, Василий приложил палец к губам и быстро раскрыл пятерню. — Па, пять сек! — и уже в трубку продолжил: — Кеша, отэсэмэсь мне, где и когда все встречаются, о"кей? — он отвернулся от отца и чуть тише добавил: — Не-е, я отзвонюсь попозже, батя мне книжку читает.

Василий закончил упражняться с сотиком и внимательно смотрел на отца. В правой руке, у уха, он демонстративно продолжал держать телефон, а кистью левой руки, опершись на стол, ловко выбивал дробь.

- Ладно, закругляюсь, — Александр подсел к компьютеру. — На карте Меркатора, датированной аж 1554 годом, у одной из областей мне показался знакомым и необычным рисунок герба. Представляешь, у всех гербы как гербы... — Александр развернул на мониторе древнюю карту с очень примитивными географическими ориентирами, но с отличными рисунками и графикой. — Видишь, на ней нет ни «Архары», ни даже «Питера». Вот смотри, я сделаю покрупнее, — он двигал изображение снизу вверх и с запада на восток. На карте на английском языке узнавались названия столиц и областей. — Видишь, у всех на гербах всякие там лошадки, коронки, песики, а вот герб Вологды. Они почти одногодки с Москвой.

Василий неожиданно перестал нервно стучать пальцами о край стола. Нога, катавшая новенький скейт взад-вперед по ковру, остановилась. Ему было не до герба. Он не мог оторвать

взгляда от парусников в Белом море. Как зачарованный, Василий смотрел на паруса, мачты и стилизованные барашки волн за кормой. Киты со смешными фонтанчиками. Чайки. Витиеватые картуши по краям карты.

- Василий, ау-у, ты где? Ворота Севера, говорю. Вполне современная графика у герба, вот что странно и любопытно. А второе, точно такое же изображение, кстати сказать, есть только в Египте, на храме Изиды, с очень характерной надписью.

- Да-да, блин, Ирка мне рассказывала, — Василий не мог снять с себя оцепенение от увиденных изображений на карте. Молодое, тренированное тело перестало слушаться его, он машинально катнул скейт под стол и присел рядом с отцом. Продолжая рассматривать древнюю карту, не слушая отца, Василий вспоминал последний разговор с Ириной и бормотал себе под нос: — А я еще ржал над ней с ее египтянами и райские пущами. «Ворота в сказочный мир, мир иной, человечеству закрыт... пока», — его ироничный тон былого ерничества над Ириной постепенно угасал с каждой фразой. В голове всплывали картинки из того странного сна у камня. Того камня, у которого тысячи лет назад одному из первых русских святых, путешествовавшему по миру в те далекие времена, пришло виденье. Виденье, что придет время, и на земле будет остров-Камень, и на этом острове долгие годы мужчина будет восстанавливать разрушенный храм, а возродит его женщина: «И построят они всем храмам храм. Храм любви и мира. И привезет туда каждый по камню. И вернутся на остров увезенные камни. И будет испытание всем верующим и неверующим в этом труде. И будут счастливы многие».

- Меня просто умиляют эти совпадения, — как будто сквозь сон доносился голос отца. — Карту Меркатора мне приносит Ирка Маркатун. Представляешь, тот самый Ирусик-хохотусик, с кем ты играл в детстве. Помнишь, я тогда работал на съемках фильма «Царевы забавы», а? Я брал тогда тебя с собой, и мы впервые познакомились с Вологодчиной.

- Помню-помню, — Василий «был» еще в Египте и еще слышал голос старца: «И Ра на всех одно, на весь рой, на весь муравейник». — Нет случайностей, пап, — машинально согласился он с хранителем легенды, — есть неизученные закономерности.

- А при чем тут Люба Семенова? — Александр помнил эту чудесную женщину, все ее летучие высказывания и ее последнюю книгу, которую он купил в Великом Устюге: «От Осириса до Деда Мороза». — Когда ты успел ее прочитать? — Александр тут же осекся. Сделать этого Василий не мог. Вещи с последней командировки были еще не распакованы и лежали в рюкзаке. — Василий, ты меня пугаешь. Да что с тобой происходит?

- Не могу ничего понять, пап. Думаю, что мне просто необходимо увидеть этот остров! — лицо у Василия было столь серьезным и необычным, что у Александра прошла вся веселость. Он взял сына за руку:

- Да успокойся ты, не нервничай так-то. Есть у меня фотография этого острова, — Александр нашел нужный файл и щелкнул мышью. В то же мгновение Василий резко встал, а его телефон, который он вертел в руках уже без дела, грохнулся об пол и разлетелся вдребезги. Отец, чертыхаясь, машинально полез под стол и стал собирать остатки прежней роскоши.

- Пап, я кажется, знаю этот остров, — услышал он из-под стола. Василий впился взглядом в экран, разглядывая знакомые ему руины, камни, прибрежные волны. — Мне кажется даже, что я был там когда-то, — и вдруг добавил испуганно: — Нет. Нет! Мне все это приснилось!

Василий поперхнулся на слове «приснилось» и вместе с отцом, еще стоящим на корточках под столом, повернул голову в сторону соседней комнаты. В проеме двери стоял и внимательно смотрел на монитор Василий Петрович.

- Дед, очередная «дежавюха». Теперь она добралась и до твоего правнука, — Александр выбрался из-под стола, отряхнул колени и намеренно перекрыл деду экран монитора. — Скажи на милость, это что у нас — наследственное?

Василий Петрович прижал к себе притихшего внука и поднял глаза на Александра:

- Дежавю, говоришь? По мне, дак это память, только мохом поросшая. По моему разумению, цивилизация и искусственный комфорт приучают нас жить и мозговать на амебном уровне. — Александр с нескрываемым любопытством смотрел на деда, уже почти не окавшего по-деревенски и ловко сыпавшего такими современными терминами. Видать, не спроста дед частенько задерживался в большой домашней библиотеке до поздней ночи. - С обрезанной памятью легче и спокойняй жить. Но видит бог, видимо, еще не всех парализовало. И это радует, — лицо деда вдруг расцвело в улыбке. — Свези и меня, Сашок, на этот остров. Не на этом ли острове, друг ты мой любезный, вы решили осуществить свой новый проект?

- Нет, дедуль, то будет под Тотьмой. Представляешь, есть на Сухоне-реке острова Дедов, Бабий и даже Внуков. Обживай — не хочу. Хошь, средневековую деревню строй, хоть палеозой восстанавливай, — Александр задумчиво присел на секунду и, разглядывая свой боевой рюкзак, продолжил. — Слушай, дед, а ведь на острове Надежды, на Спас-Каменном острове, гости и туристы практически уже живут по монастырским устоям. Колокол перед трапезой, молитва. Практически все приезжие помогают Надежде по хозяйству, в кельях свечи, приезжие и местные монахи. Уже работает! — Александр хлопнул себя по коленям и решительно встал. — И вы знаете, мужики, здорово работает, и самое главное — забирает. Уезжают со слезами на глазах, чистые, просветленные.

- Ну, так что? Едем? — Василий Петрович прижал Васю к себе еще плотнее и заглянул ему в глаза. Тот утвердительно кивнул и вновь посмотрел на монитор. Там в автомате запустилось слайдшоу, и шли монастырские картинки реконструированного храма и гравюры современников до его разрушения.

- Ну, тогда сбирайся скоряй, да не забудь с маманькой согласовать, — Александр не с того, не сего заговорил с дедовским акцентом. — Небось, сварганила тебе путевку на какую-нибудь Маями.

Василий уже тыкал кнопки домашнего телефона:

- Кеша, отбой тревоги, меня не ждите... Нет, Костя, у меня правда дела, буду не скоро.

Фрагмент XIV. Надежда

Метрополитен в час пик. Лица людей, спускающихся по ленте эскалатора. Городские мегаполисы с высоты птичьего полета. Обилие автомобилей, снующих по многополосным магистралям, пробки, привокзальная толчея. Затопленные деревни, церкви в воде, затопленный лес (Волго-Балт под Кирилловым). Веселая команда из трех поколений отправляется в путешествие на Вологодчину, в Тотьму, посещают в Вологде Софийский собор. Василий с отцом и дедом рассматривают чугунные барельефы

стелы, посвященной 800-летию Вологды. Яркие исторические вехи Вологодчины, да и всей страны, завораживают всех троих качественными, натуральными и почти ожившими изображениями. Самому младшему и самому впечатлительному «достается» больше всех. У торговца на кремлевском причале времен Ивана Грозного в плетеной корзине шевельнулась рыбина.

На яхте «Анна» они идут по реке Сухоне на Кубенское озеро. Удручающее впечатление производят на Василия опустошенные и разрушенные деревни на красивейших берегах Сухоны, вырубленные и изуродованные болотом, засохшие леса, остатки разрушенных церквей. Потрясает его и остров Надежды в Кубенском озере, где уже многие десятилетия хрупкая женщина продолжает дело, начатое ее мужем, и восстанавливает взорванный в лихолетье монастырь. Озеро встречает их полным штилем и во всей красе. Только руины Спас-Каменного монастыря и рассказ хозяйки острова Надежды Плигиной напоминают гостям о прелестях цивилизации и человеческих глупостях. Василий встречает на острове свою мать и свои сны...

Елена с Надеждой Александровной готовили обед на всю компанию. «Анна», скромно опустив паруса, тихо перешептывалась волнами с большим и сияющим белизной судном, стоявшим по соседству и важно покачивавшим бортами, играя со своим отражением. Из-за отвалившейся буквы оно имело странное для этого места и времени название «Атон». Чайки терзали рыбьи остатки, выброшенные на прибрежный песок. Парило солнце, клубились кучевые облака. Собиралась гроза.

- Дед, а расскажи мне про заморочки наши. Ладно, эти всадники на соборной горке и коровы в парке «Ветеранов»... Откуда могли взяться отдыхающие в лодках под белыми зонтами на грязной речке в центре Вологды? — Василий и дед сидят на прибрежных валунах и смотрят на грозовые облака. Александр с капитаном яхты собирают из вновь привезенных на остров камней подножье будущего маяка, о котором так мечтал в свои последние годы первый современный абориген и «Робинзон» этого острова Александр Плигин. — Откуда я знаю этот остров? Откуда я знаю людей, лежащих под этими камнями?

Сверкнула молния, ударил гром, дед с внуком бросились под своды развалин, не дожидаясь неминуемого ливня. В небе над островом висело второе озеро. Тучи настолько набухли чернеющей синевой, что ни у кого не было сомнений, что близится очередной «потоп». Почти на мгновение весь мир замер. Слышно было лишь шум прибрежных волн и тихий скрип цепей большого котла, раскачивающего над грудой отборных камней в бане. «Разверзлись с треском небеса, и с визгом ринулись оттуда», — успел шепнуть Александр тальковскую строчку Елене. Она прижалась к Александру, почти на руках утащившего ее в пахнущий дубовыми ветками предбанник.

- Я хотела в келью, со всеми...

Но небеса ухнули так, что даже Александр чуть-чуть присел, слегка прищурился, крепче обнял и увлек ее за собой дальше от дверного проема. Шквальный и нешуточный порыв ветра заставил его опытным взглядом оценить крепость кровли бани. Мощным толчком плеча он машинально проверил надежность древнего сруба, и лукаво улыбнувшись, взглядом предложил Елене двигаться в желаемом направлении.

- Дурилка небритая! Ты всегда был мастером закадрового текста.

Мелкий бисер водяной пыли от потоков бушевавшей стихии покрыл их лица. Освободившийся от узла привязанной веревки, язык уличного колокола забил тревожный набат.

- Соскучилась я по тебе, — неожиданно сорвалось с ее посиневших от холодного ветра губ. Александр вдруг ясно увидел картинку с окровавленными ватными тампонами в помятой и грязной алюминиевой урне и беззвучно соскользнувший на них безжизненный розовый комочек.

- Прости, родная! Наломали мы с тобой деревов. Роди мне еще одного Васятку! На руках носить буду до скончания веков, — Александр удивился спонтанно родившейся и незнакомой ему фразе. — Впрочем, я и на девчонку согласен.

- До чего добер, гусь! А я, если честно, ждала нашей встречи и уже обсуждала с собой твое предложение. Вот так-то, дурилка! — Елена взъерошила совсем мокрые волосы Александра и нежно поцеловала его.

...«Нашли Вельзевула его приспешники на самом дне преисподней, и возрадовался он их докладам, а когда он понял, что ад восстановлен, крылья у него вновь окрепли,

а оковы сами отпали с его отекших ног», — Василий Петрович вместо ответа на вопрос внука рассказывал легенду, рассказанную ему в стародавние времена отцом. Василий при каждой вспышке молнии на мгновение ока возвращался в свою ставшую непомерено длинной, истерзанной испытаниями, но интересную жизнь.

Три раза протяжно прогудел колокол. Его гул заставил Василия «вернуться» на остров.

- Пойдем, родимой, Надежда на трапезу зовет. И маманька никак нам знатную уху сварила, — Василий Петрович поднялся с огромного валуна под бывшим сводом церкви и тоже стряхнул нахлынувшие воспоминания. Озеро снова мирно ласкало прибрежные камни. — Да и в дорогу пора, поди.

Фрагмент XV. Солнцестояние

Закат. Солнце застыло в дыму заводских труб. Василий Петрович стоит во дворе многоэтажек лицом к закату. Бабульки на лавочке. Трудолюбивые, морщинистые руки сжимают рукоятки тросточек. Обсуждают нововведения с льготными лекарствами. Самая бойкая смотрит на зависшее солнце и размышляет вслух:

- Вот смотрю, Василий, поди, уж минут десять. Не хочет садиться, родимое, никак не хочет. Никак остановилось?

- Солнцестояние ноне, милая. День с ночью спорят. Вот оно и мается, — Василий Петрович задумчиво смотрит на закат. — Как оно еще терпит нас, нерадивых, родства не помнящих, бережет и греет? Страм-то какой кругом. Бесье, поди, не натешится, не нарадуется. Детвору жалко.

- Милой, какую детвору тебе жалко? — в разговор вмешалась толстушка, недавно привезенная детьми из деревни в соседний двор, состоящий из одних коттеджей, модных и пестрых своим разнообразием. — Гли-ко, на каких мерседесях раскатывают, в каких хоромах живут, в каких одежах ходють.

- Живут, раскатывают, — Василий Петрович не отрывает глаз от багрового солнца, плывущего через дым. — Все дороги в крестах да могильных каменьях. Жаль нерожденных, Софьюшка. Представь, сколько их, ангелочков, променяно на твои коттеджи да хоромы, на жизть сладкую и разгульную. В церкву ездят, грехи молят. Знать, не ведают в каки праздники и за каки грехи.

Толстушка тяжело вздыхает, поправляет складки на цветастом сарафане и тоже поднимает глаза в сторону заката. Солнце прорывается сквозь сизый дым. Дед прикрывает глаза. В уголку его правого глаза копится слезинка. Сквозь городские шумы, нарастая и вытесняя их, ему снова слышатся птичьи голоса, звуки леса, журчание родника, звуки косы в поле, соло жаворонка и счастливый детский смех.

- Дедо! Дедо! А пошто все это, а? Зачем?

Медленный отъезд камеры от солнца открывает взору бескрайнюю долину, освещенную лучами солнца, с первозданными лесами и полями. Пирамиды стогов со свежескошенным сеном и ровными треугольниками теней золотятся на закате. Пасутся кони, серебрится и журчит у подножья деревушки река. К голосам лесов и полей добавляются деревенские звуки. Клокочет и клюет зерна петух.

Финальные титры

Александр ЧЕРНЯТКИН

КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ

Книга очерков о вологжанах, погибших в горячих точках
(Журнальный вариант)

Часть I. ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ

Авдюнин Владимир Александрович
28.08.1970 - 7.06.1995
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Короткий бой на дороге

Седьмая модель «Жигулей», не останавливаясь, пронеслась мимо сидевших в засаде бойцов череповецкого СОБРа. Пассажиров легковушки разглядеть не удалось: бородатые дядьки с автоматами прятались на заднем сиденье машины, чтобы не привлекать внимания солдат федеральных войск, стоявших на блок-постах. Через несколько секунд «семерка» резко затормозила, из нее выскочили четверо бородачей и открыли по собровцам автоматный огонь.

Очередная командировка для Череповецкого СОБРа на Северный Кавказ началась 9 мая 1995 года. Для лейтенанта Владимира Авдюнина это было боевое крещение в составе отряда.

Володя родился в селе Туровец Междуреченского района. Там окончил среднюю школу, а в конце декабря 1991 года в звании рядового пришел работать в патрульно-постовую службу ГУВД Череповца. Совсем скоро Владимир получил погоны младшего сержанта, а когда при ГУВД появилась рота специального реагирования (позже переименованная в специальный отряд быстрого реагирования), его пригласил в отряд бывший командир патрульно-постовой службы Николай Бурцев. В СОБРе по инструкции служили оперативники в офицерском звании, и Владимир Авдюнин сначала получил погоны младшего лейтенанта, а в конце апреля 1994 года стал лейтенантом СОБРа.

В начале мая 1995 года Череповецкий спецотряд прибыл на пункт временной дислокации, расположенный в станице Ассиновская Ачхой-Мартановского района Чечни. Примерно через месяц оперативники СОБРа установили, что группы боевиков, работая вахтовым методом, постоянно курсируют по одной дороге из станицы Нестеровской Ингушетии в чеченское селение Бамут и обратно. Участники НВФ (незаконных вооруженных формирований) около недели вели подрывную диверсионную деятельность, а потом уезжали на отдых в Нестеровскую.

Из воспоминаний бывшего командира череповецкого СОБРа Николая Бурцева: «7 июня 1995 года мы согласовали полученную оперативную информацию с руководством федеральных войск. 20 бойцов СОБРа мы разделили на 2 группы и выставили на дороге в засады. Нужно отметить, что эта территория контролировалась боевиками». Первой группой, в составе которой был лейтенант Владимир Авдюнин, руководил капитан Сидоров. Группа заняла позицию на развилке дороги со стороны Нестеровской. Около 10 часов утра из станицы проскочила машина ВАЗ-2107. Владимир

Авдюнин оказался одним из первых, кто увидел подозрительную машину. Он попытался ее остановить, он же первым принял смертельный огонь на себя.

Из воспоминаний Николая Бурцева: «Володя был смертельно ранен уже в первые секунды короткого боя. Несмотря на ранение, он выпустил еще полрожка патронов из своего «Калашникова» в сторону банды. Затем потерял сознание». Из пятерых находившихся в машине боевиков только водитель сумел скрыться в «зеленке». Остальные четверо были уничтожены. Этот успех СОБРа стоил жизни Владимира Авдюнина, которого в Череповце ждали жена и маленькая дочь.

Из воспоминаний Николая Бурцева: Мы в срочном порядке вызвали подкрепление и вертолет. Когда стали перегружать Володю на «вертушку», из «зеленки» нас снова обстреляли. Скорей всего, сбежавший водитель успел привести подмогу. Мы бросились прочесывать местность, чтобы обнаружить водителя, и увидели трактор «Беларусь» с прицепом. В прицепе сидели еще несколько боевиков с автоматами. Снова завязался короткий бой, и в перестрелке наши ребята убили еще троих бандитов».

Владимир Авдюнин был одним из тех, с кого начинался череповецкий СОБР, и стал первым из собровцев, погибших в Чечне. Похоронили Володю на малой родине, в поселке Туровец Междуреченского района. Там его именем названа одна из сельских улиц.

Ашлапов Сергей Степанович
27.04.1956 - 06.09.1996
Вологда
Посмертно награжден Орденом мужества

Комендант Цхинвали и Ханкалы

С первых минут боя комендант Ханкалы подполковник Сергей Ашлапов находился в своих подразделениях. На БТРе проверил блок-посты и укрепленные огневые точки. Когда БТР подкатил к вокзалу, офицер вскочил на броню. В этот момент прогремели два выстрела из снайперской винтовки, и комендант Ханкалы рухнул на асфальт. До конца его командировки оставались считанные дни.

Коренной сибиряк Сергей Ашлапов родился в семье военного офицера в городе Краснотуранск Красноярского края. Для Сережи карьера военного началась в августе 1973 года, когда после школы он поступил в Омское высшее общевойсковое командное училище имени Фрунзе. Через месяц после окончания училища выпускник женился. Его избранницей стала девушка Галя, с которой он дружил с 9 класса школы. Первым местом службы новоиспеченного офицера была Германия, по распределению. Там он дослужился до командира мотострелковой роты, там же у Сергея и Галины родилась дочь Таня.

Из-за границы молодая семья вернулась на родину, в Забайкалье. Сергей Степанович окончил Московскую военную академию имени Фрунзе, после чего его направили в Северо-западный военный округ командовать батальоном. И только в 1991-м офицер Ашлапов появился в Вологде, возглавив военную комендатуру Вологодского гарнизона.

На Северный Кавказ Сергей Степанович первый раз поехал в 1993 году, когда его направили в полугодовую командировку руководить комендатурой Южноосетинского города Цхинвали. «Писем он не писал, зато почти каждый день звонил по телефону», - вспоминает о первой кавказской командировке мужа Галина Леонтьевна Ашлапова. Комендатура Цхинвали выполняла в основном миротворческие функции.

Из служебной характеристики Сергея Ашлапова: «За время службы комендантом города Цхинвали проявил выдержку, смелость, решительность и воинскую смекалку». После той командировки Сергей Ашлапов был награжден Орденом Красной звезды. В 1996 году ему вновь пришлось ехать на Кавказ. На этот раз ему приказали возглавить комендатуру Ханкалы (поселок в пригороде Грозного). «Большого желания ехать туда у него не было, - вспоминает вдова Сергея Степановича, - но у военных не принято обсуждать приказы. Я в начале августа 1996 года уехала в отпуск к родителям и 5 числа была уже в Абакане. Мы с Сергеем договорились, что сразу после команди-

ровки он тоже поедет в Забайкалье. В день моего приезда Сергей позвонил, чтобы узнать, хорошо ли я добралась. А на следующий день пришел офицер и сообщил о его гибели».

Военные говорили, что у Сергея Степановича уже заканчивалась командировка, и ему на смену приехал молодой офицер. Однако события в Грозном начали осложняться, и подполковник Ашлапов не оставил неопытного напарника одного в трудную минуту. «Сергей Степанович был настоящий человек, - вспоминал о подполковнике Ашлапове его коллега по службе генерал Валентин Чайка. - Он всегда и во всем ставил интересы службы превыше всего, и я горжусь тем, что мне довелось служить рядом с ним. Для российской армии его смерть - это невосполнимая потеря».

Беляев Василий Викторович
5.02.1967 - 27.12.1994
Поселок Кадуй
Посмертно награжден Орденом Мужества

За четыре дня до войны

Еще во время прохождения срочной службы Василий Беляев решил остаться в армии. И после окончания школы прапорщиков продолжил служить в поселке Вещево под Ленинградом в частях морской авиации. Военный аэродром, где служил Василий Беляев, в советские времена прославился тем, что там посадили самолет, захваченный семьей Овечкиных. Кстати, история с этой музыкально-террористической семьей случилась в ту пору, когда Василий проходил на аэродроме срочную службу.

Родился Вася на станции Идель в Карелии. Когда ему исполнилось три года, его мама Лидия Васильевна вместе с детьми переехала в Кадуй. В райцентре Вася пошел в детский сад, затем окончил 7 классов средней школы №1 и выучился в местном ГПТУ на сварщика. Потом недолго поработал на Кадуйской ГРЭС и осенью 1985 года отправился в армию. Чуть больше 9 лет прослужил Василий Беляев сначала в советской, а потом в российской армии. Примерно раз в год приезжал на родину в отпуск. Как-то раз, во время туристической поездки в Прибалтику, прапорщик Беляев познакомился с девушкой из Вологды. Вскоре молодые расписались, но супруга наотрез отказалась ехать в воинскую часть, и брак распался. Василий с головой окунулся в службу.

В начале 90-х часть в Вещево расформировали, и прапорщика Беляева перевели в Выборг. Уже оттуда 11 декабря 1994 года его направили в Чечню. Почти за месяц до официального начала военной компании (в ночь на 1 января 1995 года) российские генералы стали подтягивать на Северный Кавказ офицерский состав, чтобы подготовить базы для воинских частей. Вместе с офицерами в середине декабря в Чеченскую республику уехал и старший прапорщик Василий Беляев. Там его назначили командиром склада горюче-смазочных материалов.

С Кавказа он успел отправить лишь одну телеграмму старшей сестре с просьбой, по возможности, не беспокоить маму. Кстати, и майора своей части он попросил, мол, если со мной что-то случится, чтобы первым делом об этом сообщили сестре.

В Чечне Василий прослужил ровно 13 дней. В его записной книжке, которую вместе с гробом привезли домой, был четкий график передвижения по территории Чеченской республики: станицы Терская, Братское, Гвардейское, Бено-Юрт, Знаменское, Надтеречное, Подгорное, Толстой-Юрт. Эти и некоторые другие населенные пункты должен был объехать командир склада ГСМ старший прапорщик Василий Беляев, но, скорей всего, так и не успел.

Он погиб за 4 дня до официального начала первой чеченской кампании. А похоронили Василия только 13 января 1995 года. Майор, который привез в Кадуй «груз-200», рассказал, что, по свидетельству очевидцев, во время одной из поездок боевики ранили водителя машины. Василий Беляев попытался вытащить раненого товарища из-под обстрела, но сам был сражен автоматной очередью. Майор также пообещал, что когда более подробно узнает, где и как погиб Василий, обязательно напишет об этом матери в письме, но так и не написал.

Еще одна возможность узнать о гибели сына была у Лидии Васильевны, когда она ездила в Выборг на открытие памятника погибшим солдатам. Однако к тому времени

часть, где служил старший прапорщик Василий Беляев, уже расформировали, и никого из однополчан сына Лидия Васильевна не нашла.

Бодня Руслан Владимирович
14.05.1976 - 14.12.1995
Вологда, поселок Молочное
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Я не жалею, что служу»

В последнем письме на родину сержант Руслан Бодня писал: «У меня все в порядке. Жив, здоров вроде. На 20 декабря заказан борт. Надеюсь, увезут отсюда до Нового года, а может, и уволят. Но это в будущем. А пока занимаемся сопровождением колонн по Чечне, разоружением и всеми такими мелочами. Война здесь почти кончилась. Сейчас, правда, в связи с выборами «духи» буянят, но после выборов все снова стихнет. Так что не волнуйтесь, я все-таки вернусь домой. Если за полгода не убили, то за полмесяца вряд ли достанут. В общем, расписывать особо нечего. Приеду, сам все расскажу. Мамуль, знаешь, что? Мне нужно подлечить зубы. У тебя нет знакомых врачей случайно? Я хочу сразу после армии идти к зубному. Если есть врачи, то договорись, пожалуйста. Ну, ладно. У меня все. Как у вас дела? Как Максимка? Надеюсь, не ленится учиться? Поди, весь исхвастался, что у него брат в армии? Передавайте привет ему. Передавайте привет бабуле с дедом».

Если бы в 1994 году Руслан захотел «откосить» от армии, то сумел бы это сделать без особых хлопот. Он родился инвалидом - с вывихом ступней, и в возрасте 10 дней его уже «заковали» в гипс. В полтора года маленькому Руслану была сделана операция на обеих ногах. Но когда подошел призывной возраст, парень не стал напоминать врачам из комиссии военкомата о детской инвалидности. Он очень хотел идти в армию. Из записной книжки Руслана:

«Армия. Что это было для меня? Что-то далекое, непонятное, чего я даже немного побаивался. Хотел ли я тогда в армию? Да, хотел. Очень хотел. Хотел узнать, на что я способен. Поначалу армия меня разочаровала, это было совсем не то, что я ожидал. Здесь были и боль, и унижения, и смертельная усталость. Но самое страшное - это тоска по дому. И только теперь, спустя 11 месяцев службы, я понял, что такое армия. Это действительно хорошая школа жизни. И не правы те, кто не идет сюда. Я не жалею, что служу. Я понял».

После восьми классов средней школы Руслан окончил вологодское СПТУ №5 по профессии «судоводитель-помощник механика речных судов». В конце мая 1994-го его призвали в армию, во внутренние войска МВД. Руслан очень скоро получил звание старшего сержанта и должность командира отделения оперативного назначения. В мае 1995-го часть, в которой служил старший сержант Бодня, отправили в Гудермес. Из дневника Руслана:

«25 мая 1995 года. Чечня, Гудермес, железнодорожный вокзал. Точнее, то, что раньше называлось вокзалом. Выбитые стекла, сгоревшие и полуразрушенные стены домов, подорванные рельсы. Все здесь носило следы войны. Над самим Гудермесом стояло зарево от пожара. Даже при дневном свете все выглядело страшновато, а в вечерних сумерках вообще зловеще. Ночь на вокзале прошла спокойно, хотя и ожидали нападения каждую минуту. Постоянно слышны недалеко автоматные очереди перестрелок и тяжелые взрывы гранат. Это были первая ночь и первый день здесь. Дальше была война».

Вот что записал Руслан в дневнике через месяц: «21 июня 1995 года. Гудермес. 4 часа утра. Сбор. Еще минуту назад все спало. Сейчас дым и копоть заведенных БТРов, крик, ругань солдат, команды сержантов, офицеров. 7-я и 8-я роты вместе с ротой разведки выезжают на захват бывшего здания пединститута. За ночь боевики проникли в здание, укрепились, и в 3.35 была обстреляна колонна 22-й бригады, следующая в Моздок. Подъезжаем, идет перестрелка. Колонна не может двигаться. Головной БТР подорван. Три из семи КамАЗов объяты пламенем. Невозможно передать словами весь ужас этого. Горящие живьем люди, стоны раненых, треск автоматов, огненный хаос. Даже промедол в вену не помогает рассудку оставаться безучастным к этому,

хотя и действуем после укола, ничего не чувствуя. Дальше все, как во сне. Бросок под стены дома. Прячась за любой камень, любой выступ стены, прорываемся в здание. Тишина, давящая на уши. Где они? В каком крыле? Там? А может, там? Или прямо над нами? Страха уже нет. Холодный расчет и инстинкт самосохранения - единственные союзники до конца боя. И еще плечо и рука друга, когда знаешь, что он тебя не бросит. Автоматные очереди этажом выше. Как тени, бросаемся туда. Тридцать метров, пятнадцать, пять. Лестничная площадка. Стоп! Дальше пока нельзя. Кэп бросает РГД за угол. Взрыв. Вот теперь вперед! Пусто. На полу кровь вперемешку с битым стеклом, штукатуркой».

Руслан погиб в первый день операции, которую боевики начали в Гудермесе 14 декабря 1995 года. Их, солдат-срочников из бригады внутренних войск, бросили на помощь ОМОНу и СОБРу, блокированным в здании железнодорожного вокзала. Но колонна внутренних войск попала в засаду. В бою Руслан был смертельно ранен в голову.

Боев Сергей Николаевич
16.11.75 - 10.06.95
Великий Устюг
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Снимаем береты. Простите, что не уберегли»

Из последнего письма Сергея Боева родителям: «Здравствуйте, дорогие мама и папа! Вот появилось свободное время, и решил написать вам письмо. Служба у меня идет нормально. Сейчас я нахожусь в Чечне. Погода здесь стоит хорошая, жаркая. Уже скоро начнут поспевать фрукты. Здоровье у меня нормальное, помыться бы только в бане. По прибытию в Чечню я был в минометной батарее, но потом меня и еще нескольких ребят прикомандировали в самоходную батарею Тихоокеанской морской пехоты. Здесь стоит сводный полк морской пехоты, в котором и Северный, и Тихоокеанский, и Балтийский флот. В батарее дали мне машину «Урал», и я подвожу снаряды к орудиям, а последние два дня обслуживаю установку «Град». Мы стоим около города Шали, в двух км, около гор».

Каждую букву этого письма, присланного матросом Сергеем Боевым на родину, в Великий Устюг, его родители Николай Николаевич и Валентина Алексеевна знают наизусть. Через 20 дней, после того как это письмо было запечатано в конверт, матрос Сергей Боев погиб.

Из последнего письма Сергея Боева: «В горах засели духи, и уже какой день туда стреляют из всех орудий и авиация бомбит, а выкурить их никак не могут. Вчера я узнал, что пехота Северного флота и, наверное, моя батарея, в которой я был, ушли в горы, но в лес зайти никак не могут. Как только цепь поднимается, на них обрушивается шквал огня. За вчерашнее утро в пехоте Северного флота шестеро убито и трое ранено».

В доме Боевых бережно хранят воспоминания о сыне - сережин армейский альбом, газетные вырезки из районки, где рассказывается о погибшем земляке, кассета с записью радиопередачи о Сергее, Орден Мужества, приколотый на одну из последних фотографий сына. Из воспоминаний отца Николая Николаевича Боева: «Сергей всегда стоял за справедливость. Уже в садике, а потом и в школе он защищал слабых. Парень он был очень крепкий. В своем призыве он был единственным из Устюга, попавшим в морскую пехоту».

Из последнего письма Сергея Боева: «Бывают случаи, что своего стреляют, просто играются или нечаянно на курок нажимают. Уже несколько случаев было... Здесь, в батарее, я уже бог знает сколько этих снарядов перегрузил. Нас, прикомандированных, пихают во все дыры и обращаются с нами не так, как со своими. Я жалею, что меня послали в эту батарею. Сейчас я должен быть там, в горах, со своими. Больше мне нечего писать. Сестричке и ребятам я не могу написать, потому что некогда. Вы лучше дайте им мой адрес, и пусть они мне напишут. До свидания! Жду ответа! Целую, ваш сын Сергей. 21.05.95».

Прошло несколько дней после того, как родители Сергея Боева получили это пись-

мо, с нетерпением ожидая новых вестей от сына, как вдруг им принесли приглашение на открытие мемориальной доски памяти матросов Северного флота, погибших в Чеченской республике. Торжественное мероприятие должно было состояться 25 июля в поселке Спутник Мурманской области. Валентина Алексеевна и Николай Николаевич Боевы недоумевали, зачем им нужно ехать в Мурманскую область на открытие мемориала погибших солдат, если их сын Сергей жив и здоров. Все прояснилось довольно скоро, когда вслед за приглашением супругам Боевым принесли похоронку.

Из письма командира войсковой части 38643 подполковника Сокушева: «Ваш сын Сергей Николаевич Боев прибыл в нашу часть в марте с.г. и был включен в сводный батальон водителем «Урала», в минометную батарею. В ходе подготовки зарекомендовал себя грамотным водителем, прекрасным товарищем, способным выполнить сложную задачу. Он не раз доставлял боеприпасы, продовольствие артиллеристам на передний край, чем заслужил доверие и уважение командиров и сослуживцев».

10 июня 1995 года Сергею Боеву дали задание доставить очередной груз до позиции группы. Это позже машины с боеприпасами стали отправлять только в сопровождении тяжелой техники. А тогда Сергей поехал только с одним сопровождающим - прапорщиком по прозвищу «Борода»...

Из письма полковника Сокушева: «Время было около 13 часов, расстояние около 25 километров. Загрузив груз в «Урал», ваш сын Боев Сергей Николаевич и старший мичман прапорщик «Борода» (прозвище с Тихоокеанского флота) выехали в очередной раз, как оказалось, в последний раз. В районе поселка Октябрьский, недалеко от Ведено, они напоролись на засаду. Завязалась перестрелка. Помощь опоздала. Прибывшие десантники (полк ВДВ) вынесли с поля боя вашего сына и прапорщика, погибших в неравном бою. Просим прощения за то, что не уберегли жизни молодых парней, но они умирали, как герои. Третий тост мы поднимаем за тех, кто остался «там», снимаем береты и молча стоя выпиваем. До свидания».

Вячеславов Александр Михайлович
6.08.1964 - пропал без вести в 1996 году
Тарногский район, деревня Степановская

Война забрала без следа

Александр Вячеславов уехал на войну в 1996 году. С тех пор его родные и близкие не получили от него ни одного послания. И хотя в 1998 году Выборгский городской суд официально признал его погибшим, бывшая жена Александра Марина Васильевна Зыкова до сих пор надеется, что Саша, быть может, вернется в родную деревню и увидит, какими взрослыми стали его дочери.

Саша родился в деревне Ермаковская Илезского сельсовета. Там же окончил 8 классов средней школы, после чего поступил в тарногское СПТУ на тракториста. По окончании училища оттрубил два года срочной службы в Германии и вернулся в родной колхоз. С будущей женой Мариной Саша познакомился уже после армии. Его родная сестра после замужества уехала в Степановскую, которая находится в нескольких километрах от Ермаковской. Саша нередко прибегал к сестре в гости и приметил в деревне симпатичную молодую девушку Марину.

После свадьбы Александр переехал жить в Степановскую и устроился работать на ферму механиком. В конце 80-х у Вячеславовых родились дочери Надя и Галя. Однако вскоре семейная жизнь стала разваливаться. «Саша был человеком очень вспыльчивым, хотя и успокаивался очень быстро», - вспоминает Марина. К середине 90-х годов отношения Саши с Мариной завершились разводом. Александр Вячеславов уволился с работы, приехал в райвоенкомат и попросил отправить его на курсы прапорщиков. Летом 1995 года он уехал в военную часть в Выборг. А в конце декабря 1995 года подписал контракт.

«Я пыталась его отговорить, - рассказывает Марина Зыкова, - мы все понимали, что его отправят в Чечню. Говорила ему: «Ну, развелись мы с тобой, но зачем бежать от этого на войну?» Саша только махнул рукой: «Пусть что будет, то и будет». Последний раз родные видели Александра Вячеславова 10 января 1996 года, когда он уехал на службу. Уехал и пропал. Через 2 года, когда родные уже отчаялись получить от него

хоть какую-то весточку, Марина Васильевна написала письмо в местный военкомат с просьбой указать, где находится отец двух ее дочерей. Только тогда стало известно, что судом Александр Вячеславов официально уже признан погибшим.

Выписка из приказа командира войсковой части 67616 №99: «Прапорщика Вячеславова Александра Михайловича, 1964 года рождения, старшего техника самоходно-артиллерийской батареи ГСАДН 134 МСП, признанного Выборгским городским судом безвестно отсутствующим, исключить из списков личного состава части».

Эта бумага от командования части стала единственным ответом военных на неоднократные просьбы бывшей жены погибшего прапорщика пролить свет на судьбу Александра Вячеславова.

Гавриленко Артем Александрович
13.10.1977 - 25.07.1996
Череповец

Армейская яма

К окончанию 9 классов школы Артем, с 14 лет помогавший отцу в бизнесе, уже мог купить любую понравившуюся вещь, не клянча деньги у родителей. У него даже хватило бы сбережений, чтобы приобрести подержанную машину. В коммерческих вопросах у парня была железная хватка. Несмотря на юный возраст, Артем четко планировал предстоящие дела на неделю вперед и вел график, где фиксировал абсолютно все: что и как ему нужно было сделать. «Если бы не трагедия в армии, то после службы он бы очень далеко пошел», - считает мачеха Артема Ирина Владимировна.

Артему исполнился всего год, когда разошлись родители. Мальчика забрала к себе мама, а когда парень подрос, старался общаться с обоими родителями. Ночевал у мамы, а днем постоянно пропадал в квартире отца, который к тому времени женился второй раз. Свою мачеху Артем в шутку называл теткой. Так и крутился, отцу помогал в бизнесе, а матери по хозяйству. Артем оказался единственным ребенком на две семьи, и взрослые в нем души не чаяли.

К 18-ти годам он был уже самодостаточным человеком и, как считает Ирина Владимировна, мог откупиться от армии. Но Артем не захотел. «Как же так, - говорил он, - все мои друзья служат, а я чем хуже?» 20 декабря 1995 года его призвали в армию. Сначала Артема отправили в Каменку, и до мая 1996 года он находился там. Родные беспокоились, что в армии мальчику, привыкшему к домашней обстановке и избалованному чрезмерным вниманием, будет тяжело, но Артем умел очень быстро находить друзей в любой компании, и армия, как писал в письмах, не оказалась для него слишком тяжелым испытанием. Хотя на службе были и не совсем понятные для него моменты: например, как можно сразу после бани отправлять солдат в кочегарку на разгрузку угля? Впрочем, общей картины армейской жизни такие странности не портили.

Весной 1996 года часть стали готовить для переброски на Кавказ, и парень, не раздумывая, дал согласие. Последнее письмо от него пришло из Владикавказа. Артем писал, что сейчас находится в Осетии, но в скором времени войска перебросят в Чечню, где они будут охранять блок-посты. Но туда Артем так и не попал.

Он погиб во время учебной тревоги. Как позже рассказали сослуживцы, это произошло ночью. В кромешной темноте Артем побежал и упал в яму, в которой валялся моток проволоки с подключенным электрическим током. Солдаты рассказывали, что этот моток сначала висел на столбе, потом его сорвало ветром, но никто почему-то не догадался отключить провод от источника питания. Упавший в яму рядовой Гавриленко попал под электрический разряд.

Еще живого Артема вытащили из ямы и отвезли в ближайшую больницу. Врачей, которые увидели солдата в перепачканной грязью робе, сослуживцы Гавриленко едва не под дулами автоматов заставили принимать потерпевшего в госпиталь. Но помочь Артему уже никто не смог. Домой погибшего солдата привезли уже через четыре дня после трагедии. Мать Артема не смогла пережить гибели единственного сына и через несколько месяцев после похорон добровольно ушла из жизни.

Галкин Александр Геннадьевич
05.12.1977 - 11.12.1996
Череповец

«Кавказский хребет - это так красиво»

Саша погиб за сутки до того, как его часть покинула чеченскую республику. А точные обстоятельства его гибели неизвестны до сих пор.

Служить в армию череповчанин Саша Галкин пошел, обманув медицинскую комиссию. Еще учась в шестом классе общеобразовательной школы, парень переболел менингитом. Для любого призывника эта болезнь давала «белый билет». Однако Саша ничем не хотел отличаться от своих отца и братьев, отслуживших в свое время в вооруженных силах. Он вырвал из медицинской карты те листы, в которых говорилось о болезни. На службу Саша попал во внутренние войска под Плесецк. Его часть охраняла в Архангельской области одну из многочисленных колоний для осужденных. Летом 1996 года часть расформировали, и Александра Галкина отправили под Гудермес. Через три месяца после начала сашиной командировки политики сдали боевикам Грозный и начали потихоньку выводить воинские части из ЧР. Как известно, мир после подписания хасавьюртовских соглашений так и не наступил.

Из последнего письма Александра родителям: «Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Света, Толик и, конечно же, мои самые любимые Настенька и Андрей! С огромным приветом и массой наилучших пожеланий к вам чеченец Санек. Живу я здесь нормально. Жив-здоров, на здоровье не жалуюсь. Здесь жить можно. Мы находимся на сопке, высота которой 305 метров. Отсюда вид великолепный, почти вся Чечня на ладони. Еще отсюда видно, но только в ясную погоду утром, Кавказский хребет. Это так красиво, если б вы только знали! Теперь доложу вам об обстановке. Здесь иногда стреляют. Если вы думаете, что здесь перемирие и все спокойно, то вы крупно заблуждаетесь. Колонны обстреливают каждый день. Сейчас на данный момент в Гудермесе около пяти группировок боевиков. И положение каждый день обостряется. Теперь насчет питания. Утром идет вода с макаронами, днем суп. Если попадется какая-нибудь гуща, считай, что ты счастливчик. На второе перловка и так уже третью неделю. Живем, как индейцы, все зачуханные, грязные, холодные и постоянно голодные».

Утешением служило то, что к середине декабря 1996 года часть обещали вывести из Чечни. И действительно, 9-го числа несколько солдат части вместе с командирами уехали в дагестанский город Аксай, чтобы подготовить базу для прибытия остальных сослуживцев. Отправка была назначена на 12 декабря. А 11-го Саша погиб.

В справке командования указано, что смерть наступила в результате огнестрельного ранения в голову. Долгое время военные пытались убедить Галкиных, что Александр «неосторожно обращался с оружием» во время охраны склада вооружения. По факту гибели Александра Галкина даже возбуждали уголовное дело, которое потом закрыли. Сашин брат Анатолий несколько раз ездил в Архангельскую и в Московскую военную прокуратуру в надежде выяснить правду, но добиться от военных так ничего и не смог.

Егоров Вячеслав Витальевич
23.02.1976 - 20.01.1995
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

Шальной осколок

Как и многие вологодские парни, на срочную службу Славик Егоров попал под Питер, в поселок Каменку. До этого он успел окончить 8 классов средней школы и СПТУ №52 по специальности «электрогазосварщик». Несмотря на молодость, Славка успел поработать сварщиком и зарекомендовать себя классным специалистом. В СУ-203 «Вологдастрой», где Вячеслав Егоров работал на практике, сказали, чтобы после армии он обязательно возвращался к ним, поскольку им нужны профессионалы. В 1994 году группа, в которой учился Славка, экстерном сдала экзамены, и в годовщину

начала Великой отечественной войны, 22 июня, питерский поезд повез призывников на службу.

Из воспоминаний сослуживца Вячеслава Петра Фуникова: «В Каменке мы попали в 129-й мотострелковый миротворческий полк. Полгода занимались в основном физической подготовкой. Кроме этого, на наш батальон были возложены охранные функции. В начале декабря 1994 года стали ходить разговоры, что нас могут отправить в Абхазию для охраны блок-постов. Мы обрадовались: хоть какое-то разнообразие, а то в Питере только склады охраняли. Но как-то раз после обеда нас всех в срочном порядке выстроили на плацу. Приехали 19 генералов вместе с тогдашним министром обороны Павлом Грачевым. После разговора с ним оказалось, что часть направляют в Чечню. Мы спрашиваем, когда? Нам отвечают, сегодня сборы, завтра едем».

31 декабря 1994 года батальон, в котором служил Вячеслав, в числе первых пошел на штурм Грозного. Их, молодых, необстрелянных, бросили в самое пекло. Город кишел боевиками, и каждый дом в Грозном приходилось брать, оставляя сотни убитых, и своих, и бандитов. После переходов и беспрерывных штурмов молодые парни буквально валились с ног от усталости. Однако и по ночам спать приходилось редко: в любую минуту ожидали нападения.

Из воспоминаний Петра Фуникова: «Как-то ночью сидим в доме, из которого лишь несколько дней назад вышибли боевиков. Этот дом для нас был и жильем, и крепостью, где нам самим нужно было себя охранять и постоянно быть начеку. Славка сидел в кресле, оставшемся от старых хозяев, а я сидел недалеко от окна. Оба в полной боевой готовности. Смотрю, Славка задремал. А тут, как назло, патруль идет. Мы, бывало, и раньше на постах дремали, но просыпались от малейшего шороха. А здесь патрульный уже зашел в дом, гремя сапогами, а Славка все не просыпается. Проверяющий зашел, видит - солдат спит. Подошел к Славке и в шутку стукнул его прикладом автомата по каске. Тот - ноль внимания. Патрульный второй раз стукнул, уже посильней. Славка по-прежнему спит. И только после третьего удара Славик, не открывая глаз, пробормотал: «Стой, кто идет! Стрелять буду!» И снова заснул. Патрульный все понял и молча ушел».

А 20 декабря, в день гибели Славы, его друга и земляка Петра Фуникова рядом не оказалось - вызвали в штаб, чтобы починить проводку. Из воспоминаний Петра Фуникова: «Когда я уходил в штаб, смотрю, Славик сидит, письмо перечитывает, которое пришло из дома пару недель назад, а в глазах грусть. Спрашиваю: «Ты что такой грустный?» Отвечает: «Не знаю». Я ушел, а часа через два боевики начали мощный минометный обстрел, продолжавшийся с полчаса. Когда вернулся, один солдат говорит: «Славку убили». Я ничего не понимаю: «Какого Славку?» Он отвечает: «Егорова». Я схватил солдата за грудки и с силой начал трясти: «Если это шутка, то это очень глупая шутка». Он испугался и кричит: «Можешь меня избить, можешь что угодно сделать, но это правда».

Во время обстрела осколком мины Вячеславу Егорову пробило голову. Из воспоминаний матери Вячеслава Александры Дмитриевны: «В начале 1995 года от Славика почему-то перестали приходить письма. Я начала всюду звонить, а мне неизменно отвечали: «В списках нет». В начале февраля 1995 года, когда я в очередной раз позвонила в военкомат, чтобы узнать, есть ли какие-то новости о моем сыне, мне сказали: «Нужно ехать на опознание. В морге Ростова-на-Дону лежат два солдата, у которых на медальоне написано «Вячеслав Егоров», и вам нужно ехать разбираться, который из них ваш». Когда я приехала в Ростов, второго Вячеслава Егорова уже опознали и увезли к себе на родину, кажется, в Кировскую область. Нашего Славика домой мы привезли сами».

Ерастов Андрей Васильевич
22.11.1976 - 21.03.1996
Поселок Шексна
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Пули меня не возьмут»

После окончания Череповецкого морского лицея №6 по специальности судоре-

монтник Андрею Ерастову предлагали службу на флоте. Однако паренек хотел поскорей закончить с военной службой (в военно-морском флоте, как известно, служат 3 года) и быстрей вернуться домой: выпускника морского лицея манила перспектива заграничных морских походов.

Андрей с детства был очень самостоятельным. Парень рос без отца, и нередко, когда его мама Галина Николаевна работала в ночную смену, Андрей оставался дома с сестренкой Валей, которая была младше его на 8 лет. «Я спокойно оставляла их дома, поскольку знала, что все будет нормально», - говорит Галина Николаевна.

Об армейской службе Андрея почти ничего не известно. Родным солдат писал редко. По словам Галины Николаевны, многие письма сына почему-то не доходили.

Из последнего письма Андрея: «Здравствуйте, мама и Валюша! Наконец-то получил от вас письмо. Наконец-то дождался, ведь почта ходит очень плохо, даже теряется. Вот уже два месяца я в Чечне. Мама, твое письмо меня очень поддержало. День назад у нас во взводе погиб паренек, мой номер расчета и моя замена. Да, мама, сколько уже парней погибло у меня за время службы! И все такие парни! И так это глупо. За что мы здесь воюем, я никак понять не могу, за чьи интересы, за кого? Ну, мне больно об этом писать. Сейчас лежу в землянке, пишу письмо, напротив меня парень чистит картошку, слева от меня играют в карты. На улице стоят часовые. Ждем нападения, и так каждый день. Служба идет, а здесь еще быстрее. Да, мама, до срока осталось три месяца, а до приказа 40 дней. Видишь, совсем немного. И снова я буду жить, гулять, любить, поскорей бы это! Не расстраивайся, все будет хорошо. Я вернусь. И пули меня не возьмут».

Еще из писем Андрея Галина Николаевна знала, что сын находится где-то под Грозным. Осенью 1995 года мать узнала, что Андрей ранен: получил контузию и несколько недель пролежал в госпитале. После ранения у Андрея была возможность приехать домой на побывку. Но он не захотел. В письме написал, что если не поедет в отпуск, то сможет раньше уйти на дембель. По подсчетам младшего сержанта Ерастова, домой он должен был вернуться уже к концу апреля 1996 года.

До конца Чеченской командировки Андрей не дожил около месяца. 21 марта младший сержант Андрей Ерастов, как позже сообщило руководство части, подорвался на мине. А через 9 дней военные привезли гроб. Подробней об обстоятельствах гибели сына Галине Николаевне так никто и не рассказал.

Ермолин Николай Васильевич
25.01.1964 - 27.03.1996

Великоустюгский район, деревня Щекино

Весельчак, имевший десять сестер

Армейский контракт Николай Ермолин подписал от безысходности. В самом расцвете сил, в 32 года здоровый деревенский мужик почти 2 года сидел без работы, которую в совхозе «Красное знамя» Великоустюгского района найти было почти невозможно, а Николай с детства был приучен к труду. В семье было 10 сестер и единственный сын. Коля с раннего детства был опорой семьи вместе с отцом. После смерти родителей (а умерли они рано) все хозяйство легло на плечи молодого паренька.

С личной жизнью тоже не складывалось. Отдушиной был 13-летний сын Сашка, в котором Николай души не чаял. «Вы знаете, Коля вообще безумно любил детей», - рассматривая небогатый архив фотографий брата, вспоминает его сестра Ольга Савинцова.

В округе все знали Николая Ермолина как веселого парня. Любую работу, за которую бы он ни брался, Николай выполнял с шутками и прибаутками. Наверное, поэтому решение деревенского весельчака взяться за оружие, в округе огорошило многих.

На службу Николай попал в группу российских войск в Закавказье (ГРВЗ), в грузинский город Ахалкалахи. После начала чеченского конфликта ГРВЗ поддерживала порядок на чечено-грузинской границе и, по замыслу высшего командования, должна была контролировать перебежки боевиков в Грузию и обратно. Не было секретом, что через грузинскую границу наемникам поставляется оружие, деньги и наркотики. На одном из приграничных КПП, расположенном на высоте 1800 метров над уровнем

моря, и служил в должности старшего оператора кабины боевого управления ефрейтор из Великоустюгского района Николай Ермолин.

«Почта отсюда практически не ходит. Письма иногда идут по 1,5-2 месяца. Так что часто я вам писать не смогу. Живем в кубрике на 8 человек. С электричеством напряженка. Вечерами сидим со свечками и лампадами», - короткими строчками об армейских буднях Николай Ермолин лишь изредка напоминал о себе родным.

А через полгода в Великий Устюг из Ахалкалахи пришла скорбная весть: «Николай Ермолин убит». Что произошло в конце марта 1996 года в части, где служил Николай, теперь сказать трудно. В официальных документах лишь говорится, что Николай Ермолин погиб от руки кого-то из своих сослуживцев.

Забелин Евгений Борисович
06.07.1975 - 07.01.1995
Вологда. Посмертно награжден Орденом Мужества

Роковая гитара

Из воспоминаний отца Жени Забелина: «Жене 4 года. Проездом в квартире остановилась с ночевкой племянница, педиатр, кандидат медицинских наук. Утром, умываясь в ванной, слышит от Жени назидательное: «Мой ухи и заднюю шею!»

Жене 6 лет. Мать взяла его в туристическую поездку в Кириллов. В пути он познакомился с девушкой, сверстницей Наташи. Нам неизвестно, о чем они при знакомстве говорили, но на второй день по возвращении в Вологду подруга матери, живущая на улице Мира, открывая на звонок входную дверь, видит его одного (приехал из района ГПЗ). На вопрос о цели визита объяснил: «Я разыскиваю Наташу, мы любим друг друга и договорились пожениться».

Жене 17 лет. Строим дом в деревне. Спасаясь от комаров среди ночи, пробираемся спать в соседскую баню. С поленницы спрыгивает и убегает мимо нас кошка. Женя кричит на полном серьезе: «Смотрите, заяц!» Ну, какие зайцы в деревне по поленницам бегают?»

Женя Забелин окончил 8 классов Вологодской средней школы. Потом учился в вечерней школе, затем устроился работать на опытный завод головного конструкторского бюро деревообрабатывающего оборудования учеником токаря. Вскоре из учеников его перевели в токари. Потом Женя пошел в армию.

Обстоятельства гибели Евгения Забелина остались загадкой. Хотя в свое время его отец приложил немало усилий, чтобы найти правду. Военные, сопровождавшие из Чечни «груз-200», рассказывали, мол, «Урал», на котором парень служил водителем, двигаясь в колонне к Грозному, сломался по дороге. Женя вылез из кабины проверить двигатель и его «снял» снайпер. Скончался солдат в вертолете по дороге в госпиталь. Сослуживцы выдвигали много других версий, разительно отличавшихся друг от друга. А в начале декабря 1995 года Забелиным пришло письмо от его армейского приятеля. Он рассказал о совместной службе с Женей:

«Здравствуйте, уважаемые Борис Никанорович и Тамара Васильевна! Извините, что пишу с такой большой задержкой. Не знаю даже, с чего начать. Мы с Жекой всегда весело жили, любили посмеяться, поприкалываться. Когда поездом в Кизляр прибыли, еще войны не ощущали. Там три дня были. А когда наш батальон отправился своим ходом в Толстой Юрт, вот тогда мы помучились прилично. По дорогам мы мало ехали, в основном добирались по каким-то пескам, устали все капитально. Еще БТРы начали ломаться. Мне к БМП один прицепили и Жеке один к бензовозу, так мы оттуда еле выползли и поэтому отстали от батальона, и когда мы подъехали к Тереку, наш батальон уже отбил мост у чеченцев, правда, от моста уже ничего не осталось. В общем, в первый бой мы с Жекой не попали. После этого боя двое ребят отказались дальше воевать, и их отправили обратно в Волгоград. Когда мы туда подъехали, на дороге валялись люди, хотя мы сначала даже не поняли, что это люди. Это было похоже на кучи мяса, эти кучи были везде. Тогда мы в первый раз увидели такую смерть. Меня чуть не вырвало, а потом мы уже попривыкли и на это даже не обращали внимания.

30 декабря ночью мы начали выстраиваться в колонну и 31-го рано утром трону-

лись в Грозный. Днем мы сидели у меня в БМП, а ночью иногда спали в подвале неподалеку. Когда кончались еда и выпивка или сигареты, то ходили по домам, искали, что бы пожрать. Один раз пошли мы с Жекой пожрать что-нибудь найти и в одной квартире нашли мы гитару. Я в гитарах не разбираюсь, а Жека сказал, что это хорошая концертная гитара и ее надо взять. И как я его ни отговаривал оставить ее, потому что надо было много еды взять, так и не отговорил. На следующий день я нашел диктофон, и мы записали Жеку на диктофон.

На следующий день мы поели у меня в БМП, и Жека пошел за гитарой. Я ему еще сказал: не надо, потом попозже сходим. Но он все равно пошел. Я вышел, хотел пойти с ним, но он был мертв, за десять метров от меня. Он упал в грязь, я подбежал, перевернул его, а на его лице - улыбка. Я сразу поволок его за здание, потому что участок простреливался снайпером и Жеку убил снайпер. За зданием пульс прощупал, а его нету. Бронежилет расстегнул, руку засунул, а там в крови все, пуля, наверное, в сердце попала, потому что крови было очень много. Потом мы отнесли его туда, где лежали все убитые, я медаль у него открутил, документы вытащил и отдал все командиру взвода. А 11 числа снайпер и меня подстрелил, но мне он в ногу попал, и 12 числа меня уже вывезли из города. Ну, вот и все вроде. Больше рассказывать мне нечего, наверное. Извините, если что не так».

Зверев Алексей Николаевич
06.03.1976 - 14.09.1995

Череповец. Посмертно награжден Орденом Мужества

Одна мина на двоих

В сентябре 1995 года к югу от чеченского города Шали, у деревни Маертук, нашей разведкой были замечены передвижения боевиков. Опасаясь минирования, командиры части, расквартированной в Шали, решили отправить в разведку две группы саперов. Операцию назначили на 6 часов утра 14 сентября. В первой группе были сержанты Бухтияров и Клычков, а во второй череповчанин Алексей Зверев и уроженецЧебсары Евгений Кузнецов.

Метр за метром группы саперов обследовали ближайшее поле, двигаясь на расстоянии около 50 метров друг от друга. Через несколько минут после начала операции тишину кавказского утра прорезал оглушительный взрыв и крик Лешки Зверева. Вологодские земляки попали в ловушку. Они подорвались на противопехотной мине.

Лешка с детства был очень целеустремленным парнем. В 7 лет занялся спортивной гимнастикой и к 15 годам стал кандидатом в мастера спорта. Все его дни были просчитаны до минуты: школа - уроки - тренировка. В свободное время разводил рыбок, воспитывал собаку и выхаживал раненых голубей. Когда Леша подрос, увлекся выращиванием растений: высаживал в бочке картошку, в дачной теплице растил арбузы и даже лимон. «Самое удивительное, что у него всегда получался отличный урожай», - говорит его мама Людмила Александровна.

Вообще Леша был на редкость самостоятельным. Уже в 14 лет он на свои заработанные деньги купил мопед. Для этого ему пришлось все летние каникулы работать в местном совхозе, вырубая вдоль дорог лес. А в 15 лет, когда его отец слег с инфарктом в больницу, Алексею пришлось заняться хозяйством и ухаживать за 130 кроликами.

Родился Алексей Зверев в Череповце. Там же окончил 9 классов 26-й городской школы, а затем, несмотря на то, что его отговаривали родители и классный руководитель, поступил в ПТУ №41 поселка Шухободь на «тракториста-машиниста широкого профиля». После училища он хотел продолжить учебу на факультете физической культуры Череповецкого пединститута, но в жизненные планы вмешалась армия. 4 июля 1994 года Алексей должен был явиться на призывной пункт.

По стечению обстоятельств в тот же день он сдавал в училище последний экзамен - вождение. Утром откатался с инструктором по городу, получил удостоверение, а вечером родители завезли его военкомат. Там Алексею дали ночь на сборы и обязали на следующее утро явиться для отправки в армию.

В Каменке под Питером, куда Леша попал на службу, его определили в разведроту мотострелкового полка миротворческих сил. Когда через полгода учебки военные стали

говорить о возможной командировке в Чечню, Алексей выпросил короткий отпуск домой. Родителям о предстоящей поездке на Кавказ ничего не сказал.

В Череповце вместе с земляком-сослуживцем Женей Корольковым он лег в больницу, где у него неожиданно обнаружили серьезное заболевание. Врачи лечили Лешу слишком долго, и возвратился он в Каменку, когда часть уже отправили в Чечню. Лешу вместе с Женей Кузнецовым, который тоже отстал от своей части, направили на Кавказ с танковым полком.

Командировку в Чечню Алексей хотел оставить в тайне от родителей. Перед отъездом он позвонил им из части и сказал, что его направляют в соседний полк на полевые сборы, и попросил выслать немного денег. Родители не беспокоились, поскольку вскоре после начала командировки от него действительно пришло письмо с обратным адресом: «Ленинградская область». Уже позже выяснилось, что это письмо Леша в Чечне передал через сослуживцев и попросил отправить его из Питера. У него были заготовлены еще 2 конверта с питерским адресом.

«Обман» вскрылся лишь тогда, когда в Череповец вернулся денежный перевод, который Леша просил выслать в начале марта. Найти адресата почтальонам не удалось, а на обратной стороне извещения карандашом было нацарапано: «Чечня». «Только в этот момент мы и поняли, что Леша на самом деле там», - сквозь слезы вспоминает Людмила Александровна.

Лишь через 3 месяца после начала командировки Алексей написал домой письмо, в котором признался, что находится в Чечне, и просил у родителей прощения за обман. Он рассчитывал, что командировка продлится всего 3 месяца, поэтому и заготовил 3 конверта, рассчитывая отправлять письма раз в месяц. Но командировка растянулась на полгода. Леша писал бодрые письма, ни словом не упоминая о войне. Он коротко сообщал, что живет нормально, а кормят их сносно. Зато в письмах своему череповецкому другу солдат Зверев был более откровенен и писал, что нередко, чтобы выжить, им приходится есть даже собак. В своем последнем письме Леша поздравил с Днем рождения сестру Наташу и отца.

Сержант Зверев скончался в войсковой санчасти через 3 часа после подрыва на мине, хотя на первый взгляд ранения не были тяжелыми. Он был ранен в плечо и в обе ноги. Его напарник Евгений Кузнецов прожил несколько дней.

Зубов Евгений Викторович
9.12.1976 - 20.08.1995
Вологодский район, поселок Огарково

«Груз-200» с адресом и фото убийцы

Когда стало ясно, что командировки в Чечню не избежать, Женя пошел на «обман». Чтобы не расстраивать родителей, в мае 1995 года он написал им, что его перебрасывают в сверхсекретную часть в Подмосковье, где нужно будет строить ангары, проводить к ним сигнализацию и электроэнергию. Мол, не нужно удивляться, если обратный адрес на конвертах будет странный. Все дело в сверхсекретности задания и части, в которую его, Евгения Зубова, откомандировали. Все последующие послания неизменно начинались фразой: «Пишу вам из командировки. У меня все хорошо».

Женя родился в поселке Дубки Ярославской области. В первой половине 80-х семья Зубовых переехала в Ростовскую область. Там Женя пошел в школу. Там же в молодой семье случилась первая трагедия: в возрасте четырех лет в результате несчастного случая погиб младший брат Жени.

Из воспоминаний Любови Ивановны Зубовой: «После гибели брата Женечка както сразу повзрослел. Он старался не делать ничего такого, что могло бы нас огорчить. Он и про сверхсекретную командировку придумал, чтобы мы не расстраивались. А вообще там, в Ростовской области, я очень радовалась, глядя на то, как проходит детство Женечки. Меня саму мама в детстве воспитывала очень строго, и я не хотела, чтобы Женя тоже был ограничен в своих поступках. Как многие ребята их возраста, Женечка постоянно ходил с царапинами, пропадая, особенно летом, на целые сутки. То они ловили рыбу, то играли в футбол прямо в доме, но я видела, что мой мальчик счастлив».

Но после смерти жениного брата Зубовы оставаться больше не могли в селе под Ростовом, где все напоминало о трагедии, и вскоре переехали в Пермскую область. Там прожили два года, а в 1990 году перебрались в Огарково, под Вологду. Здесь Женя Зубов пошел в 6 класс. После окончания 8 классов парень всерьез увлекся электроникой и с головой ушел в схемы, радиодетали и компьютеры. В 1992 году поступил в училище №29 на электромонтера. Пока его сверстники крутили романы с подружками и бегали по дискотекам, Женя придумывал хитрые приборы или возился с компьютером.

«Женечка постоянно придумывал что-нибудь новенькое, - вспоминает Любовь Ивановна, - он что-то перепаивал в телевизоре, соединяя его, к примеру, с магнитофоном, потом всю эту систему пытался усовершенствовать, и так могло продолжаться до бесконечности. У нас не возникало сомнений в том, что свою жизнь Женя свяжет с электроникой». Училище Евгению Зубову пришлось оканчивать экстерном. Вместо положенных трех лет учебы Женя проучился 2 года и 3 месяца. Армии срочно требовались рекруты, и в конце декабря 1994 года Евгений попал в Подмосковье, в полк имени Дзержинского.

Из воспоминаний Любови Ивановны: «После того как Женя уехал, от него почти две недели не было никаких известий. Я встретила женщину из соседнего села, у которой сын тоже был призван в Дзержинку, и мы вместе поехали искать наших мальчиков. В военкомате о местоположении части нам сказали очень приблизительно. Только пояснили, что она находится в Реутово. Когда после долгих поисков мы все же нашли часть, оказалось, что наши мальчики уже приняли присягу. Своего Женечку я еле узнала. Всего за две недели он заметно похудел, а глаза были такими испуганными, как у затравленного зверька. Еще я заметила, что у него черные руки. В шутку спрашиваю: «Вы что здесь, не умываетесь?» Он ответил: «Бывает, и не моемся. Вода здесь только холодная». Я уже собралась уезжать, а Женя говорит: «Мам, а вы не можете приезжать сюда каждую неделю? Только никуда не обращайтесь, а не то мне будет хуже». После того что мы увидели (у второй женщины сын выглядел не лучше), всю дорогу домой проплакали».

В конце мая 1995 года часть перевели в Чечню. О том, что сын на самом деле на Северном Кавказе, а не в сверхсекретной командировке в Подмосковье, родители поняли только в июле, получив от него последнее письмо. Из воспоминаний Любови Ивановны: «Женя писал, что командировка заканчивается 20 августа и что после нее его, возможно, отпустят в отпуск. Однако он сделал в письме ошибку. Написал, что позвонит, как только вернется в свою часть, и позвонит через мать своего сослуживца Женьки (того самого, с мамой которого Любовь Ивановна искала Дзержинку). А тот Женька служил в Чечне. Только тогда мы поняли, что наш Женя тоже там».

В 20-х числах августа 1995 года в Огарково привезли «груз-200». Тогда же выяснилось, что Евгения застрелил сослуживец. Из официального ответа командования следовало, что Женя вместе с рядовым Вячеславом Мальцевым охранял склад вооружения. Сослуживец, решив попугать Женю, направил на него автомат со снятым предохранителем... Пуля попала в живот. По дороге в медсанбат Женя скончался.

Родители неоднократно пытались выяснить судьбу уголовного дела, возбужденного прокуратурой Северокавказского военного округа, однако руководство части молчало. Только однажды военные зачем-то прислали записку с адресом того самого Вячеслава Мальцева. «Как будто мы должны были ехать к нему домой и устраивать самосуд», - недоумевает Любовь Ивановна. А потом какой-то офицер прислал в Огарково письмо с фотографиями Жени. В записке он сообщил, что фото сделаны за несколько дней до гибели. На фотографии рядом с Женей стоял тот самый Вячеслав Мальцев, убийца.

Иванов Алексей Николаевич
12.05. 1975 - 4.03.95

Череповец. Посмертно награжден Орденом Мужества

Герой без охоты служить

В армию учащегося череповецкого металлургического техникума Алексея Ивано-

ва забирали в спешном порядке. По графику защита дипломов намечалась на лето-1994, однако из стен техникума ребята вышли на полгода раньше. Им пригрозили, мол, если они не подпишут повестки, диплома им не видать, как собственных ушей. И вместо июня-1994 Леша пошел в армию в декабре-1993.

Из воспоминаний матери Алексея Евгении Владимировны: «Армию Леша считал пустой тратой времени. Он очень рано начал самостоятельно зарабатывать деньги. Жили мы небогато, и Леша лет с 15 стал подрабатывать по ночам в ларьках, а после армии хотел организовать свое дело. Он вообще занимался сразу многими вещами и, что самое удивительное, у него все получалось. У меня было впечатление, что Леша торопится жить. Как будто боялся что-то не успеть. А еще Леша был очень аккуратным. Он очень следил за собой. Даже свои рубашки стирал исключительно сам, мне не доверял».

Родился Леша болезненным ребенком. С детства у него был астматический бронхит. Однако уже в школе серьезно занялся своим здоровьем, стал ходить в танцевальный ансамбль, потом занялся боксом. Правда, от занятий боксом его отговорила мама. Сын согласился, что сотрясения мозга и другие травмы в боксе неизбежны, и переключился на атлетические виды спорта. Постепенно он победил болезни, и призывная комиссия никаких отклонений в состоянии здоровья у призывника Алексея Иванова не нашла. Он попал в разведроту. Оператор-наводчик.

Из воспоминаний Евгении Владимировны: «В то время после техникума в армию брали на полтора года. Леша очень не хотел служить, но я стала настаивать. Ведь кругом было спокойно, никаких «горячих точек». А он, как будто что-то чувствуя, отвечает: «Подожди. Придет время, еще поревешь».

Через полгода учебки летом-1994 часть перебросили под Владикавказ. Когда в Чечне началась заваруха и часть направили на войну, солдат Алексей Иванов в письмах успокаивал родителей, мол, командир у них хороший, не тащит ребят в пекло. И когда зимой-1995 войска штурмовали Грозный, оставляя на поле битвы сотни убитых, часть, где служил Леша, обходилась практически без потерь. Смерть настигла его позже, когда боевые действия подходили к концу.

Из официального ответа командования части: «3 марта 1995 года в одном из районов Грозного была обнаружена группа чеченских боевиков. Части была поставлена задача найти и уничтожить бандитов. В составе экипажа боевой машины пехоты в том бою принимал участие и Алексей. Когда в ходе боя механик-водитель БМП был ранен осколком, Алексей сел на его место и направил боевую машину в гущу боя. От прямого попадания из гранатомета БМП потеряла управление и на большой скорости ударилась в бетонный столб. В результате удара Алексей получил тяжелую травму и скончался в госпитале Моздока».

Позже сослуживцы рассказывали, что Леша вел БМП, высунув голову из люка, и когда боевая машина врезалась в столб, ударился затылком о заднюю часть люка. Никто не верил, что полученная травма окажется столь серьезной. В пылу боя Алексей выскочил из машины и без посторонней помощи добрался до госпиталя. Но уже на следующий день врачи констатировали смерть: «в результате перелома основания черепа».

Киселев Александр Валентинович
14.03.1960 - 29.05.1995
Череповец

«Я должен победить эту собаку»

«Мама, я, наверное, оттуда не вернусь!» - крикнул матери Александр Киселев с подножки поезда, увозившего его в Чечню. Сашина мама Екатерина Андреевна Калинина до сих клянет себя за то, что не смогла отговорить сына от подписания контракта на службу в этой Северо-Кавказской республике.

Срочную службу Саша проходил на флоте, в Кронштадте. В должности электрика. Когда в 1994 году решил подписать контракт, неизменно говорил: «Да я за два года службы автомат в руках не держал. Мама, я же должен что-то узнать». К тому же у Александра не совсем удачно складывалась личная жизнь. Спасение от семейных

проблем он решил найти в воинском контракте.

Сначала была Грузия. Там Александр Киселев служил кинологом. Из воспоминаний Екатерины Андреевны: «Саша и в Череповце в последнее время работал кинологом в одной частной фирме. Он вообще с детства души не чаял в собаках. В нашей квартире практически не переводилась четвероногая живность. Сашенька постоянно приводил домой всяких шавок, больных и хромых. Дома он их лечил, выхаживал. А как-то раз, когда уже работал кинологом, приехал с работы весь искусанный. Рассказал, что его покусал ротвейлер, не пожелавший подчиняться приказам. Сын тогда добавил: «Мама, я должен победить эту собаку».

В Грузии прослужил всего месяц, после чего часть расформировали. Александр был вынужден вернуться в Череповец. К тому времени уже требовались добровольцы для войны в Чечне, и пробыв в родном городе около месяца, Саша снова решил отправиться на службу. Он надеялся, что в Чечне тоже будет работать с собаками.

«Я знаю, что такое война, ведь я три года жила на оккупированной немцами территории. Нас несколько раз выводили на расстрел, - вспоминает Екатерина Андреевна. - Я и Сашеньке часто рассказывала о том, как тяжело нам было в военные годы. Но как я ни уговаривала его остаться дома, ничего у меня не вышло».

На чеченской войне от Саши не потребовались знания и умения кинолога. Там требовались стрелки, и Александр Киселев взял в руки автомат. С одной стороны, как писал Саша в письмах матери, это было неплохо, поскольку на срочной службе подержать автомат в руках ему толком не пришлось. В то же время он, человек очень добрый и неконфликтный, писал, что за месяц подготовки в Каменке их учили только убивать.

Из воспоминаний Екатерины Андреевны: «Сашенька умел замечательно готовить. После его гибели сослуживцы рассказали такой случай из армейской жизни. Был у них в части поваренок солдат срочной службы, у которого постоянно что-то не клеилось с обедом. Саша смотрел, смотрел на него, а потом взял приготовление пищи на себя. А когда Сашеньку убили, этот солдатик сильно сокрушался: «Боже мой, как же я теперь буду на кухне управляться?»

Александр планировал, что после войны построит у себя на даче настоящий бревенчатый дом. В мае, предвкушая скорое возвращение, несколько раз звонил своей тете и просил, чтобы готовили для дома брус. Сбыться планам было не суждено.

Рано утром 29 мая 1995 года сашин командир старший лейтенант Олег Бобыкин сказал, что необходимо отконвоировать в Грозный колонну с продуктами и топливом для посевной. Приказ был настолько неожиданным и спешным, что Адександру, который сел на головной БТР, даже не дали позавтракать. В нескольких километрах от базы колонна попала в засаду. Первым бой принял головной БТР.

Вскоре после гибели Саши старший лейтенант Олег Бобыкин написал письмо матери. Офицер сообщал, что как только началась стрельба, Александр скинул его (Олега) и еще двух солдат-срочников с брони, приняв автоматные очереди на себя. До окончания срока контракта Александра Киселева оставалась неделя.

Клюев Валерий Юрьевич
15.02.1969 - 7.05.1996

Череповец. Посмертно награжден Орденом Мужества

Сапер не мог ошибиться

Валерий Клюев родился в селе Ярославка Тамбовской области. Потом его семья переехала в Череповец, и среднюю школу он заканчивал в городе металлургов. Отслужив срочную службу в Афганистане и немного поработав на производстве, в конце 1990 года Валера пришел на работу в патрульно-постовую службу череповецкого управления внутренних дел. Когда в начале 90-х годов при ГУВД Череповца появилась рота специального реагирования (позже переименованная в СОБР), Валерия пригласил в отряд командир Николай Бурцев. В СОБРе все оперативники служили в офицерском звании, и в 1993 году Валерий Клюев стал младшим лейтенантом СОБРа.

Из воспоминаний бывшего командира череповецкого СОБРа Николая Бурцева: «И Валера, и Володя Авдюнин (оперативник череповецкого СОБРа, погибший в Чечне на год раньше Валерия Клюева) обладали всеми качествами, присущими настоящим

мужикам. На войне на них можно было положиться, они никогда никого не подводили».

2 мая 1996 года, через три дня после получения звания старшего лейтенанта, Валерий Клюев уже был в Грозном. Это была его вторая командировка на Северный Кавказ. Тогда, в мае 96-го, Главным Управлением оперативного штаба (ГУОШ) Череповецкий СОБР был направлен в Черноречье. Там бойцы должны были заменить своих коллег с Дальнего Востока. На новом месте Валерий Клюев первым делом вместе с дальневосточным сапером пошел на инженерную разведку минных полей.

В Чечне пункты временной дислокации (ПВД) наших милиционеров, не имеющие надежных укрытий, окружаются минными полями, чтобы боевики не смогли подобраться внезапно. Впрочем, по словам милиционеров, особо рисковые бандиты по ночам пробирались через эти заслоны (если не подрывались) и выставляли свои взрывные устройства. Собровец с Дальнего Востока, с кем изучать минное поле пошел Валерий, был опытнейшим сапером еще с афганской войны. Расположение своих мин знал точно и ошибиться, как полагают милиционеры, не мог.

По мнению Николая Бурцева, скорей всего, оба сапера подорвались на прыгающей мине, установленной боевиками. Эта мина взрывается на высоте около метра. Вероятно, первым шел дальневосточник. Он погиб сразу. А Валерий Клюев был смертельно ранен. В Череповце у Валерия осталась жена и трехлетняя дочь Таня.

Вдова Валерия пошла по стопам мужа и работает в череповецком отделе по борьбе с оргпреступностью, структурное подразделение которого - СОБР.

Кузнецов Евгений Николаевич
17.07.1975 - 14.09.1995
Шекснинский район, поселок Чебсара
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Хочу попить молока от нашей Буренки»

Женя Кузнецов рос обычным деревенским парнем. Как старший сын помогал родителям по хозяйству, ухаживал за домашними животными. В свободное время мастерил из дерева солонки, подставочки, выпиливал разделочные доски. Его тяга к животным в конечном итоге привела парня в вологодский сельскохозяйственный техникум, куда после школы он поступил на ветеринарное отделение. Окончить техникум не дали, летом-1994 Евгений Кузнецов отправился на службу в Каменку. Уже через полгода службы Женя заслужил отпуск на родину. Это была его последняя встреча с родителями. В марте 1995 года батальон перекинули в Чечню. Из писем Жени Кузнецова родителям:

03.08.1995. «Получил письмо от вас. Дошло быстро, за 17 дней. Хожу в караулы, а так больше в тылу пока. 2 августа официально кончилась война, договорились о выводе войск из Чечни и сдаче оружия боевиками, но это долгая история. Правда, одна новость радует, служить нам полтора года. Мне осталось 4 месяца. Так что служба близится к концу. Погода стоит жаркая, 30 градусов. Дожди обычно ночью. Едим алычу, яблоки, земляные орехи. Зреют подсолнухи. Иногда привозят огурчики. Один раз были сливы и груши. А из серьезной еды в основном килька. Воды хватает. Против инфекций делают прививки. Очень хочется домой. За меня сильно не расстраивайтесь. Я думаю, какая уж судьба, от нее не убежишь. Вот так и вы думайте, легче жить. Мама, ты сама мне так писала. Жду ответ. За письмами хожу каждый день. Пишите. Целую всех. Женя».

16.08.1995. «Решил написать письмо, так как друг уезжает на родину, в Вологду. Погода становится прохладнее, наступает осень. Опала листва на некоторых деревьях, дожди идут чаще. Постоянно кормят кашей. Одежду новую, я имею в виду «афганки», не выдавали уже 5 месяцев. Белье не меняли около трех месяцев. Вода есть, стираем сами. Мыло, мочалки, зубную пасту приходится добывать тоже самим. Стараюсь бросить курить. Передавайте всем большой привет. Пишите, жду. Целую всех».

26.08.1995. «От вас давненько не получал писем. Уже без ответа третье письмо пишу. У нас потихоньку меняют батальон, но до нас очередь не дошла. Идут дожди, плавает палатка. Кормят нормально. Сделал себе спортгородок. Теперь полбатальона

ходят к нам заниматься. Читаем книги, газеты. Остается служить два с половиной месяца, а может, и меньше. До свидания. Ваш Женя».

3.09.1995. «Мама, твое письмо получил, но дойдет ответ или нет, не знаю. Я написал уже писем десять, на каждое пишу ответ, посылал фотографии. Живу нормально. Во взводе шесть человек. В палатке нас четверо. Скрываемся от дождя в палатке, но на себя нужно что-нибудь надевать, чтобы не промокнуть. Привыкли. Днем сушимся на солнышке. Мама, если все будет хорошо, сделаю тебе небольшой подарок, на твой День рождения буду дома. Но не будем загадывать. Денег нам здесь не платят. Я забыл, как они выглядят. За меня не расстраивайтесь, все будет хорошо. Как там с картошкой дела? Выкопали или нет? Хочу попить молока от нашей Буренки. Передавайте всем знакомым большой привет. Целую всех и жду ответа. Ваш Женя».

Это письмо оказалось последним приветом. На мамин день рождения сын не вернулся. 14 сентября на рассвете вместе с череповецким другом Алексеем Зверевым младший сержант Евгений Кузнецов подорвался на мине. Леша погиб сразу, а Женя скончался в вертушке по дороге в госпиталь «Северный» от большой потери крови. Осколки от мины попали ему в ногу и в грудь, под сердце. Гроб с телом Евгения привезли домой только через 20 дней, 5 октября. Еще через два дня с ним прощалась вся Чебсара. На похороны приезжали и родители Леши Зверева, вместе с которым Женя подорвался на мине.

Кузнецов Олег Михайлович
30.08.1975 - 7.01.1995

Вологда. Посмертно награжден Орденом Мужества

Вещий сон матери

Несколько недель Ольге Сергеевне Кузнецовой снился страшный сон: кто-то звонит в дверь, она открывает, а на пороге стоят военные в шинелях и говорят: «Ваш сын погиб в Чечне». К тому времени поводов для беспокойства было более, чем достаточно. Сын Олег, который до отпуска регулярно писал по два-три письма в неделю, неожиданно замолчал. Его часть в то время находилась во Владикавказе, а Чеченская мясорубка с бешеной скоростью набирала обороты.

Когда 15 ноября 1993 года Олег Кузнецов уходил в армию, довольны были все. Олег - что сбылась его давняя мечта служить в Германии, а родители были уверены, что служить за границей гораздо спокойней, чем на родине. К тому же они могли гордиться, что их сын прошел строгий отбор для заграничной службы. Физически он подходил под стандарты солдат элитных войск: статный парень ростом 185 сантиметров. В Германии элитные войска, куда попал Олег, в основном принимали участие в немецких парадах.

Правда, уже через год парадную часть, которая в объединенной Германии стала никому не нужна, расформировали, и дослуживать Олегу пришлось в Курске. «Из Курска Олежка сразу написал письмо, - вспоминает Ольга Сергеевна, - и мы с отцом съездили к нему в часть».

В ноябре 1994 года за отличную службу Олегу дали отпуск. Поскольку из Германии часть уже вывели, и Олегу до конца службы оставался всего год, мама, посоветовавшись с мужем, решила, что сын этот год может дослужить в Вологде. Ольга Сергеевна подключила многочисленных знакомых, и вопрос был уже практически решен: «Вы знаете, когда Олежка узнал об этом, он взбеленился. Хотя он всегда был таким жизнелюбом, добрым и покладистым, тут стал возмущаться: «Как же так? Ушел в отпуск и не вернулся? Ведь там остались ребята». В общем, как ни пытались мы уговорить его остаться, 8 декабря, когда закончился отпуск, Олег поехал обратно в часть».

«Когда в декабре мы провожали его обратно, - вспоминает Ольга Сергеевна, в вагоне было очень мутное стекло и лица Олежки почти не было видно. Я заплакала. Почему-то уже тогда подумала, что своего сына больше не увижу».

После отпуска Олег неожиданно перестал писать письма. К тому времени его часть могли отправить в Чечню, и Ольга Сергеевна стала бить тревогу, обращаясь во всевозможные инстанции: писала телеграммы, звонила, подключила местных законодателей, искала сына по президентской связи. Все-таки, несмотря на отсутствие

писем, была надежда, что Олег лежит в госпитале с ранением или контузией. Иначе он просто не мог не написать письмо. Каждый день мать ходила в церковь.

Везде, где только Ольга Сергеевна ни пробовала узнать о судьбе сына, ответ был один: «Его нет в списках погибших и пропавших без вести, а если в списках нет, значит, жив». Последний официальный ответ был получен 3 февраля 1995 года. Из воспоминаний Ольги Сергеевны Кузнецовой: «На следующий день, 4 февраля, мы сели обедать. Вдруг позвонили в дверь. Меня как ударило, даже встать не могу. Открываем, на пороге стоят военные, которых я видела во сне, и говорят, что Олежка погиб. Мой сон стал явью. Военные рассказали, что Олежка погиб еще в начале января, однако в первые дни войны у солдат не было медальонов, и почти месяц мой сын пролежал в морге, пока его не опознал кто-то из однополчан».

А через несколько месяцев, когда из армии стали возвращаться сослуживцы Олега, выяснилось, что он погиб во время штурма Грозного. Якобы роту, в которой был Олег, накрыли артиллерийским огнем свои же. И будто бы позже это списали на просчеты командования и отсутствие корректировки. Еще сослуживцы рассказали, что Олег спас многих ребят. На гражданке он всегда был лидером, а в Чечне, когда на второй день боев убили ротного, Олег взял функции командира на себя. Сержант Кузнецов сам стал выбивать для ребят еду, одежду и боеприпасы. Еще однополчане говорили, что Олега хотели забрать в группу, которая занималась перевозкой раненых на вертолетах. Он отказался и остался вместе со своими армейскими друзьями на передовой.

Кузьменков Михаил Васильевич
5.09.1960 - 4.11.1995

Вологда. Посмертно награжден Орденом Мужества

Засада у Джалки

В городское УВД Вологды капитан Михаил Кузьменков пришел служить в 1994 году. Уроженец белорусского города Ляховичи, всю свою жизнь Михаил Васильевич посвятил армии, закончив в 1982 году Симферопольское высшее военное училище. В вологодском ГУВД военного офицера взяли на должность старшего инспектора тылового обеспечения. Через год он был направлен в первую чеченскую командировку, где его назначили на должность заместителя командира сводного отряда череповецкого ОМОНа по тыловому обеспечению. Тогда, весной-1995, наших омоновцев, отслуживших часть командировки в Черноречье недалеко от Грозного, перекинули в Веденский район Чечни.

Из воспоминаний бывшего командира Череповецкого ОМОНа Геннадия Малышева: «Тогда и я, и Миша Кузьменков поехали в Чечню впервые. Миша отвечал за тыловое обеспечение (продовольствие, боеприпасы и т.д.), в его обязанности не входило участие в спецоперациях, проводившихся отрядом. Но он сразу показал себя настоящим боевым офицером. Помимо своих непосредственных обязанностей, постоянно участвовал в различных операциях. Вместе с ОМОНом он ходил на «зачистки», сидел в засадах, хотя по должности мог оставаться на базе, отвечая лишь за снабжение продовольствием бойцов отряда.

Сначала вместе с морской пехотой и десантниками мы были в Черноречье, одном из самых бандитских пригородов Грозного. Примерно через месяц нас вместе с морской пехотой перебросили в Веденский район. Сказали, что отправляют всего на 3-4 дня. Соответственно, продовольствия с собой мы взяли немного. Но когда приехали на место, оказалось, что под Ведено будем находиться не меньше месяца. Естественно, через три дня продукты стали заканчиваться, а взять их было негде. Ситуация в районе была очень напряженной, поскольку в окрестностях находилось большое количество бандформирований. Без прикрытия тяжелой техники выехать с базы было невозможно. И на Мишу мы молились, как на бога, чтобы он достал продукты. Михаил не подвел. Он узнал, что недалеко от нашего ПВД (пункта временной дислокации) будет проезжать воинская колонна. С группой прикрытия, рискуя попасть в засаду, он выехал с базы и привез нам продовольствие».

13 июня Михаил Кузьменков вместе с бойцами отряда поехал сопровождать ко-

лонну беженцев. По дороге группа прикрытия попала в засаду, на омоновцев обрушился минометный огонь. По словам бывшего заместителя командира вологодского ОМОНа Николая Дубова, во время обстрела был контужен Геннадий Малышев. Командование отрядом взял на себя Михаил Кузьменков.

Осенью 1995 года Михаил Васильевич после небольшого отдыха поехал в Чечню во второй и, как оказалось, последний раз. Из воспоминаний Николая Дубова: «Помню, в ту командировку Михаила пришла провожать маленькая дочка, которой было всего года полтора. Родные на милицейских машинах проводили отряд до поста ГАИ на границе Вологодского и Грязовецкого района. По традиции, у поста колонна останавливается для прощания. Там отец последний раз взял на руки дочку».

На этот раз Михаил Кузьменков тоже попал в состав череповецкого ОМОНа. Отряд базировался в Гудермесе. Командировка уже подходила к концу, и на смену приехали вологодские ребята. Передавать дела необходимо было в Грозном. 4 ноября рано утром «Урал» с вологодскими и череповецкими омоновцами отправился из Гудермеса в столицу Чечни. В машину напросились еще двое милиционеров-сибиряков, которым нужно было добраться до Грозного. Михаил Кузьменков, прикрывая тыл, сидел сзади на «Урале» с пулеметом.

В районе населенного пункта Джалка (это место считается самым опасным на трассе Грозный - Гудермес из-за примыкающей близко к дороге «зеленки») из кустов перед машиной выскочил боевик с гранатометом. Раздался выстрел. Снаряд прошил кабину «Урала», пролетел через кузов и взорвался. Еще несколько боевиков, прятавшихся в кустах, начали стрелять по горящему грузовику из автоматов. Водитель получил тяжелое ранение, многие милиционеры были контужены. Три человека погибли: сибиряки и капитан Михаил Кузьменков.

Ларичев Вадим Витальевич
4.08.1974 - 03.06.1996
Грязовец. Награжден медалью «За отвагу»

Долгая смерть солдата

На похороны Вадима Ларичева собрался весь Грязовец. Никто из его друзей и близких не верил, что полученное на войне ранение окажется настолько страшным, что одержит верх над молодым организмом. Больше года после ранения с переменным успехом шла борьба за жизнь Вадима. Во время шестой по счету операции он умер.

Закончил 8 классов грязовецкой школы, после чего пошел учиться в местное ПТУ на водителя-механика. Когда подошла пора служить в армии, призывнику Ларичеву медицинская комиссия дала год отсрочки. Медики резюмировали: недостаток веса. Призывник ничуть этим не огорчился и устроился на работу в совхоз «Грязовецкий». Его отправили работать трактористом на зерносушилку. Год пролетел незаметно, трудолюбивый парнишка настолько прижился в совхозе, что перед уходом в армию ему выписали приличную премию и попросили, чтобы после службы он обязательно возвращался к ним.

Призвали Вадика в середине декабря-1993, а осенью следующего года его часть из поселка Серталово (под Санкт-Петербургом) перебросили в окрестности Волгограда. «О том, что Вадика отправили в Чечню, я узнала только в конце января 1995 года, - говорит мать солдата Светлана Анатольевна. - До этого он регулярно писал мне из Волгограда, а потом письма вдруг перестали ходить».

Встревожившись не на шутку, мать пыталась в военкомате узнать о судьбе сына, однако военные сами ничего не знали. Многочисленные потери со стороны федеральных сил в первые дни 1-й чеченской кампании сопровождались чудовищной неразберихой. Данных о раненых и убитых толком никто не знал. Причина долгого молчания вскрылась 24 января, когда в Грязовец позвонили из самарского госпиталя и сказали, что Вадим с тяжелыми травмами находится у них. Как оказалось, еще 9 января механика-водителя БМП Вадима Ларичева в Грозном придавило деревом, вырванным взрывом из земли. Удар пришелся в живот, перебив внутренности и кости, в том числе травмировав позвоночник. Первую операцию сделали в Моздоке, а затем пере-

везли в Самару.

Из воспоминаний Светланы Анатольевны Ларичевой: «Через два дня после звонка я приехала в Самару и до конца апреля работала там санитаркой, ухаживая за Вадиком и другими ребятами, получившими ранения в Чечне. Кроме меня, там работали санитарками еще три мамы раненых ребят, две женщины с Урала и одна из Питера». За два с небольшим месяца, до возвращения в родной Грязовец, рядовой Ларичев перенес четыре сложнейшие операции. «Когда мы вернулись домой, Вадик весил чуть больше 40 килограммов, настолько его вымотали операции, - говорит Светлана Анатольевна, - но облегчение не наступало».

Мать увезла сына в деревню под Грязовец в надежде, что на свежем воздухе и в домашней обстановке он быстрей пойдет на поправку. Но уже через две недели его пришлось в срочном порядке отправлять в больницу. Сначала это была грязовецкая ЦРБ, затем вологодская областная больница. Больше года раненый солдат курсировал между больницами и домом. Оптимизм в глазах угасал. Постоянно мучили адские боли. Он все чаще намекал на самоубийство. Несколько раз Светлана Анатольевна находила у него под подушкой веревку.

У матери оставалась последняя надежда на военный госпиталь имени Вишневского в Санкт-Петербурге. Но операция стоила огромных денег, не предусмотренных в бюджете государства, отправившего солдата на войну. Вопрос с оплатой удалось решить только в конце весны-1996 с помощью общественных организаций, помогающим раненым солдатам.

Сам Вадим в исцеление не верил. «Мама, ты знаешь, обратно я не вернусь», - сказал он перед отправкой в госпиталь. Слова оказались пророческими. Светила медицины оказались бессильны. 3 июня 1996 года Вадим умер на операционном столе. Через месяц Светлана Анатольевна получила медаль «За отвагу» вместо сына. Как оказалось, президентский указ о награждении был подписан еще за год до смерти солдата, и получить награду Вадим Ларичев должен был сам.

Лийн Владимир Александрович
29.08.1975 - 17.01.1995

Череповецкий район, деревня Песье
Посмертно награжден Орденом Мужества

В январе-95 отпуск невозможен

С детства Володя Лийн отличался независимым характером. В трехлетнем возрасте он всего на один день сходил в детский сад, после чего заявил, что больше туда не пойдет. «Лучше я буду помогать деду плести корзины», - сказал маленький человек. Родители не стали его уговаривать, и Володя стал первым помощником деда. В последних классах средней школы Владимир долго не мог получить корочки тракториста, и мама пообещала поговорить с нужными людьми, чтобы ускорить процесс. Сын сказал, что если она будет за него хлопотать, эти злосчастные корочки он вообще получать не пойдет.

Призвался в декабре-1993, попал под Ленинград, во внутренние войска МВД. Родители съездили к сыну на присягу, в части им объяснили, что сын служит в элитных президентских войсках, ни в какие «горячие точки» их не пошлют. В первые месяцы службы Владимира в Питере проходили Игры доброй воли, и элитные подразделения ВВ в основном охраняли спортивные мероприятия. Служба шла своим чередом, примерно через полгода Володя окончил школу сержантов. А летом 1994 года полк все же отправили в Дагестан.

В Дагестане войска МВД охраняли разные стратегические объекты. «Вы за меня не беспокойтесь. Здесь мы стоим на КПП, ищем оружие и все остальное запретное. Здесь нет войны», - писал Владимир в письмах домой. Кроме охраны КПП, солдаты внутренних войск помогали дагестанским сельхозпроизводителям убирать урожай. А в свободное время, как писал Володя домой, они ездили на БТРах купаться в Каспийском море. Солдат также сообщал, что командировка продлится полгода, и на новогодние праздники должны дать отпуск.

Потом сроки командировки внезапно продлили, но руководство части все же по-

обещало солдатам, что к середине января 1995 года они вернутся в Питер. «С 10 до 16 января нас должны вывезти в Питер, - написал в последнем письме Владимир, - к нам в Кизляр уже едет на замену милицейский полк». Так и не сумев попасть домой на Новый год, Володя в письме поздравил всю родню с праздником. Эту весточку родители получили вместе с гробом сына. Сержант Владимир Лийн не успел отправить домой последнее письмо. Его нашли в карманах погибшего.

Как выяснилось позже, в январе полк в срочном порядке перебросили в Шелковской район Чечни. Об обстоятельствах гибели сына родители до сих пор толком ничего не знают. По словам отца Александра Ивановича, в Песье офицер, сопровождавший «груз-200», ни на минуту не отпускал подчиненных, чтобы те не сболтнули чего лишнего. «Было видно, что солдаты что-то знали, но офицер постоянно ходил за ними по пятам и даже в баню не отпустил их одних, - говорит Александр Иванович. - Сначала нам сказали, что кто-то из володиных сослуживцев не снял с предохранителя автомат, и оружие выстрелило, а потом прозвучала версия, что наш сын погиб от пули снайпера».

Лодыгин Сергей Николаевич
3.08.1975 - 10.02.1995
Харовский район, деревня Межурки
Посмертно награжден Орденом Мужества

Погибший талант

Благодаря оформительским способностям с армией Сергею поначалу повезло. Он прекрасно рисовал, резал по дереву, плел поделки из бересты, поэтому вместо обычной армейской службы Сергей Лодыгин оформлял старшим офицерам дачи и расписывал стены в детских садах.

Художественные таланты обнаружились у Сережи в детстве. Сначала он расписывал обычные разделочные доски, потом стал писать картины и увлекся резьбой по дереву. В родной деревушке Межурки родители даже соорудили ему из небольшого вагончика, в котором раньше располагалась леспромхозовская столовая, свою мастерскую. Из воспоминаний сережиного отца Николая Александровича: «После окончания 9 классов школы Сергей поступил в великоустюгское училище искусств на художника-оформителя. У него постоянно с собой были кисточки, резцы по дереву, другие художественные принадлежности. Причем все резцы он делал сам. Говорил, что настоящий художник никогда не пользуется резцами, купленными в магазине». В доме Лодыгиных бережно хранятся творения сына.

Сергея призвали в декабре-1993 в Ленинградский военный округ. В армии солдат-художник был нарасхват. Из письма Сергея Лодыгина на родину: «Живу я хорошо. Служба с каждым днем все лучше и лучше. Я тут показал мастерство свое, и у меня даже проблемы возникли. Мне в штабе корпуса предлагают место хорошее - комнату для проживания. Примерно как двухместная с телевизором. Ни подъемов, ни отбоев - гражданская жизнь будет. А делать там надо вот что: оформлять офицерам дачи. Но и в штабе дивизии я тоже нужен, но тут жить надо в роте и, короче, служить. И они не хотят отпускать меня из штаба дивизии».

Однако летом-1994 часть, в которой служил Сергей, была направлена в Абхазию. Вскоре младшего сержанта Лодыгина отпустили в отпуск. А после краткосрочного отдыха служба у Сергея изменилась коренным образом. В письмах домой он писал, что их всех готовят для уличных боев. Мол, под Питером отцы-командиры будут их обучать технике боев до декабря, а потом могут снова отправить на юг. В последних письмах, отправленных домой в середине декабря, солдат сообщал, что, по слухам, где-то начинается крупная заваруха, и они в скором времени уедут туда.

Первый бой молодые солдаты приняли уже на аэродроме, во время высадки в Грозном. В столицу мятежной республики батальон перебросили в январе-1995. От самого первого обстрела погибло несколько человек, в том числе комбат. В последующие дни часть была сильно потрепана, и жалкие остатки командование передало в подчинение саратовскому полку. Позже в Выборге отцу Сергея рассказали, что от батальона, в котором служил его сын, осталось, дай бог, человек двадцать. Большая

часть выживших солдат были либо ранены, либо контужены. В Выборг Николай Александрович ездил на открытие памятника погибшим солдатам.

Там же ему рассказали, что сын погиб в одном из уличных боев. По свидетельству сослуживцев, Сергей побежал вытаскивать раненого солдата, но успел добраться только до угла ближайшего дома и упал, подкошенный двумя пулями снайпера. Одна пуля (со смещенным центром тяжести) попала Сергею в плечо, другая чуть ниже мочки уха. Из-за мощного обстрела тело младшего сержанта Лодыгина смогли вынести с поля боя лишь на второй день после его гибели.

В деревне Межурки Сергея Лодыгина, кроме родителей и многочисленных родственников, из армии ждали учителя местной школы. Там для Сергея было оставлено место учителя физкультуры и труда.

Морозов Алексей Иванович
28.01.1976 - 30.07.1995
Никольск.
Посмертно награжден Орденом Мужества

Медицинская палатка

Леша Морозов взрослел очень быстро. Десятилетним пацаном вместе с деревенскими мужиками он мог на несколько дней уйти на охоту за лосем, а в 6-м классе уже прекрасно водил машину. Лешку не смущало то, что по молодости лет его долго не принимали в местное общество охотников. А уж сколько радости было у парня, когда однажды родители купили ему в Великом Устюге ружье. Его умению в любой ситуации оставаться спокойным и уравновешенным удивлялись даже видавшие виды охотники.

Закончив вечернюю школу, Алексей пошел учиться в никольское ПТУ на тракториста и на водителя. Когда его, 18-летнего паренька в конце мая-1994 сначала отправили в учебку в Псковскую область, а потом распределили в ракетные войска под Красноярск, Леша обрадовался. «Это здорово, я увижу Сибирь», - сообщал рядовой Алексей Морозов на родину в Никольск.

В феврале-1995 часть перебросили из Красноярска на целину, а вскоре письма перестали ходить, хотя до этого солдат писал домой очень часто. Когда через два месяца, в конце апреля, Алексей позвонил домой, родители не знали, радоваться звонку или нет. Сын живой и здоровый, но звонил он из Владикавказа и говорил, что, возможно, придется воевать. Успокаивало то, что Алексей служил водителем-санитаром, а значит, в боевых действиях участвовать не должен.

Службу в такой должности, однако, вряд ли можно назвать спокойной. Война тогда то затихала, то вновь набирала обороты. Кругом стреляли, подрывали колонны, и раненых было очень много. В этой суматохе Алексею не хватало времени написать обстоятельное письмо домой. Свою последнюю весточку на родину он передал на ходу через сослуживца из Кировской области: «Привет всем. Пишите по старому адресу. Писать некогда. Посылаю фотографии. У меня все хорошо. 11.07.1995». А 30 июля Алексей Морозов погиб.

Из письма и.о. командира войсковой части №74822 родителям поигибшего солдата: «Уважаемые Валентина Васильевна и Иван Георгиевич. С прискорбием сообщаем, что ваш сын Морозов Алексей Иванович 30 июля 1995 года при исполнении воинского долга, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, выполняя боевое задание, был тяжело ранен и погиб. Трагическая случайность остановила жизненный путь нашего боевого товарища и вашего сына. Вы воспитали настоящего мужчину. Вечная ему память. 30.07.1995».

Майор, доставивший цинковый гроб, пояснил лишь, что Алексей был смертельно ранен в результате обстрела медицинской палатки: «Непонятно, зачем палатку поставили на открытом месте? Ведь было ясно, что ее могут обстрелять». Еще майор рассказывал, что рядовому Морозову приходилось на гусеничном ходу вытаскивать раненых с поля боя. Служил он в горных районах под Шали и в Ведено.

Позже выяснилось, что на самом деле трагедия произошла по вине сослуживца. Тот, не проверив патронник, что-то делал с автоматом. Оружие выстрелило, и пуля,

прошив палатку, смертельно ранила рядового Алексея Морозова.

Дома, кроме родителей, солдата ждал верный охотничий пес. Когда парня забирали в армию, собака стала выть, и родители ничего не могли с ней поделать. Нескольких лет после похорон верный друг бегал на могилу хозяина, погибшего в дальних краях.

Мужиков Сергей Леонидович
12.05.1975 - 07.01.1995
Тотемский район, село Никольское
Посмертно награжден Орденом мужества

Крестик как свидетельство о смерти

«Второй год я не дома. Осталось каких-то пять с половиной месяцев, совсем чуть-чуть. Отпуск пока не дают. Может, к Новому году и приеду», - писал в одном из последних писем домой рядовой Сергей Мужиков.

В отличие от большинства сельских парней, после армии Сережа хотел остаться в родном селе. Он знал, что из армии его ждет любимая девушка, и строил планы на гражданскую жизнь. Окончив 9 классов средней школы, Сергей пошел учиться в Тотемское СПТУ №47 на водителя. Поработать так и не успел, сразу после защиты диплома его забрали на службу.

В 1993 году вместе с пятью тотемскими земляками он попал в группу советских войск в Германии. Служба за границей ему нравилась. Домой он писал, что объедается фруктами и вообще ему, парню из глухой российской глубинки, в Германии все было в новинку. После объединения Германии российские войска стали постепенно выводить из этой страны. В 1994 году часть, где служил Сергей, перебросили в Курск. А перед Новым годом солдат, участвовавших в германских парадах, забросили в самое пекло чеченской войны.

Весть о гибели сына семье Мужиковых принес глава никольского сельсовета Валентин Антуфьев. К тому времени сережины родители уже начали беспокоиться, что от сына долго не было писем. О том, что Сергей оказался на Кавказе, они даже не предполагали и не верили в гибель сына, даже когда получили останки в цинковом гробу. Солдаты из сопровождения страшного груза отдали родителям портмоне с крестиком и нашивками. Крестик, без сомнения, был сережин. Что касается обстоятельств гибели, солдаты сказали лишь, что Сергей погиб в результате огнестрельного ранения в голову.

Через несколько лет одну из улиц села Никольское назвали именем погибшего земляка. На этой улице и сейчас живет семья Мужиковых. Их землячка Елена Мартюкова посвятила герою стихи: «Мальчик мой. И губы задрожали. Сердце наполнялось пустотой. Ты приехал, но не так, как ждали. Как хотели встретиться с тобой»...

Орлов Вячеслав Юрьевич
10.03.1977 - 12.08.1996
Шекснинский район, поселок Чебсара
Посмертно награжден Орденом Мужества

Посмертный скиталец

Почти 6 лет останки младшего сержанта Вячеслава Орлова не могли предать родной земле. Погиб он в августе-1996, а похоронили его на родине в июле-2002.

Славик Орлов родился в поселке Чебсара. Закончив 9 классов, пошел работать на местный льнозавод, а после службы хотел перебраться в Череповец и устроиться на металлургический комбинат. Но для начала нужно было отслужить в армии. Призвали 31 мая 1995 года. Из учебки, что под Питером, Слава писал, что служба у него довольно странная, за полгода он ни разу не держал в руках автомата, а работал на пилораме у какого-то армейского начальника. Это не помешало в начале зимы-1996 отправить солдата в Чечню. С Кавказа он сообщил, что о командировке их никто не предупреждал. Ночью посадили на самолет, привезли, высадили и сказали: «Это Грoз-

ный». В начале августа-1996 несколько тысяч боевиков вошли в Грозный. Слава Орлов был там.

Обстоятельства его гибели долгое время были покрыты неизвестностью. В конце августа-1996 родители получили официальное письмо, где говорилось, что «младший сержант Орлов Вячеслав Юрьевич пропал без вести». В конце того же года в Чебсару пришло анонимное письмо от сослуживца, утверждавшего, что Вячеслав погиб у него на глазах. Рассказ очевидца таков. Младшему сержанту Орлову приказали разминировать дорогу, по которой должна была пройти колонна. Во время разминирования завязался тяжелый бой, и Славу застрелили боевики. В суматохе сослуживцы спрятали тело в ближайшем дворе, а на обратном пути попытались вывезти под обстрелом на боевой машине МТЛБ, однако ее разнесло в куски в результате подрыва. Все солдаты, находившиеся в машине, погибли.

После такого известия родители Вычеслава подали заявление в шекснинский суд, чтобы сына признали умершим. Суд разослал запросы сослуживцам с просьбой указать известные факты об обстоятельствах гибели. Почти через год после трагедии суд вынес решение: «Как установлено в судебном заседании, Орлов Вячеслав Юрьевич 12 августа 1996 года пропал без вести в городе Грозном. С этого дня в месте его жительства о нем не имеется никаких сведений. В воинской части младший сержант Орлов значится пропавшим без вести. В то же время из объяснений очевидцев сослуживцев Головаст, Глущенко, Зорина, Галибина следует, что 12.08.1996, по приказу майора Головаст, сержант Орлов проверял дорогу для колонны. Во время движения по улице со стороны домов прозвучали выстрелы, и Орлов был убит. Тело Орлова занесли во двор, откуда труп был увезен в неизвестном направлении на МТЛБ. На пункте сбора погибших неопознанных военнослужащих тело Орлова не обнаружено». На основании этих показаний Вячеслав Орлов был признан умершим.

В 2002 году выяснилось, что несколько лет останки погибшего бойца сначала хранились в судебно-медицинской лаборатории Ростова-на-Дону, а потом были захоронены под Москвой. То, что это были останки Вячеслава Орлова, удалось установить после генетической экспертизы. 26 июля 2002 года тело младшего сержанта Орлова, после многолетних скитаний, торжественно было захоронено на родине.

Павлов Николай Анатольевич
29.12.1976 - 12.09.1995
Череповец

«Это мой крест, на другой не поменяю»

«Мой Коленька был удивительно талантливым мальчиком», - вспоминает его мама Зинаида Сергеевна Павлова, с любовью разглядывая фотографии сына. Мы беседуем с ней в часовне Николая Чудотворца на перроне железнодорожной станции Череповец-1. «Раньше я работала инженером, а после смерти Коленьки - в этой часовне. Он перед армией познакомился с сыном священника, подолгу бывал у них в семье. И именно Коленька привел меня к вере».

Коля Павлов, помимо общеобразовательной школы, учился в череповецкой школе искусств, по окончании которой поступил на художественное отделение в училище искусств. «Особенно Коленьке удавалась живопись и резьба по дереву, - говорит Зинаида Сергеевна. - На любом родительском собрании его ставили в пример. Говорили, что если написать какую-то картину не получилось даже у Коли Павлова, значит, она действительно очень сложная».

«Через три года учебы Колю забрали в Тамбов, в радиотехнические войска, - продолжая рассказ, Зинаида Сергеевна продает посетителям часовни свечи. - Сначала его хотели забрать в Иваново, охранять зону, но Коленька не смог бы там служить. Он всегда всех жалел. Удивительно, но его все любили, и Коленька ко всем относился так же».

Через полгода часть, в которой служил Николай Павлов, перебросили сначала во Владикавказ, а потом в пригород чеченской столицы Ханкалу. В письмах Николай писал, что очень рад такой службе. В Ханкале он охранял блок-пост, и ему не приходилось стрелять, а значит, не приходилось никого убивать. По словам матери солдата,

сын был против любого насилия. «Я молилась Николаю Чудотворцу, чтобы в армии у Коленьки не ожесточилось сердце. И Коля не писал домой о войне. Он огорчался, что у него нет красок, чтобы описать красоту гор и природы той далекой южной республики».

Колю убил снайпер. Рядовой Николай Павлов стоял на посту в очередном дежурстве, когда раздался выстрел. Его друг Роман Носков дотащил раненого сослуживца до БТР, чтобы отправить в госпиталь, но помочь молодому художнику не смогли. После ранения он прожил около 40 минут.

Из воспоминаний Зинаиды Сергеевны:

«18 сентября вечером я была одна дома. Приезжают военные. Звонят в дверь, я открываю, а они говорят: «Ваш сын убит». Я отвечаю: «Вы хоть думайте, что говорите». Но когда военные отдали коленькин крестик, я поняла, что он действительно погиб. С живого они бы его не сняли, потому что этим крестиком Коленька очень дорожил и носил с момента крещения. Я как-то предложила ему поменять этот крест на серебряный. Он запротестовал: «Это мой крест, ни на какой другой не поменяю»... В сентябре 1995 года одна моя знакомая пришла и попросила меня освятить свой крестик. Я пошла молиться, а у меня никак не молится. Я не могла понять, в чем дело. Потом оказалось, что Коля накануне был убит. Что-то похожее было с последним коленькиным письмом. Обычно я, когда читала его письма из армии, слышала коленькин голос. Как будто это мой сыночек сам читал мне письма. А последнее письмо читаю, и голоса сына не слышу».

По словам Зинаиды Сергеевны, когда сына отпевали и цинковый гроб находился в церкви, стенки металла так отсвечивали, что были похожи на хрусталь. С одним колиным другом на отпевании случилась истерика. Ему почудилось, что окошко гроба запотело изнутри. Он закричал: «Коля живой! Нужно открыть гроб!»

Знакомые Зинаиды Сергеевны ездили в Спасо-Прилуцкий монастырь и случайно показали отцу Гурию групповую фотографию, на которой были запечатлены выпускники училища искусств из колиной группы. Женщины пояснили, что одного мальчика с этой фотографии уже нет в живых. Его убили. Отец Гурий сразу показал на Колю.

На могиле Николая Павлова почти не было венков. Зато были розы. Огромное количество роз. Чудеса, но цветы простояли 40 дней.

Панчик Андрей Иванович
23.07.1975 - 15.08.1996
Нюксенский район, деревня Бобровское
Посмертно награжден Орденом Мужества

На войну не опаздывают

Весть о гибели Андрея Панчика в Бобровское лично привез нюксенский военком Владимир Зуев. С селом, которое находится примерно в 30 километрах от райцентра, в тот день не было телефонной связи.

Андрей родился в Ухтинском районе Коми АССР. Там жил с родителями, окончил школу, после чего приехал в Бобровское к старшей сестре Маше. В тотемском профтехучилище, куда Андрей поступил вместе с двумя ребятами из Бобровского, получил диплом тракториста-машиниста и уехал на Север, к матери. Вскоре мама погибла, и парень вновь оказался в Бобровском. Устроиться на работу в деревне оказалось очень сложно, и Андрей решил, что оставшееся время перед армией будет помогать сестре по хозяйству. Он не боялся никакой работы, помогал машиному мужу, любил водиться с племянниками Андреем и Оксаной.

В армию Андрей мог бы вообще не попасть. В Коми АССР, где он был приписан к местному военкомату, потеряли все документы. И когда после трагедии с мамой он окончательно перебрался в Бобровское, старшая сестра настояла на том, чтобы в нюксенском военкомате Андрей восстановил документы. «Я до сих пор укоряю себя за то, что уговорила его это сделать, - говорит Мария Васильевна. - Ведь в военкомате о нем могли просто забыть, и тогда в армию Андрей вообще бы не пошел». Из-за проблем с документами в армию Андрей опоздал и отправился на службу годом позже своих сверстников в середине декабря-1994. На войну он не опоздал.

Из воспоминаний односельчан: «Проводы в армию были шумными. Друзья и близкие Андрея шутили, пели песни, танцевали и желали ему хорошей службы и скорейшего возвращения». Служить Андрея забрали в поселок Микунь Коми АССР, а затем перевели в поселок Лебяжье под Питер. В армии рядовой Андрей Панчик неоднократно поощрялся командованием. Из письма руководства части сестре Андрея: «Безоговорочное, точное, своевременное выполнение приказов командиров, бдительность, стремление быть всегда и везде впереди - вот характерные черты вашего брата».

В письмах к сестре брат сообщал, что в армии обучился премудростям снайперского дела и что мечтает о послеармейской жизни. Андрей долго скрывал, что его отправили в Чечню. На армейских письмах неизменно стоял штамп с обратным адресом «поселок Лебяжье». Лишь в 1996 году из очередного письма Мария Васильевна узнала, что брат уже давно служит под Гудермесом. Как бы извиняясь, солдат писал, что на Кавказ его силой никто не отправлял. В последнем письме, полученном 20 августа, Андрей поздравил сестру с Днем рождения и прислал две армейские фотографии. Тон письма был грустным. За три дня до получения этой весточки в Бобровском уже все знали, что Андрей погиб.

Из сообщения руководства воинской части: «15 августа Андрей выполнял свои служебные обязанности в составе войскового наряда, сопровождавшего спецпоезд в район р.Белки на северо-западной окраине Гудермеса. Около 12 часов наряд подвергся нападению со стороны бандформирований. В результате обстрела Андрей получил огнестрельное ранение шеи слева, несовместимое с жизнью».

Как и в армию, в последний путь погибшего земляка провожала вся деревня.

Пеллинен Максим Викторович
14.04.1976 - 16.12.1995
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Зеленая ракета не взлетела

За время срочной службы Максим успел побывать на Северном Кавказе дважды. Летом 1994 года, сразу после учебки, его направили в дагестанский город Кизляр, а в мае 1995 года полк специального назначения прибыл во второй по величине город Чечни Гудермес.

«Максим всегда был очень спортивным, - вспоминает его мама Татьяна Павловна, - с 12 лет он занимался единоборствами и всегда заступался, если видел несправедливость. А еще он постоянно занимался бегом. Бывало, возвращались с дачи на машине, он на полпути выходил из автомобиля и остаток пути преодолевал бегом. Вообще Максим был удивительным человеком. Он все делал медленно, но очень аккуратно. Если делал приборку дома, то после него можно было неделю не прибирать. Все вычищал до мелочей».

Единственный ребенок в семье, Максим Пеллинен родился и вырос в Череповце. Сначала учился в 1-й городской школе, а 9-й класс заканчивал в школе №14. Затем поступил в училище №34 на газорезчика. Перед армией устроился в управление обеспечения и комплектации «Северстали». 30 мая 1994 года его забрали на службу. Благодаря хорошей физической подготовке Максим попал в спецназ внутренних войск. Служба в спецназе не была легкой. В Питере - изматывающие тренировки, стрельбы и маршброски; в Дагестане, помимо тягот воинской службы, приходилось бороться с педикулезом, желтухой и дизентерией. Из письма Максима: «Дизентерия здесь обычное дело, у каждого десятого нормальный стул, у остальных понос. А позавчера Сальников Саня заболел желтухой, так вчера весь полк в задницу уколами истыкали. Из 57 человек в ПМП (передвижной медицинский пункт) лежат 15».

Когда их полк перебросили в Гудермес, там, как писал Максим домой, нужно было еще и воевать с бандитами. Несколько раз спецназовцы выезжали в соседний город Аргун, который неоднократно захватывали боевики: «Насчет этого перемирия, о котором пишут в газетах, - это все туфта. После этого договора они просто стали понаглее. Как воевали, так и воюем. Взять бы этот самый Аргун, мы там по три раза на неделе бываем. Там после захвата комендатуры их всех (мамедов) разбомбили. Так эти своло-

чи вчера хотели взять Гудермес усиленным вариантом».

А в середине декабря 1995-го года дудаевцы блокировали здание комендатуры Гудермеса, где находились несколько отрядов ОМОНа и СОБРа. В первый же день блокады группа спецназовцев, в составе которой был и Максим, прорвалась в комендатуру. Три дня группа находилась в блокированном здании, после чего командир спецназовцев Игорь Кирсанов пошел с ребятами в разведку.

Из газеты «Commandos»: «Капитан Кирсанов, после раздумий и расчетов, посовещавшись с комендантом, решает выйти в разведку, чтобы найти проход в блокадном кольце. Сигналом о том, что дорога свободна, должна была быть зеленая ракета. Раненых планировалось стремительным броском вывести из комендатуры. Зеленая ракета не взлетела. Из восьмерых добровольцев в комендатуру вернулся один. Семеро смелых пропали без вести. Уже во время чистки города от остатков боевиков были обнаружены тела капитана Кирсанова Игоря и Максима Пеллинена».

Как выяснилось позже, пятеро остальных спецназовцев из этой группы были захвачены в плен. А изуродованные тела Игоря Кирсанова и рядового Максима Пеллинена обнаружили уже после освобождения Гудермеса.

Из последнего письма Максима домой: «Здравствуйте, родители! Сразу хочу поздравить вас обоих с Днем рождения. Думал, до 1 декабря буду дома, но я ошибся. Сегодня 2 декабря, и мы уже думаем, как встречать Новый год. Съездим в «зеленку» за елкой, обвесим ее гранатами и пулеметными лентами (шутка). Насчет дембеля нас кинули и за полтора года службы, как спасибо, вписали еще полгодика. У нас есть пацаны, которые по полтора месяца переслужили. Так что верить сейчас ничему и никому нельзя, надеяться можно только на себя. Вот мы и построили себе баню, каждый день теплая вода. Мы здесь вторую зиму в Чечне встречаем. Вот сегодня за своими молодыми в Грозный поедем. Они бортом с Москвы прилетят. Командующий группировки с ними. Мы его до конца командировки охранять будем. По десять человек группа, две недели. С сегодняшнего дня первая группа до середины декабря. Я попадаю во вторую пачку. Короче, Новый год я, наверное, буду встречать в Грозном. Представьте, они, козлы, нас увольнять не хотят, а мы еще и охранять их должны. Опять несправедливость. Да, кстати, у нас сейчас не полк, а бригада особого назначения, уже с сентября. И теперь у нас не рота, а группа спецназначения, ГСН называется. Ну вот, вроде бы новостей больше и нет, пишите письма, всей родне привет. Пока. Максим. 2.12.95. Гудермес».

Полинко Сергей Петрович
03.03.1972 - 16.01.1995
Грязовецкий район, поселок Ида
Посмертно награжден Орденом Мужества

Черный берет

На срочную службу Сергей Полинко мечтал попасть в элитные войска, например, в ВДВ или в морскую пехоту. Его мечтам суждено было сбыться лишь в апреле 1994 года, когда, отслужив 2 года в войсках ПВО и проработав немного в родном леспромхозе, он увидел объявление в газете о наборе на контрактную службу. Так Сергей, подписав двухгодичный контракт, в апреле 1994 года стал морским пехотинцем Северного Флота. Служил он в военном городке Спутник Мурманской области. После окончания контракта, по словам сережиного отца Петра Викторовича Полинко, сын хотел поступать в военное училище.

Для попадания в морскую пехоту Сергею пришлось пройти очень жесткий конкурсный отбор. Впрочем, и служба в морской пехоте не была легкой. Особенно, когда стало известно, что их в любой момент могут забросить на Кавказ. Из письма Сергея Полинко другу: «Сейчас с утра до вечера бегаем, разучиваем уличные бои и бои в горной местности. Всем выдали каски, бронежилеты и т.д. Я выбрал себе камуфлированный броник облегченного типа. Потому что у меня ПКМН с оптикой. А к нему еще идет запасной ствол и четыре банки с патронами. Ты прикинь, даже меняют наши черные морпеховские шапки на зеленые, хотят, чтобы мы выглядели, как МВД. Вот так и живем, в любую минуту могут подорвать. Вы только никому об этом не говорите. А то

у меня мать с ума сойдет. Я лучше ей сам оттуда напишу».

А еще Сергей очень гордился новым местом службы. Впрочем, это была его давняя мечта. Из последнего письма Сергея другу: «Здравствуй, Славик! С огромным морпеховским приветом к тебе твой старый кореш, т.е. я, Сергей! Вот перед отъездом в Чечню решил написать тебе письмецо. На днях приезжали шишки из Москвы. Короче, 10 января начнется погрузка техники и прощай, Север. Насколько туда едем, точно не знаю, но зато шишки сказали, что наш ОДШБ (отдельный десантный штурмовой батальон) по мобильным силам немедленного реагирования признан самым лучшим, то есть наш морпеховский спецназ не уступает целой дивизии ВДВ. А боевики, увидев черные береты, накладут в штаны, потому что еще с 1942 года наш батальон называется «черная смерть». Вот такие у меня новости. Новый год встретил просто замечательно. Пил только шампанское. Дискотека была прямо на улице вокруг елки, музон валил из БТРа на 5 км. Ты, наверное, видел такую технику. Он предназначен для разгона демонстраций, близко не подойдешь - можно слух потерять, никакие тампоны не помогут. Вот вроде бы и все. Передавай всем привет. Может, с Аликом увижусь. Ну, все. Жди следующего письма. До свидания. С уважением Сергей».

9 января «черных беретов» подняли по тревоге и срочно загрузили в самолеты. На следующий день пехота уже вела бои в Грозном. Сержант Сергей Полинко пробыл в чеченской столице меньше недели. Очередь из крупнокалиберного пулемета «срезала» его вместе с товарищами во время штурма дворца Дудаева. В официальной справке командования указывается, что «смерть наступила в результате множественных огнестрельных пулевых проникающих ранений груди и живота. Также получен огнестрельный перелом правого плеча».

Об обстоятельствах гибели Сергея родители узнали от его сослуживцев чуть позже. Из письма Сергея Гуляева: «Мы в этот день штурмовали очередной многоэтажный дом в районе президентского дворца. Ваш сын сержант Полинко был командиром нашего отделения. У отделения была задача захватить один из подъездов дома. Отделение короткими перебежками пошло на штурм. В этот момент с третьего этажа по нам ударил пулемет. Снайперу с нашего отделения перебило очередью ноги, он остался лежать перед домом, впоследствии он скончался от ран в госпитале. Раненого надо было вытаскивать из-под огня. Сергей принял решение разбиться на две группы. Я попал в первую группу. Мы втроем побежали к раненому, а Сергей и еще четверо ребят стали нас прикрывать. Когда мы добежали до снайпера, Сергей со своей группой, стараясь прикрыть нас, пошли штурмовать подъезд. И в это время из-за угла соседнего дома по ним в упор ударил пулемет. Стреляли с очень близкого расстояния. Метров с 5-10. Наш взводный бросил за угол гранату, пулемет замолчал. Но ребятам уже ничем нельзя было помочь. Все они погибли, все пятеро. Сергея в нашей, парашютно-десантной роте уважали. Он считался одним из лучших сержантов роты. Сергей был хорошим командиром и верным товарищем».

А еще чуть позже родители Сергея получили видеокассету. На ней был заснято, как морские пехотинцы через несколько дней после штурма Грозного вновь прошли по улицам Чеченской столицы и вспомнили погибших товарищей: вот президентский дворец, вот двор, вот то место, в котором ранило снайпера, а вот тот угол дома, из-за которого ударил бандитский пулемет. Морпехи перечисляют по именам всех пятерых товарищей и льют на место их гибели водку.

Из воспоминаний учителя русского языка и литературы Идской средней школы Курочкиной Л.А.: «Больше всего Сергей подкупал своим обаянием, честностью, общительностью и самостоятельностью. Необыкновенная, просто магическая контактность - главная черта его характера. Он легко находил общий язык не только с одноклассниками и друзьями, но и с учителями, которых умел понять и правильно оценить. Всегда поражало в нем жизнерадостное отношение ко всему окружающему, прежде всего к людям и природе. Каждый, кто знал Сергея в школе, на всю жизнь запомнил его прямой, уверенный, но в то же время добрый взгляд, по-детски милое, нежное лицо, его умные, немного грустные глаза».

Припоров Александр Николаевич
16.03.1976 - 14.12.1995
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

Засада на марше

Женщина-почтальон постояла у дверей квартиры Припоровых, но позвонить не решилась. В руках она держала телеграмму: «Ваш сын, Припоров Александр Николаевич, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, 14 декабря погиб Чечне». Постояв у дверей, почтальон ушла. Через несколько часов она вернулась, но и второй раз не решилась нажать кнопку звонка. Только поздно вечером, в третий раз, женщина набралась смелости и перешагнула через порог дома Припоровых, принеся черную весть.

В армию Саша Припоров пошел служить после окончания 5-го Вологодского профтехучилища. Во внутренние войска МВД он попал вместе со своим однокурсником Русланом Бодней. С ним Саша прошел весь армейский путь, с ним он делил тяготы солдатской жизни, с ним питался скудной армейской баландой, с ним ездил охранять колонны, с ним он погиб в один день.

Из воспоминаний сослуживца Владимира Долотова: «В Чечню нас отправили 19 мая 1995 года. Сначала почему-то упорно говорили, что едем в Дагестан. Ребята из нашего оперативного полка, который в Чечне стал бригадой, известию про Дагестан даже обрадовались, поскольку многие из них уже ездили туда в командировку и знали, что к чему. Но когда эшелон прибыл в Кизляр, высаживать нас не стали. И тогда стало ясно, что полк отправят дальше, в Чечню.

На поезде нас привезли в Гудермес. Сначала стояли базой на зернохранилище, затем наш оперативный полк перекинули на сопку, где мы стояли примерно до середины осени, а потом снова вернулись в город. В ночь на 14 декабря Саша Припоров вместе с ребятами отправился в очередное патрулирование по городу (в Гудермесе был введен комендантский час). Рано утром они вернулись из наряда, прилегли, и тут же нас всех подняли по тревоге. Офицеры сказали, что боевики захватили здание железнодорожного вокзала и в ходе нападения убили несколько омоновцев. Нам, бригаде оперативного назначения, на БТРах и на УРАЛах с зенитными установками дали команду вывезти убитых и раненых. В 7.30 колонна уже была готова к отправке. На первой «коробочке» (так солдаты называют БТР) вместе с другими пацанами поехали Саша Припоров и Руслан Бодня. Я сидел на одном из последних БТРов, поэтому, как погибли ребята, узнал уже после боя».

Колонна успела доехать только до моста через реку, как с другого берега на нее обрушился шквал огня. Бригада внутренних войск попала в засаду. Ребята, сидевшие на броне, и зенитчики, ехавшие на открытых УРАЛах, были отличными мишенями. Позже выяснилось, что еще задолго до нападения на город участники НВФ рыли вдоль дорог окопы и тщательно их прятали, закрывая сверху простынями. Под свежим снегом канавы были незаметны. Так что вэвэшники даже не поняли, откуда велся обстрел. Они открыли ответный огонь, но стреляли наугад по окнам и чердакам домов, где боевиков не было и в помине.

Из экипажа своего БТРа Саша Припоров погиб первым. Пуля, выпущенная из крупнокалиберного оружия, попала ему в грудь и сшибла с брони. Ребята остановили машину и под непрекращающимся обстрелом затащили Сашу обратно. Руслан Бодня, сидя на корточках, стал укладывать на задней части бронетранспортера тело погибшего друга. Солдат снял со своей головы сферу, которая мешала, постоянно съезжая на глаза. Ему пуля попала в голову. Руслан на мгновение замер и, как сидел над Сашей, так медленно на него и повалился.

Из воспоминаний Владимира Долотова: «На базу колонна вернулась уже к 9.00. Многие «коробочки» были изуродованы до неузнаваемости. За полтора часа мы потеряли 36 человек. Несмотря на потери, пацаны рвались обратно, чтобы отомстить за своих, но прилетел на вертушке какой-то генерал и дал отбой. Примерно через неделю, когда в Гудермесе бойня закончилась, мы выставляли заслоны, чтобы не дать боевикам уйти из города. Но они все же незаметно ускользнули. Задержали мы, кажется,

четырех человек, но они отмазались, и установить их связь с незаконными вооруженными формированиями не удалось. Саша Припоров был простым нормальным парнем. Главное в его характере - удивительное спокойствие. Он вообще был спокойным, как удав».

Приходько Илья Владимирович
11.10.77 - 10.08.1996
Череповец

«Тот солдатик без головы оказался нашим сыном»

Когда 5 мая 1996 года Илью после учебки отправили в Чечню, его родители старались смотреть все программы новостей, где сообщали о военных действиях на Северном Кавказе. Впрочем, к тому времени активных боев не было, да и сын их был далеко от передовой.

В армейском учебном пункте «Осиновая роща», расположенном под Питером, Илья выучился на механика-водителя самоходной артиллерийской установки (САУ). Эта тяжелая техника с мощной пушкой прицельно бьет на несколько десятков километров, поэтому на передовых эти машины не использовали. В окрестностях Чеченского города Шали, куда был переброшен полк Ильи, нужно было окопать САУшки на сопке, после чего самоходки могли обстреливать практически любую точку маленькой мятежной республики.

В начале августа 1996 года, когда боевики потянулись в Грозный, полк САУ все же направили ближе к столице. Сами военные утверждали, что это был ненужный шаг. При желании самоходки могли обстреливать боевиков, находившихся в Грозном, прямо со своей базы. 10 августа колонну САУшек повели через центр Чеченской столицы, где боевики в упор расстреляли тяжелую и неуклюжую технику. Три самоходки из колонны были полностью сожжены. 9 человек, в том числе Илья Приходько, пропали вез вести.

Только через 3 месяца родители Ильи получили заблудившееся извещение о его пропаже. Первым делом Нина Михайловна и Владимир Иванович Приходько решили хоть что-нибудь узнать об обстоятельствах пропажи сына. А потом, не надеясь на военных, пошли на отчаянный шаг - самим найти Илью в кишащей бандитами республике.

Сослуживцы Ильи, вернувшиеся из армии, рассказывали, что САУшка, которую вел по улицам Грозного младший сержант Приходько, была подбита из гранатомета, снаряд попал прямо под двигатель. Четверо человек из экипажа самоходки успели выскочить. А Илья, как водитель, находился в отдельном переднем отсеке с закрытым изнутри люком. Как утверждали солдаты, они стучали в перегородку водительского отсека. Но Илья не отзывался. Что произошло дальше, никто не знал.

Первым делом Нина Михайловна побывала в лаборатории Ростова-на-Дону, где ей несколько часов показывали видеозаписи неопознанных бойцов, чьи останки хранились в холодильных камерах. «Мне тогда запомнился один солдатик. Он был без головы, - вспоминает Нина Михайловна, - у этого солдата не оказалось жетона, и не было известно место гибели». Илью среди погибших Нина Михайловна не нашла.

После первой неудачной попытки на поезде «Москва - Грозный» родители солдата поехали уже в Чечню. «Нас сразу удивило, что по улицам Грозного спокойно ходят люди, вооруженные автоматами и даже гранатометами», - вспоминает Владимир Иванович. Родители Ильи начали искать людей, которые могли хоть что-то прояснить в темной истории с пропажей их сына. На телестудии в Аргуне отыскалась видеозапись того самого расстрела самоходок. Череповчане несколько часов отсматривали кадры жуткого боя в надежде хотя бы мельком увидеть родное лицо. Тщетно.

Потом в Грозном они познакомились с одним из полевых командиров среднего звена, который рассказал, что сам принимал участие в разгроме колонны САУ. Оказалось, боевики точно знали, когда колонна проследует через центр столицы. Командир признался, что они расстреливали самоходки из гранатометов, даже не прячась. А перед боем Масхадов приказал не оставлять раненых российских солдат в живых и никого не брать в плен.

Тем не менее, родители Ильи рискнули проехаться по селам Чечни, где находились пленные солдаты. Координаты бандитских баз подсказал тот самый полевой командир. Нина Михайловна и Владимир Иванович объездили не меньше десятка сел. Они показывали фото Ильи местным жителям в надежде, что кто-нибудь его опознает. Боевики выводили из зинданов пленных солдат и выстраивали их перед родителями Ильи. Сына нигде не было.

«Как-то шли по одному селу, - продолжает Нина Михайловна, - видим, на крылечке дома сидят несколько подростков с автоматами и смотрят на нас очень недобро. Мы прошли мимо и идем по улице, а у обоих мурашки по коже. Честно говоря, думали, что эти подростки начнут стрелять в спину». За неделю Нина Михайловна и Владимир Иванович исколесили почти всю Чечню. Уже потом им рассказали, что несколько таких же отважных родителей, искавших в Чечне своих сыновей, сами были взяты в плен.

Прошло несколько лет. Череповецким судом Илья Приходько был объявлен погибшим, и родители потеряли всякую надежду найти его самого. «Самое страшное в этой ситуации оказалось то, что у нас не было места, куда бы мы могли прийти, чтобы почтить память Илюши», - сквозь слезы говорит Нина Михайловна. В начале 2000 года череповецкие омоновцы по просьбе родителей Ильи привезли из очередной чеченской командировки землю с площади Минутка. В мае того же года капсулу с землей торжественно захоронили на местном кладбище.

А к тому времени в ростовской лаборатории появился аппарат, который на генном уровне мог определить идентичность человеческих останков. У родителей Ильи были взяты анализы. И вскоре после захоронения капсулы из Ростова пришла телеграмма: «Приезжайте на опознание вашего сына». Нина Михайловна вновь поехала в Ростов: «Тот солдатик без головы, который мне запомнился еще во время первой поездки, и оказался нашим сыном».

Родионов Виктор Олегович
15.09.1976 - 12.04.1996

Череповецкий район, деревня Катаево
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Простите. Обстоятельства гибели разглашению не подлежат»

Витя с детства был с техникой на ты. В хозяйстве Родионовых имелись трактор с мотоциклом, и отец учил сына грамотно с ними обращаться. Уже к восьмому классу школы парень запросто управлял тяжелым трактором. В армии с мирного трактора Виктор пересел на БТР. На бронетранспортере рядовой Родионов и подорвался.

После 10 классов школы Витя поступил в одно из череповецких ПТУ. Но, немного проучившись, сказал, что там неинтересно и лучше он будет работать с отцом. Родители отговаривать сына не стали и предложили другой вариант - поступить в вологодскую школу милиции. Виктор не захотел и сказал, что лучше пойдет служить в армию. Оставшийся год перед службой парень помогал отцу, работая вместе с ним в лесу. «По характеру Витя был очень безобидным, - говорит его мама Мира Михайловна. - Характер у него даже походил на девичий. У Вити было много друзей. Они все вместе постоянно ходили в наш клуб на дискотеку».

Призвался в конце ноября-1994. Полгода новобранец Родионов служил в поселке Серталово под Питером. Весной-1995 часть перебросили в Кабардино-Балкарию, в станицу Прохладное. «Письма от Вити приходили из Кабардино-Балкарии, и мы даже не знали, что оттуда наш сын несколько раз ездил в Чечню», - говорит Мира Михайловна. Про Чечню солдат ничего не писал и успокаивал в письмах родителей, что служба у него несложная и что в основном им приходится рыть окопы. Весть, что сын погиб в Чечне, повергла Родионовых в шок.

Виктор погиб во время третьей поездки в Чечню. Первые две командировки прошли очень удачно. Когда рядовой Родионов стал собираться в Чечню в третий раз, сослуживцы пытались его отговорить, но Виктор сказал, что благодаря этим командировкам он сможет раньше уйти на дембель. «Не нужно было ему ехать в эту Чечню третий раз», - переживал солдат, сопровождавший в Катаево «груз-200».

Погиб Виктор Родионов в одном из чеченских ущелий. Родные и сейчас сомневаются в том, что известные им обстоятельства гибели сына соответствуют действительности. Офицер, доставивший «груз-200», сообщил, что БТР, которым управлял Виктор, подорвался на мине в ущелье. Якобы взрывом солдату оторвало обе ноги, и он умер от болевого шока. Соседям Родионовых этот же офицер поведал несколько иную историю, будто бы БТР взрывом разметало в клочья и труп водителя собирали по частям.

А после похорон родителям погибшего солдата пришло довольно странное письмо от командира части. Офицер просил прощения у родных за то, что не имеет права рассказать обо всех обстоятельствах гибели их сына.

Рябечков Василий Анатольевич
07.02.1975 - 4.03.1995
Никольский район
Посмертно награжден медалью «За отвагу»

Застенчивый герой

Василий был девятым и последним ребенком в большой семье Рябечковых. Васе не исполнилось еще 7 лет, когда умерла его мама, и все заботы по воспитанию мальчика легли на плечи его старшей сестры Анны. Школа в селе Борок Никольского района, в которой учился Вася, находилась почти в 30 километрах от его деревни, поэтому там пареньку, как и многим деревенским мальчишкам, приходилось и учиться, и жить.

В средних классах шефство над Васей взяла учительница Марта Петровна, она, по мере возможностей, старалась заменить ему мать. «Вася был очень скромным и тихим пареньком, - вспоминают учителя. - В то же время это был очень любопытный мальчуган, ему нравилось ставить всевозможные опыты. За застенчивость и любознательность его очень любили в классе. Вы знаете, у Васи была еще одна особенная черта. С его лица практически не сходила улыбка».

После школы было великоустюгское сельхозучилище, по окончании которого Василий Рябечков, как и большинство сверстников, хотел остаться работать в своем районе. В размеренную жизнь вмешалась армия. Перед отправкой на службу Вася признавался своей соседке Марии Артемьевне, что в армию ему идти не охота. Он понимал, что со своим мягким характером в армейской жизни ему будет нелегко. Он призван в начале 1994 года. В конце декабря того же года часть отправили в третий по величине город Чечни Аргун.

Об армейской жизни Василия почти ничего неизвестно. В районном военкомате Никольска пояснили, что на Кавказе он служил наводчиком-оператором и в день своего 20-летия, 7 февраля 1995 года, получил тяжелое ранение в голову. Почти месяц Василий Рябечков провел в одном из московских госпиталей, однако проклятый железный осколок оказался сильней столичных врачей. Как говорится в официальных документах, «4 марта 1995 года Василий Рябечков скончался в результате отека и набухания головного мозга».

Вася был последним ребенком в большой семье Рябечковых и первым в семье из похороненных на местном кладбище.

Серов Виктор Игоревич
30.07.1976 - 20.03.1996
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Отчего щемит сердце солдата

Витя Серов очень переживал, когда в 1994 году сломал ногу. Подошло время идти в армию, а в призывной комиссии ему сказали, что пока кость полностью не срастется, в армию его забирать не будут. «Как же так? - возмущался призывник, - мои друзья уже ушли, а я остался».

Сверстники очень уважали Виктора. Он не давал в обиду себя и всегда защищал младших. Друзья за это его даже прозвали «дедом». «Мне кажется, что у Вити чувства

страха не было вообще, - перелистывая альбом с фотографиями сына, говорит Тамара Владимировна Серова. - Он мог один броситься и разогнать толпу драчунов».

Из Чечни Виктор писал, что боится не столько за себя, сколько за родителей: «Наша часть стоит в 15 километрах от Грозного и в 11 километрах от Бамута. Сколько будут держать здесь, не знаю. Скорей всего, до конца мая. Здесь наша фроловская рота считается ротой охраны танкового полка. В дивизии у нас собраны все рода войск. Здесь и дня не бывает без грохота артиллерии и всяких перестрелок. Надо постоянно держать ухо востро. А ночью хоть выколи глаз. Вот и ориентируемся по звукам. У меня постоянно с собой автомат АКС, 4 магазина к нему, 2 огнемета и сзади на усилении машина МТЛБ (типа полутанк, полувездеход). На ночь командир нашего отделения выдает прибор ночного видения, бронежилет, короче, вооружены до зубов, но все равно жутковато. Командир отделения мужик классный. Год назад он уже побывал здесь и знает что к чему. Стоим мы в поле. Офицеры нам говорят, чтобы мы были осторожней. Поле заминировано. Но мне не так страшно за себя, как за вас. Вы там, наверное, так сильно переживаете, у меня даже сердце щемит. Ну, до свидания, мои дорогие».

Витя Серов родился в Череповце. Закончил 9 классов, затем поступил в 37-е училище на машиниста тепловоза. Но через два года вместе с друзьями решил оставить учебу и в последний год перед армией устроился на работу грузчиком. Из-за травмы Виктора призвали в армию почти в 19 лет, 31 мая 1995 года. Служить он отправился в химические войска, в поселок Песочный Ленинградской области. Через полгода учебки Виктора отправили в город Фролово под Волгоград. Потом солдат неожиданно перестал писать домой письма. Два месяца родители ничего не знали о судьбе сына, и только в феврале его девушка Света получила от парня весточку. Виктор писал, что их готовят для отправки в Чечню и что уже точно известна дата: 6 февраля они должны быть в Грозном.

21 марта родители получили последнее письмо от сына из Чечни, а сына уже не было в живых, он погиб днем раньше. Военные, сопровождавшие «груз-200», сказали лишь, что Виктор погиб в бою под Бамутом. Офицер сообщил, что Виктор Серов представлен к Ордену Мужества. Эту награду родители погибшего солдата получили только 4 года спустя. Она, как оказалось, затерялась в военкомате.

Соколов Вячеслав Васильевич
13.04.1974 - 31.03.1995
Вологда
Посмертно награжден Орденом мужества

Ас разведки

Славика Соколова уважали все: его ученики на станции юных туристов, где он вел кружки, и преподаватели пединститута, который он так и не успел закончить, а в армии даже офицеры Псковской воздушно-десантной дивизии относились к рядовому Соколову с огромным уважением.

Командир разведроты ВДВ капитан Александр Рязанов о Славе говорил кратко: «Он был таким, каких не бывает. Пришел подготовленный к армии, сильный и выносливый, прекрасно читал военные карты и мог вести группы на разведвыходах. От него никогда не слышал жалоб. Закончив выполнение своей задачи, Слава тут же напрашивался на новое задание».

С 13 лет Слава занимался туризмом. С ребятами-единомышленниками, такими же страстными любителями путешествий, он объездил едва ли не всю Россию: Кольский полуостров на лыжах, реки Урала на байдарках, Алтай, Крым, Памир... Последнее время вел кружок на станции юных туристов. А ребята у него были непростые - сироты из 1-го интерната. Уже позже, в армии, именно умение прекрасно ориентироваться по карте привело Славу в разведроту.

Из письма рядового Вячеслава Соколова на станцию юных туристов: «Январь 1994 года. У нас в казарме много людей из Краснодара и Ростова. Они меня зовут не Соколов, а Соколов. Мне надоело их поправлять, и я теперь с новым звучанием фамилии. Знания по картографии мне пригодились. Изучали азимут, и я показывал вместо сержанта, как его брать. Научил давать правильное определение азимута. Когда опреде-

лил азимут по карте, то у сержанта открылся рот. Он сам не знал, как это делать».

Отец Славы - преподаватель вологодской школы милиции, подполковник Василий Александрович Соколов, наверное, мог бы, используя служебное положение, выбить для сына теплое место где-нибудь под Вологдой или добиться, чтобы Славу оставили служить в Пскове. Однако он понимал, что сам Славка не смог бы смириться с тем, что сам отсиделся, а его товарищей привезли на родину в цинковых гробах. Удержать Славу было просто невозможно.

Из газеты «Новости Пскова»: «Полк уже улетел в Чечню, когда рядовой Соколов прибыл из отпуска. В роте оставалось шестеро солдат. Когда понадобилось заменить двоих раненых, все шестеро рвались в бой. Бросали на спичках. Выпало лететь Славе Соколову и Роману Жиденко. На аэродроме в Крестах ребят отвели в сторону - «лишние в расчете загрузки». Разведчики тут же попытались проникнуть в самолет через рампу. Однако их нашли и выгнали. Ребята пошли на другой самолет со всеми, оставив вне борта двух других ребят. К 30 декабря десантники прибыли в Чечню, а уже 1 января вели бой».

По словам командира разведчиков капитана Александра Рязанова, Слава удивительно быстро адаптировался к условиям боя: «В его действиях не было мальчишеского азарта. Каждый поступок, каждое перемещение были продуманы, ничего лишнего. Держали в Грозном железнодорожное депо. С трех сторон были «духи». Ребята заняли позицию на крыше пожарного сооружения. Заметив внизу разведчиков-боевиков, прыгнули на них. Завязался бой. Вышли с честью, но пришлось выносить под огнем раненого товарища. Кроме того, Слава тащил на себе его автомат, магазины, гранаты. Этот первый бой длился почти двое суток. Солдаты начали заговариваться, валились с ног от усталости и пережитого. А Соколов вместе с гвардии старшиной Масловым организовывал, руководил, был неутомим и всегда старался быть впереди».

Сам Слава в письмах домой о войне рассказывал мимолетно: «Погода здесь стоит весенняя. Небо голубое, светит и греет солнышко и снег, который выпадал, тает. Слышна только звонкая капель. Да еще слышны выстрелы и разрывы гранат. «Душки» все успокоиться не могут, лезут и лезут. Наших покосили много, но и им попало. Я теперь ас ночной разведки, лезу всегда со своим «ночником» впереди всех. Конечно, очень лестно, такая честь, все мне доверяют свою безопасность».

В начале весны 1995 года интенсивность боев начала спадать. Сводный батальон десантников перекинули под Гудермес. В роковой день 31 марта Слава в составе разведгруппы, как обычно, шел в головном дозоре в первой тройке с двумя ребятами-саперами. Вторая тройка шла на удалении 100 метров.

Из газеты «Новости Пскова»: «Вскоре тропа, по которой шли десантники, свернула в «зеленку», и первая группа скрылась за поворотом. Впереди на расстоянии 100-200 метров ребята увидели боевую машину десанта и людей в спецназовской форме. Те показывали на «зеленку» и предупреждали, мол, там «духи». Когда дозор поравнялся со спецназовцами, те расстреляли их в упор. Люди в камуфляжах оказались «духами». Из троих десантников чудом выжил лишь один. Тело и лицо Славы Соколова было обезображено выстрелами в упор, но руки крепко сжимали автомат, который боевики не смогли вырвать даже после его смерти».

В комнате досуга разведроты войсковой части №57264 как святыня хранится разгрузка для боеприпасов, изрешеченная пулями, с запекшейся на ней кровью Славы. А недалеко от Вологды на реке Камела каждый год вологодские туристы проводят слеты, посвященные памяти кавалера Ордена Мужества рядового Вячеслава Соколова.

Спешилов Михаил Викторович
31.05.1974 - 01.01.1995
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Первая жертва

Михаил Спешилов стал первым из вологжан, погибших в 1-й чеченской кампании. 255-й гвардейский полк быстрого реагирования, в котором служил младший сержант Спешилов, в числе первых вошел в Грозный. Этот полк попал в самое месиво, и

потрепало его изрядно: из 2000 солдат 255-го гвардейского в живых осталось чуть больше 200 человек.

Миша родился в Вологде. Его мать Елена Борисовна воспитывала сына без отца. Когда парню исполнилось 6 лет, мама решилась на отчаянный шаг: оставив в Вологде многочисленную родню, уехала в Череповец, где всю жизнь нужно было начинать с нуля. В городе металлургов Миша окончил 9 классов школы №5. Затем в училище выучился на сварщика и полгода перед армией успел поработать по специальности на предприятии «Коксохиммонтаж». В армию его забрали 13 декабря 1993 года.

Сначала это была учебная часть Парголово-3 под Питером, а через полгода полк перебросили под Волгоград. Михаил писал, что их периодически отправляли на полигоны, где проводились масштабные учения. Хотя командиры ничего толком не объясняли, солдаты, скорей всего, догадывались, что их для чего-то готовят. Все лето 1994 года часть провела в маневрах и учениях под Волгоградом. Ближе к осени, как написал Миша в письме домой, в полку поползли слухи, что их собираются куда-то перебрасывать: «Завтра отправляют на учения, черт знает куда. Будем жить в палатках три месяца, в общем, всю зиму. Говорят, что после учений дадут отпуск. Приеду, будет гудеть весь Череповец».

Хотя командиры ничего не говорили, солдаты подозревали, что отправляются в Чечню. В конце осени-1994 полк повели в сторону Северного Кавказа. Солдатам говорили, мол, идем на очередные учения. Последние несколько писем родным Миша написал на марше и бросил в почтовый ящик одного из волгоградских общежитий, мимо которого проходил полк. «Если вы получите это письмо, то я в Чечне», - успел сообщить Миша.

О гибели сына Елена Борисовна узнала только 10 января: «В тот вечер мы пришли домой. Нам стали звонить знакомые и спрашивать, не смотрели ли мы новости про Чечню? Мы включили один из местных телеканалов. Как раз передавали, что череповчан среди солдат, погибших на Чеченской войне, пока нет. Однако знакомые продолжали звонить. Мы ничего не могли понять. Наутро мы пошли в военкомат, там ответили, мол, паниковать нечего. Как выяснилось позже, сообщение о гибели Миши военные тогда уже получили».

Гроб с телом Михаила Спешилова прибыл в Череповец утром 16 января. Через два дня солдата, ставшего первой жертвой этой войны среди вологжан, похоронили на воинском кладбище. «Миша всегда был лидером, - вспоминает Елена Борисовна. - Он был очень спортивным парнем и в обиду себя не давал. При росте 196 сантиметров Миша неплохо играл в баскетбол, ходил на лыжах, стрелял. Впрочем, особого рвения к спорту у него не было. Все у него получалось само собой». Благодаря неплохим физическим данным в армии Михаил мог за себя постоять. Наверно, единственное, чего боялась Елена Борисовна, отправляя сына в армию, - это военных действий в «горячих точках». На этот случай мать говорила сыну: «Если попадешь в заваруху, лучше сдайся в плен, а мы потом тебя выкупим».

Обстоятельства гибели остались невыясненными. В справке о смерти говорится, что погиб в результате пулевого ранения в голову. Сослуживцы рассказывали, что в первый же день войны Мишу убил снайпер. Пуля попала сержанту Спешилову в затылок чуть ниже каски. Кстати, все это время солдаты 255-го гвардейского полка продолжали числиться на учениях. Из воспоминаний Елены Борисовны: «В последнем письме Миша написал, мол, когда вернусь в Череповец, будет гудеть весь город. Город действительно гудел. Больше недели по Череповцу ходили разговоры о том, когда привезут и когда похоронят первого земляка, погибшего в той военной кампании».

Ставцев Евгений Михайлович
19.05.1973 - 18.12.1995
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

Семидневная осада

Женя Ставцев был одним из тех, с кого начинался Вологодский ОМОН. Он при-

шел в отряд в апреле 1994 года, а менее чем через год его первый раз отправили в Чечню. После первой командировки Женя был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Женя родился в деревне Нагорное Вологодского района. Окончил среднюю школу в поселке Березняки, затем продолжил учебу в Кубенском ПТУ №42 на тракториста. Срочную службу проходил в погранвойсках. Ему, парню, который родился и вырос в деревне, любая работа была по плечу. Бойцы ОМОНа вспоминали, что он мог быть одновременно хорошим поваром и хорошим бойцом. Женя рано вставал, чтобы успеть приготовить завтрак, а ложился далеко за полночь, когда основная часть бойцов уже спала.

В ноябре 1995 года для Жени началась вторая чеченская командировка. Тогда Вологодский ОМОН был направлен в комендатуру Гудермеса. Кроме нашего отряда, в комендатуре располагались еще несколько отрядов ОМОНа и СОБРа из других областей. 14 декабря боевики, пообещав сорвать намечающиеся выборы, начали активные боевые действия. Первым делом была блокирована комендатура.

Из газеты «Commandos»: «Комендатура Гудермеса располагалась в здании педагогического училища. Продовольствия и боеприпасов было достаточно. Не было воды. Собирали скудный снег, чтобы напоить чаем раненых. Окна заложили... книгами. Толстые тома сочинений Ленина, Маркса принимали на себя автоматные очереди дудаевских боевиков... Отдыхать приходилось мало - вокруг плотное кольцо боевиков, непрерывные обстрелы. Удавалось заснуть на пару часов... Основная боль и постоянная забота - раненые. Они страдали день ото дня все больше: нет нужных лекарств, нет воды, нет тепла. Многие теряли последние силы».

Эта блокада, сопровождающаяся массированным обстрелом из всех видов оружия, длилась 7 долгих дней. Из записной книжки бойцов ОМОНа:

1 день. Стало известно, что подступы блокированы. Нас вместе с СОБРом 120 человек. Боевиков более 2000.

2 день. Попытка прорыва 33-й бригады. Прорвалось 15 человек на трех БТРах. Пятеро из них погибли, шестеро ранены.

3 день. Комендатура послала разведку из 9 человек. Вернулся только один, остальные взяты в плен.

4 день. Попытка прорыва СОБРа из Краснодара. Во время прорыва погиб командир СОБРа.

5 день. Погиб Женя Ставцев. Воды осталось мало. На человека по полкружки.

6 день. «Федералы» прорвались удачно. Нас разделяет всего метров 800. Патроны кончаются. Воды почти нет. Из-за отсутствия патронов большого боя не выдержим.

7 день. Батальон ВДВ образовал коридор в 200 метров шириной. Проход есть, но нужно торопиться. Ночью его могут закрыть. 13.00. Идем на прорыв. 15.00. Все! У своих!

Как рассказывали бойцы ОМОНа, на пятый день блокады, 18 декабря, рано утром, в здании комендатуры прогремел страшный взрыв. Все вскочили со своих мест, а Женя остался лежать. Сначала никто не понял, почему? Потом оказалось, что осколок от гранаты, выпущенной боевиками, попал ему в глаз.

Через несколько лет после гибели Жени средняя школа в поселке Березняки, в которой он учился, была названа именем кавалера Ордена Мужества, прапорщика Вологодского ОМОНа Евгения Ставцева.

Сумкин Роман Иванович
11.02.1976 - 24.01.1995

Череповецкий район, поселок Тоншалово
Посмертно награжден Орденом Мужества

Выстрел снайперши

Почти месяц военные не могли официально подтвердить факт смерти Романа Сумкина. Хотя уже в конце января 1995 года, через несколько дней после его гибели, в Тоншалове почти все местные жители только и говорили о том, что в Чечне погиб их земляк. Поселковые призывники, ездившие в череповецкий районный военкомат, ут-

верждали, что даже видели там венок, приготовленный для Ромы. Но маме Романа Татьяне Сергеевне военные отказались это подтверждать. Страсти особенно накалились после того, как Татьяна Сергеевна получила письмо от своей знакомой, чей сын служил вместе с Ромой. Солдат сообщал своим родителям, что Роман действительно погиб и что, по его данным, парня уже похоронили.

Волноваться о судьбе сына мать начала еще с середины декабря-1995. Рома, писавший домой каждую неделю, вдруг замолчал. Через две недели после последней весточки, новогодней открытки, Татьяна Сергеевна вместе с родственниками звонила по тем воинским частям, в каких мог находится Рома. Только после нескольких настойчивых звонков в Североморск, куда Рому призвали в конце мая-1994, военные сообщили, что его переправили в Чечню. После этого сестра Татьяны Сергеевны, работавшая на телефонном узле, несколько раз звонила в Северокавказский военный округ. Там ей отвечали, мол, волноваться не стоит. Уверяли, что Романа Сумкина нет ни среди погибших, ни среди пропавших без вести. А то, что писем нет, так это не беда. Значит, просто написать пока не может. Внезапную точку в поисках поставили работники районного военкомата. 18 февраля они все-таки приехали в Тоншалово и признались, что получили «груз-200».

Оказалось, что из-за неразберихи в первые дни войны тело матроса Сумкина почти месяц пролежало в морге Ростова-на-Дону. Несмотря на то что после гибели сослуживцы прикрепили ему на руку бирку с данными, Роман почему-то попал в списки неопознанных солдат. В то же время в череповецкий районный военкомат с Северокавказского военного округа была отправлена телеграмма с сообщением о гибели Сумкина Ивана Романовича. На Кавказе военные перепутали имя с отчеством, а в Череповце решили, что пока не придет подтверждение по факту гибели призывника Романа Сумкина, волноваться не стоит. Хотя венок на всякий случай заказали. Все закончилось тем, что однополчане Ромы с Североморска сами съездили в Ростов и привезли гроб. Если бы тело Романа тогда не забрали, через три дня его похоронили бы в братской могиле.

Рома родился в Пинежском районе Архангельской области. Когда мальчугану исполнилось 4 года, семья переехала в Череповецкий район. После окончания 9 классов местной школы Рома поступил в училище №34 на слесаря-ремонтника. «Целыми днями Рома пропадал на учебе, - вспоминает Татьяна Сергеевна, - утром он уезжал, а возвращался только поздно вечером». После армии Роман планировал для начала поработать на заводе, а потом продолжить учебу. «У сына была страсть что-то собирать, - рассказывает Татьяна Сергеевна. - Любил собирать механизмы из самостоятельно выточенных деталей. У нас в гараже до сих пор висит совершенно исправный замок, собранный Ромой».

Выпускные экзамены Роман Сумкин вместе с двумя сокурсниками сдавал экстерном. Зимой-1994 ребятам исполнилось по 18 лет. Ушли в армию с весенним призывом. Со службой Роману вначале повезло. Он очень хотел попасть в морскую пехоту и его, единственного из призыва, отправили в эти войска. Служил на Северном флоте, в Североморске. Домой писал каждую неделю. Успокаивал родителей, что служба идет нормально и что, самое главное, никакой дедовщины в их части нет. Впрочем, родители знали, что их сын в обиду себя не даст. В последнем сообщении, новогодней поздравительной открытке, Роман ничего не сообщил родителям о предстоящей командировке на Кавказ. «Наверное, просто не хотел нас расстраивать, - предполагает Татьяна Сергеевна, - потому что другу-то он сообщил о возможной отправке в Чечню, о чем я случайно узнала уже через несколько лет после гибели Ромы».

От сослуживцев, доставивших в Тоншалово гроб, стало известно, что морскую пехоту Северного флота перебросили в Чечню в срочном порядке в начале января-1995. Еще солдаты рассказывали, что Рому убила женщина-снайпер. Пуля попала матросу Сумкину в глаз. Потом, по свидетельству солдат, снайпершу отловили и зарубили лопатками. Только вот родителей погибшего солдата это вряд ли утешило.

Тарасенко Сергей Владимирович
13.06.1977 - 30.07.1996
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Меня, наверное, сегодня убьют»

Этой пророческой фразой, уходя на очередное дежурство, сержант Сергей Тарасенко удивил своих сослуживцев. В ответ солдаты лишь усмехнулись. А через три часа отделение, которым командовал Сергей, подорвалось на радиоуправляемой мине, установленной на обочине дороги. Четыре человека, в том числе и Сергей Тарасенко, погибли на месте. Еще несколько солдат получили увечья. Не пострадали лишь двое. У одного служивого развязались шнурки, и он отстал от группы. Второй отстал с ним за компанию: по одному в Чечне не ходят.

«У Сережи была короткая, но очень насыщенная жизнь, - вспоминают его родители. - Не проходило и дня, чтобы с ним чего-нибудь не приключилось. Он был человеком очень увлеченным, ему постоянно что-то было нужно». Сережка успел попробовать свои силы почти во всем. Он учился в музыкальной школе, играл в шахматы, занимался почти всеми игровыми видами спорта, боксом, борьбой, а перед армией серьезно увлекся фотографией и теннисом. Все у него получалось. «Помню, Сережа не хотел идти на практику (он учился в училище на сварщика), - говорит его мама Александра Николаевна. - Но пошел все-таки, когда до конца практики оставалось всего два дня. Что-то там сварил, и его работа оказалась лучшей. Сережа любил повторять: «Мама, я у тебя всесторонне развитый». Перед армией сын подружился с девочкой Светой. С ее родителями он нас познакомить не успел. Сразу после гибели Сережи к нам пришли почти все родственники Светы. Они сказали, что Сережа был у них любимцем».

Сергей очень любил свою сестренку Катю, которая была на 5 лет младше. Он старался заботиться о ней даже во время службы. В одном их писем брату в армию Катя написала, что хочет идти на дискотеку, на что Сергей ответил: «Вот вернусь, сам отведу и сам найду для тебя подходящую кандидатуру».

В армии Сергей попал в войска МВД в Тольятти. Там закончил учебную часть, а потом несколько месяцев служил в городе Кинель. Домой писал почти каждый день. Писал всем знакомым и родственникам и потом, когда его часть перебросили в Грозный. Из письма: «Здравствуй, дорогая моя, любимая, хорошая, умная, снисходительная, бескорыстная кузина! Привет тебе от солдата срочной службы сержанта Тарасенко. Вот сижу я в городе Грозном и считаю дни до конца командировки. Мне она надоела, еще когда я в поезде проезжал станцию Моздок. Но здесь по субботам всем дают по банке сгущенки и разрешают посмотреть через замочную скважину телевизор. Так что жить здесь можно. Мы ходим в патруль по городу, где носатые дяди и тети нас обижают, а стрелять в них нельзя, потому что они хорошие. Они ржут нам в лицо. Короче, козлы. Если честно, не знаю, вернусь живой или нет. Здесь так весело, что по ночам аж на кроватях подпрыгиваем от взрывов. Грозный весь разрушен, но есть и целые дома, немножко потрепанные от взрывов и пуль. Магазины не работают, только рынки. Завтра опять в патруль, эх, выжить бы. Здесь, если на рынок зайдешь, то только и жди, что из-под прилавка пристрелят или голову отрежут. А службу нужно нести как раз там. Автомат с предохранителя снимешь, передернешь и палец на спуске держишь, ждешь, откуда стрелять начнут. Боюсь, что потом не смогу спокойно мимо девятиэтажных домов ходить. Все снайпера буду высматривать. Ну ладно, пока передавай всем привет. Скажи, что жив-здоров и все нормально».

В Грозном часть сержанта Тарасенко располагалась неподалеку от аэропорта «Северный». По шесть часов в день отделение, которым командовал Сергей, патрулировало по городу. Кроме этого, по ночам нужно было охранять свою базу. Опасности поджидали солдат на каждом углу, и один раз Сергея едва не подстрелил снайпер. Из письма: «Здравствуй, Кузина! Пишу письмо, так как есть время до заступления на пост. У нас все нормально. Из нашего батальона еще никого не убило. Нам пока везет. В 101-й бригаде по 5 человек каждый день взрывается. По телевизору ни фига не

говорят про это. Нам тут каждый день доводят происшествия и сколько трупов за прошедшую ночь. Не буду врать, как предкам, пулю здесь есть возможность схватить хоть прямо сейчас. Днем в патруль по городу, а это вообще смех со слезами на глазах. Нам стрелять запретили, а этим наплевать на мир, поливают очередями, и никто их не ругает. Короче, ходим, как живые мишени, по 6 часов в день. Мимо разваленных девятиэтажек страшно лазить - может снайпер сидеть. Все это давит на мозги, и стало уже наплевать, что меня могут шлепнуть, как комара. Домой хочется сильней, чем раньше раз в сто. Так что вот. Меня уже один раз чуть не убили, ощущения не из приятнейших. Ночью стоял на посту, и снайпер из разваленного дома стрельнул, я сердечник от пули днем из стены выковырял. Трясло меня долго. Даже сейчас вспоминаю и трясет. Всем привет. Целую. Люблю. Сергей».

Узкий Николай Клавдиевич
13.12.1952 - 10.08.1996
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

Последний день командировки

Когда в мае 1996 года в Вологодское управление ФСБ пришел приказ откомандировать одного из оперативников в Чечню, сотрудник, которого планировали отправить в эту командировку, неожиданно подал рапорт на увольнение. Тогда начальник оперотдела подполковник Николай Узкий решил, что поедет туда сам.

В органы госбезопасности Николай Клавдиевич пришел в 1980 году после окончания Высших курсов КГБ СССР. А до этого Коля Узкий закончил 10 классов Вологодской школы №11, затем молочный институт, после чего его выдвинули на работу в горком комсомола. Там отработал инструктором, затем стал заведующим отделом. Через три года комсомольской работы его пригласили в комитет. За 12 лет службы Николай Клавдиевич прошел путь от простого оперативника до начальника оперотдела. Пять лет возглавлял отдел КГБ в Кадуе. Потом снова перевелся в Вологду, и семья, в которой к тому времени было уже двое детей (сын Костя и дочь Дара), получила трехкомнатную квартиру в городе. Семейное спокойствие нарушила командировка.

В первые недели командировки обстановка в столице мятежной республики была относительно спокойной. Чекисты свободно передвигались по городу. Все изменилось в начале августа. Мирных жителей в Грозном сменили бородачи с автоматами. Из воспоминаний Э.В., действующего сотрудника ФСБ: «Последний раз я видел Клавдича вечером 4 августа. Примерно в семь он возвращался с работы, мы собирались в управление на смену. Встретились мы во дворе общежития, покурили. Он веселый был, рассказал какой-то анекдот. На том и расстались. Каким я его знал? Спокойным. Хотя было видно, это спокойствие ему давалось нелегко, через силу».

Управление ФСБ и общежитие для сотрудников находились на расстоянии около 400 метров друг от друга. По соседству - дом правительства, банк, роддом, здания местной милиции и ФАПСИ. Под утро 5 августа недалеко от общежития ФСБ началась беспорядочная стрельба. От руководства поступил приказ: никаких перемещений, всем оставаться на местах и занять оборону. Днем стрельба возобновилась, и из общежития сообщили, что началась атака. Николай Узкий в это время как раз находился в общежитии.

Из воспоминаний Э.В.: «7 августа боевики атаковали здание ФАПСИ. Потом из минометов расстреляли здание правительства. Причем наверняка знали, где что лежит. Сначала ударили по технике, потом по вооружению. Дом правительства полыхал. Солдаты из его охраны врубили на полную катушку музыку. Огонь, обстрел и музыка - зрелище. Наше управление не атаковали и не обстреливали массированно. По нам работали снайперы. Мы догадывались, что управление они хотят взять целым, чтобы заполучить документы. Всю документацию мы сжигали».

Лишь через несколько дней после начала осады, 10 августа в 4 часа утра, первая группа чекистов смогла вырваться из осажденного общежития и добраться до управления ФСБ. Эти четверо и рассказали, что общежития практически нет, все разрушено, но там еще находятся люди. Оставшиеся в живых чекисты на рассвете попытались

пробраться к своим. Их встретил жуткий огонь со стороны неприятеля. Дойти до своих товарищей в управление удалось не всем.

Из воспоминаний Э.В.: «Те, кто прорывался к нам, в основном добирались до управления 10-го днем. По ним били снайперы, не все смогли дойти. Мы выдвинулись навстречу ребятам, но и по нам ударил пулемет. Они пришли молчаливые, хмурые, не узнать. Никаких рассказов, только говорили: «Такое и во сне не приснится». Ребята из отдела, которым командовал Клавдич, сказали, что когда выходили, он был вместе со всеми. Думали, может, спрятался в развалины. Так сделали некоторые. Ночью они вернулись. Еще говорили, что Клавдич выходил одним из последних».

Только во второй половине дня 10 августа удалось договориться с боевиками, чтобы те дали возможность собрать убитых. В их числе было найдено и тело подполковника Николая Узкого. А через 10 дней «груз-200» удалось вывезти из Грозного. Именно в тот день у Николая Клавдиевича Узкого заканчивались сроки командировки.

Фатеев Алексей Александрович
22.01.1978 - 06.12.1996
Сокол

«Я еще ни разу не стрелял»

За три месяца, пока Леша Фатеев находился в учебке под Питером, их, молодых солдат, на каких только работах не задействовало руководство части. То убирали капусту, то трудились на сенокосе, потом укладывали пустые бутылки на пивзаводе «Балтика» и даже собирали в лесу грибы для начальства. А когда кто-то из командиров узнал, что Алексей по специальности плотник, его попросили помочь срубить для офицера баню. С такой «военной» подготовкой в сентябре 1996 года часть перебросили под Гудермес.

Леша родился в Соколе. Там же окончил 8 классов средней школы №2, затем выучился в ПТУ №10 на плотника. В училище Леша, умея хорошо рисовать и резать по дереву, помогал оформлять дипломы своим однокурсникам. Когда настала пора идти в армию, он очень обрадовался тому, что из 30 сверстников, проходивших в Соколе медкомиссию, он оказался в пятерке лучших. «Я здоров, как бык», - не без гордости заявил Леша после комиссии родителям. Благодаря отменному здоровью служить его направили во внутренние войска МВД. 1 июля 1996 года Алексей пошел в армию, а через три месяца его часть перебросили под Гудермес.

Из письма родным: «Здравствуйте, мои любимые мамулечка, папулечка, бабуля, Лена и Катя! Первым делом хочу извиниться за то, что долго не писал. Папа, ты сам понимаешь, что такое армия и, тем более, эта Чечня. Времени свободного вообще нет, сейчас вот все сидят видак смотрят, а я пишу вам письмо. Ленка спрашивает, зачем я уехал в Чечню? Да затем, чтобы быстрей домой приехать. Если все будет нормально, то приеду домой летом. Останется всего эту зиму пережить, и все. Ну, напишу о себе немного. Живу нормально, только кормят не очень важно, частенько нет хлеба. Живем в заброшенном гараже, в нем поставлена палатка, в палатке человек 25. Здесь одно хорошо - нет зарядки и всех остальных занятий. Прибираемся, чтобы не было инфекций, пол с хлоркой моем. Теперь у меня специальность пулеметчик. Мне выдали РПК, но, правда, я еще ни разу не стрелял».

Из другого письма: «Впервые ездили на стрельбы, очень понравилось, одно плохо, что по полигону приходилось ползать по-пластунски, и весь чистый камуфляж испачкал в грязи, а постираться очень большая проблема, плохо с водой». Еще Алексей писал, что солдаты нередко погибают по глупости, подрываясь на своих же растяжках.

Осенью-1996 после подписания хасавьюртовских соглашений войска из республики выводили, и к декабрю-1996 полк Алексея был в числе немногих, еще остававшихся на территории Чечни. Впрочем, мир был только на бумаге, а на деле, как писал домой рядовой Алексей Фатеев, за ночь их обстреливали по 20 раз. До вывода войск в соседний Дагестан Леша не дожил всего несколько дней. Как позже сообщило руководство части, «Алексей Фатеев погиб в результате огнестрельного пулевого ранения в голову». Добиться внятных объяснений, как случилось это пулевое ранение в голову,

родные погибшего так и не смогли.

Федюшин Юлий Генрихович
17.12.1957 - пропал без вести в 1996 году
Деревня Безгатчиха Бабушкинский район

Дважды похороненный

После 10 лет неизвестности в апреле 2007 года вологодского солдата похоронили на родной земле. Цинковый гроб под маркировкой «груз-200» с телом нашего земляка привезли в Вологду в воскресенье 15 апреля 2007 года.

Житель бабушкинского района Юлий Федюшин пропал на Северном Кавказе летом 1996 года. За год до этого, когда Юлию исполнилось 38 лет, он подписал контракт и отправился на службу.

«Когда от Юлика перестали приходить письма, мы начали посылать разные запросы, чтобы хоть что-то о нем узнать, - 87-летняя мать солдата Ефросинья Михайловна вспоминает переписку с военными. - Вскоре нам пришел ответ, что Юлик пропал».

Судя по скупым сообщениям военных, летом 1996 года рядовой контрактной службы Юлий Федюшин находился в составе колонны российских войск, которая вышла из Аргуна в направлении Ачхой-Мортана. Юлий Генрихович был за рулем грузового «УРАЛа». Через несколько километров пути колонна попала в засаду. Часть военных погибла на месте, а несколько человек бесследно исчезли. Вместе с Юлием Федюшиным пропал молодой офицер, находившийся в кабине «Урала». Вскоре, как выяснили родные Юлия Генриховича, за офицера был заплачен выкуп, и его отпустили. За рядового Федюшина платить было некому.

После срочной службы, которую Юлий Федюшин проходил в Германии, оставаться в деревне Безгатчиха Бабушкинского района парень не захотел. Он отправился к родным в Мурманск, устроился матросом на торговое судно. Почти 10 лет Юлик провел в плаваниях. Потом морские походы надоели, и Юлий вернулся в родной колхоз. Женился. Родилась дочь Маша. После развала СССР колхозы стали потихоньку загибаться, денег платили все меньше, и Юлий Генрихович решил снова надеть военную форму. Для прохождения контрактной службы его отправили в Питер, а оттуда на Северный Кавказ. В Чечне солдат прослужил несколько месяцев, а в начале 1996 года пропал.

В 2001 году, через 5 лет после исчезновения сына и после бесконечных переписок с руководством воинской части и Министерства обороны Ефросинью Михайловну вызвали в военную лабораторию Ростова-на-Дону, чтобы взять анализы для генно-молекулярной экспертизы. А потом снова тишина. Лишь в конце 2003 года в Безгатчиху пришло письмо.

В послании было указано, что в начале 2004 года в Москве в братской могиле состоится торжественное захоронение останков неизвестных российских военных, обнаруженных на территории Чечни. Руководство Минобороны спрашивало разрешения у родных пропавшего солдата, мол, если они не против, то официально будет объявлено, что в братской могиле есть останки Юлия Федюшина. «Мы, естественно, согласились, - рассказал младший брат Юлия Александр. - Все-таки это лучше, чем полная неизвестность». В том же 2004 году решением суда Юлий Федюшин официально был признан умершим.

Однако в апреле 2007 года в истории с исчезновением Юлия Федюшина появились сенсационные обстоятельства. Родным сообщили, что солдат на 100 процентов опознан после проведения генной экспертизы и гроб с его останками привезут на родину. «По некоторым данным, после захвата в плен Юлий Федюшин попал в лагерь полевого командира Руслана Гелаева, - рассказал военком Тотемского и Бабушкинского районов Олег Зубрицкий. - В лагере он провел не больше двух месяцев, а когда российские войска начали наступление, пленных, по всей видимости, расстреляли».

В середине апреля 2007 года солдата из бабушкинского района похоронили официально. Уже второй раз.

Из сообщений центральных СМИ: «Могилы с останками неизвестных людей были обнаружены под селом Старый Ачхой в Ачхой-Мартановском районе Чечни в 2002

году. Во время 1-й чеченской кампании (1995-96) в селе действовал настоящий концлагерь, в котором находилось около 150 человек. Всех пленных держали в подвале местной школы, а с приближением федеральных сил в 96-м году перевели в подземные казематы, вырытые в центре села. «Тех, за кого не давали выкуп, угоняли на строительство дороги в Итум-Кале, - рассказывали силовикам выжившие рабы. - Многих специально мучили, чтобы другие видели и боялись. «Ненужных» расстреливали».

Не исключено, что именно в этом лагере находился Юлий Федюшин.

Харитонов Виталий Алексеевич
21.10.1976 - 24.05.1995
Вологда

Оборванная струна

Недолгие месяцы службы коренным образом переломили отношение Виталия Харитонова к армии. Он очень хотел служить, надеясь, что это хорошая школа мужества. Сначала в армии Виталию казалось, что ему повезло: на службу он попал в элитные войска, в отдельную дивизию оперативного назначения, больше известную под названием Дзержинка.

Однако совсем скоро после начала армейской жизни он написал о своих первых впечатлениях об армии: «Не буду изгаляться сейчас насчет материальной жизни. Одно скажу - плохо. Совсем другой вопрос - изменение духовного мира человека здесь. Я перестаю чувствовать и думать. Мой мир никак не может свыкнуться с этим миром, как осьминог обволакивающим твое тело. Человек сам по себе я слабый, но я видел, как тут ломались самые крепкие и сильные духом. И еще Чечня. Тут я вообще бессилен. Прикажут - пойду».

Виталий с детства был очень музыкальным и поэтичным парнем. Закончив музыкальную школу по классу баяна, он к тому же отлично играл на гитаре. Во время учебы он собрал рок-группу, сам сочинял стихи и музыку. Мама Виталия Людмила Александровна хранит многочисленные тетради, исписанные стихами сына, а также текстами песен Бориса Гребенщикова, Виктора Цоя и Александра Башлачева. Из воспоминаний Людмилы Александровны: «Виталик и меня приучил к музыке, которую слушал сам. Я знала названия всех групп, чья музыка постоянно звучала у нас дома. И сейчас, слушая, к примеру, «Воскресенье», я плачу. А еще Виталик перед армией зачитывался «Мастером и Маргаритой». Он перечитывал роман несколько раз и, наверное, уже знал его наизусть. Когда мы отдали книгу почитать знакомому, а тот вовремя ее не вернул, Виталик попросил купить еще одну книгу. Он не мог без нее».

Поэтическая натура Виталия Харитонова не могла уживаться с жестокостью. Из письма солдата: «Недавно в дивизию привезли тело парня с нашей роты. Из Чечни. Его БТР в упор расстрелял из гранатомета дудаевский боевик. В машине было еще три человека. Ну, и что же дальше? Сделали портрет, написали краткую биографию (где родился, что закончил, когда погиб), пару цветков искусственных на могилу - и все. Забыт. Не нужен».

Из воспоминаний классного руководителя Виталия Ольги Карповой: «Как ни странно, но люди, обладающие кусочком абсолютного вселенского добра, встречаются нередко. Виталя был одним из них. Доброта эта исходила из его глаз, чуть виноватых и таких харитоновских. Да и вся его огромная, неуклюжая фигура излучала добро. Даже от пальцев веяло добротой. «Витя, как ты так здорово играешь на гитаре такими лапищами?» - подкалывала я его. Он изумленно рассматривал свои руки и улыбался».

В Чечню Виталий попал через четыре месяца после начала службы. А еще через месяц он погиб. Его однополчане рассказывали, что он стоял ночью дневальным возле палатки. Вдруг прогремел выстрел. Все повыскакивали на улицу. Кто стрелял, никто не понял. Шальная пуля попала Виталию в грудь. Он упал, зажав рану рукой, молча, без единого стона. Еще почти сутки его пытались спасти врачи. Виталию было 18 с половиной лет.

Харичев Евгений Юрьевич
4.05.1971 - 15.03.96
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

Лучший командир

В 1989 году выпускник вологодского машиностроительного техникума Женя Харичев поступил в Пермское высшее командное училище, по окончании которого отправился на службу во Владикавказ. Кавказский регион тогда ассоциировался с лечебницами, курортами и чистым горным воздухом.

На Северном Кавказе лейтенант Евгений Харичев встретил свою судьбу. Один из подчиненных как-то раз пригласил молодого офицера в гости в Краснодар. Там Женя и познакомился с Мариной, 15-летней сестрой своего подчиненного. Евгений стал приезжать в Краснодар на каждые выходные. Говорят, сначала офицеру пришлось покорять даже не Марину, а ее маму, которая не очень верила в искренность его чувств. Они даже в кино поначалу втроем ходили. Но вскоре мама Марины убедилась в порядочности офицера.

Письма от Евгения приходили дважды в неделю. Он мало писал о своей жизни и много о любви к Марине. Сыграли свадьбу. Молодожены уехали во Владикавказ. Там сняли квартиру. Однажды Женя сказал, что ему предстоит длительная командировка в Хабаровск. Предложил отвезти Марину на время сессии в Краснодар. «Поживешь у родителей, а я тебя потом заберу», - сказал на прощанье. Но по письмам, приходившим на девичью фамилию Марины, она догадалась, что Женя в Чечне. А потом пришла похоронка. В 19 лет Марина Харичева стала вдовой.

По материалам журнала «Братишка»: «В село входили мелкими группами. Женя на БМП с отделением солдат медленно продвигался по улице. Впереди два усиленных пункта боевиков. Во всяком случае, так доложила разведка. Остановились на перекрестке. Вышли на связь. Харичев направил троих солдат проверить дом с окнами на перекресток. Сердцем чувствовал, нехороший дом. А умом понимал, очень уж у этой хибары выгодное положение. Для боевиков, конечно. Весь перекресток от дома как на ладони. Чутье не подвело. Как только трое бойцов перелезли через забор, из глазниц углового строения начался ураганный огонь. В секунду ребята, как горох, попрыгали с брони, забегая за БМП. Тех, кто не успел спрыгнуть, снесло выстрелом из гранатомета. Ранило сразу четверых. Задело связиста Саню Иванова. Тот, в горячке не заметив ранения, поливал из АКМа в ответ. «Без связи нельзя», - мелькнуло в голове командира. Он бросился к Иванову. Тот, перекатившись за БМП, менял пустой магазин. Харичев перевязал связиста. Приказал выйти в эфир, запросил помощь. Огонь не прекращался. Группа, оказавшись на перекрестке, как на лобном месте, даже не смогла сдвинуться с места».

Среди жениных вещей, отданных после смерти, нашлась личная карточка связиста Иванова с адресом. Марина написала письмо и вскоре получила ответ: «Здравствуй, Марина! Пишет вам Александр. Вы хотите узнать о своем муже, старшем лейтенанте Харичеве? Он был хорошим командиром и всегда заботился о нас. Я был у него связистом. 13 марта после взятия Серноводска нас кинули на Самашки. Мы должны были там проверить документы, и все. Когда вошли в село, заблудились. Харичев предупредил, что на нашей улице есть два усиленных пункта боевиков, в школе и на заводе. Когда заходили на улицу, все было спокойно, остальные группы ушли вперед. Мы подошли к перекрестку, ждали указаний, а ребята говорят: «Давайте проглядим дома». Харичев разрешил. Только перелезли через забор, по нам начали стрелять с углового дома.

Взрыв. Нас четверых сразу ранило. Я сначала ничего не почувствовал, как ножом провели по ноге. Поворачиваюсь, смотрю, в меня очередь летит. Я быстро перекатился за БМП. Тут командир стал нас перевязывать, суетится, вызывает подмогу. И вышел на то место, где я лежал. Мы ему кричим: «Товарищ лейтенант, уйдите оттуда!» Я смотрю на командира, он на меня. Я только треск какой-то слышал. Он стоял за бетонным столбом. И вдруг сползает так тихонечко. Присев, я увидел, как пошла кровь изо рта, носа, ушей. Я закричал: «Ротного убили!» Нас начали обстреливать со всех сто-

рон. Через несколько минут подошел комбат со своей группой, нас погрузили на БТР и вывезли из Самашек. Потом нас забрал вертолет. Я был в одном камуфляже, своим бушлатом накрыл Харичева и закрыл ему глаза. Так что ваш муж был хорошим командиром. С нами шутил, веселился. Вы можете гордиться, что у вас был такой муж. И если кто-то скажет про него плохое, я не знаю, что с ним сделаю. Он был лучше всех командиров, которые у меня были».

Черемушкин Вячеслав Николаевич
14.09.1973 - 20.12.1995
Шекснинский район, поселок Чебсара
Посмертно награжден Орденом Мужества

Погиб, вытаскивая раненого

«Славик, не езди ты больше в Чечню», - упрашивала Валентина Петровна Черемушкина своего сына, когда в августе 1995 года приехала к нему в воинскую часть. Славик пообещал, что больше не поедет.

Начало армейской службы для Вячеслава Черемушкина складывалось очень удачно. Благодаря диплому, полученному в череповецком медицинском училище, в части под Питером Славу сразу определили санинструктором. А через год, когда ушел на пенсию войсковой фельдшер, Вячеслава уговорили занять его место, подписав контракт на 5 лет.

Славик родился в деревне Митицино Шекснинского района. Потом семья переехала в Чебсару. В 1990 году Славка закончил 11 классов средней школы и поступил в медучилище на фельдшера. Он хотел отправить документы в военное училище, но отговорила мать: «Ты сначала послужи в армии. Если понравится, то поступить в военное училище никогда не поздно». После медучилища устроиться на работу в Череповце было невозможно, поскольку требовалась местная прописка, и Слава был вынужден вернуться в Чебсару. Там он сначала устроился массажистом, а затем пошел работать на скорую помощь. Вскоре пришла повестка.

В январе 1995 года Вячеслав позвонил домой и сказал, что его в срочном порядке отправили на курсы реанимации. Мама сразу поняла, что сына готовят для Чечни. И действительно, в феврале прапорщика Черемушкина отправили на Северный Кавказ. «Мама, здесь все происходит не так, как об этом сообщают по телевизору», - писал Слава домой. Родным оставалось только ждать очередных посланий с фронта и смотреть телевизор. Несколько раз в репортажах центральных телеканалов о работе военных врачей мелькало лицо Вячеслава Черемушкина. Деревенский здоровяк ростом 185 сантиметров работал на износ по своей армейской специальности.

24 апреля Слава позвонил из Питера и сказал, что сдает оборудование. Ему дали небольшой отпуск. А в конце августа Валентина Петровна сама приехала к сыну в часть. Тогда мать и попросила сына не ездить больше в Чечню. Но когда осенью того же 1995 года стало ясно, что от очередной командировки не отвертеться, Вячеслав не сдержал обещание и сообщил родителям неправду, будто бы он отправляется в Забайкалье перегонять какую-то технику. Только сестренке Татьяне он уже из Чечни написал правду:

«Здравствуй, Татьяна! Пишу тебе письмо, потому что родителям не знаю, как и написать. Вообще-то я в Чечне. Уехал 14 октября. На Новый год я вряд ли попаду домой. Стоим мы в самом тылу, стрельбы здесь нет. В общем-то у нас спокойно. Напиши письмецо, можешь фотографию послать. Сегодня получили гуманитарную помощь в большом количестве: шоколад, конфеты, сгущенку, довольно объемные пакеты сладостей. Я бы с удовольствием засунул эти подарки некоторым известным тебе людям в одно место».

Служба в Курчалое действительно была не слишком напряженной. Однако военная жизнь, похоже, начала надоедать прапорщику Черемушкину, о чем он вскоре и написал домой: «Привет из зимней Ичкерии. Сегодня уже 3-е, нет, 4-е декабря, на улице подмерзло. Дома, наверное, зима настоящая, а здесь даже снега нет. Только в горах, метров на 100 выше нашего уровня, уже лежит снег. В ясную солнечную погоду здесь очень красиво. Особенно красивы горы. Когда закат или восход. Приехав до-

мой, может быть, попытаюсь даже уволиться. Надоело все. Хотя в чем-то в армии хорошо. По крайне мере голодным, пока холостой, не останешься». Это письмо было написано в самом начале декабря, а в середине месяца танковый батальон, к которому был прикомандирован Вячеслав, перебросили в Гудермес, где началась кровавая заваруха.

Он погиб, вытаскивая из-под обстрела раненого солдата. Боевики расстреляли фельдшера из гранатомета. В официальном документе говорится, что «смерть наступила в результате многочисленных осколочных ранений». Через три дня о смерти земляка говорила вся Чебсара. Вскоре слухи о гибели Славы подтвердились, а потом капитан, который привез в Чебсару «груз-200», сказал, что Славик погиб как настоящий герой.

Во время учебы в Чебсаре Славик увлекся гиревым спортом. В части под Питером он продолжал заниматься гирями и неоднократно становился чемпионом. И сейчас каждый год, 20 декабря, в день гибели Славы, в череповецком медицинском училище проводятся соревнования по гиревому спорту памяти прапорщика Вячеслава Черемушкина.

Шибаев Олег Павлович
12.03.1977 - 10.08.1996
Поселок Устье-Кубенское

Брошенный экипаж

Официальной датой гибели рядового Олега Шибаева считается 10 августа, но точную дату смерти не знает никто из близких. Олег пропал без вести 6 августа 1996 года, а останки его и еще трех его сослуживцев были переданы в морг Ростова-на-Дону только 4 сентября. Их обменяли на трупы нескольких боевиков. Впрочем, даже про ту злополучную дату «4 сентября» стало известно лишь в 1998 году, после того как мама Олега Алла Владиславовна Шибаева, завалив запросами военные ведомства и сама два раза съездив в Чечню, сбилась с ног в поисках малейших зацепок, которые помогли бы что-нибудь узнать о судьбе сына.

Олег служил в Грозном с ноября 1995 года, когда туда из-под Питера перебросили его мотострелковую часть. Домой он писал часто. В письмах рассказывал о красоте природы Чечни, о поспевших фруктах и практически не упоминал о войне и службе. Олег лишь кратко сообщал, что им приходится сопровождать по Чечне колонны с различными грузами. И еще стоять на блок-постах. Последнее письмо домой он написал в конце июля 1996 года. Как выяснилось позже, это письмо Олег отправил за несколько дней до очередного сопровождения продовольственной колонны в чеченский город Шатой. А потом писем не стало.

Алла Владиславовна поехала в Сокол, к родителям Жени Хрестунова, служившего вместе с Олегом. Мать солдата надеялась, что родные Жени что-нибудь знают о судьбе детей. Те успокоили, мол, наверное, готовятся к отправке домой, поэтому и некогда черкнуть весточку.

А в октябре Женька приехал в Устье сам. Он первый рассказал Шибаевым о пропаже сына. Из рассказа Жени следовало, что во время сопровождения колонны по дороге в Шатой одна из БМП упала в ущелье. Машину вытащили, но идти своим ходом она уже не могла. Кое-как дотянув транспорт до Шатоя, командиры решили оставить его там, пообещав, что заберут в следующий раз. К тому времени четверо солдат, в том числе Олег, должны были ее отремонтировать. Но в начале августа в Грозном началась крупная заваруха, и о БМП все забыли. Что произошло с экипажем машины потом, никто не знал.

Алла Владиславовна беспрестанно рассылала запросы по разным военным ведомствам. К розыску пропавшего солдата подключились военкомат Усть-Кубинского района и лично областной военком Канищев. Но даже самый обстоятельный ответ, поступивший на имя облвоенкома от командира войсковой части, гвардии полковника Беляцкого, не смог пролить свет на темную историю с пропажей солдат:

«По имеющимся достоверным сведениям (беседа с очевидцами и мои личные), после завершения ремонта БМП совершила марш-бросок из шатойского ущелья в

базовый центр войсковой части населенного пункта Старые Атаги. Колонна вышла без потерь, хотя и с боем. После благополучного выхода мотострелков 204-го мотострелкового полка на равнину этот батальон совершил марш в базовый центр Ханкала. По имеющимся у меня сведениям (из личного общения с офицерами), этот этап прошел благополучно, без потерь. Экипаж БМП-1 (вместе с Олегом) исчез после того, как самостоятельно убыл с Ханкалы в свой ПДД - базовый центр «Северный».

Совершенно непонятный ответ пришел от лейтенанта Дубкова, замполита роты, в которой служил Олег: «Ваш сын с 29 июля 1996 года находится в командировке в части, расположенной возле города Шатой. Сейчас о нем сведений нет, но после прибытия Олега в нашу часть я приму меры, чтобы он написал домой. После этого он будет уволен в запас». Это письмо Шибаевы получили в середине осени 1996 года, когда уже было ясно, что Олег пропал без вести.

После этого родители Олега получили еще несколько ответов на свои запросы. В одном из них военные утверждали, что, по имеющимся данным, рядовой Олег Шибаев находится в плену в городе Аргун.

Останки Олега обнаружились только спустя два года беспрерывных поисков. Родителей Олега попросили отправить анализы в ростовский морг. Это была последняя, хоть и слабая надежда. Вскоре из лаборатории пришел ответ: «Приезжайте на опознание». В Ростове и рассказали, что останки Олега были получены 4 сентября 1996 года. Специалистам оставалось только строить предположения, что произошло с пропавшим экипажем БМП. Скорей всего, их, отбившихся от колонны четверых парней, боевики захватили в плен и позже расстреляли. Но, наверное, так никто никогда и не узнает точно, как, где и когда погиб рядовой Олег Шибаев.

Шушков Александр Валентинович
14.06.1976 - 11.01.1995

Бабушкинский район, деревня Кокшарка
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Вы не представляете, как плакали солдаты»

С детства Саша мечтал о службе в милиции. Его мама Анна Васильевна отговаривала сына, объясняя свою точку зрения тем, что это очень опасно. Мол, многие милиционеры гибнут в перестрелках с вооруженными бандитами. Уговоры подействовали, и после окончания 10 классов средней школы Саша Шушков поступил на электромонтера в вологодское училище №1.

Из воспоминаний Анны Васильевны Шушковой: «Саша по характеру был очень добрым и ласковым, с детства ко всем относился очень уважительно. А еще он был очень хозяйственным и запросто делал любую работу. Сашу никогда не нужно было заставлять. Мы возвращались с работы, а дома уже все было прибрано, скотина накормлена, на участке полный порядок. С Сашей никогда не было никаких проблем».

В училище Александр проучился год. После получения диплома его сразу забрали в армию. В поселок Каменка под Санкт-Петербург вместе с ним прибыли еще 22 новобранца из Вологды. Уже через несколько дней службы молодые солдаты столкнулись с серьезной проблемой. На одного из новобранцев наехали старослужащие, требуя деньги. Восемь «дедов» подкараулили его в коридоре и стали избивать. Из 23-х вологжан на помощь земляку пришли только двое, в том числе Александр. «Саша с детства был очень сильным мальчиком, - вспоминает Анна Васильевна. - К тому же в училище занимался борьбой».

13 декабря 1994 года часть перебросили на Северный Кавказ. Сначала даже командиры не знали, куда именно их отправляют. Генералы уверяли, что это будет Абхазия. О том, что Саша на Кавказе, родители узнали только 20 декабря, получив от него весточку: «Здравствуйте, дорогие папа, мама, Диана, Маша и маленький Павлуша! Пишу вам, так как мы по тревоге собираемся в командировку на учения куда-то на юг. А сколько времени мы там будем, я еще не знаю, так что писем от меня, может, долго не будет. Вы только не волнуйтесь, все нормально. Передавайте всем привет. До свидания. Ваш сын и брат Шурик».

С первых дней боев под Грозным часть оказалась в самом пекле чеченской бойни,

неся огромные потери. Младший сержант Александр Шушков вместо убитого сослуживца стал заместителем командира взвода. Крепкий и выносливый деревенский богатырь таскал на себе снайперскую винтовку и ручной пулемет. Обо всем этом сашины родители узнали уже после гибели сына, когда получили письмо от командира роты капитана Андрея Ферябникова. Офицер сообщал об обстоятельствах гибели Александра: «Саша попал ко мне в роту с самого начала службы. Был очень исполнительным, добросовестным солдатом. В роте сразу стал пользоваться заслуженным авторитетом среди командиров и сослуживцев. Поэтому я принял решение поставить его на должность командира отделения.

13 декабря 1994 года меня вызвали в 11.00 в штаб и приказали грузить роты в эшелон и убывать в Чечню. Никто не спрашивал желания - был только приказ. В этот же день мы погрузились и выехали в Моздок. Там нам дали 5 дней на получение имущества и совершение марша на Грозный. Первая атака, первый бой, пули над головой, но, слава богу, именно в первом бою у меня потерь не было. Заняли мы оборону в 500 метрах от Ханкалы. Саша хорошо показал себя в первом бою, умело командовал своим бронетранспортером. Затем была вторая, третья атака. Все смешалось. Было очень тяжело, были большие проблемы с водой и продовольствием, но рота держалась, никто не хныкал, не жаловался. И в этом в первую очередь заслуга сержантского состава, а значит, и вашего сына. Потом мы вошли в Грозный. Начались потери среди солдат и офицеров. За две недели боев в роте осталось 30 солдат и два бронетранспортера. Но рота продолжала выполнять поставленные задачи.

11 января было объявлено перемирие и наконец-то наступило долгожданное затишье. Мы нашли воду, помылись, сварили горячий суп. Но на постах все равно находились наблюдатели в полной амуниции, готовые в любое время открыть огонь. Мы находились на втором этаже здания. Приблизительно в 16.00 Саша проходил мимо окна в полный рост. На нем не было ни бронежилета, на каски. Пуля снайпера попала ему в живот с левой стороны, прошила насквозь и вышла с правой стороны. Впоследствии мы вычислили этого снайпера и завалили его. Каждой роте был придан врач-хирург. Пытались откачать, но все было напрасно, я увидел, что Саша начал уходить. Мы начали делать искусственное дыхание. Напрасно. Саша умер, не приходя в сознание. Вы не представляете, как плакали солдаты, его боевые друзья. Так ни провожали никого из убитых. В тот же день рота не подчинилась ни одному моему приказу, у них был траур».

Щепкин Дмитрий Николаевич
30.11.1972 - 21.03.1995
Сокол
Посмертно награжден Орденом Мужества

Бабушкин сын

Дима Щепкин воспитывался бабушкой Ниной Павловной с восьмимесячного возраста. Он оказался внебрачным сыном. Вскоре после его рождения мать ушла в загул. Впрочем, Димка никогда не был обделен женской лаской. Нина Павловна, которая по суду была назначена опекуном, заменяла пареньку отца и мать. Даже в официальной справке, которая хранится в сокольском военкомате, говорится, что «Нина Павловна относилась к Диме с заботой, лаской и любовью, старалась обеспечить Диму всем. Бабушка его контролировала, создавала условия для развития». В ответ на заботу Дима называл Нину Павловну мамой.

После окончания школы-интерната для детей-сирот Дима пошел учиться на плотника в ПТУ №10. В 1991 году был призван на срочную службу. Диму забрали служить в Плесецк, на космический полигон. Там Дмитрия Щепкина назначили старшим механиком двигательных установок ракет-носителей космического назначения. В письмах домой, которые неизменно начинались фразой «Здравствуй, моя любимая мама», Дима сообщал, что служба у него спокойная и вообще в армии ему нравится. Плесецкая часть считалась элитной. Недаром ее частенько посещали министр обороны Павел Грачев и президент Борис Ельцин.

После увольнения со службы Дима устроился на сокольскую лесоперевалочную

базу. А примерно через год, когда началась чехарда с зарплатами и сокращениями рабочих мест, парень остался не у дел. Устроиться на новую работу было сложно, и в конце 1994 года безработный Дмитрий Щепкин, после учебы в школе прапорщиков, подписал контракт на военную службу. Почти сразу его отправили на Северный Кавказ. В Чечне Диму зачислили командиром автомобильного взвода 129-го мотострелкового полка.

Нина Павловна бережно хранит многочисленные письма внука, присланные со срочной службы. Чеченских писем в доме Щепкиных почти нет. В суматохе войны Дима просто не успевал их писать. Но и на Кавказе он не забывал любимую бабушку и отправлял ей деньги. Впрочем, сам прапорщик Щепкин называл эти деньги кровавыми: «Бабушка, я тебе перевожу деньги, но они кровавые. Таких денег я бы не хотел зарабатывать. Что здесь творится - это очень страшно».

27 марта 1995 года от Димы пришло последнее письмо. А на следующий день привезли в Сокол цинковый гроб. «Мне военные ничего не рассказывали о том, как погиб Дима. Как только они зашли в дом, сразу остановились настенные часы, а пока гроб был в доме, военные стояли около него в карауле», - вспоминает Нина Павловна. В справке от командования 129-го мотострелкового полка указано, что «смерть наступила в результате огнестрельного проникающего ранения головы».

Часть II. ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ

Андреев Николай Сергеевич
2.12.1983 - 31.12.2004

Деревня Горяевская, Тарногский район

Обстоятельства до конца неизвестны

После армии Коля хотел уехать к родственникам в Питер. То, что в глухой деревушке Горяевская нормальную работу не найти, Николай Андреев понял еще до службы. Окончив 11 классов средней школы и получив в Тарногском СПТУ-49 корочки сварщика и автомобильные права, Коля около года поработал на нескольких частных предприятиях.

Весной 2003 года Николай Андреев отправился на призывной пункт областного военкомата. Оттуда его отправили в Мурманск, в мотострелковые войска. «Коля был очень спокойным и уравновешенным человеком, - рассказывает его младшая сестра Вика. - Его очень сложно было вывести из себя. Еще он очень любил технику. Пока был дома, постоянно помогал ремонтировать машины и тракторы».

В армии Николаю нравилось. Домой он писал, что служба идет хорошо и что он планирует даже подписать контракт. Родные восприняли это сообщение без особого беспокойства: Чечня к концу 2003 года уже не воспринималась как «горячая точка». Да и контракт не означал, что солдата непременно должны отправить на Северный Кавказ.

В середине 2004 года рядовой Николай Андреев подписал на три года контракт и его, вопреки предположениям родных, сразу отправили на Кавказ. Оттуда Коля несколько раз звонил домой - говорил, что их часть дислоцируется на военной базе в Ханкале, недалеко от чеченской столицы. Впрочем, беспокоиться родным не стоит: Ханкала окружена несколькими кольцами обороны, так что каких-либо боевых действий там нет.

Беда пришла, откуда ее не ждали. «Все обстоятельства гибели брата до конца так и остались неизвестными, - рассказывает Вика, - нам только рассказали, что какой-то солдат, который должен был куда-то идти, кажется, заступить на пост, пропал в кафе. Коля его нашел, когда тот был уже изрядно пьян и попросил выполнить задание. Солдат сначала выругался, а потом схватился за автомат и нажал на спусковой крючок. Нам позже рассказали, что его потом осудили за убийство Коли на 10 лет».

Афоничев Андрей Владимирович
16.05.1980 - 20.02.2000
Поселок Семигородняя, Харовский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Мать сразу почувствовала неладное

Андрея призвали в армию 18 мая 1998 года, через 2 дня как ему стукнуло 18 лет. Он был очень спортивным парнем, занимался лыжами, волейболом, боксом. Старшая сестра, учившаяся в Вологодском педагогическом университете, предложила Андрею поступать на факультет физического воспитания, но у него была другая мечта: после армии непременно хотел уехать в Вологду и устроиться на службу в милицию. А в армии он хотел попасть именно во внутренние войска, поскольку считал, что после этого дорога в правоохранительные органы будет открыта. Парень основательно готовился к службе. Дело дошло до того, что летом после школы мама две недели учила сына наматывать портянки. Все лето Андрей проходил в кирзовых сапогах.

Он действительно попал во внутренние войска. 20 мая 1998 года поезд увез его в Ленинградскую область. Сначала была учебка, а потом войсковая часть №3526 в поселке Лебяжье. Служба шла своим чередом, и у родителей не было особых поводов для волнения. Однако 13 сентября 1999 года Андрей позвонил домой и сказал, что их часть отправляют в командировку. Правда, не сказал, куда. Военный эшелон шел через Вологду, однако с родственниками, живущими в областном центре, солдат встретиться не успел.

«После этого звонка я не отходила от телевизора, - рассказывает мама Андрея Евгения Рафаиловна. - Все программы, в которых говорили про Чечню, смотрела. Полевая почта работала плохо и письма от сына приходили очень редко». Последняя весточка от Андрея датирована декабрем-1999. Родным солдат писал, что их часть стоит под Гудермесом. Из письма Андрея Афоничева: «Рядом с нами расположена восточная группировка войск. Вам, наверное, это ни о чем не говорит, но для нас в этом ничего хорошего нет. Все руководство Министерства обороны здесь. Занимаемся ерундой, например, дорогу от грязи очищаем». А в последних строках: «Ну, вот и все, прощаться не буду. Ждите».

А в начале января многое изменилось. Несколько отрядов боевиков напали на уже освобожденные Гудермес, Шали и Аргун. «Когда после этих событий объявили о раненых и погибших, я как почувствовала, что и с моим Андрюшей что-то случилось», - говорит Евгения Рафаиловна. Плохие известия действительно не заставили себя ждать. 13 января почтальон принес родным солдата телеграмму: «Сообщаю, ваш сын рядовой Афоничев Андрей Владимирович получил легкое ранение 9 января 2000 года. Находится в госпитале Ханкале».

Мать бросилась к телефонам. Дозвонилась в воинскую часть в Питере, где военные посоветовали ей обратиться в госпиталь Ростова-на-Дону. «Что вы волнуетесь, - успокоили Евгению Рафаиловну в Ростове. - Ваш сын легко ранен. Каких-нибудь 3-4 дня, и его поставят на ноги. А потом отправят в наш санаторий, где он сможет полностью поправить здоровье». Вторая телеграмма, текст которой был уже более тревожным, пришла через 4 дня после первой и уже с обратным адресом. Текст за подписью начальника госпиталя гласил: «Ваш сын Афоничев Андрей Владимирович находится в 358-м окружном военном госпитале Самары в тяжелом состоянии».

Рассказывает Евгения Рафаиловна: «Телеграмму принесли часов в 5 вечера, а через 2 часа мы уже садились в проходящий московский поезд. 19 января около 10 утра были в Самаре. Быстро поймали такси и поехали в госпиталь. Мне разрешили посмотреть на сына. Андрей лежал без сознания в реанимации. Моего мальчика было не узнать. Я хорошо помнила, каким его провожала в армию, - очень крупный, мускулистый. А на госпитальной койке он больше напоминал скелет, обтянутый кожей. Настолько был худым».

«Нам будет стыдно, если от таких ранений парень умрет, - сказала матери заведующая отделением. - Ранение было сквозное. Пуля попала в основание шеи и вышла из груди. Правда, при этом были повреждены два позвонка». Но на следующий день 20 января в восьмом часу утра сердце рядового Андрея Афоничева остановилось.

По печальной традиции, обстоятельства гибели рядового Афоничева, как и многих других наших земляков, до конца неизвестны. Поэтому остается только лишь, по крупицам собрав информацию, выдвинуть свою версию, которая, впрочем, имеет под собой веские основания.

В письме из войсковой части скупо написано: «Подразделение роты выполняло задачу по передислокации к новому месту выполнения боевых задач. В районе населенного пункта Аргун колонна была обстреляна боевиками незаконных вооруженных формирований. Ваш сын сумел проявить выдержку, хладнокровие и оказать достойное сопротивление бандформированиям». Текст официального письма в районном военкомате разъяснили так: подразделение, в котором служил Андрей, было отправлено охранять колонну с грузом по дороге из Гудермеса в Аргун. В пути военные попали в засаду. В перестрелке Андрея и ранили.

Вроде бы все ясно, если бы не одно «но». Во-первых, работник военкомата, поведавший об обстоятельствах ранения, намекнул, что от сопровождающего ему стали известны еще кое-какие факты этого происшествия. Но он пообещал никому об этом не рассказывать. Во-вторых, еще врачи самарского госпиталя убеждали мать Андрея, что ранения не были смертельными. Но в том же госпитале уверяли, что из Моздока Андрея уже привезли в тяжелом состоянии под аппаратом искусственного дыхания. К тому времени у солдата уже не функционировали многие внутренние органы. Как пояснили врачи, это произошло, скорей всего, от переохлаждения.

Остается предположить, что в перестрелке Андрей был действительно легко ранен и, возможно, оставлен своими же на поле боя. Неизвестно, сколько пролежал раненый на холодной чеченской земле, но этого, видимо, хватило, чтобы его легкое ранение на фоне переохлаждения стало смертельным.

Бараев Алексей Николаевич
19.08.1979 - 28.12.1999
Череповец

Тайна смерти

В армию Лешка из-за проблем со здоровьем вообще не должен был идти. В раннем детстве у него нашли шумы в сердце, и даже в школу он пошел на год позже своих сверстников. Впрочем, после окончания 9 классов Алексей успешно отучился во втором лицее, где получил корочки слесаря-ремонтника. А до армии 10 месяцев отработал на коксохимическом производстве ОАО «Северсталь».

«У нас с Лешей разница в возрасте больше года. Я как раз вернулся из армии, когда Лешке нужно было отправляться на службу, - рассказывает его брат Андрей. - И хотя у него были проблемы со здоровьем, Леша твердил, что тоже пойдет в армию. Мол, брат отслужил, а я чем хуже?» Мать Алексея Мария Ивановна предпринимала усилия, чтобы младший сын не пошел служить. «Я ходила к разным врачам, - говорит она. - Если гражданские медики не были уверены, что с лешиными диагнозами можно отправляться в армию, то врачи в военкомате были убеждены: призывник готов для службы. Правда, в медицинской карточке написали «годен с ограничением по состоянию здоровья».

Это означало, что солдату Алексею Бараеву нельзя было давать большие физические нагрузки. Так Алексей попал в службу связи в часть, дислоцированную в поселке Молькино Краснодарского края. Родителей солдата заверяли, что после полугода учебки его переведут поближе к дому, под Питер, однако в декабре 1999 года часть неожиданно перебросили в дагестанский город Буйнакск. Хотя активных боевых действий к тому времени в Дагестане уже не было, в своем первом письме солдат написал, что по ночам даже в туалет они вынуждены ходить в полной боевой готовности.

О том, что произошло с Алексеем в Буйнакске, его родители не знают до сих пор. Второе и последнее письмо от солдата пришло в Череповец уже через месяц после его гибели. Мария Ивановна больше года после получения похоронки «забрасывала» запросами различные инстанции, начиная местным военкоматом и заканчивая генеральной прокуратурой и комиссией по правам человека при президенте. Все пути неизменно замыкались на Северо-Кавказском военном округе, откуда Бараевы получали

весьма пространные отписки.

Причем ответы были настолько неопределенные, что командиры даже называли разные даты его гибели. В некоторых ответах туманно объяснялось, что рядовой Бараев плохо себя почувствовал, в других был намек на неуставные отношения, в третьих военные указывали, что солдат скончался от полученных ранений. А официальная фраза из похоронки - «погиб при исполнении воинского долга».

«Когда приходил военком с похоронкой, почему-то интересовался, звонил незадолго до гибели Алексей домой или нет, - вспоминает Мария Ивановна. - А когда привезли гроб, я просила провести эксгумацию тела, но мне отказали. Гроб привезли с опозданием и быстро закопали. Думаю, военные, которые привозили тело моего сына, знали об истинных причинах гибели, но нам ничего не рассказали».

Баранов Денис Александрович
03.04.1980 - 18.02.2000
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Лучший сапер роты

Подразделение, в котором служил Денис Баранов, с начала февраля 2000 года стояло в горах вблизи Урус-Мортана. 18 февраля разведгруппа из пяти человек, в том числе и Денис, отправилась на очередное задание. Боевики засекли наших солдат и, подпустив примерно на 20 метров, расстреляли практически в упор. Погибли все пятеро разведчиков.

«Денис считался лучшим сапером роты, - рассказал родителям погибшего солдата его армейский друг Анатолий Тюпышев. - Мы все у него учились». Толик Тюпышев служил вместе с Денисом еще в Нижнем Новгороде, куда рядового Баранова через год после начала службы перебросили из подмосковного города Нахабино. «Когда Денис служил в Нахабино, я просила командование части переправить сына поближе к дому, - рассказала его мама Валентина Васильевна. - Еще в 1994 году умер мой муж. Денис, старший сын в семье, с того времени был моим единственным помощником. Командование части заверило, что мою просьбу выполнит, и из Подмосковья отправило сына... в Нижний Новгород».

После смерти отца Денис, закончив всего 7 классов школы, оставил учебу и, наспех получив корочки столяра-плотника, пошел работать, сначала на местное «ПМК-1081», потом в ООО «Атлант»: делал стулья и табуретки. Кроме Дениса, в семье Виноградовых было еще трое сыновей. «Он понимал, что с корочками столяра хорошую работу найти будет сложно, и после армии хотел продолжать учебу, - говорит Валентина Васильевна. - Но сначала очень хотел отслужить в армии. Бабушка его отговаривала, мол, с нашим семейным положением можно организовать отсрочку. Денис сказал, что все равно пойдет добровольцем».

По армейским письмам, которые Барановы получали с завидной регулярностью, мать видела, как меняется характер ее сына: вспыльчивый юноша с очень взрывным характером превращался в серьезного мужчину. Из воспоминаний Валентины Васильевны: «С ролью воспитателя младших братьев Денис справлялся очень хорошо. Хотя он был вспыльчивым, но очень быстро отходил. Бывает, поругаемся, даже накричит на меня, уйдет к себе в комнату, но уже минут через 5-10 вернется, обнимет и попросит прощения за то, что накричал».

После того как Дениса переправили в Нижний Новгород, в письмах он ничего не писал о том, что его могут откомандировать еще куда-то. Неожиданно для Валентины Васильевны, в сентябре 1999 года очередное письмо от сына пришло уже с Северного Кавказа. За 4 дня до гибели Дениса, 14 февраля 2000 года был подписан указ о награждении разведчика медалью Суворова. Солдатская награда была вручена родным Дениса уже после его гибели.

Бахарев Сергей Иванович
14.12.1979 - 09.01.2000
Поселок Юрманга, Бабушкинский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Племянника назвали в честь дяди

Новый 2000-й год Сережка планировал отметить дома, в кругу самых любимых людей. Уже был подписан приказ об отправке их части на север, однако выезд задерживали. По непонятной причине, до места службы никак не могла добраться смена, которую ждали со дня на день. Новогодние праздники, как и первые числа января, прошли спокойно. Но уже 9 числа тишину прервали автоматные очереди. В тот день грузовой «Урал», на борту которого ехали бойцы сводного отряда Западно-Сибирского РУБОП, попал в засаду.

Из сообщения центральных СМИ: «Трагедия произошла 9 января 2000 года. Группа сотрудников СОБРа выполняла задачу по зачистке отдельных районов Грозного. Восьмого должны были выехать в пункт временной дислокации, в поселок Суворов-Юрт, но задержались до ночи. А девятого января вспыхнули бои в ряде населенных пунктов Чечни. Особенно тяжелое положение сложилось в Аргуне. И так случилось, что собровцы выехали на базу на машине «Урал» без поддержки бронетехники. Перед въездом в Аргун - засада. Впоследствии только в кабине автомобиля насчитают более 300 пулевых пробоин. Лейтенант милиции Андрей Арсеньев, несмотря на тяжелое ранение, вел машину, пока не был разбит двигатель. За считанные секунды отряд рассредоточился. Вынесли раненых в безопасное место и приняли бой. Несмотря на значительное преимущество боевиков, бойцы СОБРа сражались отчаянно».

Пока милиционеры отстреливались от наседавших боевиков, на помощь им отправили три БТРа с солдатами внутренних войск. Первой машиной управлял житель Бабушкинского района Сергей Бахарев, которого солдаты коротко называли «Бах». Однако и бронетранспортеры, не успев доехать до «Урала», попали в засаду. Первый же выстрел из гранатомета угодил в головную машину. Все, кто находился внутри, в том числе Сергей, погибли сразу. Других солдат, сидевших на броне, скинуло с машины взрывом. Боевики добивали раненых.

«Командир сережкиной части нам рассказывал, что боевики снимали весь этот ужас на видео, - говрит отец погибшего парня Иван Павлович Бахарев. - И кассета эта потом попала к нашим солдатам. Однако нам смотреть ее не разрешили, командир сказал, что будем смотреть только через его труп».

...После окончания 9 классов бабушкинской средней школы Сергей поступил в тотемское училище на водителя. Однако через год учебу бросил, решив зарабатывать деньги, и устроился на пилораму к местному предпринимателю. А водительские права рано или поздно все равно получит, тем более что в технике разбирался отлично. С юношеских лет у него был свой мотоцикл «Днепр».

В армию Сергея Бахарева призвали в мае 1998 года. Служить он отправился во внутренние войска: поселок Лебяжье Ленинградской области. Оттуда после учебки его перекинули в подмосковный город Реутово, где Сергей получил специальность механика-водителя БМП. Оттуда вскоре перевели обратно под Питер. В последних числах августа Сергей позвонил домой и рассказал, что их усиленно куда-то готовят. Предположил, что будут куда-то перебрасывать. 13 сентября, действительно, часть отправили на Северный Кавказ.

«От Сережи очень долго не было писем, - рассказывает мать Валентина Николаевна. - Я несколько раз звонила по телефону «горячей линии», где неизменно говорили стандартную фразу «в списках погибших и пропавших без вести не значится». И только в ноябре мы получили долгожданное письмо. Сережа писал, что ничего страшного не происходит, солдаты в основном стоят на блок-постах. А 13 января мы получили телеграмму». В кратком сообщении родителей просили приехать в Ростов-на-Дону для опознания сына. Родителям пришлось дважды съездить на Северный Кавказ, и только 18 марта «груз-200» привезли в Юрмангу. Младший брат Ваня очень ждал возвращения Сергея из армии, но так и не дождался.

В семье Бахаревых появился еще один Сережа. Сына, родившегося у младшей

сестры Марины, назвали в честь погибшего дяди.

Беспалов Александр Сергеевич
23.10.1961 - 05.05.2001
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Он будто с облачка спустился»

Александр - единственный из следователей, погибших при исполнении, и единственный, награжденный Орденом Мужества. Правда, посмертно. В мае 2001 года УАЗик, на котором в составе следственно-оперативной группы находился и Александр Беспалов, был подорван боевиками в Ленинском районе чеченской столицы.

Александр Беспалов пришел в следствие 2-го отдела милиции в конце апреля 1998 года после окончания высшей калининградской следственной школы. До этого несколько лет отработал участковым инспектором в Лукьянове. Примерно через год стал старшим следователем, получив звание майора. На просьбу рассказать об Александре Беспалове откликнулись сразу несколько следователей 2-го отдела. «Вы знаете, такие люди, как Саша, большая редкость. Это был очень душевный и порядочный человек, - женщины-следователи, вспоминая Александра Беспалова, вместе с которым проводили большую часть рабочего времени, еле сдерживали слезы. - Он будто с облачка спустился, разочаровался в этой жизни и ушел обратно».

В каждом человеке, будь то коллега по работе или отъявленный рецидивист, следователь Беспалов старался видеть хорошее. И даже сами злодеи, знавшие его еще со времен работы участковым, относились к нему с уважением и говорили, что это очень порядочный человек. «Саша был трудоголиком. Он никогда не перекладывал работу на других, а если его самого о чем-нибудь просили, никогда не говорил, что ему некогда», - наперебой рассказывают коллеги Александра.

Александр очень любил своего сынишку Володю. «Как-то перед новогодними праздниками Саша привел сына на работу, посадил его на колени, а Вова говорит: «Вы скажите, чтобы папа был дома почаще». Другие следователи рассказывали, что для сына Александр Беспалов был и отцом, и матерью. Сын даже называл отца «мапа».

«Перед отъездом в Чечню Саша заходил ко всем коллегам и со всеми прощался, - вспоминает заместитель начальника следственного отделения Анатолий Седунов. - Если б знать, что так все получится. А ведь тогда прощались просто: «Ну, давай, счастливо. Удачи тебе». Все надеялись, что через три месяца вновь увидят своего друга и коллегу Александра Беспалова. Такого же отзывчивого и порядочного. Только из той командировки Александр Беспалов не вернулся.

Бушманов Андрей Михайлович
02.08.1982 - 22.01.2002
Поселок Макаровский, Никольский район
Награжден посмертно Орденом Мужества

«Он хотел построить дом»

22 января 2002 года рано утром рядовой Андрей Бушманов вместе с сослуживцами заступил на охрану блок-поста «Высота 645», расположенного к северу от чеченской столицы. В седьмом часу утра со стороны Грозного выехала подозрительная «Волга». Андрей вышел на дорогу и махнул водителю рукой: «Тормози». В ответ из машины раздались автоматные очереди. Солдаты открыли по «Волге» ответный огонь. Машина потеряла управление и съехала в кювет. Один из боевиков выскочил из авто и побежал в ближайшие кусты. Второй остался лежать рядом с машиной и продолжал палить по солдатам.

Перекрестный огонь с оставшимся боевиком вели рядовой Андрей Бушманов и старший сержант Окатов. Через пару минут автомат сержанта замолчал: Окатов был ранен. Андрей Бушманов приподнялся из укрытия и пальнул очередью в сторону боевика. Автомат бандита тоже ответил очередью. После этого выстрелы стихли. Боевик

был убит, однако и его очередь достигла цели. Несколько пуль попали Андрею в голову, живот и руки. Раны оказались смертельными.

На военную службу Андрей попал в поселок Мулино Нижегородской области. Через полгода часть перебросили под Волгоград. Когда в конце весны от сына перестали приходить письма, мама Андрея Любовь Васильевна, забеспокоившись, послала несколько запросов на командование части с просьбой объяснить, где находится Андрей. Вскоре в Макаровский пришел ответ: «С 28 мая 2001 года Андрей назначен заместителем командира взвода, командиром минометного расчета 1-го десантного штурмового батальона. 13 июля 2001 года командирован в республику Чечня для выполнения специального задания».

Андрей был вторым ребенком в большой семье Бушмановых. Всего в семье 7 братьев и сестер. «Дома он делал абсолютно любую работу, - рассказала сестра Андрея Катя. - Но особенно он любил вырезать по дереву. Несколько досок с рисунками, которые сделал Андрей, до сих пор хранятся у нас дома. Он очень хотел после армии построить новый дом. Наш дом был очень старым и плохим. Из армии Андрея ждала девушка Надя».

Ванюшкин Павел Викторович
12.12.1980 - 19.01.2000
Бабаево

Лицо солдата показалось матери незнакомым

Павел погиб под Грозным в январе 2000-го. Дома об этом узнали только спустя почти пять месяцев. «Груз-200» прибыл в Бабаево в День независимости, 12 июня 2000 года. На следующий день - горькие слезы близких, прощальные речи и салют. И прозвучавшие, как клятва, слова молоденького лейтенанта из прибывшей вместе с цинковым гробом похоронной команды: «Паша, мы за тебя отомстим!»

До армии жизнь не баловала парня. Мать и бабушка поднимали на ноги пятерых детей. Потом трагический случай на реке - утонул брат Паши Денис. Вскоре сгорел дом. В армию Пашка ушел 24 июня 1999 года. Уходил он буквально сразу после выпускного вечера. О дальнейших считанных месяцах его жизни известно немногое. Служить его направили в Волгоградскую область в 240-й гвардейский Залещинский мотострелковый полк, дислоцированный в городе Камышин. А ведь по семейным обстоятельствам он вполне мог бы пройти службу на территории нашей области. Почему этого не произошло, остается только гадать.

Через месяц Павел принял присягу. Предпоследнее его письмо, датированное 25 ноября, заставило беспокойно екнуть материнское сердце. Из письма Павла Ванюшкина на родину: «Здравствуй, мама и все, все! Пишу я вам в спешке, так как уезжаем в командировку в Дагестан, и у меня будет другой адрес. Так что пока мне не пишите и не расстраивайтесь, если я долго не буду писать. Мы будем там на блок-постах. Мама, я всех вас люблю очень сильно. С любовью ваш Павел».

Последнее письмо от Павла пришло в Бабаево 22 декабря: «Здравствуй, мама и все, все! Пишу я вам уже из Чечни. Извините, что такой плохой почерк, пишу при свете лампы «летучая мышь». Живем мы, мама, почти рядом со штабом дивизии, и тут, мама, уже тихо, ездят гражданские машины, ходят мирные жители. Так что можете обо мне не беспокоиться. Обещают вывести полк в конце декабря, если возьмут Грозный, или в апреле. Ну, что еще. Оружие пока не получил, так как не уволился один дембель, а когда уволится, ко мне перейдет СВД (снайперская винтовка Драгунова). Наверное, уже поняли: из меня хотят сделать снайпера. Живу в блиндаже. Командир отделения приходится мне земляком, он из Череповца. Ну, все, заканчиваю писать. И еще. Поздравляю вас заранее с Новым годом».

Весной 2000 года родственники, обеспокоенные долгим молчанием, забили тревогу. Обращались в военкомат, звонили по «горячей линии» в Москву и Ростов. Лишь 30 мая в Бабаевский райвоенкомат пришла телеграмма за подписью областного военкома с просьбой «направить в 124-й Центр лаборатории медико-криминалистической идентификации МО РФ родителей погибшего военнослужащего рядового Ванюшкина Павла Викторовича». 2 июня мама Павла Валентина Николаевна и его дядя прибы-

ли по указанному в телеграмме адресу. Лицо солдата, погибшего от пулевого ранения в голову, матери показалось незнакомым».

Со слов сопровождавшего тогда цинковый гроб лейтенанта, Паша погиб где-то на подступах к Грозному при выполнении боевой задачи. Судя по характеру ранения, он, скорее всего, стал жертвой снайпера. Смерть наступила мгновенно.

Паша был жизнерадостным человеком с доброй и детской душой. Он очень любил футбол. Был хорошим вратарем. Всегда мог прикрыть тыл. А себя прикрыть от снайперской пули не смог. О Павле на его малой родине помнят. Памяти Павла Ванюшкина периодически проводится футбольный турнир.

Виноградов Виктор Васильевич
20.09.1979 - 20.01.2000
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Мать не верила, что погиб однофамилец

О том, что с Витей что-то случилось, его мама догадалась, увидев сюжет по телевизору. «Мы старались смотреть все новости, где говорилось о войне, - вспоминает Татьяна Петровна Виноградова. - А как-то раз включила телевизор, смотрю, там витин друг Андрей Макаров что-то рассказывает о тяжелом бое, в котором только что участвовал их взвод. Потом телекамера показала всех ребят, кто находился рядом. Вити среди них не было. Хотя я знала, что сын должен был находиться рядом с Андреем».

Татьяна Васильевна бросилась к телефону и стала звонить в Лебяжье - в часть, откуда Витю забирали на Кавказ. Однако там заверили, что все живы-здоровы. Тем более что через 10 дней, в первых числах февраля, мотострелки должны были вернуться домой.

У Виноградовых было нехорошее предчувствие, однако верить в гибель сына они отказывались. Даже тогда, когда домой принесли извещение о его смерти. «Из Череповца в то время в Чечне служили двое Виноградовых, и я до последнего момента думала, что погиб однофамилец», - сказала Татьяна Петровна. Однако ошибки не было. Именно 1-й взвод 5-й мотострелковой роты, где служил рядовой Виктор Виноградов, 20 января 2000 года отправили на зачистку здания бывшей школы в центре Грозного. Мотострелки попали в засаду. Первым принял удар капитан Сахаров: ему пуля попала в сферу. Потеряв сознание, капитан упал. Шедший за командиром Виктор Виноградов наклонился над офицером и был сражен очередной пулей. Свинцовый заряд попал ему в шею, перебив сонную артерию.

Через несколько минут капитан очнулся от того, что сверху на нем лежало что-то тяжелое, а теплая и липкая жидкость текла по его лицу. Рядовой Виноградов, закрывший своим телом офицера, был уже мертв.

...После 9 классов череповецкой средней школы №9 Витя Виноградов поступил в 37-е училище на электромонтера. Окончив училище, успел сдать на права. Однако поработать Витя так и не успел. Найти работу в конце 90-х годов было довольно сложно.

Из воспоминаний Татьяны Петровны: «Витя был очень интеллигентным мальчиком. Он был очень скромный, никогда ничего не говорил против, в то же время его вряд ли можно было назвать стеснительным. Саша, младший сын, совершенно другой. По сути, Сашу воспитывал Витя. Помню, Витя учил младшего брата, что в наше время нельзя быть слишком скромным и что в этом мире таким, как он, жить тяжело. Витя даже в армии стеснялся курить. Однако и носки никому не стирал. Он очень любил технику. У Вити был свой мотоцикл, а когда окончил курсы водителей, потянулся к автомобилю. В школе он учился в математическом классе. Сначала учился хорошо, но потом к учебе появилась апатия. Еще он очень любил музыку. Я его музыку абсолютно не понимала, а сейчас слушаю ее с удовольствием. Вообще Витя был очень разносторонне развит. В спорте занимался от бокса до шахмат. Искал себя и в легкой атлетике и неплохо бегал».

К армии Витя привыкал трудно. Ему, знавшему только хорошую домашнюю пищу, солдатские харчи откровенно не нравились. За первые несколько месяцев службы он

даже сильно похудел. Тем не менее, когда через год ему выделили месячный отпуск, матери он сказал спасибо за то, что та настояла на армии.

Из воспоминаний Татьяна Петровны: «Витя домой приезжал несколько раз. Хотя в основном он ходил в самоволку. Говорил, что в части можно за деньги легко договориться с дедами и командирами. Летом 1999 года, когда Витя целый месяц был в отпуске, он намекал, что осенью их собираются куда-то переправить. По приезду в часть стало ясно, что отправляют их в Чечню. Перед самой отправкой на Кавказ мы приезжали к нему в часть и, если честно, даже хотели выкрасть Витю. Мы приезжали в Лебяжье на своей машине и думали спрятать сына в багажнике автомобиля. Но Витя наотрез отказался. Он сказал, что своих сослуживцев ни за что не оставит».

Волков Сергей Дмитриевич
19.08.1976 - 22.02.2001
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Железный характер

Невысокий рост и не самые крупные габариты Сережи Волкова с лихвой компенсировались его железным характером, который он вырабатывал в себе сам. С раннего детства парень воспитывал в себе жесткую самодисциплину. Его никто не заставлял вставать в 5 часов утра, делать зарядку и после этого принимать ледяной душ. Как никто не заставлял читать книги по восточной философии. И в училище, куда Сергей поступил после 9 класса, никто не заставлял приходить за два часа до уроков, чтобы позаниматься в спортивном зале. Специально для Сережки вахтеры даже раньше открывали двери учебного заведения. Как только череповецкие реки вскрывались ото льда, Сергей начинал купальный сезон. Зимой даже в лютые морозы он ходил в легкой одежде. И предпочитал раздельное питание, мясо почти не ел. Аскетичным образом жизни он сильно отличался от своих ровесников.

«Сережа был совсем не похож на своих сверстников, - рассказывает его брат Евгений Волков. - Он никогда в жизни не курил. О спиртном даже речи не заходило. А в военном институте, куда Сережка поступил после училища, до сих пор никто не может побить его рекорд по количеству подъемов с переворотом. Как-то раз на сборах он накрутил 90 раз! Он вообще на турнике вытворял такое, что вряд ли повторить кто-то в училище».

Семья Волковых жила в Харовске, когда у них родился второй сын. Назвали Сергеем. Через 6 лет Волковы переехали в Череповец. С ранних лет у Сережи проявилась тяга к электротехнике. Он быстро научился ремонтировать телевизоры, магнитофоны и приемники. После 9 класса поступил в 35-е училище на сварщика. После освоения азов профессии мастер училища рекомендовал Сергею поступить в череповецкий военный институт радиоэлектроники, поскольку понял, что призвание парня не в сварочном аппарате.

В 1999 году Сергея Волкова в звании лейтенанта распределили в войсковую часть, расположенную в Улан-Удэ. Еще через год Сергей после месячного отпуска на родину вернулся в часть. Оттуда через месяц его откомандировали в Северо-Кавказский военный округ командиром взвода радиоэлектронной разведки войсковой части 55034. О службе Сергей близким почти ничего не рассказывал. Родные молодого офицера знали, что еще в Улан-Удэ он начал учить китайский язык. Планировал окончить еще один вуз, чтобы получить гражданскую специальность. В конце апреля Сергей, полный планов на жизнь, отправился в Ханкалу.

Из рассказа Евгения Волкова: «В Ханкале Сергей пробыл до начала 2001 года. Письма от него были короткими. Сергей писал, что занимается тем же самым, что и в Улан-Удэ. А вообще он просил родителей, чтобы про службу они ничего не спрашивали. Он считал, что сам создал для себя такие условия, какие его вполне устраивали. Перед отъездом из Ханкалы в Новогрозненский Сергей купил большой телевизор и оставил его своим однополчанам».

На Кавказе, несмотря на то что условия службы были и без того сложные, Сергей продолжал воспитывать в себе самодисциплину. Он мог по трое суток стоять вахту за

офицеров-однополчан. Будучи холостым молодым человеком, Сергей служил за себя и за своих женатых боевых друзей. На свои деньги, бывало, покупал запчасти для аппаратуры.

22 февраля 2002 года Сергей, уже старший лейтенант, отправился вместе с десантно-штурмовой группой из селения Новогрозненский в Ханкалу за запчастями. На обратном пути колонна попала в засаду. Первым на фугасе подорвался головной БТР, на котором сидел Сергей Волков. До ближайшего блок-поста колонна не доехала 200 метров.

«Не спешите жить. Приветствуйте каждое мгновенье» - этого девиза, который висел на стене в комнате Сергея Волкова, он старался придерживаться всю свою недолгую жизнь. Не сделано было еще очень многое, когда жизнь оборвалась.

Ермолинский Вениамин Дмитриевич
20.04.1981 - 03.06.2001
Тарногский район, деревня Заречье
Посмертно награжден Орденом Мужества

Фугас разорвал машину в клочья

Благодаря отцовскому воспитанию Веня очень рано стал взрослым. Парень начал помогать отцу, когда был еще совсем маленькими. Позже, окончив 11 классов средней школы, и не добрав баллов до поступления в вологодский педагогический университет на факультет физвоспитания, Веня решил, что у него еще будет время продолжить учебу после армии. А до службы надо помочь отцу. Дмитрий Петрович Ермолинский, отработав 17 лет в местном колхозе, в конце 90-х годов занялся собственным делом - заготовкой леса. Веня страстно любил технику. Отец купил ему мотоцикл, с которым Веня постоянно возился, разбирал, ремонтировал и собирал. А перед армией Дмитрий Петрович купил ему машину.

«Так получилось в нашей семейной жизни, что мы познакомились с Дмитрием Петровичем, когда Веня уже перешел в 6-й класс, - рассказала мачеха погибшего солдата Светлана Александровна Ермолинская. - У меня в то время уже были две дочки, а у Дмитрия Петровича, кроме Вени, тоже была еще дочь. С девочками Веня очень быстро сдружился. Меня сначала называл по имени-отчеству, но вскоре стал называть мамой. У нас была очень дружная семья. Она, конечно, и сейчас дружная, но Вени всем нам очень не хватает».

19 мая 2000 года парня призвали в армию. Призывника с крепким телосложением и с отменным здоровьем забрали во внутренние войска МВД. «Еще перед армией к нам приезжали сотрудники тарногского РОВД и сказали Вене, мол, если пойдешь служить во внутренние войска, после армии с удовольствием возьмут на службу в милицию, - с грустью говорит Светлана Александровна. - Характеристики у Вени были очень хорошие. А что касается моральной подготовки, то перед армией Дмитрий Петрович говорил Вене про службу очень много хорошего. Он рассказывал, что для настоящего мужчины армия - своеобразная точка отсчета, после которой начинается взрослая жизнь».

До марта 2001 года Вениамин служил в воинской части под Москвой. В письмах солдат писал, что армейская жизнь ему очень нравится. Его не тяготили изнурительные маршброски и постоянные учения на полигонах. К тому же морально поддерживали родители, которые нашли номер телефона его подмосковной части и нередко созванивались с сыном. В начале весны 2001 года Вениамин сам позвонил домой и сказал, что их часть перебрасывают на Северный Кавказ. Разведгруппу, в которой числился Вениамин, отправили в Грозный. В Чеченской столице солдат находился ровно 69 дней.

Из заключения административного расследования: «3-й разведывательной ротой войсковой части 5381 для проведения разведывательных мероприятий была выставлена разведгруппа для действия ПКПП-3 на БТР-80 с задачей обнаружения и последующего изъятия документов, оружия, взрывных устройств и веществ, наркотических и психотропных веществ. Накануне, в соответствии с распорядком дня, было проведено общее инструктивное занятие на макете местности с личным составом, убыва-

ющим для выполнения задач, начальником штаба войсковой части 3541 подполковником Беляевым Сергеем Владленовичем.

В составе разведывательных групп совместно с войсковой частью 3641 под руководством Беляева были выполнены задачи группы. После отданного им распоряжения группы прибыли к месту сбора. По его команде колонна бронетехники начала движение. 3 июня 2001 года в 7 часов 48 минут на пересечении улиц 2-я линия и улица Бородина, при переезде через водосток, произошел подрыв радиоуправляемого фугаса. В результате чего разведчик-наводчик рядовой Ермолинский Вениамин Дмитриевич погиб на месте».

Мощным взрывом бронированную технику в буквальном смысле разорвало в клочья. Дыра между первым и вторым мостом, как потом определили специалисты, составила около метра в диаметре. Как позже рассказали родителям Вениамина, фугас взорвался как раз под тем местом в БТР, где находилось рабочее место наводчика. Тяжелые ранения получили четверо сослуживцев, а рядовому Ермолинскому фугас не оставил никаких шансов на выживание.

Журавлев Алексей Александрович
24.10.1976 - 09.05.2002
Кириллов

Последний парад Победы

Из записной книжки Алексея Журавлева: «Курить вредно, пить противно, а умирать здоровым жалко». Алексей погиб в дагестанском Каспийске, когда ему было всего 25 лет. Молодым и здоровым парнем.

После окончания питерского высшего военно-морского училища имени Дзержинского Алексей Журавлев быстро шел на повышение. Сразу после распределения попал в Мурманск, где был назначен командиром диверсионной группы, а вскоре напросился в Дагестан, где принял командование диверсионной роты. Несколько раз группа ездила на задания в соседнюю Чечню. Родители радовались успехам сына и вздохнули с облегчением, когда Лешка в последний раз вернулся из Чечни и написал, что теперь будет служить в спокойном Каспийске.

«Я, пожалуй, любила Лешку больше всех своих детей, - рассказывает его мама Галина Михайловна. - Наверное, из троих моих детей Лешка был больше всех похож на меня».

Из воспоминаний учительницы литературы Нины Сергеевны Кузнецовой: «Леша не был болтливым. Все слова взвешивал. К нему прислушивались и взрослые и дети. С раннего детства занимался тяжелой атлетикой. Уже в школе имел 1-й взрослый разряд по силовому троеборью. Увлекался рукопашным боем, довел его до совершенства. Считал, что должен сделать из себя настоящего мужчину. Не пропустил ни одного занятия за 10 лет. В школе получил водительские права. Вообще все, что он делал, все получалось. В Питере даже занимался бальными танцами и очень жалел, что на это дело оставалось слишком мало времени».

Позже, когда попал в Дагестан, не терял времени даром и самостоятельно стал изучать английский язык. Кроме этого, стал инструктором по парашютному спорту. К женщинам и девушкам относился с большим благородством. Всегда называл их «милые дамы». Младшую сестренку обожал. В студенческие годы экономил, чтобы привезти сестренке подарки. Однако и от нее требовал дисциплины. Как-то раз заставил ее восемь раз перемыть посуду, до безупречной чистоты. Многие девчонки заглядывались на красивого парня. Была у него и любимая, но жениться он не успел. Он мечтал привезти жену в благоустроенный дом, в хорошие условия. Что сам думал об армии? «Солдат, поставленный на колени, униженный и раздавленный злобными шутками других, никогда не будет защитником родины».

11 мая 2002 года Алексей Журавлев должен был получить звание капитана и повышение - должность начальника штаба. За три дня до повышения старлей Журавлев сдал дела новому ротному, своему давнему другу по морскому училищу Дмитрию Сафронову. Сразу после Дня Победы Алексей собирался съездить домой, в Кириллов. «После училища мы встретились, когда Алексей стал командиром разведывательной

десантной роты, я тогда командовал группой спецразведки, - вспоминает Дмитрий Сафронов. - В Каспийске мы жили в общежитии. Он в комнате холостяков. Я с семьей напротив. С моим сыном Никитой они были настоящими друзьями. 9 мая наша часть принимала участие в параде на центральной площади Каспийска. Алексея поставили в последнюю, шестую, шеренгу, я оказался в середине».

После того как были возложены венки у памятника погибшим воинам, колонна двинулась в обратный путь. Духовой оркестр играл «День Победы», когда прогремел взрыв. «Я кинулся назад, кричу: «Леха, Леха!» - рассказывал родителям Алексея Журавлева Сафронов. - Когда увидел его, подбежал, Лешу уже перенесли на обочину. Я скинул портупею и стал накладывать ему на ногу жгут. Лешка сказал: «Лучше помоги другим, у меня все в порядке».

Позже многие военные говорили, что акция боевиков оказалась слишком неожиданной. Если бы вовремя подоспела скорая помощь, многих раненых удалось бы спасти. Люди умирали прямо на городской площади от потери крови и болевого шока. Старший лейтенант Алексей Журавлев скончался в городской больнице Каспийска. Уже после смерти Леши его мама Галина Михайловна нашла тетрадку сына, где детской рукой были наклеены разные фотографии из газет и журналов. На последней страничке был приклеен «атомный гриб».

Забайкин Николай Григорьевич
16.12.1979 - 30.12.1999
Череповец

Последний бой за мирный день

Когда перед мотострелковым батальоном, в котором служил рядовой Николай Забайкин, замаячила перспектива отправки на Северный Кавказ, Коля написал в письме старшему брату Денису, мол, придумай что-нибудь для родителей, чтобы не волновались. «Скажи им, что я уезжаю на три месяца на уборку картошки в Новгородскую область». Правда, долго скрывать обман от родителей не получилось. Когда от Николая пришло очередное письмо, на штампе которого вместо привычной «Каменки» значилась «Москва», родители догадались, на какую «картошку» отправили их сына.

...Окончив 9 классов средней школы №29, Николай Забайкин поступил в профессиональное училище №37 на электросварщика. Однако за полгода до получения диплома неожиданно для родных бросил учебу. Старший брат Денис, дембельнувшийся к тому времени, говорил, мол, делать в армии нечего. Коля с ним не согласился. Он твердо решил, что все равно пойдет служить.

...С запоздалыми извинениями Коля стал писать родителям, что на самом деле в Чечне ничего страшного не происходит и вся его служба ограничивается охраной блок-постов и поеданием фруктов. А брату Николай писал совсем другое: «То, что я написал родителям, это не правда. Ты сам служил в армии и понимаешь, что здесь происходит на самом деле». Что происходило на самом деле, родители узнали после гибели сына из письма командира отдельного мотострелкового батальона Игоря Турченка:

«За время службы в должности старшего наводчика гранатометного взвода 3 роты 697 отдельного гвардейского мотострелкового батальона рядовой Забайкин Николай Григорьевич зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, был ответственным и исполнительным военнослужащим. Николаю можно было доверить выполнение любой задачи, он всегда являлся надежным товарищем для сослуживцев. С момента прибытия в нашу часть для выполнения боевых задач на территории республики Чечня рядовой Забайкин проявлял мужество и отвагу. В составе роты и батальона выполнял боевые задачи по блокированию населенных пунктов в таких районах Чечни, как Надтеречный, Шелковской, Ачхой-Мартановский, Урус-Мартановский. Принимал участие в уничтожении незаконных бандформирований в Аргунском ущелье.

Во время боя действовал уверенно и решительно, всегда был готов прийти на помощь. В трудную минуту оказывался там, где была нужна поддержка, где было тяжелее всего. И немалая заслуга в том, что на многострадальной чеченской земле скоро

восстановится мир, принадлежит вашему сыну. Николай прекрасно понимал, что бесчинство и преступления, совершаемые террористами во многих городах нашей родины, необходимо прекратить. Он хотел, чтобы мирные люди, его родные и близкие, ложась спать, были уверены, что ночью не прогремит взрыв, не начнется стрельба, что наступит новый мирный солнечный день».

Свой последний бой рядовой Забайкин принял через 2 недели после 19-летия. Накануне его рота заняла высоту на одном из склонов Аргунского ущелья. Больше суток боевики короткими нападениями с разных сторон пытались выбить мотострелков с высоты. 30 декабря боевики начали очередной штурм, «поливая» наших солдат из автоматов и гранатометов.

Из письма Игоря Турченка: «29 декабря 1999 года около часа ночи рота получила задание занять господствующую высоту на восточных склонах Аргунского ущелья. В 12 часов дня рота выполнила боевую задачу и приступила к оборудованию опорного пункта на высоте в полутора километрах северо-западнее населенного пункта Чишки. Бандиты не ожидали, что в ночное время будет совершен захват горных высот. Желая выбить мотострелков с занимаемых позиций, около 5 часов утра 30 декабря 1999 года отряд боевиков численностью до 50 человек, воспользовавшись темнотой и густым туманом, а также отличным знанием местности, сумел скрытно приблизиться к опорному пункту взвода и открыл огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Мотострелки открыли ответный огонь и отразили первый натиск бандитов. Перерыв был недолгим. Обойдя с трех сторон, боевики начали очередной штурм. Ваш сын Николай прибыл на усиление к 3-му взводу с 1-м отделением 1-го взвода под командованием сержанта Киселева Владимира Александровича. Гвардейцы, уничтожая бандитов, дали возможность отойти товарищам и вынести раненых. Николай уничтожил несколько боевиков, но сам был смертельно ранен. Бой, принятый вашим сыном, стал для него последним».

Из последнего письма Николая Забайкина родителям: «С первых строк моего письма хочу сообщить, что у меня все в порядке и волноваться за меня нет ни малейшего повода. Нахожусь до сих пор в Чечне, но в этом нет ничего страшного. Боевые действия не ведутся, да и с мирным населением заключен договор. Стоим мы сейчас около поселков Старые и Новые Атаги, рядом горы. Совсем нет снега. Днем, бывает, в одних кителях ходим. Даже и не верится, что скоро Новый год. А так за все время, что мы здесь, исколесили всю Чечню. Были и в Дагестане, и в Ингушетии. Новостей много, но обо всем не напишешь. Да и писать про это неохота. Все расскажу при встрече. Очень охота сейчас домой, на Новый год, за праздничный стол. Но ничего не поделаешь. Радует, что это последний Новый год в армии. Вы пишите, мама, как там у вас дела, как драгоценное здоровье? Все ли нормально у вас? Охота узнать, как поживает братишка, все, поди, гуляет. Вы не ссорьтесь и не ругайтесь, пожалуйста. Это все такая ерунда».

Завитухин Андрей Анатольевич
22.06.1962 - 31.01.2000

Вологда

Посмертно присвоено звание Героя России

Подвиг Завитухина

«Ми-24», управляемый майором Андреем Завитухиным, шел на высоте почти 2,5 километра, когда с земли боевики открыли шквальный огонь из зениток. Прикрывая другой вертолет, «Ми-8», принадлежащий поисково-спасательной службе, Андрей Завитухин направил свой вертолет в зону огня. Несколько секунд, точные попадания, и «Ми-24» загорелся. Понимая, что далеко машина уйти не сможет, Андрей Завитухин принял решение направить вертолет на одну из зенитных установок.

Из воспоминаний мамы Героя Николаевой Галины Григорьевны: «Андрюшка родился пухленький, хорошенький, на 4,25 кг. Весь медперсонал ходил смотреть на него, так как врач сказала, что у него реснички стрелочками. Бабушка и дедушка души в нем не чаяли, да и как иначе, - первый внук. В 5 лет Андрюша спокойно ездил на мопеде, а в шесть красиво ходил на лыжах. В хоккей любил играть, его кумиром был Александр

Мальцев. Наиграется, придет такой усталый, что мог даже заснуть за тарелкой с едой. Умел делиться со своими друзьями. Если другу плохо, мог отдать самую любимую большую грузовую машину. И очень любил смотреть по телевизору программу «Служу Советскому Союзу».

В Вологде после окончания железнодорожного техникума его направили в город Юрьев Владимирской области. Там он жил один, в комнате не было ни кровати, ни белья. Отопление печное. Столовой не было, еду приходилось готовить самому. В общем, условия для жизни у молодого человека были не совсем привлекательные. Зато в письмах маме, чтобы ее не расстраивать, всегда писал: «Живу прекрасно, сплю на белых простынях, кушаю отлично. Почти год Андрей прожил в Юрьеве, а затем поехал поступать в Саратовское высшее военное летное училище.

Из воспоминаний Николаевой Галины Григорьевны: «Когда проходил медицинскую комиссию, одна докторша не давала согласие, ее тревожили гланды Андрея. А он все ходил и ходил к ней. Когда пошел в четвертый раз, сдалась и сказала: «Ну, коль опять пришел, садись, помогай мне заполнять карточки. В училище ему понравились и ребята, и преподаватели. Его фотография висела на доске «Наши отличники».

В 1985 году Андрей Завитухин окончил училище. Службу начал с летчика-оператора, но уже совсем скоро стал командиром вертолетного звена, побывав в Московском, Туркменском и Ленинградском военных округах. В Туркмении, куда его направили служить сразу после выпуска, встретился с будущей женой Аллой. В Германии у Завитухиных родились дети Никита и Аня.

Из воспоминаний жены Андрея Завитухина Аллы Александровны: «С первых дней знакомства с Андреем я поняла, какой это добрый и порядочный человек. Сразу поразило, что в отличие от многих, с кем приходилось общаться, Андрюша очень уважительно относился к старшим. Он очень любил свою маму, хотя никогда особенно об этом не говорил. Дома, в семье, никогда не делил дела и проблемы на мужские и женские. Вместе со мной растил детей. Знал, что такое бессонные ночи, бесконечные стирки, бутылки. В Германии, где пришлось служить, не было бабушек и дедушек, Анютка родилась, когда Никитке было чуть больше года. И только благодаря Андрюше мне это время не вспоминается сплошным кошмаром. Скажу больше, это были замечательные годы. Андрюша был не только великолепным мужем, любящим, заботливым, внимательным, терпеливым и верным. Таким же он был отцом. В меру строгим и требовательным. Но он очень любил детей».

Когда развалился Союз, Андрей сам напросился на службу на север. 26 сентября 1999 года из Мурманской области майор Андрей Завитухин был направлен в Чечню. Из официальных материалов войсковой части 3202: «За время прохождения службы на Северном Кавказе майор Андрей Завитухин зарекомендовал себя грамотным, смелым, мужественным офицером. Считал своим долгом быть там, где труднее и опасней. Бортовым оружием владел в совершенстве. Налетал 60 часов, выполнил 187 боевых вылетов. Уничтожил 1 БТР, 4 опорных пункта, 26 огневых точек, 5 минометных расчетов, 1 зенитную установку, около 130 единиц живой силы незаконных бандформирований».

31 января 2000 года майор Андрей Завитухин и капитан Алексей Кириллин получил приказ прикрыть поисково-спасательный вертолет «Ми-8», который в районе населенного пункта Хорсеной должен был найти и забрать на борт группу разведчиков, преследуемых боевиками. По злой иронии судьбы, в день гибели Андрея его коллеги сфотографировали «Ми-24», на котором экипажу предстояло совершить последний вылет, хотя фотосъемка винтокрылых машин считается нехорошей приметой. Возраст Андрея Завитухина остановился на «пушкинской отметке» 37.

Залыгин Евгений Викторович
02.05.1980 - 28.01.2000

Поселок Семигородняя, Харовский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Крест на Минутке

В январе 2000 года в чеченской столице шли непрекращающиеся бои за площадь

Минутка. Генералы планировали освободить центр Грозного за 4 дня, однако только на Минутке российские войска «тормознули» на целый месяц. 28 января после тяжелого ночного боя в разведку были посланы 9 солдат из группировки внутренних войск. Командовал разведчиками майор Логинов. В разведгруппе был и оператор-наводчик пятой мотострелковой роты Евгений Залыгин.

С малолетства Женька был вполне самостоятельным парнем. Уже в 7 лет колол дрова деревенским бабулькам, а в 15 лет стал единственным кормильцем в семье: его мать осталась без работы, и знакомые устроили Женю в местный лесмпромхоз слесарем. О дальнейшей учебе речь уже не шла, нужно было зарабатывать деньги, чтобы прокормить мать и младшую сестренку Лену.

«Женя очень хорошо разбирался в технике, - рассказывает его мама Ирина Николаевна. - Он мог полностью разобрать и собрать трактор. Постоянно возился с магнитофонами. Помню, Женька вместе с приятелями практически без помощи взрослых построили местный клуб. Когда клуб был уже построен, Женя презентовал туда свой магнитофон».

В армию Евгений не должен был попасть со своим призывом. В 17 лет у парня неожиданно заболели ноги. Медики поставили ему диагноз «варикозное расширение вен» и отправили на операцию. После больницы врачи сказали родным, что для полного выздоровления требуется, как минимум, два года. Однако уже через год парень топтал плац в учебной части поселка Лебяжье, под Питером. Его призвали во внутренние войска МВД.

Из воспоминаний Ирины Николаевны Залыгиной: «Под Питером Женя прослужил около года. В армии он ни на что не жаловался. Руки у парня были «золотые». Благодаря этому служить Жене было легко. Он писал, что помогает офицерам, а они его за это балуют. Часто ночевал дома у своего командира. Тот его кормил, одевал и отмывал в бане. А через год написал, что предстоит отправка, но куда именно могут забросить, неизвестно. 14 сентября 1999 года Женю отправили в Кизляр. Потом часть прошла из Кизляра через Гудермес и Грозный. С Кавказа сын прислал всего три письма. В последнем письме написал, что сам построил баню и теперь все ребята ходят мыться, а он истопник».

Из письма, полученного Ириной Николаевной от родителей жениного сослуживца Виталия Керина:

«Нашему Виталику было ровно 18 лет и 10 месяцев, когда он погиб. С вашим сыном он вместе служил в учебке, вместе их отправили в часть, вместе они и погибли. Мы получили письмо от мамы еще одного солдата, Андрея Иванова, погибшего в этом же бою. Она ездила в Псков и встретила там капитана-очевидца. Вот ее письмо: «С Логиновым их было 9 человек. Пошли вперед. Бой был ночью на площади Минутка. Сзади их должна была поддерживать основная группа солдат, занявших позиции в высотных домах. Они выстрелили каким-то устройством, которое называют «шлангом», чтобы разминировать дорогу для тех девятерых. Но этот «шланг» не долетел, и все ребята, прикрывавшие наших, оказались под завалами домов, все вокруг начало взрываться, и наши сыновья вдевятером остались в гуще боевиков, которых, как он сказал, было около двух тысяч. Наши дети бились с этой ордой. Что боевики творили с нашими ребятами, одному богу известно. Не давали забирать раненых, заваленных домами. Ребята умирали, не дождавшись помощи. Майора Логинова сожгли живьем. Ребят вытащили ночью на третьи сутки тросами, майора только на пятые. Выжившие поставили крест с именами наших детей, но боевики его сожгли. Капитан сказал, что ребята были хорошо подготовлены, поэтому их и запихали в разведку. Генералы кричали - взять Минутку за 4 дня, а взяли только за месяц. Было жарко и солдатам, и офицерам. Витя ездил на опознание, сказал, что у Виталика отрезано одно ухо. Андрей Иванов весь избит, сломана переносица. Короче, поиздевались над нашими детьми. Погляделили они смерти в глаза. У Виталика оскал так и остался, видно, от боли».

30 января 2000 года часть, в которой служил рядовой Евгений Залыгин, должны были переправлять бортом обратно в Питер. Солдат не дожил 2 дня до борта.

Изюмов Владимир Николаевич
13.08.1977 - 01.03.2000
Сокол. Посмертно награжден Орденом Мужества

Берет из славной 6-й роты

Боевики напали на ротный опорный пункт ночью. Сначала вышли по радио на командира батальона подполковника Марка Евтухина, находившегося в 6-й роте, с предложением пропустить их колонну «по-хорошему». «Нас тут очень много, раз в десять больше вас. Зачем тебе неприятности, командир? Ночь, туман, никто не заметит», - увещевали по очереди полевые командиры из особо приближенных к Хаттабу. В ответ получили известный посыл. И тогда на позиции 6-й роты псковского десанта обрушился шквал огня. Из минометов, гранатометов, из всех видов стрелкового оружия.

По плотности огня стало ясно, что бовеивки не блефовали, их число действительно в несколько раз превосходило силы десантников. Как выяснилось позже, 25-кратный перевес. 92 бойца шестой роты приняли на себя удар 2500 хаттабовцев. Бой продолжался более 20 часов. Лишь 6 десантников смогли вырваться из мясорубки под Улус-Кертом. 86 человек, в числе которых был сокольчанин Володя Изюмов, сложили головы на высоте 705,6 в Аргунском ущелье.

На роту между двух речек на перешейке в 200 метров уже в первую атаку двинулись не менее 500 боевиков. Через пару часов боя стало очевидным, что роте попросту не хватит боеприпасов на сдерживание почти непрерывных атак. Комбат по рации запросил помощи у своего заместителя майора Александра Доставалова, находившегося с 3-й ротой в другом месте. Зам. немедленно двинул часть подразделения к обороняющимся. Когда оставалось не более десяти минут пути, помощь напоролась в темноте на одно из минных полей, установленных в округе и «федералами», и боевиками.

В течение недели после жесточайшего боя Росинформцентр и помощник президента по контрпропаганде Сергей Ястржембский делали все возможное, чтобы информация о гибели десантников из псковской дивизии ВДВ не потревожила граждан. Первым о трагедии сообщило Агентство военных новостей (АВН). Но даже тогда, когда скрывать информацию уже было невозможно, официальные структуры не сообщали ни подробностей боя, ни реального количества погибших. Сергей Ястржембский твердил только о 31 погибшем десантнике и обвинял прессу в преувеличении потерь. На самом деле в бою за высоту 705,6 пали 86 человек, в том числе 13 офицеров. Именно такие данные сообщили позже в штабе ВДВ, настроение в котором не способствовало вранью.

Рота сражалась в окружении, и первоначально считалось, что погибли все 92 человека. Уточнить количество жертв было невозможно, так как боевики захватили высоту. Через некоторое время из окружения вырвались шесть десантников во главе с сержантом Андреем Поршневым, которые и рассказали о трагедии 6-й роты. Гибель роты командование ВДВ объясняет тем, что противник имел двадцатипятикратное превосходство.

Володя Изюмов родился в Соколе, а 8 классов окончил в школе деревни Обросово. Его семью можно назвать неблагополучной, отец умер рано, а отчим долгое время отбывал наказание в колониях. Жили Изюмовы всегда бедно. Володя был старшим ребенком в семье. У него остались две младшие сестренки и братишка. Мать Володи Нина Яковлевна, всю жизнь проработавшая поваром в одном из сокольских кафе, рассказывала, что Володя был человеком очень резким: всегда и всем говорил только правду, поэтому ему не дали окончить 10 классов.

После школы парень отработал каменщиком в Соколе, отслужил срочную службу в морской пехоте. После службы никак не мог найти работу и в начале 2000 года подписал годовой контракт на службу в армии. В областном военкомате его просьбу утвердили, направив солдата по его настойчивому требованию в псковскую дивизию ВДВ. Там Володя прослужил лишь месяц.

Кораблев Максим Николаевич
10.12.1981 - 12.10.2001
Сокол. Посмертно награжден Орденом Мужества

Белый ангел

Максим очень гордился тем, что попал служить в спецназ. В письмах, которые Максим писал каждую неделю, неизменно рассказывал о том, какой хороший у них командир, какие замечательные ребята. В одном из писем описал случай: к сослуживцу приехала девушка, а парень работал в кочегарке. «Я, мама, если бы служил в кочегарке, наверное, бы и не вышел, - написал Максим. - Мне было бы стыдно».

Максим - уроженец Усть-Кубинского района. Сначала учился в верхнераменской средней школе, затем в первомайской. После школы закончил профессиональное училище №29 по специальности столяр-деревообработчик.

Уже десятилетним ребенком Максимка вместе со старшим братом Сергеем проводил время в лесу и на реке. Очень скоро оба стали профессионалами в охоте и рыбной ловле. Офицер части, в которой служил Максим, говорил, что это был один из самых подготовленных воинов, лучший снайпер батальона, занимавший первые места в показательных стрельбах.

Из воспоминаний школьных учителей: «Вместе с братом Максим всегда помогал родителям по хозяйству, очень любил свою младшую сестренку, водил ее в садик. Незаметно для всех превратился из обычного мальчугана, рыжеватого и с конопушками, краснощекого с озорными глазами, в высокого, стройного, красивого парня».

К охоте и рыбалке его приучил отец. В армию пошел с удовольствием. Очень был горд и рад, когда его взяли в спецназ главного разведывательного управления. И в Чечню пошел сознательно. В одном из последних писем написал: «Ну, тянет меня туда, и все. В батальоне и так недобор, ведь кто-то должен служить. Нас ничем туда не заманивают, даже не знаю, будет ли короче срок службы и будут ли платить боевые».

В детстве Максим был веселым непоседой. Ему было всего 4 года, когда из районного центра приехали врачи осматривать детей. Про то, чтобы была война в Афгане, Максим в то время уже слышал. Спросил у врача: «А я, дядя доктор, пойду воевать в Афган?» На что доктор ответил: «Да такого богатыря, как ты, куда угодно возьмут».

Его призвали на службу 27 октября 2000 года. Отряд спецназа ГРУ «Белые ангелы», в котором служил Максим, базировался в Уссурийском крае. В октябре 2001 года его часть перебросили в Чечню, где рядовой Кораблев пробыл всего неделю и погиб в первом же бою.

Из письма родителям Максима от его сослуживцев: «Здравствуйте, уважаемый Николай Дмитриевич и Татьяна Борисовна. Всем отделением хотим выразить свое сочувствие по поводу вашей утраты. Погиб Максим. Так много хочется сказать, но рука почему-то не пишет, да и что можно выразить, какие чувства передать на бумаге. Спасибо за Максима. Вы вырастили и воспитали Человека с большой буквы. Добрый, отзывчивый, очень работящий, всегда готовый прийти на помощь кому бы то ни было. Было такое ощущение, что от него исходит ореол спокойствия и доброты. Ранним утром 12 октября группа вышла на задание и неожиданно попала в засаду. Боевики напали со спины и стреляли почти в упор. Было ранено несколько наших парней, нужно было срочно их эвакуировать. Максим оказался ближе всех к боевикам и без раздумий принял бой, вызвав огонь на себя и тем самым дав возможность вытащить из-под пуль раненых товарищей. Когда ребят эвакуировали, Максим начал отходить и почти успел. Перед самыми нашими позициями пуля все-таки настигла его и оказалась смертельной. Максим навсегда останется в нашей памяти. Простите, Христа ради, что не смогли уберечь вашего сына и вернуть его вам живым. С глубокой скорбью и уважением личный состав 2-й роты, 42 человека».

А официальное письмо командования части заканчивается так: «Мы всегда будем помнить о Максиме, о его подвиге, мы отомстим за его гибель». В Соколе, кроме родителей, героя ждала его любимая девушка Катя. Вместе с ней до армии он строил планы на будущую жизнь. И Кате, как она говорит, очень трудно теперь выбрать мужа, поскольку всех она сравнивает с Максимом.

Крылов Дмитрий Викторович
21.02.1982 - 19.08.2002
Шексна

Шиповник, предвестник Ханкалы

После окончания сержантских курсов и полугодовой подготовки в Камышино под Волгоградом в августе-2002 уроженец Шексны Дима Крылов вместе со 150 военнослужащими отправился на вертолете «Ми-26» в Чечню. После полудня вертушка взяла курс на Ханкалу. Однако до аэродрома ханкалинской военной базы «Ми-26» не дотянул.

После прямого попадания в двигатель «Корова», как прозвали «Ми-26», закрутилась вокруг оси и тяжело рухнула вниз. От удара о землю вертолет взорвался и загорелся. Уцелевшие солдаты выскакивали из горящего «Ми-26» и попадали в минные ловушки. Поле, на которое упал вертолет, оказалось заминированным. Из полутора сотен человек, находившихся на борту, остались в живых лишь три десятка.

Дмитрий Крылов оказался одним из 119 погибших в ханкалинской трагедии. В тот роковой понедельник мать Димы Галина Ароновна никакой беды не чувствовала. Да и вторник начинался с приятных хлопот: мать собирала сыну бандероль. Дима просил прислать на службу бритвенные принадлежности. Поздно вечером в дверь постучала соседка: по телевизору показывают списки погибших в вертолете, а там...

Одним из погибших действительно значился Крылов Д.В. из Вологодской области. Галина Ароновна набрала номер «горячей линии». На том конце подтвердили трагическую информацию. Сначала у матери были сомнения: может, это простое совпадение? Однако и дата призыва, и срок службы, да и название военкомата, полностью совпадали. «Нас, конечно же, приглашали на опознание, - рассказывает Галина Ароновна. - Но я не решилась ехать. Я понимала, что если он погиб сразу, в вертолете, то сильно обгорел, а если выскочил на минное поле, то собирали его уже по частям. Я хотела, чтобы в моей памяти Дима остался таким, каким я видела его в последний раз, перед уходом в армию. В Ростов-на-Дону поехал мой отец Арон Александрович».

Дима рос самым обычным парнем. Учился средне, нигде особо не выделялся и вообще был домашним мальчиком. «Я даже начинала волноваться, что Дима больше любил дома мыть посуду или готовить, чем в гурьбе сверстников возиться с разной техникой, - вспоминает Галина Ароновна. - Я настояла, чтобы после школы Дима поступил в местное училище на тракториста, хотя сам Дима хотел стать поваром. Теперь я об этом жалею».

В армию Дмитрия призвали в июне 2001 года. Парень сдавал выпускные экзамены и имел право на отсрочку до осени, но решил не отставать от друзей, тоже получивших повестки, и уже через неделю оказался в сержантской учебке под Питером. Первые 4 месяца постигал военную науку на картофельных полях: в качестве шефской помощи молодое пополнение направили на уборку урожая. Дима этому был только рад, колхозные земли находились на окраине города, где жила любимая девушка Оля. После учебки, где Дмитрию Крылову присвоили младшего сержанта, часть переправили в Камышин под Волгоград. А в начале августа-2001 он с тяжелой формой ангины оказался в местном госпитале. 15 августа в телефонном разговоре с мамой Дмитрий рассказал, что он до сих пор в больнице, все у него по-старому и никаких новостей не предвидится. 16 числа в госпиталь позвонила сестра Галины Ароновны, ей сказали, что Дмитрий выписан и отправлен в свою часть. А еще через двое суток сержант уже поднимался по трапу на борт вертолета «Ми-26», вылетавшего в последний рейс по маршруту Моздок - Ханкала.

Когда Диме исполнилось 16 лет, он посадил под окнами своей пятиэтажки куст шиповника. Растение долго болело, однако после отбытия парня в армию куст начал быстро расти. Когда солдату об этом написали в письме, он ответил: «Ну, и хорошо, теперь у людей останется обо мне память».

Кудринский Михаил Николаевич
26.11.1976 - 22.12.2000
Никольск. Посмертно награжден Орденом Мужества

«Взрывная травма»

Семья Кудринских приехала в Вологодскую область из Мурманска, когда среднему сыну Мишеньке исполнился год. В Никольском районе Миша окончил среднюю школу №1, а в 1996 году ушел в армию. Служил в Вологде в дорожных войсках. В июле-1998 вернулся домой. Объявил, что собирается жениться. На службе он познакомился с девушкой Аленой. 14 января 1999 года сыграли свадьбу в Вологде. В мае того же года у молодых родился сын Валера.

«Почти сразу после свадьбы Миша уехал с семьей в Воронеж, - рассказала мама погибшего солдата Валентина Николаевна. - Там недалеко от областного центра, в селе Рассыпное, жила бабушка Алены. Бабушка была из зажиточной семьи, и у нее остался большой дом под Воронежем. Миша был очень работящим. На родине за две недели с батькой выкосил весь сенокос. Но как-то раз он приехал в Никольск и сказал: «Если я здесь буду жить - точно сопьюсь». А в Воронеже ему нравилось».

Михаил устроился на работу в колхоз, однако проработал недолго. «Он приехал домой и сказал, мол, теща требует денег, - вспоминает Валентина Николаевна. - А сами мы богато никогда не жили. Мне пришлось одной воспитывать троих парней: муж ушел из дома, когда ребята еще были маленькими. И Миша осторожно намекнул, что хочет подписать контракт. Я настаивала на том, чтобы он никуда не уезжал. Я понимала, что его как контрактника сразу отправят на Северный Кавказ. Миша тут же сделал вид, что про армию пошутил, и сказал, что никуда не поедет. А в сентябре уехал обратно в Воронеж. Там все-таки подписал контракт. Честно говоря, я даже не знаю, на какой срок. Наверное, на полгода».

Михаил Кудринский подписал контракт с тамбовской воинской частью № 52424 в конце ноября-2000 и отправился в Чечню. Прослужил на Кавказе меньше месяца. 22 декабря погиб, получив, как указывается в официальном сообщении, «взрывную травму».

«Я ведь даже толком не знаю, как и при каких обстоятельствах погиб Миша, - как только Валентина Николаевна берет в руки фотографии сына, на глазах наворачиваются слезы. - Все бумаги и адреса забрала Алена, которая сразу после гибели Миши снова вышла замуж и уехала жить в Питер. Со своим горем я сейчас осталась одна. Хорошо, хоть фотографии Мишеньки кое-какие остались».

Лагунов Юрий Григорьевич
25.12.1968 - 21.07.2001
Сокол. Посмертно награжден Орденом Мужества

«Красный молот»

Когда в 2000 году в структуре УВД создавали новое подразделение, отдел по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка, Юрия Лагунова, как наиболее опытного сотрудника сокольского ГОВД, перевели на работу туда. Лагунов отвечал за борьбу с незаконным оборотом водки и вырубкой леса.

Родился в деревне Кленово Усть-Кубинского района. В 1987 году окончил сокольское профтехучилище по специальности водитель и до армии работал на местном лесоперерабатывающем комбинате. На тот же комбинат вернулся после службы, а затем два года отработал на деревообрабатывающем заводе. Гражданская жизнь для Юрия Лагунова закончилась в 1992 году, когда он пришел на службу в правоохранительные органы. Начал с должности инспектора дорожно-патрульной службы, совмещая милицейские будни с заочной учебой в вологодской специальной школе подготовки начальствующего состава милиции. В октябре-1995 присвоено звание младшего лейтенанта.

11 июля отправился в первую командировку на Северный Кавказ. В Чечне Юрий Лагунов пробыл всего два дня. 21 июля рано утром несколько машин выехали с терри-

тории временного отдела Ленинского района Грозного для ликвидации точек незаконной добычи нефти. На одном из БТРов был и Юрий Лагунов. В 150 метрах от блокпоста БТР подорвался на фугасе. Осколок адской машины, пробив бронежилет, попал в грудь. Младший лейтенант погиб на месте. После взрыва боевики, засевшие на рядом расположенном заводе «Красный молот», открыли по колонне огонь из автоматов. В бою погибли еще несколько человек.

Юрий Лагунов должен был уехать в Чечню на три месяца раньше с предыдущей группой милиционеров, но неожиданно приболел. Когда поправился, врач, похлопав его по плечу, сказал: «Ну, теперь будешь жить до 100!» Увы - до 33-х.

Лепихин Сергей Валентинович
19.04.1981 - 10.03.2000
Вологда. Посмертно награжден Орденом Мужества

Радиотелефонист по призванию

Сережка рос очень скромным и тихим мальчуганом. Большим кругом друзей похвастать не мог, а лучшими подружками были две его старшие сестры. Зато от техники его было не оттащить за уши. Сначала он научился разбирать и собирать велосипеды, затем мопеды и мотоциклы, а когда в очередной раз гостил у деда в деревне, тот оставил ему старенький «Москвич» и сказал: «Сумеешь сделать так, чтобы машина ездила, - забирай себе». Сережа быстро поставил «Москвич» на колеса.

Родился в Вологде. В первый класс пошел в школе №29, а затем перевелся в 37-ю школу. Сереже было 10 лет, когда умер отец. Его и двух старших сестер мать «поднимала» одна. После окончания 9 классов поступил в 17-е училище на автослесаря. Поработать перед армией по специальности толком не успел. Хотя парню давали отсрочку от армии для защиты диплома, он сам непременно хотел уйти в армию весной, чтобы ровно через два года вернуться домой в начале весны. Быстро защитился в училище, а диплом за него получали сестры.

22 июня 1999 года Сергей отправился в войска МВД, в Череповец. Оттуда через три месяца троих солдат, в том числе его, переправили в Киров. Сергею предлагали остаться в Череповце и выучиться на кинолога, но он не захотел. Его больше привлекала перспектива кировской учебки, где учили на радистов. Ведь он обожал возиться с механизмами и электрооборудованием.

Почти полгода Сергей учился на радиста, после чего попал в Петрозаводск. Домой писал, что на службу жаловаться не приходится. В столице Карелии он часто ходил домой к ребятам, которые родом из Петрозаводска. В январе пришла последняя весточка из поселка Лебяжье, что под Питером. Часть перебросили в Чечню. Потом была похоронка: «Ваш сын погиб смертью храбрых».

«Я знаю женщину, чей сын служил вместе с Сережей, - рассказывает мать погибшего солдата Галина Александровна. - Он был в то же время в Комсомольском. Женщина мне сказала, что лучше ничего не знать о том, как погиб мой мальчик». В коротком письме, присланном командованием воинской части, говорится очень сухо: «9 марта взвод связи 1-го батальона оперативного назначения проводил операцию по уничтожению бандитов в населенном пункте Комсомольское. В ходе операции группа вступила в бой с противником. Ваш сын Сергей в сложившейся ситуации смог проявить выдержку, хладнокровие и оказать достойное сопротивление нападавшим бандформированиям. В ходе боестолкновения с противником радиотелефонист взвода связи Лепихин Сергей Валентинович геройски погиб».

По отрывочным данным, в окрестностях Комсомольского Сергей подорвался на мине вместе с командиром. Родственник, который ездил в морг Ростова-на-Дону, рассказывал, что у парня сильно повреждены руки и стопы.

Когда в 1999 году Сергей Лепихин пошел в армию, он попросил маму не высылать ему в армию лишних денег, а лучше откладывала их в копилку. «Он очень хотел, чтобы после армии у него хватило денег хоть старенький автомобиль», - вспоминает Галина Александровна.

Лешуков Дмитрий Александрович
27.07.80 - 26.11.2000
Поселок Дуниловский, Никольский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Охота за «зажигалками»

Подозрительные тени в кустах Дима заметил первым. Медлить было нельзя. Если это были боевики, то они, скорей всего, охотились за бензовозами, которые стояли на территории временного лагеря. «Уралы», перевозившие топливо для воинских частей, солдаты называли «зажигалками». Достаточно было одного попадания из гранатомета, чтобы уничтожить сразу несколько машин. И среди солдат было бы много погибших.

Дмитрий Лешуков передернул затвор «Калашникова» и, направив ствол в сторону кустов, нажал на спусковой крючок. В ответ раздалось несколько автоматных очередей. Дмитрий не ошибся, это были бандиты, охотники за «зажигалками». Началась ожесточенная перестрелка. Сколько было боевиков, осталось неизвестным. Солдат несколько минут отбивался от них один. Когда стало понятно, что внезапное нападение сорвано, боевики выстрелили в сторону солдата из гранатомета. Осколок попал парню в голову.

Димка фанатично любил технику. Уже подростком он лихачил на мотоцикле. Потом переключился на более серьезный транспорт. Сначала помогал взрослым, а потом уже и самостоятельно разбирался с машинами и тракторами. «Мы как-то притащили с ним кузов от трактора, который нашли в болоте, - вспоминает отец солдата Александр Борисович, - и в итоге собрали хороший трактор. До сих пор ездит».

Неполную среднюю школу Дима окончил в своем родном Дуниловском, а 11-й класс доучивался в интернате деревни Завражье, что в 12 километрах от Дуниловского. Дома появлялся только в выходные. Правда, бывало, прибегал и на неделе. Вечером забежит, всех повидает, поболтает и убегает обратно, чтобы к утру успеть на уроки. В школе, помимо аттестата, Дмитрий получил права тракториста.

После окончания 11 классов школы и Никольского ПТУ №9 устроился перед армией на работу к местному лесному предпринимателю Николаю Плотникову, который сразу посадил Диму на трактор. «Ну, Димка, придешь из армии, куплю тебе новый «Урал», - пообещал Плотников на отвальной. В армии Дмитрий Лешуков тоже ездил на «Урале», на бензовозе. В ноябре-2000 колонна больших грузовиков шла на базу одной из воинских частей. В ночь на 26-е число машины остановились лагерем недалеко от Ачхой-Мортана. Сопровождения не было и солдаты-водители охраняли себя сами. Охранять один из постов вызвался Дима.

«О том, что произошло под Ачхой-Мортаном, нам рассказал майор, который привез сына, - говорит Александр Борисович. - Он пояснил, что если бы Дима проспал, не исключено, что погибли бы все». После осколочного ранения в голову ефрейтор Дмитрий Лешуков был еще жив. Прибежавшие на выстрелы сослуживцы сделали своему спасителю укол и, погрузив в машину, повезли в ближайшую больницу. По дороге Дима скончался.

...Проводы в армию были шумные, веселые. По обычаю до моста через реку Юг провожали всем поселком. По обычаю парень, уходя в армию, подает своей любимой девушке елочку, вырванную с корнем, которую потом украшают лоскутками и вешают под крышу дома. Девушки у Димы не было, елочку он отдал соседской девушке Танюшке, которая жила рядом и дружила с его сестрой.

Максаков Михаил Михайлович
08.10.1980 - 04.10.1999
Сокол. Посмертно награжден Орденом Мужества

«Это мой долг»

В полном неведении похоронили своего единственного сына Михаил Алексеевич и Вера Александровна Максаковы из Сокола. Цинковый гроб с телом Миши привезли

в Сокол в середине октября 1999 года. В официальной справке о причине гибели говорится, что «смерть наступила от кровопотери в результате двойного огнестрельного ранения в грудь, полученного в районе боевых действий на территории Чеченской республики».

Тщетно пытался Михаил Алексеевич разговорить ребят, доставивших из Чечни тело его сына. Единственное, что добавили военные, это то, что Миша, кажется, погиб на КПП. А вот с работниками сокольского военкомата сопровождающие были более откровенны. Коллегам они сказали, что группа, в которой был Михаил Максаков, попала в засаду, и солдат был убит в перестрелке. Почему надо было это недоговаривать, совершенно непонятно.

Миша Максаков всю свою короткую жизнь прожил в Соколе. Учился в школе, потом поступил в профтехучилище. Занимался хорошо. Был очень общительным и компанейским парнем. Летом 1999 года, когда пришло время отправляться в армию, ему было чуть больше 18 с половиной лет. «Закосить» он и не думал. Сдав на три дня раньше выпускные экзамены и отпраздновав отвальную, он отправился на призывной пункт. 16 июня значилось сроком призыва.

Свое первое письмо домой Михаил отправил из Москвы, ставшей перевалочным пунктом. «Он, вероятно, и написал-то на скорую руку и бросил в первый попавшийся почтовый ящик, - предположил отец солдата. - Сообщил, что приписан к ленинградскому военному округу и будет служить в мотострелковых войсках. Как только прибудет в расположение части, подробно обо всем напишет».

Следующее послание отправлено из-под Волгограда, из города Камышин-10. Солдат сообщал, что произошли изменения и служба предстоит не в пехоте, а в воздушно-десантных войсках. А потом потоком пошли обычные армейские письма, сводившиеся к одному: «У меня все нормально, обо мне не беспокойтесь». Писал Михаил, что служба идет своим чередом, что на отлично сдал нормативы, а удалось это не всем в полке, и что прыгал с парашютом. В последнем письме, дошедшем до Сокола примерно в середине сентября, сообщил: «Могут послать в Дагестан. Отказываться я не буду. Это мой долг».

«У меня сердечко, конечно, екнуло от мысли, что сын будет служить в «горячей точке». Но как мужчина я его прекрасно понял», - говорит Михаил Алексеевич. А потом несколько недель от Миши писем не было совсем. Хотя до этого он посылал весточку практически каждую неделю. 8 октября Михаилу должно было исполниться 19 лет. Родители спросили в письме, что бы он хотел получить в подарок. Это письмо осталось без ответа. Родители еще не знали, что за 4 дня до 19-летия, 4 октября, сын погиб.

Плохую весть они получили через несколько дней, когда к ним домой пришел сокольский военком. А 16 октября на станцию Сухона прибыл вагон с гробом Михаила Максакова. Со дня призыва прошло ровно 4 месяца. Народу на похоронах было очень много. Нелегкий цинковый гроб мишины друзья почти до самого кладбища несли на руках. Не потому, что не было транспорта. Так решино было проводить друга в последний путь.

15 октября, за сутки до того, как тело Михаила Максакова привезли на родину, вышел президентский указ №1388, предписывающий отправлять в район боевых действий только тех военнослужащих срочной службы, что отслужили не менее полугода. И уже в декабре из района боевых действий стали выводить молодых солдат, которые еще не нюхали пороха.

Морозов Владимир Николаевич
2.03.1967 - 21.08.2001
Красавино, Великоустюгский район

«Куплю дочерям все, что захотят»

Когда весной 2001 года Владимир Морозов прочитал объявление в газете о наборе военнослужащих по контракту в Чечню, мало кто из родных пытался его отговорить. Лишь жена Надежда старалась вразумить, мол, там могут и убить. Муж отшучивался, дескать, если и убьют, все равно государство выплатит деньги, на которые можно

будет что-то купить дочерям.

Владимир Морозов родился в деревне Слуда Кич.-Городецкого района. После окончания 8 классов средней школы прошел курсы водителя, а в 18 лет отправился на службу. Володю призвали в Челябинск, где он два года отслужил радистом. Пока носил армейские погоны, семья переехала в Красавино. После армии Владимир, не раздумывая, приехал в Великоустюгский район. В городке познакомился с будущей женой Надей и устроился работать на красавинский льнокомбинат.

Комбинат лихорадило, начались перебои с зарплатой. Владимир перешел на местный кирпичный завод, где работникам обещали помочь с квартирой. Примерно через год семье Морозовых, которая к тому времени уже состояла из четырех человек, выделили однокомнатную квартиру в кирпичном доме. Казалось, семейная жизнь налаживалась. У главы семьи была стабильная работа. К тому же Морозовы выращивали овощи на большом земельном участке. Однако вскоре и кирпичный завод залихорадило. Владимир устроился в котельную при доме-интернате. Но и там зарплата была слишком маленькой, чтобы обеспечить семью. И вот, увидев объявление в газете, Владимир решил идти на войну.

В начале весны-2001, съездив предварительно в военкомат и подписав полугодовой контракт, Владимир стал готовиться к отправке. И уже 15 мая он уехал в часть, которая базировалась под Питером. Через месяц подготовки и прохождения различных комиссий контрактник написал домой, что из-за незначительных проблем со здоровьем его может не пропустить медицинская комиссия. Однако на штампе следующего письма значилось: «Грозный».

Владимир написал, что, как и на срочной службе, в Чечне служит радистом, а задействован в основном в охране здания комендатуры. Больше писем не было. Как выяснилось позже, и он сам по непонятной причине не получил от родных ни одного послания. Они почему-то задержались. Вместе с гробом сопровождающие привезли большую пачку нераспечатанных конвертов.

Из воспоминаний жены погибшего Надежды Николаевны: «Я до последнего момента надеялась, что с поездкой в Чечню у Володи не получится. Денег, конечно, в семье иногда не хватало, но и голодом мы никогда не сидели. Володя очень любил работать на земле, так что проблем с личным хозяйством у нас не было. Разводили кроликов. Их у нас было очень много. Особенно стали сильно плодиться, когда Володя уехал на Кавказ. В то лето с ними происходило что-то невероятное. Все думали, мол, придет Володя, будет много своего мяса. По характеру Володя был иногда вспыльчив, но в целом у нас с ним не было никаких проблем. Володю, конечно, не устраивала зарплата, которую то платили, то не платили. Он хотел заработать денег, но потратить хотел их очень оригинально. Говорил, мол, заработаю денег, и куплю нашим дочерям Кате и Марине все, что они захотят. Без каких-либо ограничений».

В роковой день 21 августа Владимир не должен был заступать на охрану грозненской комендатуры. Пост должен был принять другой солдат, но его отправили на другой объект. Что произошло на посту, толком не поняли сослуживцы Владимира Морозова. Они слышали взрыв. По одной версии, Владимир погиб из-за неосторожного обращения с гранатой. По другой, на посту взорвалась граната, «посланная» боевиками из подствольного гранатомета.

Невзоров Юрий Александрович
3.05.1977 - 13.07.2001

Поселок Полдарса, Великоустюгский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Я нашел себя здесь»

В небольшом поселке Полдарса Великоустюгского района после армии работу Юра найти не смог. Леспромхоз был единственным местом, куда мог устроиться молодой парень. Впрочем, и лесное предприятие вскоре повисло на грани банкротства. Юра вместе со старшим братом поехал на заработки в Москву, но там долго проработать не смог. Родителям объяснил, что не может долго находиться в городе.

Юрий родился в деревне Прилуки Великоустюгского района и всю свою созна-

тельную жизнь прожил в сельской местности. После окончания 9-ти классов поступил в ПТУ №44 в Великом Устюге, однако проучился всего год и из-за болезни был вынужден забыть о дальнейшем образовании. До армии перебивался разными малозначащими работами, а в 1995 году отправился на срочную службу. Призывника Невзорова отправили в пограничные войска в Мурманскую область. Писал, что служба идет своим чередом, приходится много заниматься физической подготовкой, в частности, бегать по сопкам.

Через два года дембельнулся в звании ефрейтора. Какое-то время жил дома. С работой не везло. Ничего существенного, кроме подсобных работ, найти в леспромхозе так и не смог. Единственное, что предлагали местные работодатели, - расчистку делянок на вырубках. Юра стал задумываться о подписании армейского контракта, хотя большого желания вернуться в строй у него не было.

«Юра очень любил рыбалку, - рассказывает его мама Наталья Геннадьевна. - К тому же ему приходилось много работать по хозяйству. Мы держали много скотины. И заготовкой сена в основном занимались Юра и старший сын Валера». «А вообще это был рубаха- парень, - вступает в разговор отец погибшего солдата Александр Ильич. - Он готов был отдать последнее. Как-то раз купили ему новый свитер. Едем по дороге, видим, стоит на обочине девчонка. По ее виду было понятно, что замерзла. Юрка отдал ей этот свитер. Говорит, мол, ей же холодно. А еще он был очень юморной и смеялся так заразительно, что невольно начинали смеяться все окружающие. Как-то раз из армии отправил в письме карикатуру на себя. Нарисовал сам себя почему-то с крылышками за спиной и с ореолом над головой. Как будто предвидел попадание на небо».

Хотя контракт Юра подписал с неохотой, через несколько месяцев мнение о контрактной службе у ефрейтора Невзорова изменилось. «Я начинаю понимать, что нашел себя здесь. Если выживу, подпишу еще один контракт и поеду в Таджикистан», - написал он родителям. Впрочем, ничего особенного об армейской жизни он не сообщал. Писал, что в его подчинении 13 ребят, которые понимают его с полуслова. Они охраняют какие-то склады. Сам он помощник гранатометчика. Совсем мало его в посланиях отводилось места участию в боевых действиях. Только раз намекнул, что довелось брать какую-то банду. Операцию даже показывали по телевизору, и если родители видели в новостях БТР с крабом на борту, это именно тот БТР, на котором служил их сын.

Из писем родители знали, что сначала сын служил в Шалинском районе, потом группу перебросили в Ханкалу. Там ефрейтор Невзоров и погиб. В ночь на 12 июля палаточный городок был обстрелян боевиками из минометов. Одна палатка от прямого попадания мины мгновенно загорелась. А сгорает она в считанные минуты, как позже рассказывали юриным родителям военные, рассказавшие также, что Юрий без промедления бросился в горящую палатку, откуда успел вывести четырех сослуживцев. Сам при этом получил сильнейшие ожоги. Когда на Юре удалось сбить пламя, однополчане решили, что он погиб.

«Мы не можем ругать сослуживцев Юры, не оказавших ему своевременную помощь, - устало произносит мама солдата Наталья Геннадьевна. - Старший лейтенант, привезший гроб, сам получил сильные ожоги. А у нашего Юры ожоги были такие, с какими долго не живут». После злополучного пожара в Ханкале Юрий Невзоров прожил еще полтора дня.

Николаев Алексей Николаевич
18.05.1976 - 01.05.2000

Село Вощар, Тарногский район

Срезанный погон

В начале июля 2000 года родители Леши Николаева косили неподалеку от села сено. Неожиданно над сенокосом стали кружить две вороны и громко каркать. «Я говорю брату, у меня плохое предчувствие, - рассказывает мама солдата Галина Павловна, - сбегаю домой и посмотрю, не случилось ли чего-нибудь. Бросила косу и побежала. А там уже встречает младшая дочь: «Мама, тут к тебе пришли». Смотрю, сидит военком и женщина с сельсовета. Спрашиваю: «Что-то с Лешкой?» Военком кивнул

головой. «Жив?» Военком покачал головой из стороны в сторону и сказал: «Завтра его привезут».

Уроженец села Вощар Лешка Николаев после окончания 8-летней школы выучился в тарногском СПТУ на тракториста-водителя. В день своего 18-летия Алексей получил повестку. Его отправили в погранотряд Карельского города Сортавала.

«Лешка с детства был жутким непоседой, - говорит Галина Павловна. - Ему постоянно что-то нужно было делать, куда-то бежать, что-то творить. Он везде хотел успеть. Как-то раз, когда Лешке было около 6 лет, я полезла в подполье, а он кричит: «Давай я сам!» Пока крышку открывала, он сиганул в подполье, но не удержался и свалился. Мы даже заметить не успели. Но упал он очень удачно, ни царапины, ни синяка не осталось». Еще Галина Павловна рассказала, как ранней весной во время половодья на реке Ивас Алексей с другом побежали кидать в воду палочки, кто дальше бросит. На берегу Лешка поскользнулся и упал в ледяную воду. Проплыл метров триста, пока его на повороте реки не вытащил из воды взрослый парень. Из одежды сухой осталась только шишечка на буденовке. Дома переоделся во все сухое и... снова побежал на улицу. Взрослые удивлялись, что парень после этого купания даже ни разу не чихнул.

Когда на призывном пункте Алексею сказали, что он будет служить на границе, парень очень обрадовался. Еще до получения повестки он говорил, что в пограничники пойдет с огромным удовольствием. Судя по письмам, в армии ему очень нравилось. Через два года из Сортавалы приехал уже совсем другой Леша Николаев. Он остался таким же весельчаком и балагуром, но чувствовалась в нем привычка к дисциплине. Дома любую рубашку застегивал на все пуговицы, а зимой каждый день обтирался снегом. Вскоре Алексей подписал трехлетний контракт. Родители этому не удивились. К тому же в местном поселке, где единственным нормальным местом работы был лесопункт, перспективы для трудоустройства не было.

Три года Алексей отслужил на границе в таджикском городе Куляб. А после Таджикистана солдат твердо решил, что будет служить и дальше. «Мы его не раз спрашивали: «Что тебя туда тянет?» - рассказывает Галина Павловна. - А он отвечал: «Мама, я привык к дисциплине». Втайне от родителей Алексей отправил документы в школу прапорщиков. В конце 2000 года ему пришло приглашение из воинской части. Еще почти 4 месяца Алексей учился в Каменке, под Питером, откуда сообщил, что его отправляют в Мурманск.

«Леша писал, что в Чечню его отправить не могут, поскольку он уже три года отслужил в «горячей точке», - Галина Павловна перебирает фотографии сына. - Однако уже в следующем письме написал, что едет в Чечню и будет командовать группой солдат на российско-грузинской границе. Это письмо мы получили в первых числах мая, а потом очень долго не было никаких известий. Примерно в то же время по телевизору рассказали про обстрел колонны и гибель трех прапорщиков. Мы заволновались, но когда в 20-х числах мая получили от Леши очередную весточку, успокоились».

Позже оказалось, что прапорщик Алексей Николаев даже не доехал до того перевала, где должен был проходить службу. В ночь на 1 мая колонна встала на ночлег. Солдаты разбили палатки, поужинали и легли спать. Прапорщик Алексей Николаев остался, чтобы поработать с документами. Внезапно тишину кромешной ночи разорвали автоматные очереди. Алексей первым выскочил из палатки. Через несколько секунд стрельба оборвалась так же неожиданно, как началась. Солдаты вернулись в палатку. Старшего группы прапорщика Алексея Николаева нигде не было. Поскольку кругом была непроглядная темень, поиски решили отложить до утра.

Нашли Алексея утром недалеко от палатки. Он был убит выстрелом в голову. С одного плеча прапорщика был срезан погон.

Похоронить Алексея смогли только через два месяца. Когда тело везли в ростовский морг, по дороге потеряли документы и на бирке написали «Николаев Александр Николаевич». Когда стали сверять данные, из питерской воинской части пришел ответ, что у них с такой фамилией есть только Алексей Николаевич. Пришлось вызывать на опознание солдат, которые ехали на погранзаставу вместе с прапорщиком Николаевым. Те очень удивились: сослуживцы Алексея были уверены, что их командир уже давно похоронен.

Пастухов Леонид Львович
11.11.1957 - 3.05.2001
Вологда. Посмертно награжден Орденом Мужества

Точка смерти

На службу в правоохранительные органы молодой Леонид Пастухов пришел в апреле 1983 года. За плечами 26-летнего молодого человека уже были школа, армия, а также работа на подшипниковом заводе. Уже через 2 года Леонид окончил Ленинградский экономический институт, а в августе-2000 был назначен начальником контрольно-ревизионного отдела УВД области.

Вся служба Леонида Львовича от рядового до подполковника была связана с бухгалтерскими отчетами и проверками финансовой документации райотделов милиции. Как говорят его коллеги, таких финансовых спецов теперь не найдешь. Припомнили случай, как в начале 90-х годов в одной из вологодских исправительно-трудовых колоний Пастухов, проводя ревизионную проверку, выявил серьезные финансовые нарушения, связанные с раскройкой пошивочных материалов. Оказалось, что зэки ловко строчили выкройки фуфаек, брюк и другой рабочей одежды, оставляя неучтенную ткань, которую впоследствии использовали в личных целях.

Когда в конце 1994 года первые милицейские отряды вологжан стали направлять в Чечню для поддержания конституционного строя, оказалось, что и там без финансистов не обойтись. В числе первых, кто отправился тогда в Северо-Кавказский регион, был и майор внутренней службы Леонид Пастухов. Та двухмесячная командировка оказалась не из спокойных. Днем Леонид, как и положено, вел бухгалтерию сводного отряда, а днем брал в руки снайперскую винтовку и как простой боец выходил дежурить на блок-пост. За эту командировку он награжден медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

В августе 2000 года в звании подполковника Пастухов возглавил контрольно-ревизионный отдел УВД области, а ровно через 8 месяцев ему поступило предложение вместе с отрядом вологжан выехать во временный отдел Ленинского района Грозного и возглавить финансовую часть. В тот роковой день, 3 мая 2001 года, на боевое дежурство на высотном здании под кодовым названием «Точка» Леонид Пастухов заступил вместе с бойцами череповецкого ОМОНа. Взяв в руки снайперскую винтовку, подполковник стал искать самое удобное место для стрельбы. В какой-то момент в одной из потайных комнат он зацепил растяжку осколочной гранаты Ф-1, поставленную боевиками еще во время 1-й кампании. Грохнул взрыв. Еще сутки военные врачи боролись за жизнь Леонида Пастухова, но тяжелые ранения оказались смертельными.

Паутов Михаил Владимирович
22.06.1982 - 30.08.2001
Вологда

Парень-трактор

Мишка рос очень самостоятельным. Когда парню исполнилось пятнадцать лет, отец подарил ему мотоцикл. В деревне под Вологдой, куда Миша уезжал на лето, он один мог уехать на лодке на рыбалку или уйти с ружьем в лес. «Я ему доверял абсолютно все, - вспоминает его отец Владимир Алексеевич. - Я знал, что если дам, к примеру, ключи от гаража, Мишка покатается на мотоцикле или на машине и после в гараже будет полный порядок».

И по хозяйству Миша помогал родителям. «Если дать ему лопату и попросить вскопать грядку, он сделает это быстро и очень аккуратно, - Владимир Алексеевич едва заметно улыбается, вспоминая детские годы сына. - Недаром в деревне его прозвали Миша-трактор. Он был очень трудолюбивым».

После школы Михаил окончил 29-е училище, где осваивал ремесло сварщика. Призвали Михаила Паутова летом-2000 в Череповец, в войска МВД. «Служба сыну нравилась, - продолжает Владимир Алексеевич. - В Череповце они патрулировали улицы. Кроме этого, их направляли на охрану разных концертов или спортивных мероприя-

тий».

Примерно через месяц командир сказал родителям, что полгода ребята точно будут служить в Череповце, а потом их могут куда-нибудь перебросить. Так и случилось. В начале весны-2001 часть отправили под Питер, в Лебяжье. Там на скорую руку сформировали батальон особого назначения, после чего отправили на Северный Кавказ.

В первых числах сентября-2001 Паутовы приехали из деревни и увидели в дверях записку. Там был номер телефона и просьба позвонить. Номер набрала старшая дочь. Через несколько секунд разговора она изменилась в лице и заплакала. На почте, куда Паутовых просили позвонить, сказали, что пришла телеграмма с сообщением о гибели сына.

Солдаты, которые привезли гроб с телом Михаила, рассказали, что трагедия произошла на блок-посту. Ребята остановили для проверки машину, чьи пассажиры открыли огонь. Боевиков удалось уничтожить, но одна из пуль оказалась смертельной для рядового Михаила Паутова.

Паутов Роман Владимирович
4.06.1980 - 15.01.2000
Вологда
Посмертно награжден Орденом Мужества и Медалью Суворова

Сын, достойный отца

На Северный Кавказ Роман попал, как только в августе 1999 года началась контртеррористическая операция, прозванная в народе второй чеченской. Мотострелковую роту, которая базировалась в Каменке, начали готовить к войне еще с весны. Когда в августе-1999 сын сообщил родителям, что их часть повезут на Кавказ через Вологду, отец и мать пришли к поезду, однако военные не выпустили солдат. Видимо, боялись, что те могут сбежать.

О войне в семье Паутовых знали не понаслышке. Отец Ромы Владимир Анатольевич сам отслужил в армии больше 20 лет и даже воевал в 1995 году в Гудермесе. Его бригада тогда отбивала комендатуру, где был заблокирован вологодский ОМОН. Как признавался Владимир Анатольевич, на трупы он насмотрелся там. И вот сын отправился по стопам отца.

За полгода мотострелки успели пройти с боями почти по всей Чечне, от Надтеречного района до Аргунского ущелья. В октябре Роман уже отличился, и командование представило солдата к награде. Из ходатайства о награждении медалью Суворова: «27 октября 1999 года во время захвата перекрестка дорог вблизи станицы Асиновская 3-й мотострелковый взвод был вынужден вступить в бой с противником, укрепившимся в доме вблизи перекрестка. Позиции боевиков были хорошо укреплены, поэтому сразу захватить их не удалось. Взвод занял оборону. Рядовой Паутов вел бой на правом фланге взвода. Под руководством командира отделения мл. сержанта Пименова солдаты решили атаковать со своего фланга и заставить противника отступить. Умело ведя огонь из вверенного ему оружия, рядовой Паутов, рискуя собственной жизнью, под непрерывным огнем противника, одним из первых бросился в атаку и ворвался в дом, занятый боевиками, показывая пример другим солдатам».

А сам герой о своих подвигах родителям ничего не писал. Из письма Романа Паюсова, написанного домой 20 декабря 1999 года: «Здравствуйте, мои дорогие, горячо любимые мама Оля, папа Володя и брат Мишутка. Пишет вам ваш любящий сын Роман. Хочу сообщить вам, что позавчера получил от бабули первое письмо. Обрадовался, перечитывал несколько раз. Поверьте, для меня письма - это самое главное. Теперь хочу рассказать о себе. Мои дорогие, у меня все по-прежнему, жив-здоров. Не болею, не гнию, как некоторые. В общем, на здоровье не жалуюсь. Вчера ездил пристреливать автомат. Пристрелял. Удалось пострелять из всех видов оружия, например: АК, СВД, РПК, ПКМ, РПГ, СПГ, ПКТ, СНВТ, КПВТ, АГС и многое другое. Надеюсь, папа Вова знает, он объяснит. Научился ездить на МТЛБ. А как вы живете? Надеюсь, все нормально. Мамуля, не волнуйся, не плачь понапрасну, все будет нормально. Будь здорова, следи за собой. А за меня чего переживать? Да, вот еще. Забудьте и выкиньте из головы слово «контракт». Вы знаете, как я уезжал в армию. Если бы сей-

час отпустили, я бы пешком добрался, и не надо никаких денег. Жизнь дороже, я это уже понял. И бабуле скажите, пусть не волнуется, тоже ведь, поди, каждый день плачет. Была б моя воля, сразу бы уехал. Ну вот вроде и все. Поздравляют вас с Новым годом. Мишутка, тебя лично поздравляю с 16-летием. Братан, что тебе надо - пиши, привезу. А пока будь здоров и счастлив. И пусть твоя звездочка удачи никогда не угаснет. Отметь День рождения на полную катушку и напиши мне, как все было. Всех, кого я знаю, - люблю, целую, обнимаю. Будьте здоровы и счастливы. Папа Вова, мама Оля и Миша, в Новый год фужер шампанского за меня! Н.п.Старые Атаги, р.Чечня».

В Аргунском ущелье в середине января-2000 рота была покрошена боевиками, совершавшими один за другим прорывы через ущелье. Из 47 мотострелков, прибывших в августе на Северный Кавказ, в живых остались 8 человек. В числе погибших значится и вологжанин Роман Паутов. Из официального письма командования части: «15.01.2000 снайпер рядовой Паутов вел бой в составе 1-го мотострелкового взвода на господствующей высоте у Аргунского ущелья с превосходящими по численности бандитами. В ходе боя рядовой Паутов уже уничтожил 9 бандитов и продолжал поражать их меткими выстрелами, когда вдруг заметил, что бандиты ранили ротного капитана Кочкина и пытаются его окружить».

Роман бросился наперерез боевикам, на ходу стреляя из винтовки. Те открыли ответный шквальный огонь и ранили солдата. На нескольких секунд он успел все внимание боевиков сосредоточить на себе. Этого оказалось достаточно, чтобы раненый ротный вышел из окружения. Боевики обозлились, в Романа полетели гранаты. Солдат отстреливался до тех пор, пока одна из гранат не разорвалась у него прямо под ногами. Однополчане, невзирая на непрекращающуюся бойню, сумели отбить и оставили на глумление тело погибшего товарища.

Паюсов Анатолий Николаевич
21.04.80 - 27.09.1999
Деревня Есипово, Никольский район

Смерть без доказательств

В деревнях, расположенных в окрестностях Есипово Никольского района, о Толе Паюсове знают все. На вопрос: «Где живет семья Паюсовых?» - все местные жители уточняли: «Это те, у которых сын в Чечне погиб?» И сразу принимались объяснять, как доехать до дома, где живет семья погибшего солдата.

Жизнь Толика Паюсова была похожа на биографии тысяч сверстников: скудный деревенский быт, школа, смутные надежды на хорошую будущую работу. Не зря после школы Анатолий уехал в Никольск и поступил в ПТУ на курсы водителей. После армии не собирался оставаться в деревне, где нет работы. Тем более что старший брат, живущий в Череповце, звал к себе, обещая устроить в милицию. Один только штрих к характеру. Даже в последний день своей гражданской жизни он ушел окучивать картошку. И вернулся, когда за праздничным столом уже собрались друзья и знакомые, провожавшие его в армию. Это было в середине июня 1998 года.

После питерской учебки Толя попал в мотострелковый полк в Волгограде. Это было и хорошо, и плохо. С одной стороны, там жила родня, у которой Анатолий нередко гостил. Но с другой стороны - недалеко Чечня. Сын ничего не писал родителям о возможной отправке на войну. Письма были скупыми, мол, все у него нормально. И почти в каждом солдат подсчитывал, сколько дней остается до окончания службы. А еще он жаловался, что родители мало пишут. «Как же так, - сокрушается его мама Мария Ивановна, - мало того, что мы отвечали абсолютно на все его письма, так Толе писали друзья и все родственники». Оставалось предполагать, что письма с Вологодчины терялись где-то по дороге.

Последнее письмо от Толи пришло в начале августа-1999. И больше никаких сообщений. Взволнованные долгим молчанием сына родители просили волгоградских родственников узнать о судьбе полка, в котором служил сын. Но и тем толком выяснить ничего не удавалось. Почти два месяца зловещего молчания тянулись бесконечно. А в начале октября в Есипово приехал военком из Никольска. По его напряженному лицу Николай Александрович и Мария Ивановна Паюсовы сразу поняли: с их сыном что-

то случилось. Военком, глубоко вздохнув, сказал, что Анатолий погиб где-то под Кизляром. Никаких подробностей военный комиссар не знал. Отец и мать не поверили, что их сына уже нет.

Все сомнения исчезли на следующий день, когда в Есипово приехал еще один военный. Старший лейтенант, прибывший с южных границ России, привез цинковый гроб с телом Анатолия. Старлей тоже толком ничего не рассказал об обстоятельствах гибели. Только пояснил, что мотострелковый полк из Волгограда был отправлен в Дагестан еще 12 августа. А 27 сентября взвод обеспечения, в котором служил Паюсов, на извилистой горной тропе попал под обвал. «Урал», за рулем которого сидел Анатолий, засыпало валунами. Майор, сидевший в кабине рядом с водителем, выжил, а Толю, всего переломанного, вытащили из каменного плена уже мертвым. В эту историю Николай Александрович и Мария Ивановна не верят до сих пор. И тогда они чувствовали, что офицер что-то не договаривает.

На похоронах вышел еще один неприятный казус. Цинковый гроб родителям вскрыть не разрешили, а небольшое окошечко, через которое можно было разглядеть, кто в гробу, запотело изнутри. Единственным подтверждением, что в «цинке» лежит именно Толя, была одна из последних его фотографий, привезенная старшим лейтенантом. Сказал, что снимок ему выдали в Ростове вместе с гробом. Почерневшая от горя мать сначала не захотела смотреть на карточку. Только на похоронах родственники впервые взяли фото в руки. И онемели: на ней был совсем другой человек. А ведь приехавший старлей уверял всю родню: «Я служил с Анатолием в одном полку и хорошо его знаю».

Отпевали Анатолия есиповские бабульки в доме. Они не разрешили везти его в церковь. По местным традициям, если человека крестят в деревне без священника, то и отпевают таким же образом, а крестили его в деревне. Толя никогда не снимал крест. Кстати, офицер рассказывал, что когда тело Анатолия вытащили из-под груды камней, у него было даже два крестика: один на шее, а второй солдат намертво зажал в кулаке.

На следующий день после похорон Паюсовым пришло письмо от родственников из Волгограда: «Дорогие Коля и Маша. В последнее время Толя к нам не заходил, и мы стали выяснять, не отправили ли куда-нибудь его полк. В части нам сказали, что полк перевели в Москву (ниже был написан подробный адрес). Так что не волнуйтесь, у него все хорошо. Наверное, как только Толик обустроится на новом месте, сразу обо всем вам напишет».

Перец Сергей Владимирович
28.09.1969 - 16.08.2002

Череповец

Посмертно присвоено звание Героя России

Подвиг восьмой командировки

В свою последнюю, восьмую по счету, чеченскую командировку капитан Сергей Перец отправился 22 июля 2002 года. К тому времени Сергей Владимирович уже был награжден Орденом Мужества, а также медалями «За отвагу», «За отличие в охране общественного порядка», и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Группа череповецкого ОМОНа, командиром которой был Перец, базировалась на территории Ачхой-Мартановского района. Из книги «Виртуальная война»: «Обладая большим опытом работы с гражданами, организовал работу по налаживанию контактов с местным населением. В населенных пунктах Катыр-Юрт, Ачхой-Мартан, Орехово осуществлял сбор оперативной информации о месте нахождения бандформирований, баз оружия и боеприпасов, благодаря чему было обнаружено несколько тайников с боеприпасами и взрывчатыми веществами, что позволило предотвратить гибель сотрудников милиции, военнослужащих и гражданского населения. Лично возглавлял оперативно-штурмовые группы при выполнении служебных задач в населенных пунктах».

16 августа рано утром сотрудники ОМОНа Омской области, находившиеся в на-

селенном пункте Шалажи, доложили по радиосвязи о нападении боевиков на их пункт временной дислокации. Омские омоновцы пояснили, что из-за постоянных атак боевиков не могут эвакуировать раненых и убитых. Для оказания помощи в Шалажи срочно отправилась группа вологодского ОМОНа под командованием Сергея Перца. Кроме командира, в группе были 8 череповецких омоновцев, а также военнослужащие 47-го полка оперативного назначения ВВ на четырех БТРах.

Из книги «Виртуальная война»: «Капитан милиции Перец подобрал в свой отряд наиболее опытных бойцов, проинформировал их, что люди нуждаются в помощи и промедление приведет к гибели таких же бойцов, как и они. Около 8.00 капитан Перец во главе группы выдвинулся в район Шалажи. Во время движения капитан находился впереди с правой стороны БТРа №201, двигавшегося первым в колонне. На подходе к окраине Шалажи командир заметил передвижение группы боевиков в количестве до 20 человек и понял, что если не предпримет решительных действий, боевики атакуют их первыми. Командир решил открыть огонь на поражение, благодаря чему в начале боя удалось предотвратить прямое попадание из гранатомета и избежать потерь».

В ответ колонна была обстреляна из гранатометов и автоматов. Первый БТР оказался отрезан шквальным огнем от основной группы. Завязался бой, продолжавшийся почти три часа. Сергей Перец был ранен. Несмотря на ранение, капитан продолжал командовать группой и сам вел прицельный огонь. Увидев, что прапорщика Фролова ранили в ногу, Сергей вытащил его с боля боя и спрятал в укрытии.

Пуля снайпера настигла героя, когда тот под шквальным огнем возвращался к своему БТРу. Он пытался занять наиболее удобную позицию для ведения огня. Ранение в голову было смертельным. Несмотря на гибель командира, омоновцы вместе с солдатами внутренних войск продолжили бой и смогли оттеснить боевиков.

Полетаев Виктор Александрович
30.01.1981 - 03.02.2000
Вологда

«Вы только ждите, и я вернусь»

Витя с детства мечтал стать военным. Как-то раз, когда мальчик еще ходил в детский сад, приятели отца подарили ему настоящий шлем танкиста. Парень ходил в нем и зимой, и весной, и даже летом. Воспитатели детского сада начали уже ворчать, мол, если Витя будет ходить в шлеме, они откажутся брать его на прогулку. Витина мама в сердцах выбросила шлем в мусорный контейнер, и мальчик потом месяца два плакал.

После школы интересы поменялись, парень увлекся электроникой. В профессиональном училище №1, где учился на электромонтера, Виктор Полетаев получил диплом лучшего по профессии на приз: «Мастер золотые руки». На практике Витя работал у отца в ЭТУСе. Виктор решил, что обязательно поступит в какой-нибудь технический вуз.

«Витя быстро рос, - рассказывает его отец Александр Николаевич. - Как-то раз, когда сыну было 5 лет, я взял его с собой в баню. Кассирша не хотела пускать его бесплатно, думая, что мальчик, как минимум, ходит во второй класс». Из-за высокого роста (188 сантиметров) и хорошего здоровья Виктора Полетаева хотели забрать в десантно-штурмовой батальон, однако по непонятной причине в военкомат не приехали «покупатели», и призывник отправился в мотострелковые войска, базирующиеся в Волгограде.

В армию его забирали очень спешно. Выпускнику профессионального училища пришлось даже сдавать экзамены почти на месяц раньше остальных ребят своего курса. «Когда в Чечне началась заваруха, мы сразу поняли, что сына отправят на войну, - говорит Александр Николаевич. - Но мы не думали, что это произойдет так быстро. Ребята едва приняли присягу, как их забросили сначала в Дагестан, а потом в Чечню».

О службе Виктор писал мало. Писал, что все нормально, а письма, как правило, передавал через сослуживцев, возвращавшихся домой. В декабре-1999 рядовой Полетаев попал в госпиталь с воспалением легких: простыл, пока ползал по чеченским горам. После госпиталя вернулся в волгоградскую часть. Там он отпраздновал Новый

2000-й год. «Витя ничего не писал о боевых действиях, - сквозь слезы вспоминает его мама Татьяна Николаевна. - О многих вещах мы узнали от его сослуживцев, которые привезли гроб с телом нашего сына».

Из последнего письма Виктора Полетаева родителям: «Здравствуйте, мои дорогие. С наступившим вас Новым годом и Рождеством! Пока нахожусь в Волгограде. Высылаю вам несколько фотографий. Хоть на меня посмотрите. Вы только ждите, и я вернусь. Если б только знали, как я по вам соскучился. Напишу еще. Витек».

После гибели сына родители узнали, что в волгоградской части, где сын служил после госпиталя, какой-то сержант поднял руку на витиного сослуживца, проходившего курс реабилитации после госпиталя, где лежал с ранением в ногу. Виктор этому сержанту «дал жару». На шум прибежал офицер: «Чего, не навоевались?» Сказал, что отправит всех обратно в Чечню. И 5 января Виктор Полетаев снова попал в Чечню, в экипаж артиллерийской самоходной установки (АСУ). После гибели сына родители узнали и о том, что он награжден медалью «За отвагу», хотя сам солдат об этом ничего не писал.

«15 февраля ко мне на работу приехали несколько военных полковников, - рассказывает Александр Николаевич. - Я только что вышел с больничного, а тут вызывает к себе директор. Захожу в кабинет, а там военные. Сразу понял, что-то случилось с Витей. Спрашиваю: «Живой?» «Нет, - отвечают, - погиб». Смерть настигла рядового Виктора Полетаева через три дня после его Дня рождения. 3 февраля в Аргунском ущелье, где тогда шли тяжелые бои, он вместе с другими солдатами разгружал машину с боеприпасами для АСУ. Внезапно прилетевшая мина взорвалась рядом с солдатом. Рядовой погиб на месте.

Поповский Андрей Григорьевич
7.11.1981 - 11.07.2001
Тотьма

«Надо стать мужиком»

В военкомате Андрею давали отсрочку на полгода. Но он не согласился. Решил - чем раньше уйдет в армию, тем раньше придет. Володя Ярославцев, сосед и давний приятель Андрея, вспоминал, что давал другу советы, как откосить от армии. На что Андрей неизменно отвечал: «Надо стать мужиком».

Вместе с Володей Ярославцевым, Димой Белоусовым и Димой Момотовым Андрей ездил в каникулы на рыбалку, часто ночевали у костра, где важен не столько улов, сколько общение. Или все вместе появлялись на дискотеках в разных деревнях. Както раз в соседней деревне Медведево дело дошло до разборок. Свои парни знали, что если даже пятеро вызовут Андрея «поговорить по душам», тот не испугается принять вызов. Была у него некая безбашенность. Хотя по характеру он был очень спокойным парнем.

Все свободное время Андрей возился с техникой. Парень еще учился в школе, когда отец отдал ему свой «Восход». Андрюшка в нем души не чаял. После школы поступил в СТПУ №47, где выучился на водителя. «Андрей никогда никому не сделал зла, - рассказывает сестра солдата Марина. - До армии он решил, что, вернувшись, сразу женится, устроится на работу, купит машину и заведет детей. Его ждала девушка Катя».

Последние дни перед призывом были суматошные. Кроме отвальной, надо было сдавать досрочно экзамены. Это предложил ребятам из их группы представитель райвоенкомата. Утром 18 июня 2000 года Андрей пересдал вождение, а к вечеру уже уезжал на автобусе с местной автостанции. Сначала Андрея определили в танковые войска, но в последний момент команда поменялась. Матери сообщили, что отправляют в Мурманск, в морфлот. Мать обрадовалась: подальше от Чечни.

Но Андрей оказался в городе Саров Нижегородской области, а через полгода часть перебросили в Подмосковье. Солдат писал, что их усиленно тренируют и, скорей всего, перебросят на Кавказ. Так и получилось. В подмосковном Чкаловском солдат посадили на самолет и повезли в Чечню. Еще 10 дней часть внутренних войск базировалась в палаточном городке в Ханкале, а потом солдат раскидали по разным батальо-

нам. Андрей оказался в Грозном.

Из Чечни писал, что первые полтора месяца ничего не боялся. Страшновато стало, когда «познакомился» с действием радиоуправляемых фугасов. «Сюрприз» от террористов мог быть спрятан куда угодно и приведен в действие в любой момент. Андрей служил гранатометчиком во взводе прикрытия, охраняя колонны российских войск, когда те ездили за водой или продуктами. Самые реальные картинки службы он описывал в письмах друзьям, а в посланиях матери и сестре ограничивался фразами типа «у меня все нормально», писал про погоду, про природу и что в хороший солнечный денек в Грозном хорошо видны хребты Кавказских гор. Очень жалел, что нет фотоаппарата.

Из постановления, подписанного старшим помощником военного прокурора Айдемировым: «Поповский Андрей Григорьевич был призван на службу 18 июня 2000 года и проходил ее в пункте временной дислокации в городе Грозном Чеченской республики, где выполнял служебно-боевую задачу по уничтожению незаконных бандформирований. 11 июля 2001 года около 8 часов в юго-западном районе Грозного был выставлен наблюдательный пост для обеспечения безопасности прохождения колонны. Неожиданно сработало взрывное устройство, заложенное членами незаконных бандформирований - противопехотная мина нажимного действия. В результате взрыва Поповский Андрей Григорьевич получил множественные повреждения головы, туловища, верхних и нижних конечностей, от которых скончался на месте».

Родным военные рассказали, что в тот день вместе с Андреем погибли еще пятеро российских солдат.

Ратьков Дмитрий Геннадьевич
16.08.1973 - 01.01.2000
Вытегра
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Салажат там перебьют к чертовой матери»

Когда после серии жизненных неурядиц в 1999 году Дима Ратьков вернулся в Вытегру, отец с матерью не могли нарадоваться. Больше четверти века было уже прожито, но жизнь почему-то не клеилась. После школы парень решил пойти по стопам отца, проработавшего на пароходах всю жизнь, и окончил питерское речное училище по специальности судовой механик. Из Питера его забрали в армию, где два года он был радистом.

«Про армию Димка почти ничего не рассказывал, - вспоминает его отец Геннадий Иванович. - Хотя мы понимали, что специальность была секретной. Два года он сидел где-то в бункере под землей и заступал на круглосуточные дежурства. После дембеля Дима снова поехал в Питер. Загранпаспорт у него уже был, да и диплом на руках. Он без проблем устроился в балтийское морское пароходство».

Однако вскоре здание морского пароходства было продано в частные руки. Дима вернулся в Вытегру, где отец устроил его третьим штурманом на теплоход «Иртыш». В родном городке Дмитрий познакомился с девушкой и вскоре женился. Молодая супруга настаивала перебраться в Петрозаводск, где она училась в одном из вузов. В Карелии Дмитрий тоже хотел устроиться в пароходство, однако там, как он сам позже рассказывал родителям, на работу брали в основном «блатников» и за хорошую должность нужно было заплатить 6 миллионов старых рублей. Таких денег у Ратькова не было.

Парень вспомнил, что еще во время учебы брал призовые места по самбо и пошел на службу в петрозаводский ОМОН. В Карелии приходилось охранять и бывшего президента России Бориса Ельцина, приезжавшего на отдых. За хорошую службу Дмитрию Ратькову даже подарили наградные часы от руководства МВД. Однако через два года он писал отцу: «Батенька, больше не могу. Здесь не все так гладко, как представляется. Боюсь зачерстветь душой». К тому же личная жизнь дала трещину, и в 1999 году Дима вернулся домой с твердым намерением начать жизнь заново. Геннадий Иванович устроил сына инспектором по экологии в местный речной порт.

«Димушка быстро втянулся в работу и прославился своей принципиальностью, - с

гордостью рассказывает отец. - Он проверял походящие через шлюзы пароходы. Както раз один знакомый капитан мне рассказал, что слышал разговоры своих коллег в Астрахани. Один капитан предупреждал другого: «Пойдешь через Вытегру, будь аккуратен. Там инспектором Ратьков работает и проверяет все очень тщательно. Если найдет что-то неладное, накажет по полой программе».

Отец с матерью не могли нарадоваться - сын был с ними рядом. Он постоянно прибегал на обед, а в выходные с удовольствием помогал родителям по хозяйству. Дима работой был очень доволен, поэтому отец сильно удивился, когда сын осенью-1999 принял решение подписать контракт в армию.

«Тогда в стране случилось несколько ЧП, - с грустью говорит Геннадий Иванович. - Подорвали дома в Москве. Обычно Димушка о работе все рассказывал, но вдруг замкнулся в себе. После работы приходил домой и ни слова не говорил. Мы с женой понимали, что он что-то задумал. Уж потом оказалось, что он увидел в местной газете объявление о призыве на контрактную службу и для себя твердо решил идти на войну. Я пытался с ним серьезно поговорить об этом, а он объяснил: «Ты что, батя, хочешь, чтобы опять салажат набрали? Их, молодых, перебьют там к чертовой матери».

Отец так и не смог отговорить сына. Геннадий Иванович даже к военкому ходил, думал, тот сможет как-то подействовать на Дмитрия. Не получилось и у военкома. Слабым утешением для родителей было то, что сын пообещал после Кавказа поступить в Академию охраны природы. Осенью-1999 подписал контракт и отправился в штурмовой горно-стрелковый батальон, который шел от Терека и брал Грозный.

Погиб Дмитрий Ратьков недалеко от села Старые Атаги. Батальон, в котором он служил, несколько дней вел бой за одну из высоток. Во время очередной передышки Дима приказал молодым солдатам уносить с поля боя убитых и раненых. Сам остался прикрывать. Пуля снайпера попала сержанту Ратькову прямо в голову.

Садовский Алексей Иванович
28.12.1972 - 28.02.2002
Вологда
Посмертно награжден Орденом мужества

Война потребовала программиста

В правоохранительные органы Алексей Садовский пришел в 1995 году после окончания политехнического института. Молодого выпускника, хорошо разбирающегося в компьютерах, приняли на работу инженером-программистом в информационный центр областного УВД. В 2001 году Алексей стал главным специалистом вычислительного центра УВД. К тому времени он уже успел побывать в «горячей точке». В начале 1997 года его на два месяца отправили в командировку в Дагестан. 8 января 2002 года капитан Садовский снова поехал на Северный Кавказ. Во временном отделе Ленинского района Грозного необходимо было восстанавливать разрушенные во время войны локальные компьютерные сети.

Нередко программисту приходилось менять клавиатуру компьютера на автомат. Из текста официальной справки областного УВД: «16 января 2002 года при отработке жилого массива на улице Моздокская возле дома №36 у дорожного полотна группой под руководством Садовского была обнаружена замаскированная мина с электродетонатором. Садовский выставил оцепление из числа военнослужащих военной комендатуры, организовал эвакуацию мирных жителей из близлежащих домов, вызвал саперов, которые обезвредили взрывное устройство. Благодаря бдительности Садовского был предотвращен возможный теракт, спасены жизни сотрудников милиции, военнослужащих, мирного населения.

28 января 2002 года Садовский совместно с сотрудниками уголовного розыска производил задержание лица, находящегося в федеральном розыске за причастность к НВФ. При обнаружении преступник открыл огонь из автоматического оружия. Садовский открыл интенсивный ответный огонь, благодаря чему сотрудники милиции смогли передислоцироваться, занять выгодные позиции и подавили огонь боевика. Воспользовавшись огневым прикрытием, Садовский вместе с двумя другими сотрудниками уголовного розыска проник в квартиру и провел задержание. Благодаря гра-

мотным действиям Садовского, задача, поставленная перед группой, была выполнена.

8 февраля 2002 года при следовании по городу для проведения оперативно-розыскных мероприятий колонна техники в районе улицы Маяковского была обстреляна боевиками из автоматического оружия со стороны завода «Красный молот» с расстояния 100-150 метров. Садовский, являясь старшим сопровождения колонны, быстро и верно оценил обстановку, дал команду головной машине увеличить скорость, бойцам сопровождения открыть ответный огонь. Потерь среди личного состава удалось избежать».

По нелепой случайности смертельное ранение капитан получил 22 февраля в расположении временного отдела в результате взрыва ручной гранаты. Почти неделю милиционер лежал в госпитале «Северный», где врачи боролись за его жизнь. Но раны оказались слишком тяжелыми. Дома Алексея ждали жена и дочь.

Сергеев Роман Валентинович
10.11.1981 - 21.11.2001
Сокол

Таких в десант берут

«Откосить» от армии Рома не пытался. Его мечтой был десант. Весной 2000 года на призывной комиссии сокольчанин стал уговаривать военных отправить его в ВДВ. Офицеры посмотрели, парень физически развит хорошо, и приписали Романа Сергеева к десантной части, что базируется в Пскове.

С детства Ромка в любой компании был заводилой и имел много друзей. После школы поступил в профессиональное училище №10 в Соколе. Педагоги училища вспоминают: «Он всегда куда-то спешил, боясь опоздать одновременно в несколько мест. Он торопился жить».

«В новой школе, куда Рома перевелся после 6-го класса, - говорят школьные учителя, - он быстро «оброс» новыми друзьями и буквально через несколько дней учебы казалось, что он никогда не был новичком в классе. Старые приятели вспоминают такой эпизод из школьной жизни. Как-то раз пришла новая учительница, и Рома решил сделать ей комплимент прямо перед классом. «Вы сегодня необычайно красивы», - заявил ученик. От неожиданности учительница «потеряла дар речи» и несколько минут не могла продолжать урок».

Родители и друзья провожали его в армию, не предвидя никакой беды. На вечеринке было много народу, шутили, смеялись. Пели песни, лилось вино. В общем, все как у всех на проводах в армию. Друзья подбадривали, мол, два года пролетят быстро, и не заметишь, как пойдешь на дембель.

До увольнения солдат не дослужил полгода. Отряд, в составе которого был Роман, попал в засаду в одном из горных ущелий Чечни. Рядовой Сергеев остался прикрывать отход товарищей и пропал. Его истерзанное тело нашли спустя несколько дней.

Смирнов Сергей Николаевич
13.02.1983 - 28.07.2002
Деревня Куркинская, Усть-Кубинский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Ожесточенные бои на границе

27 июля 2002 года. Разведывательно-боевой группе, которой командовал старший лейтенант Руслан Кошкин, поручили вылететь на пограничную заставу «Грозтхой», там пыталась прорваться группа боевиков. Боевики, находившиеся в Грузии, планировали совершить на территории Чеченской республики серию терактов. Путь банды Гелаева численностью от 250 до 300 человек пролегал из Панкисского ущелья через участок погранзаставы «Грозтхой». Обеспечение прохода возлагалось на полевого командира Доку Умарова. Один из его отрядов должен был напасть на пограничную комендатуру.

Первая стычка боевиков с пограничниками произошла, когда «зеленые береты» только подлетали на вертолете к месту высадки: вертушка попала под плотный обстрел. Разведгруппу спас младший сержант Сергей Смирнов, не растерявшийся и первым открывший ответный огонь из пулемета через блистер вертолета. Машина ушла из зоны обстрела и села на безопасной площадке.

Когда вертолет, на котором прибыла группа Руслана Кошкина, благополучно приземлился, уроженцу Усть-Кубинского района Сергею Смирнову, как наиболее опытному пограничнику, поручили провести разведку местности, откуда боевики пытались сбить вертолет. Сергей обнаружил убитого боевика, окровавленные бинты и брошенные вещи.

...Сережка родился и вырос в деревне Куркинская Троицкого сельсовета. В 2000 году окончил среднюю школу, после чего год отработал трактористом в местном крестьянском хозяйстве. В мае-2001 парня призвали в армию. Как и у большинства молодых парней, биографию Сергея можно уложить в нескольких словах: родился, учился, работал, призвался. Как и мечтал, он попал в погранвойска. Сережу очень любили земляки.

Из письма командования воинской части: «С января 2002 года младший сержант Смирнов Сергей Николаевич, выполняя обязанности номера расчета ПК 2-й пограничной заставы десантно-штурмовой маневренной группы, активно участвовал в проведении контртеррористической операции на территории Чечни. Зарекомендовал себя самоотверженным и мужественным военнослужащим. В сложной обстановке не терялся, принимал правильные решения. В условиях высокогорья умело нес пограничную службу, неоднократно участвовал в разведывательно-боевых действиях по поиску и уничтожению боевиков НВФ, действуя смело и решительно.

27 июля 2002 года во второй половине дня боевики предприняли очередную попытку нападения на группу Руслана Кошкина. Сергей Смирнов, заняв выгодную позицию, открыл огонь из пулемета, не позволив бандитам прицельно бить по основной группе. В ходе боя, длившегося 30 минут, был уничтожен один боевик, остальные рассеялись в прилегающем лесу, откуда стали обстреливать группу. Младший сержант Смирнов, прикрывая отход группы, в условиях, сопряженных с риском для жизни, менял огневые позиции, не давая боевикам приблизиться. С наступлением темного времени суток бдительно нес службу в боевом охранении, не допуская внезапного нападения».

Второй раз за одни сутки Сергей Смирнов спас своих однополчан. За полночь боевики снова пошли в атаку. Из письма командования воинской части: «Младший сержант Смирнов вел огонь по приближающимся боевикам, поразив одного из них. В ходе ожесточенного боя пограничники уничтожили пять боевиков. Однако, получив тяжелое огнестрельное ранение грудной клетки и огнестрельное пулевое ранение правой голени, Сергей Николаевич Смирнов погиб в бою, до конца исполнив свой воинский долг.

Всего в ходе боестолкновений на участке Итум-Калинского погранотряда с 27.07 по 4.08.2002 уничтожено 22 боевика и 3 взяты в плен. Захвачено большое количество оружия и боеприпасов, в том числе 4 зенитно-ракетных комплекса, гранатометы, стрелковое оружие, взрывчатка и средства детонирования, учебные пособия по ведению подрывного дела. Все это вооружение предназначалось для совершения террористических актов на территории РФ».

На следующий день после окончания тяжелых боев на участке Итум-Калинского погранотряда, 5 августа, герой вернулся домой в цинковом гробу.

Соловьев Евгений Сергеевич
19.05.1983 - 19.08.2002
Никольск

«Какая она огромная, Родина-мать»

В том вертолете Женя не должен был лететь в Ханкалу. Он вместе со своим командиром пошел провожать сослуживцев, отправлявшихся в Чечню на «Ми-26». Они даже военных билетов с собой не взяли. Однако на аэродроме им приказали загру-

жаться на борт вертушки вместе со всеми. Чтобы занять место поближе к своим сослуживцам, Евгений протиснулся через плотную стену солдат. Именно поэтому, когда на подлете к Ханкале сбитый вертолет рухнул на землю, Женя спастись не смог. Его командир во время посадки сел рядом с окошком и после прямого попадания из «Иглы» выбрался из горящей машины, выбив стекло ногами. Он получил сильнейшие ожоги и несколько месяцев провел в больнице. Этот офицер и рассказал позже родителям Евгения Соловьева о том кошмаре.

«Я хорошо помню, когда по телевизору показали эту аварию, - рассказывает мама Жени Мария Васильевна. - Но у нас даже мысли не возникло, что Женя мог быть там. В списке, показанном по телевизору, было много Соловьевых, но не совпадали имена и отчества. И уж окончательно мы успокоились, когда получили от Жени очередное письмо». Даже когда 2-го сентября на работу к Марии Васильевне приехали военком Владимир Щепелин и глава района Вениамин Подольский, чтобы сообщить скорбную весть, мать не теряла надежда: «А вдруг перепутали?»

Родных солдата вызвали в лабораторию Ростова-на-Дону на опознание. Сомнения окончательно развеял командир Евгения, рассказавший матери о том, как ее сын оказался в злополучной вертушке. У него не было с собой документов, поэтому не было и его самого в списках погибших.

Родился Женя в деревне Большое Сверчково. Учился в 1-й никольской школе, потом в ПТУ на водителя. В Никольске о Жене вспоминают с теплотой. «Озорной был мальчишка, энергичный, добрый, отзывчивый», - говорят работники центра культуры и отдыха, где Женя перед уходом в армию работал ди-джеем, вел молодежную дискотеку. «Женька симпатичный, светленький такой, с вьющимися волосами, а глаза озорные», - рассказала его знакомая девушка. «Он по характеру был мягким, безобидным, - сквозь слезы говорит Мария Васильевна. - Музыку очень любил. На отвальной все желающие проводить Женьку в армию не вместились в дом. Пришлось принимать на улице».

После отвальной Женя пришел домой около часа ночи, обнял мать. «Женя, ты что? - недоуменно спросила Мария Васильевна. - Неохота в армию идти?» «Нет. Почему? - грустно ответил сын. - Вовка ведь отслужил». Своего старшего брата Володю Женя уважал и стремился делать все не хуже брата. Перед женькиным уходом в армию Володя купил себе восьмую модель «Жигулей». «Приду со службы, куплю себе машину лучше», - сказал младший брат.

С армией ему сначала повезло. Из Никольска его отправили служить в ракетные войска на Дальний Восток в Благовещенск. Через полгода часть переправили в Волгоград. «Мама, ты не представляешь, сколько я всего повидал, - писал Женя домой восторженные письма. - Проехал всю Россию. Купался в Амуре, Зее и Волге. Даже ловил рыбу. В Волгограде смотрели достопримечательности. Ходили на Мамаев Курган, к Родине-матери. Ты, мама, даже не представляешь, какая она огромная. Я ни разу не пожалел, что пошел в армию».

19 августа родители Евгения Соловьева получили армейское письмо от сына. Он писал, что у него все хорошо, не жаловался на тяготы военной жизни, не ныл. В армии пригодились навыки водителя, он стал инструктором, обучал вождению молодых солдат. А еще рассказал, что его переводят на другое место службы и в следующем письме он сообщит свой новый адрес. Новым и последним адресом рядового Соловьева, призванного из Никольска, оказались обломки вертолета «Ми-26», сбитого под Ханкалой.

Спирин Алексей Александрович
21.10.1983 - 19.08.2002
Кадуй

К месту службы добрались не все

Леша начал работать, не окончив 9-ти классов кадуйской средней школы. Как объяснила Лешина тетя Любовь Васильевна Галактионова, в семье Спириных были сложные отношения, поэтому доучиться племянник не смог. Со школьной скамьи Алексей отправился в акционерное общество «Севертара», занимавшееся изготовлением

бочек, стаканов и лотков.

«Лешка был очень трудолюбивым парнем, - вспоминает Любовь Васильевна, - и на работе о нем очень хорошо отзывались, да и по хозяйству помогал. Кроме этого, Леша хорошо разбирался в технике, магнитофонах, телевизорах, и если у знакомых что-то ломалось, на помощь звали Алексея».

В армию Лешу призвали, как только ему исполнилось 18 лет. Причем напросился он сам, поскольку понимал, что служить все равно придется, а дома отношения между родителями были очень далеки от идеальных. На службу Алексей попал в мотострелковые войска в город Камышин, под Волгоград. Судя по письмам, отправленным рядовым Спириным на родину, на службу он не жаловался. Учеба, стрельбы, полевые сборы - к этому парень был готов.

Правда, в начале лета 2002 года рядовой Спирин после очередных учений слег в госпиталь, застудил почки. Пролежав около месяца на больничной койке, в июле приехал домой на побывку. «Почти месяц, пока Леша был в Кадуе, он все время пропадал с друзьями, - рассказала Ксения, сестра погибшего солдата. - У него было очень много друзей».

В середине августа солдат вернулся в часть. Тогда же стало известно, что камышинских мотострелков отправляют в Чечню. 19-го числа вертолет «Ми-26», на борту которого находился солдат из Кадуя Алексей Спирин, поднялся в воздух с аэродрома североосетинского Моздока. В Чечню Алексей полетел для замены своих сослуживцев. Однако погиб, так и не добравшись до нового места службы.

Степанова Светлана Викторовна
13.05.1969 - 22.07.2001
Город Кириллов

Последняя боль

7 августа 2001 года в Кириллове похоронили гвардии младшего сержанта Светлану Степанову, которая погибла в Чечне, спасая раненого солдата. Всю свою короткую жизнь Света посвятила медицине.

Закончив в 1987 году Вологодское медучилище, она вернулась в родной Кириллов и устроилась в райбольницу. По отзывам коллег, была медсестрой от бога. Больше семи лет она проработала на хирургии. «Руки у нее золотые, - рассказывает со слезами на глазах главная медсестра больницы Татьяна Кузьминская. - Нам часто приходится делать манипуляции, вызывающие боль, но Света была очень чуткой, умела сгладить болевые ощущения. Причем это у нее получалось как-то само собой».

«Светлана сама могла сделать перевязку или ушить рану, помочь при мелкой травме, - вспоминает зам. главного врача Василий Грот. - Есть медсестры, которые, чуть что, бегут за врачом, боятся брать на себя ответственность. А Свету ничто не пугало, она была настоящим медиком. Из тех, кто ради людей может сутками пропадать на работе, получая за это мизерные деньги».

Летом 2000 года Светлана огорошила родных и знакомых известием: «Я еду в Чечню на три года, служить по контракту». Ее отговаривали все, но женщина была неумолима: поеду, и все тут. Света одна растила 10-летнего сынишку Ромку, своего жилья у нее не было, жили в маленькой квартире матери. А с зарплатой медсестры не до покупки квартир, зубы бы на полку не положить. Ей хотелось заработать денег на нормальную человеческую жизнь.

28 августа 2000 года она уже была в Аргунском ущелье, одном из самых страшных мест на той войне, откуда «вертушки» увозили трупы десятками. Войсковая часть 44822, 2-й мотострелковый батальон, 6-я рота, должность санинструктор-контрактник. Причем женщин в батальоне было всего четыре: Степанова, еще два санинструктора и повар. Не женское это дело - война.

О том, как она, сугубо гражданский человек, сумела привыкнуть к выстрелам чеченских снайперов, ночным обстрелам и развороченным гранатами телам наших солдат, знает только бог. Но привыкла. Там, как и дома, тоже надо было помогать людям, зашивать и обрабатывать раны, останавливать кровотечение. Светлана с ее хирургическим опытом этого не боялась, злило другое - нехватка инструментов и медикамен-

тов. Война не районная больница.

«Вообще Свету, конечно, берегли, - затягивается очередной сигаретой капитан Андрей Мельников, служивший со Светланой в одном батальоне, он и привез ее тело в Кириллов. - Во время боя она постоянно находилась с командиром роты. Но все же дважды ей пришлось и самой стрелять по боевикам. У нее как у санинструктора был свой автомат. Ей не раз доводилось бывать в серьезных переделках, многих ребят вытаскивала. И меня Света штопала, - офицер показывает на шрам на лице. - Наша колонна попала под обстрел, у меня пол-лица было разворочено, осколки по всему телу. Ничего, собрала, склеила».

Много чего рассказал тогда этот неулыбчивый капитан с тяжелым взглядом. Смотрел я на него и думал, что теперь светина кровь (а санинструктора чуть ли не боготворил весь батальон) не раз еще аукнется ее убийцам. Один штрих из нашего разговора. «А что вы делаете с пленными боевиками? Сдаете фээсбэшникам?» - спрашиваю. «Если есть пленные, то сдаем, - отвечает капитан, а спустя пару секунд добавляет: - Но, как правило, пленных мы не берем. Кровь за кровь».

Света погибла 21 июля там же, в Аргунском ущелье. Погибла смертью храбрых. Ночью боевики начали обстрел блок-поста. Солдаты, которые несли вахту, быстро снялись с позиции и выдвинулись вперед, а отдыхавшая резервная группа заняла их место, так делается специально: чем меньше скученность, тем меньше будет потерь. Завязался бой. Вскоре оттуда, где залегли ушедшие с блок-поста ребята, раздались крики: «У нас тяжелораненый!» Светлана тут же стала передвигаться перебежками к раненому солдату. Ночь, грохот автоматных очередей, злобно-веселый посвист пуль, а в голове одна мысль: «Надо быстрее, ведь истечет кровью». Не успела. Перед глазами встал огромный огненный шар, и десятки осколков впились ей в голову. Мина-растяжка.

Умерла она на следующий день в госпитале. Медсестра от бога, женщина, мечтавшая о лучшей жизни, не побоявшаяся пропустить через себя боль и кровь войны. Ей было всего 32 года. Через три дня Света должна была отправиться домой, в отпуск.

Степушкин Александр Вилиорович
11.01.1980 - 18.08.1999

Череповец

«Срок спускается с горы»

Третий и младший сын в семье Степушкиных Александр специально сдал выпускные экзамены в профессиональном лицее №34 на две недели раньше, чтобы попасть в ВДВ. Идти в армию Саша всегда считал делом чести. Причем видел себя только десантником.

Как рассказывала Екатерина Чеканова, заместитель директора лицея, где учился Саша, он сам попросился в десантные войска, тем более что здоровье имел отменное. Увлекался баскетболом, постоянно выступал в городских соревнованиях. На занятиях получал в основном «четверки». Большинство преподавателей больше помнят его как лидера среди сверстников.

Призван в июне 1998 года. Десантно-штурмовой полк, где служил череповчанин Александр Степушкин, дислоцировался в Ставрополье. Там после учебки он получил звание младшего сержанта и вообще, как писал Саша родителям, военное ремесло давалось ему легко. За месяц до гибели парень написал в письме домой, что срок его воинских трудов уже «перевалил за половину и спускается с горы». А в последнем послании пообещал, что осенью приедет в отпуск.

На войну Александр пошел добровольцем. От полка ВДВ требовалось 20 человек для отправки в зону конфликта. На предложение командования откликнулись все 200 десантников полка, выстроенных на плацу. Выбирали самых сильных и толковых. Физически крепкий, под два метра ростом, Александр Степушкин оказался среди них.

О том, что сына отправили в Дагестан, семья Степушкиных не знала. Парень берег родителей. Боялся расстроить маму Светлану Александровну (в свое время старший брат Александра Олег служил в Афганистане).

Бои в приграничном с Чечней Ботлихском районе Дагестана, куда перебросили

десантников, были тяжелыми. Высота Ослиное ухо два дня переходила из рук в руки. Под натиском боевиков наши войска в очередной раз отступали. Подразделение, в котором служил гранатометчик Степушкин, спускалось последним. «Саша, назад!» - кричали ему товарищи. А тот, продолжая отстреливаться, лишь махнул рукой: мол, давайте быстрее. «Он прикрыл наш отход, - рассказывали сашиному отцу Вилиору Николаевичу сослуживцы сына. - А сам попал под минометный огонь».

В том бою все, кроме Александра, остались живы. Его тело, как рассказывали солдаты, удалось забрать с поля боя только через 2 дня.

Сухацкий Олег Петрович
19.01.1980 - 19.01.2000
Поселок Каменка, Верховажский район
Посмертно награжден Орденом Мужества

Петрович

В тот роковой день 9 января 2000 года тыловая колонна внутренних войск, в составе которой был я рядовой Олег Сухацкий, выдвинулась по привычному маршруту Шали - Аргун - Гудермес. Для охраны были назначены три экипажа бронетранспортеров.

В начале девятого утра в районе населенного пункта Мескерт-Юрт поджидавшие в засаде боевики ударили по колонне сразу с двух сторон. Ее рассекли на несколько частей, ведя массированный обстрел из пулеметов, гранатометов, а потом и минометов. Несколько грузовиков и БТР на высокой скорости проскочили Мескер-Юрт, приближаясь к Аргунскому блок-посту. Однако на подходе к нему солдаты приняли новый удар. До 250 боевиков взяли в огневой мешок 5 машин.

По некоторым данным, бой продолжался почти сутки. Автоматные и пулеметные очереди не стихали весь день и всю ночь. Солдаты держались до последнего. Только на утро следующего дня, когда бой стих, стало возможным подобраться к останкам убитых. Среди развороченной техники и трупов солдат было обнаружено тело верховажского парня Олега Сухацкого. Ему было 19 лет. До дня рождения оставалось 10 дней.

Олег рос очень самостоятельным пареньком. В 17 лет сверстники называли его Петровичем. Ему исполнилось 11 лет, когда умерла мать. Олега, а также двух его братьев и двух сестер отец воспитывал один. «Олег быстро осваивал все, чему его учили старшие, - рассказывает отец Петр Иванович. - Он умел печь хлеб и класть печи. Вообще делал любую работу». В школе играл в футбол за школьную сборную и даже участвовал в районных чемпионатах. Службу в армии воспринял как долг, который нельзя не выполнить. Кроме того, его, уроженца глухой вологодской деревушки, прельщала возможность повидать Россию. Командировка в Чечню сначала казалась увлекательным путешествием.

По воспоминаниям сослуживцев, Олегу часто приходилось участвовать в контртеррористических операциях и обезвреживать боевиков на территории Северо-Кавказской республики. В любой операции рядовой Сухацкий проявлял себя как настоящий мужчина. Страх, конечно, был, но, как писал он домой, «ко всему можно привыкнуть». В последнем письме Олег написал: «Ждите меня, все будет хорошо. В конце января я приеду домой. Как вы будете без меня жить?»

«Мне рассказали о некоторых деталях боя, - говорит Петр Иванович. - В перестрелке Олегу попали по ногам и, видимо, сильно. Женщина, капитан медицинской службы, пыталась вытащить его из-под обстрела, но он ее оттолкнул со словами, мол, все равно не выживу, и после этого отстреливался, сколько мог». После гибели сына отец ездил в питерскую часть, куда призвался Олег. «В части я рассматривал какие-то фотографии, когда сзади ко мне подошел офицер, положил руку на плечо и спросил: «Вы отец Олега?». Я подтвердил. «Спасибо вам за сына», - негромко произнес майор».

Трубицын Владислав Александрович
17.08.1980 - 03.06.2001
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

«Они считали себя рейнджерами»

Когда Трубицыны жили еще в казахском городе Кокчетав, Влад подавал большие надежды в биатлоне. Когда парню исполнилось 15 лет, обстановка в Казахстане совсем осложнилась, и его семья в статусе беженцев была вынуждена переправиться в Россию. 9-й класс Влад заканчивал уже в череповецкой школе №4. Секций биатлона в Череповце не было, и парень, не желая бросать спорт, стал заниматься лыжными гонками. После школы Владислав поступил в училище на помощника машиниста электровоза и успешно окончил учебное заведение, но тяга к спорту взяла свое, и по совету тренера Трубицын поступил в педагогический институт на факультет физической культуры. Потом Владислав к учебе охладел, его друзья пытались начинать самостоятельный бизнес, и Влад тоже хотел попробовать свои силы в предпринимательстве.

«Влад был очень спокойным. Никогда не ругался, - рассказывает отец погибшего солдата Александр Викторович. - У нас есть дочь, которая старше Влада на два года, и две младшие дочери, одна на пять, а другая на 10 лет его моложе. Хотя у Влада была своя комната, девочки постоянно проводили время у брата. Для самой маленькой он вообще был как нянька. Влад уже в 13 лет классно водил машину и в Казахстане катал сестренок по степям. И мы никогда не боялись ему доверять дочек».

Владислав Трубицын призвался в мае-2000 и служить отправился в Москву во внутренние войска. «Через год службы сын сильно изменился, - рассказал Александр Викторович. - До армии он никогда не позволял себе повышать голос, а в армии стал резким и даже дерзким. Возможно, сказалась общая обстановка. Все-таки часть была элитная, и солдаты считали себя рейнджерами». Последний раз родители съездили к сыну в армию 17 марта, тогда было уже известно об отправке на Кавказ. Из всей роты, когда стало известно о Чечне, только двое ребят сачканули, остальные все поехали в командировку. Им сказали, что уже в октябре они вернутся.

В мае-2001 батальон спецназа ВВ отправили из Москвы в Чечню. На Кавказе Влад прослужил меньше двух месяцев. Из последнего письма Владислава Трубицына родным: «Здравствуйте, папа, мама и сестренки! Вот уже полтора месяца, как мы находимся в Ханкале. Все у меня нормально. Обжились, палаточный городок поставили. Сейчас выполняем одну задачу - ходим на маршруты, их два, прикрываем саперов. Один маршрут длинный - 21 км, другой - 10 км. Весь маршрут идем пешком. На себе бронежилет, сфера да боеприпасов целое море, чтоб можно было вести интенсивный бой один час. В основном здесь спокойно, иногда постреливают и только. 12 мая нас по телевизору показывали, в «Вестях» по РТР, как мы по маршруту ходим. Всем батальоном смотрели. Короче, все у меня хорошо, проблем никаких нет. Загорел уже, как негр. Ну ладно, всем передавайте привет».

Из заключения административного расследования: «3 июня 2001 года в 7 часов 48 минут в Заводском районе Грозного произошел подрыв передвижного КПП в составе разведгруппы. На пересечении улиц 2-я линия и Бородина при переезде через водосток на дороге неизвестные лица подорвали радиоуправляемый фугас, в результате чего находившийся в БТР рядовой Владислав Трубицын скончался при эвакуации в медицинский отряд специального назначения от потери крови».

Цыкин Иван Анатольевич
25.10.1976 - 25.01.2000
Тотьма
Награжден Орденом Мужества. Награда получена родителями

«Я увидела сына на экране за несколько дней до его гибели»

Своего любимого сына Ванечку Инна Львовна мечтала видеть учителем. В школе у Вани обнаружились математические способности. Незадолго до окончания школы он

занял первое место в районной олимпиаде по математике и информатике. «Ванечка вообще был очень разносторонне развитым мальчиком, - рассказывает Инна Львовна. - Он очень серьезно занимался шахматами, ходил в шахматный кружок. Хорошо играл в теннис и занимал первые места на первенстве района. Очень любил читать. Я никогда не видела, чтобы люди столько читали. Читал без разбора и современные, и классические вещи».

Инна Львовна сама учитель с многолетним стажем. Она настаивала, чтобы после 11 класса Ваня поступил на физико-математический факультет ВГПУ. Однако сын, после разговора с отцом, неожиданно выбрал Московское высшее командное училище, которое в 1997 году окончил с отличием. По распределению попал в Московский военный округ, в закрытый поселок Мулино. «Я ему говорила, - рассказывает Инна Львовна, - если уж ты окончил училище с отличием, поступай дальше в военную академию, но Ваня решил, что сначала обязательно послужит в войсках, а уж потом продолжит учебу. Вообще он ни разу не пожалел, что надел офицерские погоны».

У Ивана был очень сильный характер. Уже в школьные годы он отличался целеустремленностью и настойчивостью. В детстве родители научили парня хорошо ориентироваться на местности. Когда Ваня был маленьким мальчиком, мать постоянно брала его с собой за грибами и ягодами. Потом на практических занятиях в училище он первым выходил из леса, за что у однокурсников получил прозвище «лесник».

В августе-1999 старший лейтенант Иван Цыкин отправился на Северный Кавказ. «О такой перспективе Ваня ничего не говорил, - вспоминает Инна Львовна, - а в конце лета прислал короткую телеграмму: «Мама, мы едем на войну». Во время командировки Ваня не отсиживался в тылу. Еще при жизни был подписан указ о награждении молодого офицера Орденом Мужества. Получить боевую награду Иван не успел.

«За несколько дней до гибели увидела своего сына по телевизору, - на глазах матери офицера накатываются слезы. - По какому-то каналу показывали фотографии с чеченской войны. На балконе полуразрушенного дома стоял какой-то военный. Я присмотрелась и узнала своего Ванечку. С того времени у меня почему-то было предчувствие, что с сыном может что-то произойти».

Сослуживцы Ивана, которые в первых числах февраля 2000 года привезли в Тотьму «груз-200», рассказывали, что их рота в конце января отбивала Старопромысловский район Грозного. Во время одного из ожесточенных боев Иван Цыкин приказал подчиненным спрятаться в подвале. Сам он, вместе еще с одним офицером, чеченцем по национальности, остался наверху. «Ребята мне рассказывали, что было очень много непонятного в той бойне, - говорит Инна Львовна. - Непонятно, кто с кем воюет и кто в кого стреляет. Может, поэтому Ваня решил спрятать ребят». Когда через некоторое время служивые вылезли из подвала, оба офицера были убиты.

Шабалин Николай Анатольевич
31.05.1980 - пропал без вести 16.12.1999
Белозерск

«А куда мне ставить надгробие?»

С середины 1999 года родные Коли Шабалина ничего не знают о его судьбе. Последняя весточка от солдата пришла, когда Николай служил в поселке Тоцкое Оренбургской области. Солдат написал матери, что их часть собираются куда-то отправлять, но куда - точно никто не знает, и как только он приедет на новое место службы, обязательно напишет письмо домой.

Через пару месяцев молчания колина мама Любовь Ивановна пришла в местный военкомат с просьбой что-нибудь узнать о местонахождении ее сына. Через месяц военные получили пространный ответ на свой запрос, из которого следовало, что рядовой Николай Шабалин откомандирован из Оренбурга в другую воинскую часть. Куда именно - неизвестно. Белозерский военкомат отправил еще один запрос с требованием указать, где именно служит солдат. Второго ответа пришлось ждать тоже около месяца. Этот ответ тоже был странным, но по крайней мере выяснилось, что Николай Шабалин находится в Чеченской республике. Где именно - не уточнялось. Вместо координат конкретной части родителей утешили фразой: «В настоящее время в спис-

ках раненых и в списках безвозвратных потерь не числится».

Окончив 8 классов белозерской средней школы №2, Коля Шабалин поступил в местное СПТУ на тракториста. Выпускные экзамены с первого раза сдать не смог и пошел в армию, так и не защитив диплом. Служба для Коли началась в городе Новочеркасске Ростовской области. Оттуда, после учебки, его направили служить в Оренбургскую область. «Он был покладистый и уравновешенный, - вспоминает Любовь Ивановна. - Никогда не отлынивал от работы. Если появлялась свободная минутка, старался заработать лишнюю копейку. На каникулах и в свободное время ездил в лес, помогал лесникам. Мужики из бригады, с которыми он вместе валил лес, говорили, мол, он работал лучше любого бывалого лесоруба».

При содействии местного военкомата мать солдата не оставляла попыток выяснить местонахождение сына. Еще через пару месяцев пришел последний ответ: «При действии в разведывательном отряде 16 декабря 1999 года рядовой стрелок Шабалин Николай Анатольевич пропал без вести».

«Куда только я не обращалась, - вспоминает о своих злоключениях Любовь Ивановна. - Запросы посылала и в областной военкомат, и в Москву в комитет солдатских матерей. Но никто так и не смог ответить, где, когда и при каких обстоятельствах пропал мой сын. От правозащитников пришел ответ, что я могу обратиться в суд, чтобы тот признал моего сына погибшим, и тогда государство назначит мне пенсию по факту потери кормильца. Я восприняла это как издевательство».

Позже с настоятельной просьбой обратиться в суд о признании Николая погибшим Любовь Ивановну стало просить командование его части из Оренбурга. Военные открыто писали, для чего им нужно это решение: чтобы исключить Николая из списков личного состава. Такое решение в феврале-2002 было принято Белозерским районным судом. Матери солдата от этого легче не стало. «Я до сих пор не знаю, погиб мой сын или нет. Если он действительно погиб, я уже больше семи лет не могу его похоронить. Из областного военкомата прислали еще одну бумагу. Написали, что готовы выделить несколько тысяч рублей на изготовление надгробной плиты. А куда мне ее ставить?»

Шишковский Игорь Викторович
29.10.1977 - 14.03.2000
Вологда
Дважды кавалер Ордена Мужества

Отважный романтик

Игорь с детства мечтал стать военным. После 9-го класса пытался поступить в суворовское училище, но не прошел по конкурсу. После окончания школы, когда в обозримой перспективе замаячила армия, стал активно подтягивать физподготовку. Его старания не прошли даром, и в ноябре 1995 года Игорь попал в элитные войска - морскую пехоту, которые базировались в поселке Спутник, под Мурманском.

«Армия для него была светом в окошке, - рассказала мама Игоря Раиса Васильевна Шишковская. - Когда я приезжала к нему в первые месяцы службы в Мурманскую область, ужаснулась. На дворе жуткий холод, температура в казарме +9, и Игорь первый раз в жизни сжал мою руку под столом. Я поняла, что в армии ему тоскливо, однако когда приехала снова туда уже через месяц, сына не узнала. Он был очень доволен, быстро освоился и очень быстро пошел по служебной лестнице, закончив службу старшиной. В армии ему вообще нравилось, поскольку не было никакой дедовщины. Почти все офицеры прошли либо афганскую, либо чеченскую войны и относились к солдатам с уважением».

После армии Игорь пытался найти себя и в гражданской жизни, однако ему не хватало ореола военной романтики. Сначала Шишковский поступил в милицию, но размеренные будни патрульно-постовой службы его разочаровали. Там не было захватывающих преследований преступников, стрельбы и риска, а Игорь жаждал бурной, опасной и яркой жизни. Не принесла удовлетворения и работа охранником в казино. И когда в конце августа 1999 года началась вторая чеченская война, официально названная контртеррористической операцией, Игорь решил, что его место там,

в гуще событий. Договорившись с мамой, что после окончания контракта непременно поступит в высшее военное училище, осенью 1999 года Шишковский отправился на Северный Кавказ в группу разведки спецназа ГРУ.

Его контракт заканчивался в марте 2000 года, однако командир попросил Игоря остаться, чтобы подготовить молодых. А потом началась заваруха в селе Комсомольское. Из книги памяти Псковской разведывательной дивизии: «Имя старшины контрактной службы Игоря Шишковского было на слуху в воинской части задолго до того мартовского дня, когда стало известно о новых горьких потерях в Чечне. «Отличный парень», «Сильный волевой характер, романтик, умница солдат» - столь лестную характеристику из уст командования слышишь нечасто. Тем она дороже и почетней для каждого воина. Игорь считался одним из самых подготовленных, выносливых и опытных бойцов спецназа. Может, оттого страшная весть о его гибели казалась ошибкой.

За месяц до его гибели сослуживцы привезли из Чечни видеокассету, на которой Игорь приветливо машет рукой: «Ждите, мы скоро приедем». Часто разведчики избегают попадать в объективы фото- и видеокамер перед выходом на задание. И вообще не любят позировать, считая это плохой приметой. Но Игорь не верил в приметы. Служба для него была превыше всего. Он верил в собственное везение и удачу. Надеялся на выносливость и мастерство друзей спецназовцев. Но впереди было село Комсомольское. Мощные инженерные сооружения в подвалах домов, мины-растяжки на каждом шагу, пристрелянные снайперами «точки» и боевики из личной гвардии полевого командира Гелаева, среди которых много наемников-смертников. Против них - только отчаянное мужество молодых парней. Наверняка понимал старшина Шишковский, что, оставшись прикрывать отход друзей разведчиков, он рискует жизнью».

Из воспоминаний учителя истории Галины Васильевны: «Очень запомнился выпускной экзамен по истории. Игорь вытянул билет, в котором был вопрос о Великой отечественной войне. Он рассказывал увлеченно, с интересом. Самое ценное в его ответе было то, что Игорь заговорил о человеке на войне, о героях-защитниках. Среди них он назвал и имя своего дедушки Девяткова Василия Михайловича, который стал разведчиком в 18 лет».

10 марта группа под командованием капитана Филиппа Голикова получила задачу провести разведку в районе Комсомольского. Цель - не допустить прорыва боевиков через плотное кольцо оцепления. Поначалу у ребят все складывалось благополучно. Они обнаруживали и уничтожали разрозненные группы боевиков, пытавшихся вырваться из кольца и уйти в горы, успешно передавали координаты авиации и артиллерии.

Беда грянула 14 марта, когда с гор в спину разведчикам неожиданно ударила группа, шедшая на помощь банде Гелаева, зажатой в кольце окружения. Завязался ожесточенный бой. Несколько часов бойцы капитана Голикова сдерживали натиск. Появились первые раненые, погиб один из разведчиков. На помощь боевикам подошло подкрепление. Создалась реальная угроза окружения отряда разведчиков. Филипп Голиков принял решение прикрыть отход основного отряда. Вместе с ним остались двое солдат-срочников Дмитрий Митрофанов и Алексей Сулимов, а также старшина Игорь Шишковский.

Вскоре капитан Голиков был тяжело ранен, и Игорь Шишковский попытался вынести командира с поля боя. В это время ударила автоматная очередь. Из группы капитана Голикова не выжил никто. Как позже сослуживцы рассказывали матери Игоря Раисе Васильевне, ее сына представляли к званию Героя России, однако из-за неразберихи с документами, которые, кажется, сгорели, Игорь был представлен ко второму Ордену Мужества. Посмертно.

Часть III. ЕЩЕ ДЕВЯТЕРО ГЕРОЕВ

Бутусов Анатолий Михайлович
18.03.1984 - 16.02.2006
Бабушкино
Посмертно награжден Орденом Мужества

Грозненский патруль

Взрыв прогремел около половины девятого вечера. Адскую машину боевики спрятали в придорожной куче мусора. УАЗ-22069, которым управлял инспектор отделения пропаганды ГИБДД Бабушкинского райотдела милиции Анатолий Бутусов, оказался беззащитным перед напичканным железяками фугасом.

Оперативная группа временной оперативной группировки органов и подразделений (ВОГОиП МВД) совместно с сотрудниками военной комендатуры выехала вечером 6 февраля для прикрытия чеченских гаишников, патрулировавших по ночам улицы Грозного. Пропустив головную машину, подрывник нажал на кнопку пульта дистанционного управления, когда с кучей мусора, в которой был заложен фугас, поравнялся УАЗ.

«Эта машина не была бронированной, - рассказал начальник областного УВД Павел Горчаков. - Только на боках автомобиля были прикреплены резиновые покрышки. Они от осколков не спасли». Больше полусотни железяк, по словам Горчакова, буквально изрешетили обшивку машины. Основная сила взрыва пришлась по водительскому месту. После взрыва боевики, засевшие в ближайших домах, открыли по колонне шквальный огонь.

Осколками от самодельной бомбы старший лейтенант Бутусов был ранен в голову и ногу. Несмотря на тяжелое ранение, старлей не отпускал педаль газа, он уводил машину из-под обстрела. Только когда УАЗ въехал в ближайший двор, где автомобиль и находившихся в нем милиционеров уже не смогли достать пули, машина остановилась. Анатолий Бутусов потерял сознание.

«Анатолий Михайлович вообще мог не ехать в Чечню, - считает начальник областного УВД. - Его отец Николай Анатольевич Бутусов, занимающий сейчас должность начальника РОВД Чагодощенского района, был в Чечне уже дважды и, по-моему, отработал там и за себя, и за сына. Но Анатолий решил испытать себя, чтобы никто потом не говорил, что он прячется за спину отца». Отец был для Анатолия Бутусова настоящим примером. Парень и в правоохранительные органы после школы пошел по стопам отца, прослужившего в милиции больше 20 лет. В 2001 году младший Бутусов поступил в Санкт-петербургский университет МВД. А с 2003 года уже работал в должности инспектора по пропаганде отделения ГИБДД Бабушкинского райотдела. В личной жизни тоже все складывалось удачно. После свадьбы, в 2004 году, в семье Анатолия и Марины Бутусовых родилась дочь Катя.

В свою первую и последнюю командировку на Северный Кавказ Анатолий Бутусов отправился в конце сентября прошлого года. «Он никогда не прятался за спины других, - говорится в пресс-релизе областного УВД. - Он всегда был в числе первых. Так было в период проведения выборов в парламент Чеченской республики, когда наши ребята под руководством Анатолия Михайловича охраняли центральную избирательную комиссию Чеченской республики. Так было и в январе этого года, когда Анатолий Бутусов проявил храбрость при ликвидации особо опасного преступника в селе Ульяновское Наурского района Чечни. Наш земляк, оценив сложность ситуации, открыл интенсивный огонь из автоматического оружия, что позволило сотрудникам милиции передислоцироваться и занять выгодные огневые позиции. Благодаря его быстрым, решительным и смелым действиям, потерь среди личного состава не допущено».

После ранения, полученного 6 февраля в Чеченской столице, Анатолий Бутусов прожил ровно 10 дней. 16 февраля милиционер скончался в московском военном госпитале. Его похоронили на городском кладбище Вологды. «Принято решение выделить квартиру семье погибшего сотрудника», - заметил Павел Горчаков.

Быков Артем Андреевич
24.04.1986 - 10.02.2006
Грязовец

«Твой любимый солдатик»

В армию Артем Быков пошел без большого желания. Ему, обычному грязовецкому парню, очень не хотелось расставаться на два года со своей девушкой Аней, с которой Артем строил планы на будущее. Они познакомились в 2001 году, когда девочке было всего 13 лет. Аня приехала в Грязовец из Мурманска к бабушке и решила остаться в райцентре.

Из армейского письма Артема Ане: «Привет, мое ясное солнышко! Пишет тебе твой любимый солдатик. Служба идет отлично, но бывает и с «косяками». Тут недавно пошли на боевой пост с пацаном и уснули. Как обычно, пришла проверка, и нас сцапали. За это полдня топали в двух тяжелых бронежилетах, а к вечеру еще и попало от одного прапора с роты. Теперь вся левая сторона тела - один большой синяк. А в остальном все отлично».

Не окончив девятый класс грязовецкой средней школы, Артем пошел работать. Вместе с бабушкой Антониной Терентьевной, которая трудилась в бригаде отделочников, парень объездил пол-области. На службу Тему призвали осенью 2004 года. Грязовчанин попал под Питер во внутренние войска МВД. Сначала три месяца учебки, потом еще четыре месяца службы, а в конце апреля 2005 года в письмах Артем впервые сообщил, что его часть будет отправлена в Чечню.

Солдат, впрочем, мог легко остаться и в Питере, его приглашали на службу в военный оркестр. «Тема хорошо играл на гитаре и очень неплохо пел, - говорит его девушка Аня Алексеева. - Но от оркестра он отказался. Написал, что не захотел быть «белой вороной» и отсиживаться в армейском оркестре».

Из письма Артема Быкова: «Привет, Солнышко! Скорей всего, после 10 мая уеду в Чечню, а в остальном все классно. Меня здесь не трогают. Только, Анюта, на душе както грустно становится, когда всем приходят письма, а ты их ждешь, как дурак, и ничего нет. За этот короткий промежуток времени, проведенный в этой роте, я успел попробовать многое, чего не мог бы попробовать за два года службы в оркестре, например. Пострелял из калаша и т.д. Прикинь, Анюта, пацаны привозят чуть не каждый день с базы по 5-6 коробок мороженого. Я столько мороженого не ел даже на гражданке. Письмо это, скорей всего, последнее отсюда. Потом писать буду из Чечни. Пиши мне, и я отвечу. Люблю, целую, обнимаю. Твой горе-воин рядовой Быков А.А.»

О причинах гибели Артема его близким до сих пор толком ничего не известно. Бабушке Антонине Терентьевне, по крайней мере, рассказывали три версии его смерти. По одной из них, Тема сам застрелился на посту. В записке командования части говорится, что рядовой Быков погиб на посту от руки снайпера. Есть и еще одна, самая чудовищная версия. Артем якобы подорвался на мине, получил тяжелые увечья, и чтобы солдат не мучился, его добили свои же выстрелом в голову.

Зверев Андрей Сергеевич
01.08.1975 - 06.01.1995
Кич.-Городецкий район, деревня Подволочье

Восемь пуль на заставе

Андрей Зверев с детства очень любил читать. Деревенская библиотекарша до сих пор вспоминает, что он был самым частым посетителем ее заведения. «Андрюша без книги за стол не садился, - говорит его мама Мария Николаевна, - он был настолько начитан, что даже учителя в школе нередко говорили, что он знал больше их».

Родился Андрей в Архангельске. Там семья Зверевых жила до 1983 года. На Севере Андрюша и его младший брат часто болели, и мать решила переехать к себе на родину, в Кич.-Городецкий район. Во второй класс Андрей пошел уже на Вологодчине, в подволоцкую начальную школу. Затем перевелся в шестаковскую среднюю школу-интернат. Неделю ребята учились и жили в школе, а на выходные ездили домой. До 6

класса Андрей учился в интернате, а потом решил, что будет жить дома, а в школу каждый день ходить пешком, по 7 километров туда и обратно.

После 9 классов школы Андрей поступил в великоустюгский автотехникум. Но проучился там лишь до Нового года и попал в больницу с тяжелым переломом ноги, выписавшись через несколько месяцев. В техникуме ему предложили взять академический отпуск. Но парень решил, что заканчивать учебу будет в Кич.-Городке, и перевелся в местное профтехучилище на тракториста-машиниста.

А в ноябре 1993 года его забрали в пограничные войска. «Когда Андрюша проходил медкомиссию, я надеялась, что из-за травмы ноги служить его не возьмут, - вспоминает Мария Николаевна, - однако сам он считал, что настоящий мужчина обязан отслужить в армии». Первые полгода Андрей прослужил в сосновом Бору под Санкт-Петербургом, затем их часть перебросили в Карельский город Калевала, там как раз создавалась маневренная группа быстрого реагирования. В составе этой группы Андрей уехал еще дальше на север, в Мурманскую область. «Перед уходом в армию я просила Андрея, чтобы он не подписывал никаких контрактов и не ездил в «горячие точки», - говорит Мария Николаевна. - Андрей пообещал, что никуда не поедет».

Осенью 1994 года часть перебросили на таджикско-афганскую границу, в селение Хорог. Мария Николаевна вспоминает, что в письмах Андрей почти не рассказывал о службе, зато очень любил писать о людях. Ему нравилось описывать характеры людей, образы их жизни: в Ленинградской области люди одни, в Карелии совсем другие. С настоящей северной закалкой - в Мурманске. Из Таджикистана Андрей писал, что не понимает, почему в этом краю людям не живется спокойно: на юге столько фруктов, замечательная природа, а местные жители постоянно с кем-то воюют.

С южных рубежей от Андрея пришло только одно письмо. До Подволочья оно дошло уже после похорон солдата. Еще 5 января 1995 года Мария Николаевна, обеспокоенная тем, что от сына долго нет никаких вестей, поехала в кич.-городецкий военкомат. Там пообещали выяснить о судьбе Андрея. А уже на следующий день младшего сержанта Зверева не было в живых.

Сначала военные не могли толком объяснить, что в тот роковой день 6 января произошло на границе. Первоначально была версия, что Андрея застрелил сослуживец из Вологды. Но вскоре после похорон Мария Николаевна получила письмо от пограничников-сослуживцев Андрея, солдаты рассказывали, что на их временный пост 3-й погранзаставы было совершено вооруженное нападение. Андрей, как командир отделения, поднял солдат на защиту поста, но был сражен автоматной очередью. В Андрея попало 8 пуль. Кроме него, погибло еще трое пограничников.

А потом солдаты прислали аудиокассету с записью воспоминаний об Андрее. Ребята рассказывали, каким он был отличным другом и командиром, рассказывали о том, что у Андрея был очень веселый характер, и о том, что Андрей погиб как настоящий солдат.

Котяшев Алексей Николаевич
22.01.1974 - 04.05.1995
Кирилловский район, село Талицы

Предательский песок

Колонна солдат возвращалась с очередного дежурства на таджикско-афганской границе, когда перед первым БТРом взорвался снаряд. Тяжелая машина несколько раз перевернулась и увязла в придорожном песке. Опытные солдаты остались внутри бронетранспортера и, упершись руками и ногами в броню, кувыркались вместе с ним. Все они остались живы. Только двое новичков выскочили из БТРа и попытались отбежать в сторону. Но ноги застряли в предательском песке, и через мгновение бронированная махина рухнула на них сверху. Одному солдату отдавило обе ноги. Когда пограничники откопали другого, Алексея Котяшева, он уже не дышал.

Лешина мама Светлана Александровна попала в Талицы по распределению после окончания медицинского училища. Лешка воспитывался без отца, и чтобы обеспечить сына всем необходимым, молодой женщине приходилось крутиться сразу на нескольких работах. При этом маленький пацан постоянно находился рядом.

Срочную службу Алексей Котяшев отслужил во внутренних войсках, в поселке Митино под Москвой. Из воспоминаний Светланы Александровны: «О службе он никогда ничего не рассказывал и всегда уходил от прямых вопросов фразой: «Мам, да ладно. Все нормально было». Еще Леше всегда всех было жаль. Из армии он вернулся в рваных ботинках и стареньком бушлате, хотя на дембель ушел в декабре. Я спросила: «Леша, что же ты в таком рванье-то вернулся?». Он ответил: «Мама, ну не мог же я раздевать новобранцев. Это ниже моего достоинства».

После армии Алексей устроился в родной колхоз трактористом. Но душа не лежала к работе на земле, тем более что он с детства мечтал о службе в милиции. Он даже уехал в Вологду за мечтой, но тут выяснилось, что для той милицейской службы надо было окончить 11 классов, а Леша проучился в школе только 9 лет. Попытка устроиться в Соколе на мебельную фабрику закончилась неудачей. Через год он попал под сокращение и вернулся в Талицы, где по вечерам вел дискотеки в местном клубе.

Все планы медленно рушились, к тому же личная жизнь дала трещину, и в 1994 году Алексей от безысходности подписал контракт на службу в Таджикистане. От этого шага его отговаривали всем миром, но не помогли даже уговоры кирилловского военкома, который был хорошо знаком со Светланой Александровной. Леша упрямо отвечал, что в Таджикистане все спокойно, и он обязательно вернется домой.

Второй раз на службу Алексея провожали в ноябре 1994 года. Он уехал и как в воду канул. Несколько месяцев не звонил и не писал. Светлана Александровна перепробовала несколько вариантов поисков сына, как вдруг на 8 марта от него пришло бодрое письмо. Алексей ни слова не написал о том, почему долго молчал, как будто и не было этого четырехмесячного безмолвия. Зато с удовольствием описывал южные нравы и обычаи, а еще сообщил: «Представь, мам, привезу в Талицы чистокровную таджичку!»

Причина долгого молчания вскрылась после гибели. Как только парень покинул стены родного дома, у него воспалился аппендицит. Кое-как добравшись до места службы, Алексей обратился в одну из таджикских санитарных частей, где его наспех прооперировали. Но врачи занесли инфекцию, и парня после операции еле откачали. В бессознательном состоянии его пришлось везти в военный госпиталь, где он провел несколько месяцев. Боевые товарищи поражались его выносливости и терпению. Как только солдат выписался из госпиталя, наравне со всеми старался делать зарядку. А когда чуть-чуть окреп, попросился на заставу.

На контрактной службе Алексей выучился на шофера и пошел в вечернюю школу. Казалось, солдат наконец-то вырвался из цепких объятий жизненных неудач, существование вновь стало приобретать смысл. Командир даже подписал отпуск на 8 мая. Но 4 мая стало роковым. Колонна увозила солдат с поста на базу. Один из солдат вспоминал, что Леша должен был ехать на последнем бронетранспортере, но напросился в головной БТР. Сказал, мол, буду ближе к дому.

Перед отправкой в Таджикистан Алексей принес домой крошечного щенка и попросил: «Мама, к моему приезду вырасти, пожалуйста, из него настоящую собаку». Когда в конце весны-1995 солдата похоронили, собака сутками не уходила с могилы. Ее уносили с кладбища на руках, а она выла, скулила и возвращалась на могилу хозяина.

Кужлев Илья Сергеевич
14.12.1984 - 02.11.2005
Череповец
Посмертно награжден Орденом Мужества

Фугас на Заветах Ильича

Утром 2 ноября дозор вышел на инженерную разведку в Старопромысловском районе Грозного. Старшим дозора был назначен младший лейтенант Хорошенко, старшим прикрытия - лейтенант Парпибаев. Первым в группе дозора шел младший сержант Илья Кужлев. В 8.47 на улице Заветы Ильича грохнул взрыв. Как выяснилось позже, боевики подорвали фугас, спрятанный в куче мусора примерно в пяти метрах от дороги. Старший сапер Илья Кужлев погиб на месте.

Илья был средним сыном в семье череповецких рабочих Екатерины Леонидовны и Сергея Геннадьевича Кужлевых. «Все сыновья, несмотря на маленькую разницу в возрасте, были очень разными, - вспоминает Екатерина Леонидовна, - а Илья был неким связующим звеном между старшим и младшим сыновьями. С его гибелью связующая цепочка порвалась». Леня, Илья и Саша Кужлевы все время были вместе. Если пацаны хулиганили, от родителей попадало всем троим. Однако, если нужно было, к примеру, наколоть в деревне дрова, сложить поленницу, соорудить забор, - работали тоже все трое. Только после того как работа была выполнена, их отпускали кататься на велосипедах с местными пацанами или играть в футбол.

Из воспоминаний Екатерины Леонидовны Кужлевой: «Деревня, в которой у нас есть дом, находится примерно в 60 километров от города. Ребята все лето проводили там. Около них крутились и вся местная детвора. Инструмент самый лучший был только у наших, так что ремонтировать велосипеды все ездили к нам. Если деревенские собирались куда-нибудь, без наших не идут, а у наших задание сложить поленницу, вот все вместе и собирают. Или, к примеру, отец говорит, пока по 10 колышков в заборе не заменят, в футбол не пойдут играть».

Братья Кужлевы ходили в один и тот же садик, потом в одну и ту же школу. Старший Леня и средний Илья после 9-го класса пошли в одно и то же училище, где Илья учился на крановщика. После училища Илья с Леней успели поработать грузчиками в промышленном порту. Если Леня был взрывным подростком, от которого можно было ожидать все что угодно, Илья отличался спокойным характером и внутренней дисциплиной. В промпорту, где Илья успел проработать до армии больше года, он был единственным молодым грузчиком, удостоенным почетной грамоты «За добросовестный труд». Екатерина Леонидовна не сомневается, что и в армии Илья «тянул лямку за себя и за того парня».

Из воспоминаний Екатерины Леонидовны: «Большого желания служить у Ильи не было. Однако мы сказали, что всех троих «отмазать» от армии не сможем, поэтому пойдете служить. Перед тем как в армию пошел Илья, Леня прослужил уже около года. А он писал в письмах, чтобы мы к нему не ездили. Поэтому решили, что и Илью проведывать в армии не будем».

Илью Кужлева призвали во внутренние войска МВД весной-2004 и отправили служить в Сыктывкар. А через полгода направили на Северный Кавказ. Сначала это был город Лабинск Краснодарского края, потом Ханкала и Грозный. Из воспоминаний Екатерины Леонидовны: «Пока Илья служил в Сыктывкаре, от него регулярно приходили письма. Причем службу описывал очень подробно. Писал про сборку автоматов и какие оценки за это получал. Когда приехал в Грозный, письма стали приходить очень редко. Причем содержание писем сводилось к общим фразам, мол, сопровождаем колонны на небольших расстояниях в Грозном. Еще писал, что была своя баня, рота базировалась в отдельном помещении, питание нормальное».

Впрочем, немногословность писем родителей не беспокоила. По телевизору про Чечню никаких неприятностей уже не показывали, и близкие Ильи полагали, что на Кавказе все спокойно. Но когда весной-2005 письма от солдата вообще перестали приходить, родители не на шутку забеспокоились. Отец с матерью пошли в военкомат, а оттуда направили запрос в сыктывкарскую часть с просьбой выяснить, не случилось ли чего-нибудь с младшим сержантом Ильей Кужлевым. Из Сыктывкара пришел ответ, мол, солдат отбыл в Краснодар.

Илья дал знать о себе только в мае. В письме короткой строкой было написано, дескать, очень долго были обстоятельства, не зависящие от него. Позже от одного из контрактников, служившего с Ильей, родители узнали, что в конце зимы их сын был ранен в руку долго пробыл в госпитале. Последнее письмо от Ильи пришло 2 ноября 2005 года. Читая послание, родители еще не знали, что в этот день их сын погиб в Старопромысловском районе Грозного.

Михеевич Павел Иванович
26.06.1971 - 01.06.1994
Деревня Абакшино, Вологодский район

Письма с границы не доходили

Служить по контракту Павел пошел от безнадежности. В маленькой деревушке найти работу было практически невозможно, хотя Паша никогда не был лентяем. В деревне до сих пор помнят, как после 8 класса он вместе с другом устроился работать на местный зерноток и всю посевную таскал мешки с зерном. Тогда в администрации колхоза удивлялись, что с работой, на которую согласится не любой взрослый, справляются двое 15-летних пацанов. Хотя, по словам матери Павла Галины Александровны, дома после работы Паша валился с ног от усталости.

Летом-1992 Павел Михеевич подписал трехгодичный армейский контракт. Тогда в стране «горячей точкой» была граница с Афганистаном. Впрочем, когда Паша, пройдя комиссию в Вологодском военкомате, уезжал в Питер, его заверили, что отправят на охрану карело-финской границы. И лишь перед посадкой в самолет сказали, что вместо западной границы его повезут в Душанбе. Так деревенский парень попал в московский погранотряд, охранявший участок реки Пяндж на таджикско-афганской границе. Этот участок прославился постоянными стычками на приграничной территории между войсками талибов и силами Северного альянса (Афганистан).

Больше полугода мать ничего не знала о судьбе сына. Зимой-1993 Павла, переболевшего в Таджикистане гепатитом, после лечения отпустили домой на побывку. Только дома Павел с удивлением узнал, что ни одно из отправленных им на родину писем до Абакшино так и не дошло. Он решил, что после отпуска будет сообщать о себе телеграммами.

Из воспоминаний Галины Александровны: «Пока Павел был в отпуске, я все пыталась у него узнать, насколько опасна его служба? Паша в шутку неизменно отвечал: «Мама, это военная тайна и тебе нечего об этом знать». Я догадывалась, что там опасно и, как могла, уговаривала его бросить службу и остаться дома. Но Паша сказал: «Я дал честное слово командиру погранзаставы, что обязательно вернусь».

Из сообщений центральной прессы: «В конце февраля 1994 года ситуация на таджикско-афганской границе вновь осложнилась. С 19 по 22 февраля посты пограничников были обстреляны тяжелой артиллерией и реактивными снарядами. Однако Совет исламского сопротивления Таджикистана, находившийся в городе Талукан (Афганистан), опроверг заявление МИД Таджикистана о том, что «боевые группы исламского сопротивления обстреливают с территории Афганистана местоположение правительственных формирований». Москва вновь выступила с угрозами в адрес Кабула. За этими угрозами стояла активность определенных политических кругов: численность коллективных миротворческих сил составляла 25 тысяч человек. В качестве демонстрации силы 24-26 марта близ заповедника «Тигровая балка» на побережье Пянджа прошли учения коалиционных сил СНГ, в которых приняли участие подразделения вооруженных сил России, Таджикистана и Узбекистана общей численностью около 950 человек. Задействовано 28 танков, 104 БМП, 20 боевых самолетов».

После отпуска в Абакшино от Паши действительно стали приходить телеграммы, он кратко сообщал, мол, жив-здоров. А в июне 1994 года военные привезли цинковый гроб. Они рассказывали, что 1-го числа вечером Пашу зачем-то срочно вызвали на КПП, до которого он не добежал метров сто. Его расстреляли из проезжавшей мимо машины. Одна разрывная пуля попала в голову.

Через три дня после похорон из Таджикистана пришла запоздалая телеграмма: «Мама, обо мне не расстраивайтесь, у меня все хорошо, я поехал на заставу».

Нефедовский Михаил Александрович
9.01.1985 - 24.11.2006
Село Урусовское, Верховажский район

Контракт по призванию

21-летний Михаил Нефедовский из Верховажского района был из тех, о ком уже в юном возрасте говорят: настоящий мужчина. Спортивный, мускулистый, с техникой на ты. Невыполнимых задач и слишком тяжелой работы для его рук не существовало. «В походах он брал на себя самую тяжелую ношу, - вспоминают учителя нижнекулойской средней школы. - Трогательно относился к девочкам. Его любили в классе за отзывчивость, стремление помочь. А еще многие помнят, как в 6-м классе мишины одноклассники ходили смотреть, как он с другом зимой купается в проруби».

Сначала Миша выучился водить мотоцикл, потом трактор, а когда его призвали в армию, дошла очередь и до мощного БТРа. В армию он отправился в 2003 году, сразу после окончания верховажского профессионального училища №53, где учился на машиниста-тракториста широкого профиля. Его, крепкого и рослого парня, забрали в войска спецназа в пригород Архангельска.

Армия была парню не в тягость, наоборот, он решил, что нашел занятие себе по силам. Трехлетний армейский контракт Михаил подписал уже через год службы в спецназе. Ему очень хотелось быть военным. «Когда Миша встал перед выбором профессии, я сказал ему: «Если хочешь служить, служи», - рассказывает отец погибшего Александр Александрович Нефедовский. - Сначала он подписал контракт, будучи еще ефрейтором, а через два года, после окончания школы прапорщиков, подписал другой - на пять лет».

Об армии ничего родным не рассказывал, отмахиваясь общими фразами: «Все нормально». Впрочем, родители понимали, что военная служба - это его призвание. В Архангельске Михаил Нефедовский сдал нормативы на черный берет. Пытался дотянуть до крапового, не хватило совсем чуть-чуть. Когда приезжал в отпуск, отец просил: «Ты хоть не применяй приемы, которым тебя научили в армии, на местных парнях, когда, не дай бог, случится какая-нибудь драка». Михаил ответил, что спецназовцу это запрещено.

В середине ноября-2006 он отправился в свою третью чеченскую командировку. Отряд, в котором служил прапорщик Нефедовский, базировался на окраине чеченской столицы. Вечером 24 ноября родителям Михаила позвонил его двоюродный брат Антон. Он находился с Михаилом в одной части и одним из первых узнал о трагедии.

Офицеры, доставившие тело, говорили, что Нефедовского застрелил снайпер. Позже стало известно, что Михаил погиб от руки сослуживца. Рано утром 24 ноября группа, в составе которой был и Михаил, готовилась к разводу. Дежурный по роте, принимая оружие, не убедился в том, что в стволе нет патронов, и нажал на спусковой крючок. Три пули попали прапорщику Нефедовскому в голову. Две из них оказались смертельными. В марте-2007 дежурный по роте Фомченко, по чьей неосторожности погиб Михаил, приговором военного суда получил 3 года колонии (поселение).

В свой последний вечер Михаил прислал невесте SMS: «Я навек с тобой».

Розанов Игорь Владимирович
24.06.1983 - 16.07.2005
Поселок Чагода

Вертушка загорелась и врезалась в склон

В пятницу 22 июля 2005 года в Чагоде похоронили пограничника Игоря Розанова, погибшего в Чечне во время падения вертолета «Ми-8». 16 июля вертушка разбилась в районе селения Итум-Кале. В тот роковой день транспортный вертолет вылетел в 11.25 с военной базы в Ханкале в горное село Тузхорой, где дислоцируется погранотряд, охраняющий чеченский участок российско-грузинской границы. Его сопровождали два вертолета огневой поддержки «Ми-24».

На борту «Ми-8» сначала находились трое членов экипажа и пограничник, сопро-

вождавший груз - 1,5 тонны дизельного топлива. В Тузхорое на борт поднялись еще пять человек - солдат аргунского погранотряда Игорь Розанов, трое военнослужащих-контрактников и капитан Полуэктов. В полдень вертушка вылетела обратно в Ханкалу. По пути «Ми-8» должен был сделать промежуточную посадку в селе Тазбичи для выгрузки топлива. Пролетая над селом, вертолет вдруг завис на высоте 50 метров, а потом резко пошел на снижение. На высоте примерно 10 метров машина загорелась и врезалась в склон горы Рогкорт. Из девятерых военнослужащих выжил только капитан Полуэктов. В тяжелом состоянии, с сильными ожогами он был отправлен в госпиталь в Ханкале.

Следователи прокуратуры пришли к выводу, что, скорее всего, вертолет столкнулся с горой в результате технической неисправности, возникшей в сложных горных условиях при заходе на посадку. «Игорь позвонил мне по телефону за день до трагедии, - рассказывает отчим погибшего солдата Павел Александрович Соузов. - Поздравил меня с предстоящим Днем рождения и сказал, что непосредственно в День рождения позвонить, скорее всего, не сможет, его отправляют на месяц в командировку. Куда - не сказал».

Игорь Розанов прослужил в армии чуть больше года. Его призвали весной-2004 и сразу распределили в погранвойска. Сначала вологжанин служил в Новороссийске, затем его часть перебросили в Геленджик, а в октябре того же года солдата отправили охранять чеченский участок российско-грузинской границы. «На той же заставе служил друг Игоря, - сквозь слезы говорит мать пограничника Татьяна Николаевна. - Он ушел на дембель как раз перед отправкой нашего сына в армию. Друг и Игорю рассказывал, и нас успокаивал, мол, хоть этот участок пограничной территории и считается напряженным, ничего страшного там не происходит».

В большой семье Соузовых Игорь был старшим сыном. После его рождения Татьяна Николаевна второй раз вышла замуж - за Павла Александровича Соузова. От второго брака родились три дочки. Игорь считал Павла Александровича отцом. Из последнего письма Игоря на родину: «Отцу, думаю, нелегко. Понимаю, один остался среди женщин. Пусть потерпит немножко. Я приду, пойдет полегче. Кстати, ремонт моей любимой веранды сделали? Очень прошу, папа, отделай ее к моему приходу. Как там дедуля? Знаю, он очень любит париться. Пусть летом вяжет веники. Я дембельнусь, пойдем с ним от души попаримся».

Игорь очень любил всех своих близких. Письма неизменно начинались фразой: «Привет, любимая семья». По телефону старался узнать про всех родных любую мелочь: как учатся младшие сестренки, как растет любимая племянница Ксюша, как здоровье отца с матерью и вообще как живет Чагода. «Посылая Игорю письма, я вкладывала в конверты вырезки из нашей газеты с результатами игр местной футбольной команды, - продолжает Татьяна Николаевна. - Игорь и сам играл в футбол, а в армии очень переживал, как там без него справляется его любимая команда».

В футбол он начал играть с 7-ми лет. К юношескому возрасту уже считался лучшим защитником среди команд западной части области, а когда поступил в автодорожный колледж города Боровичи Новгородской области, неоднократно ездил на футбольные турниры в Москву. Спорт Игорь не забросил и в армии. В своих письмах солдат не без гордости писал, что даже на погранзаставе при его непосредственном участии стали организовывать турниры по футболу среди солдат. И команда, в которой играл Игорь, заняла 1-е место. «На нашем стекольном заводе, где Игорь после окончания техникума отработал почти год, тоже есть своя футбольная команда, - рассказывает Татьяна Николаевна. - Ребята из команды сказали мне, что как раз в день гибели сына они собирались и прикидывали, сколько месяцев остается Игорю до дембеля. Друзья верили, что, вернувшись из армии, он выведет команду на первые места».

Незадолго до гибели Игорь Розанов отпраздновал свой последний 22-й день рождения. «Он очень любил разные домашние варенья и попросил, чтобы мы выслали ему на праздник варенье и какие-нибудь конфеты, - вздыхает мать солдата. - А я выслала ему еще и сигареты. Так он потом звонил и ругался: зачем, мол, отправила курево. Ведь в армии он серьезно занялся спортом и бросил курить».

Перед призывом парень рассказывал отцу, что его однокурсники из техникума в Боровичах легко отмазываются от армии. Д-остаточно дать нужным людям деньги, и «белый билет» обеспечен. «Я говорю Игорю: «Где же я достану такие деньги?» - Павел

Александрович украдкой смахивает слезу. - Лучше мы с тобой решим так: ты придешь из армии, а я к тому времен куплю тебе машину». Отец сдержал свое слово и купил для сына «Волгу», пусть и подержанную. Только вот прокатиться на ней Игорю уже никогда не придется.

Шестаков Алексей Леонидович
03.06.1979 - 20.02.1999
Тарногский район, деревня Тюприха

Лавина

Трехлетний контракт Алексей подписал летом 1998 года, после того как год отслужил на срочной службе. «В нашей деревне (она находится примерно в 15 километрах от райцентра) молодому парню найти работу невозможно, - сказал лешин отец Леонид Александрович. - Вот Леша, видимо, и решил, ничего нам не говоря, подписать контракт».

После 9 классов деревенской школы Алексей поступил в тарногское СПТУ №49 на специальность мастер по ремонту машин и тракторов. После училища летом-1997 надел армейские сапоги. На службе карьера быстро «пошла в гору». В ноябре-1997 он уже носил сержантские погоны, осваивая должность командира отделения. В конце декабря стал командиром орудия, а в мае-1998 командиром минометного расчета.

После подписания контракта сержанта Шестакова отправили в Северную Осетию, в зону грузино-осетинского конфликта. До конца 1998 года он служил на Северном Кавказе, а в феврале-1999 написал ходатайство, чтобы его отпустили в отпуск, на родину. Поскольку весь 1998 год Леша служил добросовестно, его непосредственный командир лейтенант Козлов ходатайство удовлетворил. 20 февраля Леша вместе с сослуживцем рядовым Харитоновым выехал из Цхинвали во Владикавказ, чтобы там сесть на московский поезд.

Из официального ответа, подписанного командиром части подполковником Ершовым: «20 февраля ваш сын и рядовой Харитонов с его взвода убыли в отпуск. Они выехали из Цхинвали на маршрутном автобусе, который следовал в город Владикавказ, для дальнейшего убытия в Москву. Доехав до Рокского перевала, автобус был остановлен сотрудниками ГАИ, сообщившими, что перевал закрыт, так как за перевалом лавиноопасная обстановка и начались сходы снежных лавин. Всех людей разместили в местное кафе, где им предоставили бесплатное питание. Покушав и посидев в кафе, ваш сын и рядовой Харитонов решили отправиться через перевал пешком до ближайшего населенного пункта, а оттуда до Владикавказа. Они обошли пост ГАИ и пост таможни и пошли пешком, несмотря на предупреждения сотрудников правоохранительных органов.

Пройдя около 5-6 километров от поста ГАИ, начался сход снежной лавины. Рядовой Харитонов и ваш сын побежали, но рядовой Харитонов поскользнулся и упал, а Алексей продолжил бежать и, возможно, попал в эпицентр снега. Рядовой Харитонов выбрался из-под снега и начал откапывать вашего сына, но тут пошла еще одна снежная лавина. Рядовой Харитонов побежал к посту ГАИ, где взял помощников и хотел оказать помощь. Но когда они прибыли к месту и приступили к расчистке, начался сход еще двух лавин слева и справа, поэтому они вернулись обратно на пост, оттуда сообщили поисково-спасательной бригаде МЧС, которая базируется во Владикавказе. ПСС приступила к работе, но из-за многочисленного схода лавин поиски были затруднены. 23 февраля 1999 года в 16.30 тело вашего сына было извлечено из-под снега».

Александр АЛЕКСИЧЕВ

НА РОДУ НАПИСАНО

Валерий Гаврилин в череде великих русских композиторов

Роман-эссе в 2-х частях
(Журнальный вариант. Примечания и библиография опущены)

Часть I

Сегодня я познакомился с одним человеком. Это был я. Надо сказать, что я не произвел на себя такого уж впечатления. Со стороны я как-то интереснее.
А история - не выдумка ли? Возможна ли вообще такая наука?
Как невозможно воссоздать историю одного человека.
В.А.Гаврилин. «О музыке и не только».

Давным-давно, в беседе с Галиной Силиной, корреспондентом «Литературной газеты» в Ленинграде, ему пришли на ум слова Льва Толстого из «Севастопольских рассказов» о том, как смертельно раненный солдат вспоминает всю свою жизнь. Толстой ничего не придумал, так уж принято считать, что в последнюю минуту перед глазами проносится вся жизнь, только сказать, так ли это на самом деле, никто не успевает. Говорили про то, про се, в газете все переврали, перепутали; он обиделся на Галю, Галя обиделась на редакцию, люди обидятся на него: собирался написать о себе сам и не нашел времени - ел, спал, развлекался с друзьями, принимал гостей. Три дня назад отпраздновали день рождения жены, Наталии Евгеньевны, торжество еще не улеглось, гости не выветрились, есть перед кем подняться, завести витиеватый тост, дескать, к инициалам жены прибавляем инициалы мужа, получается НеВа, речка, известное дело, короткая, но не короче жизни. Он встал и повалился обратно в кресло - огненный ветер, обжигающий грудь и лицо, был нестерпим...

Великий русский композитор Валерий Александрович Гаврилин умер в Санкт-Петербурге, на Галерной улице, в доме 28, двадцать восьмого января 1999 года.

... 1962 год, март, ленинградский, мандельштамовский «желток фонарей», пялиться на который студенту особенно и некогда. Ботинки промокли, если опять положить их сушиться в духовку да забыть там, придется ходить босиком. Болит горло, обожженное второпях горячей картофелиной, а на зачете надо было петь вокальный цикл, и мысль была одна: скорей бы кончить, многовато насочинял. Эта же идея бродила по лицу *пипиндипельного* преподавателя: бегаешь по халтурам, занятия пропускаешь, сочиняешь не по учебному плану, а по вдохновению, так и музыку настоящую давай. Не помня себя, пришел домой, тогда жили на Фонтанке, 26. Первое время вид из окна ошеломлял легендарной красотой: Летний сад, Михайловский замок, Нева. Теперь захотелось снова стать маленьким вологодским мальчиком и прогревать ладошкой проталинку на стекле, где льду намерзло в палец толщиной, и ворковать, лялякаться, не зная, что есть в мире правила, как это лялякание организовать и окультурить. Мальчика звали не Валериком, а Лялей. Теперь в зеркале чужое лицо: коротенькие, глупые усики, беспомощные, если снять очки, глаза. Повалился на диван, правая рука у сердца, левая свесилась на пол. Пальцы продолжают аккомпанемент «Ганса и Греты» - в чужом пиру похмелье, тоска посреди чужого счастья. Двухлетний сын Андрей подка-

тился колобком, схватил за руку, пришлось повернуться к нему, хотя на лице - отчаяние.

- Знаешь ли ты, Эндрю, что я в музыке ничего не пендрю?

Вид у отца, должно быть, знатный. Сын с ревом убежал к Нате Евгенне. Ее в школе зовут так, а чтобы не забыла, и дома. Через минуту явились все: жена, теща, сын и соседка, критик по призванию.

- Что случилось? За тобой гнался Медный Всадник? - Ната Евгенна пробует шутить. - И перестань, пожалуйста, учить сына вологодскому наречию, нельзя будет в люди выпустить.

Полюбовался замешательством, выдвинул вперед семейные рифмы.

- У Оли - поле, у Наты - канаты, у Андрея - рея, у Валеры - холера...

Так сказать, жизнь прожить - не поле перейти, для этого нужны нервы-канаты, потому что сын растет пиратом, а события развиваются внезапно, как холера у Чайковского.

- Что случилось?

- Орест не принял «Немецкую тетрадь». *«Орестея»* закончена...

- Почему? Почему?

Попробуй объясни Нате Евгенне и Ольге Яковлевне, почему доцент консерватории Орест Александрович Евлахов в 42-м классе отвернулся к окну, словно призывая в свидетели прохожих, и сказал ему, студенту Валерию Гаврилину, по поводу шести номеров вокального цикла «Немецкая тетрадь», что это - ущербная музыка. Веселый насмешник с открытым ранимым сердцем - это и герой стихов Генриха Гейне, и сам композитор Валерий Гаврилин. Надо подвести Нату Евгенну к мысли, что из консерватории ему, Гаврилину, пора уходить, что композитора из него, Гаврилина, не получилось.

Конечно, доцент не первый встречный, понимает смысл прелюдии, одобрительно хмыкает несущемуся во весь опор фортепианному сопровождению «Гонца», знает наизусть «Разговор в Падерборнской степи». Контрабас, скрипка, флейта или скромная волынка - это ученик, то есть он, Гаврилин, мнящий себя опять же в деревенской идиллии, теперь летом, в зеленой траве над синим Кубенским озером. Мнительному студенту решительно - такая у Ореста манера - возражает доцент Евлахов: «Уж не спятил ли с ума ты? Это хрюканью свиному вторят с визгом поросята». Евлахов словами Гейне напоминает о прозе жизни - восемнадцать рублей стипендии должны бы подвигнуть студента от школярства к живому сочинению, так нет, его вокальная строчка наивна, благостна, словно всю жизнь он станет лицезреть, как «пляшут поселянки на лугу, под тенью липки». Может, Евлахов говорил и не так, но было очень обидно. Пора «хрюкать». Хрюкать так, чтобы купить сыну трехколесный велосипедик со звонком, на страх соседке-критикессе. Были и такие ученики у доцента, их слышно издалека, они на гребне волны, они воспевают голубые города, они вот-вот завладеют Союзом композиторов. Конечно, доцент не учит держать нос по ветру, этому научить нельзя, как нельзя выучиться виртуозно шпарить на фортепиано, которого у тебя дома и нет, приходится брать в прокате. Евлахов справедливо полагает, что отличное владение инструментом - залог интересной музыки. Все великие хорошо играли. Шостакович, учитель Евлахова, играл сухо, без артистического блеска, зато пальцы поспевали всюду удивительно быстро, его первая соната казалась многим пианистам невозможной для исполнения. Теперь играть почти не может, перетружены руки. И сочиняет тяжело - неимоверно сложным путем доказывает непобедимость мажорного трезвучия. И думает тяжело: симфония - царица музыки. В таком случае царь - человеческий голос. Музыкальные инструменты изобретены человеком, человека же изобрела Природа, подарила Голос - общаться с другими. Студента, страдающего бессонницей, изобрели в августе 1939 года. На рассвете, едва заря наполнила комнату красным вином, студента осенило: голос - царь музыки, а он, Гаврилин, вынудил доцента еще год назад сказать: «Валерий, если вы не напишете вокальное задание по-человечески, я вам поставлю единицу высокую, как Монферранова колонна на Дворцовой площади. Со всеми вытекающими...» Все это - противным тенорком, таким неожиданным при его мешковатой фигуре и круглой лысине иезуита. Да и студент, похоже, противен самому себе, словно Клим Самгин из горьковского романа. Жизнь горька, но не обязательно уподобляться неназванному в романе студенту, которого тятенька драл вчера за

вихры и который сегодня готов вызвать преподавателя на дуэль за один лишь косой взгляд. Жаль, Евлахов не слышит, что пение скрипок и визг поросят происходят в воспаленном мозгу самого Гаврилина, которому жена опять положила на лоб холодную тряпочку с уксусом. И скрипки, и поросята показаны одним и тем же музыкальным оборотом, игривым в одном случае, монументально тяжелым - в другом. Раздвоение души. Фольклорист Изалий Земцовский на три года старше Гаврилина, а прямотаки мудрец. Немецкие романтики, говорит он, в частности Шуберт, - олицетворение душевной ясности и чистоты, неминуемо приведут Гаврилина к русским вокальным циклам, и случится это неожиданно скоро, неожиданно и для самого автора...

Ната Евгенна перевела глаза с мужа на сына: рожицы у обоих одинаково круглые, словно целая нота. Отцу семейства не пристало выпадать в осадок из-за таких пустяков, как нелестный отзыв преподавателя о вокальном цикле; Евлахов принял зачет, и этого довольно. Валерий в отчаянии оттого, что обнаружилось расхождение вкусов и взглядов учителя и ученика. Казалось бы, сам с усам, все знаешь, все умеешь, «хвалу и клевету приемли равнодушно...» Она остается в полной уверенности, что через несколько лет о ее слабовольном, в эту минуту, муже заговорят все.

Валерий открыл глаза, растерянно улыбнулся, взял со стола толстый том мемуаров Римского-Корсакова, заложенный очками на том месте, где остановился ночью. Николай Андреевич описывает, как во время плавания на учебном корабле «Прохор» он, тогда Ника Римлянин, упал в воду с мачты. Состояние его, видимо, было очень похоже на гаврилинское. «Я стоял на вантах бизань-мачты в то время, как их стали стягивать, но, так как тали были очень худы, то они лопнули. Я не держался, а лежал животом на вантах, ванты тряхнуло, и я полетел назад кувырком... Перевернувшись раза три, я проскочил между шлюп-балками, ударился боком о грот-брас... и свалился в воду. Я ушел туда глубоко, сапоги налились водой и казались гирями, повешенными на ноги... В это время подошел катер, и меня поймали крючьями... Свалиться из-под марса, ведь это выше, чем с седьмого этажа...»

Валерий снял очки, глаза опять сделались беспомощными.

- Каково написано?

Ната Евгенна вспыхнула. Она и сын стоят, готовые к бою и походу, в детсад, на службу, а он...

- Валерий, а что в эту минуту поделывает Николай Андреевич Римский-Корсаков?

Гаврилин сел на диване, развернул на коленях воображаемую партитуру - мимо памятника, стоящего у консерватории, ходит не первый год. Ната Евгенна похожа на Надежду Николаевну Пургольд - жену Римского-Корсакова, она работает воспитателем в интернате школы для музыкально одаренных детей, притом старшим воспитателем, это не фунт изюму.

- Яичница на столе.Чай завари по вкусу.Не хандри!

Колобок Андрей оглянулся в дверях, помахал рукой по новой моде, из стороны в сторону, ядовито повторил смешное слово «Не хандри!», изобразил энергичное (энергическое - говорили во времена Римского-Корсакова) антраша: бабушка Оля - руководитель балетного коллектива.

Славный Роберт Шуман писал еще в гимназии «О влиянии одиночества на совершенствование ума и облагораживание души». В одиночестве лучше пройдут «поевка с последующей поспавкой. Засим сочинка музыки». Игра слов, записанная на бумагу, не признак ли шизофрении? Говорят, все сочинители - шизики. Тот же Шуман закончил дни свои в желтом доме, и его Клара со слезами глядела на него в щелочку, сопровождаемая Иоганнесом Брамсом. Яичница, конечно, давно остыла. Плитка, чайник, кастрюлька знакомы еще со школьных времен, пора им в домашний музей, Ната Евгенна приходила с ними, когда столовая не работала, летом, перед экзаменами в консерваторию. Преподаватель композиции Сергей Яковлевич Вольфензон сказал Нате Евгенне по секрету, что две прелюдии его ученика Гаврилина посвящены ей, Наталии Евгеньевне Штейнберг. Шуман писал Кларе Вик, найдя сходство в ее Романсе и своей Юмореске: «Я услышал вновь, что мы должны быть мужем и женой... Каждая твоя мысль исходит из моей души, точно так же, как и я должен быть благодарен тебе за всю мою музыку...»

Шуман и помог их сближению. Увидев Гаврилина за роялем, Ната Евгенна увидела другого человека. «Чудесно было находиться среди гостей, когда худенький мальчик, с тонкими, поджатыми губами, с узким, чуть горбатым носиком, в очках, старомодно оправленных блестящей ниткой металла, абсолютно бессловесный, сердитым букой переходил большую комнату и, приподнявшись на цыпочки, садился за огромный рояль. Чудесно, ибо по какому-то непонятному закону противоречия худенький мальчик за роялем перерождался в очень дерзкого музыканта с мужским ударом пальцев, с захватывающим движением ритма...» Примерно так и было, но это не про Гаврилина. Так Константин Федин описывал встречу с Шостаковичем. Гаврилин тоже маленький, худенький, зато нос у него утиный, губы толстые, и очки не такие, как у Шостаковича, а в громадной черной оправе, в них он доцентом выглядит, не менее. После встречи с Дмитрием Дмитриевичем, в Малом зале консерватории, приходилось контролировать себя, чтобы не копировать живого классика - не наклоняться при ходьбе, не сцеплять руки на пояснице, чем весьма потешался сосед по комнате в общежитии скрипач-виртуоз Вадька Горелик, которому посвящен Первый квартет Гаврилина. Гаврилин тогда разволновался, объявил Шостаковичу, что он, Шостакович, - гений, поскольку написал Седьмую, «Ленинградскую» симфонию. Маленький, остроносый человек взглянул на несдержанного школяра и сказал, что сегодня-де он гений, а завтра на него могут и не обратить внимания, не вспомнить. В другой раз Гаврилин храбро заметил, что в новый квартет Шостаковича вкрались заимствования из ранних сочинений, на что Шостакович сказал, мол, свои квартеты пишите как вам заблагорассудится. Оба суждения Гаврилин намотал на ус. Даже Бетховен, бюстик которого он укладывал иногда в кровать вместо себя, перед вечерним обходом воспитателей удирая к роялю, - не путеводная звезда. Все великие явились перед сном, и не последний среди них Вадька Горелик, надо это дело не заспать, Вадьке сообщить.

«...А что в эту минуту поделывает Николай Андреевич Римский-Корсаков?»

1862 год, октябрь. Помощник вахтенного офицера восемнадцатилетний гардемарин Ника Римлянин с борта клипера «Алмаз» обозревает рыжие, местами заснеженные берега Финского залива, стараясь представить, как проходила здесь солдатская служба в Нейшлотском полку легендарного стихотворца Боратынского, исключенного из Пажеского корпуса, без права вступления на иное поприще, за опрометчивый шаг юных лет. Скоропостижно скончавшийся в год рождения Ники, Евгений Абрамович оставил мрачную сентенцию, остерегающую лучше воинских уставов и наставлений начальства:

Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Здесь же служил и гвардии Уланского полка поручик Фет. Известный стихотворец тончайших движений сердца внезапно бросил службу, купил имение в степи и заперся в нем, как медведь в берлоге... Старший брат Ники Римлянина - Воин Андреевич руководствуется долгом офицера, и судьба благоволит к нему; еще из похода на «Прохоре», замечательного падением Ники в море, брат писал родственникам о Нике, что «степень его дарования такова, что пренебрегать его развитием значило бы погрешить перед Богом, зарыть в землю талант, им данный...» Назначенный нынче директором Морского корпуса, старший Римлянин мог принять к руководству собственное суждение и вычеркнуть братца Нику из списка назначенных в двухлетнее кругосветное плавание, которое вот и началось, да счел, что единый росчерк пера в глазах сослуживцев может сделаться поступком, смахивающим на преступление Боратынского.

Краски вечера таковы, будто Европа опять пошла походом на Россию, в неизбежности чего убеждены, так что пора выбросить сомнения в необходимости плавания и столь долгой отставки от муз. Восемь лет назад, когда Ника еще жил у родителей в Тихвине, соединенная эскадра англичан и французов атаковала все побережье Финского залива; любопытно было бы поставить себя на место тогдашних дачников из Ораниенбаума, открывшегося слева по борту, не имевших возможности понять, пока

не дошли до них громовые tutti со стороны залива, вспышки ли это орудий неприятеля в направлении Кронштадта, намертво запирающего путь к столице империи, или незлонамеренные дети соседей пускают солнечные зайчики зеркалом, французским же, экспроприированным в спальне. Не всякий день стреляют, не всякий день из окна дачи можно наблюдать, как идут конница, артиллерия, скачет в открытой коляске государь Николай Павлович с его ужасными, навыкате, глазами, которых до поры боялась вся Европа. Крымская война, в числе других своих последствий имевшая, якобы, и смерть русского императора, разворачивалась не только на черноморском театре, но и на Балтике, и в Белом море, и на Тихом океане - всюду лезли, как говаривал гончаровский матрос Фаддеев, «сволочи эти асеи» - британцы; про французов и турок вспоминают меньше, а королевство Сардинию - вообразите! - помнят исключительно нынешние выпускники Морского корпуса, не желавшие за провалы в науках подвергаться субботней порке, но награжденные, по числу баллов за неделю, яблоками.

Балакирев, Кюи, Канилле провожали Нику на пристани в Петербурге, одетые уже в зимние шинели и картузы. Милий Алексеевич, все существо которого состоит из музыки, даже в ту минуту готов был принять на себя хлопоты против двухлетнего отлучения Ники от искусств, способность к коим - единственный знак различия, даваемый человеку провидением, такие люди - соль земли, ибо они прославляют в веках не только свои страны и народы, но и суть жития. Цезарь Антонович, преподаватель Военно-инженерной академии, напротив, рекомендовал служить до офицерского чина, к тому времени обет служения музам вдруг да и покажется смешным. Обыватель ли, служитель ли Евтерпы, все равны Всевышнему, апелляция к нему атеиста Балакирева останется без удовольствия, вот и кушайте, Милий, одну соль, а мы, хоть и без соли, ушицей распотчуемся. Молчал Федор Андреевич Канилле. Такие дела не голосованием решаются, исключительно - движением души. Не с фортепианной техники, не с премудростей сочинительства начинал он учить Нику, за что и получит еще упрек от профессора консерватории, каковым сделается нынешний неофит; все же Первая симфония Римского-Корсакова будет посвящена ему, Канилле. В основание дела Канилле положил сказать, что «Руслан и Людмила» - опера, лучшая во всем свете, а ее автор - Глинка - величайший гений; услыхав в ответ, что Ника чувствовал это, да вот впервые слышит от стоящего музыканта, Федор Андреевич понял, что главный урок достиг цели, и со временем ввел ученика в кружок балакиревцев - последователей Глинки, знаменующих собою Новую русскую школу музыкального искусства. В кружке есть с кого брать пример, если не достанет своего ума. Модинька Мусоргский шесть лет отдал военному делу и все не решался снять офицерский мундир, в котором имел оттенок фата; громогласный Владимир Васильевич Стасов поддразнивал Модиньку в ответ на его порывы бросить военную службу, Лермонтов-де, однокашник Мусоргского в училище гвардейских подпрапорщиков (многими годами ранее), оставался великим поэтом и в гусарах, и в драгунах, и в пехоте; ан, Модя ушел в отставку, дабы не иметь над собой командиров и начальников; увы, штатская жизнь неизмеримо сложнее военной службы, да и молодости не прикажешь, с такого-де такта начаться еще раз, поскольку не все ноты прозвучали приемлемо. В шлюпке гоготали промеж собою товарищи Ники Римлянина, не отягощенные подобным выбором. В последнее время он не показывал родственникам и знакомым, а главное, брату Воину Андреевичу, своих опусов, ставших вполне сносными. Вот незадача, повторяется гончаровская «Обыкновенная история» про племянника и дядю Адуевых, восторженного младшего и охлажденного жизнью старшего. Сорокалетний Воин Андреевич остерегается, чтобы музы не увели восемнадцатилетнего Нику от военной службы, которая превыше всего угодна Отечеству, считая теперь достаточным умение младшего Римлянина во время светской беседы сыграть что-нибудь приличествующее общему тону. Вот станет фокус, если история братьев Корсаковых сбудется по написанному Гончаровым, коего старший Корсинька тоже в определенной степени учил жить. Ровно десять лет назад этим же курсом шел фрегат «Паллада» (одиссея которого, записанная золотым пером Гончарова, вышла отдельным изданием в год похода Ники на «Прохоре»), и летописец путешествия «...в это время читал замечательную книгу, от которой нельзя было оторваться... Это «История кораблекрушений», в которой собраны за старое и новое время все случаи известных кораблекрушений, со всеми последствиями. Воин Андреевич Корсаков читал ее и дал мне прочесть «для успокоения воображения», как

говорил он». Старшему Римлянину, тогда еще лейтенанту флота, было время читать, ибо он шел до Англии пассажиром, а там уже вступил в командование купленной адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным шхуной «Восток». Путятин недавно попросился в отставку с поста министра народного просвещения, взяв на свою совесть сомнительный титул укротителя студенческих бунтов и отводя эти сомнения от светлой личности нового государя.

В Англии клипер «Алмаз» стоял почти четыре месяца (фрегат «Паллада» стоял два месяца), поскольку пришлось менять мачты - старые оказались для порядочного хода коротки. В Лондоне гардемарины побывали и в Тауэре, и в Вестминстере, и в Ковент-гардене. Корсинька купил гармонифлют и в свободное от вахт время потешал товарищей. Много читали, в том числе Белинского, Добролюбова, Герцена (к Искандеру в Лондоне не зашли, оробели, не нагорело бы от командования), даже не удивляясь, как легко яд сомнения осаждается в душах, мобилизованных на защиту Отечества. «Читали бы газеты, господа!» - урезонивал их гардемарин Бахтеяров. В России такой всплеск патриотизма, какого не бывало десять лет назад, когда Европа пыталась отнять у «русских варваров» их жемчужины - Крым и Кавказ, да после страшного кровопролития сошлись на том, чтобы русским не держать на Черном море военных кораблей. «Читали бы, господа, графа Льва Толстого, его «Севастопольские рассказы», - продолжал Бахтеяров. - Там, умирая, офицер спрашивает, за кем осталось поле битвы, и ему отвечают, мол, за нами. А вы еще не видели врага, но уже прикидываете, надо ли драться с ним...» Во время стоянки Ника написал Анданте Первой симфонии без помощи фортепиано, затем на берегу, в ресторане, играл. Переписка с Петербургом шла оживленная, Балакирев одобрил работу. Когда в кружке появился Бородин, новый товарищ, Балакирев и Мусоргский, отменные фортепианисты, исполнили ему в четыре руки финал симфонии «того, кто в море»; Бородин «был поражен блеском, глубокою осмысленностью, энергией исполнения и красотой вещи». Балакирев предложил инструментовать симфонию, Ника от помощи отказался, желая быть полноценным автором. Апломб у гардемарина уже не детский, откуда что и взялось. Ника писал матери: «Трактуя с тобою о музыкальности народов, я подразумевал совсем не музыкальность высших классов, всегда подверженных влиянию учителей и гувернантов, которые их портят... - Скажи-ка теперь Корсиньке, что следующую фразу он пишет так, как напишет через тридцать лет про Балакирева, переведя изумительную ныне личность русского самородка в разряд неумелых учителей. - И нужно иметь слишком хорошие способности, чтобы выйти целым и невредимым из-под этого влияния. Говоря же про способности народов, я подразумеваю врожденную способность каждого из них. А чтоб об этом правильно судить, не надо бог знает какой долголетней жизни, надо иметь только перед собой образчики танцев, песен и национальных мелодий. Ими только и может выражаться музыкальность того или иного народа».

Тем временем решилось! О судьбе народов снова рассуждают пушки: в январе 1863 года вспыхнуло восстание в Польше, за нее должны вступиться Англия и Франция. Клиперу «Алмаз» назначено вернуться на Балтику, крейсировать в районе Либавы, дабы сочувствующие полякам державы не смели поставлять восставшим оружия. Пожалуй, и не посмели, поскольку за четыре месяца блокады лишь раз показался дым парохода, но перехватить корабль не успели и утверждать, был то вероятный противник или случайный нарушитель, не следовало. Корсинька вглядывается в пустынные воды и бормочет из Е.Р., графини Евдокии Ростопчиной, высланной за эти вирши из Петербурга. Между прочим, сам Гоголь посоветовал Ростопчиной напечатать сию крамолу в газетах.

И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом;
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Стихотворение посвящено возмущению 1830-1831 годов, и автор настроен явно не в пользу России. Да ведь и Корсинька, выходит, любит Россию не с закрытыми глазами. «Волей-неволей, по приказанию начальства», рассуждает он, русским должно верой и правдой служить своему Отечеству, однако Польше, притесняемой родной сестрой Россией, сочувствуют ныне молодые сердца гардемаринов. Не случилось им, как гоголевскому Андрию Бульбе, сойтись лицом к лицу не с врагом, а с тою силою,

победить которую бывает выше сил человеческих.

Делопроизводство в Польше ведется на русском языке, введено преподавание русского языка в средних учебных заведениях. Упразднен герб. Только в этом ли причины восстания? Гардемарин Бахтеяров не с поляками. Ляхи, помнится, пытались упразднить русского царя. Побузят и отстанут, как успокоился подскарбий (государственный казначей) и знаменитый музыкант Михал Клеофас Огиньский, маршами и полонезами возбуждавший еще отряды Костюшки в конце 18-го века; доживал бунтарь в Петербурге в чине сенатора при внимательном и любезном отношении к нему, но кровь взыграла, чувствуя очередную вспышку польской гордости, и автор «Прощания с родиной» выехал в Италию, где и скончался, узнав об очередном поражении сородичей... На берегу, невидимые в морские бинокли, идут настоящие баталии, а в каюте клипера «Алмаз» гардемарин Бахтеяров атакует гардемарина Мордовина, который сочувствует полякам, и Корсинька отдает симпатии последнему, играя на гармонифлюте Краковяк из Глинки. Бахтеяров устыжен было тем невероятным обстоятельством, что все прогрессивное русское общество сгорает любовью к Польше не менее гоголевского Андрия Бульбы, как вдруг Бахтеяров кричит: «Хорошо, что вы на море, а не в конном строю. Случись стычка с ляхами, так и охватит вас немочь сердечная... Андрии!» Бахтеяров оголтелый притом защитник отмененного государевым манифестом крепостного права; еще не все поняли, что случилось 19 февраля 1861 года, на шестой годовщине царствования государя Александра-Освободителя, за что и дано славное прозвище, когда гусиным пером был подписан высочайший манифест об освобождении от крепостной зависимости почти двадцати миллионов крестьян. Событие благое для души каждого порядочного человека. Говорят, по всей России, во всех дворянских усадьбах тою ночью особенно тоскливо выли собаки. Страстию к свободомыслию страдал и отец Ники, Андрей Петрович, гражданский губернатор Волыни, отставленный от должности государем Николаем Павловичем за то, что ссудил деньгами декабристов Бестужева и Муравьева-Апостола, о чем последний писал: «Оказанную нам тогда услугу свято храню в памяти по сию пору». Во всяком случае, падение отца не было таким неожиданным, как падение четырнадцатилетнего Ники с бизань-мачты. В александровские времена Андрей Петрович был масоном, но вряд ли это для Ники выглядело бы серьезнее кухарки Афимьи, в фартуке, с клещами для углей, хлопочущей над медным самоваром. Освободив от крепости многочисленную дворню, отец остался с наемной прислугой - те же Афимья и ее муж дворник Константин, другой дворник Василий, портной Яков, и некие Аннушка, Варвара, Дуняша никуда и не ушли. В собственном доме отставного губернатора на окраине Тихвина, напротив мужского монастыря, на берегу Тихвинки, в памятную ночь перед подписанием Манифеста собаки, насколько помнится Нике, не выли; надо учесть, что и оглашение подписанного было отнесено до пятого марта: мало ли что... На другом конце света в апреле того же 1861 года начался мятеж одиннадцати южных штатов против президента Авраама Линкольна и его прожектов, скопированных с российских; тем не менее 1 января 1863 года рабство, которое пытались сохранить американские Бахтеяровы, было отменено. Русская эскадра под флагом адмирала Лесовского (фрегаты «Александр Невский», «Пересвет», «Ослябя», корветы «Варяг», «Витязь», клипер «Алмаз») выходит из Кронштадта, в открытом море командам объявляют: следующая стоянка - Нью-Йорк. Понятно, что придется вступиться за северян; известно, что южане поколачивают бледнолицых, так сказать, Бахтеяров - Мордовина и Корсиньку; и Англию удобно прищучить, перехватив ее атлантические тропы в Новый Свет.

Ни матери, ни брата, ни Балакирева по случаю дачного сезона в Петербурге Ника не повидал, ведь никто и не мечтал о его неожиданном возвращении на трое суток из кругосветного плавания; зато успел съездить в Павловск, послушать глинкинскую «Ночь в Мадриде» под управлением гастролирующего в России Ивана Страуса. А уж в Петербурге столько событий. В кружке, говорят, появился новый товарищ, Бородин, сын князя Гедианова, профессор Медико-Хирургической академии, финал симфонии «отсутствующего» хвалил от души, сам написал пока первую часть Первой симфонии. Именитый немец Рихард Вагнер в столице России имел неслыханный успех, пишут, что зрители помещались даже на сцене, среди оркестрантов. Кюи торжествует, его увертюра к опере «Кавказский пленник» впервые исполнена в концерте Бесплатной музыкальной школы - детища Балакирева, дирижировал, разумеется, сам

Милий Алексеевич. Всех поразил Серов. Мариинский театр представил его первую - и какую! - оперу «Юдифь». Говорят, на премьере присутствовала будущая жена Серова, с которою до той минуты он не был знаком, весьма похожая на героиню представления. Да, это славный Серов, критик, который наповал разит всех противников, оскорбляет и товарищей Балакирева. Оглашать сравнение преждевременно, да не похож ли Серов на лейтенанта Дека с «Прохора»? По воскресеньям привозили с берега пьяную команду, и Дек кулаком в зубы приветствовал каждого матроса... В «Ведомостях С.-Петербургской полиции» было дано объявление: «Потеря рукописи. В воскресенье, 3 февраля, во втором часу дня, проездом по Большой Конюшенной от гостиницы Демута до угольного дома Каера, а оттуда через Невский проспект, Караванную и Семеновский мост до дома Краевского, на углу Литейной и Бассейной, обронен сверток, в котором находились две прошнурованные по углам рукописи с заглавием: «Что делать?» Кто доставит этот сверток в означенный дом Краевского, к Некрасову, тот получит пятьдесят руб. сер.» Этого объявления никто Нике с торжеством не подал, не закричал с порога: «Читай же! Наконец-то!» И он не мог знать, что рукопись будет подобрана прохожим, что вскоре будет напечатан написанный в Петропавловской крепости роман Чернышевского «Что делать?», что Модинька Мусоргский под влиянием романа поселится осенью с пятью друзьями в одной квартире, образовав «коммуну»; осенью же четырнадцать художников во главе с Иваном Крамским образуют свою артель; мода на коммуны пойдет по всей России.

Русская эскадра, незамеченной обойдя Англию с севера, начала двухмесячную одиссею перехода через Атлантику: полные паруса, противуположный штормовой ветер, по нескольким дням никакого продвижения вперед, и нельзя сварить горячей похлебки, не наделав пожара, ибо корабль напоминает пьяного матроса, настолько велико возмущение океана - это уж, как говорится, англичанка вредит. «Помню я, как мы были удивлены и обрадованы, выйдя утром на палубу и увидав совершенно изменившийся цвет океана: из серо-зеленого он сделался чудным синим... Ночью океан светился великолепным фосфорическим светом... вскоре нам стали попадаться встречные коммерческие суда... бросили якорь в Нью-Йорке, где нашли прочие суда нашей эскадры». Это ли не музыка? Это ли не поэзия? В письмах трудно передать и малую часть впечатлений, хотя «для воображения» гардемарины выпили не одну бутылку вина, не две, и обществу предлагается продолжить попойку на берегу среди вакханок темнее ночи и огненно-рыжих англо-саксонок. Как было бы чудесно, если бы народы вернулись в детство человечества; взять новгородскую былину о Садке, герой которой певец-гусляр, свободный художник своей жизни, подчиняет себе силы природы, лишает власти Морского царя! (Николай Второй вычеркнет оперу «Садко» из предлагаемых к постановке на императорской сцене). Немудрено, что незабываемые океанские переходы дали фантазии Корсиньки полные паруса. Мусоргский писал ему: «Вы, Корсинька, в Анданте Вашей симфонии показали вашу милую личность, в Русской увертюре сказали «один бог без греха», в Сербской фантазии показали, что можно писать и скоро, и приятно, а в «Садке» заявите себя художником». Речь идет пока что не об опере, но о симфонической картине. Даже суровый Балакирев не сделал обычных своих бесчисленных замечаний.

Американцы из Северных штатов, довольные русским военным присутствием, чувствовали себя как у Христа за пазухой, возили офицеров и гардемаринов эскадры на экскурсии, в том числе к Ниагарскому водопаду, отменно угощали, и в отеле, по приказанию командующего эскадрой адмирала Лесовского, сонный Ника Римлянин был извлечен из номера для увеселения публики, играл на фортепиано отрывки из глинкинской «Жизни за царя». Можно полагать, русская профессиональная музыка звучала над Ниагарой впервые, стоило учиться хотя бы ради такого случая. Приятные прогулки по атлантическому побережью продолжались до апреля 1864 года, когда выяснилось, что военных действий против Англии не потребуется. (Через год, на подходе к родным берегам, узнали, что бывший плотогон, землемер, адвокат, президент Линкольн был смертельно ранен актером Бутсом, наемником южан-рабовладельцев, но это не изменило хода гражданской войны в Америке). Клипер «Алмаз» и корвет «Варяг» получили назначение в Тихий океан мимо мыса Горна, так что предстояло еще два-три года кругосветного плавания, чего, впрочем, не случилось, ибо этого не желал командир «Алмаза» капитан-лейтенант Зеленой, и «Варяг» ушел один.

К началу похода Павлу Алексеевичу Зеленому было двадцать семь лет - всего-то! На «Палладе» он служил мичманом, будучи моложе нынешнего Ники на год.

«Он еще принадлежит к счастливому возрасту перехода от юношества к возмужалости, оттого в нем наполовину того и другого, - писал Гончаров. - Кое-что в нем окрепло и выработалось: он любит и отлично знает свое дело, серьезно понимает и исполняет обязанности, строг к самому себе и в приличиях - это возмужалость. Но беспечен насчет всего, что лежит вне его прямых занятий; читает, гуляет, спит, ест с одинаковым расположением, не отдавая ничему преимущества - это остатки юношества. Возьмет книгу, все равно какую, и оставит без сожаления, ляжет и уснет где ни попало и когда угодно, ест все без разбора, особенно фрукты. После ананаса и винограда он съест, пожалуй, репу, виноград ест с шелухой, «чтоб больше казалось». Он очень мил, у него много природного юмора, и он мастерски владеет шуткой. Существо поющее, хохочущее и рассказывающее, никогда никого не оскорбляющее и не оскорбляемое. - Ника едва не подавился от возмущения. Хорош великий писатель. Ему должно изобразить публике типическую физиономию русского человека, нимало не заботясь, схож ли портрет с описываемой натурой. Так выдумывай, сидя дома, списывай русского человека с дворника под окошком, на то и выйдет. - Мы все очень любим его... Благодаря ему мы ни на минуту не соскучились... это был драгоценный спутник». Неужели за десять лет настолько состарилась душа Зеленого, такого милейшего человека? Да не суждено ли и самому эдак-то? Последний вопрос Ника обратил к самому себе. «Капитану Зеленому почему-то весьма не хотелось идти кругом света. Я же отнесся к этому скорее радостно, чем наоборот. От музыки я к тому времени почти совсем отвык... Капитан Зеленой был несколько боязливый моряк и недоверчивый человек. Он совершенно не доверял своим вахтенным офицерам... которые обязаны были нести постоянно малые паруса, убираемые при малейшем усилении ветра. В то время как встречные купеческие шли под полными парусами, мы не рисковали подражать им и плелись потихоньку. Во время плавания Зеленой целые дни проводил на палубе, сам командуя судном, а ночью дремал, сидя одетым на лесенке своей каюты, готовый при первом шуме выскочить наверх и вмешаться в командование. Вследствие такого недоверия командира вахтенные офицеры не приучались к самостоятельности и с каждым пустейшим делом обращались к командиру, который при малейшем недочете с их стороны срезывал их и унижал - при всей команде. Не любили его ни офицеры, ни гардемарины за грубость и недоверие; не любили и потому, что чувствовали невозможность приобрести опытность под его руководством. По воскресеньям, собрав к образу всю команду, Зеленой обыкновенно сам читал молитвы, а потом на верхней палубе прочитывал морской устав и законы, в которых говорилось о его неограниченной власти над командой в отдельном плавании. Сечь команду он не любил, в чем следует отдать ему справедливость. Но волю рукам давал и грубо и неприлично бранился».

Стоит отметить, что несимпатичную физиономию своего командира Римский-Корсаков выписывал не по ходу дела, как Гончаров, а спустя почти тридцать лет, когда Зеленой был градоначальником Одессы; к тому времени мемуарист порядочно устал от жизни и весьма постарел душой. «Да не суждено ли самому эдак-то?» - теперь уж этим вопросом задался студент Ленинградской консерватории Гаврилин, читающий воспоминания Римского-Корсакова спустя ровно сто лет после описываемых событий.

...1863 год, лето. Дозорные разъезды замешкались, тучи пыли, поднимаемой конницей косиньеров, заслонили солнце, но русские пограничники, голыми вылетая из бани, успели прыгнуть в седла и пошли во встречную атаку. Ружейный огонь распугал польских студентов и гимназистов, некоторых удалось схватить. Начальник отряда пограничников Иван Ефимович Деникин ранен косой в руку, наскоро обихожен, подходит к пленникам, привязанным к дубу.

- А что, голубчики? Желаете ли поздравствоваться? Узнаете ли вы меня? С отцами вашими, здешними помещиками, я дружбу начинал водить, когда вас и на свете не было. Чуете, каков горячий песок? Травы голову кружат благовониями своими. Как приятно жить на Божьем свете! А вы, поди, сожгли бы меня, старого, как Тараса Буль-

бу, случись вам по воле Всевышнего удача в сегодняшней стычке? Молчите? А кто орал: «За нашу и вашу свободу!»? Небось, мечтаете на Красной площади, в Москве, эдак-то погалдеть? Самостийности вам не видать, она вам как корове седло! Случись такая оказия, и погонит вас на русские земли новый Бонапартий. Я еще при нем на свет появился... Ребята! - старик, чрезвычайно довольный складной - после боя! - речью, оборачивается к своим кавалеристам. - Начинай!

- Что ж мы сами-то? Иван Ефимыч! Пущай - сами...

- Сами? Каково придумано! Далее так и будем поступать...

Отходчивый Иван Ефимович который раз, на свой страх и риск, приговаривал пленённых косиньеров к наказанию розгами и гнал прочь; свои ни разу не выдали начальника-либерала, а избежавшим расстрела или Сибири повстанцам мало проку хвастаться. На сей раз следует отвязать одного и пусть отстегает остальных семерых, сколько хватит духу; кавалеристам должно готовиться к настоящему кровопролитию. Ужесточением режима после поражения восстания, разлитого от моря до моря, поляки будут обязаны самим себе. Ссылок в Сибирь и расстрелов можно было избежать, если бы вняли предупреждению Деникина. Иван Ефимович, как снег на голову, явился на съезд заговорщиков - окрестных помещиков, рискуя быть растерзанным, заявил: «Прошу добром, разойдитесь! Я солдат, а не доносчик. Через полчаса атакую имение всеми дозволенными средствами, невзирая на дружеское расположение ко многим из вас...» Поляки не вняли.

Родом из крепостных крестьян Саратовской губернии, отставной майор русской армии Иван Ефимович Деникин умер на руках своей жены Елизаветы Федоровны (Вржезинской) в городке Влоцлавске, под Варшавой, в 1885 году, в страстную Пятницу, громко молясь: «Дай отойти вместе с Тобою!» Над ним положили камень со словами: «В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла». Сын его, ученик реального училища Антон, будучи старостой коммуны из двенадцати человек, не отчитывался в графах «уличены в разговорах на польском» и получал выговоры директора, когда Деникину случится, мол, под присягой отстаивать государственные интересы, этого у него не получится, поскольку долг и честь он не умеет соединить в одном понятии. Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин употребил все известные ему средства против распада Российской империи, но на его стороне было недостаточно людей, которым он не казался олицетворением зла.

...1871 год, Томская губерния. В Сибири любят людей свободолюбивых. Ссыльного поляка Болеслава Шостаковича величают Петровичем. Все русские пришли сюда из-за Камня, Уральских гор; кто из любопытства, кто из озорства, кто не по своей воле, дошли до Великого океана, и он не явился преградой русской душе - перемахнули на американский берег; повешенный декабрист Рылеев был одним из главных чиновников Русско-Американской компании и поэтом: как Ермака-то воспел! Идите с Богом! Зачем только на другом краю Земли надо было трогать маленькую Польшу? В Сибири родина Шостаковича поместится столько раз, сколько яиц лежит в лукошке, - подарок Болека ссыльному товарищу, почтовому служащему. Но, кажется, иссякает русский порыв, вот и Аляска продана в 1867 году. Болеслав по-мужицки вскочил в телеге во весь свой невеликий рост, завертел над головой вожжами, лошаденка заторопилась. В перелеске не увидят, как поляк не жалеет скотинку, неизвестно чему возрадовавшись, всю воду на себя собирает с мокрого серебристого ольшаника. Ничего, впереди уж развиднелось: дождик вымочит, солнышко высушит. «Петербургские ведомости» печатают корреспонденции господина Тургенева о «завоевательной алчности» пруссаков, о капитуляции в Седане стотысячной армии французов во главе с императором Наполеоном Третьим. В Баден-Бадене, иронизирует великий писатель, ночью свалился старый дуб - дерево выгнило, лишь кора скрывала пороки великана, такова Франция в ее теперешней беспомощности - укатали ее Наполеоны. Дожить бы, когда таковою станет Россия. Болеслав участвовал в восстании 1863 года. Избежал ареста, помог скрыться Ярославу Домбровскому, из Москвы переехал в Казань, где и был-таки арестован за укрывательство заговорщиков, покушавшихся на жизнь Александра Второго, отправлен на вечное поселение в Томскую губернию. Здесь он женился на Варваре Шапошниковой, разделявшей с Болеславом участь арестов и побегов; в 1875 году в

Нарыме родился их сын Дмитрий.

Болеслав Шостакович почувствовал, что в мире уже существует личность, которая приведет мир ко всеобщей справедливости. Придет час, ткни пальцем - стена рухнет; для Болеслава стены - не только стены крепостей и тюрем, не только бесконечная Сибирь, стены - в сознании людей, вот что плохо. Французы молодцы! Правительственный отряд окружил восставших и был, в свою очередь, окружен вооруженной публикой. Ярослав Домбровский - генерал Парижской коммуны!

- Что с тобой, Болек?

Почтовые служащие склонились над Шостаковичем. Не успел взять в руки газету и повалился на пол. Да лучше умереть! В Париже сносят баррикады! Хоронят убитых и расстреливают подозреваемых. Десятки тысяч убитых. Трусливые буржуа, пережившие ужас смерти, хотят убить всех! Разрушения огромны, и почитают за благо сжечь Париж!.. Где же Домбровский? Убит? Снова в каземате?..

- Что с тобой, Болек? - старый товарищ потчует Шостаковича нашатырем. - Я испугался, матка боска ченстоховска... Словно нарочно вчера весь пол косарем выскоблил!

- Лучше умереть, чем так жить!..

- Глупости, Болек! У тебя есть жена, Варвара, которая пошла за тобой на край света. Добровольно! Разве здесь не край света? У тебя будет сын. Он поедет в столицу империи, поступит в Университет. И это уж его дело - разделить судьбу Домбровского или своего отца, плачущего ссыльного. Вставай, проклятьем заклейменный!..

...В 1869 году, за полтора года до своей внезапной кончины, Александр Николаевич Серов, путешествуя с женой и сыном по Европе, навестил в Веймаре старинного своего знакомца, Ференца Листа, о концерте которого в Петербурге еще двадцать семь лет назад писал своему товарищу по императорскому Училищу правоведения Володе Стасову (у них было правило обмениваться мнениями на бумаге, то есть вполне обдуманно): «Вот уже два часа, как я оставил залу, а я все еще вне себя: где я? Где мы? Что, наяву или во сне? Неужели я точно Листа слышал?.. Счастливы мы, когда на свете есть такой исполнитель, и этот исполнитель заехал в нашу столицу и нам довелось его слышать... Решительно не могу связать ни одной мысли - все существо мое в каком-то неестественном напряжении, в неизъяснимом восторге, в блаженном упоении». Нынче на ум приходят слова Глинки. Мадам Палибина отвлекла Михаила Ивановича от его молодых друзей и начала расспрашивать, каковы же его суждения. «Глинка со смехом отвечал, что при случае Лист играет немыслимо, как никто другой в мире, а иное пренесносно, с префальшивым выражением, растягивая темпы и прибавляя к чужим сочинениям, даже к Шопену и Бетховену, Веберу и Баху, множество своего собственного, часто бесвкусного и никуда не годного, пустейших украшений». Нынче Серов, покидая дом Листа, не подал вида, что уязвлен холодностью гениального венгерца к операм русского вояжера, да Валентина Семеновна поняла вопрос обожаемого мужа: «Не находите ли, что аббат в своем узком сюртуке с оловянными пуговицами похож на гороховый стручок?» Ведь и пять лет назад Лист полистал партитуру «Юдифи», имевшей только что неслыханный успех в Петербурге, и объявил Серову и его супруге Валентине Семеновне, совершавшим свадебное турне по Европе, что принимает их в качестве друзей, от которых нельзя скрывать правду: ему, Листу, сочинение Серова интереса не представило. Серов, будучи проницательным критиком (впиваясь в «сокровенные и даже часто безотчетные помыслы», как умилялся по поводу разбора Серовым психологической драмы «Русалка» славный Даргомыжский), не утешал себя, дескать, не в духе Лист - собирается принять сан аббата, и ему чужд сюжет с отрезанием человеческой головы. Теперь Лист воротился из Рима, где пил, говорят, за успех дела Гарибальди, пролившего немало крови, но и этот визит не переменил мнения Листа о Серове. Поширял пальцами-вилами четырехлетнего Валентошу в животик и выразил счастливой матери свою полную уверенность в том, что это произведение Серова и его жены станет известным всему миру. То-то, мол, сопит, не соглашаясь с веселым стариком, очень похожим на папочку белой львиной гривой, только в два раза выше папочки. Что ж ему не сопеть, если сам Николай Второй станет просить у него прощения за горячность императрицы, осмелившейся было давать советы великому портретисту, ведь она училась у Каульбаха. А в другой раз удастся

замолвить словечко за несчастного Савву Ивановича Мамонтова, сидящего в тюрьме, и царь с радостью продолжит разговор, сказав, что уже позаботился о благополучном завершении процесса в пользу великого русского мецената... Гаврилин представил маленького Валентошу Серова в виде своего карапуза Андрея... Валентина Семеновна молча улыбнулась, приняв рассуждения Листа за полный вздор, исключая предсказание великого старца насчет Валентоши. Малолетний Серов, которому не положено пока иметь своего мнения, ухмыльнулся: истинный стручок этот дедушка с деревянными пальцами. В Европе земли мало, поэтому и здания, и люди имеют вытянутый вид. А он, Валентоша, совсем колобок!

- Александр Николаевич, опомнитесь! На нас смотрят! - прошептала Валентина Семеновна.

Серов отогнал творческое наваждение. Неужели он только что посреди удобного немецкого городка кричал: «Вражья сила»? Здесь и Гете, и Шиллер живали. Магия их присутствия разлита среди зеленых холмов и красных черепичных крыш. Ограды и калитки увиты розами.

- Полно, Валя. Наконец, я сообразил, как будет зваться моя третья опера. У Островского длинновато: «Не так живи, как хочется». У меня: «Вражья сила» - и баста! Впрочем, о России - в России. Теперь в Швейцарию. К Вагнеру!

Гениального немца Рихарда Вагнера Серов знает более десяти лет, почитает единомышленником в борьбе за жизненную правду на сцене в противовес блошиным скачкам итальянцев, у которых в душе ничего более, кроме виртуозности. К итальянцам Серов отнес и обожаемого ранее Михаила Ивановича Глинку. Чего не бывает, если насмешливое перо критика понесется, как лошади под гору; в искусстве дороги виляют на манер швейцарских серпантинов - оглянешься, ан позади того места, где был час назад, сияющая горная вершина подернулась пеленой, ровно ее и не было. Вот и Чайковский, тоже свой брат-правовед, склоняется к вердикту: «Руслан и Людмила» - опера бессвязная и лишенная драматической пружины, и он на стороне Серова в войне с «русланистами», из коих бревно, каковым ворота крепостей пробивали, опять же правовед, бывший товарищ Володя Стасов. Великий князь Михайла Павлович знал, что делал, когда посылал офицеров за провинность, достойную гауптвахты, на... представления Глинки. Жизнь - борьба, кровь, ему ли, Серову, судебному крючку, не знать этого. Юдифь, Рогнеда - святые убийцы, и «Вражья сила», не как у Островского, кончится убийством. Вся жизнь Серова - нищенство, тридцать «канареек» жалования из судебного присутствия отдавал матери, Анне Карловне (урожденной Габлиц), а на хлеб приходилось намазывать гонорарий, буде тиснешь в журнале статейку против русских же - прости, Господи! - сочинителей вроде Милия Балакирева, тоже бывшего друга, с безумными глазами юродивого и разбойничьей бородой до глаз на манер лошадиной торбы. «От такого рода деятелей искусство ровно ничего не приобретает. Это не зодчие, а каменщики». Каково насчет каменщиков? То-то! Мал клоп да вонюч. Это уж про себя, для равновесия страстей, чтобы унять вспыхнувшую кровь. Горящие глаза Балакирева изобличают в нем натуру вождя; сам Стасов, «палач чужого самолюбия» (из письма Серова к Стасову), поет гимны балакиревцам, покоренным пророческой-де личностью коновода, Милия, который видит в друзьях самые большие надежды истинно русской, - не срисованной с Европы, ростовщицы и пиратки, - музыки света и восторга. Поживем - увидим... Загляделся Александр Николаевич на ослепительные красоты Швейцарии, забыл, что и сам таковский, что и ему чужое самолюбие под горячую руку не попадайся; сверх того, сам каялся было любимой сестре Софье: «Постоянно лаяться и отрады искать только в книгах и партитурах да в своих мыслях с вечным анализом... Утешительного немного!» Вот и пора бы открыть объятия бывшим друзьям, так нет же - в Европу, к венгерцу Листу, к немцу Вагнеру, провозвестнику страшнейших мировых потрясений. Разве не очевидна их европейская чужеродность, когда они между собой враждуют, будучи притом родственниками? Да, Серову очевидна. В Европу русские ездят за славой, а французы, немцы, итальянцы - в Россию за деньгами. Вслед за Листом явилась чета Шуманов, за ними Берлиоз, не говоря о сонме мелкой шушеры. После первого концерта в Петербурге Берлиоз, разомкнув объятия аматёров, выпив бутылку пива, спросил, велик ли сбор, и услыхав, что ему причитается двенадцать тысяч (состояние!), обернулся в ту сторону, где процветает Франция, и пробормотал: «А! Любезные парижане!» Приехал-то на деньги, собран-

ные друзьями, а до того нищенствовал, был печальнее Серова... Шут с нею, с чужеродностью! Не помогут ли немец да венгерец найти путей на подмостки Европы? Мало вероятно, если и на Руси русской музыке ходу нет. Вот если загрохочут фанфары в Париже, услышат их и в Петербурге, и в первую очередь те, у которых уши золотом завешены. Стоило Балакиреву сорвать аплодисман в Праге (дирижировал, как Вагнер, наизусть, потому что партитуру сперли из театра), как Милий оказался приглашен вместо заносчивого Рубинштейна управлять концертами Русского музыкального общества. Ан, Балакирев еще тот диктатор, похлеще Рубинштейна, которого Серов тоже не уважает, обзывает «совершенно немецким композитором и слабым подражанием Мендельсону». При Балакиреве, помимо европейских имен, в концертах зазвучали сочинения Глинки, Даргомыжского и товарищей его - Бородина, Римского-Корсакова. Милий до того обнаглел, что прямо в Михайловском замке («Да-да, - засмеялся Гаврилин, отложив книгу, - вижу замок из своего окна. Ничто не изменилось...»), в цитадели «немецкой партии», официально именующей себя Русским музыкальным обществом, стал устраивать репетиции Бесплатной музыкальной школы, созданной Милием в противовес затее «немцев»: ему, видите ли, некогда туда-сюда на рысаках поспешать, и денег за науку он не берет ни с мастеровых, ни с курсисток, ни с белошвеек. Теперь трудно вспомнить, кто первый сказал: «Э!» Могут и на Серова показать пальцем, ведь он вдруг сделался одним из воротил «немецкой партии» - председателем репертуарного комитета Русского музыкального общества. «Э! - сказал, мол, Серов, отметят враги его, сказал, пробираясь на хлебное место. - Э! А не написать ли моим друзьям, Листу и Вагнеру, с просьбой обозначить их мнение о капельмейстере Зейфрице из городка, название которого не сразу и в голову придет? Зато человек он не конфликтный. А Балакирева - вон! Люди они, Лист и Вагнер, полированные, бранить человека не станут...» Простодушные, в этом случае, Лист и Вагнер написали в Русское музыкальное общество, что Зейфриц опытен, усерден, интеллигентен... Берлиоз написал врагу «немецкой партии», врагу Серова - Стасову: «С меня требуют вещей невозможных. Хотят, чтобы я сказал много хорошего про одного немецкого артиста - я об нем и думаю, в самом деле, хорошо; но с условием, что я худо отзовусь о русском артисте, которого хотят заместить немцем и который, напротив, имеет право на большие похвалы. Этого я не сделаю. Что за чертовы люди такие?.. Тысячу вещей от меня Балакиреву... Ваш преданный Берлиоз!» Как иначе мог написать Берлиоз о человеке, с которым пил вино во время гастролей в России, которому оставил на память свою дирижерскую указку? А Серова не позвали на день рождения Берлиоза, и Даргомыжский отвечал рассерженному Серову письмом, что «на ужине были все только свои люди, между собой знакомые и друг друга уважающие». Даргомыжского уж нет. Да и Берлиоз отходит в мир иной, ему даже деньги стали не нужны - отказался от концерта в Москве, за который сулили восемь тысяч франков: холодно, видите ли, птицы мерзнут на лету, а у него в симфониях цветут розы... Повержен и Милий. Милий, который, казалось, весь из огня, огненный столп, за которым шли по египетской пустыне евреи, в нашем случае - горстка русских музыкантов с неудачливым коноводом впереди. В марте 1869 года Балакирев исполнил симфоническую поэму Чайковского «Фатум», ему же автором и посвященную, в апреле - Девятую, последнюю, симфонию Бетховена, и на другой день последовала отставка. Чайковский в «Современной летописи» не скрывал горечи: «Не далее, как в последнем концерте... г.Балакирев, как пишут, был предметом бесконечных шумных оваций со стороны публики и музыкантов. Но каково же было удивление этой самой публики, когда она вскоре узнала, что вышеупомянутая просвещенная дирекция почему-то находит деятельность г.Балакирева совершенно бесполезною, даже вредною, и что в капельмейстеры приглашен некто, еще не запятнавший себя запрещенною нашими просветителями склонностью к национальной музыке...» Стасов возопил в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Немецкая музыкальная партия у нас торжествует; русская, с Балакиревым во главе, унижена, отвергнута... Но авось когда-нибудь и на немецкую музыкальную партию придет управа». Серов в «Голосе» раскрыл публике глаза: «Нет у нас никакой партии, ни русской, ни немецкой, а есть гнездо самохвалов, интриганов, которые хотят орудовать музыкальными делами для своих личных целей, отстраняя высшие цели искусства на задний план. Падение Балакирева, а вместе с ним и его «лагеря» - дело вполне логичное и справедливое».

Приятно, получив гонорарий за мерзкие, относительно истины, слова, выпить и закусить немецкою колбаскою, в которую один горох натолкан.

- Дело вполне логичное и справедливое! - вслух повторил Серов заветную мысль и спросил сына. - Не правда ли, Валентоша?

- О чем ты, папочка? - младший Серов не любил неясных вопросов, как не любят их еврейский, немецкий или русский здравый смысл, хотя бы и собранные в одном лице.

- Будем уповать, что время наградит наши труды множеством конфект.

- Опять зубы затоскуют! - грустно сказал младший Серов.

- Скажи еще, что шоколад излишне возбуждает и потому детям не положен. А?.. Что, если приобрести для тебя по сходной цене такое сооружение?

Валентоша увидел вдали немцев, катающихся на колесах, похожих на каретные, но без лошадей.

- Где же у них кони?

- Силою разума они катаются. Разума, в первую очередь...

- Папочка, когда хорошо тебе, хорошо и мне. Поступай, как должно...

- Как должно... - Александр Николаевич заржал по-лошадиному, давно уж не веселился. - Так никто не поступает, кроме Балакирева... Сам ушел, бросив бумаги на стол самой Евтерпе, богине музыки, великой княгине Елене Павловне!..

Вагнер - вот пример, когда провидение награждает титанические подвиги в искусстве... Песчаный мыс, уходящий в озеро, вилла, золотоволосые девочки Изольда и Ева, прелестная мать девочек Козима, младшая дочь Листа и графини д`Агу, отринувшая мужа, пианиста и дирижера Ганса фон Бюлова, ради сверхчеловека и титана Рихарда Вагнера... Гаврилин ухмыльнулся. Для него титан - никелированный цилиндр с пупочкой наверху, исходящий паром, такой стоял в интернате... Берлин, Вена, Чикаго, Лондон готовы построить титану театр и давать там исключительно его постановки. Куда как славно!..

Немец с выкованным из железа лицом подбрасывает Валентошу к потолку, рычит от восторга, вот бы ему такого колобка, который поднял бы славу отца до небес. В день окончания оперы «Зигфрид» у Козимы и Рихарда появится сын, разумеется, Зигфрид. Серов не успеет разделить счастья друга, валькирия прилетит за ним в начале того славного 1871 года, когда Германия, вдохновленная эпосом и мистикой Вагнера, сокрушит изнеженную всемирным поклонением Францию, когда до революции в Париже будет оставаться полтора месяца.

Железное лицо рыцаря, красное от пламени камина, отнюдь не смущает Валентошу, напротив, хотя уж и попугай в клетке спит, накрытый цыганской шалью, он не пожелал спать, внимательно слушает лязгающий саксонский диалект и, к неописуемому восторгу папочки, мамы и рыцаря, в нужном месте, словно все понимает, хлопает ладошкой по колену и говорит: «Вот те на!»

Шесть лет назад Вагнер был гостем Серова в Петербурге, беседовал с ним «по шести часов кряду», впоследствии вспоминал: «Этот небрежно одетый, болезненный и сильно бедствовавший человек заслужил мое уважение большой независимостью своего образа мыслей и своей правдивостью, которая, в связи с выдающимся умом, доставила ему... положение одного из влиятельных и внушавших страх критиков... Меня самого, все мои стремления он понимал с такою ясностью, что нам оставалось беседовать только в шутливом тоне, так как в серьезных вопросах мы были с ним одного мнения». Серов своими статьями подготовил петербургскую публику к восприятию музыки Вагнера, участвовал в репетициях, писал рецензии - успех был полный. «Тьма народу на сцене, между музыкантами оркестра», - писал Серов о концертах в Дворянском собрании и в Большом театре. Дирекция императорских театров предложила поездку в Москву, и снова результат - ошеломительный. Вагнер дирижировал наизусть, не кладя перед собою партитуру хотя бы для приличия. Вот уж чем - приличиями - он пренебрегал, став к публике спиной, но и это ему простили, поднеся два лавровых венка и золотую табакерку с видом старой столицы России, сверх семи тысяч рублей, на которые Вагнер снял в Вене дом, обив стены шелком, - роскошь возбуждала его фантазию. Полет валькирий, уносящих мертвых с поля битвы, впервые услышали именно в России. Увы, снова приглашать Вагнера не пожелали, ибо неви-

димые охранители устоев, зная, что Вагнер остепенился после революционных потрясений у себя в Саксонии, были пристыжены бегством из Сибири друга Вагнера - Бакунина - главы Временного правительства в Саксонии в мае 1849 года, того тверского помещика Михаила Бакунина, который был приговорен в Дрездене к смертной казни и выдан для решения судьбы в Россию. В России наказаний немного, Сибирь или крепость, Петропавловка или Шлиссельбург; Бакунин посидел в каждой по три года и был отправлен в Сибирь. Незадолго до гастролей Вагнера в России Герцен прохвастался в «Колоколе», знай, мол, наших, что из Сибири Бакунин бежал в Америку, собирается явиться в Лондоне... Горит камин, но отблески пожаров в Дрездене будто не сходят с кованого лица Вагнера. Тогда он успевал быть и в правительстве, и на баррикадах, мечтая о крахе всего сущего, связанного с культом золотого тельца, но Бакунин, при всем его анархизме, был трезвее: «Неужели кто-нибудь из нас безумен настолько, что надеется уцелеть в пожаре всеобщего развала?» От ареста вместе с Бакуниным спасло то, что в суматохе поражения восстания они разминулись. Вагнер бежал в Веймар, к Листу, и увидел в городе объявления полиции: его ищут; Лист дал денег, помог бежать из германских земель в Швейцарию.

Спустив русское золото в течение года, Вагнер опять бежал, на этот раз - от долгов, и мысли о смерти не казались теперь невероятными, словно валькирии, порожденные воображением гения, следовали за ним по пятам. Якобы инкогнито, Вагнер остановился в гостинице, ему подали письмо, в котором король Баварии Людвиг Второй приглашал композитора в гости, обещая ему все, что заблагорассудится, в том числе - заплатить долги. Суть письма подтверждалась бриллиантовым перстнем, который Вагнеру тут же и подали, едва он подтвердил свое имя.

«Летучий голландец», «Тангейзер», «Тристан и Изольда» под руководством их творца - вот что увидели в столице Баварии - Мюнхене; потрясенные баварцы вопрошали себя: «Не перевернулся ли мир вверх тормашками, не пляшут ли королевство и музыка в общем помешательстве, столь заметном у несчастного Людвига, которым вертит старый мошенник Вагнер? Хвост вертит собакой...» К дому, подаренному Вагнеру королем, через весь город, эскортируемая чиновниками, проследовала колесница, груженная серебром, - пусть гений зачеркнет одним махом все долги, огорчающие жизнь ему, а стало быть, и королю; чтобы впечатлить публику, грандиозный воз собрали из самых мелких монет, да и сумма поражала воображение жителей Мюнхена - сорок тысяч гульденов. Так поражала, что не случилось бы революции! Король уговорил Вагнера переселиться в Швейцарию. Теперь не нищий, а владелец виллы на берегу озера принимал старинного своего русского друга Александра Серова с его женою и малолетним сыном: живите хоть неделю, хоть месяц.

Рассвет над Фирвальдштедским озером прервал неистощимое красноречие Вагнера, - нельзя без замирания сердца, без священного трепета наблюдать, как из темных глубин является огненная масса светила; каждый из наблюдателей составил на сей счет свою музыкальную программу: Вагнер видел возвышение германского духа, Серов чувствовал необходимость поспешить с возвращением в Россию, их жены, обнявшись, шептались, начинать ли плакать теперь или прикопить слезы ко дню отъезда - им торопиться было решительно некуда.

- Благодарю Бога, несравненная моя Юдифь, за то, что он привел меня к тебе! - сказал растроганный Александр Николаевич, обращаясь к жене по-немецки, чтобы понимали и хозяева.

Вагнер не имел возможности видеть оперу Серова «Юдифь», поскольку покинул Россию в марте, а премьера, к которой Серов готовился вовсю, несмотря на хлопоты, связанные с организацией концертов друга, состоялась в мае 1863 года, когда Серов заимел в России славу не менее вагнеровской.

Задать выволочку любому сочинителю - это Серов умел давно, однако в читателе протестующем всегда клокотал вопрос: сам-то критик умеет ли иное, нежели лаяться? Это, братец, равноценно тому, как апостол из Савла превратился в Павла, рассуждал критик, обернувшийся композитором - автором, сравнимым разве с великим Глинкой - других русских такого дарования и нет на российском горизонте, да и в Европе - Лист, Вагнер, Берлиоз... «Маленький, седой, взъерошенный человек с большой головой на коротеньком тельце» (как вспоминала потом Валентина Семеновна), раскланиваясь перед публикой, ощутил немыслимую дотоле радость, ища глазами человека,

которого вдруг почувствовал тут, в этой зале, который объяснит, как жить далее. Да, семнадцатилетняя Валентина Бергман увидела его впервые из залы Мариинского театра не в серебряных сединах, а в лучах славы. При определенном настроении ума союз их напоминал сюжет оперы - приход еврейской девушки Юдифи к ассирийскому военачальнику Олоферну за его головою; балакиревцы зубоскалили совсем неприлично.

- Благодарю Бога! - повторил Серов. - И господина Славинского!

Славинский, знакомец Серова, бывавший у него дома, и представил Александру Николаевичу Валентину Бергман, состоявшую на ту пору ученицей фортепианного класса новомодного учреждения - консерватории, устроенной год назад для собственной пользы (в русской казне денег не считано!) этим ловким дельцом Антоном Рубинштейном. Серов сумел внушить Валентине, что консерватория - спиритический сеанс для выделки умов на один образец, изготовленный масонами; пастух на окраинных улочках Петербурга и блеющее собрание коз - вот достойное Рубинштейна сравнение. Являются в доме Серова, бывает, и Тургенев, и Достоевский, и Островский, и Полонский, да никому в голову не приходило усадить их за одну парту..

«А что в эту минуту поделывает Николай Андреевич Римский-Корсаков?»

...1873 год, Санкт-Петербург, другой день Рождества Христова. Николай Андреевич и его жена Надежда Николаевна (урожденная Пургольд) в доме на Фурштадской принимают гостей. Уже пришли Стасов, Бородин, Кюи, сестра Глинки Людмила Ивановна Шестакова, сестра хозяйки Александра (в замужестве Молас), известная певица, меццо-сопрано; блистают отсутствием Балакирев, Мусоргский, дружба с ними тает, кажется, бесповоротно. Родившегося летом сына хозяев Мишу показали гостям и унесли в дальние покои. Николай Андреевич молча сидит в кресле, и его не отвлекают, стало быть, на него накатило; он уж, как трехмачтовый фрегат, вызывает восхищение, столь велики его труды, наполненные просвещением, как паруса солнцем. Летом 1871 года Азанчевский, вступив после умершего Зарембы, учителя Чайковского, в должность директора консерватории, пригласил Корсакова в число профессоров; Балакирев благословил, желая видеть своего агента во враждебном стане, нимало не задумываясь над тем, что ему было известно лучше всех: Корсиньке по части теории не в преподавателях место, а в учащихся; но авось «немцы», изобретатели консерваторской алхимии, раскусят Корсиньку не на первом уроке, а он уж ловко переймет их условности. Осенью того же 1871 года умер брат, Воин Андреевич, успев-таки узнать, что Ника получил еще одно формальное признание в качестве музыканта. Болезнь сердца прервала дни его в Пизе. Итальянский этот городок Бородину принес объяснение с будущей женой, Екатериной Сергеевной Протопоповой, которая так много способствовала ему в постижении серьезной музыки, будучи известной фортепианисткой, а Корсакову судьба выкинула вон какое коленце. Те осень и зиму, начитавшись Чернышевского, Корсинька и Модинька жили коммуной, снимая квартиру с мебелью и роялем на Пантелеймоновской улице... Упоминание Пантелеймоновской Гаврилин, читающий мемуары Римского-Корсакова, пропустил равнодушно, не зная, что ему предстоит жить на этой, ныне имени Пестеля, улице почти двадцать лучших творческих лет... Мусоргский сочинил за зиму польский акт и сцену «Под Кромами» для «Бориса Годунова», Корсаков заканчивал «Псковитянку». Оба служили: Модя - в инженерном управлении, в Михайловском замке, Корсец - в консерватории. Старик Стасов прибегал по утрам будить, подносил умываться, подавал халаты и - за чай с сыром и с печеньем, за сочинения - что же еще натворили духовные дети его, гениальные офицерики? На свадьбе Корсиньки и Наденьки Модя был шафером, но он уже отдалялся от кружка друзей, как ранее бросил их Балакирев, служащий теперь - вообразить невозможно! - конторщиком Магазинного управления Варшавской железной дороги. В апреле 1874 года Николая Андреевича упросили стать директором Бесплатной музыкальной школы, поскольку Балакирев оставил на произвол судьбы и это свое детище; в мае Римский-Корсаков был назначен инспектором музыкантских хоров Морского ведомства с перечислением в штатский чин. Последние назначения шли вразрез с предсказанием вещуна Стасова служить Корсиньке в Придворной певческой капелле, но Стасов не ошибается, значит, еще так тому и быть.

- Никогда на болотистой русской почве корешки вагнерианства не привьются! - объявил Владимир Васильевич, решительно выходя на середину залы. - Но зачахнут с полным на то основанием. Я публично высказывался против кровожадного тевтона и вполне доказывал, насколько наша эстетика отдалена от повадок Вагнера и продолжает отдаляться, следуя своим путем, явленным нам в те времена, когда мы слыхали одно имя Вагнера. Очевидное мое недружелюбие к Вагнеру и фанатическая ему преданность Серова - вот причина охлаждения нашей дружбы с господином Серовым.

Буря на суше начинается с легких набегов ветра, увлекающих песок и мелкие камешки, затем деревья начинают клониться долу и вдруг - столетние липы выворачивает с корнями, что совсем лишнее со стороны матушки-природы в понятии необходимости сего явления - таков Стасов. Владимир Васильевич, беря побольше воздуха в могучую грудь, сделал паузу, внимательно оглядел собрание - не проявится ли тот, кто навел его на мысль о недругах. Расхождение в мыслях, до поры умело скрываемое, способно привести также к буре. В природе это явление заканчивается обычно вопросом: «Так ли, однако, стихия бессмысленна?»

Николай Андреевич вспомнил покойного уж три года Серова, вспомнил его ласкающие сердце слова о том, что он «один из всей партии одарен громадным талантом, установившимся, замечательным, глубоко симпатичным», слова, обязывавшие к ответному излиянию души и не награжденные в должной мере, поскольку очевидная цель их - раскол кружка, борьба против истинно русского направления музыки, против товарищей Корсиньки - Балакирева, Мусоргского, Бородина, Кюи. Но и сознавать себя таковым, как обозначил Серов, любо душе. Клипер «Алмаз» вернулся в Кронштадт в 1865 году. С корабля - на бал: Корсинька присутствовал на премьере второй оперы Серова - «Рогнеды» и сделал для себя запись: «...фурор!» С удовольствием пел громыхающим басом то один отрывок, то другой и... поругивал Серова, удивляя двоемыслием Воина Андреевича, которому опера нравилась безусловно. Почитая партийную дисциплину, в кружке мнение свое от старших товарищей Корсинька скрыл. Будь Балакирев менее истов в своей борьбе, смотришь, Серова переманили бы на свою сторону, а так самолюбие Серова, не менее вагнеровского, при скромном даровании, постоянные нападки его на балакиревцев не бывали оставлены вниманием партии Балакирева. Мусоргский изобразил Серова в памфлете «Раек» («Вот он мчится, несется, метется, рвет и мечет, злится, грозит»), Бородин - в опере-пародии «Богатыри» (в солидной компании: Мейербер, Россини, Верди, Оффенбах, Кавос), оба не забыли мелодию «Барыни», так неосмотрительно, нелепо употребленную Серовым для характеристики времен перехода от язычества к христианству. Господин Апухтин, стихотворец, выходец также из училища Правоведения, стал на сторону балакиревцев. «Чтоб в музыке упрочиться, О юный неофит, Не так живи, как хочется, А как Серов велит!» Публиковать не решается, но прохватил хорошенько. В основание последней, доконченной его женою, оперы Серова «Вражья сила» положена пиэса господина Островского, брата министра государственных имуществ, - «Не так живи, как хочется». Бог велит жить по-божески, да мало кто следует благому установлению. Сущие язычники эти балакиревцы, пишут газеты, славянофильствующие сектанты, раскольники, самосожженцы, изуверы. Графа Алексея Толстого вспомнили бы, желающего друзей и братьев, и всю природу в свои объятья заключить. В кружке, увы, горюют балакиревцы, давно все вразнобой пошло; это вам не титул герценовской «Полярной звезды» с пятью профилями, глядящими в одну сторону, казненных декабристов; это фрегаты, корветы и клипер русской эскадры, переходящие ад Северной Атлантики поодиночке, ибо походный ордер держать в шторм невозможно.

Вернемся к Стасову. Владимира Васильевича уж не унять, да и не следует этого делать, напрасный труд, а зрелище он представляет чудесное - Добрыня Никитич в темном вечернем костюме с золотою цепью часов поперек груди: очень похож на репинский портрет, законченный в прошлом году. Загорелся рассказом о молодости, о счастье, о надеждах... Еще молод был Глинка, бойкий, прыгучий, не тюфяк, и Софье, сестре Серова, стоило значительных усилий заставить Михаила Ивановича посидеть минуту неподвижно, дабы она успела очертить на бумаге тень гения, что и удалось ей превосходно. Этот рисунок стал основой барельефа над могилой Глинки. Словами силуэт Глинки обозначить трудновато. Серов вынес прежнему кумиру вердикт: «Равенство Глинки Глюку, Моцарту, Веберу еще дело весьма проблематичное». Вот дру-

гая его филиппика: «Руслан» не может соперничать не только с первостепенными операми нашего столетия, как «Весталка», «Иосиф», «Водовоз»... Довольно. Как только Серов набрасывается на прежних кумиров, так весь свой ум и теряет. Недаром Глинка говорил сестре своей, Людмиле Ивановне (вот она, счастливая, смотрит на всех, как на детей своих): «Поймут твоего Мишу, когда его не будет, а «Руслана» через сто лет». Говоря это, Глинка имел в виду серовых, несть им числа, и ныне, и в будущем.

Гаврилин оттолкнул от себя книгу. Нет, это не интересно - ждать сто лет. Музыка должна быть понятна сию минуту, во время звучания. Иначе не надо писать совсем. Так и вспомнишь матушку родимую, Клавдию Михайловну, на днях приедет из Череповца, так уж непременно пожалеет своего Лялю: «Трудную ты выбрал специальность».

Стасов продолжал. Вот он коснулся Глинки, вспомнив слова Листа о Шопене: «Что значат букеты для того, чье чело призывает на себя бессмертные лавры?» Надобны ли великому человеку восхищения моря народного? Побудьте в его личине, потом рассуждайте. Изменить души своей он не в силах, вот и страдает, едва ли не катается по полу в корчах, если мановению его руки не повинуются легионы восторженно вопящих: «Идущие на смерть приветствуют тебя, цезарь!» Вынь из него стремление к величию, пожалуй, вздохнет с радостью. Да перестанет и творить, как дите малое, наревевшись довольно, засыпает на руках матери. Вообразите Глинку в день премьеры «Руслана и Людмилы». Любезная сестрица находится в деревне, дожидаясь письма о торжестве Мишеньки и маменьки, ослепленных счастьем на виду многоярусного зала, на виду всей царствующей фамилии. Михаилу Ивановичу запомнилось сияние эполетов генерала Дубельта, начальника Третьего отделения собственной его Императорского Величества канцелярии; Леонтий Васильевич едва ли не один похлопал в ладошки, поскольку царская фамилия покинула театр в конце пятого действия, и сказал, посылая кланяться публике, несмотря на ее ледяное молчание: «Что ж, иди, Христос страдал более тебя!» Краснобайство главы тайной полиции адекватно беспредельной глупости великосветской черни, которой забыли объявить, что и у нас в Отечестве случаются порядочные люди и дельные сочинители. В зале уж не было ни восторженного Пушкина, который на премьере «Жизни за царя» сидел в партере, с краю у прохода, в одиннадцатом ряду, ни Тургенева, который... зевал. «Сознаюсь откровенно, не понял значения того, что совершалось перед моими глазами... в «Жизни за царя». Я просто скучал. Но музыку Глинки все-таки должен был бы понять». Что уж о других-то...Так уж заведено у нас от веку - жучить отмеченного ясновидением не за то, сколь ловко изображает он наши хари и личины на полотне ли, на бумаге ли, а за то жучить, что не таков, как мы. Пушкин и Гоголь были разве усыпаны лепестками роз на пороге своих жилищ? У Гоголя собственного своего угла не было. Пушкин досадовал, что его терзают Булгарин, Греч и Каченовский, «...иные менее булавочной головки». А Глинку разве не терзали пораженные итальянобесием аматеры сцены наподобие великого князя Михайлы Павловича, не постеснявшегося спросить у Листа: «Неужели Лист серьезно находит Глинку гениальным?» С искренностью неподдельной венгерец отвечал, что так на самом деле и есть. «На беду Глинке и русскому искусству итальянцы приехали к нам со всею своею плачевною (столько драгоценною для публики) дребеденью, и притом с громадною европейскою славою, именно в ту самую минуту, когда у нас совершалось свое собственное великое дело, а публика была маловозрастна, малолетна и, шатаясь на слабых ножках, на все в искусстве смотрела еще полуслепыми, мутными глазами, как новорожденный щенок». Надо ли говорить, что Глинка бежал из России с тою поспешностию, с какою Вагнер бегал по Европе от долгов? Сунет было нос обратно - опять в России итальянобесие. Надо ли говорить, что Глинка, пересекая границу, вышел из экипажа (и Стасов, провожавший его, вышел с ним), плюнул на русскую землю, подтвердив свой поступок словами: «Когда бы мне никогда больше этой гадкой страны не видать»? За такие слова даже Глинку должно было усовестить и наказать примерно. Он и умер и похоронен был первоначально в Германии. В Петербурге, на панихиде в Конюшенной церкви, директор Певческой капеллы Алексей Федорович Львов, почитая себя - как же, автор гимна «Боже, царя храни» - пупом земли, вздумал было не позволить священнику русской миссии в Берлине Полисадову произнести надгробную речь, забыл-де дома очки, а без них цензуру навести нельзя...

Надо ли говорить, насколько торгашеский дух капитализма стремительно, как буря,

поразил наше общество? Говорят, что Лист хвалит русских музыкантов за приятного вкуса жженку из ямайского рома, шампанского и красного шабли, поданную на вечере у Глинки, на Гороховой, близ Адмиралтейства, в доме Бруннера, когда Лист был объявлен королем интеллигенции всего мира, когда, сняв сюртуки, Листа начали подбрасывать к потолку: Виельгорский (на глазах у которого великий князь осведомлялся мнением Листа о Глинке), Соллогуб, Даргомыжский, Петров, братья Кукольники, Брюллов Карла и другие достойные своего времени музикусы, литераторы, живописцы, числом не менее сорока. Пускай за жженку, но уж Европа удумает хвалить, так и наши торгаши не посмеют сбивать цену: как же-с, европейское имя-с! А то дирекция императорских театров не имеет права платить русскому сочинителю за оперу более 1143 рублей, зато иностранцу - хоть десять тысяч... За европейским именем ездил Серов к Листу, ан, сорвалось. Не посоветовал Лист показывать «Юдифь» в Европе: провал обеспечен, здесь мнение одно - русские есть варвары, покорить которых военною силою или облапошить, как индейцев, - вопрос времени. Вагнер назвал Серова интеллигентным человеком, но этого маловато и для славы, и для гонораториев. И не Серов, а Даргомыжский, изнуренный длительным пребыванием в безвестности, стал вдруг обласкан приглашением в руководители Русского музыкального общества (изобретенного этим дельцом Антоном Рубинштейном, столько крови попортившим Глинке и всем русским музыкантам), попечительница которого - великая княгиня Елена Павловна, как гоголевская Коробочка, поинтересовалась было, почем ныне «мертвые души» русских сочинителей, и вышло - ценятся!.. Даргомыжский положил условием приглашение Балакирева на должность дирижера, и казалось, пошло дело: русской музыке отыскалось место на русской земле...

Стасов до того разошелся, что готов всю историю искусств дать в своей transcriptio; ему и книги в руки - служа в Публичной библиотеке, Владимир Васильевич, кажется, всю ее в голове и носит. Как вдруг Стасов начал казаться царем Борисом из новейшего сочинения Модиньки Мусоргского, предпочитающего собрания музикусов трактирным товарищам, ведь даже буфетчик «Малого Ярославца» знает Модинькиного Бориса наизусть, хотя премьера предстоит через месяц. «Кто это там, в углу?» - пробормотал Стасов, опасливо замахал руками, оборвал на полуслове, покачнулся, шагнул в соседнюю залу, прилег на диване. Так вот и Серов, тоже на пятьдесят первом году, миролюбиво беседовал со знакомцем своим Славинским, которому обязан встречей с Валентиною Семеновною, вдруг на лице начали сменяться улыбки и судороги, ноги ослабели, и он медленно, по-актерски, упал на пол, чтобы более не подняться. За Стасовым кинулись ближайшие соратники - Корсинька, Цезарь Кюи, Бородин.

- Полно-те, господа! - Владимир Васильевич поднялся навстречу, не сопротивлялся Бородину, считающему пульс, зашептал, голосом подразумевая важность сообщения. - Стасов шиш когда уступит природе, чего и вам желает искренним манером... Меня смутило, как Годунова, явление страшное. Нас сегодня, как апостолов на тайной вечере, - я потрудился обежать глазами, - столько же!

- Эва! - Цезарь Антонович махнул рукой. - Спешу объявить в собрании дамам, чтобы позвали за стол, для числа, дворника. Дворника - в апостолы! Господину Стасову снизошло явление Годунова. Мусоргский не явился нынче, вот всех и гложет язва: что с ним? Благополучно ли проконьячится сегодня?

- Вот Кюи ушел, господа, - засмеялся Стасов, - меня отпустило окончательно. Полагаю в господине Кюи ... отступника от нашего дела...

- Эва! - закричал Бородин, передразнивая Кюи. - Послушайтесь доктора, уж не держите более сегодня речей...

- Нет! - решительно возразил Стасов миролюбивому Александру Порфирьевичу. - Круг наш редеет, вы сами опечалены его разоренным видом. Не выскажусь сегодня, ан завтра и некому будет излить душу. У меня еще против Тургенева накипело.

Публика, успокоенная сообщением Кюи, что Стасов тотчас явится на второе отделение своего бенефиса, встретила Владимира Васильевича аплодисментами; Мальвина Кюи выдернула из своей прически и приколола на фрак Стасова яркую розу.

- Тургенев, господа, великий писатель нашего времени, Гомер с примесью Шекспира, это вам известно без меня, - продолжал Стасов, сидя в удобном кресле. - Он же великий супостат нашего дела, одним словом, Бонапартий. Никак не могу примирить в сердце своем эти две стороны его личности... Вообразите Ивана Сергеевича в Благо-

родном собрании, в обществе знакомой дамы, которой он внушает свое впечатление от kuintetto Шумана: «Вся душа моя в огне...» Конечно, на Бонапартиевом наречии. Глаза добрые, но потухшие, глаза человека, написавшего предмет моего обожания, - роман «Отцы и дети»... Другой раз, в Дворянском собрании, Василий Петрович Боткин меня уж спрашивает в антракте, не хочу ли я познакомиться с Тургеневым, который со мной поговорить жаждет-таки, поскольку читал в «Русском вестнике» мою атаку на лакировщика Карлу Брюллова и наши мнения сходятся совершенно. Уж больше мы с Тургеневым ни на чем не сходились, кроме творений Брюллова и сочинений Серова, расставались окрысившимися, но переписывались. Сразу же по знакомстве мы проехались по Каткову, который и меня, и Тургенева резал бесстрашно, и остановились на романе Ивана Сергеевича «Дым», который Достоевским в присутствии автора был приговорен к сжиганию рукой палача. Эту идею - сжечь! - разделял и я... Далее, на Всемирной выставке в Мюнхене с братом моим Дмитрием повидали старика Листа, и вдруг - Тургенев, торжественно ведет под руку мадам Виардо, испанскую свою цыганку, сзади муж и прочие. Мосье Луи сел между мной и Тургеневым, и в такой неучтивой позиции, довольно громко, по-русски, забыв про обед, проспорили мы обо всем на свете, в том числе о Листе, которого Иван Сергеевич не почитал, застыв, вместе со вкусами своей цыганки, на Бетховене и Шумане... Уж на Всероссийской выставке Тургенев не ушел от меня. Увы, я жаловался на злодеев, изгнавших Балакирева из Русского музыкального общества; Тургенев не сочувствовал мне, равно холоден был и к злодеям... Весною 1871 года случилось Тургеневу быть в Петербурге, когда Рубинштейн бросил в свет идею единения музикусов, литераторов и художников, словно на пирушке у Глинки, с приятного вкуса жженкою из рома, шампанского и шабли. Куда там единение, когда величайший из живых русских писателей с такою сильною нелюбовью говорит о русской - нашей, господа! - музыке. Мне он писал, что, исключая нашего московского друга Петю Чайковского, исключая вас, Николай Андреевич, прошу не гневаться и верить мне на слово, а письмо при мне, исключая поименованных лиц, Тургенев назначил новым русским музыкантам вердикт - в куль да в воду!.. Вспомните роман «Дым», который приговорен Достоевским к сжиганию. «У последнего немецкого флейтщика, высвистывающего свою партию в последнем немецком оркестре, в двадцать раз больше идей, чем у всех наших самородков; только флейтщик хранит про себя эти идеи и не суется с ними вперед в отечестве Гайднов и Моцартов; а наш брат-самородок «трень-брень» вальсик или романсик и, смотришь, - уже руки в панталоны, и рот искривлен презрительно: я, мол, гений».Так вот, непочтение к старшим, к Моцарту и Гайдну, нестерпимее всего для Тургенева. Всяк сверчок знай свой шесток. Всяк семинарист не лезь вперед дворянина!

Гаврилин обиделся на Стасова за характеристику Тургенева. Не судите, да не судимы будете. Легко было рассуждать, не зная того, что знает теперь всякий студент, даже консерваторский. Друг Вагнера, приятель Герцена и Тургенева, глава Временного правительства в Дрездене в дни революции 1848 года Михаил Бакунин бежал из иркутской ссылки в Сан-Франциско, затем явился в Лондоне - вот настоящее кругосветное путешествие! - и просил теперь Герцена, а тот через Налбандяна выманил из Парижа Тургенева и поручил обоим - помочь Антонии Квятковской, польке, оставленной в Сибири жене беглого ссыльного, добраться до Англии. Тургенев, скрепя сердце, отправился в Петербург. Столица России летом 1862 года горела, целые кварталы были уничтожены пожарами. На Обуховском проспекте, около охваченного пламенем министерства Внутренних дел, Тургенев наткнулся на попорченные огнем бумаги о выдаче заграничного паспорта отставному коллежскому секретарю... Тургеневу. Винили в несчастье студентов и поляков. До польского восстания оставалось полгода, и предчувствие беды было разлито в дымном, не дающем дышать, мареве; некоторые прохожие на улицах, кланяясь друг другу, передразнивали известные строки Державина (это есть и у Грибоедова, восходит же к древним), не меняя ни слова: «Отечества и дым нам сладок и приятен». Поляки, в свою очередь, решились на вооруженное восстание не без перспектив, видя, как клокочет коренная Россия: вот-вот грянет революция; поневоле император-либерал схватился за голову. «Нигилисты ваши жгут Россию!» - ядовито приветствовал Тургенева (его же прилипчивым словечком из но-

вого романа «Отцы и дети») на Невском первый же встречный знакомец; Тургенев готов был рвать каштановые свои волосы: невольно он дал кличку близким по духу людям, невольно помог реакционной сволочи, которая теперь станет встречать его любезным поклоном. Не станешь же напоминать всякому торопливому читателю, что словом «нигилизм» еще Пушкина стращал Надеждин; Пушкин славен, словечко, казалось, истлело, хвать - Тургенев словечко гальванизировал... Дым! Вся жизнь - пар и дым, вот зерно будущего романа, ответ Герцену с его социализмом. А может, в название положить образ мыслей: здесь и там, на Западе, - две жизни?.. Братья Бакунины, Николай и Алексей, заняли место Михаила в Петропавловской крепости, подписав письмо тринадцати дворян-мировых посредников Тверской губернии, в котором говорилось, что правительство не в состоянии осуществить реформы, обещанные к успокоению и процветанию общества, а посему надо руководствоваться не распоряжениями властей, а мнением общества, то есть дворян - на месте виднее... Для свидания с арестантами пришлось кланяться генерал-губернатору Александру Аркадьевичу Суворову, внуку великого полководца, недавно назначенному, да вскоре и отставленному за либерализм и снисхождение к полякам, идти под тюремные своды Петропавловки, которые, неровен час, сомкнулись бы и над Тургеневым, как сомкнулись они на три года над несчастным Микаэлом Налбандяном, учеником Чернышевского, исполнявшим то же поручение Герцена, что и Тургенев. Цель визита - разрешат ли Бакунины свояченице Антонии поселиться на время у них в деревне... Гаврилину были знакомы чувства человека, переступающего порог тюрьмы по обязанности помочь родной душе: его мать, Клавдия Михайловна, провела в вологодских тюрьмах три года... Тургенев с бумагами от Герцена ходил также к Николаю Серно-Соловьевичу. Будучи уже в деревне, Иван Сергеевич получил от своего родственника по материнской линии Афанасия Афанасьевича Фета известие, что Василий Петрович Боткин (брат Марьи Петровны, «бескрылой» жены Фета) в письме к Фету из Петербурга говорит об аресте в столице - Чернышевского, Серно-Соловьевича, Писарева. При аресте Налбандяна и других агентов из Лондона в бумагах обнаружилось, что Тургенев - Ларивон Андреевич, доверенное лицо Герцена и Огарева, держатель фонда помощи Бакунину и Квятковской. Благополучно вернувшись в Париж, ввиду угрозы конфискации имений, Тургенев защищался, в письме на высочайшее имя уверял в независимых, но добросовестных своих убеждениях. Герцен, втянув Тургенева в неприятную для нервов и благосостояния затею, на весь свет осмеял его в «Колоколе» за обращение к Александру Второму; отношения их прервались. После таких-то обстоятельств и случилась встреча Тургенева и Стасова.

Стасов не терял надежды познакомить Тургенева с творчеством своих товарищей. В мае 1874 года, явившись из Парижа, Иван Сергеевич просил устроить ему такое удовольствие, и Владимир Васильевич собрал у себя на квартире всю Новую русскую школу музыкантов. Вот незадача, явился и Антон Григорьевич Рубинштейн, с некоторых пор захаживающий запросто, на огонек; демонизировать его перестали с того дня, когда на квартире Дмитрия Васильевича Стасова, соратника Рубинштейна при создании Русского музыкального общества (да, выходит, одно время братья Стасовы были идейными друг другу врагами), согласно непременному желанию Рубинштейна, состоялось прослушивание - каламбур! - его оперы «Демон», по известной поэме Лермонтова. К «Демону» Рубинштейн приступился в конце 1871 года (когда Корсинька, возвращаясь с телом брата из Италии в Россию, встречался с демоном Рубинштейном в Вене), и ведомый, как всегда, страстию, не уступавшей страсти противника небес, закончив лучшее свое творение за три месяца, отдал его в Мариинский театр. Увы ему! Уж прошли премьеры «Псковитянки» Римского-Корсакова и «Бориса Годунова» Мусоргского, сочинений более поздних, уж умерла (в 1873 году) Евтерпа - великая княгиня Елена Павловна, которую из своей ангелицы-покровительницы сделал он своим демоном (благодаря своему же абсолютизму, к удовольствию Балакирева и товарищей, разлаявшись, в 1867 году, с Русским музыкальным обществом, коему являлся отцом, а Евтерпа - матерью), а бывшего всесветного баловня «немецкая партия» морила непризнанием его лучшего творения. Хорошо бы за Глинку мстили, а то ведь спесь свою тешили. «Досады, огорчения и страдания меня сгубили», - писал Глинка (Василию Павловичу Энгельгардту, хлопотавшему вскоре над доставкой тела Глинки из Германии в Россию) в конце 1855 года. Враждебная статья о русской музыке

и глинкинской «Жизни за царя», напечатанная тогда молодым и глупым, соответственно, Рубинштейном в Германии, была причиной мук русского гения. «Он всем нам напакостил», - без конца повторял впечатлительный «мимоза» Глинка; Кюи писал в своих заметках «о слабости сочинений» Рубинштейна, о их «водянистой растянутости и формализме», говорил, что Рубинштейн «не русский композитор и с русскою музыкальною школою не имеет ничего общего». Одним словом, «тот, кого никто не любит», демон. Тогда при этих словах балакиревцы захохотали, затопали ногами, нимало не смущаясь, что прерывают представление серьезного опуса, огорченный Антон Григорьевич встал и поклонился, намереваясь покинуть враждебный стан, как раздались голоса: «Полно! Любим!» Равновеликих балакиревцам сочинителей в России не было, никто не смог бы составить более авторитетного мнения, и кающегося грешника не оттолкнули, стали выше интересов партии. Опера «Демон» после целого ряда бледных творений стала огромной удачей Антона Григорьевича. Пианист Рубинштейн, и это никем не оспаривалось (разве Серовым), был равен гениальному Листу, поскольку превзойти Листа было свыше сил любому виртуозу.

И вот Стасов, заслышав шорох портьер, стоя спиной к гостю, поскольку намерен был дирижировать, дал знак начинать, хор грянул было приветственную песнь из «Нерона», новейшей оперы Рубинштейна, еще не бывавшей на сцене, как лица хористов вытянулись от изумления и неожиданности; хористами были: Римский-Корсаков, Кюи, Бородин, Дмитрий Стасов и прочие гости, и увидели они не долгожданного Тургенева, а цветущего от счастья Рубинштейна, - каковы молодцы эти новые русские музыканты, поющие ему его же приветственную песнь. Петь перестали, и Тургеневу, который замешкался в передней, снимая калоши и наблюдая в зеркале первые седины в своих каштановых волосах, достались только аплодисменты Рубинштейна и поклоны собравшихся, снова накопить пафоса не успели. Превосходным исполнением Шопена и Шумана - хотя к чему они, если собрание готовилось для русской музыки? - заняв половину вечера, Рубинштейн объявил, что только необходимость ехать на поезде в Петергоф заставляет его покинуть почтенное собрание. Только приготовились слушать последний акт из «Анджело» Кюи, как вдруг Тургенев, ради которого и собрались, стоя посреди комнаты с чашкою чаю в руках, застонал, потом, не имея сил терпеть подагрическую боль, закричал. А все французские виноградные вина, дающие отложения в костях... Под руководством Александра Порфирьевича Бородина, тузового композитора, в необходимую минуту - достойного лекаря, Тургеневу поутишили боль горячими салфетками и отвезли со всеми предосторожностями в гостиницу Демута, положили в постель.

Оставшись один, погасив свечу, - в майскую ночь она и не нужна вовсе, - Иван Сергеевич надел пенсне, решил поговорить на бумаге со старинным приятелем своим Яковом Петровичем Полонским - нет пока что сил в ближайшие дни навестить друга здесь же, в Петербурге, на Обуховском проспекте, где в лето знаменитых пожаров видел обгорелые бумаги со своим именем. Яков и Жозефина по-прежнему живут в казенной квартире, Яков глотает пыль в комитете иностранной ценсуры. «Со мной произошло пакостное дело. Нежданно-негаданно нагрянула подагра, да такая, какой отроду не бывало: разом в обеих ногах. Рвение мое к Родине эта штука несомненно охладила: три раза кряду приезжаю я сюда - и три раза уезжаю с подагрой, и всякий раз в сильнейшей прогрессии». Адрес в голове: дом семь, квартира шесть. Иван Сергеевич заплакал в подушки, запищал детским своим голоском:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном.

Не приведи Бог последовать примеру Гейне, который восемь лет лежал в параличе, тогда ни темной лестницы, ни завешенного окна не возмечтаешь. А ведь с трудом злодеи берут Якова в журналы, больше благодаря авторитету его, Тургенева. Некрасову, бывало, все про серого мужика подавай, а на другой берег сунулся было с романом «Отцы и дети», так любезный Михаил Никифорович Катков заставлял резать, да и сам резал без спросу, а читатели забранились, как-де посмел сунуться к этому охранителю устоев и реакционеру, которого питают, по словам Герцена, «сосцы третьего отделения». Якова пришлось от Салтыкова-Щедрина защищать, нашел, видите ли,

пугливость мысли и несамостоятельность суждений. Не поднимался, стало быть, ни разу по темной лестнице с завешенным окном, не знает, что брат Пушкина Левка подарил Якову кожаный портфельчик Александра Сергеевича; а написана «Затворница» еще в сороковые годы, когда Полонский придавал гладкость слога бумагам князя Воронцова, того самого, «полумилорда», в канцелярии которого в двадцатые годы служил и Пушкин.

Тургенев подосадовал, что не удалось послушать новейших отечественных музикусов, насчет которых так хорохорится задира Стасов. Встречи еще будут. Зовут на обед к «дедушке русской сцены» Осипу Афанасьевичу Петрову, певавшему Сусанина в присутствии Глинки, и к его восхитительной Анне Яковлевне. На костылях, а надо идти. Эти небывалые за всю историю русской оперы бас и contralto напомнят молодость, эпоху царствования итальянцев, среди которых ярче солнца светила Полина Виардо, среди которых, увы, Петровым давали самые тусклые роли - comprimario, и то благодарили Бога, поскольку русская troupe была, считай, сослана в Москву. На голос Полины мчался весь Петербург; Медный Всадник, казалось, мчится-скачет с abonnement билетом на целый saison. В последних концертах во избежание давки Полину выводил на сцену не diriger, а обер-полицмейстер. Страстное, огненное contralto Анны Яковлевны напомнит Полину - всякий день без нее мука, жизнь прошла рядом, надо вместе спускаться с горы. Внучке Жанне полтора года, тетешкался с нею перед поездкой в Россию; дочь, Полина-Полинетта, не жалует ни отца, который живет на краю чужого гнезда, ни Полину Виардо, в семье которой жила до своего совершеннолетия; у Полины своя такая же сумасбродка - Луиза, отказавшаяся и от мужа-дипломата, и от денежного содержания, предложенного им. Зарабатывает на прокормление сама. Луизу пригласили преподавать пение в Петербургской консерватории, пригласили в Мариинский театр на роль княгини в серовской «Рогнеде», она и квартировала у Серовых, как вдруг ускакала в Екатеринославскую губернию. Не commune ли строить? Да и вдова Серова, похоже, занимается тем же, что и Тургенев, - возит в дорожном баульчике прелестные письма и proclamatio; сын Валентоша ей мешает и потому был помещен на год в commune княжны Друцкой-Соколинской, которая состоит замужем за доктором Коганом. У Ивана Сергеевича сил остается только на писание романов. Так недавно, кажется, чувствовал себя богатырем; приехав на рождественские каникулы в деревню, узнал, что мать запродала крепостную рукодельницу Лушу, встретил исправника и понятых с ружьем в руках, мать заплатила неустойку... Commune, nihil, русские Гамлеты, новые люди; роман опять задуман, так и будет называться - «Новь»; героине придется быть похожей на дочь Виардо - Луизу; Стасова, бескомпромиссную орясину, можно назвать Скоропихиным, этаким всероссийским aisthetes, скандал поднимется до небес, журналы взвоют, как он взвыл нынче, когда приступилась podagra. Хорошо бы Рубинштейна воткнуть в sujet; славный концерт закатил нынче долгогривый Антонище приятелям Стасова-Скоропихина, свалился им, приглашенным на Тургенева, как снег на голову. Стасовцы, вероятно, переживали, не обидятся ли друг на друга два туза. Да Тургенев еще десять лет назад в Баден-Бадене гулял на свадьбе Антона Рубинштейна и Веры Чекуановой, ученицы Полины. Было, пошутили, подурачились на вилле Ивана Сергеевича: вообразите, Тургенев пел! Потом зрители и участники: Brahms, чета Viardot, чета Рубинштейнов, Saint-Saens, Clar Schumann шли через сад на виллу Виардо - закусывать картофельным салатом и холодной телятинкой. Лист заинтересовался опереткой Тургенева и Виардо, давали премьеру у него в Веймаре, затем под руководством Брамса - в Баден-Бадене... Потом война Германии с Францией, пережидали ее в Лондоне, пустом без Герцена, затем Париж. Гостиная отделана в духе Полины: фортепиано, несколько кресел и бюст хозяйки, а кругом вазы с васильками, с колосьями ржи. Подразумевалось, что есть и хозяин, Луи, он иногда и кричал, что он хозяин дома, но это было смешно: во всем чувствовалась жесткая рука гениальной женщины. Музыканты уж перечислены, которые бывали в доме Виардо, не надо ли художников, хотя бы русских? Зачем в Петербург ехать, если они все в Париже? Василий Поленов (правда, он тоже музыку пописывает) подарил Тургеневу повторение «Московского дворика». Сердце кровью обливается: может быть, так смотрит из окошка родительница его дочери Полинетты - Авдотья Ермолаевна, Дося. (Через год московский губернатор с прискорбием известит Тургенева о том, что мещанка Иванова, в замужестве Калугина,

умерла...) Репин пытается измыслить его портрет, но Иван Сергеевич отдает предпочтение Харламову; поперека Стасов Репина превозносит до небес, а Харламова топит, как Муму... Ну, да уж известно: что Стасов хвалит, то и плохо, что ругает - хорошо! Как он в письме к Тургеневу графа-то Льва Толстого раздраконил! «Этакая гибель таланта, верного схватыванья характеров, этакое мастерство в «разговоре», а между тем все вместе - преглупая и пренелепая вещь». Это он - про роман «Война и мир»... Конечно, сам Тургенев (в письме к Фету 15 июня 1866 года) писал еще хуже: «Роман Толстого плох не потому, что он также заразился «рассудительством», этой беды ему бояться нечего; он плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то рабски списанных, современных генеральчиков». Но, ужо тебе, Владимир Васильевич Стасов-Скоропихин, доживи только до нового романа Тургенева...

На обеде у Петровых Тургеневу представили Мусоргского; невысокий, одутловатый, бледный, Модест Петрович переживал, это было заметно, потаенную tragoedia. Тургенев спросил, где же товарищи его, особым образом Кюи, перед началом opusa которого Иван Сергеевич с confusio вынужден был оставить вечер у Стасова неделю назад. Мусоргский дерзко отвечал, что он не сторож-де брату своему и смутился своей оговорке: Каином-то явил себя недавно как раз Кюи, ненавистным образом расписав премьеру «Бориса Годунова» как спешное сочинение самодовольного автора. Герман Ларош ухватился за второстепенную мысль о «рубленом» recitativo и раздул: русские сочинители интересуются речитативом постольку, поскольку в русской труппе нет настоящих голосов, борьба с итальянцами проиграна. Куда же девался Осип Афанасьевич Петров, дающий ныне обед, а три месяца назад с такими грохотом и блеском исполнявший в свои шестьдесят восемь лет Варлаама, что вынужден был поутишиться, чтобы дать развернуться исполнителю главной partis, воспитаннику балакиревской школы Ивану Мельникову? «Злы татарове по городу похаживают, на царя Ивана Грозного поглядывают...» Татарове сиречь - Кюи, Ларош, вся «немецкая партия», и прочие, несть им числа, ни донышка им, ни крышки. Великий князь Константин Николаевич туда же, не постеснялся primadonna Юлии Федоровне Платоновой (Гардер) сказануть прямо в entracte, после сцены «У фонтана», что опера - «позор на всю Россию», и разгоряченный, пену со рта ладошкой вытер. Ну, primadonna потому и первая, что у нее нервы покрепче, чем у великого князя; исполнительница партии Марины Мнишек не стала выжидать и канючить, а еще год назад принудила capitulare Степана Александровича Гедеонова, директора Императорских театров, как немцы при Седане заставили сдаться в плен Наполеона Третьего со стотысячною армиею под рукой; прямо в Париж, где случилось быть Гедеонову, написала, что первым нумером возобновления contractusa требует постановки оперы Мусоргского в свой benefice. А ну как бенефис прогорел бы? Так ведь не погоней за деньгами, охватившей все общество, не хлебом единым живы истинные друзья. Не все и живы. Умер Виктор Александрович Гартман, памяти которого написаны «Картинки с выставки»; собирается жениться Арсений Александрович Кутузов-Голенищев, для дружбы женитьба - та же смерть. Третьего дня сочинился новый романс на стихи Кутузова из предполагаемого цикла «Без солнца»... Несмотря на подавленное состояние, Мусоргский пел с восторгом, заразившим все собрание. Случилось ему в деревне поднять глаза на суету за окошком, и романс «Светик Савишна» явился сам собою: юродивый ради Христа молил крестьянскую девку и стыдился напрасной своей мольбы, все было написано на его лице, не потерявшем остатков мысли. Модест Петрович в минуты размолвок с dictator Балакиревым или с хитроумным Корсей набрасывал на себя юродство, приговаривая, бо несть злобы в сердце его. Теперь же никто не знает, что через месяц последует смерть Надежды Петровны Опочининой - его лучшего друга. Вещун Стасов вон чувствовал, что с изменой Кюи враги закричат во всех газетах, что весь русский фронт трубит retirade, а Мусоргский, сочиняя цикл «Без солнца», чувствовал, что туча идет на него во все небо.

Тургенев вспомнил одно из писем к нему Стасова с любопытным открытием: повести и романы седовласого уже автора тычутся, как бабочки о стекло, о непреодолимую для него тему - женитьбы, за которой, видимо, для него жизнь и кончается. «Что за браки, что за семейная жизнь для художника! Вот уж ни на полдвора не нужно ему этого добра. Мне кажется, история не только художников (и особенно русских), но и

всех людей дела интеллектуального громко кричит, что никогда не следует надевать на себя колодки брака и кастрировать себя семейной жизнью»... Гаврилин ухмыльнулся наивности Стасова, он-то женился не по совету великого критика, совсем рано, после окончания первого курса консерватории... В пору получения того письма Стасова Тургенев вынужден был посылать письма то Полонскому, то Писемскому с опровержением слухов: Луи Виардо не помер, Тургенев не женится на Полине Виардо, в чем видят предмет его совершенного счастия. Есть и противуположное суждение, жаль, не пришло оно в голову при встрече со Стасовым, а на бумаге излагать его небезопасно. Буде заведет эту тему зубоскал, можно поднять палец к потолку, не поймет, так два перста: imperator Александр Второй, супостат, письмо к которому так опозорило Тургенева в глазах liberalis, небось, догадывается, какую пакость сделал либеральному писателю: не посадил в крепость, а мог бы и посадить на недельку-другую, ведь уже бывало жить в ссылке. Император, одногодок Тургенева, не только не согласен с thesis (положение, требующее неоспоримых доводов) Стасова, но завел и второе, не legitimus, семейство, с княжною Катею Долгоруковою, уж и языки перестали об него полировать и в Париже, и в Петербурге. Не оттого ли в России главная беда - двоемыслие? Что ни задумают порядочные с виду господа, как навстречу им, словно ночь навстречу дню, выходит не менее достойная parti, и пошла пальба до небес. Гонкур видел, как некие господа вели рукопашную discussio в бешено мчавшемся fiacre, - таковы и политические parti.

Письмо Стасова начиналось с упоминания о скульпторе Антокольском, со слухов, что «он женится теперь на одной виленской еврейке, 18-летней красавице и богатой», а заканчивалось весьма нелепым суждением: «Пожалуй, и этот не дойдет до настоящего, к чему способен, как большинство русских художников. Вечно сковырнутся на полдороге. Ваш В.Стасов».

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
Но нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Так писал скончавшийся прошлым летом diplomate Федор Иванович Тютчев, проживший, как и Тургенев, полжизни на чужбине. К слову, дипломат он или поэт, каких мало? А Полонский? Ведь тоже поэт, а не чиновник комитета иностранной цензуры. Сам-то Иван Сергеевич смолоду твердо знал, что его предназначение - водить пером по бумаге, но писать кровью, а не чернилами, потому и манкировал службой в канцелярии министерства Внутренних дел, чем сильно раздражал своего gubernator (управляющего полицейскими-щелкоперами) Владимира Ивановича Даля, тоже, к слову, литератора недурного. А этот Мусоргский, явно трагическая личность, великий compositor или все-таки чиновник Лесного департамента, призывающий к порядку поворовывающих лесничих?

Послушали еще и отрывки из нового сочинения Мусоргского, именуемого «Хованщиной». Отменный фортепианист, редкой красоты baritono.

- Как засяду за письма в Париж, непременно упомяну вас, дорогой Модест Петрович, моей вечной подруге Полине. Как вы растерзали мое сердце романсами, так пусть ваше успокоится обретением желаемого счастья. Оперу вашу судить не берусь, ибо это минувших дней преданья, искусно вами воскрешаемые, а я все про нынешний день, романы-репортажи, так сказать...

Найдя прорехи в остроумии Стасова, Иван Сергеевич сомневался, нет ли таковых у него самого, и писал из Парижа (в ноябре 1876 года) к Павлу Васильевичу Анненкову, читавшему роман Тургенева на водах, в Баден-Бадене: «Ну, а сравнение Стасова с бутылкой кислых щей? Оставить? Пение Славянского (певца Агренева) - с пением леща с кашей? Скажите «да» или «нет», так и будет».

И оставил, поскольку медвежьего вида Анненков в минуты восторга звонко бил себя ладонями по ляжкам, без слов убеждая этим посланника Тургенева - двоюродного братца Полины Виардо.

Роман «Новь» был напечатан в первых двух номерах журнала «Вестник Европы» в 1877 году. Тургенев писал к Анненкову: «...Стасюлевич сообщил мне по поводу 2-й части. Она едва не погибла - Цензурный комитет разделился на две партии: одна полагала сжечь эту вторую часть - другая хотела возвратить мне для исправления; и

знаете, кто ее спас? Тимашев. Он объявил, что если бы он знал всю вещь заранее, так запретил бы ее; но так как первая часть прошла - то запретить вторую значило бы произвести скандал, раздражить публику и т.д. Каково? Вот уж чего я никак не ожидал». Названный в письме спаситель романа Тургенева упомянут и в поэме Алексея Толстого «История государства российского от Гостомысла до Тимашева», это начальник Третьего отделения, затем министр Внутренних дел Александр Егорович Тимашев, которому не по нутру был refrain: «Земля наша богата, порядка в ней лишь нет». Да что делать, если так оно и есть по сегодняшний день? Здравый смысл велит - сжечь роман, ан вышло на деле - печатать...

В романе «Рудин», вспомнил Гаврилин, Тургенев реабилитировался-таки за свое «западничество»; поднимая стакан с красным лафитом, Лежнев говорит: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится. - На этом месте цитату обычно обрывают, стесняясь следующего вердикта. - Космополитизм - чепуха, космополитизм - нуль, хуже нуля; вне народности - ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет».

«А что в эту минуту поделывает Николай Андреевич Римский-Корсаков?»

...1877 год, весна. Корсаков возвращается от Балакирева, у которого они, вместе с Лядовым, по просьбе Людмилы Ивановны, сестры Глинки, готовят к изданию партитуры опер своего кумира. Играют на рояле Михаила Ивановича, предоставленном Балакиреву, к его удовольствию и счастию. Молоденький, еще не окончивший консерватории, потому лучше «стариков» держащий корректуру, Анатолий Константинович Лядов укатил на извозчике - торопится жить, а его наставники прогуливаются, ибо денек теплый, словно не в Питере, а в Риме.

- Впрочем, я с вами дальше не пойду! - неожиданно говорит Балакирев, и Корсаков понимает: дальше - это не до следующей улицы, дальше - расхождение во взглядах на мировое устройство...

- Как же насчет опуса Тургенева «Новь»?

- Ларош ругал, Буренин ругал, и я - независимо от них - браню! Подумайте: что вы делаете с великой державой, в которой гнездитесь, как кукушата, господа либералы?! Вы губите ее. И себя! И все на свете! Помните ли Достоевского? Казалось бы, поляк (как и Белинский, некоторым образом), то есть враг России, однако... «Другие из коноводов прямо уже говорят, что братства никакого им и не надо, что христианство - бредни и что будущее человечество устроится на основаниях научных... от будущего своего человека они слишком много требуют пожертвований, как от личности... устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспрерывный контроль самой деспотической власти». - Достоевский говорит, что «единственно возможное разрешение вопроса, и именно русское, и не только для русских, но и для всего человечества, - есть постановка вопроса нравственная, то есть христианская. В Европе она немыслима, хотя и там, рано ли, поздно ли, после рек крови и ста миллионов голов, должны же будут признать ее, ибо в ней только одной и исход». Вспомните картину Василия Верещагина, вашего однокорытника по Морскому корпусу, - гора черепов!.. А Стасов собирается в Париж - бить Тургенева, правильно и делает... Впрочем, со дня на день начнем разаться с Турцией, война затмит все... Прощайте, Христос с вами, Николай Андреевич! Да не забудьте: «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит!»

«На бога надейся, да сам не плошай!» - подумал Корсаков и промолчал - это уже, бывало, говаривал, да ни к чему хорошему не привело, без того он у Балакирева на подозрении как renegate, по-русски - перебежчик. Было, дал концерт силами Бесплатной школы из одних русских имен, чем приподнял кредит доверия в глазах товарищей, но - не Балакирева. Почему одних русских, словно за отдельным столом, на барской кухне? Liezt, Римский-Корсаков, Beethoven, Балакирев, Кюи, Berlioz - на одной афише, и буквы одинакового роста, и никак иначе!..

Балакирев изменился неописуемо. Пять лет назад его ждали на свадьбе Корсиньки и Наденьки Пургольд, вместо этого получили известие, что Милий не может присутствовать, иначе ему надо отпрашиваться у начальства Магазинного отделения Вар-

шавской железной дороги, а начинать службу с таких просьб - нехорошо. Это Балакиреву, у которого начальства было - бог да (два концертных сезона) великая княгиня Елена Павловна, у которой Милий вытребовал право поступать сообразно погоде. Впрочем, Бог - это теперь, раньше его у атеиста Балакирева, как у Корсиньки по сию пору, в помине не было. Теперь - в каждой комнате иконы и лампады; постоянные упоминания, вернулся-де от вечерней или от всенощной службы. Атеисты получают печать недомыслия и скудоумия; любезных ему знакомых Милий упрашивает перекреститься, уповая, что, осененные крестом, они переменят образ мыслей; зазывает в церковь, где являет себя знатоком службы, знакомцем не только батюшек, но и церковных сторожей. Клоп у него препровождаем в форточку со словами: «Иди себе, миленькой, иди со Христом!» Противные личности подозреваются в еврейском происхождении, слово «жид» равносильно понятию «прохвост». Шуб и шапок из меха не заводит, как в мороз, так и теперь - в осеннем пальтеце. Милий перестал есть мясо, бросил курить - это дело нешуточное...

Вспомнить бы насмешливому Корсе, что после изгнания «немцами» из Русского музыкального общества Балакирев пережил смерть отца, принял на себя заботы по содержанию двух младших сестер, сам перейдя в разряд нищих, ведь гастроли в родном Нижнем Новгороде дали блистательному пианисту-виртуозу никак не ожидаемую тысячу, а всего одиннадцать рублей... «Если Вам есть возможность прислать мне рублей 15 или даже 10, то Вы выведете меня на несколько дней из самого скверного положения, а то не с чем послать на рынок», - писал Милий Алексеевич не отлетевшим от него птенцам, нет - стыдно, а Владимиру Михайловичу Жемчужникову. Ему же: «Кроме квартирных денег у меня потребность в рублях 40 или 50, чтобы сделать себе платье, в котором мог бы я выйти на уроки, которые тоже отложены мною до 1-го октября за неимением платья. Я очень обносился...» Снова - соавтору «Козьмы Пруткова»: «Едва ли я буду завтра у Бобринских. Сапоги мои очень худы стали...» Читающий эти строки Гаврилин невольно вспомнил свои промокшие в талом снегу и едва не погубленные в духовке, ссохшиеся ботинки; ну, да у него дела лучше - уроки не отложены и депрессия не затянется на несколько лет... Поначалу Балакирев пытался стоять во главе Бесплатной музыкальной школы, но для ежегодного взноса надо было найти 500 рублей... «Нет, это совсем другой человек, - написал Стасов к Корсакову незадолго до его свадьбы, незадолго, увы, до перехода Милия в торгаши. - Передо мной был вчера какой-то гроб, а не прежний живой, энергический, беспокойный Милий...» А через два года, полагая, что словом может накормить голодного, Стасов писал к Балакиреву: «Ни со временем, ни с талантом нельзя ни шутить, ни делать экспериментов и отсрочек: Вы от музыки на шаг, а она от Вас на десять!! Она глубоко мстит за пренебрежение и загон, даже временные. Проснитесь, встаньте!!! Поднимите снова свои великолепные силы, начните опять свою чудную деятельность»... И вот Балакирев вышел из многолетней депрессии, и что же увидел в нем Корсаков? «Вся эта смесь - христианской кротости, злоязычия, скотолюбия, человеконенавистничества, художественных интересов и пошлости, достойных старой девы из странноприимного дома, поражала в нем всякого, видавшего его в те времена», «...по уходе его всем становилось легче».

Все-таки при корректуре опер Глинки Корсаков и Лядов поддались обаянию Балакирева, самой сильной черте его личности, «пели с ним в одну ноту», что раздражало потом Корсакова при виде совместных трудов. Способность эту - посмотреть на себя со стороны критическим оком -Корсаков имел, но задним числом, чем весьма бывал огорчен. Годом раньше Анатолий Лядов, вместе с товарищем своим Георгием Дютшем, бросил посещения класса Римского-Корсакова, и директор консерватории Азанчевский, с согласия их профессора, исключил прогульщиков, которые не замедлили явиться к наставнику с просьбами дать бумагам «полный назад». Корсаков не последовал примеру отца блудного сына, не заколол для вернувшихся учеников лучшего теленка; через год прогульщики получили дипломы, будучи лишь формально водворены в класс Корсакова новым директором - Давыдовым; и Лядов, и Дютш сделались вскоре, однако, друзьями Корсакова... Гаврилин вскинулся: не бывать ему другом доцента Ореста Александровича Евлахова, не бывать!.. Вскинулся и забыл, как, незадолго до смерти учителя, предчувствуя ее, Лядов писал двоюродной сестре: «...все ссоры были только пеной, которые глупая жизнь наносит».

Вместе с Лядовым класс Римского-Корсакова закончил Август Рудольфович Бернгард, будущий переводчик на немецкий язык либретто опер учителя («Майская ночь», «Снегурочка», «Сказка о царе Салтане», «Моцарт и Сальери»), будущий теоретик-педагог, инспектор, а потом и директор консерватории.

...1905 год, март.

- Вам, уважаемый Август Рудольфович, надлежит снять с себя обязанности директора, чтобы сохранить физиономию творческого человека и «достойного гражданина»...

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной...

Голосом Римского-Корсакова говорил, казалось, пророк, и последние слова потонули в страшном шуме - одни профессора консерватории аплодировали ему, другие топали ногами и свистели, как биржевики и маклеры на конных бегах, отдав тотализатору громадные деньги. «Посмотрим, как вы будете хлопать в ладошки, - подумал Николай Андреевич, - когда дойдет до дела, впереди - шторм!..»

Не станет гражданин достойный
К Отчизне холоден душой, -

продолжил Бернгард некрасовские строки. - Вас, господин Корсаков, при всем моем соболезновании, уволят на днях, так угодно Богу и великому князю - попечителю нашего балагана, к раскрашиванию последнего в революционный цвет вы приложили довольно сил. Вы стали ярко-красным. У нас с вами-с противуположное понимание долга перед Отечеством. Дал бы нам Господь поговорить лет через пятнадцать. Так ведь не даст... Прощайте, господа! - директор консерватории поднялся, заседание Художественного Совета закончилось... Бернгард, как и Римский-Корсаков, умрет в 1908 году...

...Кровавое воскресенье 9 января в консерваторию явилось в виде студента-вольнослушателя Манца, солдата военно-музыкантской команды, с гордостью повествующего, как он участвовал в расстреле демонстрации. Сходка студентов потребовала изгнать Манца, этого же потребовал один из профессоров - Римский-Корсаков. Директор Бернгард стоял за существующий порядок вещей. Очередная сходка студентов постановила, что «музыканты не имеют права считать, что их назначение забавлять господствующие классы в то время, когда народ поднялся против этих классов». Решено было не выходить на занятия, которые Бернгард постановил продолжать. Около десятка студентов прорвались в классы - учиться, около сотни, которые их не пропускали, были арестованы полицией; бунтовщиков Бернгард исключил. Восемнадцать профессоров и преподавателей также объявили себя бунтовщиками, подписав обращение к Бернгарду с предложением подать в отставку. Бернгард был освобожден от должности директора, Римский-Корсаков был уволен; великий князь Константин Константинович (псевдоним К.Р.) утвердил это решение дирекции Императорского Русского музыкального общества. В знак солидарности с Корсаковым консерваторию покинули Глазунов и Лядов, за ними еще три профессора - Есипова, Блуменфельд и Вержбилович.

В помещении «Пассажа», снимаемом театром Веры Комиссаржевской, была поставлена опера Римского-Корсакова «Кащей Бессмертный»; сбор от студенческой постановки предназначался семьям погибших 9 января. Декорации и костюмы были изготовлены под руководством Ивана Билибина, руководил постановкой Александр Глазунов. На спектакль прибыл 80-летний Владимир Васильевич Стасов. По окончании начались речи, послышалось, что кричали: «Долой самодержавие!» Генерал-губернатор Трепов, не застреленный в свое время Верой Засулич, приказал опустить противопожарный железный занавес; студенты держали щиты руками, публика подставляла стулья, не давая опуститься - не занавесу, а мраку деспотизма. Николаю Андреевичу, стоявшему на сцене, поскольку шли здравицы в его адрес, пришло на ум: пора сочинять оперу «Степан Разин»; он молодецки спрыгнул в оркестровую яму, в руки оркестрантов.

Опера не была написана, потому что вскоре все покатилось назад. Директором консерватории после свободных выборов стал Глазунов, про которого Николай Анд-

реевич говорил своему почитателю Василию Васильевичу Ястребцеву (13 февраля 1907 года), что «Глазунов слишком слаб, чтобы быть директором, и потому он невольно подпадает под влияние всяких... консерваторских черносотенцев, и в результате все его благие начинания сводятся к нулю...» Ястребцеву же ранее сказал, что боится смерти. Боится, когда сочиняет. «А то вдруг умрешь и не допишешь, что задумал. Это было бы ужасно глупо и обидно». Вспомнился умерший два месяца назад Стасов. А как Бородин, давненько уж, умер - посреди карнавала! Упал, как подкошенный; кругом - профессора Медико-Хирургической академии, но - сердце... Корсакову вместе с Глазуновым, который многое помнил наизусть, пришлось доводить до конца труды Бородина, а ранее того - труды Модиньки Мусоргского... Письмо к либреттисту Владимиру Ивановичу Бельскому (23 марта 1908 года) по поводу предлагаемого сюжета «Кончины мира» показывает усталого человека: «Лучше бы русское, народное... Мне надо отдохнуть, развлечься, а не миры разрушать и против Бога восставать. Да наше искусство и не в состоянии это делать. Литература может, ей нипочем врать, не зная меры...»

Тем временем в России нашелся человек, который пробил лбом стену, - русская музыка зазвучала в Европе во всей своей красе; это был Сергей Павлович Дягилев, одно время намеревавшийся стать композитором славнее Римского-Корсакова. Дягилев писал (19 марта 1907 года) к Николаю Андреевичу: «... не забудьте, что в.кн. Владимира я должен убедить, что наше предприятие полезно с национальной точки зрения, министра финансов, что оно выгодно с экономической точки зрения, и даже директора театров, что оно принесет пользу для императорской сцены. И сколько еще! И как это трудно!»

Корсакову ли не знать, как это трудно: говаривал и с великими князьями, и с министрами. Но Дягилев, при всей его амбициозности, - титан! По просьбе Дягилева Валентин Александрович Серов - Валентоша! - написал углем портрет Римского-Корсакова и в ответ на замечание родственников, что получилась икона, сказал: «Так и надо, пускай французы на него молятся!» Дягилев в мае 1907 года провел в Париже пять Исторических концертов, в которых участвовал и Римский-Корсаков в качестве дирижера своих произведений; семейство Николая Андреевича наблюдало триумф папеньки из залы театра. «Мы, русские композиторы, были буквально какими-то Моцартами по сравнению с Рихардом Штраусом, Дебюсси и Дюка», - говорил Николай Андреевич по возвращении из Парижа. В ноябре Римский-Корсаков был избран членом-корреспондентом Парижской академии изящных искусств (на место, освободившееся со смертью Эдварда Грига), ранее такой чести были удостоены Чайковский, Кюи (русский француз), который написал в конце своего известия: «Этот выбор Вас ни к чему не обязывает». От подобного избрания в Англии, зондированного через Глазунова, Римский-Корсаков отказался: невелика, однако, честь, и ехать - далеко...

Дягилев раздвигал границы захваченных плацдармов. Восьмого мая 1908 года безнадежно больной Римский-Корсаков получил письмо от своего ученика Феликса Михайловича Блуменфельда: «Ведь это история, то, что мы переживаем! В двух театрах Парижа две русские оперы на одной неделе!!! Жаль, Стасова нет! Вот бы кто восчувствовал все сие!!! Не дожил старик, а ведь много камней им положено в основание этого памятника русской музыки». Речь шла о первом представлении 6 мая в Большой опере «Бориса Годунова» Мусоргского с Шаляпиным в заглавной партии (в редакции и инструментовке Римского-Корсакова) и 7 мая - в Комической опере - первого представления «Снегурочки». Дирижерами были воспитанники Римского-Корсакова - Феликс Блуменфельд и Николай Черепнин.

...Четвертого июня 1908 венчались Максимилиан Осеевич Штейнберг и Надежда Николаевна Римская-Корсакова (младшая). «Время хорошее; сирень, акация, яблони в цвету, погода только изменчивая», - писал отец невесты. На другой день было получено письмо директора Императорских театров Владимира Аркадьевича Теляковского о запрещении цензурой оперы «Золотой петушок». Из Парижа пришло официальное извещение Общества музыкальных писателей с отказом Римскому-Корсакову войти в почтенное собрание, и вследствие оставления за бортом, - ай да французы: почет - одно, деньги - другое! - отказ выплатить за постановку «Снегурочки» в Париже, в Комической опере, какого-либо гонорара. Пес с ними!..

В ночь с 7 на 8 июня случилась гроза, удушье прекратило дни и часы Николая

Андреевича; 11 июня Римский-Корсаков был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

В 1937 году прах вместе с надгробным памятником (по эскизу Николая Рериха) был перенесен в Некрополь Александро-Невской лавры, похоронен рядом с могилами Глинки, Балакирева, Бородина, Мусоргского, Чайковского, Рубинштейна, Лядова...

...21 ноября 1892 года... Слыша приближение смерти, Фет попросил жену, «бескрылую» Марью Петровну, дать ему шампанского; Марья Петровна засомневалась, и он послал ее к доктору за разрешением коллизии. Той порой Фет продиктовал секретарю Екатерине Владимировне Федоровой: «Не понимаю сознательного продолжения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному»; поставил дату и подписал: Фет-Шеншин; прав-таки был граф Лев Толстой, помещик-сосед, инстинктом литератора находя возможным такой исход «дяденьки Фетиньки», о чем у них была письменная дискуссия... Фет представил себя на своем месте штаб-ротмистра в конном строю дивизии, лавой растянутой на два-три километра по фронту: в пыли не видно ни головы вороной лошади, ни товарищей-кирасиров, лишь колена соприкасаются иногда, над каской просвистит, бывало, оторванная подкова, впереди, на горизонте, на холме, среди бескрайней новороссийской степи - штандарт Государя, наблюдающего за маневрами. А вот командир взвода лейб-гвардии Уланского полка поручик Фет лежит в беседке на берегу Финского залива, стараясь на слух определить, волны ли перебирают гальку, французский ли десант вытягивает на берег шлюпки; офицеры в отдалении, под крышей, играют в карты и днем, и ночью, чтобы не проспать сигнал наблюдателя, громогласными, на страх врагу, репликами сопровождая каждый элемент своего занятия; Фету же, известному всей читающей России стихотворцу, являются новые строки, не батально-брутальные, а все вроде: «На заре ты ее не буди»... Подписав надиктованное, Фет схватил со стола стальной кинжал для разрезания бумаг, и теперь только Екатерина Владимировна поняла смысл записанного ею, она схватила лезвие руками, обрезалась, но не выпустила его из рук. Высокий, грузный старик, последнюю неделю не принимавший пищи, побежал вдруг в соседние комнаты, ища орудия самоубийства, и упал на стул...

...1849 год, весна... Уж пробило полночь, и вся Новороссия - от Елисаветграда до Херсона - покрылась черной цыганской шалью с крупными цветами звезд; корнет кирасирского полка Афанасий Фет и дочь генерала в отставке Лазича Мария при слабом свете цветного фонарика сидели на диване в алькове; Фет позволил себе расстегнуть верхнюю пуговку кителя, Мария положила голову на эполетку, и волосы ее, исключительной роскоши, - черные, с сизым отливом, пахнули речною водою. Чем еще обязана теплая южная ночь одинокому офицеру и сербской красавице, знакомым с прошлого лета? Нельзя только подобраться к фортепиано, чтобы снова насладиться мелодией, которую посвятил Марии, будучи на гастролях в Елисаветграде, Ференц Лист, нельзя, потому что весь дом спит. Нет, не ошибся новый командир полка барон Бюлер, выдвинув субалтерн-офицера на ключевую должность полкового адъютанта: столь рассудительной личности не сыщешь и в старших чинах - Фет кончил курс в Московском Университете, сверх того, служить ревностно и держать себя в ежовых рукавицах заставляет судьба - он из вольноопределяющихся; решив вернуть себе потомственное дворянство, Фет имел право служить лишь до первой ступени офицерских чинов, но Государь отнес дворянский ценз до чина майора - в седле придется провести еще лет десяток, но та немыслимая красавица, о которой проведали уже в полку, будет ли она ждать столько? Проходя на рассвете мимо квартиры полкового адъютанта в сторону конного лазарета, барон увидел корнетову плетеную коляскунетычанку, покрытую меловой дорожной пылью. «На заре ты его не буди!» - пропел полковник первую строку знаменитого романса Варламова применительно к автору стихов: Фет - первейший в России рубака по роду войск чистого искусства, прелестного, как нынешняя степная лазоревая заря. Понизив голос, барон продолжил: «Имея к вам отеческое чувство, прошу вас, Афанасий Афанасьевич, не оставлять ваших визитов к Лазич до тех пор, пока не прекратит их обязанность, которой мы служим, которую вы первым, по вашей должности, узнаете из бумаг штаба дивизии вполне скоро. Обедаем у меня, но уж этой темы не затронем... Спать - марш-марш!» «Благодарность

моя не имеет пределов... - прошептал Фет, строевым шагом вошел в казенный домик, бросился на койку и зарыдал. - Нет, господин полковник, нет, добрейший Карл Федорович... Сатана, низверженный с небес, находит счастие свое во зле, таков и я; таков и я - нынче, едва светало, я оттолкнул от себя Лазич. Я стал, как на часах, и произнес спич о невозможности брака. Она сказала, что, как я мог заметить, никогда не покушалась на мою свободу. Скорей бы в поход, который в полку предчувствуют даже наши кони - высокие, одной масти - вороные... А люди - разные...»

Афанасий родился в Мценском уезде, в Новоселках, в имении гвардии штаб-ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина, через месяц-другой после возвращения того из германских земель, где отставной офицер не только лечился, но и присмотрел себе жену, замужнюю женщину Шарлотту Фет, ожидавшую рождения мальчика, потому что девочка у нее с мужем Иоганном уже была - Каролина. Что там! В коляску - и пошел! Какова лютеранка Шарлотта - бросить мужа, дочь, бросить Родину - страсть выше долга; весь уезд замер - первый акт драмы достоин одного Шекспира. Афанасия записали сыном Шеншина, не указав на радостях даты рождения - октябрь, ноябрь. Спустя годы, внезапно, видимо, по доносу, консистория нашла, что брак Шеншина и Шарлотты, крещенной Елизаветы Петровны, был совершен после рождения мальчика, и четырнадцатилетний Афанасий был обращен в гессен-дармштадтские подданные с фамилией Фёт (Жирный), поселен за Псковом, в Лифляндии, в городке Верро, в частном воспитательном доме Крюммера, где безвыездно провел три года. Далее судьба определила Фета в Москву, на Девичье поле, в пансион Императорского Университета профессора Михаила Петровича Погодина. Погодин, приверженец идеи объединения всех славян Европы - панславизма, считая университетскую программу узкою для изложения своих взглядов, завел «учено-литературный журнал»; каких только собак ни навешали на Погодина и его друга Шевырева западники, яростнейший из них - Белинский, отец которого, предположительно, выходец из Польши, мечтающей занять место России в кругу славянских народов сколько уж веков. «...Церемониться со славянофилами нечего. В их рядах нет ни одного человека с талантом... Катать их, мерзавцев... Верьте, когда удастся наступить на гадину, надо давить ее, непременно давить». (Из письма В.Г.Белинского к К.Д.Кавелину). Наконец, последнее слово о панславизме, успокаивая Европу, сказал император Николай Первый: «...Славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе».

В журнале Погодина и Шевырева «Москвитянин» и было впервые напечатано «На заре ты ее не буди»; Фет был еще студентом неполных двадцати двух лет, зараженным поэзией сверх здравого смысла: дважды профукал курсовые экзамены. Этих-то двух лет не вернуть, а то быть бы его мечте - вернуть дворянство - давно исполненной: государь принял решение об увеличении срока службы для подобных мечтателей почти одновременно с поступлением Фета в армию, до того стоило послужить всего полгода и - на плечах субалтерн-офицерские эполеты (без обер-офицерской бахромы), а грудь распирает дворянская спесь, за спесью - отцовские имения, которые, умри вдруг Афанасий Неофитович, достанутся теперь не Фету...

В Университете Фет подружился с Аполлоном Григорьевым, родители которого попросили Фета составить компанию сыну и перебраться на жительство к ним, что и было утверждено Афанасием Неофитовичем; дом на Малой Полянке в приходе Спаса на Наливках «сделался колыбелью моего умственного «я», - писал Фет в воспоминаниях.

Отец Григорьева - Александр Иванович - окончил Благородный Пансион при Московском Университете, служил в Правительствующем Сенате, но «увлекся дочерью кучера и, вследствие препятствия со стороны родителей к браку, предался сильному пьянству», - так наушничала Фету злокозненная кухарка Лукерья; начальство извлекло мораль - служить Григорьеву в Казенной палате по отделению Питейного сбора; явленный на свет Аполлон при живых родителях водворен был в Александровский Императорский сиротский дом - незаконнорожденным, мещанином... Вскоре родители обвенчались, получив право взять сына к себе. По окончании Университета Аполлон, благодаря блестящим способностям в науках и примерному поведению, получил место библиотекаря, затем - секретаря Ученого совета Университета, удостоен был личного дворянства и... тайно сбежал в Петербург; по Москве заговорили, что в Григо-

рьеве взыграла отцовская кровь; старику и любо бы узнать себя в сыне, да жизнь лучше любого университета вразумляет: скрепи сердце смирением и опусти очи долу... В раздражении Аполлон писал к отцу: « ...Ко мне пришел Кавелин, человек, с которым я хотел быть по крайней мере равным... Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною - о, Господи... - Далее - одна из причин оставления родного дома. - Не знаю, любила ли меня эта женщина... но если я живу до сих пор, если из меня что-нибудь будет, виною этому мысль о ней. Для нее - я хотел быть выше многих и равным со всеми... Голова ее мужа склоняется перед многими, - моя голова ни перед кем не преклоняется...»

Кавелин и есть сей муж ума приспособительного, и жена его купается в довольстве; именно Кавелину отдала предпочтение та, из-за которой убивается Аполлон, - Антонина Корш; женское сердце знало: кланяясь столпам общества, но поклоняясь лишь ей, Константин Дмитриевич проживет долго и счастливо, станет профессором сначала Московского, потом и Петербургского университетов. Григорьев издаст единственную книжечку стихов, числом пятьдесят экземпляров...

Давно ли Кавелин, по младости лет, был славянофилом? Смолоду кто не любил всего русского, иного и не видав? «В Питере - точно в неприятельском лагере. Лишь только высунешь нос на улицу - глянь, какие-нибудь заморские мысли щеголяют во фраке общечеловеческих идей... Так гадко, что плюнешь и перекрестишься». Вот уж он западник, либерал, эволюция прошла легко и безболезненно. Славянофил Шевырев долго лежал в постели с переломанным ребром, потому что не принял звания сукиного сына от графа Бобринского, но заметил, что граф - истинный сукин внук, а не игра слов, и профессорским-то кулачком! - в морду внуку Екатерины Великой. Еще и царицына кровь закипела в графе, а дед его и вовсе - аспид, и граф начал охаживать профессора стулом и топтать ногами, видимо, так братья Орловы убивали императора Петра Федоровича. Коллизия вышла из-за того, что граф похвалил Пиля Младшего, облаявшего Россию, как по обычаю делают европейцы, обожравшись-опившись здесь, похмельные воротясь в свои мелкие, хищные страны, а Шевырев сказал, что мнение графа непатриотично.

Через год все партии слились в восторге перед Александром Вторым; Чернышевский, не подозревая своей будущей эволюции, украсил статью в некрасовском «Современнике» словами псалтири: «возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза тя Бог твой». Во второй части статьи Чернышевский дал извлечения из прожекта, составленного Кавелиным, в котором Кавелин считал, что крестьяне обязаны будут откупиться от повинностей перед помещиками, и революция сверху утвердит в России порядок и счастье на пятьсот лет. Начальник петербургской цензуры князь Щербатов получил выговор, а Кавелин, обласканный было приглашением в преподаватели к Наследнику престола, подал в отставку. Кавелин полагал, что в России не было еще достаточно общественных элементов для представительного образа правления, за что Чернышевский, прозрев, прохватит его под именем Рязанцева (многие литераторы в России обрисовывали друг друга в своих сочинениях более-менее прозрачно, но чаще - с пасквильным наклонением) в романе «Пролог».

«Толкуют: освободим крестьян! Где же силы на такое дело? Еще нет сил... Что выйдет? - сами судите, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать? Натурально, что: испортишь дело, выйдет мерзость... Эх, наши господа эмансипаторы, все эти Рязанцевы с компанией! Вот хвастуны-то! вот болтуны-то! вот дурачье-то!» Этому Волгину, то есть Чернышевскому, революций подавай, но не из царских рук... А чем платить станете, Волгин, то есть Чернышевский? Кровью?.. Через четыре года Чернышевский был заточен в Петропавловской крепости; Кавелин полагал, что это - разумная оборона от разрастания «бессмысленного и беспощадного» бунта из Питера, охваченного пожарами, шире, дале. Достоевский, говорят, приходил к Чернышевскому с мольбой остановить несчастия, полагая в нем тайного руководителя возмущенных социалистов, царь решил проще - под замок его, Чернышевского!..

«Представляет ли современная народная жизнь такую другую сторону, которая, будучи художественно воспроизведена, представила бы нам положительную сторону нашей народной физиономии?..» На вопрос Кавелина Белинский отвечал (за полгода до своей смерти) так: «Что хорошие люди есть везде, об этом и говорить нечего... Но вот горе-то! Литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не

впадая в идеализацию, в реторику, в мелодраму... В них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут». Как вовремя Белинский умер от чахотки! Насиделся бы в крепости! Белинский, которого Кавелин занес было в приятели, видя, сколь слабы познания его домашнего учителя за пределами выражения гражданских чувств, и бросился было с объятиями, встретив на Арбатской площади в компании Ивана Ивановича Панаева, но Белинский охладил восторг бывшего ученика, не хватало-де целоваться с арбатскими мальчишками. Видно, чувствовал, что ученик не пойдет за его идеями, но письма, несколько позднее, писал умилительные, одно, с невероятными ругательствами, до которых он был большой аматер, пришлось сжечь - не от обиды, а времена были опасные: в каторгу ссылали за чтение письма Белинского к Гоголю, а тут - письмо к тебе!.. Единственный такой был человек, насколько проницательный, настолько и наивный. «Я не из числа тех низких людей, которые тогда только чувствуют благодарность за прилагаемые об них старания, когда оные бывают не тщетны», - писал Белинский преподавателю Пензенской гимназии Михаилу Максимовичу Попову, который содействовал поступлению ученика в Московский Университет. Переехав в 1839 году в Петербург, Белинский узнал, что Попов служит старшим чиновником особых поручений в Третьем отделении, но, не смущаясь славы одиозного учреждения, хаживал к Попову в гости на квартиру. «Он не был ни шутлив, ни остер в смысле веселости, но был жестоко-колок и грубо-правдив... Это был факир, или, нет, лучше того, это был жрец своего искусства!.. Споры литературные, в которых вольному воля, никогда не заканчивались у нас размолвками...» - вспоминал Попов... Ох, знал же Попов, что Белинский учился в Чембаре, в здании, где случилось пребывать императору Николаю Павловичу, оправляясь от падения из экипажа на дороге у столь злокозненного городка; отсюда явится и мысль о необходимости падения трона - аж в животе мурашки... (Только мы двое выскочили из автобуса с пензенскими туристами у одноэтажного домика, в котором учился Белинский; автобус покатил к магазину, и милиционер, праздно стоя на крыльце со служащей музея, поинтересовался, откуда мы такие... Могила родителей Белинского уцелела при расширении городка, оказавшись на перекрестке улиц, и обойдена палисадником, словно водоразборная колонка, за которую ее можно принять издали. - А.А.)... Пора бы чахотке кончать с этим белобрысым скрюченным человечком! Если сбрендит в социалисты, допишется до каземата, пока что пребывает в пограничном состоянии - пришиблен судьбою. До переезда в Петербург Белинский пережил изгнание из Университета с угрозою ссылки; только пригрел его в журнале «Телескоп» Надеждин, как сам был отправлен в Вологодскую губернию за публикацию Чаадаева, объявленного вскоре сумасшедшим. Слегка спятил и Белинский, попав в плен философии Гегеля: «все существующее разумно», остается заниматься искусством для искусства, притом истинные художники сочиняют бессознательно, - это весьма нравилось Попову, гостеприимному наблюдателю умов; Попов не знал еще высказывания Белинского (из письма к Василию Петровичу Боткину): «Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное. Только в Питере человек может узнать себя - человек он, получеловек или скотина; если будет страдать в нем - человек; если Питер полюбится ему - будет или богат или действительным статским советником». Попов, к слову, дослужился до надворного, дойдет и до статского... Гаврилин прикинул: сделается при случае известным сочинителем, - статский ли это или еще надворный, человек или не вполне выработался в оного... К Боткину же Белинский писал: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью... Боже мой. Страшно подумать, что со мной было - горячка или помешательство ума - я словно выздоравливающий».

Но уж письмо Белинского к Гоголю, ходившее в тысячах списков, Третье отделение выучило наизусть, как «Отче наш»... - до случая, который - ох! - близок... «Публика видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников, спасителей от мрака самодержавия, православия и народности... Болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от Вашей книги». (Белинский к Гоголю летом 1847 года из Зальцбрунна).

В конце февраля, после первых новостей о революции во Франции, государственный секретарь барон Модест Андреевич Корф представил докладную записку, в которой констатировал, что «журналистика, особенно «Отечественные записки» и «Современник», позволяют себе печатать Бог знает что, и проповедуемые ими под разны-

ми иносказательными, но очень прозрачными для посвященных формами, коммунистические идеи могли сделаться небезопасными для общественного спокойствия». В упомянутых журналах Белинский был самым популярным автором. И в феврале, и в марте на квартиру к Белинскому посылали жандарма с повесткой, вместо Белинского явился его приятель, чиновник министерства уделов Николай Николаевич Тютчев (племянник известного дипломата и поэта, взглядов противуположных) с письмом от смертельно больного литератора. Попов соболезновал тяжелой участи Белинского и сказал, что его хотел повидать хозяин русской литературы Леонтий Васильевич Дубельт (через десяток лет - родственник Пушкина), «единственно для того, чтобы лично познакомиться»; говоря слово хозяин, Попов рассчитывал, что его слышит не только любезный собеседник. Белинский, лежа на красной своей кушетке и глядя на карту Европы на стене, - друзья там: Тургенев, Герцен, Анненков, - последние месяцы мог лишь диктовать, и его собственные каракульки заметно отличались от почерка анонимного письма на имя шефа жандармов Орлова с подписью: «Истый русский», с утверждением о неминуемой революции, в Европе она-де уж полыхает, и дерзкими мыслями о русском царе; Белинскому позволили умереть дома, через два месяца он угас...

На Тютчева друзья возложили обязанность испросить разрешения на лотерею в пользу семьи - распродать таким образом библиотеку Белинского: в доме ни гроша, даже прислуге задолжали. Попов «изменился в лице, окрысился и зашипел, - с грустью доложил Тютчев, - на меня: «Это все равно, милостивый государь, как если вы просили бы меня... в пользу семейства государственного преступника Рылеева». Позднее библиотеку увез в Спасское Тургенев. В рабочем кабинете Белинского, среди прочих вещей и безделушек, стоял столик с зеленым сукном и решеткой, на нем - изображение Фауста, Маргариты и наблюдающего за ними Мефистофеля - не Попова ли?.. Человека три-четыре из помощников Попова отличались не скорбным видом, а любопытством и по дороге на Волково кладбище, и в церкви при отпевании, и при опускании гроба в могилу; они были заметны потому, что сопровождали Белинского человек двадцать, в том числе пять-шесть литераторов. Речей не произносил никто - покойник умел говорить лучше любого из них, да и вода в яме прибывала быстро...

Вдова Белинского Мария Васильевна (в девичестве Орлова) с трехлетней дочерью Ольгой вернулась в Москву, получила место кастелянши в Александровском институте, с одиннадцатью рублями жалования в месяц. Если бы сын Владимир не умер год назад (жизни ему было отпущено четыре месяца), если бы крестный отец его Тургенев - большой шутник! - сдержал слово и подарил бы крестнику небольшую деревеньку... Смерть мальчика так повлияла на Марию Васильевну, что она приготовилась броситься из окна и зацепилась головой за раму; Белинского сердце толкнуло в тот миг, он явился будто из стены, схватил ее за платье и сдернул с подоконника: третий этаж, внизу мостовая Невского проспекта... (Гаврилин почесал в затылке. И про него поговаривают, и в Питере, и в Вологде, что он хотел шагнуть из окна, что жена удержала за одну ногу, теща - за другую! Шиш вам, и в Питере, и в Вологде!..) Они познакомились здесь же, в Александровском институте, в 1835 году, когда Мария Васильевна Орлова была классной дамой, то есть просто красивой девицей, читающей все публикации Белинского и смеющей иметь суждение об оных, то есть не дурой. Белинский приходил на свидания со стихами своего друга, студента Университета, выходца из семьи соборного иерея, уроженца Кадникова (Гаврилин вспомнил: дом, в котором он, Гаврилин, начинал свою жизнь, справа от Николаевского собора, если стать перед вратами и перекреститься... на нынешний Дом культуры; однако, отец Красова служил в другом соборе), уездного городка Вологодской губернии, - Василия Ивановича Красова. Вот описание Маши: «Она бежит изнеженных подруг, Она грустна; ей скучен их досуг, Их игры резвые, их смех и разговоры Про юношей, про танцы, про наряд. Ее глубокие, задумчивые взоры О тайной страсти говорят».

А вот и про Кадников, «детских лет волнующую даль».

Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток...

(Гаврилин засмеялся. Речка Содема, которую теперь можно переступить, не заметив ее, и для годовалого Гаврилина могла показаться бурным потоком; в Вологде тоже есть речка Содема, в просторечии Золотуха, при впадении ее в речку Вологду стоит

школа, в которой Гаврилин заканчивал семь классов, на другом берегу этой славной реки учился и Красов, на сто пятьдесят лет раньше, в духовном училище... В Питере каждый день идешь вслед Гоголю, Тургеневу, Белинскому, Достоевскому, Фету, Григорьеву, Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому, Балакиреву, но детские впечатления - ярче...)

И игры шумные, и первое волненье -
Все живо вновь в моем воображеньи...

Белинский писал (к Боткину) весной 1843 года: «...стишонки Красова... были фактом жизни и занимали меня, как вопросы жизни и смерти», а осенью того же года Виссарион Григорьевич и Мария Васильевна взошли под своды церкви Строительного училища, на Обуховском проспекте. Белинский потушил достаточно ложных солнц, но как же Васеньке Красову быть второстепенным поэтом, если он помог их дружбе самым выразительным образом? Подобных споров у них бывало много. Не могли завести хорошую кухарку, и Белинский говорил, что кухарки - естественные их враги. «Мы же им платим! А почему нам не начать прислуживать им, а они нам платили бы?..»

...1849 год, осень. Москва. Фет в гостях у Григорьева, на Малой Полянке у Спаса на Наливках... Многие страницы здешней жизни мелькнули в памяти, многое надо рассказать другу, а то, что невозможно выразить, выразят стихи!

Аполлон сбежал в Петербург (успел и вернуться) из-за несчастного чувства к Антонине Корш, которая теперь замужем за профессором Кавелиным, участником их студенческих сборищ в мезонине дома Григорьева. Здесь же бывали и Соловьев, которому сдал свою кафедру Погодин, и Полонский, которому Фет первым предсказал славное поэтическое будущее... Пообломанный судьбой, Аполлон вернулся в Москву и женился на сестре Антонины - Лидии, будто две женщины бывают одинаковы! И лучше бы горемычной в лавр превратиться, как нимфе Дафне, которую преследовал бог Аполлон, ведь Григорьев - носитель тирса - посоха, украшенного лавром и виноградом, во время праздника в честь бога Диониса, одно слово - пьяница, явленный внезапно из чистого и святого мальчика. Не повезло и Любови Корш, хотя ее муж Крылов - тоже профессор Московского Университета, по римскому праву, и взятки берет, зато жену по улице за косу таскает. Для читателей Григорьев - мудрец, прозрения которого бывают горьки, как горька сделалась многим в России книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»; Аполлон писал год назад Гоголю, искавшему покоя в доме Погодина: «Ваша книга на меня так сильно подействовала, что в высшей степени страдаю я недугом, на который преимущественно она нападает, - недугом распущенности - следствием раннего пресыщения жизнью. Отсюда - сознание идеала и сознание собственного бессилия сообразоваться идеалу, состояние души, может быть, самое безотрадное, самое скорбное, состояние веры разума и апатии сердца». Аполлон не берет в расчет, что у Гоголя образовалось много врагов, которые могут сделаться и врагами Григорьева, которые «...стараясь придать ему (вопросу Гоголя - А.А.) смешной и даже подлый характер, хотели только отстранить от себя тяжкий и ненавистный вопрос: «Обязан ли я, и в какой степени обязан, ответственностью за все действия человека вообще и человека духа в особенности?» А в первом письме - к самому Гоголю! - Аполлон обращался: «Не судите, да не судимы будете... Негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к Вам, проистекали не из мутного источника... - Это о Белинском, самое имя которого теперь запрещено упоминать. - Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему его неистовых выходок в письме к Вам, на которые Вы, сколько я знаю, отвечали словом мира, любви и смирения... Совершенно иное чувство одушевляло других ваших противников... то было негодование на смелый глас вопиющего в пустыне, дерзнувший серьезно заговорить о значении жизни; то было озлобление... против самой Божьей правды, ее же мир не может прияти. Многое пало мне на сердце из этой книги, а в особенности слова: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро...»

Атака Белинского против Гоголя, его частное письмо, ходящее по рукам, и книга Гоголя, - это и есть противостояние разума и сердца, это сражение едва ли кончится весь девятнадцатый век, на этих идеях, как на колесах, движется телега жизни; Лев

Толстой (в 1908 году, к 100-летию Гоголя) писал в дневнике: «Как Гоголь прав в своем безобразии, так Белинский кругом неправ в своем блеске, своими презрительными упоминаниями о каком-то Боге».

Фет не ходил походом на восставшую Венгрию - революционная Европа краем своим опаляла готовые к бунту, ненадежные западные губернии России, и некоторые полки сделали только угрожающее движение к границе. В Манифесте, написанном Государем Николаем Павловичем, говорилось: «Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей Богом вверенной России... Но да не будет так!» Армия выполнила свою задачу, сто сорок тысяч русских чудо-богатырей под водительством Паскевича оградили покой и порядок; однако, брат царя Михайла Павлович, не совсем глупый человек, предрек, что теперь Европа рискнет навести свои порядки в России: столько в русской армии явилось больных, раздетых, голодных солдат, что многие полки потому и не двинуты были далее одного-двух переходов к границе, что войско явило вид толпы нищих и увечных калик, идущих крестным ходом; однако, что же, замкнуться в своих границах и дрожать от страха?

Если бы не революция в Европе, государь не обеспокоился бы состоянием умов подданных до такой степени, что приказал нынче, весной, перед походом на Венгрию, очистить тылы от скверны социализма, произнесением речей в пользу которого занимались в кружке Буташевича - Петрашевского несколько человек, а остальные приходили послушать, насладиться сытным ужином, приготовленным с отменным вкусом: и знаменитый фортепианист Антон Рубинштейн, и секретный чин полиции Петр Антонелли. Единственной виной набиравшего славу писателя Достоевского было чтение вслух письма Белинского к Гоголю; знать бы ему, Достоевскому, что писал (в феврале, за два месяца до ареста петрашевцев, за три месяца до своей смерти) Белинский к Анненкову. «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением! О Тургеневе не говори - он тут был самим собою, а уж обо мне, старом черте, без палки нечего и толковать. Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате... Из Руссо я только читал его исповедь, возымел сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Достоевского, который убежден глубоко, что все человечество завидует ему и преследует его».

Ненависть Достоевского к Белинскому - еще впереди, когда будет задуман роман «Бесы»... Осужденные к смертной казни петрашевцы - двадцать один человек, в числе их и Достоевский - полгода томились в тюрьме и узнали о своей участи накануне Рождества. На Семеновской площади стояли в каре войска, эшафот был задрапирован траурной материей, первые трое осужденных были привязаны к столбам, на них накинули белые колпаки; загремели барабаны, и явился флигель-адъютант с бумагой от Государя о переменах в участи социалистов. Петрашевского здесь же заковали в кандалы, посадили в арестантский возок и - в Сибирь. На эшафоте рядом с Петрашевским стояли Момбелли и Григорьев - однофамилец Аполлона. Аполлон знавал Петрашевского и даже приглашал на работу в журнал «Москвитянин», в котором теперь и подвизается; не исключено, что подвизаться бы Аполлону теперь на каторге, хотя он не сближался с заговорщиками во вкусах, но жандармы схватили всех ночью, где уж тут до вкусов общественного настроения.

Помогла европейская революция, главным образом, русским помещикам. Укрепляя тылы перед походом на беспокойный Запад, в марте 1848 года государь Николай Павлович выступил перед депутацией петербургских дворян и отверг с деланным негодованием «нелепые и безрассудные мысли и намерения» к отмене крепостного права; мысли и намерения высказывал он же перед депутацией смоленских дворян в мае 1847 года: «Теперь я буду говорить с вами не как Государь, а как первый дворянин империи. Земля принадлежит нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели ее кровью, пролитой за государство, но я не понимаю, каким образом человек сделался вещию, и не могу объяснить этого себе иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством - с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности». (Письмо В.Г.Белинского к П.В.Анненкову от 10 декабря 1847 года).

Фет внимательно слушал, все было ново для его души, заживо похороненной в степях Новороссии. Вскоре Аполлон принялся за гитару и пошел выкомаривать цыганские мелодии, прерывисто, но ловко изображая слабым своим, вроде тургеневско-

го, голоском напевы кочевников, такие любезные русскому сердцу, стиснутому тоской на своих беспредельных-то просторах. Ну, уж и Фету знакома эта тоска! Не рискуя наткнуться ночью в доме Погодина на недремлющего Михаила Петровича, будучи его пансионерами, Афанасий с товарищем миновали хозяина и его волшебного гостя - Гоголя! - простым образом: в окно! Там уж извозчик, там уж - цыгане!

- Не закатиться ли нам в Грузины, к Васильеву? - спросил Григорьев тоном, словно дело решено.

Фет представил: полковой адъютант в эполетах и Григорьев с гитарой - портки белые, рубаха малиновая, поддевка с лазоревыми отворотами, сапоги всмятку и черный кучерской зипун.

- То-то! - засмеялся Григорьев. - Я один хожу по Москве в русской одежде, так и в театры являюсь, сижу на первом ряду. Случалось, выводили за беспокойное поведение, так публика смеялась: какое же искусство, ежели Аполлона под руки тащат в сени...

Не назвать ли Григорьева дураком? Нет, не поймет. Понимает лишь друг детства Ваня Борисов, сын соседа-помещика, убитого дворовыми, выросший в семье Шеншиных. «В приложении к жизни мы... оба дураки...- писал ему недавно Фет. - Я до сих пор все, как Сизиф, тащу камень счастья на гору, хотя он уже бесконечные разы вырывался из рук моих у самой вершины благополучия... Деревни у меня нет, ничего прочего такого... сегодня я у тебя буду есть... желе, бламанже... а завтра ты мне скажешь: нет, брат, полно тебе жить у меня, поживи-ко сам... Дело вот в чем: я встретил девушку - прекрасного дома и образования - я не искал ее - она меня; но - судьба, и мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно, без всяких претензий на что-либо; это мы сказали друг другу, но для этого надо где-либо и как-либо. Мои средства тебе известны, она тоже ничего не имеет». Обрывки писем к Борисову сверкнули в голове, и вот суть: «Это существо стояло бы до последней минуты сознания моего передо мною - как возможность возможного для меня счастия и примирения с гадкою действительностию... Я не женюсь на Лазич, и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мною чище снега!» С таким-то сердцем идти на войну!.. Белое платье мелькнуло в липовой аллее, оркестр, за ним весь полк двигались мимо усадьбы - в полверсте!.. В этой же аллее они встретятся через два года, в пору цветения дерев. Ему было тридцать один, ей - двадцать семь лет, и они не теряли рассудка. Осенью, после маневров, Фет писал к Борисову: «...я, брат, ждал-ждал, - и теперь не жду, чего ждал. Я ждал женщины, которая поймет меня, - и дождался ее. Она, сгорая, кричала: «Во имя неба, берегите письма!» И умерла со словами: он не виноват, - а я».

Было ли это роковым случаем или намеренным самоубийством, никто не знал, но Фет не пошел за нею, как евреи шли по пустыне за огненным столпом, - он не бросил службу, не застрелился. Он заметил, что равнодушен к судьбе Марии. Едва ли на кресте страдалец мучился ужаснее Марии, она отошла через четверо суток... Вскоре, в конце октября, Фет написал к Борисову: «...стыдно подобную галиматью посылать по почте. Скажу тебе одно: в среду или четверг еду к Ильяшенке свататься, т.е. посмотрю, если не очень будет противно, то, как говорит Ильяшенко, заберу барышню, его свояченицу, имеющую тысяч на 21 сер. состояния. Если дело уладится, то на той же почте подробно опишу тебе всю комедию». Не уладилось... Фет величал Борисова дураком за идеализирование жизни: в тот момент, когда он решил перестать ездить с визитами к Лазич, Борисов написал ему, что сватался к сестре Фета - семнадцатилетней Надежде. Не однажды затем, на протяжении десяти лет, отверженный, Борисов возвращался в Действующую армию, на Кавказ; одно из писем к Фету командир роты Борисов писал под ореховым деревом, в тени которого были собраны тела остальных офицеров, и в письме - про Надежду...

Штаб-ротмистр Фет перевелся под Петербург, в лейб-гвардии Уланский полк, с понижением в чине, но с расчетом наверстать упущенное, и через несколько лет он снова штаб-ротмистр, но гвардейский (как Афанасий Неофитович), что равно армейскому майору. Увы, Александр Второй отодвигает возможность получения потомственного дворянства до чина полковника. На четырнадцатом году службы Фет сдался на милость судьбы, не получив права на родовое поместье. Отставка!

«Чинов я не хотел, а славы не добился», - говорит Арбенин у Лермонтова, особо

почитаемого Фетом; у Фета - наоборот. «Человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет». «Романсы его распевает чуть ли не вся Россия». «И откуда у этого толстого добродушного офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» Так рассуждают Некрасов, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой...

Что же теперь?... Фет обвенчался с Марией Петровной Боткиной, дочерью известного московского чаеторговца, в августе 1857 года в Париже, во время отпуска. Шафером был Тургенев; Иван Сергеевич с хохотом возложил венок из искусственных цветов на голубую уланскую фуражку лейб-гвардии штаб-ротмистра. Афанасий Афанасьевич с Марией Петровной прожили тридцать пять лет, почти до конца девятнадцатого века...

...1857 год, осень. Флоренция. Григорьев вытребовал-таки у Погодина, а «старец Михаил» и доволен - сбыть с рук - погибающий журнал «Москвитянин». Свой дом на Малой Полянке Аполлон готов продать, если не достанет средств, столь сильно желание сказать свое слово городу и миру. Неизвестно, правда, где стал бы жить отец... Был и запрос товарища министра просвещения Петра Андреевича Вяземского в Третье отделение, не встретится ли преград к дозволению, был и ответ, препон не усматривается-де, ан, Григорьев укатил за границу в качестве домашнего учителя князька Ивана Трубецкого. История, латынь, закон Божий, грамматика, русская литература, сверх того - гитара и русские песни, и все путешествующее семейство вьется вокруг такого магнетического человека. Последнее слово взято в самом простом его значении - живого существа, ибо князек уже изувечен средой - люди суть дворовые, че-а-эк! - обращение к услужающему, а вдохнуть душу в князька можно, отняв от него владение девятью тысячами душ; не возбраняется и процессы европейских революций разъяснять - князек фармазоном сделаться не может по упомянутым обстоятельствам.

Во Флоренции тепло, в саду пахнет лимонами, небо в прозрачной дымке - таков здесь октябрь. Мать князька Тереза - дочь французского капитана - бранится на всю виллу как кухарка; Григорьев счел за благо убраться в гостиницу - знай пиши всю ночь. Пей - и пиши. В первую очередь - к Катерине Сергеевне Протопоповой, седьмой уж год лицу конфиденциальному. Протопопова брала уроки французского у Евгении Визард - жены сослуживца Григорьева по Воспитательному дому - Якова Ивановича Визарда, сама же учила музыке дочь Визардов - Леониду. Когда Григорьев познакомился с почтенным семейством, Леониде шел пятнадцатый год, а у него уж третий год была жена - пустое, вздорное создание, ошибка природы; теперь у Леониды есть муж, Миша Владыкин, отставной офицер, и смешно сказать, драматург, пусть он и родственник неистового Виссариона Белинского, такого же, к слову, невзрачного драматурга. Некий купец оскорбился появлением своей редкой фамилии в комедии Владыкина, дошло до генерал-губернатора, до Государя, и тот решил, пока сам не посмотрит в столице, в Москве новых комедий не давать: погорели и Владыкин, и приятель Григорьева - великий драматург Островский.

В галерее Питти Мадонна - работы Мурильо - поразила Григорьева сходством с Леонидой. «По целым часам не выхожу из галерей, но чтобы ни смотрел я, все раза три возвращусь к Мадонне. Поверите ли Вы, что когда я первые раза смотрел на нее - мне случалось плакать... Этакого высочайшего идеала женственности... я и во сне даже не видывал... Мрак, окружающий этот прозрачный, бесконечно-нежный, девственно строгий и задумчивый лик, - играет в картине столь же важную роль, как сама Мадонна и Младенец, стоящий у нее на коленях... Мрак этот есть мрак души самого живописца, из которого вылетел, отделился, улетучился божественный сон, образ, весь созданный не из лучей дневного света, а из розово-палевого сияния зари... Смотрел и смотрю я на нее и вблизи, и вдали и не надивлюсь только одному - простоте создания... Зато, когда я воротился в свою одинокую, холодную, мраморную комнату, когда я почувствовал свое ужасное одиночество, - я рыдал целый час, как женщина, до истерики. Да, способность жить двойною жизнию достается тяжело, покупается минутами страдания тоже двойного, ядовитого, как аккорды шопеновского похоронного марша. Вы удивляетесь, вероятно, не встречая Леониды Яковлевны посреди всей этой горячечной гали-

матьи? А половина-то рыданий на чью же долю приходилась?.. Половина!.. Ибо другая принадлежала и отцу, и Вам, и Островскому, и Евгению (Эдельсону, сотруднику журнала «Москвитянин» - А.А.), и Ваньке (Шестаковичу, знакомцу Протопоповой и Григорьева, - А.А.), и всему на великой прекрасной родине. От Ваньки между прочим получил я недавно письмо, где он совершенно логически доказывает необходимость спиваться!!! Письмо писано в милом погребке друга нашего Михаила Ефремовича (Соболева - приказчика и певца - в погребке Зайцева на Тверской в Москве - А.А.), который тоже допился до бесов - под звуки венгерки в две гитары. Оно дышит этим местом беспутства и поэзии, монологов из Маскерада в пьяном виде, заветными песнями: «Улетает мой соколик», «Вспомни», «Дороженька», «Пряха»... всем, что называется молодость, беспутство, любовь, безумие, безобразие, поэзия... И увы - один, последний титан Ванька Шестакович допивает там свою жизнь, медленно отравляет себя напитками... которыми же советовал... отравлять турецкое войско (это было во времена войны)... Москва... Россия. Ее высокоблагородию Катерине Сергеевне Протопоповой. На Калужской улице, близ Калужских ворот, в Голицынской больнице»...

Гаврилин засмеялся. Известно, что Протопопова страдала болезнью легких, но Ванька Шестакович никакого отношения к Дмитрию Дмитриевичу, похоже, не имеет, как может подумать невнимательный читатель, если не считать, что в младые леты Шостакович был не дурак и выпить... «Друг мой, Катерина Сергеевна! Нет, глубокие страсти для души художника хуже всякой чумы - ничего после них не остается, кроме... вечного яда воспоминаний... Ведь любила же она меня - т.е. знала, что только я ее всю понимаю, что только я ей всей молюсь, только я на все вопросы ее души отвечу. О, проклятое нравственно-сметанное начало в ее крови, проклятая смесь глубокой страстности с расчетливой холодностью. Есть минуты, когда я ее проклинаю...» На расчете зиждется весь Запад, потому и в маскараде Григорьев уловил черты не праздника, но торговли. «Целые улицы даже покрылись масками и экипажами до самого собора - мне все это показалось как-то мизерным и вовсе не поэтическим. Не шутя! У меня рисовалась наша Масляница - наш добрый, умный, широкий народ с загулами, запоями... В памяти моей оживала зимняя вьюга... остроумные разговоры фабричных с паяцами, самокаты, песни моей родины... Во всем этом ужасном безобразии даровитого и могучего, свежего племени - гораздо больше живого и увлекающего, чем в последних судорогах отжившей жизни». Друзья Островского полагали, что расчет привел Запад к абсурду - нельзя же на цифрах строить жизнь - Божий дар, отсюда и революции, одна за другой, заражающие ядом своим и Россию. «Мне представлялись летние монастырские праздники моей великой, поэтической и вместе простодушной Москвы, ее крестные ходы и проч. - все, чем так немногие умеют у нас дорожить и что на самом деле полно истинной поэзии - чему, как Вы знаете, я отдавался всегда со всем увлечением своего мужицкого сердца... Я, Островский... мертвецки пьяные - но чистые - сердцем - цаловались и пили с фабричными, то Симоновская гора, усеянная народом в ясное безоблачное утро, и опять братство внутреннее, душевное с этим святым, благодушным, поэтическим народом...»

Писем к Протопоповой (с 1863 года - жене композитора Александра Порфирьевича Бородина) всего четырнадцать. К Погодину - «отцу-командиру и куму» (Погодин был крестным отцом сына Григорьева - Александра) - еще больше, и все - «предосадительные».

«Каинскую тоску одиночества я испытывал. Чтобы заглушить ее, я жег коньяк и пил до утра, пил один и не мог напиться. Страшные ночи! Веря в Бога глубоко и пламенно, видевши Его очевидное вмешательство в мою судьбу, Его чудеса над собою - я привык обращаться с ним запанибрата, я - страшно вымолвить - ругался с ним, но ведь Он знал, что эти стоны и ругательства - вера. Он один и не покидал меня». «На беду, на одном обеде... в Пале-Рояле... я напился как сапожник - в аристократическом обществе... (будучи воспитателем князя Трубецкого)... проснулся после страшной оргии с демагогами из наших, с отвратительным чувством во рту, с отвратительным соседством на постели цинически бесстыдной жрицы Венеры Милосской... Я вспомнил, что это 30 августа, именины Островского - постоянная годовщина попоек безобразных, но святых своим братским характером, духом любви, юмором, единством с жизнию народа, богослужением народу... В Россию! - раздалось у меня в ушах и в сердце».

Граф Кушелев-Безбородко пригласил Григорьева в соредакторы журнала «Рус-

ское слово», каковым уже состоял друг юности Фета и Григорьева - Яков Полонский; увы, Григорьев теперь в любом обществе хотел «примировать», диктаторствовать: «Какая погань и ветошь... Яков Полонский, из мелочного самолюбия соперничествовавший со мною, будучи сам по невежеству и лени неспособен к делу». (Из письма к Н.Н.Страхову, 1860 год). После ухода из «Русского слова» Григорьева, оборванного, пьяного, страшного, в журналы не пускали, он жил в доме каретника Логинова, на Невском проспекте, у Марии Дубровской, падшего создания, у которого находил участия более, нежели у столпов литературы, которым только и дела: одним - страшиться крестьянской революции, другим - радоваться грядущему бунту. Еще до своего отъезда за границу Григорьев писал к Боткину: «В журнал («Современник» - А.А.) я покамест еще не верю, потому что в нем... появляется ряд статей некоего г.Чернышевского, оскорбляющего всякое эстетическое и историческое чувство...» К Боткину же: «Вы находите справедливо сходство в моей натуре... с натурой покойного Виссариона Григорьевича: я сам знаю это твердо, потому и хочу того же положения». Стало быть, Некрасову должно изгнать Чернышевского, которого Некрасов предпочтет Тургеневу, Толстому, Гончарову, Фету и прочим поэтам дворянской идиллии; а там уж Григорьев и самого Некрасова за бороду схватит! Положение Григорьева - посередине, и на то есть пословица - две собаки дерутся, третья - не приставай... Потому же убоялся принять Григорьева и редактор московского «Русского вестника» Михаил Никифорович Катков, притом, у него жена не падшее создание, а княжна Шаликова.

А что же свой-то журнал, «Москвитянин», брошенный с отъездом за границу? Григорьев и уезжал, понимая, что журнал не воскресить, и сообщал Погодину суть дела (которую «старец Михаил» знал ранее своего ученика): «...все, к кому ни обращался за помощью, единогласно утверждали, что спасти «Москвитянин» невозможно, что русское направление никакого кредиту не имеет». Запустить бы над Москвой стаю голубей, выписывающих в небе эту фразу: ничто русское-де в нас не почитаемо отныне... «Правда, мною (да, кажется, и Вами) сознаваемая и исповедуемая... не помирится в западничестве с отдаленнейшей его мыслию... об уничтожении народностей, цветов и звуков жизни, с мыслию об отвлеченном, единообразном, форменном, мундирном человечестве...»

Другому славному бойцу русской мысли, Александру Ивановичу Кошелеву, Григорьев описал свои воззрения так: «Залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, - в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем таковым исключительно одно крестьянство; в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь, с ее дурным и хорошим...» В Смутное время некорыстолюбивая русская душа взыграла именно в купце; недавно Погодин по старинным торговым бумагам установил отчество Минина - Захарьич; Островский вовсю пишет стихотворную драму про Минина, сумеет угодить даже Государю и получит в награду перстень с дорогим камнем: пиши да посматривай, как надо писать...

Надежда возобновить журнал все же оставалась, и за три недели до получения огорчительной вести от Вяземского - Григорьеву редактором не бывать - Григорьев сообщал Аполлону Майкову свои редакторские манифесты: «...будет самая дерзкая борьба за поэзию, народность, идеализм против всякого социалистического и материалистического безобразия... А как это вот в такое дельное время - то и дело - что появляются певцы и песни - и ведь не о квартальных, даже не о крестьянском вопросе, а все о том же, о чем испокон века пела душа человеческая... Любезные друзья! «Антихрист народился» в виде материального прогресса, религии плоти и практичности, веры в человечество как в род... поймите это вы все, ознаменованные печатью Христовой, печатью веры в душу, в безграничность жизни, в красоту... к церкви мы ближе, чем к социальной утопии Чернышевского, в которой нам останется только повеситься...» Поняв, однако, что «Москвитянин» погиб, к Погодину Григорьев писал не столь задорно: «Я верю, по многим жизненным и душевным опытам, в противодействие злой силы того господина, который в наше время, чтобы удобнее действовать, притворился, что его нет, и часто вижу воочию его поганый хвост».

Григорьев вернулся в Петербург. Одним из спасителей его был князь Владимир Федорович Одоевский, писатель и музыкальный критик; четырнадцатого декабря он записал в дневнике: «Приходил ко мне литератор (не знаю, что он писал) Аполлон

Александрович Григорьев, но в такой бедности, что жалко смотреть. На беду у меня было... всего 30 рублей; я отдал ему половину. Он в крайней бедности, почти без сапогов. Он принес мне статью... Что я мог прочесть, показалось мне весьма замечательным». Одоевский счел необходимым познакомить Григорьева с братьями Достоевскими, издателями журнала «Время»; такой же ролью гордился и Николай Николаевич Страхов, который впоследствии предал поруганию и Достоевского, и, не столь вероломно, Фета, но не Григорьева. «Привлечению его в журнал отчасти способствовал я, считавший и считающий его до сих пор лучшим нашим критиком. К моей неожиданной радости, Федор Михайлович объявил, что он сам любит Григорьева и очень желает его сотрудничества... Так образовалась та партия, которая долго была известна в петербургской литературе под именем почвенников; выражения, что мы оторвались от своей почвы, что нам следует искать своей почвы, были любимыми оборотами Федора Михайловича».

Участие Одоевского, братьев Достоевских и всего сонма знакомых, в таком случае никого не сыщешь, не спасло Григорьева от «Тарасова дома» - долговой тюрьмы, о чем он и сообщал «отцу-командиру и куму» Погодину: «Я пишу к Вам из долгового отделения... Как я материально ни упал... статьями моими, насколько я мог убедиться, дорожат. Стоит сделать... незначительные уступки - и могу Вас уверить, что Тушинский стан прикроет меня своим всемогущим авторитетом. Тушинский стан тем и хорош, что... единодушен и своих не выдает... все прикрывает. В нем не станут слушать сплетен или даже правдивых рассказов о том, что человек, нужный для известных целей, иногда запивает, что он должает или живет блудно... Там Некрасов безнаказанно и напоказ имеет право жить с женою своего приятеля под одной кровлей. Там вообще - нравственностью не измеряется способность человека к делу. Оттого-то там и делалось и делается дело, - ибо никакое дело немыслимо в мире без единодушия и крепкого стояния одного за всех и всех за одного...» Тушинцы, воровские люди, клевреты Сигизмунда - авторы и обожатели журнала «Современник» во главе с Некрасовым. Но и с братьями Достоевскими нет полного единодушия, и вот уж Григорьев в... Оренбурге; «отцу-командиру и куму» Погодину он сообщает: «Время» идет хорошо, платит хорошо, «Время» мной дорожило и дорожит. Но «Время» имеет наклонность очевидную к Чернышевскому с компанией, и я не остался в Петербурге». «Да! Честнее гораздо обучать киргизов, чем свирепствовать с Тушинцами...» - писал Григорьев Страхову, сотруднику журнала братьев Достоевских, зная, что Страхов не преминет показать письмо Федору Михайловичу, изживающему пока социалистические наклонности своего сердца, не истребленные даже каторгой.

Григорьев видит и художественные устремления Достоевского, отброшенные в сторону из-за журнальных страстей и битв, предпочитая его Тургеневу: «Ведь Федорто Достоевский - будь он художник, а не фельетонист - и глубже и симпатичнее его (Тургенева - А.А.) по взгляду - а, главное, гораздо проще и искреннее». В том же письме к Страхову - про своего друга: «Но единственный коновод надежный и столбовой, это все-таки Островский».

Александр Николаевич - приятель многолетний, Россия в его пиэсах лучше, чем у любого другого сочинителя; макая перо в собственную кровь, пишет человек; звание гения к его имени, и за столом, и в журналах, первым присоединил Григорьев. (А как быть с Пушкиным? Пушкин - наше все! - вывернулся Григорьев, и оказалось, припечатал навсегда!) Государь Николай Павлович, покойный, принимавший любые драмы и комедии на свой счет, - что ни доведись, в его державе творится, ему и ответ держать перед Богом, - и тот сказал, что пиэса «Не в свои сани не садись» не пиэса даже - «урок». В конце 1854 года в Малом театре давали премьеру - «Не так живи, как хочется». Разгульный Петр отчасти списан с Аполлона. С ножом в руках, перед полыньей, Петр слышит голоса колоколов, и адское обаяние уходит прочь... Когда уж Григорьева не станет, его приятель Александр Николаевич Серов - тоже одинокий волк в своем разряде искусств - примется писать оперу по мотивам пиэсы Островского, с окончанием драматическим - убийством. И умрет, не закончив труда, а уж доктора говорили, не пиши-де драматических концов, и проживешь еще двадцать лет, а нет, так нет... Григорьев если кого и погубил, так самого себя, потому что, вопреки пословице, жил, как хотелось...

«Островский и Фет за сие меня упрекают», - писал Григорьев Протопоповой до

отъезда в Оренбург. На Эдельсона просто разъярился: «Посылаю тебе письмо, полученное мною от Фета... В последнее время я, доведенный до крайности озлобления, видя над собою столько опытов милосердия Божия, судящего меня, человека «без совести» и иным судом, чем ты, - и видящего «тайная сердца», что письмо меня и не удивило. Хорошо было бы, если бы я вертелся, как флюгер, по манию моих друзей. Высоконравственно было бы бросить женщину, которую я люблю и в которой есть еще искра Божия, - ради законных отношений к экстракту всяческой лжи, гнусности и мерзости, называемому Лидией Федоровной...» Лидия Федоровна - жена законная, Мария Федоровна - жена незаконная, и Эдельсон, с которым пройдены все винные погреба и кое-что пострашнее, вдруг очнулся и стал на защиту морали. Евгений Николаевич Эдельсон, самарский помещик, обрусевший немец, «рыжая половина души» Григорьева, знаком еще по журналу «Москвитянин», жаловаться на него некому, только Погодину: Эдельсон «являлся прошлый год ко мне, в ужасную по обстоятельствам пору моей жизни, - когда у меня больна была женщина, страстно мною любимая, умирал мой собственный ребенок - с семейственными упреками - за жену, которая в то время была беременна от учителя ее собственных детей...»

Погодину же (из Оренбурга) Григорьев объяснял причины бегства из столицы: «В шести книжках «Русского слова» - моих около 15 листов, в пяти книжках «Времени» - до 18. Могу же я писать - а коли не пишу, так, значит, причина лежит не во мне... не продал я, среди унижений, лишений, мук душевных, превосходивших временами всякую меру, - слова, с которым «надобно обращаться честно». Страхову описывал состояние человека, трижды порывавшегося выбежать на мороз, под звезды и - застрелиться. «А имеешь ли ты... понятие о тех мрачных Эриниях, которых жизнь посылает на своих конкретных любителей?.. О, да хранит тебя Бог от жизни... Муки во всем сомневающегося сердца, озлобленного и на само себя, и на все, что оно кругом видало. Да! я все это видал над собою и от этого виденного у меня в одну ночь вырастали в бороде и на висках седые волосы... Марья Федоровна по подлости характера хочет написать тебе, что я пил две недели - но это - клевета самая гнусная».

Марья Федоровна терпела «безобразия» Григорьева, как умела, пытаясь изобиходить жилье, убрать «скачущих из-под руки чортиков и растягивающихся в углу харь» - жить, как все. Последнее было Григорьеву - ножик вострый. «Жену можно ограничить - но ограничить любовницу воспретит всегда деликатность развитого человека, - писал Григорьев к Страхову. - Тут ведь всякое ограничение - упрек в падении - а она, бедная, и так постоянно страдала от своего падения. Страдала? Но почему страдала? О! если в этом страдании была хоть частица нравственного чувства. Три года жизни со мною не смогли сделать того, чтобы она перестала говорить наивно мерзости - например, что она никогда бы не пошла замуж за человека, живя с которым, сама должна бы была стряпать. Да ведь не потому, чтобы она ленива была - нет! А потому, что это - стыдно!..» Взяточничество в России умрет, если жены чиновников застыдятся надевать на себя бриллианты, проповедовал Гоголь в своей книге, которую Григорьев, среди немногих людей, плюющих на социалистов и либералов, защищал. А возьмите притчу с университетскими профессорами (тот и другой - родственнички Григорьева). Крылов переводил студентов с курса на курс не за знания, а за деньги; Кавелин с товарищи возмутился, так начальство приняло сторону взяточника, дабы не нарушать общественного спокойствия и устоявшегося хода вещей, а заложники своей совести, Кавелин с товарищи, вынуждены были подать в отставку. Григорьеву не до бриллиантов - прислуге нечем платить, которую Марья назаводила. Композитор Вильбоа давал Марье Федоровне уроки музыки, сам Григорьев учил ее французскому языку «потому только, что какая-то скуреха устюцкая на фортепьяно играет и по французски говорит - а я, дескать, нет... Присоедини к этому противучеловеческое отношение к служащему нам люду, какое-то постоянное озлобление на весь мир людей и на свет...» Григорьев начал задумываться о своем младенчестве в воспитательном доме, - только и счастия было, когда ничего не понимал, - и продолжил письмо к Страхову, страдая за несчастную свою подругу. - Было время... великодушный Евгений Эдельсон удивлялся, что не брошен в воспитательный дом и не отнят у матери первый плод ее первой сколько-нибудь человеческой привязанности. Была пора - в ноябре 1860 года, когда оборванный, гнусно пьяный шатался я в Москве по квартирам приятелей, ища где-нибудь водки и омертвения сил - и когда все удивлялись, как это я без копейки не

брошу женщину».

Марья Федоровна бросила его или Григорьев смог отступиться от нее, они и сами не понимали, но Страхову об этом сообщила Марья - через год после их возвращения из добровольной ссылки в городе Холопске, как Аполлон величал Оренбург. Мебель, накупленная Марьей, на некоторое время отсрочила Григорьеву видение долговой тюрьмы («за это дерьмо... дают даже со столом 25 рублей». К Н.Н.Страхову, 21 марта 1863 года). Больше не было ни мебели, ни места, где ее расставить. Не стало и журнала «Время». Страхов же и подкузьмил! Обычно высчитывающий, магистр зоологии, Страхов возьми да и напиши статью о польско-русских отношениях в разгар восстания поляков, надо культурою-де, а не военною силою меряться; царю всякие полонофилы, prototypon гоголевского Андрия Бульбы, - гвоздь в сапоге. Через год журнал вывели в свет под именем «Эпохи». Тюрьма дождалась Григорьева. Но и в тюрьме люди сочиняют... «Под статьею о театре я подписал «Дача Тарасовка», - писал Аполлон к Страхову. - Большинству читателей ведь эта шутка непонятна... А покойный Михайло Михайлович прямо хотел, чтобы я написал «Записки о долговом отделении» и прямо начал их так: «Я русский литератор, немудрено потому, что в одно прекрасное утро я попал в долговое отделение». Михаил Михайлович Достоевский неожиданно для всех умер 10 июля 1864 года. Федор Михайлович, на которого со смертью брата свалились двадцать тысяч рублей долга и заботы о племянниках, у которого нынче же, 15 апреля, умерла жена, Мария Дмитриевна, склонен был к крайностям, полагал теперь Григорьева «лишенным совести и сердца» и не откликнулся даже на такой вопль: «Любезный друг!.. Ради Бога, пришли денег. Первое дело, что я обещал (на основании твоих же слов) портному Степанову - мне не в чем выйдти; второе, что в Тарасовке без денег жить нельзя. Твой Аполлон» (24 августа 1864 года). У Достоевского насчет тюрьмы были свои соображения. К Аполлону Майкову он писал (в августе 1867 года): «Оно, положим (и говорю не для красы и не для словца), долговое отделение с одной стороны было бы мне даже очень полезно: действительность, материал, второй Мертвый дом, одним словом, материалу было бы по крайней мере на 4 или на 5 тысяч рублей». Наверное, вспомнил Григорьева, которому такие деньги шли, дескать, в руки. Мерещился, однако, Григорьев и позднее, когда Гинтерлах, не имея на руках никаких бумаг о долге покойного Михайлы Михайловича, угрожал: «Я только маленький немецкий купец, но я хочу вам показать, что я могу известного русского литератора упрятать в долговую тюрьму». Сидеть пришлось бы около года. Достоевские расплатились с немцем по частям, когда хозяйство велось уже твердой рукой Анны Григорьевны, с ее рассудительной варяжской кровью.

У Григорьева оставался Николай Николаевич Страхов, расположенный к нему более, чем к Достоевскому. «Добрый друг! - писал к нему Григорьев. - В последний раз обращаюсь с просьбою, если нельзя мне освободиться, то так и быть... А с другой стороны, что (не говорю уж о непереносимой пище и недостатке в табаке и чае) - задолжавши кругом тут же людям, беспрестанно вертящимся на глазах, - протухши от пота, - ибо белье не отдает прачка, не имея какого-либо костюма, можно ли что-либо думать?.. Сегодня буду сновать из угла в угол по приемной в ожидании» (3 сентября 1864 года).

Григорьев умер все же на свободе, 25 сентября, во время неприятного разговора с издателем, известным «хищником» Федором Тимофеевичем Стелловским, в лапы которого едва не попадет Достоевский, надиктовав стенографистке, Анне Григорьевне Сниткиной, обещанный «хищнику» роман («Игрок») за двадцать шесть дней. Григорьева настиг апоплексический удар. Похоронен был Григорьев на Митрофаньевском кладбище; в двадцатом веке, в связи с реконструкцией многих трущоб Питера, его прах был перенесен к товарищам его, на Литераторские мостки Волкова кладбища, упокоен близ могилы Белинского... Недавно Гаврилин ходил поклониться теням великих, с тайной мыслью присмотреть в тех пределах место и себе...

Смерть явилась за ним, когда Аполлону Александровичу было сорок два года; неужели он не вспомнил своего письма к Катерине Сергеевне Протопоповой, в котором утверждал, что в нем сидит тысяча жизненных бесов и он никогда не умрет?.. Из тюрьмы Григорьева выкупила некая дама, имевшая расположение к излиянию чувств на бумаге, надеясь, что легендарный литератор рукой мастера в считанные дни сделает ее писания известными. Не успел... Тем не менее, дама известна уже тем, что она

помогла Григорьеву выкупить свободу, фамилия ее - Бибикова...

Гаврилин отложил чтение. Вечно эти литературоведы не доводят свою работу до конца. Оказывается, слово «устюцкая» применительно к Марии Дубровской не указывает на место ее рождения - ни Великий Устюг, ни Устюжна не подходят; воспоминания Марии о детстве Григорьев воспел в своей поэме, только город не назвал... Туманна и судьба Лидии Федоровны, жены Григорьева, - одни источники утверждают, что она погибла, подобно фетовской подруге Марии Лазич, от огня пахитоски, перекинувшегося на платье, другие - что она жила долго и счастливо. Уж Фет непременно отметил бы такое совпадение его судьбы с судьбой друга юности, с судьбой их подруг...

...1890 год, лето, Воробьевка - имение Фета в Курской губернии. «В настоящее время я в сильных попыхах по случаю перекочевки из Орловской в Курскую губернию, где жена купила поистине очаровательное имение, как усадьба и как местность, - писал Фет к Страхову в 1877 году. - Если мы, люди, не внесем туда нашей обычной чепухи, то Воробьевка останется тем, чем есть в сущности - раем земным, по климату, положению, растительности, тени и удобствам». Не всякий день, не всякая жена покупает новое имение, и вот Страхов гуляет по аллеям, отдыхая от блестящих, утомительных речей хозяина; раздражение, недостойное философа, выливается в письме к Льву Толстому в Ясную Поляну.

«Сейчас был у меня предлинный разговор с Фетом, и мне яснее прежнего стала удивительная уродливость его умственного настроения. Ну можно ли дожить до старости с этим исповеданием эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства и всякого язычества... В сущности, он всеми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую вел и до сих пор ведет... В разговоре мне также стало ясно, почему он пишет все любовные стихотворения. Он их придумывает по ночам, во время бессонницы или во сне. Его жизнь проходит перед ним, и в ней самым важным и сладким оказываются заигрывания с женщинами. Он их и воспевает».

Дай Бог так-то! Лучше было бы воспевать Страхова, поскольку в глаза-то Фету он льет елей? Старик Фет понимает, что такова жизнь, которую лучше воспевать, чем проклинать, не глядя на предсмертную тоску и полную отрешенность от солнца, цветов, птиц, - такое состояние длится часами...

Через несколько дней после смерти Фета Страхов спохватился и написал к Софье Андреевне Толстой: «... тоска не убывает, а растет... Он был сильный человек, он всю жизнь боролся и достиг всего, чего хотел: завоевал себе имя, богатство, литературную знаменитость и место в высшем свете, даже при дворе. Все это он ценил и всем этим наслаждался, но я уверен, что всего дороже на свете ему были его стихи и что он знал - их прелесть несравненна, самые вершины поэзии».

Страхов долгие годы был идолопоклонником Льва Толстого, лил елей и этому восхитительному старику, зная, что с некоторых пор граф не может терпеть Фета и одно из писем к нему бывшего друга, «дяденьки Фетиньки», исстриг на закладки для книг. Еще в 1878 году Толстой писал к Фету: «Кабы нас с Вами истолочь в одной ступе и слепить потом пару людей, была бы славная пара. А то у Вас так много привязанности к житейскому... а у меня такое равнодушие к нему, что нет интереса к жизни...» Вскоре Толстой впал в «первоевангельскую правду», в нем началось понимание тех - для него - истин, которые через тридцать лет уведут его из дома навстречу смерти и последующему, за нею, бессмертию. Фет напророчил еще в 1863 году: «Все повести из простонародного быта нельзя читать без смеха после «Казаков»... Пожалуй, чего доброго, коммунисты почтут Вас своим главой. Напрасно...» Фет не собирался уходить от уюта и благополучия, обретенных фермерским трудом; помещиком он никогда не был, крепостных не тиранил, благодеянием не унижал, в основании его счастья лежали деньги Марьи Петровны - приданое ее отца, известного московского торговца чаем. Прежнего товарища, Толстого, Фет вспоминал не с отвращением, как тот - его, а с изумлением и сожалением; за год до смерти изобразил себя и графа в виде российского двуглавого орла: Толстой держит флягу с елеем - таково его теперешнее отношение к народу, а Фет - палку... Софья Андреевна не изменяла своему восторгу перед Фетом, который «...пробуждает... поэтическое настроение и несвоевременные мысли и чув-

ства, не к нему, конечно, а ко всему, что составляет мечту», и тотчас ответила на письмо к ней, что она и Лев Николаевич «ахнули от удовольствия» при чтении новых стихов Фета, что красота, искусство, поэзия, упорно отрицаемые графом, не ушли из его жизни, - «иначе бы я не могла бы любить его, и вы не признали бы его с собой единым, двуглавым орлом». За месяц до смерти Фета Толстой наказал Софье Андреевне: «Скажи ему, чтоб он не думал, как он иногда думает, что мы с ним разошлись...» Фет и не думал огорчаться, напротив, с удовольствием писал к Полонскому: «Два года тому назад Толстой, находящийся постоянно в поисках за сущностью жизни, целую зиму шил сапоги, и однажды умолил меня, чтоб я дозволил ему снять мерку. В один прекрасный вечер затем к нашему вечернему чаю он принес мне пару превосходных ботинок, сказавши только, что к нему ходит мастер, который обрезает рант, так как Толстой не доверяет своей руке при этой операции...» Фет в своем домике на Плющихе был рад каждому приходу Софьи Андреевны или Льва Николаевича - жизнь покидала его, близок был день, когда Софья Андреевна положит ему на грудь большую яркую розу...

Из своих знаменитых друзей Фет не пережил одного Толстого; и Некрасов, и Тургенев умерли раньше. С Некрасовым разошлись навсегда. Летом 1859 года, раньше Тургенева, Толстого, Анненкова и других литераторов-помещиков, литератор-фермер Фет раскланялся с журналом «Современник» и его редактором Некрасовым, принимавшими характер той медведицы, которая в декабре 1859 года под Вышним Волочком («Есть Вышний Волочек, наперстники разврата!» - воскликнул, дурачась, Гаврилин. - Родина министра культуры Фурцевой»), на охоте, искусала Толстого, - отставной поручик артиллерии оказался неловок в ближнем бою. Следствием раскола не только в литераторской среде, но и во всем обществе, явилась и ссора Толстого с Тургеневым 8 июня 1861 года в гостях у Фета на хуторе Степановка. Толстой, и всегда-то имевший моду сказануть нечто, противное атмосфере компании, и заложить руку за полу сюртука по-наполеоновски, взял да и оборвал Тургенева с рассказом, как тот учит дочь Полинетту относиться к беднякам; Тургенев обещал Толстому «дать в рожу». Дуэль замялась, но спорщики расстались на семнадцать лет; лишь близость смерти Тургенева примирила их обменом письмами, и то вряд ли искренними. Толстой прервал было отношения и с Фетом, просившим забыть этот вздор. Фет не менял взглядов на жизнь, именуя себя пулей летящей, и отписывал к Толстому о детской своей радости после посадки пятиаршинных итальянских тополей, об удовольствии резать алмазом стекла для парников, а буде случится порассуждать о литературе, просил: «Став перед моим судом, Вы не моргайте и не передавайте тяжесть корпуса с ноги на ногу, а не забывайте, что Вы Лев Толстой, а не Алексей...»

Почти семнадцать лет вдохновенных трудов Фета в Степановке превратили двести десятин пустынной степи в цветущий оазис: пруд, сад, новый дом и дорога на станцию чугунки. Оберегая репутацию литератора-фермера, Фет много писал о своих трудах в журналах. «Заподозрить меня в пристрастии к старому порядку или в антипатии к вольному труду нельзя... Нанимая рабочего, я обязуюсь его тепло поместить, сытно кормить здоровою пищей, не требовать работ свыше условия и исправно платить заработки». Пиши - не пиши, газеты разносят о Фете славу человеконенавистника и кровососа. «Шепот, робкое дыханье, трели соловья» Дмитрий Минаев в злокозненной «Искре» пародировал как «холод, грязные селенья, лужи и туман». Состоянием деревень впору было заняться всему обществу, не только хуторянину; как это сделать, Фет и показывал в своих очерках, на собственном примере. Куда там, если даже Тургенев (вот родственничек!) в письме обзывает: «Вы закоренелый и остервенелый крепостник и консерватор». А ведь как проникновенно жалуется из своего Парижа: «Мирное сельское убежище - единственно приличное убежище для человека средних лет в нашем роде!.. Я бы до остервенения позавидовал Вам, я, который принужден жить в гнусном Париже и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе». (Тургенев - к Фету, январь 1862 года). «Лучше перенестись мыслию в наши «палестины» - и вообразить себя сидящим с Вами в отличной коляске... и едущим на тетеревей...» В марте: «Теперь уже не только грачи, но и жаворонки прилетели - дороги грязны - снег разрыхлен... вода журчит везде и надуваются почки. Славное время». «Здесь уж листья распустились и деревья зеленеют - но как-то холодно все и не весною смотрит... уже вся душа моя уехала отсюда и витает между нашими оврагами».

А к Якову Петровичу Полонскому (21 мая 1861 года из Спасского) Тургенев писал

про Фета: «Он теперь сделался агрономом-хозяином, до отчаянности, отпустил бороду до чресл - с какими-то волосяными вихрами за и под ушами - о литературе и слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом... Нос его, в котором ты принимаешь такое участие, напоминает мне иные стихи державинских од: «сизо-багряный и янтарный». Тургенев не решался высказать того, о чем писал Полонский, что потом бросилось в глаза сыну Льва Толстого, Сергею Львовичу, - несомненные семитские штрихи в наружности Фета, которые становятся еще ярче при мысли о туманном происхождении питомца Венеры и Марса. Летом 1867 года Фет избран мировым судьей, в его орбите и поместье Тургенева, который отписывает к Полонскому: «Сам он толст, лыс, бородаст - и в белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное».

В том же году в губернии случился неурожай, Фет организовал в Москве вечер литераторов и отдал деньги в кредит крестьянам Мценского уезда; через четыре года кредит вернулся к нему и положен был в основу постройки земской больницы; свою лепту внес и Тургенев - сто рублей. Фет зол-таки на Тургенева и пишет к Толстому (15 июня 1867 года из Степановки): «Читали вы пресловутый «Дым»? У меня одна мерка - дрянь... Сам с ноготь, борода с локоть. Борода состоит из брани всего русского, в минуту, когда в России все стараются быть русскими. В России-де все гадко и глупо и все надо гнуть насильно на иностранный манер». Фет вышел из общества пособия нуждающимся литераторам и ученым, чем навлек на себя гнев Тургенева, и для себя записал: «Литература способна быть забавой или отрадой и даже некоторым подспорьем насущному хлебу... литературный труд... так же мало способен прокормить отдельного человека, как и душевой крестьянский надел... Помощь должна являться литератору при неожиданном несчастье, но никак не в виде поощрения на бездоходный труд». Однако, «бескрылая», по словам Фета, жена Марья Петровна, и та, на семнадцатом году безостановочного фермерства в Степановке, опомнилась: а где же стихи?.. «Что Вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его», - писал Тургенев в 1855 году, редактируя, весьма своевольно, сборник стихов Фета. Достоевский писал о «Диане», сочиненной еще в 1847 году: «Последние две строки стихотворения полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значения, что мы ничего не знаем более сильного, жизненного во всей нашей русской поэзии». Загнул изрядно, увы, много ли с тех пор явилось таких восторгов? Разве что Александр Второй наградил Фета, как Господь наградил мучения благочестивого Иова: 26 декабря 1873 года, в Рождество, вышло указание императора Сенату о причислении отставного лейб-гвардии штаб-ротмистра Фета к «роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими». Пращур Афанасия Неофитовича был боярином, владел землями едва ли не всего Мценского уезда и скакал на конях с серебряными подковами. Позднее Фету, отныне Шеншину, будет присвоено немыслимое и мечтам его звание - камергер - придворный чин четвертого класса (генерал!), с золотым ключом на голубом фоне, у левой пуговки на пояснице. Фет-Шеншин, осмеянный либералами за перемену фамилии, известной всей читающей России, на никому не известную, блаженно улыбался. «Главная моя победа и радость, что жена убедилась, что... города и всяческое козыряние не нашего поля ягода. А наше дело: побольше навозу... да побольше хорошей пшеницы, да хороших животных, а затем хорошее устройство парка, с весны делаем прямые дорожки и крашеные везде мостики и цветники всюду, и все это дешевле одного платья... ни на что не нужного... Жеребят верховых 29, рысистых - 18, и в нынешнем году рысистые - молодцы. С кормом очень трудно протянуть», - писал Фет к Толстому весной 1880 года. Степановка, начатая едва ли не с нуля, требовала бы еще много трудов, здесь же, в Воробьевке, находилось время и на «забаву» и на «отраду»: с утра до вечера Фет исполнял задание - перевести не менее полусотни строк из Катулла, Анакреона, Тибулла, Проперция, Овидия, а также новейших поэтов - Гете, Шиллера, Шенье, Мюссе, Гейне, потом, когда глаза взмолятся о пощаде, шел в соседнюю залу играть с Марьей Петровной на бильярде. За полный перевод Горация Фету была присуждена Пушкинская премия Академии Наук. Конечно, были и свои стихи, они потекли весенними потоками - в последние годы жизни Фет выпустил четыре сборника под общим названием «Вечерние огни», вернув себе звание первейшего лирика эпохи, которая вот-вот уйдет в небытие, как Атлантида.

У Фета воспитывался Петруша, сын Ивана Петровича Борисова и сестры Фета -

Надежды, к тому времени покойных; наследственная болезнь, настигшая Надежду едва ли не в первый год замужества, передалась и Петруше. Тургенев, пользуясь своей размолвкой с Толстым и Фетом, не стеснял себя в выражениях. К Полонскому (2 марта 1872 года, из Парижа) писал: «...Тем хуже для Фета, если он к тебе не заехал. Философия Льва Толстого и его собственная его совсем с толку сбили - и он теперь иногда такую несет чушь, что поневоле вспоминаешь о двух сумасшедших братьях и сумасшедшей сестре этого некогда столь милого поэта. У него мозг тоже с пятнышком...» Шарлотта, принявшая в православии имя Елизаветы Петровны, умерла еще в год окончания Афанасием университета и не внесла полной ясности в домыслы о происхождении сына, а ее первый муж - Иоганн Фет сыном своим Афанасия не признавал. Афанасий - единственное в семье Афанасия Неофитовича и Елизаветы Петровны Шеншиных дитя, победившее приступы безумия (Каролина вышла замуж за дальнего родственника Шеншиных - Матвеева, профессора медицины, и в конце жизни страдала психическим расстройством; Василий, Надежда не избежали этой участи и умерли в молодости, Петр безвестно пропал в Америке; однако племянница Фета - Ольга Васильевна стала наследницей имений Тургенева и жила не в пример родственникам - долго); еще в студенческие годы, когда Аполлон Григорьев проводил у постели товарища бессонные ночи, он ужасался возможной его судьбе. «Я не видал человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства», - писал Григорьев. Впрочем, Григорьев, не судимый за его поступки, но огорчающий ими, для Фета безумен был совершенно... Отчитав хорошенько Льва Толстого (письмо от 28 сентября 1880 года) за неожиданное к нему охлаждение, за поиски новых нравственных начал жизни, сравнив графа с Гоголем, который предал свои писания огню, Фет восклицает: «Меня изумил Ваш вопрос, почему я, зная тщету жизни, не самоубьюсь?» И отвечает, полный жизненных забот и страстей, своему младшему приятелю: «Да ведь я же точно так же, если не более, знаю тщету еды и питья. Почему же я ежедневно пью кофе и обедаю?»

«Вздохи о минувшей юности не только бесполезны, но и неосновательны», - писал Фет к другой Софье Андреевне Толстой, вдове графа Алексея Константиновича Толстого, но едва ли в таких же выражениях он обращался к Александре Львовне Бржеской (Добровольской), умоляя ее приехать в Воробьевку, если не в тихую пристань, так погостить. Письма его Бржеская сожгла. В 1847 году, до знакомства с Марией Лазич, Фет написал Бржеской в альбом: «Я в моих тебя вижу все снах», «И в Вас одной и соловей и роза». Александра Львовна родилась в Сасовке Елисаветградского уезда; Пушкин в поездке «на саранчу» оказался у Добровольских, отец велел трехлетней дочери читать из Пушкина, и она сумела что-то вспомнить, и Пушкин читал ей, заметив, что она обещает вырасти красавицей, что и сбылось совершенно. Отставной кирасир, помещик Алексей Федорович Бржеский зазвал кирасира Фета, известного уже всей России стихотворца, в качестве сюрприза Александре Львовне - живой поэт, новый Пушкин, притом свой брат-офицер. Сейчас тебе и розы, и соловьи, и эдемские кущи, тебе, самому прекрасному цветку Новороссии, требующему восхищения. Александра Львовна привыкла к восхищению и в Новороссии, и в столицах, где Фету случалось ее видать, однако в разлуке они были четверть века, и вот: «Мы жали друг другу холодные руки И плакали, плакали мы»...

Алексей Федорович Бржеский умер одиннадцать лет назад, в год избрания Фета мировым судьей; славно бы Александре Львовне приехать тогда - посмотреть на Фета: в белом балахоне, лысого, с рыжей бородой «до чресл» - вылитый бог Саваоф! - босиком бегущего по полю за гусенятами, ведь лазоревого мундира с золотым шитьем Фету еще и не снилось. Александра Львовна, видимо, пришла к выводу Фета, изложенному в письме к Толстой («Вздохи о минувшей юности не только бесполезны»), и гостила недолго; переписка их не прекращалась до смерти Фета.

В августе 1891 года в Воробьевку приехал Петр Ильич Чайковский. Еще до знакомства с Фетом он писал к великому князю Константину Константиновичу (псевдоним К.Р.): «Считаю его поэтом безусловно гениальным, хотя есть в этой гениальности какая-то неполноценность, неравновесие... Фет писал иногда совершенно слабые, непостижимо плохие вещи... и рядом с ними такие пьесы, от которых волоса дыбом становятся. Фет есть явление совершенно исключительное; нет никакой возможности сравнивать его с другими первоклассными или иностранными поэтами. Скорее мож-

но сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворения вроде «Уноси мое сердце в звенящую даль» есть бессмыслица. Для человека ограниченного и в особенности немузыкального, пожалуй, это и бессмыслица, - но недаром же Фет, несмотря на свою несомненную гениальность для меня, вовсе не популярен...»

В следующем письме Чайковский краток: «...некоторые его стихотворения я ставлю наравне с самым высшим, что есть высокого в искусстве». Из романсов Чайковского на стихи Фета наиболее известен: «Сияла ночь. Луной был полон сад...» Татьяна Андреевна Кузминская - сестра Софьи Андреевны - принесла Толстому возможность изобразить Наташу Ростову, а про стихи Фета, навеянные пением ее, Толстой (шутил старик) проворчал, с какой-де стати Фет хочет обнять Татьяну Андреевну, да еще и плакать над нею.

...Мария Петровна поставила перед Чайковским букеты цветов, каких еще можно было найти в увядающих августовских цветниках; Афанасий Афанасьевич встал в поэтическую позу и произнес двенадцать строк по случаю явления великого посетителя, недавно еще заставлявшего плакать Северо-Американские штаты (Чайковский вернулся из гастролей), заключив: «Восторг не может и меж нами Терпеть границ». В послании к К.Р., описывая визит Чайковского, Фет сообщал: «Он понравился мне, как вполне артистическая натура... Я прочел и передал ему стихотворение, которым он, кажется, очень доволен».

К.Р., оплакав скорую смерть друга (через год внезапно умер и Чайковский), принял участие в издании сборника стихов Фета, наряду с Николаем Николаевичем Страховым, наряду с Марией Петровной Фет...

...1945 год, июль... Профессор Ленинградской консерватории Максимилиан Осеевич Штейнберг (в узком кругу - Овесыч) ставит «пятерку» своему ученику Мите Толстому и слышит в ответ, что его подопечный уходит, не чувствуя творческого контакта. И к кому уходит - к Щербачеву, к Владимиру Владимировичу; это же ученик Овесыча, еще дореволюционный. Слово революция здесь кстати: Щербачев всю жизнь не оставляет попыток обратить вспять мирное течение консерваторских будней и немало в этом преуспел; техническая сторона его сочинений кричит, что школа Римского-Корсакова в Щербачеве живет и процветает, увы, против этой-то школы Щербачев и возглавил поход единомышленников - осовременить программы, активизировать творчество студентов, - и первый камушек с горы покатился - за осовремениванием уроков началось классовое разделение: самые талантливые ученики, как правило, объявлялись чуждыми элементами. Директор консерватории Глазунов, честно говоря, сбежал из драки; он поехал в Австрию на конкурс памяти Франца Шуберта в качестве члена жюри от СССР и не вернулся; «...мой авторитет значительно упал, и мне трудно бороться с игорями и борисами, со взглядами на искусство которых я расхожусь», - писал Глазунов в июне 1928 года. Под именами, обозначенными с маленьких буковок, подвизается соратник Щербачева Борис Асафьев, он же Игорь Глебов - музыкальный критик, он же профессор консерватории, он же глава радикальной Ассоциации современной музыки, теперь вот и председатель оргкомитета Союза композиторов СССР, который, по совести говоря, следовало бы назвать музыкантским колхозом. Совести и недостает осовременивателям, сбрасывающим стариков со скалы, как это было заведено в Спарте. Как чеховский злоумышленник, Асафьев продолжает отвинчивать гайки от правил, установленных его учителем Римским-Корсаковым, казалось бы, раз и навсегда; по Асафьеву, сочинять надо с первым проблеском мысли, подгоняя к ней ремесленные приемы, которыми не вполне и владеешь. Так учил еще Балакирев, но учениками Балакирева были люди великовозрастные, к тому же гениальные. Отсутствие таланта, что блистательно демонстрирует в своих опусах Асафьев, можно бы прикрыть хорошо усвоенными приемами обработки музыкального хаоса, но ему не до того, - Асафьев имеет талант борьбы и вкус к ней, за ним идут толпы музыкантов, умеющих приспосабливать свое ремесло к эпохе. Таков и любимый ученик Овесыча,

«злой мальчик» (по словам отца Мити Толстого - красного графа Алексея Николаевича), тоже Митя, композитор Шостакович. Жаль, нет его рядом, а то сопроводил бы учителя домой, - нервы расшатались совсем, - на машине, подаренной Правительством (читай, Сталиным), за Седьмую, антигитлеровскую симфонию. Упаси бог подумать, но нервы истощаются слухами, что «тема нашествия» вонзилась Мите в голову не в осажденном Ленинграде, а задолго до войны, зимой 1936 года, когда Митя увидел в «Правде» редакционную статью «Сумбур вместо музыки». Едва Сталин посетил постановку «Леди Макбет Мценского уезда» в филиале Большого театра, как завистники Шостаковича подсунули вождю мысль, что «наиболее советский композитор» зарвался. В либретто Александра Прейса и Дмитрия Шостаковича нет ни Лескова, ни патриархальности, ни державности, которые так пригодились в минувшей войне. Вспомните тост Сталина о русском народе-победителе, вон куда смотрел усатый вождь задолго до войны. «Шостакович пользуется фабулой Лескова почти как импульсом, - писал расторопный Асафьев, который и указал Митеньке на забытого до поры Лескова. - Нравы, как изобличает их композитор, превосходят все, что раскрывалось в подобном роде русской литературой». Выходит, вспоминая письмо Римского-Корсакова к Бельскому, врать, не зная меры, теперь может не только литература, но и музыка... Посмотреть бы на Асафьева, когда он понял, что поспешил: ветер истории подул в иную сторону; не иллюстрации к Лескову сусального Кустодиева, с семьей которого был дружен Митя, потому что жена Бориса Михайловича была полькой, нет, именно Асафьев стал для полуполяка Шостаковича «импульсом» к сочинению карикатуры на русский быт - и не ко двору, не ко времени - и Асафьев, и Митя просчитались. Понятия Шостаковича обо всем русском остались на уровне понятий мальчика Митеньки с известного рисунка Кустодиева, но ведь Асафьев-то лыс и сед... Через неделю после «Сумбура» последовал второй удар: в «Правде» разгромили балеты «Золотой век» и «Светлый ручей». Статья называлась «Балетная фальшь»; Овесыч писал в дневнике проще: «...талантливо, но... навоз, обсыпанный марципанами (как говорил Балакирев, кажется, про Сен-Санса)». Мало того, что Митя был лишен заработка, пошли разговоры, что его поддерживает деньгами... правительство, мол, проучить не мешает, но сочинитель он перспективный. Митя держал язык за зубами, не каялся, не гордился дружбой со знаменитостями, например, музицированием с маршалом Тухачевским, недурно владевшим скрипкой. Самые яркие личности внезапно гаснут и гаснут, как Тухачевский, как другой наставник Мити - Мейерхольд... Впрочем, Овесычу иногда удается предвидеть не только творческую сторону личности учеников. Одно время Штейнберги и Шостаковичи, выходцы, в разное время, из Вильно, собирались объединиться в одной квартире, ввиду неминуемого уплотнения их квартир незнакомыми жильцами, но обмен не состоялся. Бог отвел. Любопытно было бы теперь представить Овесыча и Митеньку дымящими на кухне «Казбеком», разделенными не только дымовой завесой, но той невидимой стеной, которую воздвигает между людьми время. Представьте себе Штейнберга еще в 1930 году, читающего в «Ленинградской правде» слова дрянного Митеньки: «Консерватория сейчас делает вредное дело, консерватория ничего не дает» (подразумевалось, что не дает «сумбура»), а стало быть, надо... «заострить вопрос на привлечении марксистских сил...» Оказывается, Овесыч учил Митю зря: «Рутина, которая там существовала, меня разучила писать». Объяснить такие слова невозможно ничем, даже тем, что Митенька-де спятил, - нет, за полгода до этого он женился. И забыл, как с ним нянчились Глазунов, Штейнберг, Николаев, Малько.

Митенька держит в своих мозговых извилинах весь океан музыки, и ультрасовременной, и давно не исполняемой, его собственные опусы нафаршированы цитатами из классиков и городского фольклора низкого свойства, пародиями и реминисценциями, ухмылками по поводу самого себя; Митя страдает склонностью к новейшим технологиям сочинения от Шенберга до Берга, отсутствие этих шалостей он и вчиняет в вину русской школе, родной консерватории. Весьма осерчав на отсутствие в Митенькиной душе великорусских струн, можно бы объяснить ему, что гримасы абстракции, футуризма, модернизма вывезены на Запад из России Шагалами, Бурлюками... (жаль, что не все вывезли, осталось очень много!), так ведь не погордишься этими гримасами истории, как и тем, что Ефим Голышев раньше Шенберга нашел основы додекафонии, что ученик Овесыча Николай Обухов изобрел и свою технику 12-тонового звукоряда и

свой способ записи звучащего материала. Митя и это знает!.. Феноменальная память Митеньки едва не подвела его под монастырь, когда в 1932 году он выпустил в свет «Песню о встречном» (встречном плане!), когда композитор Александр Чернявский (Цимбал) объявил, что мелодия похищена из его сборника песен, опубликованных еще до рождения Митеньки. Собрали комиссию во главе с Овесычем, индифферентную, как Фемида с ее завязанными глазами, но уши-то слышат, что Чернявский прав. И таких гримас в истории музыки довольно, лукавый силен! Собрали новую комиссию. Тем временем Митенька признал сходство мелодий, но денег Чернявскому не отдал; изумленный старик, воспитанный в ненужных теперь традициях девятнадцатого века, сказал, что признание Мити дороже денег, и оставил репутацию Шостаковича белоснежной, как летнее облачко... Только что по радио передали, что Организация Объединенных Наций утвердила сию песню Митеньки (с новым текстом, разумеется) в качестве своего Гимна.

Вторую комиссию возглавлял Юдин, умеющий держать нос по ветру, - в том скандале политических дивидендов было не собрать, общественная атмосфера еще набухала грозой. В 1936 году молнии готовы были поразить и учителя, и ученика. Профессор консерватории Михаил Алексеевич Юдин мог бы бросить упрек коллеге Штейнбергу на ходу, хоть и в дверях, мол, как вы, Максимилиан Осеевич, ни суетитесь слиться с эпохой, ваша Четвертая симфония, «Турксиб» (?!), явно обнажает эти запоздалые усилия и «не выражает еще по-настоящему оптимистического пафоса строительства»; нет, зачем же на ходу, в дверях? - надо обозначить свою позицию публично, в ленинградской вечерней «Красной газете», в двух номерах. И Штейнберг, и Шостакович-де «развивают в своем творчестве идеологические тенденции, чуждые искусству советской страны». Хорошо бы только Юдин отравлял жизнь, таких юдиных развелось, как поганок после теплого дождя, множество.

Штейнберг взошел на трибуну пленума Ленинградского Союза композиторов, уже зная, что в Москве на защиту Шостаковича после статей в «Правде» не посмел выступить никто; если бы не малый рост Овесыча, его усы и эспаньолка напомнили бы Дон Кихота. В опере Митеньки, говорил он, «действуют не люди, а сплошные звери», и такие убеждения - беда не только для Митеньки, лучшего ученика Штейнберга, но беда для самого учителя; нравы Дикого Запада, привитые Митеньке (Асафьевым и ему подобными), со временем могут выветриться, но истреблять друг друга во взаимной нелепой драке - нехорошо. Пленум повело в сторону; резолюция осудила не Митеньку... а его лучшего друга - Ивана Соллертинского - в захваливании и попытках сбить талантливого Митеньку с панталыку. К этому каверзному Соллертинскому добавили (рассоллертировали - засмеялся Гаврилин) Рабиновича и Друскина, занимавшихся тем же ранее. Штейнберг выждал, пока уляжется пыль, пригласил Митеньку на свою кафедру - преподавать; Шостакович перестал пенять Сталину (заочно, заочно!), что обруганную оперу слушали хорошо, что публика начинала бежать за галошами только после падения занавеса, перестал изображать из себя советского Вагнера и бросил затею написать новое «Кольцо нибелунга», с готовой уже «Леди Макбет» и с планами о лучшей бетонщице Днепростроя Жене Романько, разбавленной чертами революционной вамп Ларисы Рейснер. Профессор Петр Борисович Рязанов, уезжая в Тбилиси, передал Митеньке двух своих лучших учеников - Георгия Свиридова и Ореста Евлахова (будущего учителя Сергея Слонимского, Андрея Петрова, Валерия Гаврилина и многих других). Чтобы потешить тщеславие Шостаковича, ему отдали класс номер 36, в котором работал Римский-Корсаков. Педагогических приемов у Шостаковича один - он играет любую вещь сам, держа между пальцами папиросу, как Глазунов держал сигару, приговаривая, что хорошо, что плохо; обаяние его действует на учеников магнетически, ему подражают и в сочинениях, и в манерах: ходят за ним толпой, сцепив руки за спиною.

Однако, ругать ругательски Митеньку есть за что. Возьми «Ленинградскую правду» и - новогодний подарок от Митеньки: «В конце 1939 года я начал работать над новой редакцией оперы Мусоргского «Борис Годунов»... Не вполне удовлетворяет и редакция Римского-Корсакова, и редакция автора оперы. Первая хороша в части оркестровки, но с музыкальной стороны, на мой взгляд, она значительно уступает подлиннику. Мне хотелось бы, исходя из подлинника, почти не изменяя ни одной ноты, оркестровать ее иначе». Митенька, выходит, стал на сторону врагов Римского-Корса-

кова, которого Штейнберг обязан защищать и как учителя, и как отца своей жены. Хоть бы словечко сказал двуличный Митя, нет, о его шагах извольте узнавать из газет, - манера провокатора Юдина.

Штейнберг все более отдаляется от Шостаковича, записи в дневнике все суровее. «1942 год. 3 июня. Сегодня с утра занимался со студентами - как и вчера, играли по партитуре 1-ю часть 7-ой симфонии Шостаковича. Очень все импозантно, но средняя часть (тема войны), на манер «Болеро» Равеля, у последнего гораздо продуманнее в отношении логического развития и постепенного нарастанья... 10 июня. Утром был на репетиции симфонии Шостаковича, репетировали финал. Многое до меня никак не доходит. Лиса (жена Штейнберга Надежда Николаевна Римская-Корсакова-младшая - А.А.) высказала правильное мнение: несколько лет назад это называлось сумбуром в музыке, а сейчас это - проявление высокого гуманизма и патриотизма. Такова диалектика!.. 1945 год, 25 ноября. В ССК показ 9-ой симфонии Шостаковича... Удручающая атмосфера лжи: все считают долгом восторгаться, а я сильно сомневаюсь, чтобы кому-нибудь, за исключением ничтожного меньшинства, доставило удовольствие. Я по-прежнему не вижу в этой музыке никакого проблеска человечности и теплоты. Какая-то душевная пустота и выхолощенность. Неужели я ошибаюсь и это старость и творческая немощь собственная?»

Девятого декабря 1946 года в Ленинграде состоялось прощание с умершим профессором Максимилианом Осеевичем Штейнбергом; в церемонии участвовали: хор консерватории, хор Государственной академической капеллы, симфонический оркестр филармонии; прибывший из Москвы профессор Ленинградской и Московской консерваторий трижды лауреат Сталинской премии Дмитрий Дмитриевич Шостакович поцеловал в гробу покойного учителя, которому в свое время посвятил опус номер один...

...1973 год, июнь. Атлантический океан...

Немыслимые закаты и восходы, описанные гардемарином Римским-Корсаковым, Шостаковичу довелось увидеть на склоне лет; дважды, в 49-м (с обаятельным пьяницей Фадеевым, с Чиаурели и Герасимовым), в 59-м (с держимордами Хренниковым и Кабалевским), летал в Штаты на самолетах; теперь такие перелеты тяжелы, времена не столь бурные, можно плыть целую неделю; теперь прогрессирующий паралич рук и ног не позволит броситься с теплохода - навстречу ослепительному солнцу, изумрудной воде, навстречу избавлению от мук, - поступок Мартина Идена стал не по силам Дмитрию Дмитриевичу, даже пуговицы на рубашке застегивает вездесущая Ирина Антоновна, похожая на легендарную Юдифь. Беспрерывная гонка по городам и странам подходит к концу, лишь от себя, говорят, не убежишь. Остается подпереть голову рукой и барабанить по щеке пальцами. Американские врачи подтвердят прогноз сибирского доктора Гаврилы Илизарова, что болезнь неизлечима, но Шостакович умрет через два года в московской больнице от удушья, вызванного раком легких.

«В своем отношении к внешнему миру Глинка был тот же Шопен, - вспомнил Дмитрий Дмитриевич слова Стасова и вообразил себя на месте Глинки - такой же маленький, такой же «мимоза». - Он точно так же не мог опереться на одного себя, как на каменную гору, ему нужно было глубокое сочувствие если не всей толпы, то большой массы публики; ему нужны были страстные симпатии, ему нужно было широкое признание со стороны многих. Как Шопен, «он считал себя не только мало, но худо аплодированным» и угрюмо уходил и запирался в своей раковинке... Признавайте это малодушием, сколько вам угодно, но это чувство есть в натуре многих людей, иногда самых великих и глубоких, и ничем на свете этого не переменишь». Стасов прав. Шостаковичу же нельзя считать себя «худо аплодированным». Только что в Дании получил шестьдесят тысяч крон, которые «решено было» передать в Советский Фонд Мира, у американцев ждет диплом почетного доктора Северо-Западного университета, но все-таки в конце жизни хочется чего-то оглушительного: там доктор, и там доктор, но это не дает отсрочки от... загробного царства.

Четырнадцатая (на стихи Лорки, Аполлинера, Кюхельбекера и Рильке) симфония - прощание с жизнью - сама смерть - вызывает ассоциации с «Песнями и плясками смерти» Мусоргского, однако Солженицын, корча из себя новоявленного святого (и ведь назовут, придет время!), сказал, что надо бороться не со смертью - стыдно христианину! - а с режимом, и выпить водочки отказался, в гости к Шостаковичу не пошел.

Все равно-де Шостакович на вопрос, как живется в советском аду, отвечает: «Я другой такой страны не знаю...» Вот и пойми, что он ответил. Американцы продолжают твердить, что интеллектуал всемирного масштаба Шостакович не может не видеть, по какую сторону океана лежит истина. После исполнения Леопольдом Стоковским симфонии «1917 год» (посвященной Ленину, которого одиннадцатилетний Митя видел на броневике у Финляндского вокзала, еще не в виде скульптуры) газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Неужели существуют два Шостаковича?» В «свободном мире», да и в России многие, уверены, что для себя, для друзей, для будущего он пишет сложную интеллектуальную музыку, а для властей - чего изволите, но Шостакович отвечает, что у критиков двоится в глазах; ответы за него пишут и журналисты, и функционеры режима, иногда сразу на английском, которого он не знает, он подмахивает, не читая, не глядя, - у него очень слабое зрение. От имени Шостаковича пишут примерно так, как писала его младшая сестра Зоя тетке Надежде, убежавшей из голодного Петрограда в Америку ровно полвека назад.

«Не могу понять, как русский может жить в Америке. Там нет ни настоящей жизни, ни настоящих людей. Все словно машины. У них нет нашей русской живости, нет искусства и талантов. Америкой владеет дух капитализма. Что с того, что развита промышленность и царит благосостояние? Зачем все это, если там нет жизни? Я не выдержала бы там и недели. Мне тебя ужасно жаль, тетя Надя...» В 1962 году из Америки в СССР явился «оголтелый проповедник буржуазных модернистов» 80-летний Игорь Стравинский (сын баса Петербургского Мариинского театра Федора Стравинского), любопытство разобрало даже Никиту Сергеевича Хрущева, и сочинитель «долларовой какофонии» (характеристика гостя - из статьи Израиля Нестьева) был приглашен на прием к первому коммунисту планеты. С Шостаковичем, увы, разговора не получилось. На банкете в «Метрополе» выпили зубровки, Стравинский попенял, что пора перешагнуть через Малера; Шостакович замкнулся в себе: он прекрасно помнил слова Римского-Корсакова, что Малер - «какая-то горделивая импровизация на бумаге, причем автор вперед не знает, что у него будет в следующем такте. Обидно право, за него как музыканта. Вот уже поистине кто маляр...» Да Шостакович в последний час жизни готов будет слушать «Песнь о Земле» Малера. В подпитии не станешь объяснять гостю, которого на Западе почитают наравне с папой римским, что своим юродствующим музыкальным языком Шостакович обязан не только Малеру, но и Мусоргскому, и Стравинскому, и Гоголю, и Лескову. Увы, эмигранту только и свету в окошке, что лапотная Россия, которую должно воспевать, но ругать - ни-ни. Увы, Стравинский не отказался от своих слов, что оперу «Леди Макбет Мценского уезда» Сталин осудил правильно. Представил бы себя на месте Шостаковича, в 1936 году, в Архангельске, где Мите случилось быть с концертами. Митя купил газету, и в очереди сочувственно загудели: с утра налелькался товарищек, ишь как его корчит; председатель радиокомитета успел «Правду» прочитать, и ему ничего не оставалось делать, как завопить: «Вон отсюда, негодяй!» Митенька в ужасе забился в подъезд соседнего дома. Газету можно было не разворачивать - подобные тексты запоминаются с первого взгляда.

«...Это музыка, умышленно сделанная «шиворот-навыворот», - так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку. Это перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной человеческой музыки... Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо. Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Однотонно, в зверином обличье представлены все - и купцы, и народ. Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то жертвы буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет...»

«Если такая музыка называется искусством, то остается только рвать волосы на голове», - так еще за год до статьи в «Правде» рассуждал Уильям Хендерсон из «Нью-Йорк сан»; простодушный критик не мог понять, как можно восхищаться русским зверьем, столь интересным публике Нью-Йорка и Буэнос-Айреса, Стокгольма и Копенгагена. «Непристойная иллюстративность» распирает зрительные залы по всему миру, но неужели этого не видят Артур Родзинский и Артуро Тосканини, Герберт Сандберг и Александр Смолленс? Наверное, видят; бывший наставник скандального ком-

позитора - невозвращенец Николай Андреевич Малько - более откровенен: так и никак иначе, иначе на циничном Западе полных сборов не видать... Наконец, «Леди Макбет» посмотрел и самый действенный критик - Сталин; он начинал задумываться над судьбами России, так сказать, в духе Стравинского и прижимал к ногтю всех противников русскости, от Демьяна Бедного до Дмитрия Шостаковича, не успевших увидеть, что Запад снова готов пойти крестовым походом на Восток...

Казалось, Митя убит. Авторство статьи в «Правде» приписывают Давиду Заславскому, хотя идею бросил Сталин, выходя из бронированной ложи театра и ухмыляясь: «Сумбур...» Так и писали бы, что Шостакович - враг народа. Мать Митеньки - Софья Васильевна - дочь управляющего золотыми приисками Кокоулина, окончила институт благородных девиц в Иркутске с отличием, была представлена Николаю Второму, танцевала перед императором Мазурку из Глинки, училась в Петербургской консерватории, аккомпанировала на фортепиано Шаляпину, который затем в Париже явил-таки свое истинное лицо - белогвардейца. Отец Митеньки Дмитрий Болеславович в этом смысле подвел решительно: его предки участвовали в польских освободительных восстаниях 1831 и 1863 годов и были сосланы в Сибирь. И жена Митеньки, Нина, подвела; ей посвящена «сумбурная» опера, но она же - родственница героя Парижской Коммуны генерала Ярослава Домбровского. За отца Митеньки, однако, будь он жив, стоило ухватиться. Выпускник Петербургского университета, инженер-химик Главной палаты мер и весов, крупный торговый работник... промышлял казенный спирт и через сына передавал похищенное директору консерватории, с 28-го года невозвращенцу, Глазунову, который, в свою очередь, выхлопотал Митеньке, через Луначарского и Горького, академический паек...

За покойного Александра Константиновича Дмитрий Дмитриевич даже пригубил коньяку, представив, как сказочный богатырь Глазунов, в шубе, с дымящей сигарой, энергически начиная заседание Ученого Совета консерватории, склоняется за директорским столом, чтобы припасть к резиновой трубке, соединяясь посредством ее с Митькиной бутылью, и вянет на глазах профессоров, дрогнущих в своих шубах без спасительной влаги, - в Петрограде и голод, и холод. В подпитии Глазунов бывал мало интересен, как и Шостакович. И не расстреляли ни отца (который умер еще в 1922 году от болезни крови), ни Митеньку. Нос к майору Ковалеву вернулся, но сбежавшая радость жизни к Шостаковичу не вернется никогда; над оперой Митеньки хохотал бы сам Гоголь, но советские держиморды поняли , что «Нос» - про них. Те времена прошли, «как Азорские острова», и живи, покуда жив. Застрелили же Маяковского, которого Митенька знал достаточно для того, чтобы понять: жизнелюбивый Вова руки на себя не наложит; где-то в Штатах живет дочь Маяковского, фамилия ее Томпсон. Расстреляли же Всеволода Эмильевича Мейерхольда, а жену его, Зинаиду Николаевну (бывшую жену убитого агентами ОГПУ Есенина), зарезали ножами прямо в квартире. Расстреляли Михаила Николаевича Тухачевского. Милые тени. Исчезло множество знакомых, живешь как в вакууме, трудно дышать. Сталин сделался новым, советским, императором и казнил всех, кто помогал Ленину разрушать прежнюю империю. Вопрос только, сознательно или бессознательно он это делал; по себе не примеришь, многие поступки Митеньки бессознательны, на уровне инстинктов, чем легко можно оправдаться перед друзьями. За вступление в партию Бог наказал его многими болезнями, а более того, угрызениями совести. Мося Вайнберг написал очень хорошую песню с рефреном: «Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня?» Надо бы спросить у Моси, не родственник ли автор стихов Марк Соболь тому Соболю, который застрелился на Тверском бульваре, поутру, в июне 1928 года. Митя бывал в Москве для встреч «с подругой юных дней» Таней Гливенко, об Андрее Соболе жужжала вся Москва. Он оставил письмо, в котором говорил, что серьезная литература больше не кормит, голодать он не хочет, врать и подлизываться не умеет... Можно бы про Соболя спросить и у Ирины Антоновны, ведь она литературный редактор, но она появилась на свет, когда и Митя бредил мыслью о самоубийстве. Почему он сам не застрелился, почему не покончили с Митенькой, внимай Четвертой симфонии, в ней сказано все. Отец жены юрист Василий Васильевич Варзар - в лагере под Карагандой; муж старшей сестры Марии, прибалтийский барон, физик Всеволод Фредерикс - арестован; сама Мария, хотя и отреклась от мужа, чем очень разгневала мать, отправлена куда-то в Сибирь. Митю вызывали в Большой дом, из которого видна Сибирь, и - кульминация - Закрев-

ский, который допрашивал в субботу, в понедельник на службу не прибыл, другие следователи - не до него! - Шостаковичу посоветовали проваливать поскорее домой, «пока трамваи ходят...» С тех пор в Дмитрии Дмитриевиче живут два Шостаковича; так пишут на Западе, а в СССР подразумевают. Для рекламы и то, и другое неплохо: ласковое телятко двух маток сосет. Написал симфонию «1905 год», основанную на известнейших революционных песнях, - на Западе ее трактуют как восстание венгров против советского гнета, автора осыпают наградами, как цветами: вслед за Ленинской премией в СССР, только в 1958 году, - почетный член академии Санта-Чечилия в Риме, командор французского ордена искусств и литературы, Почетный доктор Оксфорда, лауреат финской премии имени Сибелиуса... Надо бы спросить у сестры Зои, как называется род дождевых червей, имеющих свойство жить, будучи разрубленными лопатой на грядке, - Зоя биолог и теперь Россию понимает правильно, потому что не душой, а умом, хотя Тютчев и не велел так делать. Кто-то до сих пор умом России понять не может, но Сталин понимал в ней многое, и в космосе музыки соображал кое-что, любил не только «Сулико». Сталину дано было знать, «как слово наше отзовется». Одно слово - «сумбур», и родственники Митеньки на краю гибели. Однако, не он ли вернул из Сибири Василия Васильевича и Марию? Неудобно стало наказывать близких сталинского лауреата. Не в сталинскую ли пору эпоху написаны лучшие симфонии? Самое простое, да не самое умное, объяснение - был молод и здоров. После премьеры Четвертой симфонии - отложенной до блаженных хрущевских времен - Митенька сбежал от официального чествования домой, и, пока сунулся на кухню за водкой, приятели успели полюбопытствовать, что за книга раскрыта на рабочем столе; биографию Сталина Митенька выложил заранее, и утомительных разговоров об искусстве и терроре не потребовалось.

И по пьяной лавочке, и на трезвую голову Митя чувствовал, кому что сказать. Однако, как ни рассказывай, что большую часть Седьмой симфонии написал на крыше консерватории в ожидании бомбежек, чтобы тушить зажигалки (на его посту номер 5, к счастью, не упало ни одной бомбы), того и гляди, самого убедят, что писал не на крыше, а под крышей, задолго до войны с фашистами, во времена Большого Террора, что немецкая тема - это поступь шагов неумолимого Сталина; англичане до войны рисовали Сталина и Гитлера связанными одной веревочкой и науськивали друг на друга, их не переубедишь, но и в СССР таких англичан с каждым годом все больше... В Куйбышеве, в эвакуации, Шостаковичи сблизились с невесткой бывшего наркома иностранных дел СССР Максима Максимовича Литвинова (Валлаха) биологом Флорой Ясиновской; Шостакович показывал Седьмую, «Ленинградскую», симфонию и говорил: «Конечно, фашизм. Но музыка, настоящая музыка, никогда не бывает буквально привязана к теме. Фашизм - это не просто национал-социализм, и эта музыка о терроре, рабстве, несвободе духа». И еще добавил, чтобы нельзя было трактовать иначе: «Седьмая (да и Пятая тоже) не только о фашизме, но и о нашем строе, вообще о любом тоталитаризме». На большее он не был способен и корил себя, как он, великий Митя, мал, если поставить рядом сына Флоры Ясиновской - Павлика Литвинова и его товарищей, среди них были и женщины, которые вышли в 1968 году на Красную площадь перед московским Кремлем под лозунгами поляков, бунтовавших сто пять лет назад: «За нашу и вашу свободу!»

Митя, в отличие от Сталина, не всегда предвидел, как слово его отзовется. В конце 1948 года писал своему приятелю Леониду Траубергу (режиссеру, совместно с Григорием Козинцевым, фильмов «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», с музыкой Дмитрия Шостаковича): «Пожалуй, самый радостный процесс в творчестве таков: ты подходишь к кассе, и тебе говорят: «На ваш счет переведено за такую-то работу столько-то денег». Тем более, что деньги не пахнут. Но, кроме этой радости, имеются еще кое-какие. Например, удовольствие, испытываемое автором от реального звучания своей музыки. Иногда это удовольствие бывает даже больше, нежели удовольствие во время расписывания при получении денег». Леониду Траубергу было не до шуток, в начале 1949 года он оказался без денег, потому что, с попущения Сталина, был изгнан с «Ленфильма» как «руководитель группы буржуазных комополитов». Митя, отправив письмо, начинал забывать, что такая же история случилась недавно и с ним: он прочитал на доске объявлений, среди десятка других фамилий, что он уволен из Ленинградской консерватории «за низкий профессиональ-

ный уровень» обучения студентов, а в Московской консерватории ему даже не выдали ключа от класса. «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды» - эпиграф к опере «Каменный гость» Даргомыжского очень нравился советским критикам. Инструментальные жанры, в которых Шостакович исповедовался после «Сумбура», нельзя было поворотить к солнышку, посмотреть, нет ли на них масонских водяных знаков, нельзя было отдать на растерзание цензуре. И следовательно, говорили критики (во главе с Ждановым, самый главный - Сталин), жанры эти элитарны, следовательно, раскалывают общество, следовательно, являются антисоветскими. Это же поставили в вину Прокофьеву, Мясковскому, Хачатуряну, Шебалину, Попову... Руководитель хора имени Пятницкого Владимир Захаров говорил: «В Ленинграде, когда люди умирали на заводах, около станков, эти люди просили завести им пластинки с народными песнями, а не с Седьмой симфонией Шостаковича». Конечно, если бы Захаров и не подыгрывал сейчас властям, его не вписали бы (а Жданов кричал с трибуны, что реестр критикуемых маловат, участникам собрания московских композиторов предлагал пополнить список самими собою) в постановление ЦК ВПК(б) 1948 года «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели»: «...Речь идет о композиторах, придерживающихся формалистического, антинародного направления... Характерными признаками такой музыки являются отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся, якобы, выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик...» Не хуже, чем у малолетней сестры Зои! Так писал на склоне лет орденоносный академик Борис Владимирович Асафьев, одно время называвший Шостаковича, за «сумбур» и «маразм», гением. Именно Асафьева секретарь ЦК ВПК(б) Андрей Александрович Жданов попросил навести на постановление мудрый вид и литературный глянец, перед тем как отдать на окончательную правку Сталину. Жданов умер в том же 1948 году, Асафьев - в 1949 году... Шостакович любил афоризм, что критики-де те, которым не светит попасть в число критикуемых. В хорошем расположении духа один из его наставников профессор Леонид Владимирович Николаев на вопрос, кто такие музыковеды, сказал, что вотде домработница подала на завтрак яичницу, а музыковед-критик не только не умеет готовить яичницу, но не знает ее вкуса, и конечно, разглагольствует о ней... Ей богу, отрицать нельзя - Сталин знал вкус яичницы. «ЦК ВКП(б) констатирует совершенно нетерпимое состояние советской музыкальной критики. Руководящее положение среди критиков занимают противники русской реалистической музыки, сторонники упадочнической, формалистической музыки». Так и писал бы Асафьев под диктовку Сталина, что природа сильнее политической выгоды, что крапива росла до революции, растет и теперь, что за сто лет в критике ничего не изменилось: те же «немецкая» и «русская» партии истребляют друг друга почем зря. Эволюционирует один Асафьев; из Рубинштейна, Серова и великой княгини Елены Павловны он сделался Стасовым, Бородиным, Мусоргским. («Раек» Мусоргского, в котором тот высмеял врагов русской идеи, Шостакович развернул в обратную сторону, его «Антиформалистический раек» - против Сталина, Жданова, Асафьева; Сталин - бас - речитативом доносит слушателям строки постановления; славно дожить до такого дня, когда ты заставишь своего врага плясать под твою дудку!.. Это «послание в бутылке» к потомкам, для которых и догорающий день - пепел, труха, «преданья старины глубокой», впервые было исполнено в Вашингтоне, в 1989 году; дирижировал ученик, наследник идей Шостаковича - Мстислав Леопольдович Ростропович). На очередном собрании музыкальной общественности Шостакович прочитал по бумажке текст неизвестного автора, где было написано, что партия и на этот раз, с постановлением, права. Со временем, в хрущевскую эру, уточнят, что права, но не вполне. Самое смешное для него, что десятилетний сын Максим заучивал демагогические пассажи наизусть, чтобы не сбиться на экзамене в музыкальной школе, а Шостакович следил за ним по газете, не портя нервы ребенку и не вскидываясь при словах правды, которой было весьма много... Как лучше разыграть критиков, Шостакович показал своему аспиранту Владиславу Успенскому,

пригласив его однажды, уже в 60-х годах, к столу, накрытому газеткой; выпили пива, похрустели огурцами и капусткой, сдерживая смех, Дмитрий Дмитриевич распахнул двери в соседнюю комнату: там стол, на котором чего только нет, заботливо приготовленный Ириной Антоновной...

Если им так угодно, пусть критики пишут, как гонимый Шостакович увидел за стеклом газетного киоска сборник текстов еврейских народных песен, как униженного и оскорбленного Шостаковича обожгло: его состояние сродни тому, что испытывают в Советском Союзе евреи. В августе 1948 года первые восемь песен цикла для сопрано, контральто и тенора в сопровождении фортепиано были готовы, и друзья, в основном евреи, эту музыку иначе как гениальной и не называли, сравнивали ее с «Песнями и плясками смерти» Мусоргского. Однако, составители сборника Добрушин и Юдицкий уже сидели. В октябре Шостакович, только что изгнанный с работы, расширил цикл тремя песнями, полными торжества жизни, от которых друзья начали плеваться на манер партийных критиков; конечно, дело было не в музыке, нет - в словах: «И всей стране хочу поведать я Про радостный и светлый жребий мой. Врачами стали наши сыновья, Звезда горит над нашей головой». Это уже никуда не годилось, потому что противоречило еврейству, совершившему революцию в России - тюрьме народов ради всеобщего блага и гонимому теперь за этот подвиг. Пророк Моисей вывел евреев из египетской пустыни, а Сталин - из Политбюро, не зря появился такой афоризм (приписываемый Карлу Радеку), ох, не зря! Евреи возглавили поход ко всеобщему счастью, а Сталин спрятал счастье в кармане кителя, под Золотой Звездочкой; евреям уже мерещатся над Кремлем стронциановые шестиконечные звезды, которые цепляли на одежду евреев фашисты. Для этого ли убегал из Польши в 1939 году композитор и пианист Моисей Самуилович Вайнберг? Пока что он вместе со своей женой Натальей Мироновной сидит за столом у Шостаковича на дне рождения Дмитрия Дмитриевича - Мите уже сорок два года - и не собирается петь: «Сижу на нарах, как король на именинах...» Сидеть еще придется из-за отца жены - кремлевского врача Мирона Вовси и его коллег, которые довели-де до инфарктов Жданова, Щербакова и других, помельче, соратников Сталина, да кто же знает теперь, что случится с ним через четыре года; хотя огненные «мене, текел, фарес» уже полгода светятся над головами - дядя Натальи Мироновны - брат Мирона Вовси - великий еврейский актер Соломон Михайлович Михоэлс убит агентами Берии в Минске полгода назад, в январе 1948 года, - инсценирована смерть под колесами грузовика. Шостакович же заканчивает Еврейский цикл торжеством жизни! Впрочем, мудрый композитор смотрит вперед...

В марте 1949 года в США проходил конгресс, по-ихнему говоря, яйцеголовых - ученых, писателей, артистов - в защиту мира. Шостакович, обруганный, запрещенный, заартачился, от поездки отказался. Позвонил Сталин. Неважно со здоровьем? А кремлевские врачи на что? Не исполняют музыку? Выговор Главреперткому... Позвонил Берия. Сталин велел облагодетельствовать новой квартирой, дачей, новой машиной и деньгами, советовал не отказываться от подарков. Отцу Асафьева в старорежимные времена дали орден Станислава, полагавшуюся за орден плату у нищего чиновника высчитали по суду; а чем платить за награды Митеньке? «Если товарищ Сталин подарил бы мне старый костюм, я радовался бы, а тут все, о чем мечтает советский человек; берите, товарищ Шостакович!..» Директор Большого театра Яков Леонтьевич Леонтьев умер после разговора со Ждановым, а тут сам Берия. Шостакович вспомнил, что после смерти своего кумира Вагнера король Баварии Людвиг Второй утопился в водах Штарнбергского озера. Дожидаться инфаркта было неразумно (теперь-то он уже был), и товарищ Сталин не прыгнет в воды Москвы-реки. И компанию для поездки в Америку Сталин подобрал хорошую: Александр Фадеев - автор романа «Молодая гвардия», Сергей Герасимов - автор одноименного фильма (с музыкой Шостаковича), Михаил Чиаурели - режиссер фильма (опять музыка Шостаковича) «Падение Берлина», который еще не вышел на экраны: в финале Сталин - в белом кителе, высокий, выше Митеньки, хотя и одного роста с ним, усы черные, небо победное!.. Вернувшись из Америки, Шостакович на пленуме Союза композиторов прочитал по бумажке, подсунутой ему на трибунку: «Я имел случай глубоко почувствовать разницу между советским человеком и дельцами капиталистического мира... Именно партия и великий Сталин указали нам, композиторам, что отклонение от дороги служения на-

роду приводит художника к идейному и творческому краху».

Еврейский цикл впервые был исполнен в Малом зале Ленинградской филармонии после смерти Сталина, в 1955 году; пели Нина Дорлиак, Зара Долуханова, Алексей Масленников, партию фортепиано исполнял автор музыки; ведущий концерта пояснял, что в третьей, «Колыбельной», песне упоминается отец, сосланный в Сибирь, так «дело происходит в царской России», в зале посмеивались; теперь, если собеседник не сразу улавливал смысл сказанного, Шостакович, потирая руки, приговаривал: «Дело происходит в царской России, в царской, понимаете ли, России, именно, непременно в царской...» Никакой мистики, одна хронология, но Нина умерла вслед за Сталиным, в 1954 году, сорока пяти лет; в больнице она лежала в палате у раскрытого окна, и Шостакович боялся, что она простудится на декабрьском сквозняке; сказать, что она мертва, боялись... Не прошло и года, умерла мать, Софья Васильевна; Митя прилетел на похороны из Австрии...

Магическая тяга к еврейскому миру уже не отпускала Шостаковича. Пытаясь вернуть интерес диссидентствующей интеллигенции, утраченный после симфоний «1905 год» и «1917 год», Дмитрий Дмитриевич написал Тринадцатую симфонию. Прочитав «Бабий яр», сочинил первую часть симфонии, пригласил автора текста Евгения Евтушенко в гости, играл, пел, волнуясь, выпил водочки и спросил, хорошо ли. Евтушенко не было еще и тридцати лет, но Шостакович чувствовал, что за такими, как Евтушенко, Ростропович, Солженицын, - будущее... Конечно, он не предполагал, что через тридцать лет в СССР произойдет буржуазная революция «с лицом Ростроповича», с рожицей пока что милейшего Славки, послевоенного ученика Шостаковича в Московской консерватории, Славки, который не ведает пока, что через десять лет ему придется прятать у себя на даче в элитном поселке, под носом у властей, опального Солженицына; Славку и Галину обложат, как волчью стаю, оставив один выход среди красных флажков - за границу, и Шостакович промолчит, хотя в глазах Славки и Галины светился вопрос именно к нему: может, не уезжать?..

«Я всем антисемитам как еврей, И потому я настоящий русский!» Так писал в 1962 году Евтушенко, скрывавший до поры свои еврейские корни; его физиономия тоже мелькнет в ряду демонов 1991 года (Евтушенко объявит себя главным писателем России!), но не знает же этого в 1962 году киевский бас Борис Романович Гмыря, усомнившийся в художественной ценности «Бабьего яра»; не знает и Евгений Александрович Мравинский - первый исполнитель Пятой, Шестой, Восьмой, Девятой, Десятой, Двенадцатой симфоний Шостаковича, однако Мравинский уклоняется от права первого исполнения Тринадцатой, и Шостакович разрывает отношения с человеком, дружба с которым началась еще в 1937 году, передает партитуру Кириллу Кондрашину. После премьеры симфония была запрещена, интерес к Шостаковичу тем самым восстановлен. «Склонив хребет, галантный дирижер талантливо гребет обеими руками»; Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) писал это, кажется, про Мравинского. Вокальный цикл на стихи Черного, «Сатиры», посвящен жене Ростроповича - Галине Вишневской, которая предложила - ушлая баба! - подзаголовок: «картинки прошлого», то есть «дело происходит в царской России, именно в царской...» Дмитрий Дмитриевич не умеет грести обеими руками, он то правой, то левой. Первая его симфония - детский крик, радость жизни, Вторая и Третья - поиск путей наверх, замеченный и поощренный властями, Седьмая, Одиннадцатая и Двенадцатая - второе и третье восхождение на вершину официальной славы, Тринадцатая же - поиск славы у тех, кто выше всяких властей, за кем будущее: Ростропович, между прочим, тоже - Слава... День окончания Тринадцатой (как и день премьеры Первой) был для Шостаковича семейным праздником. Ох, приплетут досужие критики, что Тринадцатая была написана, чтобы улестить Ирину Антоновну Супинскую, однако партитура была закончена летом, а новая жена вошла в дом Шостаковича осенью... После премьеры Евтушенко, не уведомив композитора, опубликовал новый текст «Бабьего яра», эволюционировав в сторону здравого смысла: на войне погибали не только евреи... Шостакович узнал о противоминных зигзагах соавтора из газеты, так он сам раз за разом огорошивал своего учителя Овесыча... Заместитель министра культуры СССР Василий Феодосьевич Кухарский потребовал изменить текст и в симфонии; Кирилл Кондрашин предложил компромисс - заменить фрагменты текста, не трогая нот.

...Пригубив коньяку, Шостакович задумался и задремал. Теплоход называется «Ми-

хаил Лермонтов». Пока что «в столе» находятся два романса («Баллада» и «Утро на Кавказе», написанные в 1950 году в Комарове) на стихи великого гуляки, бреттера и сочинителя, характер которого был так близок молодому Митеньке. Умри, Шостакович, лучше не напишешь Елизаветы Сергеевны Шашиной, ее романса 1861 года; старше Лермонтова девятью годами, она умерла за три года до рождения Митеньки, девяноста восьми лет, а знают один ее романс. Зато какой!.. Скоро придется выходить навстречу вечности в деревянном бушлате, не видя, как «сквозь туман кремнистый путь блестит»; наверное, это будет похоже на золотую дорожку за окном теплохода, бредущего посреди безбрежного океана. Хорошо бы заснуть и увидеть давний сон из тех лет, когда и жизнь казалась океански безбрежной. Митя сочинял со скоростью машинистки, печатающей что ни попросят, и все равно Самуил Абрамович Самосуд ворчал, что молодые авторы пишут нестерпимо долго. Митя спал однажды, как вдруг увидел во сне, что едет на трамвае в МАЛЕГОт, где видит на сцене третий акт оперы «Нос», сочинено которой только два акта, публика вызывает артистов, Самосуда и Митеньку, который... просыпается и бежит к матери пересказать сон про «Нос». Счастливая Софья Васильевна одной рукой обнимает его, другой показывает на рояль. Митенька записывает ускользающую музыку и через несколько дней отдает Самосуду готовое окончание оперы... Теперь он видит во сне, как задыхается в последнем мучении, как тело становится легким, поскольку душа покинула его, как весь мир начинает истерически кричать, что скончался человек, который лучше всех в двадцатом столетии рассказал о торжестве жизни и ужасе смерти... Брежнев болен и в субботу, и в воскресенье, и в понедельник не подписывает некролога, продлевая жизнь Шостаковича в сознании советских людей; из Австралии возвращается, прервав гастроли, сын Максим; на Новодевичьем кладбище в Москве, рядом с могилой Нины, копают землю, августовский туман поднимается над ямой; работники изумительно пьяны... «Ты поживи пока, а потом приходи ко мне...» Надо спросить у Ирины Антоновны, из какого рассказа Бунина эти слова, однако, не обидится...

- Что, Митя?

Лицо Ирины Антоновны совсем близко. Она никуда не ушла, как опрометчиво уйдет из больницы за несколько часов до смерти Дмитрия Дмитриевича, - дел будет полно...

- Что, Митя?

Как пересказать ей простыми словами текст, напечатанный от его имени (в «Правде», в 1968 году): «Реальная жизнь, наше бурное, великое время отвергают бесплодные попытки тех, кто пытается представить современный мир как хаос, как скопище зла и страха. Жизнь, как бы она ни была сложна, а порой трагична, - прекрасна!»?

...1962 год, весна... Наталия Евгеньевна Гаврилина пребывает в плохом настроении - Валерий Александрович впал в депрессию, вызванную скептиком Евлаховым, недавно живой, как огонь, лежит на диване и читает-читает, добрался и до слов Стасова насчет Балакирева, «чтобы Милий не кончил как Гоголь», все окружающее «подстасовывает» под свою меланхолию. Как это не к месту, не ко времени...

- Румянец у вас на щеках природный, и зря вы его добавляете себе. Чем так переживать, возьмите своего студента в шоры и отведите к нашему старикану, - сказала Сарра Яковлевна Требелева - правая рука легендарного профессора Рубцова, и краткое питерское солнышко вырвалось из-за туч при ее словах.

Покорится ли студент такой участи? Композиторы - небожители, а музыковеды (если перейти к Рубцову) - низверженные, чаще им приходится думать о бараньих кишках, из которых делают струны для арф.

Выплескивая желчь на бумагу, Гаврилин писал: «Каждый молодой композитор переживает мучительнейший период в творчестве... - Дальше - про Евлахова, но это пройденный этап, теперь - к Рубцову. - Вот в легком облачке пронесся Феодосий Антонович Рубцов с протяжным голосом и свадебной улыбкой. Ветер раздувал копну благородных вороных волос. «Вот это то, что мне нужно, - подумал молодой композитор. - Русь, именно Русь, Русь-тройка. Об этом надо сказать». Он поднял глаза, чтобы еще раз взглянуть на славного ученого, но только легкая тень от облака... скользнула по его лицу...»

Феодосий Антонович Рубцов родился в селе Ольша Смоленской губернии в 1904 году; в 1931 году закончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции у Максимилиана Осеевича Штейнберга; в 1936 году по командировке Фонограммархива Пушкинского дома работал в Вологодской области, через год выпустил сборник местных народных песен; заведовал Фонограммархивом; в 1948 году был приглашен в консерваторию на должность профессора. А Шостаковича отставили от воспитания молодежи, так повернулось к нему время. В 1950 году по просьбе Григория Козинцева Шостакович писал музыку к фильму «Белинский» и обратился к помощи Рубцова. «В Ленинграде работает известный собиратель русских народных песен Феодосий Антонович Рубцов. Я воспользовался его богатейшим собранием песен, среди которых имеются ныне малоизвестные и недавно записанные в различных областях нашей страны. Эти песни и народные мелодии, творчески обработанные мною, органически войдут в ткань музыкального повествования».

Помогал Рубцов и другим гонимым. Заведующий кафедрой истории музыки Павел Александрович Вульфиус еще недавно спасался у Рубцова в лаборантах, потому что с давних, предвоенных, лет, будучи кандидатом искусствоведения, постигал волшебство русской народной песни в среде ее бытования. Участники хора Соликамского клуба горняков в 1950 году писали «Начальнику МГБ Молотовской обл. с огромной просьбой оставить нам Павла Александровича, с тем чтобы мы могли продолжать нашу творческую работу в художественной самодеятельности»; несмотря на письмо горняков и ходатайство депутата Верховного Совета РСФСР Шостаковича, Вульфиус был сослан еще дальше - в зону строительства железной дороги Абакан - Тайшет. Наконец, через восемнадцать лет странствий, Вульфиусу разрешено вернуться в Ленинград; пожилой человек в линялой гимнастерке и кирзовых сапогах преодолевает консерваторские коридоры; встречные профессора стараются слиться со стенами, и только смеющийся - смеющий! - профессор Рубцов протягивает руку. «Паша, прости их; они поверяли гармонию ожиданием ненотированного стука в двери!»

Помог Рубцов и Гаврилину. Профессор Богоявленский напомнил однажды, что «перебежчик» Гаврилин при собеседовании не смог ответить ни на один вопрос; Рубцов сказал, что перейти на другое отделение не проще, чем Савлу обернуться Павлом и поручился за новообращенного. Когда подступали сроки дипломной работы, дал тему легче легкого - «народно-песенные истоки в творчестве В.П.Соловьева-Седого»: пиши, как сам понимаешь устройство мира, а примеры бери, означенные в теме. Рубцов ясно видел будущий, не всеми видимый, высокий полет ученика, и хотел, чтобы работа отвечала этой высоте, не выглядела бы подхалимским подношением Василию Павловичу - председателю Ленинградского отделения Союза композиторов. На собраниях правления Рубцов подтыкал Соловьева-Седого в бок и говорил: «Вася, про тебя пишут... Хочешь познакомиться?» И познакомил. Вскоре Соловьев предложил Гаврилину поработать вместе: неплохо было бы написать оперетту «Василий Теркин»; Гаврилин опешил, замахал руками. Не было в Ленинграде другого музыканта, с именем которого так легко сочетались бы слова о «народно-песенных истоках»; многие известные ленинградцы, в том числе Шостакович, Свиридов, перебрались в Москву. К царю близко - к смерти близко, увы, главные фигуры обречены жить в главном городе, без них музыкальный Ленинград на глазах превращался в Скотопригоньевск Достоевского. «Не знаю, как и назвать этот город, наиболее пропитанный Злом (больше даже, чем Москва или грязная Одесса, полная теперь тупого малороссийского национализма, но все же не столь и полностью дьявольского, как Зиновьевский Ленинград - эта Северная Одесса)», - писал на склоне лет Свиридов.

Дипломная работа Гаврилина о Соловьеве-Седом была готова; шла весна 1964 года (богатого переворотами), и хотелось гулять, радоваться солнцу, удивляться, что во дворах-колодцах домов, где живали герои Достоевского, еще лежит снег. Соловьева-Седого тем временем оттирали на обочину. Более оборотистые профессор и студент не стали бы менять тему, но заменили бы героя, скажем, на Андрея Павловича Петрова: и у него немало популярных песен, и он далеко пойдет. Слово самому Петрову. «Весной 1964 года меня... пригласил к себе Д.Д.Шостакович. К тому времени он был Первым секретарем Союза композиторов РСФСР... Приближалось отчетно-выборное собрание ленинградских композиторов, и Дмитрий Дмитриевич считал, что молодым следовало бы взять на себя большую долю ответственности в руководстве союзом...

закончил тем, что хочет рекомендовать меня на пост председателя ленинградской композиторской организации... Теперь я понимаю известное легкомыслие моего тогдашнего согласия. Понимай я ситуацию, как понимаю ее теперь, спустя много лет, я, возможно, и отказался бы. Но тогда, в свои тридцать три года, не сознавал всей меры этой ответственности, да и некоторой щекотливости положения, при котором мне предстояло заменить на столь важном посту всенародно признанного мастера, в расцвете творческих сил, увенчанного почетными званиями, высшими наградами и премиями, человека, с которым у меня были добрые отношения...»

Покаянные нотки воспоминаний Петрова не говорят, однако, для чего Шостакович замыслил заменить руководство ленинградского отделения Союза композиторов.

Сергей Михайлович Слонимский рассказал-таки, для чего понадобилось отодвинуть Соловьева-Седого. Шостакович «...поддерживал в первую очередь своих учеников - О.А.Евлахова, Г.И.Уствольскую, Ю.А.Левитина и других, помог он и очень многим из нас (музыкантов-авангардистов - А.А.)... При нем (речь уже о Петрове - А.А.) нам стало гораздо легче, чем при В.П.Соловьеве-Седом. Василий Павлович был чудесный человек и прекрасный музыкант, но у него были свои вкусы, которые определялись жанром массовой песни... недолюбливал он симфоническую музыку, говорил про нее, что «она хороша только в траурные дни». А говорил он всегда абсолютно искренне - с трибуны вещал то же самое, что и в кулуарах. Просто он без всякого интереса воспринимал академическую музыку, считая, что это не для народа, а для снобов...» (С.М.Слонимский, в сборнике: «Г.В.Свиридов в воспоминаниях современников». Москва, «Молодая гвардия», 2006 год).

В большом сборнике, также интереснейших, воспоминаний о Соловьеве-Седом всего одна страница написана Гаврилиным, но на этой странице изложено главное, чем велик Василий Павлович, осмысленное Гаврилиным еще во время работы над дипломом. «Можно смело утверждать не только то, что песни Соловьева-Седого своей свежестью и новизной обязаны народной музыке, но и то, что народная песня обязана музыке Соловьева-Седого: ведь именно благодаря его сочинениям многие характерные особенности крестьянской народно-песенной традиции, ныне уходящей, не только сохранены, но и оказались доступными и близкими широчайшему кругу людей... Трудно назвать тему, которой не была бы посвящена композитором песня, и в этом смысле он представляет собою явление феноменальное в истории профессиональной песни. Подобная широта охвата явлений действительности свойственна только народному творчеству».

О проблемах творчества Гаврилин не раз беседовал с известным ученым-фольклористом Изалием Земцовским (первая, из огромного множества, работа которого, опубликованная в журнале «Советская музыка» в 1958 году, называется «Вологодская частушка»). Изалий Иосифович любил цитировать современника Пушкина и Глинки, председателя общества любомудров князя Владимира Федоровича Одоевского: «...дело не только в том, чтобы перенести в какое-либо сочинение народный напев, а нечто гораздо труднейшее: перенося или не перенося, воспроизвести в себе тот процесс, посредством которого, с незапамятных времен, творилось русское народное пение - сочинителями безыменными».

Земцовский понимал, что Гаврилин, не явись он «силой судьбы» в Ленинград из своей вологодской деревни, в которой семь домов, состоялся бы «сочинителем безыменным», радуясь, или с горя, воспроизводящим в себе творческий процесс, «труднейший» для князя. Гаврилин в ответ ухмылялся: ему и переносить-то никаких тяжестей не надо, его сочинения не нуждаются в музыкальных цитатах, и тексты, если не подвернется подходящего, он пишет сам, слова и музыка являются одновременно: поглощенная Гаврилиным консерваторская казуистика не погубила в нем деревенского жителя. Трудненько было многоумному князю Одоевскому, Рюриковичу, вообразить себя «сочинителем безыменным», так же нелегко ленинградским эстетам - в своем роде Рюриковичам, в своем роде скотопригоньевцам - увидеть в одном и том же человеке невообразимое сочетание: выходец из деревни - питомец муз. На разных поворотах жизни Гаврилин восклицал, то с иронией, то с трепетом: «Город дал мне образование, но в музыке я остался деревенским. Моя любовь к пению - из деревни.

Все, что касалось глубоких и серьезных чувств, в деревне изливалось в пении. И только легкомысленное - всякие там пляски, выклички коров и т.д происходило в сопровождении камерно-инструментальной музыки...» «В костюме, в галстуке и очках - я просвещенный, европейски образованный музыкант. А как остаюсь в чем мать родила... мужик мужиком, из вологодских». Где-то живут тысячи «сочинителей безыменных», и Гаврилин пробовал стать на место любого из них: «... кто знает, может, его собственная музыка жизни гораздо богаче моей, и умнее и значительнее моей. Поэтому я так осторожно отношусь к каждому выпуску в свет новых сочинений». Ответ и князю, и современному эстету: «Музыка - следствие жизни, но она ничего не дает слушателю знатоку, специалисту, если его нравственность не будет в гармонии с породившей ее причиной, т.е. неслышная еще, даже не рожденная музыка должна быть ожидаема». Эти записи появятся позднее, они «ожидаемы». Земцовский для собирательной фигуры эстета взят условно (есть много более подходящих), он еще из «Немецкой тетради» Гаврилина извлек вывод: «В ней много шубертовского, но звучит она очень по-русски, местами даже по-фольклорному!»

...1962 год, июль... Третьекурсник Гаврилин вместе с другими студентами путешествует по Лодейнопольскому району Ленинградской области. В деревне Пирозеро консерваторцы услышали: «Сижу на рояле играю. Играла и пела на нем. Играла и пела так чудно. Душе была радость моя...» И возроптали, забыв наказ научного руководителя профессора Рубцова - записывать все, предлагаемое исполнителями, - «ненужных» песен просто не бывает, они отсеиваются жизнью, как плевелы. Студенты возмущались: исполнители не понимают, что поют! Для чего записывать эту ерунду? Гаврилин обиделся на спутников: не туристы заморские, но русской действительности не понимают; никогда певица и не видала этого рояля, так надо ли глумиться над нею? Рояль - символ красивой жизни, который не у каждого студента имеется.

Студентка (позднее - преподаватель Смоленского музучилища) Светлана Пьянкова обиделась на Гаврилина. «Случайно я бросила взгляд в тетрадку Валерия, сидевшего чуть впереди. Увиденное в ней меня просто потрясло: ...легко нотируемый напев «Соловеюшки» прорезали пассажи септолей, нотный текст пестрел дробными длительностями, паузами, мелодические обороты, казалось, ничего общего с искусством данной певицы не имели. «Неточность» записи была столь очевидна, что моя душа вскипела возмущением: как может такой композитор (он ведь уже тогда был величиной!) «искажать» песню, как можно подобное себе позволять! В полном смятении пришла к руководителю экспедиции Сарре Яковлевне Требелевой, нашему доброму наставнику, умевшему хорошо понимать нас и неназойливо, но неуклонно направлять на путь истинный... А с «Соловеюшкой премилым» я встретилась спустя три года в «Русской тетради». Интонации лодейнопольских песен - лирических, плачей, частушек - новаторски претворенных, звучат на протяжении всего цикла, и напев «Соловеюшки» среди них один из ведущих. Он (единственный) использован как цитата в полной безысходности кульминации седьмой части...» Наивность добропорядочного обывателя! Шостакович мог наслушаться народных песен из коллекции Рубцова и вытkать свой музыкальный половичок, но Гаврилину-то это зачем? В рассказе бывшей студентки видна идиллия, описанная еще князем-любомудром: отставной гусар, набравшийся на бивуаках немецкого способа записи на бумаге мечтаний об идеальном, вьющихся колечками, словно табачный дым, из окна дворянской усадьбы наблюдает на закате хороводы крепостных девок и пробует «перенести в какое-либо сочинение народный напев...» Изалий Земцовский тоже езживал с Гаврилиным в экспедиции, он сопоставляет «Русскую тетрадь» с народными песнями, записанными позднее, заведомо Гаврилину неизвестными, отмечает «переклички, иногда совпадения». Приведена и нотированная запись «Соловеюшки»; достаточно взглянуть на нее и на строку из «Русской тетради», чтобы убедиться: мемуаристку подвела память. Земцовский с торжеством ценителя восклицает: «В «Русской тетради» не процитирован ни один фольклорный напев. И в то же время весь ее музыкальный язык... пропитан национально-русскими интонациями - как песенными, так и речевыми. Это свидетельствует о глубоком постижении Гаврилиным музыкальной речи народа, об умении свободно и талантливо изъясняться в искусстве, не копируя, а претворяя эту речь».

Много лет спустя Гаврилин сформулирует себя сам: «Русский народный музыкальный и поэтический язык - мой родной от рождения. На нем я говорю легче всего».

...1964 год, весна... Дипломная работа под руководством Рубцова получила оценку «отлично», и «музыковеда, преподавателя музыкально-теоретических дисциплин» Гаврилина распределили на работу в Киргизскую ССР, в город Ош. Домашний совет решил, что поначалу Валерий поедет один, без жены и четырехлетнего сына; работала же Наталия Евгеньевна три года в Бологом в железнодорожной школе, куда ее направили после окончания университета. «Песня ничего, хорошая, - отвечал Гаврилин. - Но в ней немало восточного. Ведь композитор кореец». Такой отзыв случилось ему однажды получить. Вспомнились слова Аполлона Григорьева, что честнее гораздо обучать киргизов, чем свирепствовать с Тушинцами; так, видимо, полагала и комиссия по распределению, под Тушинцами полагая, в нынешнем разе, Евлахова, Богоявленского и других профессоров-недоброжелателей; однако, он погибнет как композитор в чужеродной звучащей среде, сопьется, не имея над собою твердого руководства Наталии Евгеньевны и Феодосия Антоновича... Все замерли. Тихий ангел пролетел - надо ждать чего-либо сверхъестественного...

Раздался звонок телефона. «Наташа! Скажите, пожалуйста, не мог бы Валерий сдать экзамены по композиции экстерном? А «Немецкая тетрадь» стала бы дипломной...»

Голос судьбы композиторы отдают группе медных инструментов, тут Орест Александрович Евлахов пропищал, как пастушья дудочка, скликающая стадо ко дворам. Имея чин композитора, можно поступать хоть к Шостаковичу, в аспирантуру, ради него, в основном, и учрежденную. Работа по распределению отпадет, так удалось вернуть из Пскова распределенного туда приятеля Гаврилина - Геннадия Белова. Так или иначе, диплом композитора Гаврилин получил даже раньше, 18 июня, диплом музыковеда - 30 июня 1964 года. Сдав экзамены в аспирантуру, Гаврилин попросился не к Шостаковичу, пипиндипельному, как сам Карл Маркс, а к прямому, суровому Евлахову, искренне восхищаясь Орестом Александровичем и его звонком: давай, мол, возвращайся, - переступить через обиду в интересах дела - ученичок-то Гаврилин редкостный! - способен не всякий. В аспирантуру к Евлахову он один и пошел. Скотопригоньевцы были ошарашены: Евлахова предпочесть Шостаковичу! А каково Евлахову, невольно изображенному противовесом Шостаковичу? Гаврилин отшучивался, но понимал: Шостакович наезжает из Москвы, есть в этом некая механистичность, как и во всем его симфонизме, а ты между тем изволь к его прибытию что-то сочинить.

В 1938 году, уезжая из Ленинграда в Тбилиси, профессор Петр Борисович Рязанов передал двух своих студентов, Георгия Свиридова и Ореста Евлахова, новому преподавателю - Шостаковичу. «На первой же встрече в консерватории, - вспоминал Евлахов, - Дмитрий Дмитриевич засадил Свиридова и меня за рояль и попросил поиграть в четыре руки (насколько помню, одну из симфоний Моцарта). Мы очень робели, однако, будучи вообще очень недурными пианистами, сыграли первую часть симфонии довольно гладко, но совершенно невыразительно и сухо, что вызвало добродушно-ироническую улыбку нашего педагога. «Вы очень чисто, очень чисто играете».

Евлахова хорошо знал школьный учитель Гаврилина - Сергей Яковлевич Вольфензон, который помнил, как Шостакович привел подопечного Ореста в Союз композиторов; вскоре в творческую организацию были приняты - студентами! - Соловьев-Седой, Свиридов, Дзержинский, Евлахов. Слабому здоровьем Евлахову врачами назначено было ехать в Крым, оставляя на произвол судьбы жену-студентку, ведь учась в консерватории, Евлахов зарабатывал на жизнь преподаванием в музыкальном техникуме. Удалось получить и путевку в санаторий, и внушительную сумму денег; по возвращении из Крыма Евлахов пришел в консерваторию благодарить за помощь, и раскрылось: путевку добыл Шостакович, деньги он же - из своего кармана... Болезнь не отпускала Ореста Александровича всю жизнь, но Евлахов не жаловался на судьбу, о его состоянии мало кто догадывался. Шостакович вспоминал, как Евлахов принес свои сочинения. «Глядя в его партитуры, я убедился, что этот молодой композитор уже тогда прекрасно владел оркестром. И конечно, занятия с ним сразу утратили «школьный» характер. Роли распределились так: я, как более опытный оркестратор, давал

советы более молодому коллеге. В дальнейшем Евлахов стал заниматься у меня и по сочинению. В его юношеских работах меня всегда радовало яркое мелодическое дарование, очень хороший, безошибочный вкус, точная отделка деталей, конструктивная крепость, большой эмоциональный накал его музыки. Впоследствии к этим прекрасным качествам прибавились большая глубина, высокая идейная направленность. В общем, уроков в школьном смысле... не было. Были беседы об эстетике, о значении музыки в жизни нашего общества, о содержании музыкальных произведений».

Штейнберг, Овесыч, был ядовитее. «4.6.38. Экзамен класса сочинения Шостаковича... Мало приятного (пожалуй, Евлахов). 6.5.41. Евлахова (очень зеленый и скучный, с сильным влиянием Ш-ча) фортепианный концерт». Концерт Евлахова, посвященный Шостаковичу, впервые был исполнен в Большом зале Ленинградской филармонии, за пультом был Евгений Мравинский. Шел май 1941 года...

В годы войны Евлахов вел дневники. Неровен час, погибнешь, как Веня Флейшман; белокурый, с голубыми глазами еврей из Бежецка, обремененный семьей, Веня учился гармонии и композиции у Евлахова в Первом музыкальном техникуме, а вместе они оба учились в консерватории у Шостаковича. Только Вене Шостакович позволял сочинять по одному-два такта в месяц; бурный Свиридов, например, едва ли не на каждый урок приносил новое сочинение. Оперу «Скрипка Ротшильда» Веня так и не закончил, он погиб на Ленинградском фронте; в феврале 1944 года Шостакович привел партитуру в надлежащий вид, дописал, инструментовал, разыскал в Кирове вдову Вени и отослал ей несколько тысяч рублей гонорара (возможно, из своих денег). Втянувшись в работу, Шостакович поневоле заразился еврейскими мотивами, - до его Еврейского цикла оставалось четыре года. А в годы блокады за архивом Флейшмана, как и за бумагами Шостаковича, присматривал Евлахов: не искурил, не сжег в буржуйке, о чем регулярно докладывал Шостаковичу то в Куйбышев, то в Москву. Трагическая обстановка блокады изощряла мысль, отсеивала шелуху. В сентябре 1942 года Евлахов написал на листе бумаги: «7-я симфония Шостаковича» и вынес вердикт: «Глубина мысли, замечательный талант, но при всем этом мелодически не так богато, как должно быть. У классиков (Баха, например) все размышления в музыке, солирующие места и прочее действуют потому, что мелодия трогает и захватывает. У Шостаковича та же гениальная глубина и сила, но мелодии такой, увы, нет. Забавное противоречие и порождение XX века: мелодическое дарование не соответствует огромному таланту в других областях творчества (оркестровому, колористическому, гармоническому)».

В марте 1943 года оркестр Ленинградской филармонии под управлением Карла Ильича Элиасберга исполнил концертную сюиту Евлахова. Элиасберг был первым в блокадном Ленинграде исполнителем уже легендарной Седьмой симфонии Шостаковича, отблески этой славы падали и на Евлахова; однако, на торжественном заседании в ноябре 1943 года представители Союза композиторов усомнились, нужны ли теперь трагедийные сюжеты, блокадные ужасы; Евлахов возразил: «Голод не влияет на высоту критерия художника... Героика и драматизм будут всегда свойственны (и в мирное время) ленинградской теме. Шостакович, Шестая симфония Чайковского, где много печали, дают больше радости душевной, чем пустое «ура» веселых сочинений». Евлахов вместе с оставшимися в городе музыкантами выступал в госпиталях и воинских частях. Сочинял. На партитуре Третьей его симфонии написано: «Посвящается подвигу Ленинграда». Конечно, музыкальный материал этого последнего крупного сочинения отложился в годы блокады. Героику прошлых лет каждое поколение понимает по-своему, и здесь нельзя навязывать свой опыт. Тем более, Орест Александрович любил, когда воспитанники его класса уходили к другим преподавателям, пробовали чужих пирогов и возвращались с повинной. Классический пример, когда с благословения Римского-Корсакова прогульщики Лядов и Дютш были изгнаны, однако вырубленный из финского гранита учитель восчувствовал (не сразу!) их раскаянию и принял шалунов в круг своих друзей и помощников, что оба оправдали вполне... Вернулся и Гаврилин. Надолго ли?..

В беседах с Гаврилиным Евлахов надеялся вернуться к текстам Гейне, тенью ставшего между студентом и преподавателем. Нашел себе друга ученичок; это Маркс в «Капитале» назвал Гейне своим другом, а вчерашнему деревенскому парню зачем они оба?.. Социальные противоречия и грядущие битвы Гейне описал не без иронии:

борьба пролетариата закончится победой справедливости, но из гейневской «Книги песен» наделают кульков для табака. И поделом: польза выше поэзии, которой у него не столь и много. Стихотворение «Не знаю, что стало со мною», тем не менее, сделалось немецкой народной песней. Высокая скала над Рейном, прелестная дева с золотыми волосами и золотым гребнем, отверженный в лодке, которую волны о скалу и разобьют: в лодке бедный юрист Генрих, на скале - дочь банкира Соломона, дяди Генриха, Амалия. Из протухлой Германии - в Париж! Там Бальзак, Жорж Санд, Энгельс. Амалию заменила молоденькая продавщица Матильда, не понимает по-немецки (вот счастье для человека, зарывшегося в бумаги), но понимает в жизни лучше восемнадцатилетнего кудрявого Маркса, который подтрунивает над ее склонностью к нарядам и веселью, меж тем приходит в гости именно к обеду; поймет еще кудрявый: ни счастье, ни жизнь - не вечны, так пой же «Гаудеамус игитур» - будем веселиться... Наступающий паралич Гейне сравнивал с поражением восстания в Париже в 1848 году; он лежал в «матрацной могиле» (так называется большой цикл его стихов) восемь лет.

Шуберт, Шуман, Мендельсон пишут на стихи Гейне популярные романсы. В России многим Гейне заменяет Пушкина. Слушательница высших женских курсов, спеша через Литейный мост к зданию Медико-Хирургической академии, может держать в муфточке короткоствольный бульдог или томик Гейне, а студент университета, столкнувшись с нею в ранних сумерках, извиняется, что читает на ходу, в руках у него «Капитал» - сочинение новейшего мыслителя из немцев, Маркса. Других капиталов у студента нет, но столкновение бывает поводом к знакомству. Постепенно Гейне сделался кумиром большинства русских переводчиков. Федор Тютчев пьет с Гейне баварское пиво, переводит несколько текстов из «Книги песен» для журнала «Галатея» и сборника «Северная лира», первым знакомит русского читателя с Гейне, пока еще романтиком и певцом житейских радостей, но в следующем столетии вы редко найдете сборник Гейне, в котором среди множества переводчиков было бы имя Тютчева: Тютчев - русофил, а пропагандисты Гейне - противоположного качества, и пока не все их мечты осуществились... «На севере диком стоит одиноко» - переосмысливал свою демоническую личность Лермонтов. Отрицание филистерства находили сотрудники сатирического журнала «Искра»: Василий Курочкин (входил в руководство «Земли и воли», поддерживал связь с Герценом и Огаревым, два месяца провел в Петропавловской крепости), Михаил Михайлов (за прокламацию, отпечатанную в типографии Герцена, осужден на поселение в Сибири, умер на Кадаинском прииске, где отбывал ссылку Чернышевский). Петр Вейнберг писал под псевдонимом «Гейне из Тамбова», в перерывах между лекциями на Высших женских курсах, организованных при помощи великого русского композитора и профессора медицины Александра Бородина. Родственную душу находил в Гейне Лев Мей - автор стихотворных драм «Царская невеста» и «Псковитянка». Алексей Плещеев, стоя среди других петрашевцев на эшафоте, удивлялся, как часто любовь к народу и любовь к поэзии ведут на эти деревянные подмостки, отнюдь не сценические. Землевладелец Афанасий Фет блюл свои интересы чисто по-немецки - поймав крестьянских гусей в усадебных пределах, принуждал мужиков к штрафам; он же, Фет, с полной искренностью переводил из Гейне: «Из слез моих много родится Роскошных и пестрых цветов, И вздохи мои обратятся В полуденный хор соловьев»; Фет перевел не менее трех десятков текстов Гейне; наивность Фета детская-таки, и нет в этих гейневских слезах и вздохах главного - поэзии, чего в самом Фете отрицают немногие. Тургенев, пообтершись на Западе, не упускает случая одернуть иного русского, а Фету прямо пеняет: «Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его». Да Аполлон Григорьев спьяну грозит задушить сочинителей, наполненных «той тоски а ля Гейне, которая у некоторых звучит чем-то неприятно-фальшивым и приторно-принужденным». Да Козьма Прутков сочиняет «Юнкера Шмидта» - пародию на русских подражателей Гейне, за что огнедышащий Владимир Стасов приговаривает Алексея Толстого ко второму сорту поэтов; утешением лирической поэзии Толстого явилось то, что она легла в основу романсов едва ли не всех известных композиторов, ему современных. Черты Гейне проступают в русском поэтическом и музыкальном творчестве, и это понятно: Россия ближе других стран стояла к социализму, хотя и не обязана была совершать рокового шага. Умудренный жизнью Яков Полонский писал своему дальнему родственнику, совсем далекому по взглядам на жизнь, Льву Толстому, возмущаясь его трактатом

«Что такое искусство»: «Между нами прошла пропасть, так как Вы отрицали все для меня святое - все мои идеалы: Россию как народ и как государство, церковь и проповедь, таинство брака и семейную жизнь, искусство и присущую ему красоту... Пока проповедуете Вы нищенство и милосердие, Запад дошел до другой крайности. Золя говорит, что христианство отжило свой век и доказал нам, что милосердие не ведет к справедливости, а Вы отдаете без борьбы всю Россию в руки этого Запада. Он и так уже без выстрела одолевает нас и материально и нравственно грабит нас...» Алексей Пешков на берегу славной речки Казанки выстрелил в себя из револьвера, оставив записку, что ему мешает жить Гейне... (Я долго стоял на берегу Казанки, недалеко от Кремля, и почему-то не вспомнил про Гейне... - А.А.)

У музыкантов та же песня: всюду Гейне! Первой оперой Новой русской школы - школы учеников Балакирева - стал «Вильям Ратклиф» по юношеской трагедии Гейне; шотландский сюжет в переложении немецкого еврея взял русский француз Кюи; яркий букет имен, не менее блистательная музыка успеха на русской сцене не имели: и без того надоели и французы, и итальянцы в собственном их соку. Римский-Корсаков, будучи уже автором Первой симфонии, сочинил свой первый романс на стихи Гейне - «Щекою к щеке ты моей приложись...» «Красавица-рыбачка» Гейне вызвала к жизни один из первых романсов Бородина. Гаврилин подарил своей учительнице музыки опус первый - «Красавица-рыбачка»; Бородин взял перевод Фета, Гаврилин - Дейча; существует еще и перевод Блока. Опус первый (1936 год) Евлахова - Орест Александрович развел руками - два романса на стихи Гейне... Пока что речь о Гаврилине. Погружаться в мир чужих чувств, не насытив души своими собственными восторгами перед жизнью, опасно. Бородин хотел сказать совсем другое, но его второй романс - на текст Гейне - «Отравой полны мои песни...» Интересно, кто же в детстве подал Гаврилину в руки томик Гейне?..

Продолжение следует

Павел ШАБАНОВ

ПОЛЕТ ОВОДА,

или ВОЛОГОДСКИЙ СЛЕД РОМАНОВЫХ

Историческое расследование
(журнальный вариант)

Часть I. КОРОЛЬ ШПИОНОВ

Музейный вход в историю

Господи, с какой малости начинаются открытия: случайно попавшаяся на глаза заметка о том, что британский полковник Локкарт считал Сиднея Рейли прообразом главного героя романа Этель Лилиан Войнич «Овод», да где-то слышанное, что Рейли в 1918 году короткое время был в Вологде...

И вдруг выясняется, что в Вологде он бывал не раз, и здесь долгое время жили его родственники (уехали в Израиль только после 2000 года), и посейчас в Вологде живет человек, называющий себя его племянником, а если вам повезет, то вам покажут его сына, родившегося в 1919 году в пригородной деревне.

В Советском Союзе роман «Овод» считался хрестоматийным. По нему снимались фильмы, делались инсценировки. Даже картину Репина «Исповедь» по аналогии с одной из самых патетических сцен «Овода» стали называть «Отказ от исповеди перед казнью». Пожалуй, вполне можно сделать заметку в газету, нечто вроде «Овод в Вологде». Вот только из двух этих фактов приличную публикацию не сделаешь, нужен еще материал...

Рейли, помнится, был в Вологде в составе дипломатической миссии, а кто у нас главный специалист по истории пребывания дипломатических миссий в Вологде? Правильно, «главный по дипломатам» у нас — Александр Быков, основатель и директор частного музея «Дипломатического корпуса в Вологде». И я отправляюсь в дом №35 по улице Герцена, где сейчас находится антикварный и художественный «Салон на Дворянской», а в 1918 году размещалось американское посольство.

«Мы были вынуждены переехать в Вологду из вашей столицы в связи с угрожающим наступлением армии империалистической Германии, нашего общего неприятеля, жестокого врага русской демократии и врага демократии всего мира, попирающего проявления демократических принципов» (из речи посла США в России Дэвида Френсиса на банкете, данном в честь иностранных посольств и миссий 9 марта 1918 года в гостинице «Золотой якорь»).

Александр Владимирович над версией полковника Локкарта откровенно посмеялся, заявив, что это полная чушь, зато порадовал меня другой версией: Сидней Рейли - прототип героя романов Йена Флеминга, супер-агента «007». Ну, это еще лучше! «Джеймс Бонд в Вологде»! О музее, созданном Александром Быковым, я уже был наслышан, но бывать в нем не приходилось, и я спросил: «Как можно в музей попасть?» — «А вот, дверь видишь? Вот в нее и входи». И я вошел в эту дверь, сделав еще один шаг в надежде разгадать тайну человека, который в Вологде, как считает Быков, носил имя Джона Гелеспи...

Я не буду рассказывать о небольшом музее, расположенном в двух залах. При случае сходите туда сами и обязательно сводите гостей города. Такие экскурсии заставляют по-новому взглянуть на значение тихого провинциального города в мировой истории. Для себя же я особо отметил: до сих пор неизвестно, где в Вологде того времени находилась миссия Бразилии во главе с поверенным в делах Вианной Келшем. Странно, не находите? Миссия, то есть, проще говоря, мини-посольство, — ему-то

зачем играть в конспирацию? Отчего бы это? Вот про французов известно — они в железнодорожном вагоне были, на вокзале, потом — в учительском институте, японцы — в гостинице «Золотой якорь», а вот про бразильцев до сих пор ничего неизвестно. Странно это...

И я поехал домой. Уже было ясно, что маленькой заметкой дело не обойдется, мне предстояло несколько недель упоительного ощущения — шаг за шагом следовать за перипетиями жизни удивительного человека, которого еще при жизни назвали «королем шпионов». И уже на первых шагах меня ждала удача: последовал долгожданный звонок из Израиля, потом пришло письмо, и оставалось только сводить воедино все многочисленные свидетельства.

Овод 007

Документальных свидетельств о нем сохранилось множество, воспоминания о нем писали жены, любовницы, враги и сослуживцы. И в то же время достоверно о нем неизвестно ничего. Называются разные даты его рождения: 1872, 1873, 1874... Разведки разных стран, писатели и исследователи называют разные места его рождения: Одессу, Херсон, Санкт-Петербург, польские города Ломжа, Бедзинь, Бельск, ирландский Клонмель, Дублин...

Относительно места рождения — тут секрета, пожалуй, нет. Дом, в котором родился будущий Рейли, мне показывали: № 15 по Александровскому проспекту в Одессе, а вот в том, сколько всего фамилий и паспортов он сменил за свою весьма бурную жизнь, до сих пор определенно сказать невозможно. Английский разведчик Роберт Брюс Локкарт в своей книге «Ас шпионажа» рассказывал, что к 20-м годам у Рейли было 11 паспортов разных государств, и в каждый была вписана его очередная жена, и со всеми женами он находился в супружеских отношениях... Сам Рейли рассказывал о себе и своем происхождении множество версий. Даже пытаться исследовать их все — бессмысленно, но существуют объективные свидетельства, не зависящие от буйной фантазии «короля шпионов».

В 2002 году в Великобритании К.Э.Линдж, судебный фотограф и эксперт по изображениям, член Британского института профессиональной фотографии, провел экспертизу двух фотографий конца XIX века, на которых были изображены настолько похожие люди, что сначала даже их считали изображением одного человека, и теперь можно достоверно считать запечатленных на фотографиях Соломона Розенблюма (Рэйли) и Бориса Розенблюма, сына Михаила Абрамовича Розенблюма из Херсона, весьма близкими родственниками. Результаты габитоскопического исследования неопровержимо свидетельствуют, что, по крайней мере, один родитель у них был общий. Внимательно всмотревшись в эти фотографии, потом не вздрагивайте, когда в директорском кресле одной из вологодских фирм увидите очень похожего человека...

Основная же версия, излагаемая Рейли, такова. Он родился в помещичьей семье в Одессе или вблизи ее, при крещении был наречен Георгием. Его отцом был дворянин, полковник, имевший связи при дворе. В возрасте 16 лет Георгий поехал в Вену для прохождения трехгодичного курса химии, где познакомился с доктором Розенблюмом, лечащим врачом его матери. В Вене Георгий ведет обычную студенческую жизнь, с учебой и веселыми пирушками, и участвует в работе социалистического кружка. За противоправительственную деятельность он арестовывается заграничной агентурой департамента полиции и депортируется в Российскую империю.

Здесь родители Георгия используют все свои связи и добиваются его освобождения, но к этому времени его болезненная мать уходит из жизни. В день выхода из тюрьмы его дядя в присутствии родственников назвал Георгия «ублюдком», незаконнорожденным ребенком от связи его матери с доктором Розенблюмом, ее лечащим врачом. Георгий уходит из семьи, имитирует самоубийство, принимает фамилию Розенблюм и уезжает в Южную Америку, меняя одну профессию за другой. В досье разведки Франции на Рейли он фигурирует как Леон Розенбаум и Леон Розенблат.

Выросший в многонациональной Одессе юноша не испытывает сложностей с иностранными языками, он с детства разговаривал на английском, французском, испанском, итальянском и греческом языках. Потом он появляется в Париже, где заводит знакомства со многими русскими политэмигрантами. Но причина этого сближе-

ния не в его политических взглядах или приверженности к каким-то убеждениям. Главной движущей силой всех поступков Рейли всегда были деньги.

В 1985 году Леон (Зигмунд) Розенблюм укрылся в Англии. Уже тогда в Лондон стекались эмигранты всех мастей со всей Европы, им по давней британской традиции предоставлялось убежище как жертвам политического преследования. В 1896 году наш герой поселяется в новом престижном доме на Розетта-стрит, в районе Ламбет, в лондонском Сити открывает собственную небольшую фирму «Розенблюм и Ко». Торгует патентованными препаратами, тогдашними аналогами нынешних «гербалайфов» и тайских таблеток, но выдает себя за химика-консультанта, и много в том преуспел. В течение нескольких месяцев его принимают в члены Химического общества, а через девять месяцев он становится членом еще более престижного Химического института.

Здесь, в Химическом институте, он знакомится с Люси Буль, а через нее с ее сестрой, писательницей Этель Войнич (урожденной Буль). Она становится его любовницей, и они едут в Италию. Спустя какое-то время после их непродолжительного знакомства, в 1897 году, Войнич выпускает в свет роман «Овод». По словам Розенблюма, события его юности и легли в основу биографии главного героя, Артура Бертона. Когда он в Вене был членом радикального политического кружка, «Лиги просвещения», ему оказывал материальную помощь венский врач — тот самый Михаил Розенблюм. И каким потрясением для юноши было узнать, что это — его родной отец.

И это далеко не единственная параллель с судьбой героя романа «Овод». Богатая событиями жизнь, работа в подполье, постоянная смена имен и адресов — все это произвело впечатление на влюбленную в него женщину. В результате на страницах романа возникла яркая фигура кристально чистого, пламенного революционера, отдавшего свою жизнь за свободу Италии. Свидетельств схожести судьбы Артура Бертона и Зигмунда Розенблюма множество, а в качестве одного из аргументов против этой версии приводилось высказывание Тибора Самюэли: «Можно ли себе представить большую нелепость, нежели то, что прототипом одного из самых почитаемых в советской России литературных героев (Артура Бертона) был один из самых злейших ее врагов?» Ну, положим, Советской России еще и в помине не было, когда роман увидел свет, да и считать Рейли злейшим врагом России тоже не совсем верно, как мы увидим в дальнейшем.

Встречались мне и утверждения, что Рейли с Войнич даже не был знаком, но совсем недавно в архиве заграничной агентуры департамента полиции был обнаружен документ 1903 года с краткой справкой о Рейли: «Розенблюм, Сигизмунд. Близкий приятель Войнича и в особенности его жены. Всюду сопровождает последнюю, даже когда она уезжает на континент»...

Рейли частично послужил прообразом и Остапа Бендера. Валентин Катаев, старший брат Евгения Петрова и близкий друг Ильи Ильфа, был знаком с Зигмундом Розенблюмом до и после его южноамериканской поездки в конце XIX века. Именно ему мы обязаны хрестоматийным возгласом «Нет, это не Рио-де-Жанейро!», как стал приговаривать Сидней Рейли после посещений кабинетов совслужащих. С него же написан и эпизод в финале «Золотого теленка», только инсценированный эпизод на советско-финляндской границе превратился в сцену ограбления румынскими пограничниками. Хотя, возможно, создателям образа Остапа Бендера было известно гораздо больше.

Чтобы покончить с литературными героями, отметим, что Йен Флеминг признавал, что прообразом Джеймса Бонда послужил знаменитый международный шпион Сидней Рейли, о котором ему рассказывал его коллега по службе Брюс Локкарт. Флеминг даже говорил: «К сожалению, Бонд не всегда так же хорош, как Рейли!»

В советских и российских энциклопедиях о Рейли пишут: «Английский разведчик, один из организаторов заговоров против советской власти». Историк и журналист Роман Бракман, «оттянувший» пятерку в Гулаге, освобожденный Хрущевым и теперь живущий в США, утверждает, что Розенблюм-Реллинский-Рейли был завербован чекистами сразу после создания ВЧК 20 декабря 1917 года. Считается, что он работал на японскую разведку, а Локкарт утверждает, что Рейли во время англо-бурской войны выполнял какие-то поручения в Голландии, отслеживая голландские военные поставки в Южную Африку, затем в Персии с целью прогнозирования добычи нефти в этом

регионе.

В 1899 году супруги Розенблюм, изменив фамилию на Рейли, отправились в Россию, а затем в Китай. Сделано это было весьма кстати: в Лондон незадолго до их отъезда приехал следователь из России в связи с делом о подделке русских кредитных билетов. Розенблюм был заподозрен в соучастии как химик, а также как перевозчик фальшивых билетов. С новым паспортом и новой биографией Рейли отправился туда, где охранка менее всего ожидала, — в Россию.

Именно тогда он впервые появляется в Вологде и Соколе (тогда еще Печаткино). Позднее именно Рейли надоумил баронессу Дес-Фонтейн, анархистку и миллионершу, скупить на Севере России все бумажные фабрики, в том числе бумажную фабрику купца Печаткина на Сухоне, работавшую на тряпье. При помощи иностранных инженеров, бельгийцев и англичан, рядом со старой фабрикой по последнему слову тогдашней техники была выстроена новая, названная «Сокол», давшая, в свою очередь, название нынешнему городу.

В Вологде Рейли под именем лесопромышленника из Херсона Сварцевича останавливается в гостинице «Золотой якорь» и встречается с дальними родственниками, жившими на улице Кирилловской (ныне Ленина). Замечу, что улица Кирилловская в то время была местом жительства торговцев и ремесленников евреев. Он ссужает своего родственника деньгами, и тот открывает свое небольшое дело. После короткого пребывания в Вологде его жена Маргарет отправляется через Москву в Петербург, а сам он из Ярославля пароходом отправляется вниз по Волге и далее в Баку. В документах английского Военного министерства есть свидетельство: «У мистера Стивенса (в британском консульстве в Баку) есть агент, который ездит между Петровском и Баку по Транскавказской железной дороге и лично докладывает Стивенсу о результатах своих поездок».

В сентябре 1900 года супруги Рейли из Константинополя выехали пароходом в Египет и далее с пересадками и остановками в Шанхай и, наконец, в Порт-Артур. В Порт-Артуре Рейли поступает на службу к давнему знакомому семьи Розенблюм Моисею Акимовичу Гинсбургу, владельцу крупной импортно-экспортной компании с отделениями в Нагасаки, Иокогаме, Чемульпо, Одессе и Сингапуре. Великий князь Кирилл Владимирович писал о Гинсбурге: «Он был нашим благодетелем, от которого зависел весь наш Тихоокеанский флот. Все, от булавки и до корабельного якоря и от заклепки до дымовой трубы, приходилось доставать с помощью Гинсбурга».

С ярко выраженным коммерческим талантом и способностью к языкам, Рейли также становится представителем Восточно-Азиатской компании, пароходной фирмы с филиалами в Одессе, Петербурге и Копенгагене. И тогда же открывается еще одна компания — «Грюнберг и Рейли». Предвидя неизбежность войны с Японией, Гинсбург и Рейли закупили огромное количество продовольствия, медикаментов и материалов, а также очень много угля. За несколько месяцев до того, как прозвучал первый выстрел, было закуплено только медикаментов и перевязочных материалов на 150 тысяч рублей.

И зачем нужно было Рейли работать на японскую разведку, в чем его подозревают многие, если работа на себя ему приносила многие тысячи? Для примера, некто Коллинз, работавший на русскую разведку и обвинявший Рейли в шпионаже в пользу Японии, получал в месяц 300 долларов и возмещение расходов. Деньги весьма солидные, но для Рейли, жившего полнокровной жизнью английского джентльмена, «рожденного от ирландского отца и русской матери», это были вовсе смешные деньги.

И еще. Среди 4 тысяч европейцев, населявших тогда Порт-Артур, была целая армия женщин, позабытых мужьями и умиравших от скуки. Развлекая себя и скучающих женщин, Рейли становился обладателем бесценной информации, из которой просто делал выводы. «Новая и еще более опасная спецслужба начинает давать свои ростки», — пишет он адресату, скрытому под инициалами «ECF», имея в виду японскую разведку, наводнившую Манчжурию своими агентами.

В преддверии войны Рейли отправляет жену в Англию, а сам вскоре оказывается во Франции, переодетый священником, проникает на яхту Ротшильда, интригует, и в результате его усилий в 1909 была создана «Англо-Персидская нефтяная компания», ныне «БП Амоко». А сам Рейли в 1905 году приезжает в Петербург. После этого длительный период его жизни связан с Россией.

Он поселяется в Петербурге и оказывается как рыба в воде. Гениальный интриган, непревзойденный специалист в высокой науке взяточничества, он стал незаменимым человеком в предвоенном Петербурге, где в то время царила жестокая, беспощадная конкуренция. Находил возможного конкурента, распространял дезинформацию о нем и его продукции. Он моментально обзавелся обширнейшими связями в политических, судебных и министерских кругах и всегда был в курсе сроков и деталей готовящихся контрактов и сделок. Разумеется, своих информаторов он постоянно подпитывает, кого деньгами, кого иными подношениями и услугами. В «представительские расходы» входит и оплата журналистов и редакторов, помещающих благожелательные статьи о близкой Рейли фирме «Блом унд Фосс» и негативные о конкурентах.

Избрав Петербург центром своей коммерческой деятельности, наш герой много ездит по России и Европе, останавливаясь в лучших отелях Одессы, Киева, Парижа, Берлина, Вены и Лондона. И, по крайней мере, трижды до 1911 года он появляется в Вологде. Среди многих версий такого интереса к Вологде наиболее вероятной я считаю семейную легенду, что в Вологде у дальних родственников воспитывался его сын от юношеского увлечения своей кузиной Фелицией. Его частые поездки в Париж вызваны появлением у него двух страстей: во-первых, Ева Лавальер, жена директора парижского театра «Варьете», а во-вторых, воздухоплавание. Последняя страсть неизменно сопровождала его на протяжении всей жизни.

Сидней Рейли основал первый в Петербурге аэродром. Тот факт, каким образом это было сделано, прекрасно иллюстрирует, что его репутация «человека, который знает все», вполне заслужена. А если говорить точнее, он знал то, чего не знали другие. Он узнал, что со времен Петра I коменданту Петербурга принадлежит право пользования большим земельным участком — «комендантское поле». Право это было, но коменданты никогда им не пользовались. Этот участок за совсем смешные деньги арендовала пожилая англичанка, пересдававшая участки огородникам. Рейли «очаровал ее своей любезностью и прекрасным английским языком и получил от нее право на сдачу всего этого поля под аэродром». Аэродром на Комендантском поле, основанный Сиднеем Рейли, был закрыт только в 1963 году.

Окрыленная Вологда

18 июня 1911 года вблизи Завокзального поселка Вологды было людно: жители города собрались посмотреть на первый полет аэроплана. Так что вовсе не случайно улица на этом месте называется Планерная. Летчик Васильев под восторженные возгласы обывателей поднял аэроплан в воздух и направился в сторону Прилук. На обратном пути он совершил вынужденную посадку, не долетев до места, где его ожидали, но все равно жители города горячо приветствовали героя.

И никем, кроме департамента полиции, оказался незамеченным приезд в Вологду директора Русского Товарищества Воздухоплавания «Крылья», организовавшего этот показательный полет, британского подданного Сиднея Райллэ. Главной целью общества «Крылья» было «способствовать развитию воздухоплавания и авиации в России». Целью МВД было проверить по своим картотекам благонадежность членов общества «Крылья». В справке по регистрационному отделу сообщалось, что сведений о Сиднее Райллэ не имеется. Никому в голову не пришло сопоставить запрос с находившимся в розыске Зигмундом Розенблюмом.

И никто не задался вопросом, почему летчик Васильев летал именно к Прилукам? Это был учебный полет будущей боевой авиации! Аэроплан-этажерка пролетел над Спасо-Прилуцким монастырем, запечатлев на фотографическую пластинку крепость, каковой, по сути, и являлся монастырь, а на обратном пути сбросил на железнодорожный мост деревянные муляжи бомб, то есть совершил учебное бомбометание. Уже в следующем, 1912 году, первые боевые аэропланы России приняли участие в Первой Балканской войне на стороне Болгарии. А Рэйли в это время живет в Петербурге, снимая квартиру за 2 тысячи рублей, обедая в лучших ресторанах. Капиталов в денежном выражении он тогда не нажил, но наработал многочисленные связи. Его одновременно считают и английским шпионом, и немецким агентом.

А вот документ 1914 года, выданный русскими: «По приказанию начальника Гене-

рального штаба предъявителям сего: великобританскому подданному Сиднею Георгу Райллэ... необходимо оказывать содействие в как можно скором и беспрепятственном переходе границы. Указанные лица имеют поручение от начальника Главного артиллерийского управления о производстве закупок материалов и вооружений для нужд армии». И осенью 1914 года он вновь на неделю приезжает в Вологду — из Варшавы эвакуировался его двоюродный племянник, сын Фелиции Нейфельд, урожденной Розенблюм, нежные чувства к которой он сохранил на всю жизнь. Лесопромышленник «Сварцевич» занят устройством на новом месте своего родственника и параллельно становится инициатором строительства завода по производству взрывчатки «куралит». Завод продукцию так и не дал, а вот название поселка Куралит на карте Вологды осталось.

Русское задание

Только с наступлением войны он стал зарабатывать больше, чем тратил, и к 1917 году его капитал, сделанный на сделках по продаже вооружения, достиг 3 миллионов долларов. В то время это были очень большие деньги. Вспомните эту цифру, мой читатель, когда еще раз встретите утверждение, что Рейли был чьим-то агентом. Считается, что он безвыездно живет в роскошном отеле в Нью-Йорке, ни в чем себе не отказывает, а между делом втягивает Америку в войну с Германией на стороне Антанты: ночью 30 апреля 1916 года Нью-Йорк был потрясен взрывом чудовищной мощности на складе боеприпасов на острове Блэк-Том-айленд. По странной случайности, большая часть снаряжения, уничтоженная в результате взрыва, была приготовлена к отправке в Европу по заказу основного конкурента Рейли — Моргана. При взрывах раскачивался Бруклинский мост. 11 января 1917 года произошел еще один чудовищной мощности взрыв на сборочном заводе конкурирующей компании в 10 милях от нью-йоркской гавани. Взорвалось 500 тысяч трехдюймовых снарядов, но... никто из 1400 служащих не был убит или ранен! Ну, что сказать? Ювелирная работа.

Дезорганизована работа конкурентов, Америка вступает в войну, а Рейли подозревают в работе на немцев. И в то же время «выполнял чрезвычайно трудную и опасную задачу, пробираясь на территорию Германии (обычно на аэроплане через линию фронта) для сбора военной информации. Его заслуги в этой области были высоко оценены, и его подвиги в Германии стали легендой». Локкарт утверждал, что Рейли, переодевшись в форму полковника германской армии, проник на совещание германского главнокомандующего, на котором присутствовал сам кайзер. Напоминаю, у Рейли в то время было 3 миллиона долларов. Вот интересно, ну чем можно завербовать человека с такой суммой в надежном банке? По-моему, очевидно, работал он всегда только на себя.

В 1918 году он вновь появляется в России. Глава британской секретной службы писал в начале этого года: «Скейл представил мне Рейли, который изъявляет желание поехать в Россию по нашему заданию. Очень умен, очень подозрителен, был везде и делал все. Вывезет 500 фунтов банкнотами и бриллианты, пользующиеся сейчас большим спросом, на сумму 750 фунтов. Дело, должен признаться, очень рискованное, так как ему предстоит встретиться с нашими людьми в Вологде, Киеве, Москве и т.д.»

В это же время из Нью-Йорка приходит телеграмма: «Мак-Робертс сообщает, что он лично симпатизирует Рейли, но мало его знает. Другой служащий банка сообщил мне информацию, которую он получил от человека, знавшего Рейли много лет: Р. — греческий еврей, очень умный и совершенно беспринципный, во время войны заработал на русских контрактах около двух миллионов долларов, имеет связи практически в каждой стране, включая Германию, Японию и Россию. В связи с вышеизложенным, считаю нужным подчеркнуть, что у Рейли должны быть очень веские основания оставить свой прибыльный бизнес и жену, о которой говорят, что она очень ревнива, и начать работать на нас. Н. Дж.

Каблограмма в британскую миссию в Вологде: «25 марта Сидней Джордж Рейли, лейтенант Королевского авиакорпуса, выехал из Англии в Архангельск. Имеет еврейско-японскую внешность, карие навыкате глаза, морщинистое землистого оттенка лицо, может носить бороду, рост пять футов девять дюймов. Даст о себе знать в апреле. Имеет при себе шифрованное сообщение, по которому вы установите его личность.

По прибытии должен появиться к консулу и спросить, где можно найти чиновника, занимающегося оформлением паспортов. Спросите, по какому вопросу он пришел, и он ответит: «Покупка бриллиантов». В его распоряжении имеются бриллианты как наиболее удобная валюта. Если у вас не хватит средств, у него есть приказ поделиться с вами. Он будет полностью в вашем распоряжении, если нужно, пусть станет членом вашей организации, так как он должен иметь свободу передвижений. Его необходимо отправить в Стокгольм в конце июня. Ждите дальнейших инструкций».

И тут возникает вопрос: зачем Рейли приехал в раздираемую Гражданской войной Россию? Зачем, если опустить опереточную историю с заговором Локкарта, дескать, так Рейли ненавидел Советскую Власть и лично товарища Ленина, уж так ненавидел... Что он делал в России и, в частности, в Вологде? Если предположить, что Рейли и Джон Гелеспи одно лицо, как считает Быков, то что мы видим? Сидит этот Гелеспи безвылазно в Вологде, сначала в составе дипломатической миссии, а потом нелегально, и что он делает?

Я в свое время испытал большую радость, когда нашел упоминание о Гелеспи в воспоминаниях Игнатьева, члена «Союза Возрождения», подпольной организации кадетов, эсеров и народных социалистов: «Турба и Талицкий свели меня тогда с проживавшим нелегально в Вологде представителем английской миссии Гелеспи, который выкопал оставленные в условленном месте деньги и передал мне для нужд военной работы. Получал я от него деньги раза три, всего на общую сумму тысяч полутораста, двухсот. На эти деньги было закуплено оружие, содержались члены организации, бывшие на нелегальном положении... Было созвано совещание под Вологдой, на котором присутствовали представители военной организации «Союза Возрождения» и английский представитель Гелеспи... Через два дня назначен нам был выход из Вологды, средства были получены мною от Гелеспи» (цит. по «Красная книга ВЧК» 1922 г. издания).

А потом, когда более подробно изучил биографию Рейли, понял: нет, это не Рейли. Сидит безвылазно в Вологде, только для того чтобы выкопать из земли деньги и передать заговорщикам... Не тот масштаб. Любой приготовишка от разведки скажет, что это полная чушь. Начитались ребята дешевых выпусков «Ната Пинкертона», вот и придумали закопанные деньги и передачу их. В начале XX века технология тайников и бесконтактная передача в разведке уже была отработана. Что-то мне это очень напоминает. «Союз Меча и Орала» из «Двенадцати стульев», вот на что это похоже.

Молодая республика Советов в кольце врагов, высадка интервентов в Архангельске. Благодаря героической VI Армии «полчища» англичан не дошли до Вологды... Вот только теперь романтические байки о злокозненных англичанах, высадившихся в Архангельске и лелеющих планы оккупации Вологды, смотрятся совсем по-другому. Русский Север тогда англичанам совсем был не нужен, их интересы были направлены в другую сторону. 23 декабря 1917 года англичане с французами заключили тайную конвенцию, по которой англичанам отходили Кавказ и казачьи территории Кубани и Дона, а французам — Бессарабия, Украина и Крым.

Высадилось в Архангельске 5 тысяч человек — что-то маловато для оккупации бескрайних просторов русского Севера, не находите? Больше того, оказывается, это местный Совет пригласил англичан и разрешил высадку английского десанта в Архангельске для охраны складов оружия от ожидавшегося нападения немцев и финнов, причем по прямому указанию Ленина. 16 мая 1918 года председатель Совнаркома подписывает «Полномочия военному руководителю Беломорского окружного комиссариата по военным делам Ф.Е.Огородникову на передачу представителям Англии, Франции и США военного имущества в Архангельске, Вологде и Сухоне».

С огромным наслаждением приведу цитату из Ленина: из доклада о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918г. «Обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов долларов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в их империалистической войне против Германии» (В.И. Ленин. ПСЧ, т.36, стр.343). Нет, ну, вы поняли? Эти англо-французские лохи вложили немереные бабки, а теперь хотят с этого что-то иметь. Ну, наивные!

На русском Севере тогда оказалось несметное количество военного имущества, вооружения, продовольствия, угля и других грузов. Все это злые англичане, французы

и американцы завезли в союзную Россию в счет кредитов по займам, и в феврале 1918 года постановлением СНК была создана чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта. Миллионы пудов ценных грузов были вывезены по железной дороге на ст. Сухона и по Северной Двине в Котлас. Тонны ценных грузов, практически бесконтрольно передвигающиеся по огромной территории... Может, именно из-за них Рейли прибыл в Россию?

Именно в такой ситуации Корейко из «Золотого теленка» делал свои миллионы, вот только для Рейли это, опять же, мелко — тырить шмотки, даже эшелонами, это не для него. Нет, Рейли приехал для чего-то другого. А была ли в то время в России цель, достойная Рейли? Была! И ее уже упоминали исследователи жизни «короля шпионов».

Часть II. СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН

А был ли расстрел?

В июле 1920 года в Сан-Франциско вышла книга под названием «Спасение царя». Эта книга в деталях описывала спасение семьи Романовых... и была тут же изъята из обращения. Такая, понимаешь, демократия и свобода слова. В 2001 году Шей МакНил опубликовала версию, что Рейли в 1918 году находился в самом центре заговора по спасению царской семьи в Екатеринбурге. Эта версия прекрасно ложится на психологический портрет выдающегося авантюриста и в то же время позволяет понять необъяснимые, казалось бы, странности в поведении Рейли.

Вот только какое спасение? Ведь всем известно, что в июле 1918 года царскую семью расстреляли в подвале Ипатьевского дома, в июле 1991 года их останки нашли, авторитетные комиссии подтвердили, что это останки Романовых и сопровождающих их лиц, и 17 июля 1998 года их торжественно захоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Всем известно? Но православная церковь устами патриарха Алексия II заявила: захороненные в Санкт-Петербурге останки не принадлежат Романовым. Такое же заявление сделала и российская зарубежная экспертная комиссия по установлению судьбы останков членов российского императорского дома.

Решение правительственной комиссии о признании находки в Екатеринбурге останками царской семьи и их слуг не было единодушным, четыре члена комиссии высказали особое мнение: историки Вениамин Алексеев и Сергей Беляев, предводитель российского дворянства князь Андрей Голицын, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. И если начать подробно разбирать все аргументы, свидетельствующие о том, что в истории гибели царской семьи все обстояло совсем не так, как нас убеждают все эти годы, то получится толстенная книга, а потому приведу лишь основные аргументы вкратце.

Первым в комнате, где происходил расстрел, побывал охранник Михаил Летемин. 18 июля он увидел, что пол в комнате чистый, и не обнаружил на стенах никаких следов крови. В задней стене, слева от входной двери, он увидел три небольших отверстия глубиной около 1 см. Никаких других следов стрельбы он не обнаружил.

Комиссия капитана Малиновского, которая вела следствие об исчезновении царской семьи сразу же после занятия Екатеринбурга белыми, сделала вывод, что в подвале Ипатьевского дома была имитация расстрела. Был привлечен опытный следователь по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкин, который тоже заявил, что в Ипатьевском доме проделана имитация расстрела и никто там не убит. Свое мнение он изложил иностранным корреспондентам в Томске и заявил, что у него имеются доказательства того, что в ночь с 16 на 17 июля царская семья не была убита. Через неделю после этого заявления Наметкин сам был убит, а весь его архив сгорел. После ухода Наметкина следственную группу возглавил следователь Сергеев, и он пришел к тем же выводам, после чего был отстранен от следствия и вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах. Колчаку, который уже объявил себя верховным правителем России, царь, даже бывший, в живых не нужен, и был назначен «правильный» следователь, Соколов, который и сделал «правильный» вывод о расстреле Романовых.

По поводу генетической экспертизы есть множество сомнений. Сомнительны и

условия, при которых в 1991 году сделана находка. Вдруг за день до раскопок откуда-то появился фонд «Обретение», и неизвестно откуда взялись средства на раскопки. Кто прислал на раскопки солдат, армейское снаряжение, полевую кухню, прожектора, две передвижные электростанции? Почему раскопки проводились спешно, под дождем, за два с половиной дня? И проводились именно там, где в 1918 и 1919 годах за 9 месяцев поисков было найдено лишь незначительное количество сгоревших украшений, деталей одежды, палец и фрагмент вставной челюсти. И уж совсем не по себе становится, когда прочитаешь фамилии ведущих экспертов в «царском» деле: Соловьев, Никитин, Абрамов, Плаксин, Громов. Эти же фамилии — в следственной бригаде Генпрокуратуры, которая в 1993 году установила, что Есенин покончил жизнь самоубийством...

Согласно показаниям главного «цареубийцы», Юровского, останки были разрублены и сожжены до пепла. Что же за скелеты похоронены в Петропавловском соборе? О каких клубах порохового дыма во время расстрела говорится, если патроны тогда заряжали уже бездымным порохом? В описании жестокого убийства царской семьи даются такие подробности: «Повернувшись к императрице, палач несколько раз вонзил ей штык в живот и в грудь. Один из ударов оказался настолько силен, что раздробил ребра и расколол позвоночник». Позвольте полюбопытствовать: казнь наблюдали на экране рентген-аппарата? Многочисленные свидетельства о гибели царской семьи противоречат друг другу. Так, наставник цесаревича Алексея Пьер Жильяр прочитал в одной из таких книг красочное описание собственной гибели. Он побывал в Ипатьевском доме в конце августа 1918 года и после этого написал: «Покидая дом, я не мог поверить, что императорская семья действительно погибла. В комнате было так мало пулевых отверстий, что я подумал: просто невозможно допустить, что здесь погибли все».

Так что стоит внимательнее присмотреться к телеграмме начальника английской военной разведки в Лондоне генерала Макдоноу генералу Пулю в Мурманск от 28 мая 1918 года: «На двух нижеупомянутых офицеров возложено выполнение секретного задания, их имена не должны упоминаться в официальной переписке или сообщаться другим офицерам, за исключением особых случаев. Это лейтенанты Митчелсон и Рейли».

Козыри игры

Прошло 90 лет после тех событий, но все еще не развеяны многие мифы. Присмотримся к некоторым деталям. Когда Керенский хотел переправить граждан Романовых в Англию, то 10 апреля 1917 года получил вежливый ответ Министерства иностранных дел Великобритании: «Правительство Его Величества не настаивает на своем прежнем приглашении царской семьи». А в связи с появившимися слухами о том, что Франция готова принять Николая с семьей, английский посол в Париже лорд Френсис Берти срочно отправил официальное письмо в секретариат французского МИД, где говорилось о бывших царице и царе: «Она должна рассматриваться как преступница или преступная одержимая, а бывший император как преступник за свою слабость и покорность ее подсказкам».

Монархисты обратились к германскому послу Мирбаху, призывая спасти Романовых. Граф Мирбах преспокойно ответил: «Судьба русского императора теперь в руках его народа. Это старая, старая история — горе побежденному!» Ни одно из белогвардейских движений не поднимало монархических лозунгов, а у Деникина монархистов всерьез прессовала контрразведка.

В Екатеринбурге, когда туда привезли Николая с семьей, находилась в эвакуации Академия Генерального штаба — отборные офицеры, профессионалы войны. При желании они немногочисленный гарнизон Уралсовдепа загнали бы под лавку. Белогвардейцы обложили Екатеринбург с трех сторон превосходящими силами, но до конца июля штурмовать практически беззащитный город не стали. Голощекин из окруженного города съездил в Москву за инструкциями и вернулся.

В общем, такое впечатление, что Романовы никому не нужны, по крайней мере, официально. Но существует множество свидетельств, что заинтересованность в сохранении жизни Романовых проявляли и англичане, и немцы. Поскольку король Анг-

лии и кайзер Германии были вовлечены в войну и оба были близко связаны с российской императорской семьей, все контакты происходили в условиях повышенной секретности. На семейном уровне король Георг продолжал беспокоиться о судьбе императорской семьи, о чем свидетельствует переписка между Георгом и Николаем, хранящаяся в Музее революции в Москве. Мирбах, официально отказавший в помощи монархистам, по просьбе кайзера оказывал давление на Ленина, требуя обеспечить безопасность княгинь Романовых, которые в это время были в Екатеринбурге.

В конце июня в ходе телеграфных переговоров Ленин «приказал Берзину взять всю императорскую семью под свою защиту и пресекать любое проявление насилия по отношению к ним; в случае, если какое-нибудь насилие будет допущено, Берзин ответит за это своей жизнью». В это же время произошел характерный инцидент в Крыму, где под охраной балтийских моряков во дворце Дюльсберг под Ялтой содержались мать Николая Александра Федоровна, великий князь Александр Михайлович и другие Романовы. Ввиду приближения к Ялте немецких войск, местный Совет постановил расстрелять укрывшихся во дворце классовых врагов. Но командовавший балтийцами Задорожный выкатил навстречу отряду ялтинского Совета пулеметы и твердо заявил, что жизнью Романовых может распоряжаться только вождь мирового пролетариата товарищ Ленин. А когда немцы все-таки захватили Ялту, великий князь Александр Михайлович настаивал, чтобы охрана осталась прежняя — команда балтийских матросов во главе с Задорожным. И есть свидетельства, что многие из «революционных матросов» говорили по-русски с английским акцентом, а некоторые русского языка вообще не знали.

Отчего Ленин проявлял такую трогательную заботу о Романовых? Есть свидетельство советника германского консульства в Москве Рицлера, что на оригинале договора о Брестском мире стояла подпись Николая Романова, — немцы страховались на тот случай, если рухнет режим большевиков. До сих пор полный текст договора о Брестском мире не опубликован ни у нас, ни на Западе. Какие тайны хранит этот договор и его приложения?

По множеству причин большевикам был нужен живой Николай Романов! В крайне нестабильной обстановке 1918 года большевистский режим находился на грани крушения, Ленин и его ближайшее окружение готовились к возможной эмиграции, и в этой ситуации спасенные Романовы были бы для них охранной грамотой. По свидетельству Войкова, Ленин был категорически против казни: «Некоторые члены президиума были едины с Лениным в вопросе казни детей. Ленин подчеркивал, что, когда произошла французская революция, король и королева предстали перед законным судом и были осуждены на смертную казнь, но дофина (наследника) пощадили. Расстрел царских детей, заявлял он, произвел бы ужасное впечатление в других государствах, представляющих угрозу для нас».

В среде большевиков всерьез обсуждалась идея, как бы подкинуть бывшего государя белым? Ведь появление Николая стало бы дестабилизирующим фактором Белого движения. Он напоминал бы одним об их недавнем предательстве, вспыхнули бы старые претензии и неудовлетворенные амбиции других, а монархисты не смогли бы простить бывшему царю то, что именно царь своей бездарной деятельностью подорвал основы монархистской идеи.

Что касается имущества Романовых, в России оно было национализировано в июне 1918 года декретом советской власти, но было еще имущество за рубежом, до которого дотянуться было нелегко. Имущество Романовых за рубежом, в том числе и на счетах в зарубежных банках, на сегодняшний день оценивается в несколько десятков миллиардов долларов! Так... Ну, вот, теперь участие Сиднея Рейли в этой истории вполне объяснимо.

А то, понимаешь, заговор Локкарта... Достаточно привести слова советского дипломата Леонида Красина, чтобы понять, кто на самом деле организовал «Заговор Локкарта»: «Дзержинский, в сущности, хитрая бестия, запугивающая Ленина контрреволюцией и тем, что она сметет нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струне».

Петербург — Москва — Вологда

В пришедшем из Израиля письме родственников Рейли тоже есть свидетельства об участии «дяди Георгия» в спасении царской семьи, но я не буду в своем исследовании опираться на это письмо, прежде всего потому, что в настоящее время один из авторов письма является заместителем главы одной нехилой спецслужбы Израиля, в связи с чем понятно и то, что я не называю ныне живущих в Вологде его, пусть и дальних, но все-таки родственников. Да и ни к чему, для доказательства этой версии достаточно открытых источников.

Прежде всего — почему именно Рейли? Брат Якова Свердлова Бенджамин был до войны деловым партнером Рейли в Нью-Йорке. А бескорыстность самого Якова Свердлова прекрасно иллюстрируется списком ценностей, обнаруженных после его смерти в 1919 году: ведра бриллиантов в буфете и набитый золотом сейф, вскрытый только в 1936 году. Итак, только факты из открытых источников.

7 мая 1918 года Рейли, ни от кого не скрываясь, в полной форме британского офицера вошел в ворота Кремля, где состоялась его встреча с секретарем Ленина Владимиром Бонч-Бруевичем. Иностранные исследователи того периода называют Бонч-Бруевича секретарем Ленина, управделами Совнаркома. И мало кто сейчас знает, что Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич после прихода к власти большевиков возглавил самую первую службу безопасности советского режима. В начале 1918 года она называлась комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, позднее, чтобы отличаться от ведомства Дзержинского, ее переименовали в следственную комиссию. На следующий день Рейли за этот визит получил выволочку от Локкарта, который до этого понятия не имел о существовании Рейли, и тем не менее, 9 мая Рейли встречается с братом управделами СНК генералом Михаилом Бонч-Бруевичем, в то время начальником штаба верховного главнокомандующего, руководителем высшего военного совета.

После этого Рейли развивает бурную деятельность — он в постоянных разъездах между Петербургом, Москвой и Вологдой с удостоверением сотрудника ЧК на имя Сиднея Григорьевича Реллинского. Считается, что эти документы фальшивые. Ну, не знаю — выдал их ему Владимир Орлов, служивший в уголовном отделе в Питерской ЧК. Кроме того, в Москве наш герой — господин Константин, греческий коммерсант, проживающий в доме №3 в Шереметьевском переулке. Но в архиве ФСБ хранится справка домового комитета, из которой следует, что проживал он в 85-й квартире этого дома под своим именем и был зарегистрирован как британский лейтенант Сидней Рейли. Нелегал, спасу нет... Персональное же досье Рейли в МИ-6 буквально пусто за период с мая по октябрь 1918 года. В Петрограде он — Константин Маркович Массино, турецкий коммерсант. В Вологде он — Георгий Сварцевич и Сидней Реллинский.

Цепь ключевых событий

15 июня 1918 года консульство Великобритании в Вологде обращается в Вологодский губернский исполком с просьбой выдать пропуск на выезд из России 18 английских граждан через Мурманск. В этот же день в Томске наставника царских детей Пьера Жильяра заставляют написать заявление на визу.

26 июня 1918 года в Вологде ликвидирована городская дума и управа и арестован губернский военком Волков (запомним эту фамилию).

1июля 1918 года в Вологде арестовывают находящихся в ссылке великих князей Георгия Михайловича, Николая Михайловича и Дмитрия Константиновича (они при случайной встрече могли узнать Романовых).

2 июля 1918 года Ленин посылает в Екатеринбург телеграмму, после которой его родственников немедленно освобождают.

4 июля 1918 года Рейли — «служащий» Народного комиссариата иностранных дел Константин Георгиевич Реллинский на заседании 5-го съезда Советов в Большом театре, где в кулуарах и решалась судьба Романовых. В перерыве между заседаниями в фойе театра он знакомится с привлекательной машинисткой исполнительного отдела ВЦИКа Ольгой Старжевской. Рейли неизменен — завязывается роман между Ольгой и Константином Марковичем Массино, служащим советского учреждения. «Мас-

сино» дает ей 20 тысяч рублей на покупку квартиры и обстановки, и они стали жить вместе.

В тот же день в Екатеринбурге произошла смена охраны. Первоначальная охрана под руководством свирепого Авдеева смещена, новую охрану царской семьи возглавляет посланец Ленина Яков Юровский, медик с навыками фотографа. «Во время службы санитаром он овладел широкими познаниями в медицине и иногда пользовался ими, вызывая удивление у врачей и иногда давая очень разумные советы». Для инсценировки расстрела царской семьи трудно было бы найти человека, который лучше подходил бы, чем преданный большевик с дореволюционным стажем Юровский. Кстати, он присутствовал при покушении на Ленина 30 августа этого же года. После ранения Ленин своим ходом поднялся по крутой лестнице на третий этаж и самостоятельно разделся, при перевязке не издал ни единого стона, что заставляет предположить превентивное обезболивание. Уже 3 сентября он самостоятельно встал и вышел (в этот же день была расстреляна Фанни Каплан).

Отныне по прямому распоряжению из Москвы прежней охране запрещено входить в «Дом особого назначения», где проживала царская семья. Внешнее кольцо охраны по-прежнему осуществляют вольнонаемные рабочие-красногвардейцы, внутреннюю — особо доверенные «латыши». Ничего похожего на монолитную власть большевиков-ленинцев тогда не было. К примеру, в Красноярске тогда было одновременно 8 правительств. В июне 1918 года контроль большевиков над екатеринбургским Советом и ЧК был весьма условным, Совет был разделен на фракции между большевиками, эсерами, левыми эсерами и анархистами. Все фракции, кроме большевиков, требовали немедленной казни Романовых. Так что смена караула в Екатеринбурге — это спецоперация большевиков-ленинцев на территории Уралсовета, воспрепятствовавшего незадолго до этого вывозу Романовых в Москву.

5 июля в Киеве германский дипломат (и резидент кайзеровской разведки) граф Ганс Бодо фон Альвенслебен встретился с двумя русскими монархистами князем Александром Долгоруким и членом Украинского государственного совета Федором Безаком. Слово князю Долгорукому: «Предупредил нас, что между 16 и 20 июля будут распространены слухи о смерти царя и что эти слухи или новости не должны нас тревожить; подобно июньским слухам об убийстве царя, они будут ложными, но распространение их необходимо для освобождения царя».

6 июля Блюмкин убивает германского посла Мирбаха, мятеж в Москве, Ярославле и Рыбинске, и время для Рейли сжимается — он осуществляет, пожалуй, самую масштабную авантюру в своей жизни.

14 июля — угрожающая нота германского правительства о вводе в Москву германского батальона, якобы для охраны посольства. Дальше — разночтения версий. По одной — из находящегося от Ипатьевского дома на расстоянии броска камнем английского консульства в Екатеринбурге был прорыт подземный ход, по другой — для вывода царской семьи воспользовались подземными инженерными коммуникациями. В манускрипте МакГарри-Романовского «Освобождение царя» есть ссылка на то, что царская семья была выведена из Ипатьевского дома через канализацию английским агентом разведки, после того как между королем Георгом V и кайзером Вильгельмом было заключено независимое соглашение. Агент Чарльз Джеймс Фокс зафиксировал в своем дневнике, что он и царская семья находились в тоннеле несколько дней, прежде чем выбраться из тоннеля внутри британского консульства. Возможно, имелось в виду, что они находились в подвальных помещениях? Агент Фокс утверждает, что внедрился в охрану, когда в Ипатьевский дом вводилась новая охрана (4 июля).

Ночью 15 июля «британский офицер в крестьянской одежде перешел линию фронта от экспедиционного корпуса генерала Пула в Архангельске и прибыл в Екатеринбург». Это был служащий британских инженерных войск Дигби-Джонс, чьи отчеты за этот период были до недавнего времени засекречены, а в немногих опубликованных не хватает страниц.

15 июля Вологодский Исполком выдает пропуск на выезд 18 граждан Великобритании.

16 июля из Екатеринбурга исчезают Романовы и командующий Северо-Урало-Сибирского фронта Берзин, с которым неоднократно встречался Рейли. В это же вре-

мя над Екатеринбургом, по свидетельству множества очевидцев, замечены аэропланы. Передовица «Нью-Йорк таймс» от 23 декабря 1918 года: «Начиная с первых дней июля аэропланы появлялись над Екатеринбургом каждый день, они летали низко, и их обстреливали, но всегда без результата. Об этих полетах ходили слухи, что это белочехи делают разведку и намереваются занять город».

О самолете, летающем над самым садом дома, пишется в отчете британского высшего офицера Чарльза Элиота. Самолеты летали и с севера, о чем говорится в сообщении С.П.Нацаренуса о разведывательных и боевых действиях самолетов интервентов в районе станций Сегежа, Масельгская и Медвежья Гора от 19 июля 1918 года: «В районе головного участка появился аэроплан, взявший направление на юг». И здесь пришло время вспомнить, что Рейли немало способствовал развитию воздухоплавания в России и сам был недурным пилотом-любителем, а в 1917 году прошел курс обучения в школе военного воздухоплавания в Торонто.

А в Вологде в это время находились два авиаотряда и неизвестное количество аэропланов в заводской упаковке, вывезенные из Архангельска, их собирали в Ковырино. «Вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Николая), находясь чуть позже описанных событий на борту британского линкора у берегов Мальты, наградила орденом Св. Владимира майора королевских ВВС летчика Уильяма Пир-Гровса, только что выполнившего секретное задание, которое завершилось на Юге России». Около 100 аэропланов было тогда у англичан на и русском Севере.

5 (18) января 1919 года — приказ генерала Деникина: «Награждается «Орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом Английской службы лейтенант резерва Рейли, Сидней». Этот орден и поныне находится в архиве Ми-6.

22 января Рейли узнает, что глава английской разведки представил его и Хилла к Военному кресту за «особые заслуги, оказанные ими во время боевых действий в военное время».

Существует еще одно свидетельство — дневник британского разведчика Ричарда Майнерцхагена, основателя Ми-6, нынешней военной разведки Англии. В дневнике говорится об участии его автора в вывозе из Екатеринбурга на военном аэроплане, по крайней мере, одной из великих княжон.

Перемещение с переодеванием

Отчет высшего британского офицера сэра Чарльза Элиота, прибывшего в Екатеринбург с «ознакомительной миссией, касающейся императорского семейства», министру иностранных дел Великобритании Артуру Балфуту: «Екатеринбург, Россия, 5 октября 1918 года. Здесь было абсолютно пусто... На стене напротив двери и на полу были отметины от семнадцати пуль или, если быть более точным, следы, показывающие, где куски стены и пола были отколоты, чтобы скрыть отверстия от пуль. Должностным лицам, занятым в следствии, пришло в голову забрать их для экспертизы в другое место. Они заявили, что были найдены пули от револьвера «браунинг» и что некоторые из них были запятнаны кровью. Никаких других следов крови не было видно. Расположение пуль указывало, что жертвы были расстреляны на коленях и что другие выстрелы были выпущены в них, когда они упали на пол. Г.Гибс думал, что по религиозным причинам царь и доктор Боткин встали на колени при приближении смерти. Нет никаких реальных свидетельств относительно того, сколько жертв было и кто они, но предположительно их было пять, а именно: царь, доктор Боткин, горничная императрицы и два лакея. Никаких трупов не было обнаружено, никаких следов их уничтожения путем сожжения или иным образом, но было установлено, что палец с кольцом, найденный в колодце, похоже, принадлежал доктору Боткину. 17 июля поезд с опущенными шторами покинул Екатеринбург в неизвестном направлении, и есть вероятность, что в нем находились спасшиеся члены императорской семьи. Из вышеописанного отчета можно увидеть, что заявление большевиков — единственное свидетельство смерти царя, и нетрудно изобретательным и оптимистично настроенным умам выдумать рассказы о вероятном побеге Его Императорского Величества. В самом деле, можно допустить, что императрица и ее дети, как предполагалось, все еще живы, поскольку они бесследно исчезли, и нет ничего безрассудного в таком же предположении относительно царя. Следы в комнате доказывают, самое большее, что здесь

были застрелены какие-то неизвестные люди, что можно было бы даже объяснить как результат пьяной ссоры. Но я боюсь, что другой ход ближе к правде... Есть некоторые свидетельства, что они (большевики) были очень встревожены самолетом, летающим над садом дома, и я боюсь, что в припадке злобы и паники они, вполне вероятно, избавились от Его Императорского Величества. Это — общее мнение в Екатеринбурге, что императрица, ее сын и четыре дочери не были убиты, но были посланы 17 июля на север или запад. История, что они были сожжены в доме, кажется преувеличением факта, что в лесу за городом была найдена куча пепла, очевидно, результат сожжения значительного количества одежды. На дне пепла был алмаз, и поскольку одна из великих княжон, как считают, зашила алмаз в подкладку плаща, предполагается, что здесь была сожжена одежда императорской семьи. Также в доме были найдены волосы, идентифицированные как принадлежащие одной из великих княжон. Поэтому кажется вероятным, что императорское семейство было переодето перед их перемещением. В Екатеринбурге я не слышал даже слухов относительно их судьбы. Но последующие истории об убийстве различных великих герцогов и герцогинь не могут не вызывать опасений. Имею честь оставаться с высочайшим уважением, сэр. Ваш самый преданный и покорный слуга, К. Элиот».

Записанные членом суда Сергеевым показания железнодорожного кондуктора Самойлова: «Перед Пасхой этого года я поселился на квартире у Александра Семеновича Варакушева, по 2-ой Восточной улице, в доме №85. В мае с.г. Варакушев определился на службу в отряд по охране б. государя и его семьи, заключенных в Ипатьевском доме. Числа 18-19 с.г., после того как комиссар Голощекин объявил на митинге, что б. царь Николай Романов расстрелян, я спросил Варакушева: «Что, Александр Семенович, на похороны ходил?» — «Как на похороны?» — спросил в свою очередь Варакушев. Я объяснил ему о сообщении Голощекина насчет убийства б. императора. Варакушев на это сказал мне: «Плюнь на все это, сука Голощеков все набрехал». При этом Варакушев объяснил, что он сам лично видел, как привезли б. царя и царицу на автомобиле красного креста на ст. Екатеринбург-I. По словам Варакушева, царь и царица были закованы в кандалы. Когда именно их привезли на вокзал, т.е. днем или ночью, об этом как-то мы с Варакушевым не говорили, помню, что из слов Варакушева было ясно, что перевезли б. императорскую чету на станцию уже после того, как было объявлено о расстреле б. государя. О событии увоза царя и царицы на вокзал Варакушев говорил столь уверенно, что предлагал даже мне в тот же день сходить на вокзал и собственными глазами убедиться в том, что б. царь и царица находятся в вагоне».

Самойлов и Варакушев пошли на вокзал, где в составе пассажирского поезда стоял вагон с завешенными черной материей окнами (возможно, закрашенные черной краской).

«На этот вагон и указал мне Варакушев, указав, что в нем находятся царь и царица. Означенный поезд также охранялся вооруженными людьми. Я не могу сказать, чтобы охрана этого поезда была многочисленнее, чем охрана других поездов: все пути были заполнены вооруженными людьми».

Дом Волкова

И не в качестве доказательства, а лишь в качестве иллюстрации, воспоминания бывшей жительницы Вологды, ныне покойной Сары С., которой 19 июля 1918 года исполнилось 7 лет. В этот день «дядя Георгий» взял ее на загородную прогулку в автомобиле недалеко от Вологды (где-то около Осаново). Там ей запомнились коротко остриженные молодые женщины, одну из которых маленькая Сара тут же спросила на идиш: «Ду бист аидышке?» — «Ты еврейка?» Сара приняла их за евреек именно из-за того, что исповедующие ортодоксальный иудаизм еврейки коротко стригут волосы и носят парики. Старшая из женщин поняла Сару, засмеялась и что-то сказала молодым, после чего рассмеялись и они. А поняли маленькую Сару оттого, что идиш сложился на основе верхненемецких говоров. А между тем, в Ипатьевский дом накануне исчезновения Романовых приглашался парикмахер, и в доме было найдено множество отрезанных волос.

По описанию Софьи Давидовны (так по паспорту) и по дореволюционной фотографии, я опознал ныне несуществующий загородный дом Николая Александровича

Волкова, вологодского городского головы в 1893-1905 и в 1911-1916 годах. Рейли был знаком с Волковым по крайней мере с 1911 года, когда организовывал первые в Вологде показательные полеты аэроплана. А сам Волков был знаком с Николаем Александровичем Романовым с 1896 года, когда от имени вологжан подносил хлеб-соль на коронации. Владелец нескольких домов в Вологде, купец и меценат, владелец фермы «Осаново», водивший дружбу с царскими министрами, он в 1919-1920 годах работал в Вологодском губернском совете помощником заведующего бюро по сбору отбросов. Кажущаяся скромной должность при большевиках была неслыханной милостью по тем временам, тем более что занимался сбором вторсырья, среди прочего, и до революции. На углу Козленской и Желвунцовской улиц, в собственном доме, у него был приемный пункт вторсырья, где скупались резина, тряпье и кости.

Я побывал на месте усадьбы в Осановской роще. От особняка и расположенной неподалеку прелестной небольшой церкви в стиле ампир остались только заросшие травой бугры и ямы. Немного осталось и от плодового сада, он почти полностью погиб в суровую зиму 1978-1979 года. Уцелели только несколько яблонь, да по периметру стоит около 400 канадских тополей возрастом примерно 140 лет, безмолвные свидетели тех давних событий. Прогуливаясь по тропинкам заброшенного парка, некогда принадлежавшего Волкову, отчего-то вспомнил, что фамилия камердинера, много лет служившего Романовым, тоже Волков. Он был привезен в Екатеринбург вместе с Романовыми и помещен в тюрьму. Ему удалось бежать. Совпадение?

Ленинская родня

Тогда же вместе с великими княжнами, из Екатеринбурга в Вологду был вывезен и двоюродный брат Ленина, Александр Ардашев. У Александра Дмитриевича Бланка было 5 дочерей. Мария Александровна — мать Ленина. Любовь Александровна, вышедшая замуж за дворянина Ардашева, ведущего родословную с XVII века, была матерью 9 детей, среди них — Владимир и Александр. Владимир Ардашев и Владимир Ульянов с детства поддерживали хорошие отношения, проводили вместе летние каникулы. Позже Ардашевы навещали Ульяновых в эмиграции. У Владимира в Екатеринбурге совместно со старшим братом Александром была нотариальная контора, но жил он достаточно далеко от Екатеринбурга, в Верхотурье. В январе 1918 года известного в Верхотурье нотариуса и сторонника партии кадетов Владимира Ардашева арестовали как заместителя председателя стачечного комитета и отправили для проведения следствия в Екатеринбург, где допрашивал его... Юровский! При конвоировании из следственного изолятора в тюрьму Владимир Ардашев был застрелен при попытке к бегству. Вряд ли Владимира Ульянова обрадовало известие о том, что на заплеванную мостовую в Екатеринбурге упал, застреленный, его двоюродный брат Владимир. Достоверных сведений о его реакции на это событие нет, но вскоре после 1 июня был арестован и расстрелян Юрий (Георгий), сын другого его двоюродного брата, Александра, человека в Екатеринбурге известного. Вскоре был арестован и сам Александр Александрович и вся его семья.

У Владимира Ульянова было 33 двоюродных брата и сестры. Возможно, о существовании некоторых из них он даже не подозревал, но с Владимиром и Александром Ардашевыми он был близко знаком. Неизвестно, кто сообщил Ленину об аресте Ардашевых, но на арест своего двоюродного брата, с которым он встречался совсем недавно, в январе месяце, Ленин немедленно отреагировал, и 2 июля 1918 года на имя предисполкома Совета Уральской области Сафарова полетела телеграмма, и Ардашевых немедленно освободили. Вот этого Александра Ардашева, шахматного учителя и партнера Володи Ульянова, перед вступлением в город белых вывезли в Вологду. В Вологде он короткое время жил в гостинице, а затем поселился невдалеке от Пятницкой церкви, в доме с нынешним адресом Мальцева 8. И в этот же дом в июле 1918 года из рядом расположенного Британского консульства приходил Сидней Рейли и, возможно, какое-то время здесь жил. После возвращения большевиков в Екатеринбург Александр вернулся за семьей и уехал в Москву, где работал в аппарате Совнаркома. По достижении пенсионного возраста получил персональную пенсию как родственник Ленина. По этой же причине персональные пенсии получали его дочь Ксения и внучка Янина.

Многочисленные потомки Александра Дмитриевича Бланка разъехались по России и по всему миру, одного даже занесло в Австралию, а его праправнучка ныне живет в Вологде и преподает в школе. Возможно, не случайно и то, что другой родственник Ленина, в миру Михаил Жаков, в 80-е годы ассистент кафедры гинекологии ивановского мединститута, после конфликта с Советами и отсидки стал настоятелем монастыря в одной из северных областей. Но вернемся в июль 1918 года, когда в Вологду (по излагаемой версии) были доставлены великие княжны Мария, Татьяна, Ольга и, возможно, бывшая царица Александра Федоровна. Убедительных свидетельств тому, что вместе с ними вывезли Николая, Алексея и Анастасию, у меня не имеется. Возможно, согласно одной из версий, Николай и Алексей действительно остались в заложниках у большевиков и содержались на бывшей даче купца Коншина под Серпуховым (в сводках НКВД объект №17).

Пропуск на выезд

19 июля, в день, когда вблизи Мурманска был замечен аэроплан, взявший курс на Вологду, опубликован декрет о конфискации личного имущества Романовых. Этот же день, 19 июля, называет и княгиня де Дураццо (предположительно великая княжна Мария) в своем посмертном письме от 10 февраля 1970 года.

20 июля Вологодский губисполком «удостоверяет, что с его стороны против въезда в г.Москву через Петроград великобританского подданного Сидиля (так!) Рейли препятствий не встречается».

21 июля 1918 года Рейли «был награжден Вологодским исполнительным комитетом большевиков бесплатным билетом в Москву через Петроград с пометкой «не беспокоить» (цитирую по книге МакНилл «Секретный план спасения царской семьи»). В этот же день содержащиеся в вологодской тюрьме великие князья переведены в Петроград по приказу Урицкого. (Урицкого застрелят в один день с «покушением» на Ленина, 30 августа.) И в этот же день в Екатеринбурге инженера Ипатьева вызвали в Совет и официально вернули ключи от дома.

Пытаясь найти в Вологодском архиве документы, подтверждающие награждение Рейли Вологодским исполкомом, я натолкнулся на два любопытных документа: поданное 15 июня обращение Английского консульства в Вологодский губернский исполком с просьбой дать пропуск на выезд 18 граждан Великобритании и выданный 15 июля пропуск со списком тех, кому разрешается выезд через Мурман: Эмме Стевенсон, Джону Стевенсон, Флоренсу Валлэн, Кларе Костер, Коелине ХЛ, Марии Мосс, Томасу Линтон, Чарльсу Валлэн, Джемсу Вильсон, З.Паркер, Роберту Паркер, Эльсе Фаррел, Шарлоте Парсон, Роберту Рогардс, Франку Делакур, Евдокии Ричардс, Л.Гендерсон, Джону Гендерсон. Сам список почти ничего не значил, было только ощущение его инородности в тоненькой папке пропусков за 1918 год. Кстати, другого пропуска, выданного Вологодским губисполкомом на имя Сиднея Рейли, я в этой папочке не нашел. Я нашел его в совсем другом месте... Правильно — у Быкова, в музее дипломатического корпуса.

Вологда, крупный железнодорожный узел и речной порт, тогда просто бурлила всяким посторонним людом. Нуланс, глава французской миссии, располагавшейся в Вологде, в вагоне на 5-й платформе вокзала, позже вспоминал, что тогда здесь «тысячи человек всех национальностей России, состоявших в подданстве всех правительств: австрийских и германских пленных, монголов, татар, черкесов, сибиряков, китайцев, японцев, цыган, которые в невероятном смешении толпились на перроне, бродили по путям или громоздились на вагонах».

Английский журналист Прайс: «Провинциальный город был центром, в котором сходились железнодорожные линии, идущие на юг и восток»; «поезда были наполнены беженцами из оккупированных немцами районов, демобилизованными подразделениями старой армии, странствующими отрядами красногвардейцев, голодными рабочими, безземельными крестьянами, ищущими новую землю на востоке».

Его коллега Рэнсом: «Подобно серо-коричневым пчелам в открытом улье, каждая станция кишела солдатами из крестьян, демобилизовавшими сами себя, роящимися на платформах и верхних строениях пути, набивающимися в вагоны для скота, вряд ли интересующимися вопросом о пункте назначения поезда».

И в этом столпотворении людей, едущих, когда и куда им вздумается, заблаговременно заказываются пропуска? Ну, во всяком случае, надо проверить, а были ли в это время в Вологде реальные люди с такими, мягко говоря, не слишком распространенными в наших местах фамилиями? Я удержался от того, чтобы самому сфотографировать эти документы, и написал заявку на копирование документов 11 и 36 из выданной мне папки, на всякий случай переписав этот список в блокнот, а дальше началось самое интересное: в снятии копии с этих документов мне попросту отказали. Почему? Именно с таким вопросом я отправился к директору Вологодского областного архива, и милейшая женщина мне снисходительно ответила, как дитю малому и неразумному, что это — «заповедные годы», и публиковать фамилии нельзя, так как это будет вторжением в частную жизнь. Ладно, сказал я, нельзя скопировать документ Вологодского губисполкома, даже если прикрыть эти фамилии, но почему нельзя скопировать запрос Британского консульства? Последовал ответ, от которого я попросту впал в ступор: «А это вне вашей темы».

Нет, ну надо же, я-то, наивный, считал себя свободным художником, вольным стрелком, самостоятельно решающим, что входит в круг моих интересов. Замечу, что в заявке я тему указал достаточно широко: Сидней Рейли в Вологде 1918 года. А впрочем, я не удивлен. Архивное дело в нашей стране с непредсказуемым прошлым издавна политизировано и находится под пристальным вниманием спецслужб. Я послал этот список знакомому в Москву, он как раз работает недалеко от Софийской набережной, где находится английское посольство. Англичане, взглянув на список, сразу же заявили, что никакой информации по этому поводу они дать не могут. Мой знакомый на какое-то время задержался у ворот посольства, разговаривая с кем-то из обслуги, и тут к нему подошел некий молодой человек и попросил показать этот список еще раз. Ничего не подозревая, мой знакомый протянул список и... больше не видел ни списка, ни молодого человека, говорившего по-русски почти без акцента. Англичане хранить секреты любят, хотя делают это, порой, весьма странно. В этом направлении искать, похоже, бесполезно, хотя и ясно, что этому списку по-прежнему придается большое значение и у нас, и у англичан, о чем говорит реакция на него. Добавлю, что пропуск со списком подданных Великобритании я сфотографировал в «быковском» музее. Чего уж нашим архивным дамам понадобилось его так секретить? Меня не оставляет чувство, что пропуск этот приготовлен был на случай вывоза членов царской семьи с приближенными.

Как Александра Федоровна и великие княжны Мария, Татьяна и Ольга были вывезены из Вологды? По этому поводу существует три версии:

1. Вместе с дипломатическим корпусом, который отбыл из Вологды в ночь с 24 на 25 июля. Затеряться в таком количестве иноплеменного народу четырем женщинам, превосходно говорящим по-английски и по-французски, было легче легкого, тем более что было объявлено о расстреле царской семьи.

2. На госпитальном судне, следовавшем на север, в качестве сестер милосердия. Этот вариант тоже был легко осуществим, Александра Федоровна и ее дочери были не понаслышными медсестрами, они прошли курс обучения и значительное время работали в лазаретах Царского Села.

3. Были вывезены аэропланами.

Возможно, что были использованы два или три варианта одновременно. Хотя существуют свидетельства, что некоторые из Романовых были в Вологде, по крайней мере, до 6 октября 1918 года. Как дальше сложилась их судьба?

Правдоподобные княжны

Опуская многочисленные истории всяческих лже-Анастасий и прочих явных самозванок, приведу лишь самые правдоподобные. Наиболее известна из них Анна Андерсон (некоторые называли ее Анастасией), которую в феврале 1920 года выловили из берлинского канала при попытке самоубийства. Она долгое время находилась в состоянии амнезии, пока ей случайно не попал в руки иллюстрированный журнал с фотографиями семейства Романовых, после чего с ней случилась истерика. И тут кто-то заметил, что безымянная пациентка очень похожа на одну из девушек с фотографии царской семьи. Поначалу ее признали своей племянницей две родные тетки,

сестры Николая Александровича, Ольга и Ксения, хотя племянница не говорила по-русски. Такое заболевание, когда человек забывает все языки, кроме того, который учил последним, медицине известно: афазия. Узнал свою ученицу и учитель французского языка Пьер Жильяр. Сын и дочь профессора Боткина тоже узнали свою близкую подругу, с которой часто играли. А дальше началось непонятное. Ольга и Ксения отреклись от своих заявлений, отказался и Жильяр, хотя девушка вспоминала множество эпизодов жизни царской семьи, в том числе интимных, которые могли знать только близкие люди. И только Глеб и Мария Боткины продолжали утверждать: это Анастасия Романова. Они даже обратились в суд, чтобы восстановить законное имя своей подруги. Суд длился десятилетиями, с большими перерывами. Почерк Анны Андерсон был похож на почерк Анастасии, на ее теле был след от сведенной родинки на том самом месте, где у царской дочери тоже сводили родинку. Провели идентификацию по строению ушной раковины. По германским законам для признания идентификации по строению ушной раковины достаточно совпадения по 12 параметрам, у Анны совпало 17 параметров. И тем не менее, суд окончился ничем. Ни подтвердил, ни опровергнул. Кажется, мне удалось докопаться, почему от Анастасии вдруг отреклись родственники: бедная девочка перестаралась с воспоминаниями. Она вспомнила, что видела осенью 1916 года в Петергофе своего дядю, эрцгерцога Эрнста Гессенского, родного брата императрицы Александры Федоровны. Этого заявления родственники перенести не могли: «дядя Эрни» был германским генералом, одним из высших чинов кайзеровской армии. Разумеется, признать факт пребывания в России в 1916 году генерала страны, воевавшей в то время с Россией, Романовы не могли. Отрицал этот факт и Эрнст Гессенский. Но в 1984 году Николас Прансус, историк германского королевского дома, обнаружил в Центральном государственном архиве октябрьской революции дневник Марии Федоровны, матери Николая II. В записи за 15 и 16 ноября 1916 года на чистом датском языке говорилось о приезде в Россию «гранд дюка Эрнста» и что за этим визитом стоит Аликс (Александра Федоровна.

В книге Серго Берия «Мой отец — Лаврентий Берия» есть такой эпизод. Через несколько лет после войны в Большом театре мать показала автору величавую седую женщину в темной одежде с очень выразительным лицом. Шла опера «Иван Сусанин» («Жизнь за царя».) Почти все время действия спектакля женщина проплакала.

- Знаешь, кто эта женщина? Дочь Николая II, великая княгиня (княжна — прим. автора) Анастасия.

Во время войны наш офицер был ранен на территории Польши, его подобрали монахини православного монастыря и выходили. С настоятельницей монастыря у него сложились доверительные отношения, и она призналась ему, что она дочь Николая Романова Анастасия. Офицер обратился к Лаврентию Берия, тот доложил Сталину. Недоверчивый Сталин отреагировал предсказуемо: «Может, самозванка? Проверьте». Той женщине было предложено приехать в СССР, и она две недели инкогнито жила в выделенном для нее московском особняке, посещала музеи и театры, съездила в Ленинград. «Деталей проверки и тому подобное я не знаю, — пишет Серго Берия, — но слышал от отца, что ей было предложено полное государственное обеспечение. Анастасия Николаевна поблагодарила за предложение остаться в СССР, но отказалась. Сказала, что дала обет господу и должна возвратиться в монастырь. Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать. Знаю только, что она возвратилась тогда же в Польшу. Больше никогда о дочери Николая II мне слышать не приходилось». Перед отъездом в Польшу она вроде бы высказала пожелание похоронить ее негласно в царской усыпальнице в Ленинграде.

В деревне Маркотте на севере Италии в 1976 году была похоронена монахиня, сестра Паскалина, занимавшая видное место при папе Пие XII (1939-1958). Перед своей смертью она призвала нотариуса с двумя свидетелями и в их присутствии сделала заявление, что она великая княжна Ольга, дочь Николая Романова. На могильной плите по-немецки написано: «Ольга Николаевна, старшая дочь русского царя Николая Романова. 1895 — 1976». Жители деревни Маркотте помнят Ольгу Николаевну, знали, кто она была, и были уверены, что русская великая княжна находится под защитой Ватикана.

Пермская мистификация

В 1982 году князь Алексис де Дураццо, принц Анжуйский, предал гласности письмо своей бабушки, составленное 10 февраля 1970 года, которое она завещала вскрыть через 10 лет после своей смерти. В этом письме она называла себя Марией, дочерью Николая Александровича Романова. Вот что там было написано (перевод по книге Марка Ферро «Николай II»): «Утром 6 октября 1918 года в городе Пермь, где мы находились с 19 июля, нас, мою мать и моих трех сестер, разделили и посадили в поезд. Я приехала в Москву 18 октября, где Чичерин, кузен графа Чапского, доверил меня украинскому представителю для отправки в Киев». Да, дорогой читатель, я и сам вижу, что черным по белому написано — Пермь. Но это никоим образом не опровергает мою версию, это всего лишь свидетельствует, что вывозом членов бывшей царской семьи занимались очень серьезные люди.

Если представить, что, запутывая следы, осановским затворницам сказали, что они в Перми, то что они увидели, проезжая по городу и проживая в ближнем пригороде? Провинциальный северный город на реке, железнодорожный узел, видны купола церквей, с севера слышны паровозные свистки и шум проходящих поездов. Спустя много лет на карте Перми они даже могли найти место своего проживания в южном пригороде: населенный пункт Осенцы. А если еще учесть, что в бывшем доме Волкова в Осаново в 20-е годы нашли много пермских газет, в основном за 16-й, 17-й и 18-й годы, то остается только восхищаться организационными способностями «дяди Георгия», направившего поиски по ложному следу. Если, предположим, кто-то и проболтается о том, что кое-кто из Романовых на самом деле уцелел, то искать следы будут в Перми. Думаю, так оно и было.

После взятия белыми Перми появилась целая лавина свидетельств и показаний «очевидцев», уверявших, что видели в городе одну или несколько женщин из императорской семьи, которых большевики держали под арестом. Вот только большинство «очевидцев» никогда ранее не видели никого из Романовых, а зачастую даже не могли опознать их по фотографиям, предъявленным сотрудниками военно-следственного отдела...

Марк Ферро излагает содержание письма бабушки принца Анжуйского: «Белобородов сообщает ей через несколько дней, что они отправляются в Москву, и она должна готовиться к отъезду. Они будут отправлены небольшими группами: «Подготовьтесь, но без багажа, лишь маленький чемодан или узелок». 6 октября их отвели на вокзал в Перми. Большевики согласились удовлетворить желание императрицы оставить при себе Татьяну. Ольга посмотрела на Марию и сказала ей по-английски: «Какое это имеет теперь значение? Хуже того, что было, уже не будет. На все есть воля господня». Она села в один состав, Мария — в другой.

Мария рассказывала, что в пути какой-то грубый мужик приказал ей снять серьги, она не сумела этого сделать, он сорвал их силой, и остался шрам. Мария прибыла в Москву 18 октября, и ее поселили в бывшей резиденции Локкарта. Там ее встретила жена Луначарского. Вскоре появился Чичерин, он был обходителен, поцеловал ей руку и сказал, что «иностранные посольства позаботятся о ее отъезде, так же как и об отъезде ее семьи». Она будет отправлена в Киев. «Мы, большевики, свергли тиранию вашей семьи, но мы умеем уважать человеческую жизнь». Он добавил, что ее «передадут украинскому правительству, конечно, марионеточному, но в Киеве находятся представительства вашей немецкой семьи, и вам надо туда поехать». Через какое-то время гетман Павел Петрович Скоропадский прислал специальный поезд, в который посадили Марию с паспортом на имя графини Чапской (от фамилии Чапский, такая фамилия была у кузена Чичерина, польского графа).

Так Мария оказалась в Испании. Историк Карлос Секо Ферране обнаружил в испанских архивах следующий документ: «6 сентября 1918 года. Телеграмма №858 от Фернандо Гомеса Контрераса. Народный комиссар принял нас на час позже назначенного времени в запущенном помещении министерства иностранных дел в сопровождении еще одного еврея, который является его заместителем (исследователи идентифицируют его с армянином Караханом, но мне же вспоминается «сотрудник Народного комиссариата иностранных дел Сидней Реллинский» — прим. автора). Я объяснил ему гуманное желание нашего государя, сказав, что речь не идет о вмеша-

тельстве во внутренние дела России и что императорская семья будет оставаться в пределах Испании и будет держаться в стороне от всякой политики. После мучительной дискуссии и больших усилий я добился, что наша просьба будет представлена на рассмотрение ближайшего заседания Центрального исполнительного комитета».

В это же время папа Бенедикт XV (в миру маркиз Джакомо делла Кьеза) гарантировал оплату расходов по перемещению семьи Романовых из России в Испанию. Ну, коль дело дошло до оплаты расходов... Так может, появившиеся в газетах того времени сообщения о том, что в сентябре 1918 года ожидается прибытие в Испанию царицы и великих княжон на яхте под флагом Ватикана, основаны на реальных фактах?

Многоходовый размен

И еще одну на одну странность нужно обратить сугубое внимание. В ночь с 31 августа на 1 сентября произведены аресты представителей британской и французской миссий. На Лубянку доставлены французский генеральный консул Гренар, генерал Лаверн и сам глава британской миссии Брюс Локкарт. Арестованы сотни граждан Англии и Франции с дипломатическими паспортами. И что? И ничего. Интернировали Максима Литвинова и послали телеграмму, пригрозив, что если с английскими подданными что случится, то лично Ленину и Троцкому грозят неприятности. Для иллюстрации: капитан Эдуард Вакье из французской службы разведки был арестован в Петрограде в ночь с 1 на 2 сентября. 23 ноября большевистский следователь Делафар заявляет французу, что Чрезвычайная Комиссия не имеет против него никаких обвинений. Но он сидит еще почти 2 месяца, до 16 января 1919 года! Молчат французские власти, молчат англичане...

А в это время, 11 сентября 1918 года, Рейли в спальном вагоне (обожал он комфорт) выезжает из Москвы в Петербург, а оттуда беспрепятственно, 20 сентября, в Кронштадт и далее в Ревель (Таллинн). И в это же время в Швейцарию в октябре беспрепятственно выезжает лично товарищ Дзержинский, и в банках Европы появляются многомиллионные вклады на имя Ленина, Троцкого, Ганецкого, Дзержинского...

После этого начинаются переговоры об обмене Литвинова и 50-ти его сотрудников на 200 англичан и французов. В результате всех советских граждан обменяли на 130 иностранцев. Еще 60 иностранцев, «буржуазные мужчины призывного возраста», остались в Петропавловской крепости и на Лубянке. Их выпустили только через год!

И в то же время, 12 октября, при выходе из французской военной миссии в Москве был задержан французский капитан Жак Садуль, лейтенант Жийанс-Лаверн и около 10 рядовых. Капитан Садуль после предъявления специальной карточки был тут же отпущен. Ну, как тут не вспомнить, что один из братьев Якова Свердлова и его сын, усыновленный писателем Горьким (Пешковым), служили в разведке французской армии. Зиновий Пешков приезжал в Москву в 1918 году (про другого брата, компаньона Сиднея Рейли, уже говорилось). Для успокоения французов в 1919 году капитан с чекистскими документами был заочно приговорен к смертной казни, но в 1924 году, после смерти Ленина, он возвращается во Францию и... И ничего. Жил в милой Франции как добропорядочный буржуа, получая немалую пенсию от Французской республики. Вот объясните мне, если это не многоходовый обмен заложниками, то что это?